

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра романской филологии
Факультет романо-германской филологии

СИСТЕМНЫЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ СВОЙСТВА ИСПАНСКИХ АНТРОПОНИМОВ

Издательско-полиграфический центр
Воронежского государственного университета
Воронеж 2010

УДК 811.134.2'373.232.1
ББК 82.2Исп.
С40

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор Г.Ф. Ковалев
(Воронежский госуниверситет);

доктор филологических наук, профессор С.В. Моташкова
(Воронежский госпедуниверситет)

Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов /
Ю.А. Рылов, В.В. Корнева, Н.В. Шеминова, К.В. Лопатина, Е.В. Варнавская
/ под. ред. проф. Ю.А. Рылова. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010. — 390 с.

Предлагаемая монография — первое в лингвистике комплексное исследование испанской антропонимии. Показано, что испанская антропонимическая система уникальна и по-разному функционирует в различных типах дискурса: художественном, медийном и научном.

Для студентов, аспирантов, преподавателей испанского языка и широкого круга лиц, интересующихся проблемами антропонимики.

УДК 811.134.2'373.232.1
ББК 82.2Исп.
С40

© Воронежский государственный университет, 2010
© Оформление. Издательско-полиграфический центр
Воронежского университета, 2010

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Предлагаемая вниманию читателя монография «Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов» представляет собой уникальный труд, не имеющий аналогов в отечественной романистике.

Научная новизна данного исследования определяется несколькими факторами.

Во-первых, концептуальным характером работы, в которой впервые предпринята попытка системного описания испанских антропонимов, их осмысления как особого класса слов, обладающего специфическими категориальными, типологическими, функциональными и лингвокультурологическими признаками.

Во-вторых, обращением авторов к антропоцентрической парадигме научного знания, что позволило выделить ряд новых проблем, имеющих принципиальное значение для теории антропонимии, и наметить пути их решения. К таким проблемам можно отнести семиотический потенциал испанских имен собственных, особенности номинативных и дискурсивных стратегий их употребления, природу их текстообразующих свойств, специфику процессов деривации в системе антропонимов, роль авторского антропонимикона в реализации художественно-эстетических задач текста.

В-третьих, вовлечением в сферу исследования обширных и разнообразных эмпирических материалов — словарей и текстов различной жанрово-стилистической направленности — художественных, научных, общественно-политических. Подобный подход позволил проследить особенности функционирования антропонимов в системе языка и в различных дискурсивных условиях, верифицировать важнейшие теоретические постулаты. Кроме того, он позволил обеспечить высокую степень достоверности полученных в процессе исследования результатов.

Представленный в работе комплексный анализ изучения испанских имен собственных формирует системное представление о теории антропонимии как особом разделе ономастики. Он позволяет внести существенные уточнения в понятийный аппарат науки, а также дать исчерпывающие характеристики испанских антропонимов в диахронической и синхронической перспективе, в единстве их парадигматических, синтагматических и прагматических свойств. И, наконец, предложенное авторами многоаспектное рассмотрение испанского имени собственного позволяет наметить пути дальнейшего исследования ряда интересных проблем литературной ономастики, вопросов вторичной номинации антропонимов, их «игрового» имиджа и др.

Монография выполнена коллективом сотрудников кафедры романской филологии Воронежского государственного университета: доктором филологических наук, профессором В.В. Корневой, кандидатом

филологических наук, доцентом Н.В. Шеминовой, кандидатом филологических наук, преподавателем К.В. Лопатиной и преподавателем Воронежской медицинской академии Е.В. Варнавской. Все они являются учениками Юрия Алексеевича Рылова — доктора филологических наук, профессора, известного в нашей стране и за рубежом специалиста в области романского языкознания, академика Североамериканской академии наук.

В течение нескольких десятилетий Ю.А. Рылов активно и плодотворно разрабатывает идеи, связанные с фундаментальной проблематикой испанской антропонимии. Его труды прочно вошли в золотой фонд отечественной романистики. Они доказывают, что их автор является создателем комплексной теории имен собственных в испанском языке, а на кафедре романской филологии ВГУ, которую он возглавляет в течение многих лет, сформирована научная школа испанской антропонимии.

В русле исследовательских задач данной научной школы осуществлялась подготовка и книги «Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов». Монография написана под руководством профессора Ю.А. Рылова и выходит в свет к его 65-летнему юбилею.

Нет сомнения в том, что предлагаемая читателю работа привлечет к себе внимание специалистов, занимающихся исследованием проблем частной и общей антропонимики и ономастики.

Доктор филологических наук,
декан факультета
романо-германской
филологии ВГУ

Н.А. Фененко

ГЛАВА 1. СИСТЕМНЫЕ СВОЙСТВА ИСПАНСКИХ АНТРОПОНИМОВ (Ю.А. Рылов)

§ 1. АНТРОПОНИМЫ КАК ОСОБЫЙ КЛАСС СЛОВ: ПАРАДОКСЫ АНТРОПОНИМИИ

Антропонимы — это различные именованья человека: имена, фамилии, отчества, прозвища, псевдонимы, ники. Их изучает *антропонимика* — особый раздел *ономастики*, дисциплины, исследующей имена собственные в целом: географические названия, клички животных, имена небесных светил, названия периодических изданий, торговых заведений, торговых марок и т.п. В свою очередь ономастика является частью *лексикологии* — науки, изучающей словарный состав, *лексику* языка [376, с. 259].

Антропонимы занимают в системе лексики особое место. В первую очередь потому, что все антропонимы (как, впрочем, и все другие слова) — продукт деятельности человека, а имя — необходимый его атрибут. В последние десятилетия наблюдается повышенный интерес к проблемам антропонимии, что связано с антропоцентрической парадигмой современного языкознания, предполагающей анализ языковых явлений — в данном случае именованья человека — с целью познания его носителя. Антропонимика — наука лингвистическая и в то же время как никакой другой раздел языкознания носит интердисциплинарный характер, поскольку обращается к фактам не только языкознания, но и антропологии, этнографии, истории, психологии, социологии, теории коммуникации, теологии, юриспруденции, культурологии, литературоведения. Имена собственные, в частности антропонимы, привлекают внимание логиков и философов, а также представителей других гуманитарных наук уже более двух тысяч лет, начиная с платоновского диалога *Кратил*. Интердисциплинарность антропонимики обусловлена свойствами ее объекта — именованьями человека, их онтологией, особым статусом в лексической системе языка, разнообразием функций, исторической изменчивостью.

Впрочем, не все ученые считают антропонимику лингвистической наукой. В связи с интердисциплинарным характером антропонимики в романистике сложились три трактовки антропонимики и ономастики в целом как отраслей знания: как самостоятельных интердисциплинарных наук [33, р. 869], как вспомогательных наук [59, р. 706] и как раздела языкознания, точнее, лексикологии. Последняя точка зрения является наиболее распространенной, и ее разделяет большинство отечественных и зарубежных ученых. И прежде всего потому, что антропонимы — это слова, принадлежащие к категориальному разряду существительных, и они

интересуют лингвистов именно как слова во всем многообразии их проявлений. Такой подход к антропонимике прослеживается и в материалах конференции, проведенной в 2005 г. Екатеринбурге — Ономастика в кругу гуманитарных наук [424]. При этом антропонимами интересуются различные направления языкознания: антропологическая лингвистика [28 р. 103—124], психолингвистика [24; 458], социолингвистика [102; 511], теория межкультурной коммуникации [453], переводоведение [516; 321; 332].

М.Х. Фернандес Леборанс, признавая антропонимы «категорией, не являющейся исключительно лингвистической», подчеркивает их «маргинальный» статус в языке, поскольку антропонимы не обладают «кодифицированным лексическим содержанием и их значимость устанавливается в связи с экстралингвистическими факторами» [92; 79; 128, р. 6].

На наш взгляд, антропонимы — важнейший компонент лексической системы любого языка. В языковой картине мира они занимают уникальное положение. Имена — одни из первых слов, которые усваивает человек, и последние, которые он утрачивает при афатических расстройствах речи [548, с. 98].

Антропонимический пласт лексики — наиболее подвижный, наиболее активно пополняемый благодаря mass media и меняющийся на протяжении жизни индивида (в зависимости от возраста, окружения и других обстоятельств).

Антропонимы (имена, фамилии, а также отчества — в русском языке) являются важнейшим звеном, связывающим человека с непосредственным окружением и обществом в целом. Человек живет не просто среди людей, но и среди имен, которые образуют вокруг каждого человека определенный континуум, особое национально-культурное пространство, единое для всего языкового коллектива и индивидуальное для любого отдельного его члена.

Антропонимические традиции европейских народов, несмотря на наличие значительного количества сходных черт (заключающееся в наличии *личного имени* и *фамилии*, то есть компонентов, один из которых является сугубо индивидуальным, а другой передается по наследству), отличаются неповторимой самобытностью и оригинальностью, отражающей взгляд народа на мир и на место в нем индивида.

Так, для русских понятие фамилии связано прежде всего с семьей: все члены русской семьи носят, как правило, одну фамилию — фамилию отца. В испанской семье, состоящей из трех человек — отец, мать и сын — у каждого своя фамилия; при этом фамилия ребенка будет составлена из компонентов фамилий обоих родителей — первой фамилии отца и первой фамилии матери (именно в таком порядке).

Антропонимы обладают когнитивной функцией, которая, по мнению М.Х. Фернандес Леборанс, заключается в обозначении, удостоверении и

поддержке индивидуальности (*consiste en nombrar, afirmar y mantener una individualidad*), антропонимы «долговременно хранятся в постоянной памяти, связанные ... напрямую с образом отдельного человека, в то время как имена нарицательные в силу своего кодифицированного лексического значения откладываются в памяти, будучи связанными ... с концептом, и используются применительно к неограниченному количеству предметов» [92, р. 96; 128, р. 18]. На наш взгляд, когнитивный потенциал антропонимов указанной функцией не исчерпывается, о чем пойдет речь в последующих разделах.

На ранних стадиях развития общества имя — неотъемлемый компонент личности, его второе «я», его душа: *Nomen est omen* (имя — судьба), — это изречение Плавта стало крылатым. В древности узнать имя человека значило сделать его безоружным перед силами зла. Именно поэтому у наших предков было принято пользоваться субститутами настоящего имени. Следы этих обычаев обнаруживаются и на более поздних этапах цивилизации. Например, в куртуазном романе Кретьена де Труа «Эрек и Энида» (XII в.) Эрек узнает настоящее имя жены, полученное ею при крещении, лишь в момент женитьбы.

Во многих древних культурах имя считается настоящим духовным центром человека, в котором в символической форме скрывается его сущность [216, р. 21—22]. З. Фрейд обращал внимание на подобное восприятие имени детьми [99, р. 94]. П.А. Флоренский, говоря о детской речи, заметил, что ребенок до трех с половиной лет «не употребляет слово Я, а говорит о себе в третьем лице и называет себя по имени» [518, с. 208]. В этом автор усматривает «наиболее близкое к райскому, наиболее далекое из естественных состояний сознания», в то время как начало использования в детской речи Я символизирует «первый прорыв первородного греха» [Там же].

В последние годы публикуется много словарей и работ, посвященные взаимосвязи между именем, характером и судьбой человека (см., например: [302; 4; 5; 90; 98; 104]). Такие издания пользуются неизменным успехом. Интерес к ним со стороны рядового читателя объясняется стремлением избежать энтропии, упорядочить свои отношения с миром, определить свой жизненный потенциал.

Как уже отмечалось выше, несмотря на внешнее сходство, заключающееся в наличии одинаковых единиц (личного имени и фамилии — компонента, передающегося из поколения в поколение), антропонимическая система каждого языка отличается своеобразием функционирования этих единиц. «Равно как и остальные элементы лексики, имена собственные не могут быть правильно интерпретированы и с пользой изучены вне их системы», — пишет К.А. Мастрелле [157]. Эти вопросы будут детально рассмотрены в последующих разделах. Здесь же ограничимся следующим

примером. Русское имя или фамилия, попадая, например, в стихию испанских имен, не только проходит фонетическую и грамматическую обработку, но и адаптацию функциональную. Предположим, что русская женщина по имени Светлана Ивановна Петрова вышла замуж за испанца фамилии Sánchez García и живет в Испании, ее полное имя будет зарегистрировано следующим образом: Svetlana Petrova de Sánchez. Отчество будет утрачено, в испаноязычной среде не будут использоваться и русские дериваты этого имени; скорее всего окружающие ее будут называть Lana (поскольку имя Светлана — в испанской огласовке Ezbedlana — довольно громоздкое и сложное для испанца) или Lucía (автору известны оба варианта). Фамилия детей от этого брака будет по существующему законодательству Sánchez Petrova. Впрочем, мальчику можно будет присвоить и фамилию Sánchez Petrov — при условии предоставления в Registro Civil письменного заявления и свидетельства о том, что в русском языке фамилии изменяются по родам.

Автору известен курьезный случай взаимодействия различных традиций присвоения фамилий: российская гражданка вышла замуж за гражданина Кубы и при вступлении в брак в соответствии с нашей традицией приняла фамилию мужа (брак регистрировался в СССР) — Varela (это первая фамилия мужа); супруги уехали на Кубу, где у них родился сын, которому — уже в соответствии с кубинским законодательством — была присвоена первая фамилия отца и фамилия матери. В результате получилась фамилия Varela Varela, с которой сын кубинца и русской в настоящее время проживает в России.

Антропонимические системы эволюционируют. Появляются новые типы именованний человека. Так, при общении в Интернете в настоящее время активно используются *ники* (nicknames). Часто это единицы апеллятивного происхождения (Наблюдатель, Пофигист) или прецедентные имена (Дон Жуан, Татьяна Ларина). По функциям они напоминают псевдонимы, но в отличие от последних пользование никами носит массовый характер, и их внешняя форма не всегда напоминает антропоним; иногда это очевидные «шифровки»: Ма87, ИГО140590.

Имена собственные не только образуют свою собственную систему, но и интегрированы в лексическую систему языка в целом, поэтому они по-разному функционируют в разных языковых системах и соответствующих социумах. Так, имена известных людей, писателей, библейских персонажей и литературных героев являются достоянием всего человечества, и в то же время, например, фамилия Пушкин для русского человека имеет иной культурный и языковой «вес», чем для остального человечества, поскольку это не просто великий национальный поэт, имя которого окружает нас с детства в виде названия улиц, площадей, населенных пунктов, музеев, библиотек, но и герой некогда популярных анекдотов, атмосфера которых

прекрасно воспроизведена Д. Хармсом. Фамилия поэта используется в речевых актах отказа: Кто за это будет отвечать? Пушкин? (= Я за это отвечать не буду). Эта фамилия встречается и в речевых актах уличения: А это кто сделал, Пушкин? (=Это сделали Вы). Ср. примеры из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова: «Никанор Иванович до своего сна совершенно не знал поэта Пушкина, но самого его знал прекрасно и ежедневно по нескольку раз произносил фразы вроде: «А за квартиру Пушкин платить будет?» (= Почему Вы не платите за квартиру?) или: «Лампочку на лестнице, стало быть, Пушкин вывинтил?» (= Разве не Вы вывинтили лампочку?)... В «новоязе» новых русских эта фамилия приобрела адвербиальное значение, что-то вроде «отлично», как в следующем диалоге: — Как дела? — Пушкин! (из записи устной речи). Кроме того, эта фамилия способна к прономиллизации. Е.С. Отин пишет: «В разговорно-просторечном субстандарте, массовой городской речи фамилия *Пушкин* нередко используется в качестве коннотативного онима, развившего сопутствующие смысловые оттенки: *неопределенно, неизвестно кто; кто-то, кто-то другой...*»: Как вредить, так они первые, а как отвечать, так *Пушкин* (то есть неизвестно кто — Ю.Р.) (Максимов)? Получается, как по известной присказке — а кто отвечать будет? *Пушкин...* (Литературная газета, 2000, 5 июля) [427, с. 290]. Ср. также: Это *Пушкин* в России всегда виноват... (неизвестно кто) (Н. Аришина. Томилино // Новый мир, 1999, № 9). Кстати, в подобной функции может выступать сочинительный ряд фамилий *Иванов, Петров, Сидоров*: А виноваты у нас, как всегда, *Иванов, Петров, Сидоров* (неизвестно кто) — (из записей устной речи); Ему было все равно, Каменская живет в этом доме или какой-нибудь *Иванов-Петров-Сидоров* (Маринина, Закон трех отрицаний).

Полный русский антропоним *Иван Иванович Иванов* может означать *кто-то из русских*: Ей-богу, это не я писал, это любимый сердцу моему *Иван Иванович Иванов* насочинял (Горький) [427, с. 166].

Вернемся к этническим особенностям восприятия онимов. Испанское женское имя *Carmen* — имя героини известной новеллы П. Мериме и оперы Ж. Бизе в России принято произносить на французский манер — с ударением на последнем слоге, хотя по-испански это имя звучит с ударением на первом слоге. Более того, в сознании испанцев *Carmen* не полное имя, а, как правило, часть полного составного имени *María del Carmen*, где *Carmen* — существительное мужского рода, топоним, обозначающий гору в северной части Палестины, место явления Богородицы (по-русски Кармель, отсюда также название ордена кармелитов), то есть Мария из Кармеля. Если испанку называют *Carmen*, то с большой степенью вероятности можно утверждать, что ее «паспортное» имя — *María del Carmen*. Для представителя русской культуры это имя — вербализация (благодаря опере Ж. Бизе) концепта *испанская женщина*,

который предполагает такие составляющие, как красота, страсть, свободолюбие, своенравие.

Для испанца исходным денотатом этого имени является *Богоматерь Кармельская* — *la Virgen (Nuestra Señora) del Carmen* — покровительница моряков и рыбаков, которая глубоко почитается в портах, а также в Севилье, Алкале де Энарес, Мадриде и многих других городах и селениях. В XX веке вплоть до 70-ых годов — это второе по распространенности женское имя после *María* (с которым оно обычно сочетается). Из наиболее известных носительниц этого имени можно назвать цыганку *Carmen* и супругу диктатора Франко, прозванную за пристрастие к ювелирным украшениям *Carmen Collares* (*collares* «ожерелья») [456, с. 98].

Таким образом, налицо как различное восприятие одного и того же имени в испанской и русской культурах, так и их различный языковой статус.

Своеобразие антропонимов как лексических единиц состоит не только в их онтологии — обозначении и индивидуализации человека-носителя языка, но и во всех остальных характеристиках этих слов: семантических и грамматических (см. ниже). Кстати, индивидуализация человека при помощи имен собственных тоже носит не абсолютный, а относительный характер: «Сфера ее (индивидуализации — Ю.Р.) действия ограничена ближайшим бытийным контекстом (личное имя *Petr* является индивидуализирующей номинацией в рамках семьи, рабочего коллектива или других ячеек общества, но не всего общества, где носителей этого имени может быть любое множество» [502, с. 24].

Имена собственные не только имеют глубокую национально-культурную специфику, но и связаны с восприятием мира и определенным образом отражают его познание. Антропоним, на наш взгляд, как и другие языковые явления, позволяет открыть «доступ к ненаблюдаемому когнитивному миру человека, структурам его сознания» [365, с. 7] (о когнитивной парадигме в языкознании см. также [315, с. 19—20; 267, с. 47—48]), а также прояснить осмысление человеком своего места в социуме. Наконец, совершенно не изучены вопросы, связанные с участием антропонимов в формировании языковой картины мира и с отражением в антропонимических системах меняющейся картины мира в целом.

Каждая эпоха, каждый период истории нации, каждое поколение отмечены своим неповторимым набором онимов, отражающих изменившуюся картину мира. «Чтобы убедиться в этом, — пишет В. Мойя о быстро меняющейся антропонимической ситуации на Канарских островах, — достаточно взглянуть на некролог в газете. Несчастные усопшие носили такие имена, как *Matías, Pascasio, Benigno, Ceferino, Luisa, Petra, Magdalena, Valentina*, а также богословские *Teodoro, Heliodoro*, очень отличающиеся от имен скорбящих родственников, которые молятся за

души усопших: дети зовутся *José Luis, Ángel, Damián, Arturo, Aurora, Teresa, Amalia, Isabel*, а внуки — *Iván, Cristián, Sandro, Joshua, Yeray, Yira, Yaiza, Yurena, Artemi, Guacimara, Doramas*» [172, p. 36]. Имена внуков, как видим, разительно отличаются от имен предыдущих поколений в силу присутствия региональных и заимствованных единиц.

Все сущностные характеристики антропонимов можно описать в русле парадоксов, то есть несоответствий с ожидаемым «поведением», местом и ролью антропонимов как класса слов в жизни и дискурсивной деятельности человека.

Антропонимы — самый загадочный класс слов любого языка. Все аспекты их онтологии и функционирования представляют собой целый ряд особенностей, которые отражают всю сложность и противоречивость его носителя и создателя — человека.

Антропонимы — это слова, но в отличие от апеллятивной лексики, их использование регулируется законодательно и поддерживается другими общественными институтами, например, церковью. Государство создает специальные органы регистрации именованных человека — ЗАГС (Россия), Registro Civil (Испания), Anagrafe (Италия). Русскому ребенку, родившемуся в России, присваивается личное имя, отчество и фамилия (*Денис Иванович Петров, Анастасия Ивановна Петрова*). Из трех элементов только первый выбирается родителями, два других — наследственные по линии отца. При этом отчество у русских сохраняется только в пределах одного поколения, в то время как фамилия передается их поколения в поколение по мужской линии. Русская женщина, как правило, меняет фамилию при замужестве, но сохраняет в течение жизни другой патронимический элемент — отчество.

У испанца может быть одно или два личных имени, регистрируемых официально (при крещении регистрируется любое количество имен), и обязательно две фамилии: первая фамилия отца и первая фамилия матери (которые записываются именно в таком порядке): *José María Aznar López, Ana González Soto*. Существуют определенные регламентации в сфере наречения. В период франкистской диктатуры испанец мог иметь лишь имя, содержащееся в святцах; в настоящее время многие ограничения сняты, но остаются вне закона в качестве именованных человека клички животного (*Bucéfalo*), слова типа *Bombilla* «лампочка», *Toalla* «полотенце» (несмотря на приятное звучание), хотя в качестве имен широко используются фитонимы и зоонимы *Azucena* «лилия», *Rosa* «роза», *Paloma* «голубка», а также существительные с предметным и абстрактным значением, часто во множественном числе: *Pilar* «столб», *Camino* «дорога», *Dolores* «страдания», *Remedios* «утешения». Подобные имена, как и рассмотренное выше имя *Carmen*, являются лишь частью полного имени: *María del Pilar, María de los Dolores, María de los Remedios*. Такие имена принято называть **advocaciones**

marianas. Это сложные именованя, обозначающие, наподобие русских икон, различные проявления Богородицы — о них пойдет речь ниже. Таким образом, в ономастической системе испанского языка имя *María* часто выступает как нулевое имя, так как в составе сложных имен (*advocaciones marianas*), оно обычно опускается в ситуациях повседневного общения (*Dolores* вместо полного имени *María de los Dolores*).

Несмотря на психологическую важность антропонимов, у современного человека они занимают периферию языкового сознания. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что дидактические пособия по иностранным языкам практически не дают представления об антропонимической системе того или иного языка, а лишь вводят наиболее типичные имена и фамилии. В результате нередко неудачи в практике межкультурной коммуникации. Так, в программе одной научной конференции (по проблемам испанистики!) испанец Антонио Наварро Гарсия был представлен как А.Н. Гарсия, то есть первая (и главная!) фамилия Наварро оказалась скрытой под начальной буквой по образцу русского отчества. Подобные примеры нередко встречаются и в библиографических списках научных трудов.

В антропонимах сочетается, казалось бы, несочетаемое: бюрократическая и магическая значимость. В настоящее время, несмотря на то, что именованя человека приобрели колоссальное юридическое и бюрократическое значение [138, р. 361], идеи *namen, omen* продолжают волновать человечество. Так, известный русский религиозный философ XX века П.А. Флоренский считал, что «именем выражается тип личности, онтологическая форма ее, которая определяет далее ее духовное и душевное строение» [518, с. 211], а современный итальянский исследователь В. Тартамелла связывает фамилию с судьбой ее носителя, утверждая, что фамилия значительно влияет на поведение человека и, как следствие, на его статус в обществе. Указанный автор заявляет о создании новой научной дисциплины — психогномии (*psicognomia*), которая призвана заниматься влиянием фамилии на нашу интеллектуальную, профессиональную и общественную жизнь [216, р. 130].

Значительная часть испанского и русского именников совпадает, так как принадлежит христианским народам, но место конкретных имен в названных системах различно, соответственно различен и когнитивный потенциал имен. Например, испанские имена *Marta, Agata, Tecla* социально нейтральны, в то время как этимологически соответствующие им русские имена *Марфа, Агафья, Фекла* традиционно маркируют крестьянское происхождение носительниц имени (хотя в последнее время появляются в среде интеллектуалов и несут прагматическую установку подчеркнуть «русскость», русские корни). Русскому мужскому имени *Дмитрий*, обладающему в настоящее время высоким рейтингом, в испанском языке

соответствует имя *Demetrio*, которое воспринимается как устаревшее и даже комичное. Автору известен случай, когда русский аспирант-испанец представился группе испанцев как *Demetrio*, что было воспринято как шутка.

Испанское имя *José* в течение длительного времени было самым популярным мужским именем (не случайно, что День отца приходится именно на день чествования Святого Хосе); что касается России, соответствующий оним *Иосиф* воспринимается скорее как имя, принятое в еврейской общине, а эволюционный русский вариант этого имени *Осип* — имя довольно редкое в настоящее время.

Еще один парадокс касается количественного соотношения ономастической и аппелятивной лексики: обычный человек знает больше имен собственных, чем нарицательных. Некоторые ученые утверждают, что количество имен собственных в памяти человека на порядок больше, «чем не только имен нарицательных, но и всех остальных слов всех частей речи, вместе взятых» [386]. К сожалению, указанные авторы подробно не излагают методику подобных подсчетов. Но если принять во внимание, что характер именованной вещи и человека в корне различаются: если имя вещи обладает генерализующей функцией (денотатом слова *стол* являются миллиарды предметов, различных по цвету, материалу, количеству ножек и форме столешницы, но обладающих аналогичной функцией), то обозначение человека в высшей степени стремится к индивидуализации денотата. Именно это обстоятельство породило традицию нескольких имен и двух фамилий в Испании (подробнее см. ниже).

Подчеркнем также, что именование одного и того же человека может варьировать в зависимости от ситуации общения и личностей общающихся в весьма значительных пределах: от полного антропонима и его отдельных компонентов до дериватов личного имени (у некоторых имен, например у русского имени Александр их 126, а у имени *Татьяна* — 72 [499]), прозвищ, кличек или ников. Сказанное делает очевидным, что каждый индивид знает, использует и воспринимает — в том числе благодаря СМИ — в течение своей жизни огромное количество антропонимов, значительно превышающее среднестатистический активный словарный запас в 2000 единиц. Добавим к тому же, что антропоним любого языка может стать фактом другого языка.

Парадокс заключается в том, что, несмотря на преобладание в памяти человека имен собственных (за которыми стоят, как правило, конкретные денотаты), процесс коммуникации и познание окружающего мира осуществляется преимущественно при помощи аппелятивной лексики. Более того, как указывалось, антропонимы как класс слов находятся на периферии языкового сознания человека.

§ 2. ПАРАДОКСЫ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Наиболее яркий парадокс заключает в себе проблема семантики антропонимов. Общеизвестны две противоположные точки зрения на семантику антропонимов. Первая восходит к Дж.С. Миллю, отграничившего денотацию от коннотации; именно в основании этого разграничения лежит противопоставление имен собственных и имен нарицательных, то есть имен, не обладающих и обладающих семасиологической функцией [166]. Вторая точка зрения связана с именем О. Есперсена, который признавал имена собственные наиболее коннотативными именами [127, р. 64]. В действительности же обе точки зрения характеризуют один и тот же объект.

С одной стороны, «обладая денотацией, имена собственные не обладают сигнификацией» [512, с. 159]. Антропонимы — «этикетки», лишённые самостоятельного значения, «призванные, вообще говоря, называть, но не значить» [511, с. 337], то есть в антропонимах не содержится характеристика свойств его носителя. Например, имя *Анна* как единица русского ономастикона ничего не говорит ни о физических, ни о духовных качествах человека. С другой стороны, в процессе коммуникации любой антропоним способен наполняться — в отличие от аппелятивной лексики — самой разнообразной семантикой, даже в пределах семейного общения. Например, когда мать говорит: *Анна есть Анна*, все понимают, что словом *Анна* обозначены ее определенные качества (упрямство, доброта, лень, романтичность и т.д.). Аналогично фразу *Не веди себя как Анна* можно понимать по-разному — в зависимости от характера реальной *Анны*: не обманывай, не опаздывай, не ленись, будь аккуратной и т.д. В основе подобных коннотаций лежит аллюзия или сравнение. Если речь идет об имени, фамилии или прозвище человека, известного на уровне нации, то коннотации, связанные с его именем, могут из явления речи перейти в явление языка и соответствующий оним может стать нарицательным, то есть единицей словаря.

Например, имя *Letizia* (так зовут супругу принца Астурийского) стало нарицательным в значении *Золушка, простая девушка ставшая принцессой*: «El 19 de julio de 1976, se celebraba en Estocolmo una de esas bodas reales de verdad ya que el novio, Carlos Gustavo de Suecia, era rey reinante y la novia, una de las primeras letizias europeas, la azafata alemana Silvia Sommerlath» (19 июля 1976 года в Стокгольме состоялась настоящая королевская свадьба, так как женихом был Карл Густав Шведский, действительный король, а невестой — одна из первых европейских *летиций* (*золушек*), немецкая стюардесса Сильвия Зоммерлат) (El Mundo, 22.08.2004). Ср. также фамилию каудильо Франко и прозвище известного футболиста Рафаэля Морено — Pichichi: выражения *cuando Franco era cabo / cuando Franco era*

corneta означают «давным-давно» (*Este baile estaba de moda cuando Franco era cabo*), а *pichichi* — лучший футболист (*Stoichkov no sólo ha sido pichichi en la liga española, sino también en la europea*) [467, с. 75; 140]. В целом имена кумиров, особенно футболистов, легко становятся нарицательными: *Aunque tenemos más pavones que ronaldos y zidanes* (ABC, 30.12.2002) «У нас больше павонов, чем рональдо и зиданов». Рональдо и Зидан — олицетворения игроков экстракласса, в то время как Павон — игрока заурядного.

Как указывалось, характер именования вещи и человека в корне различаются: если имя вещи обладает генерализующей функцией, то обозначение человека в высшей степени стремится к индивидуализации денотата.

Особое отношение антропонима к значению очевидно. Семантику антропонимов (речь идет о собственно антропонимах, а не о нарицательных существительных, образованных от антропонимов) можно определить как *идеосемантику*. Идеосемантика — термин В.И. Абаева — сумма познавательных и эмоциональных представлений, в которых отражается сложная внутренняя жизнь слова в его прошлом и настоящем [237, с. 117].

Идеосемантика антропонимов, по мнению Н.Н. Запольской, включает «основной, этимологический, константный семантический компонент и дополнительный, культурно отчуждаемый, переменный семантический компонент, задающий симпатические и оппозиционные связи имени собственного с другими именами собственными или с не-именами. Зависимость характера идеосемантики от меняющихся во времени и пространстве культурных доминант делает имена собственные ценностным культурным ориентиром и тем самым предметом постоянной, напряженной идеологической и филологической рефлексии» [325, с. 133].

Константный аспект идеосемантики представлен, на наш взгляд, не только этимологией имени, но и «мифологемой», связанной с этим именем. Этимология может быть прозрачной, как у русских имен *Владимир*, *Людмила* или испанских *Rosa*, *Azucena*, либо не ясной наивному пользователю языка (чаще всего это заимствованные имена: *Александр*, *Мария*; *Alejandro*, *María*).

Ономастические мифологемы разнообразны. Во-первых, в христианских ономастиконах каждое имя имеет сакральный смысл, заключающийся в поминовении того или иного библейского персонажа или святого, а вместе с ним и события, связанного с ним. Например, имя *Георгий* (исп. *Jorge*) ассоциируется с фактом победы святого над драконом. В то же время в национальных культурах с именем возникают собственные мифологемы. Так, для испанцев *San Jorge* (*San Jordi*) — святой покровитель Каталонии, а для русских — Москвы. Кроме того, имя этого святого входит в пословицу «*Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*». Имя *Александр* (*Alejandro*) имеет исторические ассоциации: *Alejandro Magno*, *Александр*

Македонский. Кроме того, имена в национальном пространстве могут иметь, так сказать «эталонных» носителей. Так, для русских *Александр* это еще и *Александр Невский* и *Александр Пушкин*, а эталонный носитель имени *Юрий* — князь Долгорукий. Эталонными носителями имен *Евгений* и *Татьяна* являются литературные персонажи *Онегин* и *Ларина*.

Идеосемантику антропонима обычно называют его коннотативным значением, хотя под коннотативную семантику иногда подводят также значения нарицательных деантропонимов, как это делает Е.С. Отин [427].

Между тем идеосемантика, на наш взгляд, как правило, не фиксируется словарями, но может профилировать национальную (в ее пределах также региональную) принадлежность и, как следствие, оппозицию «свой — чужой», социальный статус, пол, возраст носителя антропонима, его принадлежность определенной эпохе, а также включать различные модальные характеристики человека.

Приведем несколько примеров антропонимической идеосемантики.

Личное имя (по крайней мере, в рассматриваемых языках) профилирует половую принадлежность: «Слово “Анна” обозначает женщину («лицо, противоположное по полу мужчине»), носящую имя «Анна». То есть собственное имя служит конкретизации общего понятия по признаку наименования» [532, с. 104]. Хотя отметим, что имеются испанские имена, общие для мужчин и женщин; они не принадлежат к частотным и проявляют тенденцию к использованию в качестве женских имен. Это, например, *Cruz*, *Trinidad*. В рассказе М. Делибеса *La mortaja* описана ситуация, когда ребенок переживал из-за того, что его отца зовут *Trinidad* (Троица):

Hubo un tiempo en que al niño le descorazonaba que sus amigos le dijeran de su padre que tenía nombre de mujer; le humillaba que dijeran eso de su padre, tan fornido y poderoso. Años antes... el Senderines le preguntó si *Trinidad* era, en efecto, nombre de mujer. Su padre había respondido: — Las cosas son según las tomes. *Trinidad* son tres dioses y no diosas, ¿comprendes? De todos modos mis amigos me llaman *Trino* para evitar confusiones. «Одно время мальчик отчаивался, когда друзья говорили, что у его отца женское имя; было унижительно, что так говорили об отце, таком сильном и могучем. Как-то раньше Сендеринес спросил отца, в самом ли деле Тринидад женское имя. Отец ответил: — Зависит, как ты к этому относишься. Тринидад (Троица) это три бога, а не богини. Понятно? В любом случае, мои друзья зовут меня Трино, чтобы не было путаницы».

Как указывалось, имя и фамилия — ярчайшие маркеры индивида по линии «свой — чужой». Именно антропоним (чаще, чем внешность) «сигнализирует» о национальной принадлежности, по крайней мере, в ситуации знакомства или представления. Оппозиция «свой — чужой» «в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных

концептов всего коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [481].

Сема «национальность» у наиболее распространенных личных имен может способствовать превращению имени в концепт «типичный представитель нации»: *Иван Иванович Иванов* — русский, *Mario Rossi* — итальянец, *Pedro López* — испанец, *John Bull* — англичанин.

В США имена маркируют также расовую принадлежность. Так, имена типа DeShawn, Tyron, Reginald, Shanice (мужские) и Precious, Kiara, Deja (женские) с высочайшей степенью вероятности — афроамериканские, в то время как имена Connor, Cody, Jake (мужские) и Molly, Emily, Abigail, Caitlin (женские) принадлежат представителям белой общины [100, с. 3].

Испанские женские имена типа *Tomasa*, *Nicolasa* воспринимаются как простонародные. Имя *Froilán* — как устаревшее, с региональным оттенком, так как наиболее часто использовалось в первой половине XX века в Леоне: *San Froilán* — святой покровитель этого города. Впрочем, возможно, что данное имя снова войдет в моду: это одно из крестильных имен сына инфанты Елены. Тем не менее, если на страницах современной испанской прессы мы встретим это имя, мы с большой степенью вероятности можем предположить, что оно принадлежит пожилому человеку из Леона. Аналогичную информацию несут русские имена *Митрофан* и *Тихон*, некогда самые распространенные в Воронежском регионе крестьянские имена, которые давались в честь наиболее почитаемых здесь святых — *Митрофана Воронежского* и *Тихона Задонского*. В настоящее время эти имена сохранились лишь у представителей самой пожилой части населения (особенно *Митрофан*); чаще эти имена встречаются в виде отчеств (как правило, носителям такого отчества как минимум 60 лет) и патронимических фамилий. Из сказанного можно сделать вывод, что личные имена являются носителями *хронотопа*, то есть сведений о времени и месте жизни носителя имени [259]. Таким образом, антропоним «несет информацию о внешнем мире и представляет собой важный атрибут человека, сравнимый с цветом кожи, ростом или происхождением» [104, р. 10].

Как уже говорилось, каждое поколение характеризуется неповторимым набором имен. Мы провели следующий психолингвистический эксперимент. Испытуемым (студентам испанского и итальянского отделений Воронежского университета) были предложены списки из пяти имен:

- 1) Людмила, Валентина, Галина, Раиса, Тамара;
- 2) Анастасия, Дарья, Ксения, Юлия, Мария;
- 3) Виктор, Юрий, Василий, Николай, Анатолий;
- 4) Максим, Никита, Данила, Артем, Дмитрий.

Задание было сформулировано следующим образом: Что вы можете сказать о возрасте людей, имена которых входят в группы 1 и 2, 3 и 4? Студенты однозначно определили, что группы 1 и 3 представляют людей старшего поколения, а 2 и 4 — молодежь. Несмотря на то, что указанные имена используются представителями всех возрастов, именно *набор* имен оказался решающим для такого вывода. Таким образом, получается, что когнитивную (познавательную) информацию несут не только отдельные имена, но и их совокупности.

Модальной идеосемантикой обладают диминутивные образования, выражающие различные оттенки межличностных отношений — от обозначения симпатии, дружеского участия до оценки внешних данных (небольшого роста) или низкого социального статуса (если носителями диминутивов являются взрослые люди). Ср. исп.: *Manuel* — *Manolo* — *Manolete* — *Manolín* — *Nelo*. В русских дериватах имени тоже фиксируются самые разнообразные модальные установки, отражающие различные ситуации общения и типы отношений между людьми (ср.: *Владимир*, *Вова*, *Вовик*, *Вовка*, *Володенька*, *Вовчик*, *Володя*, *Володька*, *Володяка*, *Вован* и др.).

Эмоциональная составляющая таких именованний может сочетаться с социальной. Так, один из ранних рассказов М. Булгакова называется «Лидка»; в этом ониме заложена особая модальность, совмещающая теплое, «свойское» отношение к девочке и низкий социальный статус крестьянской дочери: если бы героиней рассказа была девочка более высокого происхождения, то форма «Лидка» вряд ли была возможной. Напротив, в рассказе И. Бунина «Зойкина любовь» суффикс *-ка* имплицитно модальность некоторой фамильярности и ироничного отношения к недоразвитой профессорской дочке.

Л. Толстой, называя свою героиню *Катюшей*, дает тому объяснение: «Так между двух влияний из девочки, когда она выросла, вышла полугорничная, полувоспитанница. Ее и звали так средним именем — не *Катька* и не *Катенька*, а *Катюша*» (Л. Толстой, «Воскресение»). Как следует из приведенной цитаты, оним *Катька* маркирует низкий социальный статус, *Катенька* — принадлежность к привилегированным слоям общества, в то время как *Катюша*, несмотря на наличие эмотивных сем «приянь, симпатия, доброе отношение», обозначает также модальность направления этих эмоций — сверху вниз.

Определенной идеосемантикой обладают и фамилии. Так, испанская фамилия *Zapatero* не может быть аристократической фамилией, в то время как аристократизм фамилии *Quiñones* не подлежит сомнению. Что касается русских фамилий, то известно, что фамилии типа *Рождественский*, *Вознесенский*, *Успенский* — клерикальные фамилии; фамилия *Садовской* — дворянская, в отличие от *Садóвский*, которая не воспринималась как дворянская [511, с. 343]. Фамилия известного советского поэта (и его сына-

кинорежиссера) *Михалков* на самом деле — дворянская и должна произноситься *Михáлков*; простонародное произношение (перемещение ударения на последний слог) объясняется стремлением ее носителей «к социальной мимикрии» [511, с. 350].

Продолжим приведенную выше цитату из работы Б.А. Успенского: «Будучи лишены самостоятельного значения, имена — призванные, вообще говоря, *называть*, но не значить, — могут быть, тем не менее, чрезвычайно значимы. Для окружающих они оказываются значимыми постольку, поскольку отражают определенную традицию наименования, принятую в той или иной социальной среде. Соответственно, имя может выступать как *социальный знак*, как социальная характеристика человека — это относится как к личному, так и фамильному имени» [511, с. 337]. Имя может быть настолько значимым, что способно влиять на жизнь ее носителя. Б.А. Успенский приводит в качестве иллюстрации случай несостоявшегося брака в аристократической среде из-за простонародного отчества невесты — *Пахомовна*, а также факт сокрытия настоящего имени дочери знатного купца, данного ей священником при крещении (*Акулина*), которое занижает ее социальный статус, поэтому в семье ее называют *Александрой* [Там же. С. 337—338].

Вот еще примеры из романа П.Д. Боборыкина «Китай-город»:

Его действительно звали *Федул*, но он переименовал себя потом в *Теофила*.

Ее звали *Тася* — уменьшительное от Таисии. Это мало дворянское имя ей дали по прихоти отца, который «открыл» его в святцах.

Пускаюсь в выучку к *Титам Титычам* (то есть к купцам — Ю.Р), — сказал Палтусов нотой, в которой сквозила совестливость.

Вот что! — протянул приятель. — Что ж! штука весьма интересная. Мы не знаем этого мира. Теперь новые нравы. Прежние *Титы Титычи* пахнут уже дореформенной полосой.

По свидетельству Г.Ф. Ковалева, еще основоположник русской антропониимики Е.А. Болховитинов в 1813 году в статье «О личных собственных именах у Славеноруссов» отмечал, что древнерусский именовник довольно четко дифференцировал общество на элиту (князь, бояре, старшая дружина) и остальную массу. Имена знати в Древней Руси, как правило, представляли собой композиты с элементами *-мир-*, *-слав-*, *тверд-*, *добр-*, *яр-*, *мсти-*, *все-*; народные же имена были разнообразны как по форме, так и по содержанию [354; 353, с. 232—233]. Об этом пойдет речь ниже. В. Мойя считает, что имена *Bautista* и *Bibiano* в современном испанском обществе отражают, как правило, высокий социальный статус их носителей [172, р. 32].

В свете сказанного известное высказывание К. Маркса «Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом» [390, Т. XVII, с. 113], на долгие годы предопределившее в отечественном языкознании отношение к именам собственным, представляется однобоким, поскольку не учитывает неизбежную идеосемантику антропонимов: пол, национальность, социальная характеристика имени, нейтральность или экспрессивность именования. Более того, для П.А. Флоренского указанное имя — *Яков* — имеет некий зловещий смысл: «От древности и до наших дней с ним, и в больших и в малых масштабах, связаны вихри, около имени *Якова* возникающие, столкновения, потрясения, коварства, заговоры; около этого имени кто-то попадает, нередко гибнет. /.../ Разумеется, таково имя *Яков* в масштабе историческом; в личном же — оно не достигает этой грандиозности [518, с. 200—201]»... Флоренский имеет в виду, помимо праздника святого *Якова*, во время которого в Чехии совершается приношение в жертву козла, деяния тамплиеров, создателем ордена которых был *Яков Моле*, а также *якобинизм* (*якобинство*), как идеологию французской революции, вдохновителем которой был *Жан-Жак Руссо*.

Итак, главный семантический парадокс, состоящий в том, что, с одной стороны, антропоним обозначает (имеет денотат), но не значит (не имеет сигнификации), а с другой, обладает богатой идеосемантикой, объясняется целым рядом факторов: главнейший из которых — функционирование антропонима в обществе, в реальных ситуациях общения. Имя в динамике своего функционирования обрастает ассоциациями, становится мифологемой и может перейти в разряд имен нарицательных. Закрепляясь в речи за конкретным лицом с его индивидуальными свойствами, имена собственные превращаются в индивидуальные имена собственные с уникальным набором признаков и богатым содержанием [531, с. 154—158; 440, р. 336—343], как, например, в распространенных в разговорной речи высказываниях типа *Света есть Света*, где имя собственное в присвяточной части обозначает характеристику человека, известную окружающим. Еще богаче содержание имен героинь известных произведений: *Анна* из романа «Анна Каренина», *Мария* из поэмы «Полтава», *Ольга* из романа «Евгений Онегин» [532, с. 105]. Некоторые из таких имен, превращаясь в имена нарицательные, становятся яркими лингвокультурными концептами: *Плюшкин* — это образ болезненно скупого человека, *Иудушка* — выродок, для которого не существует ничего святого, *Сусанин* — ироническое обозначение проводника, а *Печкин* — почтальона (*Печкину* обещают поднять зарплату (Трибуна, № 26, 7—13 июля 2006)); *дон Жуан* — любвеобильный повеса, а *дон Кихот* — благородный, бескорыстный человек (в русской культурной традиции — см. подробнее в последних разделах); *Чичиков* —

предприимчивый делец: Я думал, из вас *Чичиков* выйдет, а вы — человек-рубашка (Боборыкин). Другой гоголевский антропоним — *Акакий Акакиевич* — вербализует концепт маленького человека. Имя *Celestina* после романа Леопольдо Аласа (Кларина) *La Celestina* приобрело значение *сводница*.

Как следствие в ряде случаев трудно, а порой и невозможно, провести границу между именем собственным и нарицательным [172, р. 30]. В результате отношения между именем собственным и нарицательным логичнее рассматривать не как отношения оппозиции, а как своеобразный континуум, единицы которого «образуют некоторую шкалу “апеллятивности” — “ономастичности” (проприальности), в соответствии с которой каждая конкретная лексическая (номинативная) единица может быть помещена в определенной точке этой шкалы, ближе к одному или другому полюсу» [502, с. 24]. Другие ученые, отвергая отношения оппозиции между именами собственными и нарицательными, определяют их как отношения контраста: «Между контрастирующими полюсами “имя собственное” (в функции референциальной, индивидуализирующей объект) — “имя нарицательное” (в функции семантической, прописывающей объекту определенные черты) функционируют многочисленные промежуточные категории, то есть выражения, которые совмещают референциальную функцию с функцией семантической» [255, с. 9].

Фернандес Леборанс выдвигает в качестве главного критерия разграничения нарицательных и собственных имен графический — написание со строчной или заглавной буквы, что, на наш взгляд, проблемы не решает, так как графика — не свойство объекта, а результат наших мыслительных операций. Вторым решающим критерий — принципиальная непереводаемость имен собственных [92, р. 82].

Отметим также, что коннотации омонимичных имен собственных и нарицательных не совпадают. Например, испанские личные имена *Rosa* и *Azucena*, не имеет коннотаций, связанных, соответственно, с любовью и смертью, в то время как цветы *rosa* «роза» и *azucena* «лилия» в народном сознании предстают как символы любви и смерти. Аналогично личное имя *Дуня* в ситуации общения с конкретным лицом не имеет значения «некультурная, малообразованная женщина, простушка — дуня, дунька с водокачки»: «В реальной коммуникативной ситуации, где участвует конкретный носитель имени, коннотации, как правило забываются и не влияют на познание свойств объекта» [266, с. 10]

§ 3. КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ, ДЕРИВАЦИОННЫЕ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА АНТРОПОНИМОВ

Не менее своеобразны грамматические характеристики антропонимов. Их тоже можно описать в русле антропонимических парадоксов. Антропонимы — имена существительные, но их отношение к грамматическим категориям существительного особое.

Например, категория рода антропонимов имеет иную природу по сравнению с именами нарицательными. У антропонимов род — исключительно семантическая категория: даже существительные мужского рода *Pilar, Camino*, используемые в качестве женских имен, коррелируют с местоимением *ella*. Между тем категория рода нарицательных существительных — либо лексико-грамматическая (*chico / chica*), либо исключительно грамматическая (*periódico, revista*): «Имя лица — это имя, в котором категория рода в индоевропейских языках имеет лексико-грамматическое значение, т.е. указывает на реальное различие мужского или женского пола. Имя вещи — это имя, в котором категория рода имеет грамматическое значение, т.е. указывает лишь согласовательный класс слов в языке», — справедливо считает Ю.С. Степанов [481, с. 107]; более того, он предполагает в синхронном плане «первичность рода и родовых противопоставлений в именах лиц и вторичность по отношению к ним родовых противопоставлений в именах вещей» [Там же].

Испанские личные имена четко дифференцированы по линии рода и, в отличие от большинства нарицательных имен, практически регулярно образуют родовые пары: *Mario / María, Juan / Juana, Pablo / Paula, Pedro / Petra, José / Josefa*, хотя имеются и некоторые ограничения. Например, имена *Sara, Eva* реализуются обычно в женском варианте, хотя в Латинской Америке вполне возможны мужские «пары» (ср. имя теперешнего президента Колумбии: *Evo Morales*).

Что касается современного русского именника, родовые пары имен — явление, которое нельзя признать регулярным: *Александр / Александра, Валентин / Валентина, Валерий / Валерия*. Подробнее проблема родовых пар будет рассмотрена ниже, здесь же хотелось бы привлечь внимание к нейтрализации рода у дериватов, образованных от подобных имен: *Саша, Шура, Валя, Валька, Валерочка* с равным правом могут относиться как к мужчине, так и к женщине; в зависимости от соотнесенности с родом меняются их синтаксические свойства (*Саша пришел, Саша пришла*). В этом отношении данные формы напоминают местоимения первого и второго лица *я, ты*.

Обратимся к фамилиям. Категория рода испанских и итальянских фамилий нейтрализована: одна и та же фамилия *García* может принадлежать как мужчине, так и женщине (в то время как нарицательные имена, как

правило, всегда относятся либо к мужскому, либо к женскому роду): Juan García / Juana García. В испанском языке при фамилии — в ситуациях дифференциации пола ее носителя — могут использоваться артикли мужского и женского рода (с явным эмфатическим оттенком): — Que venga González. — ¿La González o el González?

Отметим также деривативные особенности антропонимов, отличающие их от остальных существительных. Наричательные имена довольно редко образуют краткие формы (типа «спец» < специалист, «фак» — факультет); между тем в системе личных имен, это скорее правило; при этом краткие формы часто образуются от супплетивных основ: Chema < José María, Lola < Dolores, Concha < Concepción (см. подробнее ниже).

Обратим внимание также на то, что в принципе все деривативы личного имени могут относиться к одному и тому же денотату (в случаях общения с разными коммуникантами, в разных ситуациях общения, в разные периоды жизни человека), в то время как в сфере апеллятивной лексики разные дериваты соотносятся с разными денотатами: *ветерок* — слабый ветер, *ветрище* — сильный ветер.

Совокупность всех форм антропонима — полный антропоним и его компоненты, то есть имя, фамилии, гипокористические и уменьшительные образования — образует функциональную парадигму, то есть один и тот же человек в разных ситуациях может быть назван с использованием одной из указанных форм: *Juan Carlos García Soto / Juan / Juanito / Juan Carlos / Juanco / Juan García / Juan Carlos García / Soto, etc.* Перечисленные способы именования одного и того же денотата являются своеобразными социально-ситуативными синонимами; в сфере нарицательных существительных подобных отношений нет.

Отметим еще одну особенность антропонимов. Фонетическая эволюция антропонимов отличается от эволюции имен нарицательных. Например, фонетически латинское личное имя *Lupus* развивалось в испанском языке не так, как нарицательное существительное *lupus* «волк»: *Lupus* > *Lope*; *lupus* > *lobo*. Как видим, лишь эволюция нарицательного имени соответствует регулярным фонетическим законам. Ср. также: *Petrus* > *Pedro* «Петр», с одной стороны, и *petra* > *pedra* «камень», с другой.

Итак, как с точки зрения функциональной и исторической, так и семасиологической и грамматической антропонимы предстают как совершенно особый класс слов: «В ряде языковых ситуаций поведение собственных имен настолько отлично от соответствующего поведения других языковых категорий, что это невольно наталкивает на мысль о том, что перед нами инкорпорированный в толщу естественного языка некоторый другой, иначе устроенный язык» [383; 511, с. 292].

§ 4. ОНОМАСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ДРЕВНЕГО РИМА

Как известно, в Древнем Риме полный антропоним свободных граждан состоял из трех компонентов: *praenomen*, *nomen*, *cognomen*. Эта система сформировалась в республиканскую эпоху. *Praenomen* — индивидуальное имя (ср. фр. *prénom*, ит. *prenome* — имя): Marcus, Titus, Gaius. Количество личных имен в классический период было настолько ограниченным (их было всего около 20), что на письме они передавались лишь начальной или начальными буквами: A. — Aulus, Ap. — Appius, C. — Gaius, Cn. — Gnaeus, D. — Decimus, K. — Kaeso, L. — Lucius, Mam. — Mamercus, M. — Marcus, M'. — Manius, N. — Numerius, P. — Publius, Q. — Quintus, Ser. — Servius, Sex. — Sextus, S. (Sp.) — Spurius, T. — Titus, Ti — Tiberius [76, p. 391]. К аббревиатуре C. восходит итальянское имя Caio, существующее наряду с менее распространенным Gaio. Имя выбиралось родителями и присваивалось ребенку на восьмой или девятый день жизни. Высокая частотность ряда личных имен способствовала утрате их дифференцирующей силы, что, на наш взгляд, вызывало потребность в дополнительных индивидуализаторах, например, указаний на имя отца или деда: M.f. (Marci filius — сын Марка), M.n. (Marci nepos — внук Марка).

Второй компонент полного римского антропонима — *nomen* (ит. *nome* — имя, исп. *nombre* — имя, фр. *nom* — фамилия). Это наследуемый индивидуализатор имени, разновидность фамилии, обозначающая принадлежность к клану (*gens*), которых насчитывалось около 300; наиболее известные из них — Aurelius, Claudius, Cornelius, Julius, Janius, Agrippinus, Messalinus. Родовые имена играли особую роль в жизни римлян, поскольку именно они связывали граждан Рима с государством. По мнению Т. Моммзена, именно поэтому сенат состоял из 300 членов, конница из 300 всадников, а пехота из 3000 воинов [401, с. 12—18].

Ограниченное количество *nomen* обусловило появление третьего компонента — *cognomen* — второй фамилии (ср. ит. *cognome* — фамилия), которая уточняла ветвь рода (клана) или использовалась в одной семье для различения лиц с одинаковыми первым и вторым компонентами. В роде Корнелиев такими фамилиями были Cinna, Scipio, Sulla, Cossius; в роде Юлиев — Caesar; в роде Клавдиев — Neron. Эти дополнительные фамилии произошли от прозвищ, которые маркировали особенности внешнего облика (Cincinnatus — кудрявый, Barbatus — бородатый), характера (Lepidus — шутник), происхождения (Coriolanus — из Кориол, Sabinus — сабинянин); со временем они стали передаваться по наследству, как и *nomen*. Официальное признание как часть полного имени *cognomen* получил лишь во времена Суллы (138 — 78 до н.э.). Вот примеры полного римского антропонима: Marcus Tullius Cicero, Publius Virgilius Maro, Lucius Calpurnius Piso, Marcus Portius Cato.

Кроме того, был возможен и четвертый компонент имени — *agnomen* — разновидность прозвища, которое присваивалось его носителю за заслуги или в связи с какими-либо событиями в его жизни, как в случае Сципионов (*Africanus*, *Asiaticus*, *Hispanicus*): *Publius Cornelius Scipio Africanus*. *Agnomen* убийцы Гая Юлия Цезаря был Брут (*Brutus*): *Marcus Junius Brutus* [484, с. 89—90]. *Agnomen* всех римских императоров, начиная с Гая Юлия Цезаря — *Augustus*.

В официальном языке имена использовались в следующем порядке: *praenomen*, *nomen*, *praenomen* отца или патрона и *cognomen*: *M. Tullius M.F. (Marci filius) Cicero*; *M. Tullius, M.L. (libertus — вольноотпущенник) Tiro*. Таким образом, в официальном языке присутствовал еще один компонент — имя отца или имя хозяина. Наличие упомянутого компонента увеличивало дифференцирующую силу полного римского антропонима.

Раб имел только *praenomen* — имя, состоявшее из имени хозяина в родительном падеже и слова *puer* (*Lucipuer* — раб Луция, *Marcipuer* — раб Марка). С увеличением числа рабов получили распространение наименования по месту их происхождения: *Afer*, *Syrius*, *Cappadox* и др. Хозяин мог по прихоти давать рабу любое имя: *Mithridates*, *Castor*. К этим именам добавлялось имя господина в родительном падеже со словом *servus* или без него: *Primus Sullae (servus)* [461, с. 186] Раб, получивший свободу, ставил перед именем, которое имел в рабстве, *praenomen* и *nomen* хозяина, как в случае двух бывших рабов Цицерона: *Marcus Tullius Tiro* и *Marcus Tullius Laurea*.

Римские женщины обычно имели только *praenomen*, представлявший собой форму женского рода от *nomen* (*Cornelia*, *Tullia*, *Claudia*, *Valeria*); в конце республиканского периода и во времена империи могли добавить к нему и *cognomen* (в женском роде): *Julia Agrippina*, *Valeria Messalina*, *Iunia Torquata*. Для более точного именованя к этой формуле или просто к имени у незамужней женщины прибавлялось имя отца, а у замужней — имя мужа в родительном падеже: *Caecilia Metelli f.*, *Caecilia Q. Cretici f.*, *Metella Crassi (sc. uxor)*, *Valeria Messalina Aurelii* [461, с. 185—186]. Если в семье было более одной дочери, то для их различия прибавлялись слова *Maior*, *Minor*, *Prima*, *Secunda*, *Tertia*. Имелись и уменьшительные формы: *Tulliola* [461, с. 185—186].

Приемные дети принимали три имени усыновителя, к которым добавлялся *cognomen* (с суффиксом *-anus*) рода, из которого происходил усыновляемый: *C. Iulius Caesar Octavianus* — сын Октавия, усыновленный Гаем Юлием Цезарем.

Римляне имели право менять свое имя: *Resum enim vocabula immutabilia sunt, hominem mutabilia* «Только имена царей неизменны, а людей меняются», — гласит известное латинское изречение. Ограничения в использовании этого права касались лишь изменений имени в целях обмана

(присвоения имущества, почестей и т.п.). Особенно часто менялся *cognomen* на *cognomen* матери или лица, от которого ожидалось получение наследства.

По Антонианской Конституции Каракаллы 212 года новой эры все свободные граждане получили право пользоваться трехчленной формулой именованья, некогда являвшейся привелегией меньшинства [43, р. 8].

§ 5. ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ИСПАНСКОЙ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Обратимся к истокам ономастической ситуации в Испании. Коренные жители Иберийского полуострова имели только индивидуальные имена, иногда сопровождавшиеся именем отца. Римляне принесли на Иберийский полуостров свои традиции именованья людей, которые «пали» с падением империи [111, р. 6]. Как и в Италии, наступает эпоха использования лишь одного имени. Церковь нарекала человека только одним именем при крещении и при принятии христианской веры. Принимая при крещении новое имя, неофит как бы «порывал с прошлым» [61, р. 31]. Такой обычай наречения людей только одним именем просуществовал до раннего средневековья. Впрочем, А. Дожа считал, что фамилия в том или ином виде не прекращала своего существования, но играла ограниченную роль [61, р. 32]. Как бы то ни было, начиная с IX века имя регулярно сопровождается индивидуализаторами. Причина их использования очевидна: стремление четко обозначить человека, поскольку ономастическая мода значительно сузила репертуар имен. «Повторяемость одних и тех же имен в одной и той же местности несомненно способствовала появлению дополнительных именованья, позволявших избежать путаницы» [74, р. 35]. Если в документах IX века такие индивидуализаторы появляются лишь в 6.8% случаев от общего числа использования антропонимов, то в X веке — в 27.6%, а в XI — в 57.8% [74, р. 28—32]. Таким образом, в XI веке доминирующей моделью антропонима, используемой в документах, становится «имя + дополнительный индивидуализатор».

Типология дополнительных индивидуализаторов личного имени весьма сложна. Во-первых, индивидуализаторы — патронимы могли вводиться при помощи слов *cognomento*, *prolis*, *filius* (*filio*, *fijo*, *fi*): *Johannes cognomento* (прозвание) *Abavita*, *Baroncellus cognomento* *Alvinus*; *Stefanus prolis* (потомство) *Leo*, *Gelvira prolis* *Fredinandi*, *Unisco prolis* *Menendo*; *Aresindo filius* *Olemudi*, *Dicember filius* *de Abulfreri*, *Sandini filio* *Censoi*, *Juannes fijo* *de Peidro Diez*, *Joan fi* *de Joanes Alvaro*, *Sancho fijo* *de don Pedro* [74, р. 38—43]. Как видно из примеров, после слова *prolis* встречается как генитив, так и исходная форма, слово *filius* сочетается как с генитивом, так и с предлогом *de*, присоединяющим исходную форму. *Cognomento* и *prolis*

выходят из употребления к началу XII века, в то время как *filius* используется до конца XIII века.

Патронимы присоединялись к личному имени также в форме генитива. «Патронимический» генитив встречается в документах X — XIII вв. [74, 43—68]: *Pelagius Froylae*, *Petro Froile*, *Maria Alfonsi*, *Rudericus Alvare*, *Fernando Aprilis*, *Juan Vincentis*. Окончание генитива *-i* переходило в *-e* (*Estevan Alexandre*, *Pere Guillerme*) или вообще усекалось: *Alfonso Fernand*, *Pere Bernalt*, *Garcia Zorraquin*. Несколько позже патроним стал присоединяться к имени при помощи предлога *de*: *Martin de Pietro*, *Gonzalo de Marcos*. Наконец, патронимы могли следовать за личным именем в исходной форме в виде приложения, часто согласованного по линии рода: *Peydro Gil*, *fijo de Gil Ferrandes*; *Ferrant Alfonso*, *fijo de Alfonso Galindez*; *Illana Martin*, *fija de Martin de la Nava*; *Petrus Analaus*; *Bellida Ximena*; *Pelagio Dominicus* [74, p. 87—90]. Модель фамилии — несогласованного приложения со временем становится ведущей. Иногда присоединяемый компонент не являлся именем отца: *Johannes Martinus*, *filius Roderici Garsie* [74, p. 88].

В эту же эпоху появляются патронимы, ставшие со временем наиболее яркой особенностью корпуса испанских фамилий. Речь идет о патронимах с формантами *-az*, *-ez*, *-iz*, *-oz*, *-uz*, происхождение которых не совсем ясно. Одна из наиболее распространенных теорий возводит их к усеченной форме генитива; хотя так можно объяснить *Rodríguez* < *Roderici* < *Rodericus*, *Díaz* < *Diazi* < *Didaci* < *Didacus*, но не *Gómez* < *Goma* [74, p. 128—136]. Из указанных формантов наиболее устойчивым оказался *-ez*: *López*, *Pérez*, *Martínez*, *González*; от остальных формантов в современном языке осталось немного следов (например *Díaz*, *Ortiz*); как правило, эти суффиксы были вытеснены *-ez*, несмотря на то, что в X — XIII веках они имели довольно широкое распространение, особенно *-iz*: *Periz*, *Rodriguiz*, *Alvariz*, *Martiniz*, *Gonzaliz*, *Alvaroz*, *Blascoz*, *Sanzuz* [74, p. 213—222].

Любопытно то, что несколько позже на Руси получают распространение патронимические именованья на -ец: Яковец (сын Якова), Якимец (сын Якима), Рябец (сын Ряба) [484, с. 85]. Данный формант также приносил отрицательно-уничижительный оттенок в имя, которое давалось часто не по отцу: Павел — Павелец (плохой Павел). В испанском языке суффикс -ez не имел дополнительных коннотаций [117, p. 163—166].

Кстати, в современном испанском языке также существует морфема с патронимическим значением *-ín*, присоединяемая обычно к семейному имени (часто это имя первенца по мужской линии) [104]: *Y al mismo Teófilo, por ser hijo del difunto Arsenio, le solemos llamar Arsenín; y de la*

misma manera, a mí, que me llamo Telmo, me llaman Cayín, porque Cayo es uno de los nombres de mi padre (*J.I. Ferreras, Laberinto I*). «А самого Теофиля, поскольку он сын покойного Арсенио, мы обычно называем Арсенин, а меня — мое имя Тельмо — называют Кайин, потому что Кайо — одно из имен моего отца».

Особое место в типологии формировавшейся фамилии занимают образования, восходящие к прозвищам, тоже появившиеся в X веке. Особенность таких индивидуализаторов в том, что они возникли не в лоне семьи, а являются результатом, так сказать, коллективного творчества. В первую очередь, прозвища отражали внешние данные индивида (Domingo Chico, Enneko Grande, Esidro Gordo, Rudericus Barba, Juan Amarello, Petro Moro, Juan Bocudo, Pelagio Calvo) или его моральные качества (Petro Alegro, Lope Alegría, Pedro Amargor, Michael Malo), особенности поведения (Pedro Salton, Domingo Corredor). Близки к ним прозвища-зоонимы: Martin Caniello, Johan Cordero, Juan Corva, Martin Porco. В качестве прозвищ-индивидуализаторов используются топонимы (Zabata, Toledo, Villalobos, de Palencia, de Villaria) и этнонимы (Castellano, Catalán, Gallego, Alemán, Sarrazín), а также наименования должностей (Capellanus, Abad), обозначения рода занятий (Campanero, Clerico, Monaco, Escudero, Guerrero, Camarero, Fabro, Pastor, Zapatero), титулы (Conde, Rey, Fidalgo) [74, p. 226—248]. Ряд прозвищ являются обозначениями предметов внешнего мира: Yuan Cebola, Pedro Espina, Garcia Botas, Pedro Manga. Имеются также прозвища, отражающие, по всей видимости, какие-либо события из жизни индивида или его характеристику, часто представленные сложными словами или фразами: Domingina Buenarina, Dominicus de mi vida, Lupus Faz que quieres, Pedro Tazaferro, Martin Paraiso [74, p. 263—282]. Прозвища могли присоединяться при помощи компонентов *que uocant, dictus*: Elderico *que uocant* Caluone, Pelagius Roderici *dictus* Taurus [77, p. 407].

Трудно сказать, стали ли вышеприведенные индивидуализаторы личного имени фамилиями, передающимися по наследству в каждом конкретном случае (все процитированные именованные подлинны, они извлечены из светских и религиозных документов IX — XIII веков), но факт остается фактом: большая часть моделей индивидуализатора личного имени (за исключением содержащих компоненты *cognomento, prolis, filius*) стали фамилиями и существуют по сей день, пройдя этапы фонетической и морфологической эволюции, а также несколько этапов эволюции функциональной: от необязательности наследования дополнительного индивидуализатора по линии отца до обязательного закрепления двух наследуемых фамилий — отца и матери.

Рассмотрим функциональную эволюцию фамилии подробнее. Традиция передачи части имени отца по наследству закрепляется лишь в позднее средневековье, но не всегда регулярно и без четких регламентаций.

Например, живший в XV веке архитектор Juan de Herrera имел родителей, имена которых были Pedro Gutiérrez de Maliaño и María Gutiérrez de la Vega, деда же по отцовской линии звали Ruy Gutiérrez de Maliaño de Herrera; именно часть имени последнего и использовал внук в качестве дополнительного индивидуализатора [77, p. 408]. Только после Тридентского собора (1563 г.) при крещении ребенка стала обязательной регистрация фамилии отца. С Тридентским собором, однако, процесс формирования испанской фамилии не завершился, что объясняется развитием исконно испанской традиции использования двух фамилий.

Едва возникнув, дополнительный индивидуализатор имени — праобраз фамилии в современном смысле слова — очень быстро теряет свою дифференцирующую силу. Это происходит из-за того, что подавляющая часть таких фамилий — патронимического происхождения, а поскольку в обращении было ограниченное количество повторяющихся имен, то и, соответственно, повторяемость фамилий тоже была высокой. «Во многих документах встречаются имена с одной и той же фамилией». Таким образом, та же самая причина, что вызвала потребность в первой фамилии, востребовала появление второй. В самом деле, в пределах одного документа, по свидетельству Г. Диеса Мелькона, можно встретить одинаковые имена, обозначающие разные лица, например, Nunnus Alvariz в Cartulario di S. Pedro de Arlanza или Nunno Alvarez в одном из документов аббатства Силос [74, p. 295]. Использование двух индивидуализаторов личного имени становится обычным явлением в XIII веке, хотя встречается и в более ранних документах.

Вторая фамилия на ранних этапах могла вводиться при помощи слова *filius*: Alvar Pedrez, fi de Pedro Miguelez, Johan Lopez, fi de Lop el Alcande. В дальнейшем в качестве второй фамилии используются те же модели, что и для первой: Juan Perez Ceri, Lop Sanchez Alexandre, Eita Gomiz Zorraquin, Juan Perez Anxo, Fernan Perez Ponz, Pero Perez Ferraz, Domingo Tabano de Mayorga, Garci Roiz Barba, Juan Perez Alegre, Dominico Johannes Amargo [74, p. 294—307].

Параллельно с формированием двойных фамилий происходит становление традиции двойного личного имени. В ряде случаев трудно сказать, чем является дополнительный индивидуализатор — именем или фамилией: Peydro Gil, Ferrant Alonso, Pertus Analsus, Domingo Tabano de Mayorga, Domenico Johannes Amargo (данные антропонимы приводились выше). Высказывается также мнение, что антропонимы с *cognomento* типа Leodegisus *cognomento* Iulianus, Celeri diaconus *cognomento* Romanus, были двойными именами, а не сочетанием имени и фамилии [77, p. 407].

По традиции римского права запрещалось менять фамилию на королевскую или благородную с корыстной целью. Крещеным арабам запрещалось принимать мусульманские имена и фамилии.

К XVI веку эта исконно испанская традиция двойной фамилии получает широкое распространение, хотя и без всякой регулярности и регламентации [147, p 25]. В XVI и XVII веках не все знаменитые испанцы имели две фамилии: отца и матери. Так, José Rivera в качестве второй фамилии присоединил прозвище El Españolito. Мигель Сервантес де Сааведра, известный в свое время как El Principe de los Ingenios y El Manco de Lepanto, был сыном дона Родриго де Сервантеса и доньи Леоноры Кортинас, то есть его фамилия должна была бы быть Cervantes Cortinas. De Saavedra, как явствует из статьи в Enciclopedia Universal Ilustrada Europea Americana [85], — прозвище (sobrenombre), которое отсутствует на обложке его первой книги La Galatea. Это прозвище — на мой взгляд, скорее своеобразный псевдоним — впервые используется в прошении, направленном Сервантесом папе Григорию XIII и королю Филиппу II в октябре 1578 года. Фамилия Сааведра не была редкой в ту эпоху, но послужила просителю в качестве дополнительного отличия от других современников.

Еще один пример, иллюстрирующий неустановившуюся норму. Полное имя драматурга, известного нам как Lope de Vega — Lope Félix de Vega Carpio (два первых компонента — имена, два последующих — фамилии). Его родители были Félix de Vega Carpio и Francisca Fernández Flores; таким образом, фамилия драматурга должна была бы быть de Vega Fernández, но отсутствие четких правил наследования фамилии позволяло использование как одной, так и двух фамилий (в качестве второй использовалась либо вторая фамилия отца, либо фамилия матери).

В XVIII веке окончательно закрепляется норма давать ребенку первую фамилию отца и первую фамилию матери (именно в таком порядке). Отклонения от этого правила становятся редкими и вообще исчезают с введением в 1871 году Registro Civil (Гражданской Регистрации).

С появлением Гражданской Регистрации правила присвоения имен становятся постоянным объектом законодательного творчества. Так, по указу от 19 октября 1910 года ребенку разрешалось давать иностранное имя, но обязательно с переводом на испанский язык. По положению от 20 апреля 1911 года разрешалось давать имя, включенное в календарь любой религии, а также имена знаменитых людей, живших в различные эпохи; тем не менее запрещались имена, «обозначающие общие понятия» (conceptos generales), типа Emancipación, Harmonía (Armonía). По законодательным актам 1915 года запрещалось давать детям экстравагантные и не свойственные людям имена и превращать фамилии в имена [20, p. 11—15].

Во времена Второй республики многие из приведенных выше законодательных актов были отменены. Например, в положении от 14 мая 1932 года указывалось, что термины «экстравагантный», «не свойственный

человеку», «общие понятия» расплывчаты и неясны; в результате имена типа *Libertad*, *Democracía* получили право на существование. Было разрешено использовать в качестве имен названия цветов (*Violeta*), небесных тел (*Sol*, *Luna*). Тем не менее, запрещалось превращать в имена фамилии и псевдонимы.

Несмотря на почти полную свободу выбора имени, такого всплеска политического самовыражения при именовании детей, как в послереволюционной России, в Испании не было ни в эпоху республики, ни после падения диктатуры. Ср. «одноразовые» имена, которые давались у нас в 20—30 годы: Мэлс, Лориэке, Ревпит, Вил, Маркс, Райтия, Ким, Рэм, Ген, Серп, Октябрь, Октябрина, Энгельс, Энгельсина, Коммуна, Коммунар и т.д.. Из подобных имен дольше одного поколения просуществовали благодаря своему благозвучию, пожалуй, лишь Владлен и Владилен.

Во времена правления Франко снова было запрещено давать детям «абстрактные и тенденциозные имена», как и вообще любые, не содержащиеся в святцах (указы от 18 мая 1938 года, 9 февраля 1939 года). В этих документах подчеркивалось, что испанцы должны носить испанские имена. Лицам иностранного происхождения предписывалось делать перевод имени на испанский язык — перевод должен следовать за иностранным именем: *Yuri* (*Jorge*), *John* (*Juan*). Для некоторых иностранных имен делались исключения, допускающие их использование без перевода, среди них *Iván* (с именинами на 24 июня) [147, p. 140]. Так зовут одного из героев романа М. Делибеса «*Los Santos inocentes*» — *el señorito Iván*, человек, родившийся именно в эту эпоху.

Из региональных имен признавались лишь имена «испанского и адекватного звучания» (*expresión genuina y adecuada*): *Aránzazu*, *Iciar*, *Montserrat*, *Vegoña* [20, p. 11—20]. В этот период родители меняли региональные имена типа каталанского *Ferrán* на *Fernando*, баскских *Gaizka* на *Salvador*, а *Iñaki*, *Iñigo* на *Ignacio* или придумывали «экзотическую богородицу» *María de Haidée*, чтобы сохранить имя *Haidée* [4, p. 4].

Тогда же, помимо законодательных, существовали еще и негласные запреты на те или иные имена. Например, дать ребенку имя *Sabino* расценивалось как акт протеста: *Sabino de Arana* — баскский политический деятель, стоявший у истоков национального движения.

Наконец, сразу же после смерти Франко по законодательству 1977 года было разрешено давать ребенку имя на любом языке Испании, хотя и оставался запрет на имена экстравагантные, не свойственные человеку, непочтительные, вызывающие (*extravagantes, improprios de persona, irreverentes o subversivos*). На этом основании один мадридский судья отказался регистрировать имя *Libertad*. В результате, в 1980 году появляется циркуляр, объясняющий, что «не могут считаться экстравагантными, не свойственными человеку и вызывающими имена,

которые относятся к конституционным ценностям» [4, р. 4]. Снова получили право на жизнь иностранные имена, не имеющие испанского аналога, имена исторических, мифологических и других персонажей, но с одним условием: такие имена не должны допускать сомнений о поле ребенка. Начинается настоящий «бум» иностранных имен. С 1994 года можно давать имена на любом языке. Тем не менее, остаются «вне закона» в качестве именовании человека имена животных (например *Vucéfalo*), слова типа *Bombilla* «лампочка», *Toalla* «полотенце» и др. Существуют ограничения и при регистрации диминутивов и гипокористических форм в качестве полных имен. По свидетельству Х. Альбайхеса, один судья отказался регистрировать имя *Lola* (от *Dolores*), это часто происходит с именами *Pepe* (от *José*), *Nacho* (от *Ignacio*). Основание для отказа в регистрации — «фамильярный характер имени» [5, р. 110].

Имеются и другие ограничения в области именования детей. В одной семье нельзя давать одно и то же имя нескольким детям, но если у детей по два имени, то одно из них может повторяться: *José-Luis*, *José-Fernando*, *María-Luisa*, *María-Isabel*. Детям разного пола можно давать мужской и женский варианты одного имени: *Juan / Juana*, *Mario / María*, *José / Josefa*, *Roberto / Roberta*.

Возникает вопрос: почему существовала такая детальная регламентация относительно использования тех или иных имен? Какие процессы скрываются за этой регламентацией? С одной стороны, законодательные положения имели целью оградить ребенка от экстравагантных капризов родителей. *Registro Civil* призван следить за тем, чтобы не получались такие анекдотические сочетания как *Dolores Fuertes de Barriga* (букв.: сильные боли в брюхе) или *Armando Bronca Segura* (букв.: устраивая настоящую взбучку). С другой стороны, за этой регламентацией стоят определенные политические и религиозные интересы. Так, во времена диктатуры ограничения в области именования детей были призваны сохранить в неприкосновенности католический обычай давать имена, содержащиеся в святцах, подчеркнуть национальное единство и унитарный характер государства.

На мой взгляд, действенна и обратная, противодействующая сила, которая и вызывает эти акты регламентации. Несмотря на то, что Испания — страна Марий (как будет показано ниже, более половины женщин носили это имя в XX веке) и Хосе, в народном духе заложено начало эстетического поиска и сопротивления регламентациям. Альбайхес говорит по этому поводу: «Сочетания, не привычные для испанцев, звучат привлекательно, что и объясняет моду на иностранные имена» [5, р. 78]. Тяге к необычным именам способствует, по всей видимости, ограниченный репертуар наиболее распространенных имен.

Законодательные положения в области именованя людей изложены в: *Legislación sobre el Registro Civil* (Ed. Civitas, Madrid, 1977).

Итак, даже краткий обзор показывает, насколько различны тенденции, заложенные в итальянской и испанской антропонимии. Отметим следующие: расширение итальянского именника за счет образований, не входящих в святцы, высокую дифференцирующую силу итальянского антропонима в целом и строгую регламентацию именованя людей в Испании (хотя и значительно ослабленную в последние десятилетия), сочетавшуюся с невысокой дифференцирующей силой имени и фамилии.

§ 6. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИСПАНСКИХ ИМЕН

Испанское антропонимическое пространство весьма разнообразно по происхождению. В нем смешались иберийские, латинские, еврейские, германские, греческие, французские, итальянские, каталанские, славянские, арабские, цыганские и другие элементы.

В дороманский период на Иберийском полуострове сосуществовали и взаимодействовали две системы имен: иберийская и индоевропейская (преимущественно кельтская), наличествовали также имена неясного происхождения [6, XXI—XXIII]. Иберийские антропонимы (под ними мы понимаем и баскские) имеют широкое хождение по всей Испании. Баскскими по происхождению являются имена Velasco, Vasco, Blasc < Velasco (склон горы); Vegoña > Vegoína (вершина)¹. Баскские имена Garsea и Xemeno сохраняются в распространеннейших фамилиях García и Jiménez. В настоящее время популярны баскские имена Ainoha (Ainhoa), Aránzazu, Lourdes, Aitor, Íñigo. Что касается древних иберов, то от них осталось, пожалуй, одно имя — Indolecio [5, p. 23] (об иберийском компоненте испанской антропонимии см.: [6, p. 259—274]).

Самый обширный слой испанской антропонимии — латинский, он представляет собой естественное развитие латинской ономастики. Романское начало господствовало при «переплавке» всего антропонимического материала Иберийского полуострова. Альбайхес приводит около 1360 имен латинского происхождения [5, p. 14], но если считать, что большинство имен в испанском языке изменяется по родам, то их гораздо больше: Aurelia — Aurelio, Benita — Benito и т.д. Известно, что собственно латинских имен (*praenomina*) было очень мало — от них в испанском языке остались, пожалуй, только Marcos, Lucio, Lucía, Gayo, Quinto, Octavio.

¹ Не следует смешивать это имя с именем *Vegonia*. *Vegonia* — американский цветок, названный в честь политика М. Бегона (M. Vego), французского губернатора Ла Эспаньолы — так назывался остров Гаити в XVII веке.

В испанском языке, как и в других новороманских языках, именами становились латинские *nomina* и *cognomina* (Adriano, Antón, Antonio, Aurelio, Camilo, César, Cecilia, Claudio, Constancio, Emilio, Fabián, Fausto, Ignacio, Marcelo, Martín, Maximus, Rufino, Sergio, Silvio, Valentino, Valeriano, Virgilio), а также поздние латинские имена периода империи (Paolo, Alba, Araceli, Beatriz, Cayetano, Clara, Eloy, Esmeralda, Facundo, Gemma, Germán, Hilario, Laura, Laureano, León, Liberto, Lilia, Pelayo, Pio, Plácido, Romeo, Rosa, Victor, Victoriano, Vidal), к *agnomen Augustus* восходят имена Agustín и Augusto. На латинской основе образовались и собственно христианские имена, чаще всего с аугуральным значением: Amedeo, Amado, Amador, Aurora, Benito, Bonifacio, Cristian, Cristina, Cruz, Domingo, Esperanza, Estela, Félix, Fidel, Flor, Gloria, Gracia, Fortunato, Margarita, Natalia, Renato, Salvador, Virginia.

Между выделенными разрядами латинских имен весьма условная граница. Так, имена Mauro, Mauricio, Modesto, Pío, Vidal, соответствующие поздним *cognomina Maurus, Mauritius, Modestus, Pius, Vitalis*, мы отнесли к именам, произошедшим от личных имен периода империи на том основании, что именно в качестве личных имен данные единицы имели наибольшее распространение. На подобном основании латинские имена периода империи Fidel, Félix, Margarita можно рассматривать как аугуральные. Некоторые из перечисленных выше имен можно рассматривать как переводы греческих (Esperanza < Elpis «Надежда»).

Имена Primo, Segundo, Quinto, Octavio, Fermín в Риме означали Первый (сын), Второй, Пятый, Восьмой, Последний. В современном ономастиконе (чаще всего Латинской Америки) эти антропонимы не всегда обозначают последовательность рождения ребенка. От латинских имен происходит и значительная часть испанских фамилий: Pérez < Pedro, López < Lope < Lupus, Márquez < Marco, Martínez < Martín и др.

Греческие имена попадали на испанскую почву двумя путями. Первый источник — Новый Завет, составленный (кроме Евангелия от Матфея) на греческом языке. Так оказались в испанском именнике имена Priscilla, Filemón, Eusebio и многие другие; они были признаны католической церковью. Второй источник — греческая мифология и литература: Afrodita, Casandra, Helena и др. Часть таких имен вошла в святцы (Helena, Ipólito, Inés, Jacinto), другая не была признана церковью (Afrodita, Héctor, Casandra, Dafne, Cloe).

Вот наиболее частотные имена греческого происхождения: Agata, Aglae, Haúdée (имя, которое использовали в своих произведениях Байрон и Дюма-отец), Alejandro, Ambrosio, Anastasio, Andrés, Angel, Arcadio, Arístides, Arsenio, Artemio, Arturo, Basilio, Calixto, Carina, Catalina, Celena, Cintia, Cirilo, Cristóbal, Delia, Helena, Esteban, Eugenio, Evaristo, Felipe, Gregorio, Hércules, Isidoro, Jorge, Jerónimo, Lidia, Macario, Mónica, Nicanor,

Nicolás, Ofelia, Porfirio, Selena, Sofía, Tecla, Tomás, Verónica, Xenia. Греческие имена активно смешивались с латинскими, и в ряде случаев трудно решить, является латинским или греческим тот или иной оним, например Pedro. Известно, что настоящее имя апостола Петра было Симон; сам Христос, согласно Евангелиям от Матфея и Иоанна, поменял его имя на арамейское Kefás, что означает «камень», в переводе на греческий и латинский, соответственно, Pétros и Petrus.

Х.М. Альбайхес приводит имена Bárbara, Esmeralda, Hilaria (ср. русское «Илларион»), Pelayo (< Pelagius, ср. русское «Пелагея») в списке латинских имен. Основанием послужило, вероятно, то обстоятельство, что эти онимы греческого происхождения долгое время присутствовали в латинском именнике и латинизировались.

Важное место в испанской — как и в любой христианской антропонимии — занимают еврейские имена, пришедшие из Ветхого и Нового Заветов: Ada, Adán, Ana, Bartolomé, Belén, Benjamín, Carmelo, Daniel, David, Débora, Elías, Eliseo, Ester, Eva, Ezequiel, Gabriel, Gedeón, Jacobo, Jaime, Jesús, Joaquín, José, Juan, Judit, Lázaro, Lía, Magdalena, Manuel, Marta, Matías, Melchor, Miguel, Noé, Rafael, Rubén, Samuel, Samsón, Sara, Simón, Susana. Некоторые еврейские имена лишь совсем недавно пришли в испанский именник из протестантских стран: Noemí, Raquel, Rebeca.

Весьма обширен круг имен германского (преимущественно готского) происхождения. Использование германских имен, как и в Италии, достигает своего пика в IX—X веках. Во второй половине XX века в обращении находились следующие имена германского происхождения: Adela, Adelaida, Adolfo, Alberto, Alfonso, Alfredo, Alicia, Alonso, Anselmo, Baldomero, Bernardo, Berta, Blanca, Braulio, Brígida, Carlos, Clotilde, Elvira, Enrique, Hermenegildo, Genoveva, Gerardo, Gertrudis, Gervasio, Gilberto, Gilda, Gonzalo, Guillermo, Gutierre, Herminia, Federico, Fernando, Hernán, Leonardo, Leopoldo, Linda, Manfredo, Matilde, Orlando, Óscar, Raimundo, Ramiro, Ramón, Raúl, Ricardo, Roberto, Rodolfo, Rodrigo, Roldán, Romualdo, Roque, Rosalinda, Rosamunda, Ubaldo. От германских имен образовалось много фамилий на -ez: Álvarez, González, Gutiérrez, Fernández, Hernández, Ramírez, Rodríguez. Готского происхождения и фамилии Ruiz, Gómez, Suárez, Flórez, восходящие к исчезнувшим из употребления именам Ruy, Goma (Gomaro), Suaro, Froila.

Имеется и ряд арабских антропонимов, которые сохранились, несмотря на запрет церкви на мусульманские имена, порой и благодаря церкви. Так, женское имя Almudena — арабского происхождения, от арабского топонима Almudaina (маленький город), место, где явилась Божья Матерь Альмудена (María de Almudena) — покровительница Мадрида. Имя Fátima стало популярным после явления Божьей Матери в одноименном португальском селении. Одно из самых распространенных женских имен

Мексика Guadalupe происходит от топонима арабского происхождения: в месте, называемом Guadalupe (оно находится в провинции Эстремадура), явилась Богородица, в ее честь появилось имя María de Guadalupe. В настоящее время Божья Матерь Гуадалупе — покровительница Мексики и Латинской Америки. Соответственно, имя Guadalupe одно из распространенных женских имен в Мексике. Это связано с тем, что Христофор Колумб был глубоким почитателем этого образа Богородицы, который находился в его каюте во время во время путешествия и вместе с ним прибыл в Новый Свет.

Вот еще несколько имен арабского происхождения: Azucena, Jazmín, Zulima.

Имеется и ряд французских имен Coleta, Nicoleta, Anais, Desirée, René. Популярно итальянское имя Sandra / Sandro. Распространены шотландские имена Anabel, Fiona, Jéssica, а также английское имя Vanesa, придуманное Дж. Свифтом как диминутив для *Esther Vanhomerigh*.

Особое место занимают русские имена: Olga, Natacha, Iván (от этого имени образован и женский вариант — Ivana), Boris, Katia (и даже Katiushka — по имени героини популярной сарсуэлы, разновидности испанской оперетты), Dunia, Ludmila, Mila, Gala (так было принято называть Галину Дьякову — супругу Сальвадора Дали), Nadia, Sonia, Tania, Tatiana, Igor, Yurí. Большинство женских имен русского происхождения, как видно из примеров, используется — как и в Италии — в диминутивной форме и появилось на испанской почве совсем недавно, равно как и иностранные имена в целом. Наиболее распространенные русские имена — Olga, Sonia, Iván. Утверждая, что это русские имена, мы имеем в виду их русскую огласовку, поскольку, например, Natacha < Natalia — имя латинское по происхождению; Sonia < Sofia — греческое и т.д. Эти имена содержатся также в католических календарях.

В испанском именнике наличествует и имя Vera, но его этимология толкуется двояко: как производное от латинского verus «настоящий» (Vera Cruz) и как русское Вера (fě). Используются польские имена Casimiro и Estanislao, Wenceslao, также Nepomuceno (ср. украинское Непомука — болтун). Этот антропоним встречается в рассказе А. Паласио Валдеса «Vida de sanónigo».

В последние десятилетия в Испании получили распространение и региональные имена, некогда находившиеся под запретом, которые могут быть как вариантами испанских имен, так и оригинальными именами. Примеры баскских антропонимов мы уже приводили, приведем каталанские: Monserrat, Fiveller, Oriol; галисийское Breogan; гуанчи Ugranfir, Dacil.

Цыгане пользуются не только испанскими именами, но и цыганскими вариантами испанских имен: Adonay — Manuel, Bandolí — Bernardo,

Corpincho — Román, Inosea — Ignacio, Jardany — Juan, Burjachiquí — Barbara, Chimuclaní — Gloria, Chocoronú — Remedios, Dunduní — Clara.

Итак, в этимологическом отношении палитра имен, используемых в Испании, представляет довольно пеструю картину, которая оформилась по фонетическим и грамматическим законам испанского языка. При этом имели место разнообразные фонетические процессы: метатезы (Roldán < Rolando), диерезы (Payo < Pelayo; Ruy < Rodrigo), протезы (Esteban < Stefan) и пр. Фонетический фактор по-разному действовал в различные эпохи и в разных регионах Испании, что обеспечило широкую вариативность испанских имен: Fernando — Hernando — Fernán — Hernán; Santiago — Diego; Rodrigo — Ruy; Aznar — Acemaro — Adelmaro — Ademaro.

Грамматический фактор действовал в направлении дифференциации рода и соответствующего внешнего оформления имени. В результате большинство испанских имен имеют морфологически оформленный вариант мужского и женского рода: Andrés — Andrea, Juan — Juana, Bernardo — Bernarda, Enrique — Enrica (Enriqueta), José — Josefa (Josefina), Benito — Benita, Carlos — Carla (Carlota), David — Davidia, Domingo — Doménica, Elías — Elia, Eloy — Eloina, Ernesto — Ernestina, Guillermo — Guillermina, Lucio — Lucía, Pedro — Petra, etc. Некоторые родовые пары свойственны лишь диалектам (Bernabé — Bernabela). Как видим, способы образования родовых пар разнообразны. Наиболее своеобразно реализуется противопоставление мужского и женского рода в именах славянского происхождения: Estanislao — Estanislá (Estanislá, реже гиперкорректная форма Estanilada), Wenceslao (Venceslao) — Wenceslao (Wenceslá, Wenceslada). Отметим, что появление парных имен объясняется той же причиной, что и в Италии — бедностью средневекового именника. Но имеется и различие: в Италии парные имена — явление более регулярное, чем в Испании. Есть, как указывалось, несколько имен общего рода, более характерных, однако, для Латинской Америки: Martirio, Cruz, Sacramento, Trinidad.

Яркой национально-культурной особенностью испанского именника является наличие в нем женских имен, обозначающих Богородицу (см. ниже). Это составные по структуре имена, первый компонент которых — María, а второй, присоединяемый предлогом de — название места появления Божьей Матери или ее характеристика (призвание, проявление): María del Carmen (название горы в Палестине), María de Guadalupe (топоним), María de Lidón (топоним), María de las Nieves (снега), María de Monserrat (топоним), María de la Natividad (рождество), María de la Luz Divina (Божественный свет), María de la Soledad (одиночество), María del Pilar (столб), María del Camino (дорога), María del Socorro (помощь), María de los Dolores (страдания), María de las Angustias (печали), María de los Milagros (чудеса), María del Consuelo (утешение), María de los Remedios

(избавление), *María del Amparo* (прибежище), *María del Rosario* (четки), *María de la Concepción* (зачатие), *María de la Gloria* (слава). По форме и духу такие имена напоминают названия православных икон: Богоматерь Казанская, Отрада, Утешение, Нечаянная Радость, Знамение, Живоносный Источник и др.

Компонент *María* на письме обозначается обычно аббревиатурой *Ma*. Предлоги и возможный артикль могут опускаться и возникают имена типа *María Carmen*, *Mari Carmen*; *María Guadalupe*; *Mari Nieves*, *María Nieves*; *María Dolores* и т.д., которые могут использоваться как самостоятельные имена. Более того, пропуск связующих элементов может сопровождаться переосмыслением внутренней формы таких имен. Так, имена *Mariluz*, *Marisol* ассоциируются с морем (*mar*), светом (*luz*) и солнцем (*sol*), хотя восходят к составным онимам, прошедшим следующие этапы, соответственно: *María de la Luz Divina* (Мария Божественного Света) > *María de la Luz* > *María Luz* > *Mariluz* (море и свет); *María de la Soledad* (Мария Одиночества) > *María del Sol* (Мария Солнца) > *María Sol* > *Marisol* (море и солнце). В результате имена с яркой религиозной внутренней формой по сути превращаются в языческие.

Первый компонент — *María* — часто опускается, и в обычной жизни функционирует только второй: *Dolores*, *Carmen*, *Angustias*, *Lidón*, *Nieves*, *Remedios*, *Concepción*, *Camino*, *Pilar*, то есть *María* функционирует как «нулевое» имя. Как явствует из списка составных имен, с грамматической точки зрения второй компонент представляет собой существительное мужского или женского рода, как единственного, так и множественного числа. Внешняя форма таких онимов вступает в противоречие с основной — парной — моделью испанского имени, предполагающей наличие мужского и женского вариантов, четко различающихся морфологически (*Juan* — *Juana*, *Antonio* — *Antonia*).

Тем не менее, указанная противоборствующая тенденция, заключающаяся в отклонении от парной модели имени, тоже сильна в испанском языке. Эта тенденция поддерживает функционирование в обществе имен «необычных» с точки зрения внешней формы, чаще всего не содержащих морфемы рода, либо содержащих их нейтрализованные реализации. Ср.: *Aránzazu*, *Menchu* — женские имена, *Josechu* — мужское; *Araceli*, *Nati* — женские имена, *Iñaki* — мужское имя; *Borja*, *Chema* — мужские имена (несмотря на то, что оканчиваются на -a), а *Dolo*, *Charo* — женские, несмотря на то, что оканчиваются на -o.

Наличие имен типа *Chema*, *Dolo*, по мнению Э. Лоренсо [145, р. 68], расшатывают не только категорию рода в целом, но и категорию числа (*Dolores*, *Remedios*). Мне представляется, что это слишком категоричное заявление, поскольку подобное явление — внешнее неразличение грамматического рода и нейтрализация конечных гласных «о» и «а» (в

смысле выражения родовых противопоставлений) — уже давно имеет место и в сфере нарицательных существительных, не затрагивая в целом оппозицию «мужской род» / «женский род»: *la flor — el rumor; la mano — el Papa, el tema*. Ср. также существительные единственного числа, имеющие форму множественного: *el limpiabotas, el paraguas*. Еще А. де Небриха в конце XV столетия, учитывая противоречия в выражении грамматического рода, выделил 7 родов испанских существительных: мужской (*el hombre*), женский (*la muger*), средний (*lo junto*), общий двойной (*el infante, la infante*), общий тройной (*el fuerte, la fuerte, lo fuerte*), сомнительный (*el color, la color*) и смешанный, то есть когда одно слово обозначает особей обоих полов (*el ratón, la paloma*) [176, р. 175—176]. Тем не менее, несмотря на наличие целого ряда случаев нейтрализации показателей рода, противопоставление «мужской род / женский род» остается наиболее яркой оппозицией испанского имени: *niño — niña, chico — chica, maestro — maestra*, равно как и оппозиция «единственное / множественное число».

На мой взгляд, наличие значительного количества личных имен (в том числе диминутивных и гипокористических), не «подчиняющихся» магистральной тенденции испанского языка в противопоставлении рода и числа, еще раз свидетельствует об особом статусе антропонимов как класса слов, о парадоксальности проявлений категорий имени существительного в рамках ономастики.

§ 7. ТИПОЛОГИЯ ИСПАНСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН

По существующему законодательству у испанца может быть одно или два имени, регистрируемых официально. Имя (или два имени) и две фамилии образуют полный антропоним. В средних слоях общества при крещении ребенку, согласно традиции, может даваться от одного до трех имен; в высших слоях число имен увеличивается. В сельской местности существует обычай давать ребенку первое имя по линии отца, второе — по линии матери, третье — по усмотрению священника (см. статью «Nombre» [83]). В результате официально зарегистрированное имя отличается от данного при крещении и от используемого в реальной жизни: человека могут называть совсем не так, как значится в удостоверении личности. Отметим, что в последние десятилетия указанная ситуация встречается все реже.

В результате многовековой эволюции в Испании сложилась уникальная антропонимическая традиция, выкристаллизовалась оригинальнейшая система именования личности. Формальная типология официально регистрируемых имен представляется следующей:

I. Простое имя: *Juan, Miguel, María, Ana*.

II. Сложное имя:

1) Двойное имя — два простых имени, соединенных дефисом: Juan-Carlos, Ana-María, María-Antonia, José-Antonio, José-Luis, Rosa-María, María-Ángela, María-Cristina. Следует отметить, что постановка дефиса часто остается лишь благим пожеланием Гражданской Регистрации, поскольку даже словари пренебрегают этим правилом. Первым компонентом двойного мужского имени этого типа чаще всего являются в Испании José, Juan, Francisco (соответственно, 18,3%, 6% и 5,7% от общего количества использования этих имен) [4, p. 78]. José может выступать в качестве «нулевого» имени. Автору знакомы испанцы (представители старшего поколения), которых называют Luis при полном имени José Luis; при этом первый компонент имени как бы «подразумевается». Остальные имена в качестве первого используются реже. Напротив, в Латинской Америке подобных ограничений не существует, и двойное имя может быть любым по составу: Carlos Alfredo, Roberto Carlos. Что касается женских имен, то обязательным компонентом двойного женского имени является María. В Италии, как известно, наблюдается бóльшая свобода в сочетаемости компонентов сложных имен.

Традиция двойных имен поддерживается высшими слоями общества: нынешний король Испании — первый король, носящий двойное имя (Juan Carlos), равно как и последние папы: Giovanni Paolo (Juan Pablo) I и Giovanni Paolo (Juan Pablo) II.

2) Составное имя. Составное имя, как уже говорилось выше, это имя Богородицы — María, сопровождаемое указанием на место ее появления или ее характеристику: María del Carmen, María del Pilar, María de los Dolores, María de las Angustias. В испанской антропонимической традиции такие имена имеют особое название — **advocaciones marianas**. С одной стороны, составные имена проявляют тенденцию к переходу в разряд двойных имен. Так, имена María Gloria, María Victoria, восходящие к María de la Gloria, María de la Victoria, с точки зрения состояния современного испанского имени можно рассматривать как соединения двух простых имен. С другой стороны, первый компонент составных имен (María) является принадлежностью официальной сферы функционирования полного имени, в реальной же жизни используется только второй (Remedios, Pilar, Camino, Dolores, Socorro), то есть первый компонент María в таких случаях выступает как «нулевой» оним. Составные имена в настоящее время выходят из моды; пик их популярности приходится на период между 1900—1940 гг.; в последующие десятилетия наблюдалось неуклонное снижение их рейтинга. «Нулевое» имя — ярчайшая черта испанской антропонимической системы.

Имена этого типа многочисленны. По свидетельству Р. Фауре, из «марианских» онимов можно было бы составить целый словарь, включающий общенациональные и региональные единицы [90, XIII].

3) Гибридные имена. К ним относятся мужские имена со вторым компонентом *María* и женские имена со вторым «мужским» компонентом *Jesús* или *José*. В традиционном именнике это три мужских имени: *José María*, *Jesús María*, *Juan María* и два женских — *María Jesús*, *María José*. Итальянские и французские гибридные имена более свободны по составу.

Гибридное имя, как правило, выступает как унитарное имя и официально может быть зарегистрировано в сочетании с еще одним именем, как в случае известного политического деятеля: *José María Alfredo Aznar López*.

III. Смешанные имена. Это слияние двух имен в одно; при этом второе имя часто выступает в усеченной форме: *Maribel* < *María Isabel*, *Marisa* < *María Luisa*, *Alvarando* < *Álvaro* + *Fernando*; *Analía* (*Ana* + *Lía*), *Mariana* < *María* + *Ana*, *Marica* < *María* + *Mónica*, *Marinés* < *María* + *Inés*, *Martana* < *Marta* + *Ana*, *Marisol* < *María* + *Soledad*, *Mariluz* < *María de la Luz*.

Обилие сложных имен объясняется низкой различительной силой обычных испанских имен. В самом деле, имя *María* настолько распространенное, что нуждается в дополнительных индивидуализаторах. Более половины жительниц Мадрида в конце двадцатого века носили сложные имена, то есть называются Мариями; в Барселоне наполовину меньше [5, p. 82]. Отметим, однако, что Мариями они числятся чаще всего на бумаге, так как обычно пользуются лишь второй частью имени: «Имя *María* отдельно встречается редко, почти всегда оно выступает в сочетании с другим именем» [77, p. 405]. В дореволюционной России это имя тоже стояло на первом месте [279]. Имя *María*, довольно редкое в эпоху раннего христианства, в средние века становится лидирующим [133, p. 1610], а в XX веке становится в Испании почти нарицательным и используется в качестве синонима слова *mujer* (женщина). Именно так в сельской местности торговцы на рынке зазывают покупательниц: ¡*Marías*, *Marías*!

Самое распространенное сложное (составное) женское имя *María del Carmen* или в обиходе просто *Carmen*; мужское — гибридное *José María*; далее следуют сложные имена *José Luis*, *José Antonio*. Следует отметить, что женщинам сложные и смешанные имена дают чаще и их репертуар гораздо богаче. Обычай давать сложные имена возник в Испании в средние века — в эпоху преобладания небольшого количества «модных» христианских имен — и имел, в первую очередь, прагматическую направленность дифференцировать имя и лишь во вторую очередь — дать ребенку двух святых покровителей. Этот обычай широко распространился по всей Европе, особенно во Франции, где впервые появились гибридные имена, то есть имена совмещающие мужской и женский компоненты; такие имена стали очень популярными и из Франции попали в Испанию. Но, в отличие от Франции, в Испании, как указывалось, их список ограничен: *José María*, *Jesús María*, *Juan María* и *María José*, *María Jesús*. По-французски

же для первого компонента ограничений нет: Philippe-Marie, Charles-Marie и др.

Имя, как известно, используется прежде всего в семье, а также в ситуациях неформального симметричного или несимметричного общения (от старшего к младшему, как в возрастном, так и в социальном плане, хотя в настоящее время в Испании возможно обращение по имени и от младшего к старшему, см. ниже). Имя может выступать в виде целого ряда вариантов — обиходных имен (гипокористических форм) и диминутивов. Знание обиходных форм имени — важнейший компонент владения любым языком. Обиходные формы в совокупности с именем и фамилиями составляют парадигму испанского антропонима.

Обиходные формы и диминутивы образуются следующими способами:

1) путем усечения основы. При этом могут иметь место: а) апокопа: Rafa < Rafael, Reme < Remedios; б) афреза: Rat < Monserrat, Cio < Concepción; Berto < Alberto;

2) путем суффиксации: Ana — Anita; Pedro — Pedrito;

3) супплетивным способом: Paco < Francisco; Pepe < José; Lola < Dolores. К супплетивной или усеченной основе (часто представленной лишь одним согласным) могут добавляться аффиксы: Charito < Rosario, Sito < Alfonso; Fito < Alfredo; Ito < Arturo;

4) иногда используется удвоение одного из слогов основы: Fafa < Rafael (подробно фонетические процессы при образовании диминутивных и кратких форм рассматриваются в: [30, p. 1613—1639]);

5) в последние десятилетия приобрели популярность формы на *-i*, *-u*, появившиеся под влиянием иностранной ономастики и распространившиеся благодаря массовой культуре.

Ниже приводятся наиболее употребительные испанские имена и их обиходные и диминутивные формы.

Мужские имена:

Adolfo — Dolfo, Fito;
Agustín — Tin, Tino;
Alberto — Berto;
Alejandro — Alejo, Alex, Jandro;
Alfonso — Al, Alf, Sito, Fonso,
Foncho;
Alfredo — Alfi, Fito, Fredo, Fredi,
Freddy;
Andrés — Andy;
Ángel — Gelo, Gelito, Angy;
Antonio — Tonio, Tónico, Toño,
Tony, Antón;

Arturo — Ito, Turo;
Augusto — Cacho, Chucho;
Aurelio — Auri;
Benito — Beni, Nito;
Bernardo — Berna, Nardo;
Cristóbal — Calito, Cris, Cristo,
Lito;
Daniel — Dani;
Domingo — Domy, Mingo;
Eduardo — Dado, Duardo, Duarte,
Lalo;
Enrique — Quique;

Ernesto — Nesti;
Esteban — Tebi, Steve;
Eugenio — Geni;
Federico — Deri, Freddy, Fede;
Fermín — Mini;
Fernando — Nando;
Francisco — Curro, Frasco,
Frasquito, Paco, Paquirrín, Quico;
Gabriel — Gabi;
Gerardo — Geri;
Gonzalo — Gonsito;
Gregorio — Grego, Orio;
Guillermo — Guille, Guiller;
Gustavo — Gusty;
Ignacio — Nacho, Iñaki;
Jaime — Jaimito, Jimmy;
Javier — Javi, Chavi;
Jesús — Chus;
Joaquín — Quín, Ino;
José — Jose, Pepe, Bepo, Pepín,
Pepito;
José María — Chema, Chemar,
Chemari, Josema;
Juan — Juanet, Juanillo, Juanete,
Nito;

Juan Carlos — Juanco;
Juan José — Juanjo;
Julio — Juli;
Lorenzo — Enzo;
Luis — Lucho, Isín;
Manuel — Manolo, Manolete,
Mano, Nelo, Nelet;
Marcos — Marco, Marc;
Martín — Marty;
Miguel — Mikel, Miky;
Nicolás — Nico;
Pablo — Paulo;
Pascual — Pasquís;
Pedro — Pedrín, Perucho, Perico;
Rafael — Rafi, Rafa, Rafles, Rafita,
Fafa;
Ramón — Moncho, Rami;
Raul — Uly;
Ricardo — Richy, Ricky, Richard;
Roberto — Bob, Berto;
Salvador — Salvi;
Santiago — Santi, Yago;
Teodoro — Teo, Doro;
Tomás — Tom, Tommy;
Valentín — Val, Vale, Valen.

Женские имена:

Adela — Ada, Ela, Dela;
Agustina — Tina, Tinita;
Alberta — Berta;
Alicia — Ali, Licia, Licy;
Amalia — Amy, Lía;
Amelia — Amy;
Ana — Any, Anaís, Nana, Anusca;
Ángela — Ange, Angi, Ángel,
Gelina, Gela, Gele;
Antonia — Tonia, Toñi, Toñeta,
Antonieta;
Araceli — Celi;
Ascensión — Ascén, Chon, Chony;
Asunción — Asún, Sunsy, Tuta;
Beatriz — Bea;
Carmen — Menchu, Carmenchu,
Maica, Tita, Mamen, Carmina,
Carmiña, Carmela;
Carolina — Carol, Carola, Ina,
Lina;
Catalina — Alina, Ina, Caty;

Cecilia — Ceci;
Celia — Celi;
Concepción — Concha, Conchi,
Conchita, Conci, Conca, Pechina,
Conchín, Conchitín;
Consuelo — Lito;
Cristina — Cris, Crista, Cristín,
Tina;
Dolores — Lola, Loles, Loli, Lolita,
Dolo, Doli, Doly, Mariló, Maridolo;
Elena — Ena, Lena;
Elisa — Eli, Isa, Lisa;
Emilia — Emi, Mili;
Encarnación — Encarna, Encarni,
Nita;
Enriqueta — Queta, Queti;
Eulalia — Laly, Ito, Lalín;
Eva — Evi, Evita;
Francisca — Fanny, Francina,
Francis, Paqui, Paquita;
Gloria — Oria,

Inés — Sita;
 Inmaculada — Ada, Inma;
 Isabel — Bel, Bela, Beli, Chabela,
 Chabeli, Isa, Babel;
 Jesusa — Chusa, Susa;
 Josefa — Sefa, Sefita, Pepa, Pepita;
 Josefina — Fefa, Fina, Josita, Pepa,
 Pepita, Nita, Sefi;
 Juana — Ana, Neta, Nita, Juanita;
 Judit — Judi;
 Julia — Juli, Lía;
 Lucía — Lucy;
 Luisa — Lui, Sita;
 Magdalena — Dali, Lena, Magda;
 Margarita — Margo, Daisy, Rita;
 María — Mari, May, Maruja, Maru,
 Mariona, Mariana;
 María Antonia — Marian;
 María del Carmen — Maica,
 Mayca, Maca, Mamen, Menchu,
 Carmina;
 María Isabel — Isabel, Mabel,
 Maribel;
 María Luisa — Marisa;
 María de la Luz — Mariluz;
 María de la Soledad — Marisol;
 María Teresa — Mariteri;
 María Victoria — Mari Vivi,
 Marivi, Mavi, Vivi, Vicky;
 Marina — Ina, Mar;

Marta — Tita;
 Matilde — Maty;
 Mercedes — Mercé, Merche;
 Milagros — Mila, Mili, Miluchi;
 Mónica — Mona, Mony, Nica;
 Montserrat — Montse, Rat, Munsa,
 Montsita;
 Natalia — Natal, Natacha, Tali;
 Natividad — Nati, Navi;
 Nieves — Neusita;
 Nuria — Nuri;
 Pilar — Pili, Piluca, Piluchi, Pila,
 Pilarín, Arín;
 Purificación — Puri, Purita;
 Ramona — Monchita, Mona, Ona,
 Ram;
 Remedios — Reme, Remy, Mey;
 Roberta — Berta, Bertina;
 Rosa — Ros, Rosi, Rosita;
 Rosario — Charo, Charito, Sarito;
 Sara — Sari, Sarita;
 Soledad — Sole, Chole;
 Susana — Su, Susan, Susi, Ana;
 Teresa — Tere, Terry, Tessy;
 Trinidad — Trini;
 Valentina — Valen;
 Yolanda — Yoli.

Особенности испанских кратких и диминутивных форм следующие.

Во-первых, указанные формы стремятся к самостоятельности и со временем могут стать отдельными именами. Так произошло с именем Diego < Santiago. Так происходит с именами Lola < Dolores, Iñaki < Iñigo, Ignacio; Nana < Ana, Nacho < Ignacio, Concha < Concepción (ср. имя известной писательницы: Concha Espina)²; Mabel — сокращенное имя от María Isabel и самостоятельное имя; аналогично, Marisa < María Luisa; Alejo, Duarte — самостоятельные имена и диминутивы, соответственно, от Alejandro и Eduardo.

Во-вторых, разные испанские имена могут иметь одну и ту же краткую форму, которая может совпадать с полным именем. Например, Berta — отдельное имя и обиходная форма от Alberta, Roberta; Adela —

² Интересна и история происхождения этого гипокористического образования. Э. Лоренсо считает, что Concha происходит от Conchita (а не наоборот), а Conchita, в свою очередь, от итальянского Concetta [145, p.169].

отдельное имя и краткая форма от Adelaida и Adeltrudis. Ada — отдельное имя и сокращенное от Adela, Adelaida, Adelina, Adelia. Carmela — самостоятельное имя и уменьшительное от Carmen. Lena может быть сокращенной формой от Elena и Magdalena; Lía — от Amalia и Julia; Tina — от Agustina и Cristina и т.д. Кроме того, могут совпадать мужские и женские обиходные формы. Mili (Mily) может быть дериватом как от Emilia, так и Emilio; аналогично Angi (Angy) — от Ángela, Ángel и т.д. Аналогично в русском языке: Саша < Александр/а, Валя < Валентин/а.

В-третьих, репертуар обиходных кратких имен и диминутивов довольно беден по сравнению с русским языком. Ср., например, дериваты от имени Анна: Аня, Анечка, Анка, Анька, Анюта, Анютка, Анюточка, Нюра, Нюрка, Нюрочка, Нюся, Нюсенька, Нюша и др. При этом русские дериваты могут содержать сему «неуважительного отношения», «пренебрежения»: Колька, Анька, Нюрка, а также самые разнообразные коннотации, которые становятся понятными лишь в конкретной ситуации. Ср. такие дериваты: Колян, Витек, Ленчик, Шурик, Вовочка, Вовчик, Володька, Володяка и др. Гораздо разнообразнее деривация от личных имен и в итальянском языке. Испанский диминутив, по нашим наблюдениям, может содержать лишь возрастные и, так сказать, «габаритные» указания: Juanito, Manolín — это дети или взрослые люди маленького роста, хотя в ряде случаев коннотация «маленький рост» сочетается с коннотацией «низкий социальный статус». Очень редко дериваты испанских имен могут содержать сему «неуважительного отношения»: No es María, es Maruja. Редко используются и увеличительные суффиксы: un Cristobalón desnudo (Lorca).

В то же время яркой характеристикой испанских диминутивов является то, что они используются для именованья кумиров — популярных тореро, футболистов, певцов и певиц. Наиболее известный тореро 90-ых годов — Jesulín (Jesús de Ubrique). Знамениты также Joselito (José Castro), Antoñete (Antonio Jiménez), Chanito (Sebastián Martín Lorenzo), а также Manolete, Joselito, Iñaki. Известную певицу Сапу Монтбель называли Sarita, певицу Лолу Флорес-младшую — Lolita; Rociíto (Rocío Carrasco) — дочь известной певицы и тореро, Kiko (Francisco) — игрок мадридского клуба Атлетик.

Еще одна особенность испанских диминутивов и кратких имен состоит в том, что не все имена равноправны в этом отношении: у одних имен их больше, у других их меньше. Много дериватов у следующих имен: Dolores, Concepción, Francisco, Francisca, José, Josefa, Josefina, María, Carmen, José María; они часто используются, хотя каждый случай использования / неиспользования диминутива глубоко индивидуален. Так, информантку Марию (53 года) всю жизнь звали María, редко в детстве Mari; информанта Alfredo (26 лет) никогда не звали Fredo, только одно время в

школе его называли Alf по имени героя одного мультфильма; информанта Alfonso (28 лет) звали Sito непродолжительное время в раннем возрасте; информанта по имени Jesús (44 года) всегда называли только полным именем.

Как показало анкетирование, 6% опрошенных отметили, что их очень редко называли кратким именем; 20% заявили, что их никогда не называли уменьшительным именем; таким образом, в 26% случаев обиходное имя практически не употребляются. Респонденты подчеркивают, что краткие имена и диминутивы чаще используются среди друзей, чем в семье (соответственно, 30% и 26%). Более того, 90% опрошенных утверждают, что обычно их называют полным именем при несимметричном общении (преподаватель к студенту, учитель к ученику) или при общении с людьми, с которыми нет дружеской близости.

В русских социумах там, где принято обращаться по имени (без отчества) обычно используется один из дериватов имени. Использование исходной формы, например, в семье, как указывалось, означает начало серьезного разговора, является сигналом особой ситуации. Ср. мать сыну: Владимир, подойди сюда, я хочу с тобой поговорить.

Наконец, обиходные имена, в частности диминутивы, чаще используются на американском континенте. Так, словарь Р.Д. Вудза (Woods) приводит гораздо больше обиходных имен по сравнению с испанскими словарями. Например, дериватов имени Adela у Вудза 5: Adita, Dela, Lela, Lita, Delita. Альбайхес [5] приводит только 3: Ade, Ela, Dela.

Женские диминутивы Juanita и Glorita относятся к наиболее распространенным официальным именам среди мексиканцев, проживающих в США; они занимают, соответственно, пятое и шестое места, согласно рейтингу имен, приведенному Р.Д. Вудзом; в то время как исходный оним Juana занимает восьмое место в этом списке. Такое положение объясняется, в первую очередь, широким распространением в латиноамериканских вариантах испанского языка деривации с уменьшительными суффиксами.

§ 8. ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ

Как дается имя испанцу? Почему отдается предпочтение тому или иному имени? Длительное время в Испании, как и во всем христианском мире, существовал обычай давать имя по святым; при этом в связи с тем, что большинство испанских имен образуют родовые пары, возможно, что одного и того же святого покровителя будет иметь и мужчина и женщина. Так, San José — покровитель всех Хосе, Хосеф (Josefa) и Хосефин (Josefina). Поскольку José — самое распространенное традиционное мужское имя, то день Святого Хосе является официальным праздником —

Днем отца. Отметим, что популярным это имя стало лишь в XIX веке, когда папа Пий IX объявил Святого Иосифа покровителем Вселенского собора. Обычай давать имя по святым сохраняется в настоящее время в религиозных семьях. Альбайхес считает, однако, что этот обычай уходит в прошлое [5, p. 100]. К. Гарсия Гальярин тоже отмечает отсутствие интереса к святым (*el desinterés por el santoral*) [104, p. 20].

Другая традиция наречения младенцев — по семейному имени в следующем порядке: по имени отца, матери, деда и бабушки по отцу, деда и бабушки по матери и т.д. (*Enciclopedia de la cultura española, «Nombres»*). Существует также обычай давать в каждом поколении определенное имя; например, мне известна семья, в которой первенца мужского пола принято называть Miguel. К. Гарсия Гальярин приводит результаты социологического опроса среди лиц, рожденных между 1961 и 1975 годами (преимущественно это были студенты университета). Из них 70% заявили, что их имена — продолжение семейной традиции (чаще всего их называли так же, как родителей или дедушек и бабушек, редко как дядей и других родственников) [104, p. 20].

М. Молинер приводит также обычай называть новорожденного именами крестного отца и матери (см. статью «*Nombres propios*» [169]). Древней является традиция наречения ребенка по обстоятельствам рождения: Noel, Jesús, Natalia, Natividad — дети, родившиеся на Рождество; Reyes — 6 января (на праздник Reyes Magos); Fé, Esperanza, Amor — 17 сентября и т.д. Распространен обычай давать ребенку имя наиболее почитаемого в данной местности святого. Так, имена Carmelo, Carmela распространены в Сории, Nuria — в Каталонии. Имя Пилар наиболее популярно в Сарагосе (в честь Марии дель Пилар); женское Camino встречается исключительно в Леоне (*Virgen del Camino*).

Х. Альбайхес считает главным фактором при выборе имени эвфонию [5, p. 102]. В самом деле, эстетический аспект имени очень важен, но является субъективным и преходящим: имена, звучавшие красиво несколько лет назад (*Marcelino, Laureano, Transfiguración, Ramona*), сегодня вызывают всеобщее неодобрение [5, p. 103]. Фактор необычного звучания, как указывалось, является весьма привлекательным для испанца, что объясняет особую «тягу» к использованию иностранных имен.

Необычно явление, появившееся в последние десятилетия — именовать младенцев топонимами; это не только места полонничества (входящие в традиционные составные — «марианские» — имена: *Fátima, Lourdes, Almudena, Mairena, etc.*), но и такие географические названия как *Asia, Israel, Italia, Ítaca, etc.* К. Гарсия Гальярин отмечает, что ее информантка, верующая, назвала свою дочь Leire (*Leyre*) не из религиозного чувства (в горах Лейре расположен знаменитый монастырь

San Salvador de Leyre), а за приятное звучание слова, мир и красоту этого места [104, p. 22].

Наконец, важнейший фактор — мода. Этот фактор действует по-разному. Существует, помимо моды эстетической (эвфонической), так сказать, мода политическая. Например, в конце XIX века существовала мода давать имена по политическим убеждениям. Среди традиционалистов были популярны королевские имена Carlos и Margarita; среди последователей Балдомеро Эспартеро — имя Baldomero. Фалангисты любили давать сыновьям имя José Antonio (в честь основателя фаланги José Antonio Primo de Rivera). В конце XX века высокий рейтинг имели имена Sofía, Elena, Cristina (то есть имена нынешней королевы и инфант).

В средние века самым распространенным мужским именем, по мнению Г. Тибона, было Gonzalo; оно было таким популярным, что использовалось в качестве синонима слова «муж» (marido): *En casa de Gonzalo más puede la gallina que el gallo* [218, p. 2]. На наш взгляд, о степени популярности тех или иных имен в средние века можно судить по патронимическим фамилиям, появившимся в указанную эпоху и сохранившимся по настоящее время. Вот наиболее распространенные патронимические фамилии: Pérez, Fernández, García, López, Sánchez, Martínez, Martín, González, Rodríguez, Gómez, Álvarez, Ruiz, Díez, Gutiérrez, Jiménez, Muñoz, восходящие, соответственно, к Pedro, Fernando, Garza, Lope, Sancho, Martín, Gonzalo, Rodrigo, Goma, Álvaro, Ruy, Diego, Gutierre, Ximeno, Muño.

Д. Кремер приводит списки наиболее употребительных имен из документов XIII века. Из общего числа мужчин (5362), упомянутых в рассмотренных им документах, 3880, то есть 72.36% носили 20 наиболее популярных имен. Это (в порядке частотности): Pedro, Domingo, Juan, Martín, Pelayo, Fernando, Pascual, Miguel, Rodrigo, Gonzalo, García, Muño, Gil, Sancho, Blasco, Sueiro, Menendo, Vermudo, Gómez, Nuño [133, p. 1609]. Как видим, имеются расхождения между списком патронимических фамилий и списком Д. Кремера, что естественно, поскольку последний относится к определенному отрезку времени, в то время как фамилии формировались веками. Из общего числа женщин (2668) больше половины — 1577 женщин, то есть 58.67% носили 14 имен: María, Marina, Menga, Sancha, Urraca, Elvira, Mayor, Aurum (Oro, Oria, Miouro, Orvellido), Abosinda, Gontrod, Sol (Miasol), Juana, Duenna (Maduenna), Pascuala [Там же. P. 1610]. Как явствует из этого списка, ряд имен полностью исчез из женского именника.

Х. Альбайхес [5, p. 125] иллюстрирует эволюционные процессы испанской ономастики следующей таблицей. Вот рейтинг мужских имен:

<u>1363</u>	<u>1452</u>	<u>1640</u>
Pedro	Juan	Juan
Bernardo	Pedro	Francisco
Guillermo	Antonio	Pedro
Francisco	Francisco	Miguel
Berenguer	Bernardo	Antonio
Jaime	Bartolomé	José
Ramón	Jaime	Pablo
Juan	Guillermo	Jaime
Amaldo		Bernardo
Bartalomé		

В XX веке происходят следующие изменения в именовании испанцев (проценты приводятся не от всего корпуса имен, а лишь от 30 самых распространенных мужских и 54 женских имен (данные Альбайхеса [5]):

	1900	1936	1970	1993
María	28,141	16,47	2,46	14,43
Ana	6,79	7,08	14,56	14,43
Marta	0,29	1,02	9,52	9,78
Ariadna	0,042	0,012	0,22	3,88
Carla	0,29	0,11	0,61	5,12
Carmen	15,05	0,21	9,70	0,85
Cristina	0,78	0,59	10,54	8,33
Dolores	11,81	11,44	3,33	0,08
Francisca	7,77	6,92	1,44	0,18

	1900	1936	1970	1988	1990
Jéssica	0,00	0,00	0,04	4,32	1,27
Josefa	13,48	13,05	5,23		0,05
Judith	0,07	0,02	1,24		4,91
Laura	0,59	0,47	5,06		11,90
Mercedes	8,85	7,26	5,12		0,59
Montserrat	2,65	7,56	10,21		1,06
Nuria	0,09	4,67	8,01		5,58
Sandra	0,00	0,02	1,09		4,86
Vanessa	0,00	0,02	0,16		1,03
Alberto	0,72	1,88	4,58		3,22
Ángel	1,74	2,27	1,43		0,47
Antonio	11,24	11,45	5,30		0,95
Bernardo	0,19	0,25	0,33		0,33
Carlos	1,55	2,20	7,24		2,63
Daniel	0,58	0,50	3,31	9,63	3,19
Enrique	2,71	2,87	2,74		1,04

Iván	0,15	0,01	0,40	4,14	0,97
Jaime	3,39	3,87	3,70		0,58
Joaquín	5,23	2,50	1,63		0,28
Jorge	0,19	4,29	11,25		4,19
José	27,51	21,82	14,67		2,20
Juan	15,31	13,01	11,00		3,05
Luis	4,45	4,77	3,64		1,46
Manuel	5,23	4,35	4,78		1,04
Miguel	5,23	4,35	4,32		1,81
Pedro	4,45	2,55	2,50		0,70
Rafael	2,51	2,51	1,55		0,31
Roger	0,19	0,23	0,44	2,58	0,75

После гражданской войны в Испании были популярны женские религиозные имена (*advocaciones marianas*) *María del Rosario*, *María de la Visitación*, *María del Amparo*, *María del Consuelo*, *María de la Encarnación*, *María de la Concepción*, которые обычно использовались в редуцированных формах.

В 80-е годы начинается мода — в связи со снятием ограничений — на иностранные имена: Sandra, Jéssica, Vanessa, Jonatan, Andrea, Tamara, Nadia и т.д. Многие имена становятся модными благодаря телесериалам: Heidi, Davinia, Pamela, Kevin и др. Среди русских имен, данных в Барселоне в 1993 году фигурируют мужские имена Iván (31 место), Alexis (131) и как редкие — Yuri, Boris, Igor, Maxim; среди женских имен — Sonia (33 место), Natalia (38), Tania (41), Olga (61), Tamara (89), Nadia (98), Irina (117); как редкое отмечено имя Raísa.

Как видно из приведенных цифр, María в конце XX века продолжает лидировать в женском именнике. Любопытно, что ни в США, ни в Великобритании имя Mary не входит в 50 наиболее употребительных имен [78]. В то же время в среде американцев мексиканского происхождения это лидирующее имя, причем в двух вариантах — испанском María и английском Mary; первый вариант занимает первое место среди всех женских имен, второй — третье место [233, p. 162]. Популярность имени María — важнейшая социо-культурная особенность испанского мира и объясняется глубоким почитанием Богородицы. Мужской вариант этого имени Mario занимает в Латинской Америке пятое место после следующих имен: José, Juan, Miguel, Jesús.

Что касается испанских мужских имен, то заметна тенденция к снижению доли José в мужском именнике; интересно также то обстоятельство, что среди мужских имен в настоящее время нет абсолютно лидирующих, то есть идущих «с большим отрывом» от остальных имен; в начале прошлого века таким именем было José.

Приведенные выше данные отражают ситуацию указанного периода в Барселоне, хотя в целом были характерны и для всей Испании.

Единственная особенность антропонимической картины в Барселоне — лидерство Jorge — святого покровителя Каталонии. Аналогично объясняется популярность в этом регионе и женского имени Montserrat: так называется одно из наиболее почитаемых мест явления Богородицы. Имеющиеся региональные различия в предпочтении тех или иных онимов практически не затрагивают основной костяк наиболее частотных испанских имен.

Имеются и социальные особенности использования имен. Альбайхес и Гарсия Гальярин отмечает, что Demetrio, Camilo, Matías, Tomasa, Nicolasa, Casimira, Ricarda — сельские имена. (Курьезный случай, о котором уже говорилось выше: русский аспирант-испанист по имени *Дмитрий* представился группе испанских туристов как *Demetrio*, что вызвало смех, поскольку испанское имя в этой ситуации звучало комично). Напротив, имена имущих слоев послевоенной Испании — José Antonio, Francisco, Juan Bautista, Pilar, Carmen [5, p. 224; 104, p. 8].

Под влиянием сентиментальных журналов стали популярными имена Juan Carlos, César, Jorge, Sofía, Isabel, Tamara. В фильмах Bautista, Gastón, Ambrosio — шоферы или мажордомы; Tomasa, Petra — служанки; Alejandra, Álvaro, Sergio, Angelina, Paulina, Carolina — хозяйка дома [5, p. 102].

В последние десятилетия двадцатого столетия произошли коренные изменения в антропонимических пристрастиях испанцев. Ниже мы приводим рейтинг имен, данных детям в Барселоне в 1993 году и в Мадриде в 1994 году.

Barcelona

Мужские имена	Женские имена
Marcos	Ana
Jorge	Laura
Sergio	Marta
Alberto	Andrea
Daniel	Cristina
Adrián	Sara
Juan	Patricia
Alejandro	Alba
David	
Víctor	

Madrid

Alejandro	Andrea
Héctor	María
Miguel	Cristina
Jonatan	Irene
Diego	Laura
Adrián	Andrea
Iván	Paula

Lucas	Luca
Sergio	Ana
Javier	Marta
Kevin	Carla
	Tamara
	Elena

Как видим, имя José выпало из числа любимых мужских имен (в Барселоне и Мадриде), а María, Montserrat — из числа женских (в Барселоне). Произошло изменение и в самом наборе наиболее популярных имен. Так, исчезли Pedro, Antonio, Manuel, Luis (Барселона, Мадрид), Juan (Мадрид), но появились имена с неиспанским написанием (Kevin) и неиспанской произносительной нормой: Jonatan произносится как [Yonatan] вместо ожидаемого [Xonatan]. В число частотных имен попали имена, не входящие в святцы (Héctor, Alba). Самое интересное заключается в том, что появляются значительные региональные различия в наборе популярных имен. Ср.: в мужских списках совпадают только 3 имени (Sergio, Alejandro, Adrián). (Кстати, в итальянском именнике последних десятилетий имя Alessandro тоже является лидирующим; как и в Москве и других крупных городах России в последние годы имя Александр занимает первую позицию (Дни. Ру. Интернет газета, 09.02.2009). В целом же в антропонимии населения Барселоны преобладают традиционные имена.

Мужские имена	Женские имена	
	1983	1994
José	1	1
Juan	2	2
Jorge	5	3
Francisco	3	4
Antonio	4	5
Jaime	6	6
Ramón	7	7
Manuel	9	8
Pedro	8	9
Javier	12	10

В настоящее время система личного именования в Испании претерпевает кардинальные изменения. И дело не только в том, что наблюдается экспансия региональных и иностранных имен (например, в 2004 году высокий рейтинг среди новорожденных имели имена *Iván, Alex, Marc, Iker, Pau, Joel; Nerea, Ainhoa, Laia, Aitana, Aroa*), сколько в том, что происходит, так сказать, «выравнивание» типологии личного имени по англосаксонской модели: уменьшается доля двойных и гибридных имен, исчезают составные имена (*nombres marianos*). Так, среди 105 имен с наиболее высоким рейтингом, присвоенных детям в 2004 году мужские

двойные имена *Miguel Ángel, Francisco Javier, José Antonio, José Manuel, José Luis, Juan José, Juan Manuel, Juan Carlos, Juan Antonio, Francisco José* находятся, соответственно, на 37, 47, 51, 56, 69, 71, 77, 83, 85, 88 позициях, а гибридное имя *José María*, Совсем недавно одно из самых популярных, — на 78 позиции [126]. Между тем, еще 10 лет назад среди взрослого населения Мадрида 12 наиболее распространенных двойных и гибридных имен носили 17.38% мужчин [5, p. 82]. Еще более значительные изменения в женском именнике: если десять — пятнадцать лет назад почти половина жительниц Мадрида имела двойные имена [5, p. 82], то в 2004 среди 105 наиболее распространенных женских имен, данных девочкам при рождении, было зафиксировано всего три сложных имени: двойное *Ana María*, составное *María del Carmen* и гибридное *María José* (соответственно, 62, 90 и 102 позиции) [126]. Некоторые составные имена редуцировались в простые и используются в качестве официальных имен без компонента *María*: *Carmen, Rocío, Victoria, Almudena, Gloria* (18, 51, 58, 112, 132 позиции) [126].

Тем не менее, сложные имена продолжают оставаться ярчайшей особенностью испанского именника. Свидетельство тому — появление образований типа *Kevin Kostner* в качестве личных имен. Двойные имена в настоящее время позволяют «отдать дань» как моде, так и традиции (семейной или религиозной). К таким образованиям можно отнести *Alexis Isidro, Cristian Felipe, Deborah Carmen, Elisabeth del Carmen, Jennifer Purificación, Jessica Teresa*, зафиксированные словарем К. Гарсия Гальярин. Сохраняется и другая яркая черта испанского именника — приверженность к имени *María*: это имя было на втором месте у девочек, родившихся в 2004 году, и с учетом предыдущих поколений по-прежнему остается лидирующим.

Еще одна явная тенденция в испанском именнике — уменьшение доли парных имен (в первую очередь, за счет исчезновения женского варианта имени) вписывается в тенденцию «выравнивания» ономастикона по англосаксонской модели лишь отчасти. Определенную роль играет также отход от святцев, которые часто «навязывали» тему имени. Становятся редкими не только женские имена, составлявшие пару именам, употреблявшимся преимущественно как мужские (*Alfreda, Álvara, Baltasara, Bartola, Fausta, Gerarda, Ignacia, Jorja, Ricarda, Rodriga, Víctora*), но и женские варианты имени, некогда довольно распространенные (*Agustina, Benita, Cándida, Emiliana, Eusebia, Felipa, Jacinta, Jesusa, Marcelina, Martina, Ramona, Tomasa, Valentina, Vicenta*); исключение составляет, пожалуй, лишь имя *Andrea*, вновь вошедшее в моду (см. выше таблицы).

Тенденции развития испанского именника в конце XX-го века, как видим, противоречивые. С одной стороны, наблюдается видимое расширение ономастикона за счет региональных имен. Помимо уже

упомянутых единиц, приведем еще несколько имен, использованных родителями в 2004 году и входящих на национальном уровне в первую сотню имен: *Pol, Joan, Aitor, Arnau, Izan, Unai, Asier, Yeray, Aimar* (мужские имена); *Ainara, Mireia, Naiara, Aina, Yaiza, Leire, Iria, Irati, Saray* (женские имена). Что касается иностранных имен, то их доля, несмотря на заметное присутствие, в основном в силу необычной орфографии и непривычного звучания, остается незначительным. Среди мужских заимствованных имен лидирует *Iván*, давно вошедшее в испанский именник (11 место в 2004 году). Другие имена *Kevin, Christian, Jonathan, Roger, Bruno, Nil, Yago, Edgar, Denis* занимают, соответственно, 76, 82, 95, 108, 109, 122, 127, 129, 153 позиции. Женские иностранные онимы тоже имеют невысокий рейтинг: *Sonia, Sheila, Desirée, Nadia, Tania, Ruth, Olga, Jessica, Jennifer, Ingrid* (соответственно, 70, 71, 86, 98, 106, 119, 122, 136, 143, 151 места) [126]. Лишь имя *Sandra* находится на 26 позиции.

В целом рейтинг иностранных имен понизился по сравнению с 1993 годом. Так, *Roger, Kevin, Jonathan, Edgar, Nil* входили в 50 популярных имен. Повысилась позиция лишь имени *Iván*, занимавшего в 1993 году 31 позицию, в то время как имени *Joshua* (79 место в 1993 году) нет в списке имен 2004 года.

Аналогично уменьшилась доля заимствованных женских онимов. Например, в 1993 году среди 55 первых имен значились *Sandra, Elizabet, Tania, Jessica, Aida, Jennifer*, которые либо значительно понизили свой рейтинг в 2004, либо вообще не вошли в список этого года (*Elizabet, Aida*) [5, p. 133—137; 126].

Заимствования затронули, в основном, сферу кратких имен: *Fanny* < *Francisca*, *Micky* < *Miguel*. Наблюдается также написание гипокористических форм на английский лад — с буквой *y*: *Viky* < *Victoria*. К.Гарсия Гальярин приводит пример использования русского суффикса — *uska*: *Juanuska* (по образцу *Katiuska*) [105, p. 43].

Как ясно из изложенного, современный испанский именник имеет в основном традиционное наполнение с активным региональным компонентом, значительно расширяющим ономастикон. Более заметным стало присутствие ветхозаветных имен (*Aarón, Isaac, Abraham, Moises; Sara, Raquel, Miriam, Judith, Esther, Rebeca, Noemí* и др.). Из традиционных единиц, как указывалось, уменьшилась доля двойных и гибридных имен — на наш взгляд, под воздействием процессов глобализации, затронувшей сферу ономастики. Противопоставление имен по роду тоже становится нерегулярным.

В начале XXI века обозначенные тенденции лишь усилились. Так, по данным Национального института статистики тридцатку наиболее популярных мужских и женских имен, которыми нарекались младенцы в 2008 году, составили следующие:

Daniel	1	Lucía
Alejandro	2	María
Pablo	3	Paula
David	4	Sara
Adrián	5	Carla
Hugo	6	Claudia
Álvaro	7	Laura
Javier	8	Marta
Diego	9	Irene
Sergio	10	Alba
Marcos	11	Sofía
Iván	12	Daniela
Iker	13	Julia
Manuel	14	Andrea
Mario	15	Ana
Jorge	16	Carmen
Carlos	17	Elena
Miguel	18	Nerea
Ruben	19	Natalia
Antonio	20	Martina
Raúl	21	Rocío
Lucas	22	Marina
Nicolás	23	Aitana
Juan	24	Alejandra
Marc	25	Noa
Víctor	26	Inés
Aitor	27	Ainhua
Ángel	28	Ángela
Alex	29	Adriana
Héctor	30	Cristina

Как явствует из списка, традиционный испанский именник «уживается» как с региональными именами, так и с не свойственными для Испании календарными онимами (Hugo, Raúl, Alba, Nerea), некалендарными (Héctor), иностранными (Iván), а также экзотическими типа Noa с неясной этимологией (женский вариант Noé — Ной или арабское имя?). Кстати, в число 77 рейтинговых имен 2008 года входят Ismael и Mohamed (48-ая и 51-ая позиции), что свидетельствует об изменениях в этническом составе населения страны. Региональные имена «перешагнули» границы регионов и широко используются во всей Испании (Iker, Marc, Aitor, Alex; Aitana, Ainhua). На наш взгляд, это реакция на длительный официальный запрет их использования. Можно отметить «угасание» ярчайшей черты испанского ономастикона — *advocaciones marianas*. Имена Carmen, Rocío и др. уже не предполагают наличие обязательной регистрации компонента María. Другая тенденция — исчезновение двойных и гибридных имен. Среди двойных сохранились лишь двойные мужские имена Miguel Ángel (50-ая позиция), Francisco Javier (64), José Antonio, José Manuel (66-ая и 67-ая позиции). В

«престижном» женском именнике среди 77 онимов не обнаружено ни одного двойного. Гибридных имен в данном списке не обнаружено вообще.

Как ясно из изложенного, в испанском именнике в настоящее время происходят наиболее кардинальные изменения, затрагивающие всю систему имен в целом.

§ 9. ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИМЕНИ

Как имя функционирует в обществе? Самая первая и главная его сфера его функционирования — семья или, по выражению В.И. Болотова, «социальное поле семьи» [274, р. 2]. Это, так сказать, его сфера *par excellence*. Именно здесь имя используется без фамилии во всем богатстве его дериватов. Отношения между членами семьи и родственниками могут быть симметричными (например, между братьями, сестрами и двоюродными братьями и сестрами) и несимметричными, например, между родителями и детьми. Дети обращаются к родителям, бабушкам и дедушкам, не используя их имени: *papá, mamá, padre, madre, abuela, abuelo*; родители к детям, бабушки к внукам обращаются по имени: — *Gabriel, ven a estudiar. — Ya voy, mamá* (см. также: [114, 22.6]). Дети, обращаясь к взрослым дядям и тетям, сопровождают их имена словами *tío* и *tía*: *tío Ramón, tía Socorro*; когда о них говорят в третьем лице, то используется артикль: *el tío Ramón ha venido; me lo ha regalado la tía Socorro*.

Сочетания «(el) *tío* + имя», «(la) *tía* + имя» распространены в сельской местности не только для обозначения родственных связей, но и как формула вежливого обращения и часто сопровождает прозвища людей: *el tío Tijeras, el tío Patascortas* [22, р. 32].

Для родственных отношений характерны как полные, так и обиходные формы имени: *Manuel, Juan, Rosa, María; Manolín, Juanito, Rosi, Mari; Chema, hijo, tráeme agua* (дед внуку), etc. Имя используется при неформальном общении (между друзьями, знакомыми), а также при общении в большинстве коллективов с симметричными отношениями (между школьниками, студентами, рабочими, служащими — в последних двух случаях чаще в небольших коллективах). По имени обращаются и при несимметричных отношениях (от старшего к младшему как по возрасту, так и по положению: *Chema, por favor, escribe más rápido* (учительница к ученику); *Manuel, atiende al señor* (хозяин к официанту).

При неформальном симметричном общении, например, между друзьями, возможно использование фамилии. В. Бейнхауер говорит по этому поводу: «Предположим, что человека зовут *Carlos Puga Castellano*, то его друзья будут звать его *Carlos* или *Puga*» [22, р. 30]. На больших предприятиях принято называть друг друга по фамилии. При этом используется первая фамилия, редко — вторая, для дифференциации лиц с

одинаковой фамилией. Часто в коллективах с симметричными отношениями складываются собственные традиции обращения. Так, в одном университетском коллективе к одному сотруднику обращаются по имени — Salvador, к другому — по обиходному имени Boni (Bonifacio), к третьему — по первой фамилии — Morala, к четвертому — по второй Vecín (González Vecín).

В настоящее время приобретает широкое распространение обращение по имени при несимметричных отношениях — «от младшего к старшему». Это связано с экспансией местоимения второго лица tú (ты), вытесняющего usted (Вы) из большинства сфер коммуникации. Так, студенты обращаются к преподавателю на «ты» и по имени. Х.А. Миранда говорит по этому поводу, что в его студенческие годы (не столь далекие) он обращался к преподавателям исключительно на «вы», его называли тоже на «вы», реже на «ты». «Теперь же, — продолжает Х.А. Миранда, — только одна студентка назвала меня на «вы». Соответственно, и со стороны преподавателей обращение к студентам тоже на «ты» [167, р. 55]. По сути, это приводит к нейтрализации симметричных и несимметричных отношений. Еще один пример такой нейтрализации: друзья взрослых детей обращаются к родителям последних по имени и на «ты». Подобное маловероятно в России; трудно представить, чтобы приятели моего взрослого сына обращались ко мне по имени и на «ты».

И еще одно наблюдение над функционированием имен в речи. В ряде имен происходит труднообъяснимое смещение ударения с последнего слога на первый: Jose вместо José, Miguel вместо Miguel, Jesus вместо Jesús, а также Mari-Jose, Ramon, Tomas, Lúis. На это обратил внимание Э. Лоренсо еще в шестидесятые годы [145, р. 187]. Он отмечал, что смещение ударения на первый слог происходит в потоке речи (dentro de la frase): Ha llegado Jesus. Сейчас же это явление наблюдается и при обращении: Jesus, ven aquí. Подобное смещение ударения происходит и в некоторых гипокористических формах: *Éncar* < Encarnación, *Gérrar* < Gerardo. Напротив, перемещение ударения на последний слог наблюдается в обиходных формах составных имен: *Marimí* < María Milagros, *Mariví* < María Victoria.

Наконец, имя может широко использоваться в социальном поле нации. Членов королевской семьи в прессе называют только по имени, сопровождая имя словами don, doña: don Juan Carlos, doña Sofía, doña Cristina, doña Elena. Это формула официальной вежливости. Иногда только по имени называют известных политических деятелей: Felipe, Felipito — так в 80-90-х годах называли главу правительства (Felipe González); а также певцов, тореро, футболистов: Raphael, Karina. Как указывалось, в этой функции часто используются диминутивные и гипокористические формы: Joselín, Antofñete, Kiko и др. Х.М. Аснара, сместившего в результате

упорной борьбы Ф. Гонсалеса, в народе иногда называли по имени: Chema или Jose Mari — именно с таким ударением, но чаще по фамилии в диминутивной форме — Aznarín (с намеком на маленький рост), вкладывая в это именование самую широкую гамму эмоций — от любви и уважения до иронии и презрения. Хосе Луиса Родригеса Сапатеро, нынешнего главы правительства, называют по второй (материнской) фамилии — Zapatero, более редкой, чем первая — Rodríguez.

Коннотации, связанные с определенным лицом, иногда суммируются в особом слове — прозвище. Приведем несколько прозвищ известных в Испании лиц: Ordoño IV de León, el Malo (Плохой); Juana I de Castilla, la Loca (Сумасшедшая); Felipe I de Castilla, el Hermoso (Прекрасный); Isabel I de Castilla, la Católica (Католичка); Felipe II, el Prudente (Мудрый); Cid el Campeador — Воитель (Cid Ruy Díaz — герой Реконкисты); El Empecinado — Одержимый (Juan Martín Díaz, партизан, герой наполеоновских войн); el general Bonito — генерал Красавец (Francisco Serrano получил это прозвище за особое к нему отношение со стороны Изабеллы II); Pasionaria (Пламенная) — Dolores Ibárruri; Fernando el Caótico (Хаотический) — Fernando Abril Martorell (деятель переходного периода, прозван так за беспорядочную речь). Наконец, супругу диктатора Франко — в народе называли Carmen Collares (ожерелья) за пристрастие к ювелирным украшениям.

Итак, полный антропоним имя (два имени) + две фамилии используются только в процедуре суда, юридических документах, экзаменационных ведомостях, при оформлении сделок и т. п. В телефонной книге даются обе фамилии и инициалы имени. При непосредственном общении используются как имена, так и фамилии. Использование имен характерно для неофициальной обстановки (семья, среди друзей, в коллективах с симметричными отношениями). Наблюдается расширение сферы применения имени в связи с демократизацией обращения, вызванного экспансией tú. Фамилии чаще используются при отчужденном, несимметричном общении «сверху-вниз»: в армии, в больших коллективах со сложной структурой.

§ 10. ФОРМАЛЬНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИСПАНСКОЙ ФАМИЛИИ

Как и имена, испанские фамилии разнообразны по происхождению и внешнему оформлению. К самым частотным фамилиям относятся патронимические образования с суффиксом *-ez*: Pérez (< Pero (Pedro)), Fernández (< Fernando), López (Lope), Sánchez (< Sancho), Martínez (< Martín), González (< Gonzalo), Rodríguez (< Rodrigo), Gómez (< Goma), Álvarez (Álvaro), Díez (Diego), Gutiérrez (< Gutierre), Hernández (< Hernando),

Jiménez (< Ximeno), Vázquez (< Vasco), Velásquez (< Velasco), Márquez (< Marco), Ibáñez (< Ibán), Ramírez (< Ramiro), Bernárdez (< Bernárdo). Реже встречаются суффиксы –az, -iz, -oz, -z: Díaz (< Diego), Ortiz (< Ordoño), Ruiz (< Ruy), Núñez (< Nuño), Saenz (< Sancho). Из других патронимических суффиксов можн привести еще –ía, встречающийся в распространеннейшей фамилии García. Как и личные имена, патронимические фамилии могут иметь региональные, фонетические и морфологические варианты варианты: Peláez, Páez, Báez (Pelayo); Sánchez, Sánchiz, Sáez, Sáenz; Méndez, Menéndez, Meléndez (< Mendo, Menendo, Melendo); Díaz, Díez, Diéguez; Fernández, Hernández, Herráez; Núñez, Núñiz, Núñez и другие.

Испанская фамилия может совпадать с именем: Pedro, Juan, Roberto, Diego, Carlos. В сочетании с такими фамилиями часто используются предлог *de* и союз *y*, что не является обязательным. Так, в сочетании Sebastián Juan Arbó (известный испанский писатель XX века) Juan — первая фамилия писателя.

Как и в Италии, предлог *de* не является признаком знатного происхождения (в отличие от французского *de* или немецкого *von*). Не является аристократическим компонентом и союз *y* — он ставится перед фамилией матери. Если фамилии родителей омонимичны именам, то при регистрации имени и фамилии ребенка могут быть предложены следующие варианты. Во-первых, соединить имена дефисом (если их два), например Juan-Carlos, а между фамилиями поставить союз *y*: Pedro *y* Gonzalo. В результате полное имя ребенка будет Juan-Carlos Pedro *y* Gonzalo. Реализация второго варианта полного антропонима заключается в постановке предлога *de* перед фамилией: Juan-Carlos *de* Pedro Gonzalo. Наконец, в третьем варианте можно использовать и предлог и союз: Juan-Carlos *de* Pedro *y* Gonzalo. Несмотря на древность традиции использования союза *y* в фамилиях и рекомендации Registro Civil (Гражданской регистрации), хождение *y* в данной функции не находит широкого применения в Испании, за исключением Каталонии (равно как зачастую остаются благими пожеланиями и рекомендации использовать дефис в двойных именах).

Как видим, в отличие от русской, испанская фамилия может содержать переменные — рекомендуемые — компоненты. Это предопределило и другую особенность использования указанных компонентов: и предлог и союз в составе фамилии пишутся со строчной буквы (el señor *de* Pedro *y* Gonzalo); при этом в алфавитных списках предлог ставится в конце антропонима: Pedro *y* Gonzalo, J.-C. *de*. В итальянских же фамилиях все компоненты пишутся с большой буквы и в алфавитных списках предлог не выносится в конец антропонима; De Rosa, V., De Rossi, P.

Более разнообразны по форме фамилии, восходящие к прозвищам. Отметим, что следует различать два термина: *apodo* (прозвище) и *mote* (кличка). *Apodo* имеет «семейный характер» и передается из поколения в поколение. *Mote* носит личный характер и меняется при смене социального окружения (школа, армия). Клички даются обычно индивиду на основе его внешних данных, моральных качеств, места происхождения (см. статью “*Nombres*” [83]). В эпоху формирования фамилий кличка могла стать прозвищем и закрепиться за семьей ее носителя.

За патронимическими фамилиями по степени значимости для испанской картины мира следуют фамилии, происходящие от прозвищ. Чаще всего в основе прозвищных фамилий лежат физические и моральные качества человека, по форме они совпадают с прилагательным мужского рода, редко — женского (*Bueno, Viejo, Cano, Galán, Amable, Sabio, Cojo, Delgado, Hermoso, Moreno, Rubio, Blanca, Bella*). К прозвищным фамилиям относятся фамилии-этнонимы (*Catalán, Gallego, Cordobés, Alemán*) и фамилии, содержащие указания на семейное положение: *Viudo, Viuda, Soltero, Hereder, Exposito*.

Обширный разряд прозвищных фамилий восходит к обозначениям рода деятельности, титулов, должностей: *Alférez, Monje, Fraile, Sastre, Alcalde, Minero, Herrero, Herrera, Guerrero, Moliner, Molinero, Camarero, Conde, Rey, Reina*. Прозвищными фамилиями являются фамилии-названия растений (*Avellaneda, Castaños, Cebollas, Sarmiento, Jazmín*), животных (*Lobo, Zorro, Gato, Caballo*), обозначения явлений природы (*Alba*) или различных предметов (*Mesa, Botella, Varca*). Такие фамилии чаще всего имеют форму существительных единственного числа без артикля, хотя встречаются и существительные во множественном числе: *Castaños, Cebollas, Lobos, Zapatos, Botines*.

Фамилии-топонимы могут быть существительными единственного или множественного числа, в том числе с предлогами и артиклями (*Bosque, del Bosque; Río, del Río, de los Ríos; Monte, Montes, del Monte, de los Montes; Torre, Torres, de la Torre, de las Torres; Córdoba, de Córdoba*), а также словосочетаниями (которые пишутся слитно или раздельно): *Fonseca, Villalobos, Soto Mayor*. Несмотря на то, что в вышеприведенных случаях предлог и артикль являются постоянными компонентами фамилии, они пишутся со строчной буквы и в алфавитных списках выносятся в конец антропонима: *Ríos y Ríos, A. de los*. Имеются также случаи слитного написания предлога и основной части фамилии: *Delmar* (< *del mar*), *Dávila* (< *de Ávila*), *Daza* (< *de Aza*), *Donis* (< *de Onis*) [470, с. 141].

Испанские фамилии-прозвища, обозначающие какие-либо обстоятельства или факты из жизни человека, иногда имеют форму словосочетания, которое пишется слитно или раздельно: *Buendía, Buenvino, Panseco, Pasaríos, Tres Palmas, Dos Casas, Buena Dicha*. Артикль (без

предлога), встречается довольно редко в испанских фамилиях и зафиксирован в двух вариантах написания (слитном и раздельном), но всегда с заглавной буквы: Lacalle, Elcano, La Cruz.

Ряд фамилий-прозвищ произошел от имен святых: Sanmiguel, Sampedro (Sanper, Semper, Sampir), Sanmartín, Sanjuán (Santibáñez, Sandianes, Saniz), Sanjosé, Sanjorge (Sanjurjo, Santurco, Santjordi), Sanjulián (Santillán, Santullán, Santuliano). Фамилия Santamaría (Santa María) в Испании, как и фамилия Nostradamus во Франции — типичная фамилия крещеных евреев. К этому же типу фамилий относятся фамилии Fe, Santa Fe, Santafé [77, p. 413].

В целом, следует отметить особую роль прозвищ в номенклатуре испанских фамилий. Х. Альбайхес утверждает, что при введении в 1871 году обязательной регистрации имени и фамилий, часто фамилией становится прозвище [5, p. 177—178]. В Испании прозвища настолько живучи, что передаются по наследству, как фамилии. Ф. Лусес Хиль пишет по этому поводу: «В некоторых сельских районах Галисии официальная фамилия практически не используется и заменяется прозвищем, которое передается от отца к детям и используется вместе с именем, как фамилия. В некоторых населенных пунктах никто не знает и не употребляет законной фамилии соседей, за исключением, пожалуй, почтальона и священника, который использует их в приходских книгах» [147, p. 35].

В сельской местности России, как и в Испании, наблюдается широкое хождение наряду с официальными фамилиями так называемых дворовых или уличных фамилий — прозвищ; в частности, в деревнях Воронежской области официальная фамилия обычно не совпадает с уличной, используемой в повседневном общении. Например, в селе Хреновое Новоусманского района Воронежской области нами зафиксированы следующие случаи: местные жители вместо официальных фамилий Сафоновы, Лисовы использует уличные именованья Королевы, Митякины. «Наряду с официальными фамилиями у крестьян могут бытовать неофициальные, «уличные» фамилии, которые достаточно разнообразны и способны выполнять дифференцирующую функцию — разнообразие «уличных» фамилий в значительной мере компенсирует униформность фамилий официальных», — пишет Б.А. Успенский [511, с. 360].

Испанские фамилии в этимологическом отношении весьма разнообразны; в их основе может лежать как исконно романские слова, так и германские, иберийские, еврейские и арабские. Арабские фамилии, как известно, были в свое время запрещены католической церковью, но в испанском языке остался огромный пласт арабской лексики (особенно в сфере топонимии и обозначения рода деятельности), который нашел

отражение и в фамилиях: Alcalá, Alcázar, Albéitar, Alcalde, Alguacil, Alféizar. Некоторые арабские фамилии, тем не менее, сохранились, например Venavides, Benavides [74, p. 83], Venegas, Avicena [470, с. 141].

Фамилий, пришедших в Испанию из других стран Европы, немного. Стала испанской фамилия нормандца Жака Бетанкура — Bethencourt (Betancourt, Betancur), высадившегося в 1402 году в Лансероте. Кстати, его потомок Августин Августинович Бетанкур был генерал-майором русской армии, директором путей сообщения России (1819 г.); под его руководством построено здание Манежа в Москве, переоборудован Тульский оружейный завод и реализованы многие другие важные для России проекты (БСЭ, т. 3). По мнению Г. Тибона, фамилия Maldonado — испанская версия шотландской фамилии MacDonald [218, p. 143]. Фамилии Obren, Aria, Yunge, соответственно, восходят к шотландской O'Brien, английской Harris, немецкой Junge [470, с. 141].

Полный испанский антропоним, как уже указывалось, состоит из имени (простого или сложного) и обязательной двойной фамилии. Второе имя и вторая фамилия «выполняют дополнительные индивидуализирующие функции» [147, p. 59]. Имя используется в неофициальной обстановке, в первую очередь, в семье. Фамилии — вне семейного круга (хотя имеются и отклонения от этого правила, см. ниже). Как указывалось выше, первой фамилией испанца является фамилия отца, второй — первая фамилия матери. Например, если фамилия отца Ordóñez López, а матери Gutiérrez García, то у их детей фамилия будет Ordóñez Gutiérrez. Таким образом, фамилия детей всегда не совпадает с фамилией родителей, а лишь совмещает компоненты их фамилий. Полная фамилия, сопровождаемая именами, используется в юридических документах, в официальной обстановке; в документах, удостоверяющих личность; в экзаменационных ведомостях, телефонных справочниках, в процедуре суда, в анкетах и пр.

Главной считается первая фамилия, то есть человек по фамилии Ordóñez Gutiérrez может в реальной жизни пользоваться лишь первой фамилией, ставить ее на обложке книги (если он писатель или ученый), на двери дома или рабочего кабинета, на визитной карточке. Но это, повторяем, не полная официальная, так сказать, «паспортная» фамилия, а лишь часть фамилии, занесенной в Регистр.

В Португалии и Бразилии тоже пользуются двумя фамилиями, но предпочтение отдают второй; в Италии, Франции, Великобритании, США, ФРГ — только одной, хотя в Германии замужняя женщина может добавить к своей фамилии по мужу девичью (Frau Siegmund Schulz), а в Италии к фамилии, полученной при рождении — фамилию мужа: Maria Rossi *in Napoletano*. В испаноязычных странах Латинской Америки традиции использования фамилий иные по сравнению с Испанией; например, в Боливии может меняться порядок следования фамилий; в Мексике главная

фамилия — последняя; в Аргентине, как правило, ребенку дается одна фамилия — отца, но можно добавить и фамилию матери, хотя женщины, выходя замуж, меняют свою фамилию на фамилию мужа.

Обстоятельства, предопределяющие в Испании использование первой или обеих фамилий могут быть следующие:

- 1) дифференцирующая сила фамилии;
- 2) эстетический фактор;
- 3) генеалогические, политические и другие причины.

Чем распространеннее фамилия, тем ниже ее дифференцирующая сила, тем реже она в обычной жизни используется без второй фамилии. К наиболее распространенным фамилиям относятся López, Pérez, García, González, Álvarez, Fernández, Martínez и др. (см. ниже). Если первая фамилия такого типа, то обычно (но не как правило) в повседневной жизни ее носитель будет пользоваться обеими (ср. фамилии писателей: R. Pérez de Ayala, W. Fernández Flórez, F. García Pavón, J. Fernández Santos, R. Sánchez Ferlosio, J. García Hortelano, A. López Salinas, J. López Pacheco, C. Martín Gaité, B. Pérez Galdós.

Напротив, если первая фамилия обладает большой дифференцирующей силой, то вторая фамилия появляется редко. Например, полная фамилия известного писателя и философа М. Унамуно — M. Unamuno у Jugo. Под одной фамилией известны писатели C.J. Cela, M. Delibes, L. Farrellad, J. Goytisolo, A. Machado, C. Laforet, A.M. Matute, P. Baroja, D. Medio, E. Nadal и другие.

Действие эстетического фактора можно проиллюстрировать фамилией известного философа Ортеги и Гассета. Несмотря на то, что его первая фамилия Ortega — довольно редкая и обладает высокой дифференцирующей силой, в сочетании с Gasset полная фамилия приобретает особую законченность.

Генеалогический фактор заключается в следующем: человек пользуется обеими фамилия, если вторая — аристократическая или историческая (García Quiñones, Díez del Alba). Во времена каудильо Франко его однофамильцы предпочитали не опускать эту фамилию, когда она была второй: Quiñones Franco.

Политические деятели чаще всего известны под одной фамилией. Так, несмотря на распространенность фамилии González, Фелипе Гонсалес пользовался только первой фамилией; этому способствовало довольно редкое личное имя, именно этот компонент стал основой для апеллятивной деривации: felipismo, felipesco, felipizar. Преемник Ф. Гонсалеса на посту председателя правительства José María Aznar тоже известен только под первой фамилией, которая стала нарицательным существительным и от которой образован ряд дериватов — aznarista, aznarismo, aznarizar. Нынешнего главу правительства José Luis Rodríguez Zapatero в прессе

предпочитают называть по второй фамилии, не столько за ее демократичное содержание — «сапожник», сколько в силу высокой распространенности первой фамилии.

Итак, прагматика использования одной (первой или второй) или обеих фамилий очевидна.

Наконец, имеются случаи, относящиеся к периоду неустановившейся нормы наследования фамилии. Так, по фамилии матери известны Luis *de Góngora* (согласно современной норме он должен был бы носить фамилию *Argote de Góngora*) и Diego *Velázquez* (в настоящее время его фамилия была бы *Rodríguez Velázquez*). В наши дни называют по второй фамилии, опуская первую, известных писателей, первая фамилия которых является обычной (обладает слабой дифференцирующей силой), а вторая — редкой. Так, Ф. Гарсию Лорку можно назвать просто *Lorca* (*La poesía de Lorca*), Б. Переса Гальдоса — *Galdós* (*La obra de Galdós*), В. Бласко Ибаньеса — *Ibáñez* (*las novelas de Ibáñez*).

Помимо обычных двойных фамилий, существуют сложные и составные фамилии. В сложных фамилиях один из компонентов может состоять из двух слов: *López de Soto Mayor*, *Buendía Céspedes*, *Buena Dicha Arenas*, *Soto Largo La Cruz*; *Buenaventura Ruíz*. В составных фамилиях — это может быть фамилия усыновленного ребенка — к фамилиям родителей добавляются либо первая фамилия одного усыновителя, либо первые фамилии обоих усыновителей. Например, фамилия ребенка до усыновления была *López García*; его усыновили *Luis Rodríguez Ruíz* и *Ana Sánchez Díez*; после усыновления его фамилия может стать *López-Rodríguez García*, *López García-Sánchez*, *López-Rodríguez García-Sánchez*. В составных фамилиях используется дефис: между первой фамилией отца и приемного отца, фамилией матери и приемной матери. Дефис будет иметь место и в тех случаях, когда родители захотят оставить ребенку — в первую очередь, по генеалогическим соображениям — и первую и вторую фамилию, например, отца. При этом фамилия отца *García Quiñones*, а матери *López Sánchez*; фамилия ребенка будет *García-Quíñones López* (компоненты фамилия отца будут писаться через дефис).

Вот примеры составных фамилий, взятые из телефонной книги Мадрида (*Páginas amarillas*): *Cabello Suárez-Guanes*, *García García-Aranda*, *García-Gil Rodríguez*, *García-Girón Sánchez*, *Martínez-García Donas-Martínez*, *García-Hidalgo Morel-Delgado*, *Martínez-Romillo Martín-Pinillos*, *Sánchez-Moncayo Gómez-Escalonilla*.

Иностранка, вышедшая замуж за испанца, добавляет к своей фамилии первую фамилию мужа с предлогом *de*: *Schon de Molina*, а иностранец — просто первую фамилию жены: *Smith García*.

Испанец к двум первым фамилиям родителей может присоединить и вторую фамилию отца и вторую матери (особенно в случаях их

аристократического происхождения или особого звучания) — без их официальной регистрации. Такая фамилия может быть использована на визитных карточках, в неофициальных документах, письмах и пр. Замужняя женщина не меняет свою фамилию, но в повседневной жизни может добавлять к своей первой фамилии первую фамилию мужа с предлогом de: María López de Pelayo. Это не официальная, «паспортная» фамилия, а именование с прагматической установкой подчеркнуть факт замужества. Вдова к первой фамилии добавляет слова viuda и первую фамилию мужа: María del Carmen López, viuda de Sánchez. Интересно, что вдовы известных адвокатов, врачей, общественных деятелей фигурируют в телефонных справочниках под первой фамилией мужа: Soto, vda de; Salinas, vda de. И здесь прагматика использования фамилии очевидна.

В одном из пособий по этикету приводятся следующие образцы свадебного приглашения:

Andrés Menéndez Ochoa y Josefina Ramos de Menéndez tienen el gusto de participarle el enlace de su hija Consuelo con Alejandro Trujo Izquierdo.

Ignacio Trujo Delgado y Dolores Izquierdo de Delgado tienen el gusto de participarle el enlace de su hijo Alejandro con Consuelo Menéndez Ramos que se celebrará D.M. en la Basílica de Santa María del Pi de Barcelona, el 10 de septiembre de 1990 a las 11 de la mañana, Plaza del Pino, s/n. Alejandro Trujo Izquierdo y Consuelo Menéndez de Trujo le invitan después de la ceremonia.

R.S.V.P. (Répondez, s'il vous plaît — Ю.П.) [212, p. 40—41].

Как видим, мать невесты обозначена как Josefina Ramos de Menéndez (первая фамилия мужа); аналогично мать жениха — Dolores Izquierdo de Delgado; новобрачная после церемонии венчания будет называть себя Consuelo Menéndez de Trujo. Но это, повторяем, не официальная фамилия, а фамилия с прагматической установкой подчеркнуть факт принадлежности к одной семье.

Принято добавлять к первой фамилии замужней женщины первую фамилию мужа в ситуациях представления, знакомства. На работе, в официальной обстановке замужняя женщина использует свою постоянную фамилию, полученную при рождении. Понятие «девичья фамилия», как ясно из изложенного, в Испании не существует; это способствует постепенному исчезновению описанной выше традиции добавлять к первой фамилии жены фамилию мужа.

Еще раз обратимся к частотности фамилий. Энциклопедический словарь Эспаса [68] приводит следующие данные по процентному соотношению 18 самых распространенных фамилий:

- 1) Pérez — 11%;
- 2) Fernández, García, López, Sánchez; — по 10%;
- 3) Martínez, Martín; — по 8%;
- 4) González; — 7%;

- 5) Rodríguez; — 4%;
- 6) Gómez; — 3%;
- 7) Álvarez, Ruíz; — по 2%;
- 8) Díez, Gutiérrez, Hernández, Jiménez, Muñoz, Ortiz — по 1%.

Альбайхес приводит следующие данные по Барселоне — на основе телефонных справочников — относительно распространенности испанских фамилий (проценты даны по отношению ко всему корпусу фамилий):

- 1) García — 2,45 %;
- 2) Martínez — 1,73%;
- 3) López — 1,65%;
- 4) Pérez — 1,38%;
- 5) Fernández — 1,35%;
- 6) González — 1,3%;
- 7) Sánchez — 1,28%;
- 8) Rodríguez — 1,28%;
- 9) Gómez — 0,79%;
- 10) Jiménez — 0,68%;
- 11) Martínez — 0,66% [5, p. 170].

Как видим, имеются различия между данными по стране в целом и данными по Барселоне, заключающиеся в порядке следования наиболее распространенных фамилий, что естественно; но при этом второй список полностью включается в первый, т.е. не содержит новых единиц.

Несмотря на большую распространенность ряда фамилий, их дифференцирующая сила гораздо выше, чем у имени. Это наблюдалось и раньше. Тайер Охеда приводит, например, следующие данные. В 1540 году в Чили прибыло для завоевания страны 150 человек. С одинаковыми фамилиями было 15 человек. Среди них несколько человек по фамилии Núñez, Pérez, Sánchez. Что касается имен, то ровно половину занимали 3 имени, наиболее популярные в ту эпоху: Juan — 42, Francisco — 17, Pedro — 16; далее следовали Antonio — 9, Diego — 8, Alonso — 8 [217, p. 29]. И хотя в настоящее время ономастическая мода более разнообразна и выбор имени не ограничивается двумя — тремя десятками онимов, испанская фамилия, как и русская, дает больше возможностей для идентификации индивида. Во-первых, фактор моды в сфере фамилий отсутствует и фамилии (отца и матери) обладают неограниченными сочетательными возможностями; во-вторых, само сочетание фамилий при желании родителей всегда может быть модифицировано как компонентами *de* и *y*, так и дополнительными фамилиями.

Отличительная черта испанского корпуса фамилий состоит в том, что фамилии с высочайшей частотностью «уживаются» с редкими и редчайшими, в которых зафиксирована как история испанского языка, так и история страны: в Испании функционирует около 500000 фамилий; в то

время как в Италии — 280000. Другая особенность испанских фамилий в том, что наиболее рейтинговые единицы — исключительно патронимические. Между тем в Италии к наиболее распространенным относятся фамилии Rossi, Russo, Ferrari, Esposito, Bianchi, Romano, Colombo, указывающие на особенности внешности (Rossi, Russo, Bianchi), род занятий (Ferrari), место происхождения (Romano), отсутствие законных родителей (Esposito, Colombo). В России, как и в Испании, рейтинг патронимических фамилий высок (Иванов, Васильев, Петров — патронимы от крестильных имен; Волков, Соколов — от некрестильных), но они чередуются с фамилиями Попов, Кузнецов, указывающих на род занятий (хотя оним Поп использовался и как некрестильное имя), а также с прозвищной фамилией Смирнов.

Выше мы рассмотрели проблему с точки зрения владельца фамилии. Окружение же может использовать его фамилию по-разному. Так, первую фамилию употребляют в качестве обращения. При этом, как показали данные анкетирования, проведенного среди студентов и сотрудников Леонского университета (50 респондентов), первой фамилией пользуются при общении вне семьи в коллективах с иерархической структурой — в армии, трудовых и учебных коллективах. В этих случаях отношения между членами коллектива могут быть равноправными (между лицами с одинаковыми званиями в армии, одинаковыми должностями в трудовом коллективе, между студентами и пр.), а также неравноправными, в основном «сверху вниз» (учитель к ученику, старший по званию к младшему по званию), реже «снизу вверх» — при обращении студента к преподавателю. Наши данные не подтверждают мнение Н. М. Фирсовой о малоупотребительном характере обращения по фамилии среди школьников в настоящее время по сравнению с 50-60 годами [517, с. 54].

Использованию только первой фамилии способствуют следующие обстоятельства: 1) фамилия не является очень распространенной (*José María Aznar*) и 2) успешно выполняет идентифицирующую функцию. Второе условие позволяет использовать также распространенную фамилию, если она в коллективе не повторяется. Наконец, частотная первая фамилия употребляется без второй при наличии довольно редкого имени (*Felipe González*).

В целом в современной Испании в повседневной жизни наблюдается тенденция к использованию одной фамилии — первой.

Обе фамилии, как правило, используются при общении в официальной обстановке, в документах и т.п.

Обращение по фамилии возможно и в семье. Например, если мать говорит сыну: ¡Escobar! Quiero hablar contigo. Это сигнал серьезного разговора. В русском языке это достигается использованием полной формы имени, вместо обиходной формы или диминутива, принятого в семье:

Владимир! — (вместо *Володя, Вова*). К людям с частотной первой фамилией обычно обращаются, употребляя обе фамилии García Soto, López Cano, Martínez Ferres, López García и т.д.

Наконец, в коллективе возможно обращение к одному из его членов и по второй фамилии. Здесь отчетливо просматривается прагматика такого обращения: вторая фамилия используется в качестве идентификатора лица в ситуации, когда в одном коллективе несколько лиц с одинаковой первой фамилией. При этом вторая фамилия, по мнению респондентов, должна быть достаточно редкой (24 респондента из 50), привлекательной (2 респондента), краткой (обычно двусложной — 2 респондента). Такое обращение маркирует или симметричные отношения или отношения «сверху — вниз» и, на наш взгляд, часто неформальные, так как при формальных отношениях главной является первая фамилия.

Как указывалось, сам носитель фамилии может пользоваться или полной фамилией, или только первой. По второй же фамилии его называют для удобства общения другие члены коллектива. По мнению одного респондента, обращение по второй фамилии в учебном коллективе возможно лишь между лицами мужского пола. Вот несколько примеров: Soto вместо González Soto, Cano вместо López Cano, Lobo вместо García Lobo. Впрочем, окончательно устоявшихся правил и норм не существует и указанных выше людей могут называть и по первой фамилии и по полной (при изменении ситуации в коллективе или в другом коллективе и т.д.). Наконец, как указывалось, известных писателей и поэтов с распространенной первой фамилией принято для краткости называть по второй, то есть вместо Benito Pérez Galdós — Galdós, вместо Vicente Blasco Ibañez — Ibañez, Federico García Lorca — Lorca.

Таким образом, человека по имени Juan Carlos López Cano в течение жизни, в разных ситуациях могут называть Juan, Juan Carlos, Juanco, López Cano, Cano, López и т. д. В результате, между различными вариантами именования — обычно четко маркирующими условия общения — возникают своеобразные отношения синонимии, абсолютно не схожие с синонимией в сфере нарицательной лексики, что еще раз подтверждает особый характер антропонимов как класса слов.

Итак, испанская фамилия отличается значительным динамизмом, как в смысле ее обретения (наличие возможности выбора дополнительных компонентов, пишущихся через дефис, а также использование формантов *de* и *y* для образования фамилий детей), так и в смысле ее функционирования в обществе: с одной стороны, владелец фамилии может пользоваться как только первой фамилией, так и обеими, а также добавлять к своей фамилии фамилии предков; при этом официальной остается фамилия, зафиксированная в Registro Civil; с другой стороны, окружение владельца фамилии, в зависимости от обстоятельств, использует либо его

первую или вторую фамилию, либо обе фамилии. Таким образом, испанская фамилия предоставляет ее носителю неограниченные возможности для самовыражения, а окружающим — возможность выбора номинации. Указанные факторы обеспечивают неповторимую оригинальность испанской фамилии.

§ 11. НЕКОТОРЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СОЧЕТАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПАНСКИХ АНТРОПОНИМОВ

Как уже указывалось, большинство испанских имен, с одной стороны, образуют родовые пары. Ср. необычные для русских женские имена: *David* < *David*, *Jesúsa* < *Jesús*, *Ivana* < *Iván*. С другой стороны, известно также, что в качестве женских имен могут использоваться существительные мужского рода единственного (*Rocío*, *Socorro*, *Pilar*) и множественного числа (*Dolores*, *Remedios*), существительные женского рода множественного числа (*Nieves*, *Angustias*), а также топонимы (*Lourdes*, *Montserrat*). Соответственно, женские обиходные имена могут оканчиваться на *-o*: *Dolo* (*Dolores*), *Teo* (*Teodora*), *Filo* (*Filomena*). Еще одна особенность функционирования категории рода касается женских имен на *-o*, которые сочетаются, согласно норме, только с суффиксами мужского рода: *Rosarito*, *Consuelito*, *Socorrito*, *Amparito*. Имена на *-es* образуют диминутивы на *-itos*, если восходят к существительным мужского рода (*Doloresitos*), и на *-itas*, если образованы от существительных женского рода: *Merceditas*, *Lourditas*. В качестве мужских имен встречаются существительные женского рода (чаще в Латинской Америке): *Trinidad*, *Cruz* (ср. имя героя известного телесериала: *Cruz Castillo*), а также образования на *-a*: *Chema*, *Boja*. Таким образом, в сфере личных испанских имен наблюдается уникальная в своем роде нейтрализация показателей числа и рода: субститутом имени *Dolores* является местоимение женского рода единственного числа *ella*, а субститутом нарицательного существительного *dolores*, к которому восходит антропоним, — местоимение мужского рода множественного числа *estos* (*ellos*).

Что касается категории рода в сфере фамилий, то еще в XVII веке, по данным Т. Тайера Охеды, многие фамилии, особенно зооморфные, изменялись по родам:

Inés Brabra — *Hernando Brabro*,
María Brava — *Álvaro Bravo*,
Leonor Peinada — *Juan Peinado*,
Catalina Becerra — *Pedro Becerro*,
Inés Ternera — *Luis Ternero* [217, p. 29].

В «Дон Кихоте» М. Сервантеса фамилии *Ricote*, *Quijano* — мужские, *Ricota*, *Quijana* — женские. В настоящее время фамилии не различаются по родам — в отличие от нарицательных существительных. Правда, в

разговорной речи возможно использование фамилий типа Mendoza в мужском роде для обозначения мужчин: *Mendoza*. Что касается ненормативных образований женского рода типа *la Perona*, *la Ruiza*, то, по мнению Р. Карнисера, они выражают явно враждебное и презрительное отношение к называемым лицам [35, p. 205].

Особое отношение антропонимов и к категории числа, как в смысле ее семантики, так и формы. Множественное число фамилий может обозначать как все множество однофамильцев (*Los Garcías bastarían para llenar la plaza*), так и некоторое множество, образующее определенную семью, род, клан (это обычное значение множественного числа фамилий): *Anoche cené con los González*.

По поводу образования формы множественного числа испанских антропонимов среди лингвистов нет единого мнения. Разногласия касаются в основном фамилий. Если фамилия оканчивается на *-ez*, *-es*, *-iz*, *-az*, *-anz*, *-enz*, то для обозначения членов одной семьи используется лишь артикль множественного числа: *los López*, *los González*, *los Díaz*, *los Díez*, *los Cervantes*, *los Herranz*, *los Saenz*. В то же время Р. Карнисер считает возможными такие формы, как *los Ortices* (от *Ortiz*), *los Muñoces* (от *Muñoz*) [35, p. 205]. Не изменяются во множественном числе фамилии типа *Marco*: *los Marco* (иначе меняется сама фамилия: *Marcos*).

Что касается остальных фамилий, то здесь сосуществуют две противоборствующие тенденции. Первая, более древняя, подкрепленная историческими фамилиями, заключается в добавлении аффикса множественного числа (*los Borbones*, *los Pinzones*, *los Quinteros*; ср. также: *los Garcías*, *los Sotelos*, *los Martines*); «*No quiero reñir con Paquita Larrea, que si ella recibe a los Valentines, Ostolazas, Tenreyros, los Marros y Borrules, yo tengo el gusto de que vayan a mi casa los Argüelles, Torenos y Quintanos*» (Galdós, Cádiz).

Другая тенденция — аналитического характера — заключается в использовании только артикля: *los García*, *los Madrazo* (ср. название улицы в Мадриде: *calle de los Madrazo*), *los Quintero*, *los Argensola*. В разговорном языке чаще побеждает первая тенденция. Письменный же язык стремится к исключению формы на *-s* [209, p. 116]. Авторы «Проекта новой грамматики» считают, что тенденция не изменять форму числа антропонима иногда доходит до абсурда и приводят следующие примеры из мадридской прессы: *aparición de presuntos Solana*, *comercios de falsos Solana* [86, p. 189].

Если фамилия сопровождает слова *los primos*, *los hermanos*, *las hermanas*, то форму числа не меняет: *los hermanos Machado*, *las hermanas Fleta*. Тем не менее, у Лорки находим: *Mis cuatro primos Heredias*. Не образуют множественного числа при помощи *-s* полные фамилии (то есть

обе фамилии вместе): *las Pardo Bazán de hoy* (*las Pardos Bazanes* — невозможно).

К иностранным фамилиям может добавляться показатель множественного числа *-s*, если фамилия принадлежит популярным деятелям и в силу этого обладает высокой «степенью ассимиляции»: *los Kennedys*, но: *los Spencer*, *los Nixon* [92, p. 85; 8, p. 546].

Что касается имен, то при образовании множественного числа они приобретают морфему *-s* и используются с артиклем. Например, в день *San José* (Святого Иосифа) — в Испании это День отца — так передают поздравления: *Felicita a todos los Pepes de tu casa*; что означает: поздравь всех Хосе в твоём доме.

Обратимся к проблеме сочетаемости артикля и антропонима. В своём большинстве имена собственные используются без артикля. Тем не менее, в ряде случаев имя или фамилия выступают с артиклем. Сочетания артикля с антропонимом интересны как в плане лингвопрагматики, так и в социокультурном аспекте.

Артикль не вносит дополнительных оттенков в рассмотренных выше случаях образования множественного числа: *los García*, *los Garcías*, *los López*, *los Pepes*. Обязательно присутствие артикля, если антропоним сопровождается определениями: *La hermosa Dulcinea*, *el Mozart español*, *un Menéndez Pidal de la lengua*.

Имя, сопровождаемое определенным артиклем, имеет в современном испанском языке фамильярный и просторечный оттенок: «*El viajar ilustra mucho, da cultura, se aprende la mar. Fíjese usted, la otra noche le dije a la Paca, mi señora, que también es muy instruida*» (V. Zamora. *A traque barraque*. М., 1972). Использование артикля с женскими именами — особенность мадридского разговорного языка: *Voy a pasear con la Antonia*; *¿Sabes que se casa la Manuela?* [202, p. 358]. Часто имя, сопровождаемое артиклем (*¿Has hablado con la María?* — из записи разговорной речи), приобретает деспективный оттенок. Такой эффект в русском языке достигается использованием суффиксации (ср.: Ты говорил с *Машкой?*). М. Касадо считает, что артикль перед именем характерен также для деревенского просторечия (без фамильярных и деспективных коннотаций): *el Antonio*, *la Mercedes* [37, p. 65]. Особенно часто сочетаются с артиклем женские имена: *la Tomasa*, *la Josefa*, *la Pepa*; это явление распространено, по данным указанного автора, в Каталонии. Наконец, в ряде работ указывается, что обычно используются с артиклем (без каких бы то ни было коннотаций) женские имена, начинающиеся с ударного *a*: *la Ana*, *la Ángela*, *la Águeda* [8, p. 558]. Артикль при этом не меняет своей формы, в отличие от случаев с нарицательными существительными: *el aula*, *el arma*. По нашим наблюдениям, подтвержденным данными опроса, обычай сочетать указанные имена с артиклем в настоящее время утрачен.

Артикль перед именем или фамилией — особенность процессуального языка и означает *tal, susodicho, citado* (упомянутый, упомянутый выше, тот самый): *el Antonio, el Martínez; y el Juan Gómez dijo que no quería esperarme; y la Martínez se fue* [93, p. 179]. Использование определенного артикля в значении «упомянутый», «тот самый» известно с XV века. Вот пример подобного использования артикля у Сервантеса: *...Contó a sus padres como ella era verdadera esposa de aquel Cardenio que he dicho. Supe más que el Cardenio, según decían, se halló presente a los desposorios* (Quijote, I, 48).

Итак, сочетания имени с определенным артиклем социально, эмоционально или ситуативно (прагматически) маркированы.

Артикль перед фамилией служит для дифференциации пола: — *Que venga González. — ¿La González o el González?* (В итальянском языке противопоставление фамилий по линии рода маркируется артиклем *la* в женском роде и нулевым артиклем в мужском). Иногда артикль может иметь указательный оттенок. Х. Альсина Франк и Х.М. Блекуа приводят следующий пример [8, p. 562]: *... hace el mismo efecto que la joya que le trajo de París su marido a la Torres-Nobles* (Pardo Bazán, *Insolación*). В остальных случаях фамилия в сочетании с артиклем, как и имя, обозначает фамильное отношение говорящего к носителю этой фамилии: *el Solana, el González, el Aznar; ha venido la Gutiérrez*.

Социокультурные особенности фамилий, сопровождаемых артиклями, следующие.

В литературном языке принято, вернее, допускается использовать с артиклем фамилии деятелей итальянской культуры отдаленных эпох: *El Petrarca, El Veronese, El Correggio, El Tiziano, El Tasso*, реже *El Dante*. При этом необходимо отметить, что нет четких правил написания артикля: у М. Молинер артикль в подобных случаях пишется с большой буквы, в других, не менее авторитетных изданиях — со строчной [168, t. 1, p. 264; 8, p. 562].

Существует также традиция сопровождать артиклем фамилии, реже имена женщин — знаменитых писательниц, актрис и певиц: *la Avellaneda, la Pardo Bazán, la Callas, la Pantoja, la Guerrero, la Raquel Meller, la Mistral; Todos aplaudieron a la Lola de España; Esta es la mejor película de la Garbo* [150, p. 228]. С. Фернандес Рамирес отмечает тенденцию к исчезновению этой традиции [93, p. 179].

Неопределенный артикль перед известной фамилией либо переводит ее в разряд нарицательных существительных с оценочным, метафорически преувеличительным значением: *Es un Cervantes* (он настоящий Сервантес); *Es un Napoleón* (он настоящий Наполеон); *Es un Menéndez Pidal de la lengua* (разбирается в языке как Менендес Пидаль), либо выступает как средство метонимизации: *un Velázquez, un Picasso* (картина Веласкеса, картина

Пикассо). Заурядные фамилия и имя в сочетании с артиклем приобретают деспективное значение: *Es un Juan Pérez* (Он Хуан Перес, то есть никто). Антропонимы с неопределенным артиклем — особенно с оценочным значением — появляются, как правило, в присвязочной позиции.

Таким образом, испанский артикль в сочетании с антропонимами выполняет функции, не свойственные артиклю в сфере нарицательных имен. В частности, определенный артикль может переводить антропоним в регистр просторечия и фамильярности или процессуального языка, а неопределенный — привносить модальный оттенок деспективности или транспонировать антропоним в имя нарицательное — по линии метафоры или метонимии. Отметим также дифференцированное отношение артикля к мужским и женским антропонимам. Все это еще раз свидетельствует об особенностях антропонимов как класса существительных.

Неменьший интерес представляет функционирование антропонимов в сочетании с этикетными словами *don / doña, señor / señora*, обозначениями профессий и должностей.

Испанский язык уже в средние века обладал сложившейся системой формул обращения (*tratamientos*). В Энциклопедии испанской культуры говорится по этому поводу: «Формы обращения были строго упорядочены и считалось большой ошибкой нарушать установившиеся правила» (*Enciclopedia de la cultura española*, т. II, 532). На самой низшей ступени находилась формула *tío + имя*, на верхней отметке — обращения *don, vuestra merced, su señoría, su excelencia*. Наиболее универсальная формула обращения — *señor / señora / señorito / señorita*. Эта система форм обращения претерпела глубокие изменения; некоторые из них происходят буквально на глазах.

Существует мнение, что «проблема формул обращения в испанском языке — проблема образовательно-культурного, то есть экстралингвистического характера» [167, р. 55]; с этим можно согласиться лишь отчасти. В самом деле, с одной стороны, употребление / неупотребление этикетных формул часто зависит от культурного уровня индивида, его воспитания; действует и экстралингвистический фактор выбора той или иной формулы обращения (возраст, социальное положение, пол говорящего, обстановка общения и т. п.), хотя при этом каждая формула по-своему, иногда довольно четко, маркирует эти экстралингвистические факторы. С другой стороны, этикетные формулы являются неотъемлемой частью системы языка, что обеспечивает им в каждом языке глубокую специфичность; они не только связаны между собой, но и взаимодействуют со всей системой языка в целом. Поэтому нельзя согласиться и с тем, что формулы обращения «не явление языка, ни даже нормы, которая не существует или неизвестна, а явление речи» [167, р. 55]. Правила использования формул обращения существуют, они довольно сложны, и их

усвоение требует определенных усилий со стороны изучающих испанский язык.

Обратимся к словам *don* / *doña*. В средние века это исключительно аристократический титул. В XVI веке его использование распространилось и на другие социальные слои, причем так широко, что в XVII веке потребовалось даже вмешательство короля Филиппа III, с целью запретить это обращение применительно к нетитулованным особам. Кстати, величайший писатель всех времен и народов Мигель Сервантес не имел права величаться *don Miguel*.

Тем не менее, в последующие эпохи за *don* / *doña* закрепились функция не просто вежливого, а скорее уважительного обращения. В настоящее время сфера его использования значительно сократилась. Слова *don* / *doña* никогда не употребляются изолированно, то есть в качестве формул обращения, не сочетаются с определенным или неопределенным артиклем (за исключением фразеологических единиц типа *un don Nadie*³) и могут предшествовать только *имени*, но не фамилии: *don José*, *don Fernando*, *doña Rosa*. Формула с этим этикетным словом переживает глубокий кризис, связанный, на мой взгляд, с экспансией местоимения *tú*. Первой реакцией испанских респондентов на мой вопрос, в каких ситуациях они используют формулу *don* + имя, было слово «никогда». Но при детализации вопроса (Как Вы обозначаете на конверте адресат, если это Ваш начальник или уважаемое лицо?, Как Вы обращаетесь к особо уважаемому лицу? и т.п.), выяснялось, что формула жива и имеет глубокие культурные корни. В самом деле, еще совсем недавно — в семидесятые годы! — эту формулу использовали школьники при обращении к учителю (то есть в языковом сознании наших испанских современников примерно пятидесятилетнего возраста этикетные слова *don/doña* были актуальны). Обращение *don* + имя было обязательным к бакалаврам (бакалавр в Испании — человек со средним образованием) и к людям с высшим образованием.

Этикетное слово *don*, как правило, маркирует несимметричные отношения.

С 90-ых годов прошлого столетия «*don* + имя» как формула уважительного отношения сохраняется лишь в сельской местности. *Don José*, *don Ramón* — так обращаются сельские жители к священнику, врачу, учителю, ветеринару. По свидетельству одного информанта, в его деревне к прежнему священнику, который пользовался безграничным доверием и уважением односельчан, обращались и говорили о нем в третьем лице именно так: *don Ramón*. К теперешнему же пастырю (который после службы переодевается в джинсы, садится в автомобиль и уезжает в город)

³ В классической литературе, тем не менее, можно обнаружить примеры типа: *Antes de que concluyera la frase, el don Carlos voló* (Galdós. *Misericordia*); *Saltó la doña Pepita, muy avispada* (Valle-Inclán. *La corte de los milagros*). Для современного испанского языка такие сочетания не характерны [93, p. 176].

обращаются вежливо и уважительно (*señor cura*), но без того оттенка глубокого почтения, который имплицитруется словом *don*. В третьем лице его называют просто *el cura*.

Don может предшествовать также полному антропониму (имя + фамилия). Рассмотрим, что имплицитует слово *don* в сочетании с полным антропонимом и с именем в следующих фразах (из гипотетического разговора с секретаршей по телефону — данные информантов):

- 1) *Róngame con don Francisco*;
- 2) *Róngame con don Francisco López*.

В первом случае вся фраза указывает на то, что говорящий знаком с доном Франсиско (главная импликация) и в учреждении только один человек имеет это имя (необязательная импликация). Второе же высказывание подразумевает две ситуации: 1) в офисе имеется несколько человек по имени Франсиско, 2) говорящий не знаком с указанным лицом. В обоих случаях имплицитруется не только более высокий социальный статус донна Франсиско по сравнению с посредником (секретаршей), но и то, что этот человек «что-то решает».

Женский вариант *doña*, по данным словаря *Gran diccionario general de la lengua española Vox* (1995), используется по отношению к замужним женщинам, обычно пожилым, и чаще всего вдовам как формула уважительного отношения: *¿Está doña Carmen?* (нотариус спрашивает по телефону о пожилой клиентке). *Doña* является также показателем высокого социального статуса женщины.

В Латинской Америке это слово часто имеет деспективный оттенок или маркирует почтенный возраст.

Don / doña в современной Испании используется применительно к человеку с невысоким образовательным цензом, так сказать, как «титул» богача. Так обращаются к сельским богачам, самому богатому человеку в квартале, районе. Одним из персонажей романа К.Х. Селы «Улей» является *doña Rosa*, женщина, держащая в кулаке весь квартал. Несмотря на то, что роман написан в 40-ых годах прошлого века, тенденция использования этого этикетного слова в указанном значении была актуальной уже в ту эпоху.

Don / doña уместны также в церемониях представления. Вот пример из пособия по испанскому разговорному языку, где формула с указанными этикетными словами приводится без интерпретации: *Don Rodrigo Menéndez, don Felipe Trujillo. Aquí mi mujer, aquí Jaime Rueda, mi compañero de trabajo* [40, p. 63]. В данном монологе слово *don* вряд ли является показателем особого почтения, скорее вежливости и языковой необходимости. Здесь нельзя употребить более нейтральное слово *señor* для представления гостей, поскольку *señor* сочетается с фамилией, а так как предполагается, что в дальнейшем все собравшиеся будут общаться по

имени, имя необходимо ввести для соблюдения правил вежливости, а для соблюдения языковых норм перед именем нужно поставить слово *don*. Обращает на себя внимание тот факт, что один из участников этой сцены (Jaime Rueda) представлен без слова *don* — свидетельство, так сказать, «коротких» отношений с говорящим, в то время как *don* — дистанцированных (не только по отношению говорящему, но и отношению к другим участникам этой сцены).

В испанском речевом этикете существует уникальное соединение этикетных слов: слова *don* / *doña* сочетаются со словами *señor* / *señora* в следующем порядке: *el señor don Mario López González, la señora doña María López González*. Такая формула используется в юридических (нотариальных) документах, а также, в частности на конверте, но в сокращенном виде и с большой буквы: *Sr. D. Mario López, Sra Dña María López*. Если эти же слова встречаются в тексте, то они пишутся полностью и со строчной буквы. Перед этикетными словами *señor*, *don* возможно появление титульных слов (*Magnífico, Excelentísimo, Ilustrísimo*): *Leída y publicada ha sido la anterior sentencia por el Magistro Ponente, Excmo. Sr. D. Enrique Lecumberri Martí, en audiencia pública celebrada en el día de la fecha, de lo que yo, el Secretario, doy fe (Leggio)*.

Don сочетается с наименованиями профессий и званий: *el capitán don Agustín Montoria (Galdós)*. Ср. также в речевом акте идентификации: *¿El ingeniero don Juan López?*

Don / *doña*, кроме того, формула официальной вежливости, широко используемая в прессе: *don Juan Carlos, doña Sofía, doña Elena, doña Cristina* — так называют, как уже говорилось выше, членов королевской семьи в официальной хронике.

Наконец, *don* широко используется в ироническом смысле. Если, по свидетельству информантов, одного из членов коллектива называют *don Jesús*, то связывают это с какими-либо его качествами (лень, рассеянность, жадность). Поэтому фразы типа *¿Y qué te dice don Jesús?, Y en ese momento viene don Jesús* (сами по себе нейтральные) в определенной ситуации могут вызывать всеобщую улыбку или смех.

Рассмотрим слова *señor* / *señora* / *señorito* / *señorita*. Как и слова *don* / *doña* это важнейший компонент испанского этикета и культуры в целом.

Обращение *señor* используется в испанском языке с древнейших времен в значениях, принятых и сейчас. В «Песне о моем Сиде» сеньором называют и короля, и самого героя — Сиду; его вассалы обращаются так к христианскому рыцарю Муньо Густосу, и к арабскому губернатору Абенгальбону; *señor* используется как обращение к Богу и святым; уличный артист (*juglar*) так обращается к своим слушателям; наконец, *señor* — это владелец шпаги, коня и т.д. [57, p. 211]. В отличие от слова *don*, *señor* очень рано становится формулой обращения; сначала к уважаемому или

занимающему высокое положение человеку, а затем и к любому лицу, любого социального статуса. Это слово используется как при симметричных, так и асимметричных отношениях.

Señor / señora сочетается только с фамилиями (отклонения от этого правила имеют определенную прагматическую установку, см. ниже) и употребляются с определенным артиклем, если речь идет о третьем лице (*el señor López viene mañana*) и без артикля при обращении: *Buenos días, señora López. ¿Cómo está?* Исключения составляют речевые акты идентификации: — *¿El señor Ortega?* — *Sí, soy yo* [158; 212]. Если говорящий по той или иной причине называет полный антропоним (имя + фамилия или фамилии), то между словом *señor* и именем нужно поставить *don*: *¿Puedo hablar con el señor don Pedro González?* Это еще раз подтверждает, что этикетные слова — явление языка, подчиняющиеся определенным правилам сочетаемости между собой и другими словами. В Латинской Америке, напротив, формула «*señor* + имя + фамилия» вполне возможна: *¿Está el señor Luis Martínez?*

Сочетание «*señor* + имя» — просторечная форма вежливого обращения (*señor Luis, señora Carmen*), аналогичная использованию отчества в русском языке (Петрович, Ивановна). Как известно, в России это широко распространенное явление в рабочей и крестьянской среде. М.Молинер уточняет, что формула «*señor / señora* + имя» используется среди крестьян при общении между неблизким или малознакомыми людьми (*las personas que no tienen entre sí mucha intimidad*); эта формула применима также к старшим по возрасту: *Mi vecina la señora María* (статья «*señor*» [168, t. II]).

Кроме того, данная формула может маркировать также социально асимметричные отношения. Например, если начальник позволяет себе обращение к подчиненному просто по имени и при этом не желает подчеркивать своего превосходства, то он скажет так: *Este paquete es para que lo lleve el señor Ramón a su destino* (статья «*señor*» [168, t. II]).

В каких случаях используется формула «*señor / señora* + фамилия»? Во-первых, в речевых актах идентификации (см. выше). Во-вторых, при несимметричных отношениях как вежливая форма обращения к клиенту (в банке, в гостинице, в любом учреждении): *Señor López, ¿en qué puedo servirle?* Это также форма обращения к начальнику, к официальному лицу. В свою очередь, начальник (например, на большом предприятии) обращается к подчиненному *Señor Martínez* или *Martínez*. Официальное лицо (например, представитель власти) при обращении к посетителю употребляет исключительно формулу «*señor / señora* + фамилия». В настоящее время сфера применения этого обращения сужается, слово *señor* все реже появляется при обращении младшего к старшему по возрасту. Таким образом, экспансия *tú* сказывается на вытеснении не только формул с *don / doña*, но и формул с *señor / señora*. Слово *señor* исчезло также из

сочетаний типа *el señor presidente José María Aznar, el señor alcalde Julio Rodríguez*, характерных и сейчас для Латинской Америки, в пользу сочетаний *el alcalde Julio Rodríguez, el presidente del Gobierno José Luis Rodríguez Zapatero* или просто *Julio Rodríguez, José Luis Zapatero*.

При симметричных отношениях формула «*señor + фамилия*» используется при общении с неблизко знакомыми людьми. ¡*Buenos días, señora López!* — ¡*Buenos días, señor González!* Такой диалог может состояться между соседями по многоквартирному дому, между жителями одного квартала, городка, деревни, между лавочником и постоянным покупателем и т. п. В настоящее время эта формула может быть и сигналом недружественных отношений — в случае, если в коллективе (например академическом) между коллегами принято обращение на *tú*, то обращение «*señor + фамилия*», предполагающее *Usted*, маркирует неприязнь.

Функционирование слова *señora* несколько отличается от его мужского аналога. Во-первых, в отличие от мужского, женский вариант имплицитно сему «*семейное положение*» — это слово используется лишь по отношению к замужней женщине или вдове; таким образом, к замужней женщине можно обратиться или говорить о ней в третьем лице, используя один из следующих вариантов: (*la*) *señora Vázquez López* (общение в официальной обстановке); (*la*) *señora Vázquez* (общение в официальной обстановке или между неблизко знакомыми людьми); (*la*) *señora Vázquez de Martínez* (последний компонент — фамилия мужа, в ситуации представления акцентирует факт замужества за определенным лицом); (*la*) *señora (de) Martínez* (в этом случае подчеркивается принадлежность замужней женщины к определенной семье, клану; использование предлога *de* регулируется региональными предпочтениями: на севере предпочитают формулы с предлогом *de*, в Андалусии — без предлога).

Все эти варианты объединяет установка говорящего либо подчеркнуть официальность обстановки, либо особое — уважительное — отношение к замужней женщине или вдове в силу ее возраста, социального положения или по каким-либо иным причинам, поскольку в настоящее время, например, в неофициальной обстановке представления или знакомства можно использовать только имя и обращаться на *tú*. Обращение «*señora + фамилия*» возможно и по отношению к незамужней женщине, имеющей детей или определенный социальный статус.

Кроме того, в отличие от мужского аналога, непосредственно за словом *señora* могут следовать имя и фамилия (*la señora María Pérez*), не внося просторечных коннотаций, как в случае *señora María*. За словом *señora*, как указывалось, может следовать и слово *doña*: *señora doña María Pérez* (например, в официальном послании).

Слово *señorito* сочетается с именем и традиционно используется применительно к сыну аристократа: так обращаются и называют в романе

Делибеса «Los santos inocentes», действие которого происходит в послевоенной Испании, сына хозяина поместья — (el) señorito Iván. Метафорически так могут называть сына (наследника) богатого человека вообще. В целом эту формулу можно расценивать как архаическую.

Этикетное слово *señorita* содержит сему «семейное положение», применяется по отношению к незамужней женщине и сочетается как с фамилией, так и с именем. Рассмотрим три варианта вопроса: 1) ¿Está la señorita Julia Miranda?; 2) ¿Está la señorita Julia?; 3) ¿Está la señorita Miranda? Между первым и третьим высказываниями практически нет смысловой разницы, разве что первое может быть более официальным. Что касается второго вопроса, содержащего только имя, то он имплицитно подразумевает знакомство говорящего с девушкой. В то время как первый и третий вопросы этого не подразумевают. Все три вопроса могут быть заданы скорее всего в служебной обстановке, и речь в них идет об одной из служащих.

За словом *señorita* никогда не ставится *doña*. В современном испанском языке наблюдается сужение сферы применения рассматриваемого слова (как и итальянского аналога *signorina*). В качестве обращения (без имени и фамилии) это слово закрепилось за секретаршами, продавщицами, кассирами, официантками — независимо от их семейного положения и часто возраста. В Испании существовала традиция употреблять слово *señorita* при обращении к учительнице (тоже независимо от семейного положения и возраста), сейчас эта традиция ушла в прошлое. Между тем в Англии слово *Miss* по сию пору продолжает использоваться в аналогичной ситуации.

Слова, обозначающие профессии, должности и звания (*profesor, ingeniero, ministro, arquitecto, sargento, capitán, etc.*) сочетаются с именем и фамилией: *Si te sientes tan mal, creo que será mejor que llamemos al doctor Vázquez.* — *Quería hablar con el profesor Eulocio Márquez, por favor.* — *¿De parte de quién?*

В определенных сферах бытует ряд специальных форм обращения, которые называются *tratamientos* (*Reales, civiles*) — формулы обращения к членам королевской семьи или к должностным лицам. Чаще всего такие формулы используются в официальных церемониях и письменных обращениях.

К членам королевской семьи обращаются при помощи формул *Su Majestad* (*S.M.*) или *Su Alteza Real* (*S.A.R.*).

«*Excelentísimo + señor + фамилия*» (или название должности) — наиболее распространенная формула обращения к Главе правительства и его заместителям, министрам, депутатам, сенаторам, Главам Автономий (за исключением Глав Каталонии, Балеарских островов и Валенсии, которых именуют *Muy Honorable Señor*), Чрезвычайным и полномочным послам, другим высшим государственным чиновникам.

Титульное слово *Ilustrísimo* используется по отношению к советникам посольства, деканам (также: *Muy Ilustre Señor*) и заместителям декана. Официальное обращение к ректору — *Magnífico y Excelentísimo Señor*.

Итак, все многообразие сочетаний слов *señor*, *don* и других титульных слов с антропонимами показывают не только богатство традиций этикета, но и богатство коннотаций, возникающих при различных сочетаниях слов. Каждая формула по-своему маркирует ситуацию общения, имеет свою прагматическую установку. В то же время следует отметить активные процессы изменения норм использования данных единиц, что связано, в первую очередь, с эволюцией системы личных местоимений, в частности с экспансией местоимения *tú*, повлекшей сужение сферы использования этикетных слов.

§ 12. АНТРОПОНИМЫ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Антропонимы — важнейшая часть лексики любого языка, активно взаимодействующая с лексической системой языка в целом. Будучи частью системы определенного языка, антропонимы, в частности имена, обретают в нем уникальную идеосемантику и коннотации, что связано с историей народа, его фольклором, традициями, культурой.

Деантропонимическая лексика

Как уже указывалось, значительная часть романских и русских личных имен совпадает по происхождению, что объясняется принадлежностью соответствующих этносов к христианскому миру. Так, русские имена *Иван, Петр, Юрий, Мария, Анна, Марфа* соотносятся с испанскими *Juan, Pedro, Jorge, María, Ana, Marta*. Очевидно также, что как русские, так и испанские имена имеют различный статус в соответствующих лексических системах, различную «ценность». Некоторые имена, например, *José, Marta* — очень распространены в Испании, что же касается их русских эквивалентов, этого утверждать нельзя: имя *Иосиф* в России редко используется русскими, как и некоторые другие ветхозаветные имена (*Адам, Ева, Самуил, Ребекка, Сара* и др.). Что касается имени *Марфа*, то в наши дни оно практически не встречается, в прежние эпохи оно было именем социально маркированным — преимущественно крестьянским, как и имена *Фекла, Агафья* (ср. *Tecla, Agata*, не имеющие таких коннотаций в Испании). Кроме того, указанные имена по-разному «вписываются» в лексическую систему в целом. Так, с именем *Иван* связана обширная фразеология, как и с испанским именем *Juan*. Эти имена могут выступать как нарицательные. Что касается соответствующего итальянского имени *Giovanni*, оно практически не

вовлечено в нарицательную лексику. О семантическом своеобразии деантропонимической лексики и пойдет речь в дальнейшем изложении.

В испанском языке имена святых и просто личные имена широко используются в качестве имен нарицательных и могут обозначать насекомых (*santana, santanica, santanita* — разновидность муравья; *sananica* — божья коровка (диалект.), *santateresa* — прямокрылое насекомое, *jorge* — разновидность шмеля); растения (*sandiego* — декоративное растение; *hierba de San Juan* — цветок с желтыми цветами; *hierba de San Roberto* — разновидность герани; *pepita (haba) de San Ignacio* — разновидность бобов; *pedrojiménez* — сорт винограда, в другом значении — нечистая сила; *hierba de Santa María* — лат. *Pyrethrum tanacetum*; *hierba Luisa, dompedro, árbol de María, cardo de María* — растения; *gabrieles* — круглый горох); блюда и напитки (*sanjacobo* — бифштекс с сыром; *sanfrancisco* — фруктово-ягодный безалкогольный напиток; *magdalena* — кекс); птиц (*perico* — попугай; *sanantona* — трясогузка); болезни (*mal de San Lázaro* — проказа; *mal de San Antón* — рожа; *mal de San Vito* — хорея; *fuego de San Marcial (или de San Marcos)* — рожистое воспаление); танцы (*sanmiguel* — боливийский танец; *pericón < Pedro* — аргентинский танец); сооружения (*santabárbara* — пороховой погреб); народные названия месяцев (*el mes de Candelaria* — февраль; *el mes de San Antón* — январь; *el mes de San Antonio, el mes de San Juan* — июнь; *el mes de San José* — март; *el mes de San Lorenzo, el mes de San Roque* — август; *el mes de Santiago* — июль). Деоним *Iorenzo* — синоним слова *солнце*: ¡Cómo pega el Iorenzo! «Как припекает!». Имя святого Тельмо превратилось в обозначение спасителя, покровителя: *eres mi santelmo*. *Benjamín*, имя младшего сына библейского Иакова, в испанском языке подверглось деантропонимизации и, в полном согласии с прецедентным текстом, стало именованим любимого сына, всеобщего любимчика: *De porte menos aristocrático, Sojo es el benjamín* (*El País*, 15. 08 2004), а женский вариант этого деантропонима — всеобщей любимицы: *Quien también falló fue la benjamina de los Casiraghi-Grimaldi* (*El Mundo / Crónica de León*, 4. 08. 2002). Диминутив *Juanillo* значит «чаевые, взятка» (Перу).

Живой и озорной *Jaimito* — герой испанских анекдотов (ср. *Петю Иванова* или *Вовочку* из русских анекдотов); соответственно, данный диминутив приобрел значение «озорник, шалун»: *Niño, eres un Jaimito* [467, с. 89].

Имя *María* может обозначать монету в 12 реалов, печенье, погребальное покрывало. В просторечии *María* — деспективное именование домохозяйки (часто в сочетании *tía María; las tres Marías* говорится о нескольких женщинах такого типа): *Estás hecha una María, ya no quieres viajar ni hacer cosas divertidas*. На воровском жаргоне *María* означает «небольшой сейф» (*no pudieron encontrar la María con las joyas*), на

студенческом жаргоне — легкий предмет [205]. Производные онимы *Maruja* и *Marujona* — деспективные обозначения ограниченных мешчанок: Gloria está hecha una *Maruja*, sólo habla de la casa y de los niños; ¿Dónde habrá comprado este semejante pingo de *marujona* insatisfecha y sin estudios (Sánchez Dragó)? [467, с. 107; 392, с. 123].

В арго используются и другие имена: *Perico* «наркотик» и «газета» — последнее значение по созвучию с periódico «газета», *Eva* «наркотик» [205], *Perica* «проститутка». В разговорной речи имя *Rogelio* означает «человек левых взглядов» — по созвучию с gojo «красный». На созвучии основано использование в молодежном жаргоне онима *Emilio* в значении e-mail: Mándame un *emilio* con los datos [467, с. 65] (ср. русское *Емеля* в том же значении).

Гипокористическая форма *Quico* / *Kiko* входит в состав выражения ponerse como *el Quico* «объедаться»: En Navidades nos ponemos como *el Quico*. Имеется ряд идиом с диминутивной формой *Perico* < *Pedro*: *Perico* entre ellas — дамский угодник, человек, постоянно находящийся в женском обществе; como *Perico* (*Pedro*) por su casa — человек, который чувствует себя в любом обществе как рыба в воде; *Perico* el de los palotes — кто угодно, любой человек: llama a tu hermano, a tu cuñado o a *Perico* el de los palotes (M. Moliner). Наконец, имя *Pedro* входит в обозначение черта и нечистой силы: *Peró* (< *Pedro*) *Botero*, *Pedro Jiménez* (*pedrojiménez*). Имя другого фольклорного персонажа — *Pedro Machuca* — входит в обозначение бесполезного, никуда не годного предмета: como el sable de *Pedro Machuca* que parte y no corta.

Глупость фольклорного *Pichote*, равно как и такое же свойство неких *Abundio*, *Merejo*, стала, так сказать, эталоном для испанцев: más tonto que *Pichote*, más tonto que *Abundio* (*Merejo*) — олух царя небесного. Напротив, выражения saber más que *Lepe*, saber más que *el maestro Ciruelo* характеризуют образованного человека. Ser más valiente que *el Cid*, tener más valor que *El Espartero* — говорится о храбром человеке. Эталон внешне непривлекательного человека — некие *Pichote*, *Picio*, *Carracuca*: ser más feo que *Pichote* / *Picio* / *Carracuca* «быть очень некрасивым». Capitán *Araña* — человек, выбившийся «из грязи в князи»: hacer de capitán *Araña*. Tener más cuento que *Calleja* — быть выдумщиком, болтуном; el lindo *don Diego* — самовлюбленный мужчина.

Как видим, доминантными в испанской лингвокультуре являются обозначения при помощи антропонимов чаще всего отрицательных качеств человека (особенно глупости и внешней непривлекательности). Отметим также, что в основе значительного количества подобных выражений лежат прецедентные имена, то есть имена реальных или вымышленных персонажей, известных большинству носителей языка (см. подробнее: [393, с. 112—115]).

Аналогичному процессу превращения в нарицательные существительные подвержены и обычные испанские фамилии. Например, фамилия Rodríguez приобрела значение «муж, остающийся дома, когда семья на отдыхе, и пользующийся этой ситуацией»: Este año que me quedo de Rodríguez pienso organizarme al completo. Фамилия Contreras используется в выражениях ser un Contreras «противоречить во всем»: que no te enteras, Contreras «не отдаешь себе отчет в том, что происходит» [205]. Фамилия каудильо Франко входит в состав выражений Cuando Franco era cabo, cuando Franco era corneta — «давным-давно»: Este baile estaba de moda cuando Franco era cabo [467, с. 75].

Итальянская фамилия Paganini служит обозначением человека, который по глупости платит за всех (Es un paganini, le chulean constantemente), а другая итальянская фамилия — Paparazzi (в испанской огласовке paparachi) в качестве нарицательного имени имеет значение «фотограф, преследующий знаменитостей, чтобы заснять скандальные сцены из их жизни»: Sin los paparachis las revistas del corazón no ejercerían el terrorismo rosa [467, с. 126].

Может стать нарицательным существительным и прозвище, как произошло с прозвищем Рафаэля Морено, известного футболиста, — Pichichi, которое стало означать «самый результативный бомбардир»: Stoichkov no sólo ha sido pichichi en la liga española, sino también en la europea [467, с. 140].

Наиболее часто в «неантропонимической» функции из русских имен выступает *Иван*. Оно может означать «русский человек, русский народ», а также «простой человек, человек из простонародья, простак»: Россия вся единый *Иван* (Маяковский)...; Хотя и есть пословица, что на *Иване* далеко не уедешь, однако ж этот постоит за себя и за своих (Лажечников). (См. подробнее: [427, с. 85—90].

Близкое значение имеет и фамилия *Иванов*: По крайней мере ясно, что человек лучше человечества и личность выше общества, ибо с *Ивановым* всегда договоришься с глазу на глаз, а в составе маршевой роты *Иванов* — зверь (Пьецух). Сочетание *Иван Иванович* может означать «некто, всякий мужчина, всякий русский»: Получалось, что виноваты некие *Иваны Ивановичи*, руководившие конкретными ведомствами (Известия, 1990, 17 февр.). На воровском жаргоне *Иван Иванович* — «политический заключенный из интеллигентов»: Такая деятельность носила массовый характер — предметом постоянной ненависти воров в лагере всегда была интеллигенция из заключенных — «*Иваны Ивановичи*» [427, с. 89]. Наконец, *Иван Иванович Иванов* — «некто из русских» или «ничем не выделяющийся человек»: Но неужели, если пермяк *Иван Иванович Иванов*, будучи в командировке в Одессе, опустит пермские автобусные билетки в одесскую автобусную кассу, то тем самым нанесет ущерб местной

экономике? (Известия, 1984, 21 окт.); — Я действительно пишу и непременно напишу драму, — сказал он, — «*Иван Иванович Иванов*»... Понимаете? Ивановых тысячи... обыкновеннейший человек, совсем не герой (Короленко) [Там же. С. 90].

Оним *Иван* в сочетании с отчеством может иметь окказиональные значения. Перед празднованием 60-летия Дня Победы по телевидению прошел сюжет об испанских республиканцах, сражавшихся в рядах Красной Армии в годы Великой отечественной войны. Среди прочего один из испанских ветеранов вспомнил забавный эпизод о том, как обед, состоящий из пшеничного супа на первое и пшенной каши на второе, они называли *Иваном Ивановичем*.

Диминутивно-деспективная форма *Ванька* в качестве нарицательного существительного может иметь значения «комнатный цветок», «извозчик»:

— Слышь, ты мне убери-ка мне с окошка «*ваньку* мокрого», а то ведь точно занавеской поломаю... Бронислава перетащила тяжелый горшок с цветком на стол (Галактионова).

Тут вот еще что: в магазин Рыбников приехал на обычном «*ваньке*», а укатил на лаковой пролетке, из тех, что берут полтинник за одну только посадку (Акунин, Алмазная колесница).

Инженер и надворный советник переделались *ваньками* и, пошатываясь вошли в трактир (Акунин, Алмазная колесница).

В Испании имя *Juan* тоже обладает богатой идеосемантикой. Во-первых, *Juan* — герой испанских сказок (например, *Juan de las cabras* «Хуан козопас») и типичный испанец — *Juan Español*. Во-вторых, это имя входит в ряд фразеологических выражений: *Juan Palomo, yo me lo guiso, yo me lo como* «сами с усами»; *Otra al dicho de Juan de Coca* «Опять двадцать пять!, Снова здорово!». *Juan Lanás (Juan Vainas)* — прозвище бесхарактерного человека, живущего под каблуком у жены; *buen Juan, Juan de buen alma*, «простак, простофиля»; *Juan de las viñas* «простак, добряк»; *Juan soldado* «простой солдат»; *Juan y medio* «коротышка».

Имеются также фразеологические выражения, в которых *Juan* сочетается с другими испанскими именами: *a Juan y a Pedro, a Diego y a Juan* «встречному и поперечному»; *lo mismo le da Juan que Pedro* «один черт»; *todo es Juan y Manuela* «все это вздор, чепуха». Сочетание *Juan y Pedro* может быть свободным (Хуан и Педро) или связанным (неизвестный человек), как в диалоге: — *¿Quién lo ha hecho?* — *Juan y Pedro* (— Кто это сделал? — Откуда я знаю).

Наконец, *don Juan* — одна из самых известных мифологем в европейской культуре, имя-концепт, обозначение ловеласа, обольстителя.

Имя *Juan* входит также в состав арготизированных обозначений различных предметов: *Juan Díaz* «замок», *Juan Dorado* «золотая монета»,

Juan Platero «серебряная монета», Juan de Garona «вошь», Juan Machir «тесак», Juan Tarafe «игральная кость».

§ 13. АНТРОПОНИМЫ — ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА

Еще один малоизученный аспект антропонимии касается функционирования в языке прецедентных онимов: имен античных и библейских персонажей, христианских святых и литературных героев, а также исторических личностей, политиков, представителей культуры, спорта, артистов и т.д. Прецедентный антропоним, таким образом, понимается как феномен национальной культуры, присутствующий в сознаний огромного числа людей. При этом прецедентные онимы одной культуры часто становятся достоянием другой культуры. Именно этот аспект прецедентности интересует нас в первую очередь. (О трактовках прецедентных феноменов см.: [310; 362; 405].

Прецедентные антропонимы функционируют в речи как отдельные единицы (в прямом и метафорическом значении), так и в составе фразеологических единиц различного типа, в том числе паремиях.

Интерес к прецедентным именам вызван тем, что в разных культурах имена (и образы) одних и тех же персонажей часто интерпретируются по-разному и, соответственно, представляют различные когнитивные концепты.

Ниже будут рассмотрены прецедентные имена, общие для испанского и русского народов, а также фразеологические единицы (включая паремии) с антропонимическим компонентом. Отдельно будут рассмотрены прецедентные онимы — имена литературных героев, исторических деятелей и известных людей.

Прецедентные онимы, фразеологизмы и паремии с антропонимическим компонентом

Обратимся к именам, общим для всех христианских культур. Выше уже было отмечено, что прецедентные имена способны переходить в разряд апеллятивной лексики и обозначать предметы окружающего мира. Теперь обратимся к своеобразию трактовок одних и тех же прецедентных имен в двух культурах и, соответственно, языках.

Начнем, так сказать, от Адама. В русской картине мира в образах *Адама* и особенно *Евы* акцентируется понятие греха. Ср. пословицы, приводимые В.И. Далем: Адам плотию наделил, Ева — грехом; Адам согрешил, а мы воздыхаем; Ева Адама прельстила, весь род потопила (или: погубила); Ева прельстила дровом, простонала чревом; Адам грех сотворил — рай затворил. Кроме того, для русского человека Адам —

физически совершенный образец мужчины. Ср. у В. Хлебникова: Страна, где все люди Адамы. В самарском и московском говорах *адам* — человек огромного роста (Словарь русских народных говоров, вып. 1).

Сочетание *в костюме (наряде) Евы (Адама)* означает «голый»:

Графиня Эн высажена из кареты *в наряде Евы* (Акунин, Алмазная Колесница)!

Наконец, *Адам* и *Ева* могут быть синонимами слов *мужчина* и *женщина*:

В борьбе за лидерство *Адам* проигрывает *Еве* (ЛГ. № 10 (6013), 2005).

Совсем другой образ данного персонажа в испанской картине мира. С этим именем — оно звучит по-испански *Adán* — связаны следующие коннотации: грязный, неопрятный, неряшливый человек (*ser un Adán; hombre, estás hecho un Adán; Manuel es el típico Adán, se viste mal y no se cuida nada*) (см. статью «Adán» [205]). Ср. также: *Y después de todo, estas cosas te ocurren por ser un adán, porque si tú vienes vestido como Dios manda* (Delibes). Производное от *Adán* — *adamismo* (*adanismo*) используется в выражениях типа *obrar con adanismo*, что означает «делать что-то так, как будто до тебя этого никто не делал» (изобретать велосипед). Имя же прародительницы Евы употребляется в выражении *hijas de Eva* (дочери Евы) для обозначения женщин вообще; кроме того, *eva* на молодежном жаргоне — разновидность наркотика (статья «Eva» [205]). Кстати, имена *Adán* и *Eva* отсутствовали долгое время среди христианских имен; они были введены в обиход протестантами в период реформации и лишь в XVIII веке были приняты католической церковью.

В испанском языке с именем святого *Иова* связано представление о неограниченном терпении: *su padre es un Santo Job* (исп.) «его отец святой Иов (то есть очень терпеливый человек)». В русском языке актуализированы другие черты этого образа. Ю.А. Бельчиков считает, что «фразеологизмы с компонентом *Иов* в русском языке говорят о бедности (беден, как Иов), о страданиях библейского персонажа (Иов многострадальный)» [265, с. 51]. С этим нельзя не согласиться, но отметим также, что указанные выражения носят книжный характер. В сознании же простого народа *Иов* связывался с его местом в традиционном русском месяцеслове, и в народе его называли *Иов-огуречник*, поскольку в этот день (19 мая по новому стилю) следует сажать огурцы; по состоянию погоды в этот день определялись виды на урожай: большая роса или ясный день сулят хороший урожай огурцов [379, с. 291].

Центральный образ во всех христианских культурах — Иисус Христос. Рассмотрим, как он предстает в русском и испанском языках.

Специфика испанской фразеологии, включающей имя Христа (*Cristo, Jesús, Jesúcristo*), в том, что в ней содержится много междометных образований: ¡Por los clavos de *Cristo*! — восклицание со значением

протеста, нетерпения, патетическое выражение просьбы или приказа (ради Бога!); ¡Ni Cristo que la fundó! — эмфатическое отрицание возможности или правдоподобности чего-либо (ничего подобного!); ¡Vive Cristo! — устаревшее восклицание, обозначающее раздражение; ¡Hasta verte, Jesús mío! — фраза, сопровождающая осушение бокала: в древности на дне сосудов для питья часто изображались буквы I. H. S. Восклицания ¡Jesús!, ¡Jesucristo!, ¡Cristo!, ¡Santo Cristo!, ¡Jesús, Dios mío!, ¡Jesús, María y José!, ¡Jesús mil veces! могут сопровождать широкую гамму чувств — от жалобы и удивления до испуга и облегчения. Кроме того, междометие ¡Jesús! произносится, когда кто-то чихнул (соответствует русскому «Будьте здоровы!»); этот обычай восходит к временам чумы, имевшей место в XIV веке.

Имеется и ряд выразительных фразеологизмов. М. Молинер приводит следующие: como a un Cristo (a un santo Cristo) dos pistolas «как Христу два пистолета», то есть не подходить, не сочетаться; como Cristo con los mercaderes «как Христос с торговцами», то есть непримиримо; donde Cristo dio las tres veces — очень далеко; poner a alguien como un Cristo — оскорбить, загрязнить, обойтись плохо; armarse la de Dios es Cristo — устроить скандал; niño Jesús, Jesús niño — изображение младенца Христа; túnica de Cristo — растение; en un decir Jesús, en un Jesús — очень быстро, (статьи «Cristo», «Jesús» [168]). Зафиксированы и другие выражения: a mal cristo, mucha sangre — говорится о книге или картине, низкой по качеству, но использующей средства, привлекающие толпу; cristo con todos — фраза, которой завершается дело; ni por un cristo — ни за что; sacar el cristo — прибегать к крайнему и решительному средству убеждения (статья «Cristo» [66]). Некоторые из приведенных выражений содержатся также в словарях аргос, что свидетельствует об их стилистически заниженной окраске: como a Cristo dos pistolas, donde Cristo dio las tres veces, poner a alguien como un Cristo, armarse la Dios es Cristo. В словарях испанского аргос имеются и другие идиомы с этим именем: como hay Cristo que «клянусь»: ¡Como hay Cristo que no me ve el pelo para los restos! «Клянусь, что вы меня больше не увидите!»; ni Cristo, no hay Cristo que «никто»: En esta oficina no te echa la mano ni Cristo; Se pone a chapurrear español y no hay Cristo que lo entienda; ni para Cristo «ни за что»: ¡Non salgo ahora ni pa Cristo!; todo Cristo «все»: El dueño del local se cabreó y mandó echar fuera tó (todo) Cristo [152; 205].

В русском языке фразеология, содержащая имя Христа, ограничена. Энантисемичные восклицания *Господи Иисусе!*, *Господи Иисусе Христе!* обозначают страх, удивление; междометное образование *Христа ради* усиливает просьбу (Христа ради, прошу тебя, останься). Возглас *Вот тебе (те, вам) Христос!* подтверждает правдивость, достоверность сказанного, а *Христос с тобой! (с вами, с ним)* — пожелание благополучия, выражение согласия (ладно, пусть будет так), предостережение [472, Т. 17]. Имя

Христос в ряде выражений заменимо на слова «Бог» или «крест»: *Бога ради, Вот те крест!, Бог с тобой!* В.И. Даль приводит следующие выражения и производные образования от этого имени: Христа ради, Христа-ради невест не выдают (ответ назойливой свахе), христарадничать, христарадник, христосоваться («целоваться радостно потрижды со встречным, на праздник Пасхи, приветствуя словами: *Христос воскрес!*»), Светлое *Христово* Воскресение, *Христов* человек (милосердный), христоробец, христоропродажный, христоропродавец, христоносный, христоносец [313, Т. IV]. Эмоционально окрашенных слов-дериватов, а также образных выражений немного: исусик, христосик (человек благообразной внешности, человек с мягким характером, отрешенный от жизни человек), как у *Христа* за пазухой (вольготно, привольно), *Христом-богом* просить (сильно просить). Как видим, фразеология и производные от имени *Христа* в русском языке совсем иные по духу и по «подаче» этого образа.

Имеются в испанском языке идиомы с именем Богородицы. Приведем несколько выразительных испанских идиом с рассматриваемым онимом: *po es cada día Pascua ni Santa María* — не всякий день праздник; *para él no hay más Dios ni Santa María que...* — для него ничего не существует на свете, кроме...; *¡abre, María, la puerta!* — ну и ну!; *¡Jesús, María y José!* — возглас удивления; *¡Ángela María!* — междометное образование, обозначающее испуг, удивление, протест; *¡Ave María!*, *¡Ave María Purísima!* — приветствия (устар.) и возгласы удивления; *Buenas manos tiene María Santísima para sacar pollos (cebar gorrines)* — у него (у нее) все в руках спорится; *el mes de María* — май; *la tierra de María Santísima* — Андалузия. Выражение *las tres Marías* (три Марии) во времена Франко на студенческом жаргоне означало три дисциплины — закон божий, политика, физическая культура; в то же время это именование из области астрономии — Пояс Ориона.

В русском языке фразеологии, связанной с именем Богородицы, нет: оно табуировано в русской языковой картине мира. Этот факт заслуживает, на наш взгляд, отдельного — интердисциплинарного — изучения. В.И. Даль приводит несколько сочетаний с именем *Мария*, но они отношения к Богородице не имеют: *Мария Иродовна* — лихорадка (Мария — одна из дочерей Ирода); *Марьин баשמачок, Марьин корень, Иван-да-Марья* [313].

В целом довольно часто библейские имена в испанском и итальянском языках являются носителями иных коннотаций по сравнению с русским языком. Так, имя Магдалины в сознании русского человека, в первую очередь, связано с грехом и с раскаянием в грехе (кающаяся Магдалина: «Но кто не зрел картины — Раскаянья преступной *Магдалины?*») (Лермонтов)). Кроме того, этот оним может означать «проститутка» (Отин 2004, 214): «Но я влюбился, дочиста обыгранный,

вшивыми пьянчужками обрыганный, не в местных *Магдалин* с их ремеслом, а в гипсовую девушку с веслом» (Евтушенко). В то время как у испанца в значении этого слова на первом месте выступает сема «безутешность»: имя *Magdalena* входит в состав фразеологизированных выражений *ragese una Magdalena* (букв.: похожа на Магдалену), *llegó hecha una Magdalena* (пришла как Магдалена), которые, соответственно, означают «безутешно плачет», «пришла совершенно зареванная» — без малейшего намека на совершение греха.

В испанском языке больше, чем в русском активно используемых выражений, пословиц и поговорок, содержащих имена святых. Приведем несколько примеров. Особое место среди святых занимает Сантьяго (Святой Яков) — покровитель Испании. Долгое время день этого святого был самым значительным национальным праздником. Этот факт позволяет трактовать ситуацию, воспетую Лоркой в романсе «*La casada infiel*» (Неверная жена), происходящую в ночь на Сантьяго, как типичную, свойственную испанскому национальному характеру:

Y que yo me la llevé al río
Creyendo que era mozuela,
Pero tenía marido.
Fue la noche *de Santiago*...

Имя этого святого входит в военные призывы: ¡*Santiago* y *cierra España!*, ¡*Santiago* y a ellos! — Вперед! Ура! В атаку! Бей их! [334]. Этот призыв, появившийся во времена Реконкисты, впоследствии «распался на другие устойчивые выражения: ¡*Cierra* , *España!*, *dar el Santiago*, при помощи которых отдается приказ вступить в бой» [482, с. 75]. А фразеологизм «*Como Santiago* y *toros*» означает «жить в постоянной вражде», «как кошка с собакой».

Имя святого Мартина входит в выражение *A cada cerdo le llega su San Martín* (к каждой свинье приходит святой Мартин), то есть всему приходит конец, виновник получит наказание; эта идиома объясняется тем, что именно на святого Мартина (11 ноября) забивают этих животных. Имя этого же святого, как и имя Святого Михаила, связано с обозначением бабьего лета: *veranillo de San Martín* / *de San Miguel*. Имена святых Бернардо и Лоренсо содержатся в выражениях *comer con salsa de San Bernardo* (буквально: есть с соусом Святого Бернардо) и *asarse como San Lorenzo* (жариться как Святой Лоренсо), которые означают, соответственно, «есть со зверским аппетитом, есть любую пищу» и «страдать от жары». Фразеологические единицы *ir en el coche de San Fernando* (*San Francisco*), *ir en caballo de San Francisco* означают «идти пешком» (в итальянском языке есть выражение с тем же значением: *andare con il cavallo di San Francesco*).

Часто имя святого становится нарицательным и в составе идиомы пишется со строчной буквы и слитно с компонентом *San*: *cargarle un*

sambenito a uno — наговорить на кого-либо, оклеветать, *sacarle un sambenito a uno* — оправдать, *librarse de un sanbenito* — снять с себя обвинение: *Los jóvenes autores quieren librarse de ese «sanbenito» que le han cargado y demostrar que...* (ABC, 28, 07, 1997).

Имена святых рифмуются в составе поговорок, присловий: ¡A San Bruno que da ciento por uno! (Ищи дурака!); Santa Rita, Rita, Rita lo que se da no se quita — что отдал, то не отнимают; una y no más, Santo Tomás — одного раза достаточно (разок попробуешь и расквешься). Ср. также русские рифмованные пословицы, которые приводит В. Даль: Не для Иисуса, а для хлеба куса; Никола на море спасает, Никола мужику воз подымает [312, Т. I, с. 68].

Особенно много фразеологизмов связано с именем святого Петра: *bien se está San Pedro en Roma* (хорошо святому Петру в Риме) — от добра добра не ищут; *las de San Pedro* — слезы; *como San Pedro* (как святой Петр) — лысый; *(estimado) como San Pedro en Roma* (уважаемый как святой Петр в Риме) — почтенный; *tomar el café con San Pedro* (буквально: пить кофе со святым Петром) — выдавать себя не за того человека; ¡Que lo haga San Pedro! (пусть это делает святой Петр!) — речевой акт отказа (я этого делать не буду). Синонимичным высказыванием является ¡Que lo haga Rita (la santaoga)! (пусть это делает (певица) Рита).

Очень образны и национально специфичны идиомы — сравнительные обороты с *como* и *más que*. В них зачастую отражаются глубоко народные представления о библейских персонажах и святых: *como marrano de San Antón* — питаться святым духом; *como el perro de San Roque* — болтун, балаболка; *estar como San Jinojo en el cielo* — витать в облаках; *como la cara de San Martín* — рваная, дырявая одежда; *como San Martín* — последнюю рубашку с себя снимет; *como el agua por San Juan* — не ко времени; *como el borrico de San Vicente* — очень рассеянный; *como San Alejo debajo de la escalera* — скорчившись, забившись в угол; *caer como San Juan a veinticuatro* — прийти в самый раз; *más casto que José* — целомудренный; *más flaco que el San Jerónimo de Mayo* — кожа да кости.

В испанском же языке имя Лазаря, библейского бедняка, получившего вечное блаженство за все перенесенные тяготы (см. Евангелие от Луки, XVI, 19-31 [270]), входит в терминологическое обозначение проказы — *el mal de San Lázaro*; это же имя означает «нищий, оборванец» (как и в итальянском), а диминутив *lázarillo* получил значение «поводырь», в том числе и применительно к собаке [230, p. 215] (от имени героя романа *Lazarillo de Tormes*); в современном языке это слово — ироничное обозначение гида. Ср. заголовок статьи *Lazarillos turísticos de Córdoba*, в которой идет речь об услугах индивидуальных туристических гидов.

Как видим, одно и то же имя, одни и те же исходные семы *бедный*, *несчастный*, *больной* порождают в разных языках различную семантику и

идиоматику, создающую национально обусловленные образы одних и тех же персонажей.

В России наиболее почитаемый в народе Святой — Николай (Никола). Именно его имя чаще всего упоминается в прецедентных высказываниях — пословицах: Лучше брани: Никола с нами; Проси Николу, а он Спасу скажет; На поле Никола общий Бог; Бог не убог, а Никола милостив; Нет за нас поборника супротив Николы; Со Спаса дерет, да на Николу кладет; Никола на море спасает, Никола мужику воз подымает [312, Т. I, с. 68].

Используются в русских пословицах и имена других святых: Было Тита (т.е. день), так было и пито, а ныне Карпа — нет ни капли; Далеко кулику до Петрова дня [312, Т. 2, с. 74]; Соловей (кукушка) поет до Петрова дня [313, Т. 3].

Приведенные пословицы не относятся к активно используемым единицам. Пожалуй, только одна паремия такого типа *Вот тебе, бабушка, Юрьев день!*, используемая для выражения обманутого ожидания, известна всем. По всей видимости, глагольный дериват от имени *Егор* — *объегорить* связан с тем же событием, что и поговорка: с введением режима заповедных лет, положившим начало закреплению крестьян.

Между тем пословицы, входившие в традиционный русский месяцеслов — земледельческий календарь, являвшийся, по сути, своеобразной крестьянской энциклопедией, были весьма популярны в народе. Месяцеслов обобщал многовековые наблюдения земледельца над явлениями природы, связывал их с днями поминовения тех или иных святых. В результате имена христианских святых в России часто приобретали уникальные созначения и ассоциации, отражавшие картину жизни русского крестьянина.

Приведем несколько пословиц из месяцеслова: *Федосеево* тепло на раннюю весну пошло (24 января); *Афанасий* и *Кирилл* забирают за рыла (31 января, о холодах); Если на *Евдокию* ясно, год прекрасный, если пасмурно, год плохой (14 марта); *Федул* губы надул (ненастье, 18 апреля); Сей морковь и свеклу на *Кузьму* (1 мая); *Федор Стратилат* грозами богат; На *Иванов* день цвет, на *Ильин-то* день хлеб (7 июля, 2 августа); *Петр* и *Павел* час убавил, *Илья* пророк два уволок (12 июля, 2 августа); Святой *Тит* последний гриб растит (7 сентября); *Иван Предтеча* гонит птицу за море далече (11 сентября); С *Ерофея* холода сильнее (17 октября); *Козьма* и *Демьян* с гвоздем (14 ноября); Пришел *Прокоп* — разрыл сугроб (к 5 декабря устанавливается хороший санный путь); Трещит *Варюха* — береги нос и ухо (17 декабря) [379, с. 266—325].

Как видно из примеров, пословицы месяцеслова кратки по форме, образны, рифма облегчает их запоминание.

В испанских паремиях отражаются особенности испанской картины мира, в частности, хозяйственного цикла, крестьянских примет и обычаев: Por San *Antonio* de enero (17 января), la mitad del pajar y la mitad del granero «На святого *Антония* январского, сеновал и амбар наполовину пусты»; Por San *Blas* (3 февраля) *sigüeña verás y si no la vieres, mal año esperes* «На Святого Власа увидишь аиста, а если не увидишь, жди плохого года»; El esposo de María (*San José*, 19 марта) hace la noche igual al día «Супруг Марии делает ночь и день равными»; Si por San *Jorge* (23 апреля) hiela, no cogerás muchas peras «Если на Святого *Георгия* холод, не соберешь много груш»; El viento de San *Matías* (14 мая) dura cuarenta días «Ветер на Святого Матфея длится сорок дней»; Día de San *Bernabé* (11 июня), dijo el sol: Aquí estaré «В день Святого Бернабе сказало солнце: Буду здесь»; Por San *Fermín* (7 июля) el calor no tiene fin «На Святого *Фермина* жара не спадает»; El buen nabo, por *Santiago* (25 июля) tiene cabo «Хорошая репа на Сантьяго заканчивается»; Por San *Roque* (17 августа) la avellana se recoge «На Святого *Роке* собирают лесной орех»; Por San *Gil* (1 сентября) atiza la vieja el candil, para velar que no para dormir «На Святого *Хиля* старуха раздувает светильник для того, чтобы бодрствовать, а не спать»; Por San *Francisco* (4 октября) no hay fruto que no sea ríco «На Святого *Франциска* нет невкусного плода»; Por San *Martín* (11 ноября), deja el cerdo de gruñir «На Святого *Мартина* свинья перестает хрюкать»; Si hiela por Santa *Lucía* (13 декабря) en mayo tendremos buenos días «Если на Святую *Люсию* подмораживает, в мае будет хорошая погода».

У русских и испанских пословиц данного типа много общего как в смысле формы, так и содержания, но, главное, обобщая в образной форме многовековой опыт народа, они совпадают по духу.

В паремиях используются не только имена святых, но и обычные личные имена и фамилии. Такие паремии тоже можно отнести к прецедентным высказываниям, поскольку, несмотря на то, что антропонимы в них, как правило, принадлежат неизвестным людям или задействованы для рифмы, в целом и паремии такого рода апеллируют к прецедентной ситуации [370, с. 126].

Разнообразны испанские паремии с антропонимическим компонентом. К выражению Juan Palomo, yo me lo guiso, yo me lo como прибегают, как указывалось, когда с осуждением говорят о человеке, стремящемся сделать все самостоятельно, без посторонней помощи (сами с усами), а поговорка ¡Que si quieres arroz, Catalina! более или менее означает «любишь кататься, люби и саночки возить». Para quien es don Juan, con doña María basta (один другого стоит) — так высказывается невысокое мнение о паре, вступающей в брак. Близкое значение у пословиц Tal para cual, Pascuala con Pascual; Tal para cual, Pedro para Juan. Паремия A tí te lo digo, Juan, para que lo entienda Pedro соответствует русской «Дочку ругают, невестка, слушай». При помощи выражения ¡Viva la Pepa! (диминутив от

Josefa) (Да здравствует Пепа!) комментируется наглое поведение: *Se va sin acabar el trabajo y ... ¡viva la Pepa! (Moliner)* — он уходит, не сделав работу, и ... вперед!

Много рифмованных паремий. Приведем некоторые из них. *¿Por qué me quieres Andrés? Por interés; Poco os duelen, don Jimeno, estocadas en cuerpo ajeno* (чужие раны не такие болезненные, своя рубашка ближе к телу); *Malo es Pascual, y nunca falta quien le haga mal* (как ты с людьми, так и они с тобой); *Mañana ayunará Santana. A bien que no es hoy, que es mañana* (утро вечера мудреней); *Don Juan de Mena, ni palabra mala, ni otra buena* (ср. русскую поговорку: Дядя Иван, ни людям, ни нам); *¡Acábase el mundo, pues faltó de él don Facundo!*; *Para que dice Rodrigo, no vale un higo* (говорится о лгуне); *Si pare y no cría, no es madre María*; *La purga de Fernando que desde la botica estaba obrando* (опомниться не успеешь, как...).

Имеются также паремии со специфической вокалической рифмой: *Pesa presto, María, cuarterón por media libra*; *En casa de Gonzalo más canta la gallina que el gallo* (пословицы приведены из: [129]).

Русские паремии с личными именами тоже, как правило, рифмованные. Их прагматика разнообразна: они использовались и как эпитеты к имени, и как косвенные речевые акты различных типов: совет, приглашение, комментарий чьих-то действий, насмешка, отказ и т.п., но в любом случае им присущи юмор или ирония. Ср., с одной стороны: Катя-Катерина — ножка голубина; Роман — кожаный карман; Анна таланна; Анна затычка банна. И, с другой: Позвать Ивашку, белую рубашку; Фоку приставляй с боку, а Демид прямо глядит; Семка, пойдем-ка; Ты, Исай, наверх ступай; Милости просим, отец Амбросим: тебе ли с нами — садись под образами; Возьми у Савки в лавке!; Плешивый Тарас, моли Бога о нас!

Наконец, чаще всего рифмованные поговорки с личными именами содержат мораль: Амбросим не просит, а дарует, не бросит; Каков Пахом, такова и шапка на нем; У меня лакеи все были Мокеи, а ныне к Мокею самому пришлось идти в лакеи; При деньгах Панфил всем людям мил, без денег Панфил никому не мил (всем постыл); Друг на дружку, а все на Петрушку; Иван в дуду играет, а Марья с голоду умирает, Ехал к Фоме, а заехал к куме; Наш Фаддей — ни на себя, ни на людей; Нашему Петру скотина не ко двору (паремии извлечены из: [312]). Русские рифмованные паремии, как видно из примеров, очень образны, представляют яркие фрагменты народной картины мира, но в большинстве своем архаичны (в том числе и в части задействованных в паремии личных имен); как говорится, они «не на слуху». Из активно используемых, знакомых всем в настоящее время паремий рассматриваемого типа можно привести: Хороша Маша, да не наша; Федот, да не тот; Дядя Иван, и людям и нам. Последняя поговорка, впрочем, встречается и в варианте с противоположным значением: Ты думаешь, зря люди говорят? Что «горе, — говорят, — муж

Григорий, а у меня Иван — не дай Бог и вам»? Предупреждают люди-то (В. Галактионова. На острове Буяне // Наш современник, 2003, № 7).

Прецедентные онимы — имена литературных персонажей

Имена литературных героев, как уже говорилось, часто «пересекают» границы национальной культуры и становятся нарицательными за ее пределами.

Так произошло с именами *дон Жуан*, *дон Кихот*, которые стали достоянием словарей многих языков; при этом наблюдаются значительные расхождения в их значении и функционировании в разных языках.

Пожалуй, ни один персонаж в мировой литературе не был героем стольких произведений, как дон Жуан — don Juan. Ему посвятили свои произведения Тирсо де Молина, А. де Самора, Х. Сорилья, братья Мачадо, Мартинес Сьерра, Э. Маркина. А. Эрнандес Ката, Х. Грау, Ж. Б. Мольер, Н. Ленау, Дж. Байрон, П. Мериме, А. Дюма, Ш. Бодлер, Л. Украинка, А. Пушкин (и, вероятно, другие авторы). Этому герою посвящены опера Don Giovanni А. Моцарта на либретто Л. да Понте (именно эта опера способствовала популярности данного образа в России), симфоническая поэма Р. Штрауса, балет Х. Глюка. Каждый из указанных авторов предлагает свою — часто национально обусловленную — трактовку этого образа.

В России имя этого персонажа известно в необычной огласовке — дон Жуан. Так это имя звучит по-каталански, по-испански оно произносится иначе: дон Хуан; своей огласовке в русской культурной традиции это имя обязано французскому посредничеству, хотя и по-французски оно произносится не совсем так: дон Жюан. Кстати, А. Пушкин называет своего героя «дон Гуан», следуя русской традиции транслитерации заднеязычного фрикативного западноевропейских языков как «г» (Hans — Ганс, Hegel — Гегель), но пушкинская огласовка не прижилась. В русском языке этот оним означает «искатель любовных приключений, соблазнитель, обольститель» [472, Т. IV]; сходные значения приводит Е.С. Отин («искатель чувственных наслаждений, жуир, повеса, соблазнитель, искуситель, волокита» [427, с. 128]): Даже ее шафер, известный всей губернии бонвиван и *Дон-Жуан*, может пощекотать ее гордость (Чехов).

В Испании антропоним don Juan означает, что к человеку с этим именем относятся с почтением; так в прессе называли покойного отца нынешнего короля Испании. Для обозначения «дон Жуана», то есть соблазнителя и обольстителя, используются следующие варианты имени героя: его фамилия Tenorio, сопровождаемая неопределенным артиклем (es un Tenorio), его имя, тоже в сопровождении артикля (es un don Juan), а

также полный антропоним: *Es un don Juan Tenorio*. Кроме того, все три образования служат для именования задиры и драчуна. Деантропоним *donjuán* имеет также ботаническое значение «чудоцвет» (синоним *dondiego*).

В итальянском языке соответствующее имя (вернее, его «перевод» на итальянский язык) полностью лексиколизировалось, превратилось в нарицательное, «приставка» *don* слилась с именем: *dongiovanni*, а к значению «искатель любовных приключений» добавилось «хвастун» [62]. Таким образом, налицо расхождение как в месте этого имени в разных культурных традициях, так и в его функционировании и семантике в разных языковых системах.

Имя литературного героя дон Кихота (образ, получивший развитие на русской почве в романе Ф. Достоевского «Идиот»; дон Кихот — также герой одного из романов Г. Грина и известного балета Л. Минкуса) является одним из самых известных в мировой литературе. В испанской и русской культурах это имя оценивается по-разному. Для испанца с ним связано больше отрицательных коннотаций, нежели положительных (отметим, что в испанском языке оно используется без титульного слова *don*). Деспективный характер нарицательного существительного *quijote* зафиксирован всеми словарями испанского языка; отмечаются такие его семы, как «тяжелый и мрачный характер, склонность к преувеличениям, вмешательство в чужие дела, отсутствие здравого смысла» (см., например: [230]). Ср. также газетный заголовок «*A quijotes no nos gana nadie*» (= В донкихотстве нам нет равных, то есть таких дураков как мы, надо еще поискать), за которым следует статья о глупом расходовании средств на сомнительную благотворительность (АВС, 19, 08, 1992). Между тем в русской культурной традиции превалируют позитивные семы этого имени: ведет себя как дон Кихот (донкихот), то есть бескорыстно, благородно. Соответствующая испанская фраза — *se porta como un Quijote* означает: ведет себя как дурак, вмешивается в чужие дела. Эти данные получены в результате анкетирования 78 испанских студентов и 245 русских студентов-испанистов (опрос проводился с 1996 года по 2007). Лишь в ответе двух испанских респондентов — наряду с обязательной отрицательной характеристикой героя — была отмечена сема бескорыстия. У русских же респондентов отрицательных сем в характеристике этого персонажа не было, хотя некоторые отмечали, что фраза «Ведет себя как донкихот» при общей оценке «благородно, великодушно» иногда означает также «не всегда по делу» или «не к месту» (7 респондентов).

В IV томе «Словаря современного русского литературного языка в 20 томах» находим следующее определение слова «донкихот»: «бескорыстный, наивный мечтатель, бесплодно стремящийся приносить пользу людям во имя неосуществимых идеалов».

Как видим, трактовка, предложенная студентами в ходе опроса, несколько отличается от словарной, но сохраняет соответствие ее «пафосу». Подтверждают данные опроса и примеры из речевой практики: Среди самых именитых музыкантов мира можно на пальцах одной руки перечислить тех, кто, как *Дон Кихот* (то есть бескорыстно, благородно — Ю.Р.), остался глух к посулам массмедиа, продолжая быть истинным жрецом «искусства дивного» (Завтра, № 1(685), 2007).

Есть целый ряд производных от этого слова как в испанском, так и в русском языках: *quijotada, quijotería, quijotesco, quijotescamente, quijotil, quijotismo*; донкихотство, донкихотский, донкихотствовать.

В итальянском языке оценка дон Кихота представляется средней между испанской и русской; имя нарицательное *donchisciotte* содержит положительные семы «бескорыстие, геройство», сочетающиеся с семой «наивность, бесполезность, дерзость и наглость». Приведем в качестве примера словарную статью *donchisciotte* из *Dizionario fondamentale della lingua italiana: persona generosa e ingenua che si rende ridicola per la sua spavalderia* «человек великодушный и наивный, который становится смешным из-за своей дерзости». В итальянском языке имя этого персонажа используется с «приставкой» *don*.

Итальянский аналог фразы «Ведет себя как донкихот» — *Si comporta come donchisciotte* итальянские студенты интерпретировали следующим образом: ведет себя как идеалист, романтик (иногда с вызовом, либо с оттенком настойчивости, упрямства) [456, с. 148—149].

Имеются следующие дериваты этого онима: *donchisciotteria (ingenua o spavalda ostentazione di disinteresse, di abnegazione* «наивная или дерзкая демонстрация бескорыстия или самоотверженности») [62] и *donchisciottesco (vistosamente ingenuo o enfaticamente disinteressato nella difesa di veri o presunti diritti* «нарочито наивный или подчеркнуто бескорыстный в защите настоящих или вымышленных прав») [Ibid.].

В русском языке имеющиеся дериваты от этого слова (см. выше) определяются через слово «донкихот» и не содержат ни семы «дерзость», ни «нарочитость»: «*Донкихоты* встречаются на Руси не только среди культурных людей, у нас в народе, в массе, сколько угодно *донкихотизма!*» (Горький. Жалобы); «Долгин говорил, что это просто идиотство — отказываться от денег, наконец, обвинил его в слюнтяйстве, мягкотелости, *донкихотстве* и еще во многом» (Минчковский. Мы еще встретимся). Таким образом, и здесь очевидны расхождения в социокультурных традициях восприятия имени одного и того же литературного персонажа в Испании, Италии и России.

В испанском языке стало нарицательным и имя оруженосца дон Кихота *Санчо Пансы*. Этот оним — составная часть ряда выражений: *somo Sancho Panza* (как Санчо Панса) — то есть «как практичный человек без

идеалов» [168]; *encontró Sancho con su rocín* (буквально: встретил Санчо свою клячу) — *два сапога пара* [334]; *allá va Sancho con su rocín* (буквально: вон идет Санчо со своей клячей) — этих друзей водой не разольешь [Там же]; *como dijo Sancho: donde yo me siento, allí estará la cabezera* (буквально: как сказал Санчо, где я сяду, там и будет главное место за столом) — как он сказал, так и будет [Там же]. Санчо Панса может быть также кличкой толстого человека, наряду с *gordito Relleno* (персонаж детского журнала *Tebeo*) [167, p. 65]. Интересно также отметить, что с именем дон Кихота не связана такая богатая фразеология, как с именем Санчо Пансы.

В русском языке *Санчо Панса* — постоянный спутник, верный друг, слуга (Он его неизменный *Санчо Панса*; Этот *Санчо Панса* его юности вел себя последнее время прекрасно: был постоянно трудолюбив, трезв и даже опрятен и почти что умен (Писемский). Пример из: [427, с. 305]).

Наконец, имя, которое Дон Кихот присвоил объекту своих возвышенных устремлений, — *Dulcinea del Toboso* «Дульцинея (Дульцинея) Тобосская», тоже стало нарицательным в трех рассматриваемых языках. (Девушку на самом деле звали *Aldonza Lorenzo*; она была дочерью родителей, которых звали *Lorenzo Corchuelo* и *Aldonza Nogales*; то есть девушка унаследовала имя матери в качестве личного имени и имя отца в качестве дополнительного дифференциатора имени. Отметим, что имя *Aldonza* имело в те времена дурную славу [18, p. 156]). В испанском и итальянском языках это имя — шутовское обозначение возлюбленной. В русском языке Е.С. Отин фиксирует сходные значения деантропонима *дульцинея* «возлюбленная, любовница; объект увлечения мужчины» [427, с. 131]; на наш взгляд, нужно отметить также ироничный — как и в романских языках — характер использования этого слова: Я полагаю, всего лучше перевести его в другое место... подальше от *Дульциней* (Салтыков-Щедрин)!; Князь пил пиво, его *Дульцинея* — мадеру (Чехов). Но присутствует и возвышенная трактовка этого образа: Константин Станиславский пишет своей жене актрисе Марии Лилиной: *Моя Дульцинея, Принцесса Греза, Сказочная моя царица, моя жизнь, разводи скорей огонь, согрей, потому что снаружи скучно и холодно* (Ю. Безелянский. В садах любви. 1993). И чаще всего она имеет столько, сколько у нас хватает душевной силы создать и представить себе, — и поэтому *Дульцинея* была несравненна (Г. Газданов. Призрак Александра Вольфа (1947)).

Ниже мы еще раз вернемся к именам героев бессмертного творения М. Сервантеса в связи с проблемами литературной ономастики.

Мольеровский *Тартюф* в романских и русском языках: стал эталоном лицемера: Ненавижу этого *Тартюфа*, возвышенного мошенника, всей душой (Чехов) [427]; *El señor no era íntegro sino para gozarse echándonos en cara a los demás que no lo éramos. Era un Tartufo* (Delibes) «Этот сеньор был порядочным только для того, чтобы получать удовольствие, бросая нам в

лицо, что мы таковыми не являемся. Он был настоящим *Tartuфом*» [393, с. 115]. В итальянских словарях значение слова *tartufo* «лицемер, святоша» отмечается как регулярное. Ср. также: *Nascono i Tartufi se la società è disposta ad accoglierli* (Giovanni Macchio) «*Tartуфы* рождаются, если общество готово их принять» [124].

Фамилия назойливого журналиста *Pararazzi* из фильма Ф. Феллини «Сладкая жизнь» стала нарицательным обозначением вездесущего репортера во многих языках. При этом в итальянском языке процесс превращения имени собственного в нарицательное сопровождался «выравниванием» формы имени: словари фиксируют слово *pararazzo*; в русском же языке *папарацци* воспринимается как слово *pluralia tantum*: *Папарацци* снабжают жен компроматом (Мегаполис, N 14, 2002); Его выследили и разоблачили любопытные *папарацци* (там же); Увидев, что за происходящим с интересом наблюдают доморощенные *папарацци*, Пугачева сделала странный выпад: неожиданно подскочила к незнакомому парню и страстно впиалась ему в губы (Комсомольская правда, 4 апреля 2003); Я слова подбирать не стану. // Чтоб вам ханкой палёной ужраться. // Я за гибель принцессы Дианы // Проклинаю вас, *папарацци* (В. Емелин. Литературная газета, № 33-34, 2009).

В испанской огласовке соответствующая фамилия звучит *pararachi*; это слово изменяется по числам и, как указывалось, в качестве нарицательного имени имеет значение «фотограф, преследующий знаменитостей, чтобы заснять скандальные сцены из их жизни» (в русском языке значение этого деантропонимического образования шире — журналист, репортер): *Sin los pararachis las revistas del corazón no ejercerían el terrorismo rosa* [467, с. 126].

Приведем пример различного восприятия одной и той же династической фамилии в разных культурах. Фамилия *Бурбон* стала нарицательной в Испании, Италии и России, но в совершенно разных значениях. В русском языке *бурбон* — *солдафон, самодур*; в Словаре современного русского литературного языка в 20 томах существительное «бурбон» с пометкой «разговорное» определяется следующим образом: «о грубом, невежественном человеке, первоначально офицере (обычно в функции сказуемого): — Вы мужик! Грубый медведь! Бурбон! Монстр! [533, Т. 1].

В испанском языке *borbón* — человек, умеющий устраивать дела (без отрицательных коннотаций), от этого существительного происходит глагол *borbonear* (умело устраивать свои дела), который в полной мере применим в отношении к нынешнему представителю данной династии в Испании. Вот что пишет по этому поводу испанский журналист и литератор Х. Кобо, долгие годы проживший в России: «В испанском языке слово «бурбон» имеет совсем иной смысл, чем в русском. Это не синоним человека грубого,

солдафонистого, а человека гибкого, ловкого, не без коварства, хотя в этом слове и нет особого негативного оттенка. Ведь оно прилагается только к королям из династии Бурбонов, а им позволено то, что другим запрещено. Отсюда же и труднопереводимый на другие языки глагол *borbonear* — «бурбонить», то есть с королевским изяществом обводить соперника вокруг пальца, стараясь при этом не обидеть его» (Литературная газета, 29. 01. 1997).

В Италии иное восприятие этой фамилии: например, прилагательное *borbonico* — синоним *retrogrado* «ретроградный», а *borbonismo* используется в политическом языке для обозначения реакционных методов в современной политике и менталитете, что является отражением характера правления Бурбонов в неаполитанском королевстве [84, t. 1].

Можно отметить активное вхождение испанских прецедентных имен в нарицательную лексику.

Прецедентные имена, например имена известных политиков, становятся основой для целого ряда дериватов: *felipismo, felipista, felipesco; aznarismo, aznarista, aznarizar*, что свидетельствует о том, что соответствующие онимы (имя Felipe — Felipe González — и фамилия Aznar — José María Aznar) превратились в имена нарицательные, часто с отрицательными коннотациями: при этом *felipismo, felipesco* связывается в сознании испанцев с коррупцией, а *aznarismo, aznarizar* — с приватизацией государственной собственности.

Итак, в каждом национально-культурном пространстве складываются не только свои собственные традиции именования людей, предопределяющие особенности функционирования имен, но и образуется особые взаимоотношения имен собственных с лексической системой языка в целом. Так, русский язык менее восприимчив к трансформации обычных личных имен и особенно имен святых в обозначения предметов окружающего мира, чем испанский язык, хотя в диалектах (территориальных и социальных) можно найти достаточно примеров подобных трансформаций. В литературном итальянском языке вхождение имен собственных в сферу имен нарицательных менее активно, чем в испанском, но эти процессы становятся активными в арго, где имена святых легко переходят в обозначения явлений криминального и околокриминального мира. При этом сакральные образы часто предстают в итальянском языке в непочтительном, а иногда и в вульгарном виде (ср.: *Cristo!* «богохульное выражение бессильной злобы»; *Ti riduco come Santa Lucia* «Я из тебя сделаю Санту Лючию — выколю глаза»; *fare San Pietro* «врать»; *rieno come un San Lazzaro* «наложить полные штаны» и др.).

Имена собственные — как и другие существительные — участвуют в создании национально-языковой картины мира. Дело в том, что антропонимические системы эволюционируют и их эволюция отражает

изменения в общей картине мира. Особенно бурно они реагируют на кардинальные изменения в жизни общества, явившиеся результатом определенных событий. Такими событиями явились *grosso modo* принятие христианства, переход к буржуазным отношениям (с этим процессом, как было показано, связано становление фамилий), общественные потрясения: петровские реформы, отмена крепостного права, Октябрьская революция в России, Рисорджименто в Италии, установление фашистских диктатур в Италии и Испании; наконец, демократизация общественной жизни и процессы глобализации. В результате изменяется не только состав именника, но и правила функционирования антропонимов и этикетные формулы.

В результате взаимодействия имен собственных с лексической системой конкретного языка антропонимы приобретают самобытную идеосемантику. Одни и те же прецедентные онимы (имена библейских персонажей, христианских святых, литературных героев, исторических личностей) образуют в разных языках совершенно несхожие центры ассоциативных созвездий, что объясняется не только собственно языковыми процессами, но и различиями в традициях и культуре народов; возникают лексические единицы, восполняющие в языке определенные семантические лакуны. Часто на основе имен — имеются в виду также и обычные имена — способны формироваться яркие национально обусловленные когнитивные концепты, отражающие особенности этнической картины мира. В целом проблемы функционирования имен в языке — их отношение к фразеологии и взаимоотношения с нарицательной лексикой — требуют более пристального рассмотрения, в том числе в рамках сопоставительного изучения.

§ 14. АНТРОПОНИМИЧЕСКИЙ КОД В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

В художественном дискурсе антропонимы выполняют функции именования персонажей, и условия их использования в различных контекстах, как правило, совпадают с функционированием в реальных жизненных ситуациях; кроме того, в художественном дискурсе антропонимы служат также для создания художественных образов, воплощения авторских замыслов, то есть приобретают свойства, которыми не обладают в обыденном дискурсе. Так, испанские имена *Rosa*, *Azucena* имеют прозрачную этимологию. Наричательные существительные *rosa* «роза», *azucena* «лилия» являются в испанском языковом сознании символами, соответственно, любви и смерти, в то время как имена собственные *Rosa*, *Azucena* при обычном общении лишены какой-либо

символики, но в художественном тексте их внутренняя форма может быть обыграна, в том числе по контрасту с ожидаемыми ассоциациями.

Например, одна из центральных фигур романа нобелевского лауреата К.Х. Селы «Улей» doña Rosa «донья Роса», владелица кафе, женщина с отталкивающей внешностью, которая держит в кулаке весь квартал; ее образ построен на противопоставлении ассоциаций с нежным, прекрасным, благоухающим цветком-символом любви — розой. Кстати, в русской транслитерации этого имени утрачивается связь с цветком (в силу стремления переводчика передать национальную идентичность), в результате перевод теряет и образный потенциал имени.

В художественном тексте могут использоваться как реальные, так и вымышленные онимы.

В дальнейшем изложении речь пойдет об именах главных героев одного из величайших произведений мировой литературы — бессмертном творении М. Сервантеса «Дон Кихоте». О них мы уже говорили в предыдущих разделах. Здесь же попытаемся выявить антропонимический код, заложенный в именование сервантесовских героев, а также объяснить семантические различия соответствующих деантропонимов в испанском и русском языках. Рассмотрим кратко историю переводов романа в России.

Впервые на русском языке роман вышел в 1769 году; перевод был сделан с одной из французских версий. В последующие годы роман Сервантеса становится в России одним из самых востребованных литературных произведений: достаточно сказать, что с момента первого появления на свет в русском переводе роман переиздается в течение 100 лет около 50 раз; публикуются новые переводы (с французского), в том числе, выполненные такими признанными литераторами и филологами как В. Жуковский (1804—1806) и Н. Греч (1846). Первым прямым переводом с испанского языка был перевод К. Мосальского (1938), вторым — перевод В. Карелина (1866) (подробнее о переводах романа на русский язык см.: [254]).

Образ дона Кихота становится одним из ярких концептов русской культуры, а его имя — нарицательным. Уже в XVIII появляется глагол *донкишотствовать* (сражаться с ветряными мельницами, делать что-то смешное с точки зрения окружающих): «Державин, выражаясь его же слогом, «донкишотствовал собой» десять месяцев и оказался не только побежден, но и смешон, потому что его волшебный отлет из Петрозаводска при переводе на язык прозаический был не что иное, как бегство» [524]. Это же значение утвердилось во многих языках. Ср. пример из японского романа: И все-таки он решил действовать, как надумал. Возвращаться с полдороги нельзя. Даже если он окажется Дон-Кихотом, раскаяния не будет [391].

Кроме того, в России образ дон Кихота — благодаря переводам — имел значительный общественный резонанс и широко обсуждался в литературной критике. В. Белинский назвал роман вершиной реалистического искусства, а его героя — образцом человека с любящей душой, благородным сердцем, сильной волей, но лишённого здравого смысла. Огромную роль в формировании концепта «дон Кихот» сыграла речь И. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот», произнесенная писателем в 1860. Тургенев отрицает идею дон Кихота-борца с ветряными мельницами, подчеркивает его стремление бескорыстно и самоотверженно служить справедливости, правде и всеобщему благу. В указанной речи Тургенев говорит и о значении слова «Дон Кихот», которое было актуальным в то время: «человек нелепого поведения, шут». Приведем слова Тургенева: «Под словом “Дон Кихот” мы часто подразумеваем просто шута, слово “донкихотство” у нас равносильно со словом: нелепость, — между тем как в донкихотстве нам следовало бы признать высокое начало самопожертвования, только схваченное с космической стороны» [505].

Именно тургеневская трактовка дон Кихота как «бескорыстного, благородного человека» закрепилась в русском языке за этим онимом в качестве имени нарицательного; именно поэтому фраза «*Ведет себя как дон Кихот*» означает «ведет себя бескорыстно, благородно».

Выше мы уже говорили, что в литературном произведении оним выполняет задачи создания художественного образа и воплощения авторских замыслов. В основу именованя главных героев сервантовского романа заложен, на наш взгляд, дихотомический код, в основе которого противопоставление идеального и материального, высокого и низкого, великого и смешного. Возвышенная, идеальная часть представлена онимом *don Quijote de la Mancha*, а преземленная — *Sancho Panza*.

Более того, противопоставление низкого / высокого наблюдается и внутри имен героев. Имя *Кихот* (*Quijote*) — вымышленное, не существующее в святцах, сопровождается титульным словом *don* (возвышенный компонент), которое сочетается только с личными именами (кстати, сам Сервантес не имел права называться *don Miguel*), но образовано от заурядной фамилии *Quijano*. Заурядность фамилии обыгрывается в первой главе, когда Сервантес перечисляет фамилии *Quijada*, *Quesada*, *Quejana*, чтобы показать ассоциативный ряд (челюсть животного, сырная масса, сетование). Настоящую же фамилию *Quijano* узнаем лишь в самом конце романа. Имя *Quijote* герой придумывает себе сам, оно образовано от указанной фамилии при помощи суффикса *-ote*. Этот суффикс можно трактовать двояко: как «рыцарский» суффикс *-ote* (ср.: *Lancerote*, *Camelote*) и как суффикс с диминутивным значением (*islote*, *camarote*), который имеет «некоторый юмористический оттенок» [90,

р. 622], то есть противопоставление высокого и заниженного наблюдается в пределах одного словообразовательного элемента.

Отметим также, что в результате описанного имятворчества получается оним, омонимичный названию части рыцарской амуниции, прикрывающей бедра: слово *quixote* (в орфографии того времени, из каталанского *cuixot*) было известно в Испании за два столетия до создания романа, и Сервантес не мог не знать его. Это совпадение не случайно, в нем вторично реализуется противопоставление заурядной внутренней формы имени с обозначением рыцарского доспеха. Таким образом, в имени главного героя романа сконцентрирована богатейшая идеосемантика, основанная на ряде противопоставлений высокого и заниженного. В свете сказанного распространенная в испанистике практически единственная точка зрения о том, что в качестве именованного своего героя Сервантес выбрал слово каталанского происхождения (чтобы убедиться в этом, достаточно войти в Интернет и запросить информацию об этимологии *Кихота*), хотя в этом и можно найти определенную «рыцарскую» мотивацию, представляется в любом случае не полной, не учитывающей всю гамму смыслов, которые автор вкладывал в именование своего героя.

Имя *Quijote* сопровождается в качестве дополнительного идентификатора (также по образцу рыцарских именованных) указанием на место происхождения рыцаря: *don Quijote de la Mancha*. Ср.: *Lancerote del Lago*, *Amadis de Gaula*. При этом слово топоним *la Mancha* восходит к апеллятиву *mancha* «пятно», что в известном смысле «принижает» название места.

Образ дон Кихота противопоставлен образу Санчо Пансы, как его противоположной стороне. Это отражено на уровне ономастики: фамилия героя — *Panza* «брюхо». Фамилия, в свою очередь, противопоставлена имени *Sancho* (от лат. *sanctus* «святой»), полный антропоним, таким образом, представляет собой оксюморон, понятный современникам Сервантеса. Но этот оксюморон «сглаживается» тем обстоятельством, что уже в эпоху Сервантеса *Sancho*, некогда одно из самых распространенных имен (фамилия *Sánchez*, образованная от этого имени, седьмая по частотности в Испании), становится «деревенским» [90, р. 661—662]. В настоящее время внутренняя форма имени *Sancho* «скрыта» от наивного пользователя испанского языка.

В современном испанском языке *Sancho Panza* — обозначение практичного человека без идеалов или толстяка; в русском — верного друга или слуги, а также постоянного спутника (см. выше в предыдущем разделе).

Обозначением же «неразлучного друга» стал в испанском языке другой «персонаж» романа — ослик Санчо Пансы: *Allá va Sancho con su rocín* — говорится о неразлучных друзьях. Кстати, именование лошади дон Кихота в русском языке получило значение «допотопное транспортное

средство»: А это мой Росинант, — хозяин показал на старенький «Москвич» (Завтра, 2008, № 24).

Дихотомический код характеризует именование и Прекрасной Дамы (ее, как известно, зовут *Aldonza Lorenzo*). Сервантес «сталкивает» два онима: «ужасное деревенское имя Алдонса (*Aldonza*) и гармоничное, духовное Дульсинея (*Dulcinea*)» [90, p. 42]. Имя Алдонса во времена Сервантеса имело дурную славу, о чем свидетельствует пословица *A falta de moza, buena es Aldonza* «Если нет девушки, сойдет и Алдонса», то есть девка. В свою очередь, имя *Aldonza* в народном сознании ассоциировалось с прилагательным *dulce*, «приятный, мягкий», то есть по народной этимологии сближалось с именем *Dulcinea* [90, p. 42].

Итак, двойной код, заложенный Сервантесом в принцип именования героев, имеет сложную конфигурацию и реализуется как на уровне двух или нескольких компонентов, так и внутри одного и того же компонента, который одновременно может репрезентировать как возвышенную, так и низкую сторону онима (*-ote, de la Mancha, Sancho, Aldonza*). Отмечаемое нами переплетение высокого и низкого, содержащееся в именовании героев, отражает еще одну идею, заложенную автором в повествование. Эта идея формулируется современными авторами как *кихотизация* (*quijotización*) Санчо Пансы и *санчификация* (*sanchificación*) Дона Кихота [18, p. 142—148], то есть взаимное влияние, возникающее в результате длительного общения, которое представляет собой «не столько обмен смыслами, сколько установление общего смыслового поля, важнейшими компонентами которого являются относительно устойчивые ментальные образования» [341, с. 14].

Как видим, противопоставление идеального и материального, низкого и высокого, трагического и смешного, заложенное Сервантесом в основу антропонимикона романа, на языковом уровне в переводе недостижимо. Более того, с течением времени коннотации, заложенные автором в имена своих героев, могут утрачиваться и в языковом сознании этноса, на языке которого создано произведение.

Это лишь отчасти объясняет парадокс, заключающийся в различии трактовок соответствующих образов в испанской и русской культурах. Расхождения в семантике указанных деантропонимов (имеются в виду нарицательные существительные *дон Кихот, quijote*) — скорее результат национального прочтения романа, поскольку образы романа настолько универсальны и многогранны, что позволяют актуализировать — в соответствии с традицией или общественной потребностью — различные их черты.

ГЛАВА 2. ДИСКУРСИВНЫЕ СВОЙСТВА ИСПАНСКИХ АНТРОПОНИМОВ

§ 1. АНТРОПОНИМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (К.В. Лопатина)

Характерные особенности литературной антропонимии

Антропонимия художественного текста играет важнейшую роль в понимании историко-философского и социально-культурного содержания как отдельного произведения, так и всего творческого наследия автора. Выявление особенностей авторского имянаречения, системный анализ антропонимикона художественного произведения способствуют пониманию скрытых смыслов произведения.

Художественный текст — это особый объект исследования, в котором раскрывается заложенный в антропонимах потенциал, актуализируются интуитивно воспринимаемые носителями языка ассоциативные связи, периферийные значения. Литературные антропонимы способствуют построению композиционной структуры произведения, реализации всех категорий и свойств художественного текста.

Имя собственное в художественной литературе не случайно привлекает внимание многочисленных исследователей. Имена обладают исключительной способностью кодировать значительный объем информации и являются одним из средств воплощения художественной идеи произведения и авторских интенций. С одной стороны, они могут нести в себе информацию о национальной, социальной и возрастной принадлежности персонажа, указание на хронотоп произведения. С другой стороны, предпочтение того или иного имени собственного помогает глубже проникнуть в сущность языковой личности писателя, выделить особенности его индивидуального стиля. Таким образом, литературные антропонимы многое могут рассказать как о персонажах, так и об авторе произведения.

В художественном тексте имя героя приобретает особое значение, оно становится тем «фокусом мысли», «знаком», который в свернутом виде содержит смысловое ядро образа и его авторскую оценку [475, с. 79]. Степень насыщенности художественного текста антропонимами может быть различной: от нуля до нескольких тысяч единиц. Все они, вместе взятые, составляют так называемое антропонимическое пространство или антропонимикон текста. Сам антропонимикон, его состав, отбор и взаимодействие с контекстом определяется законами жанра и художественного метода писателя, родом и видом литературного произведения и законами его построения, соответствием сюжетно-

тематическому содержанию текста, эстетической нагрузкой имени в ближайшем и широком контексте и многими индивидуально-неповторимыми творческими особенностями стиля писателя в целом [521, с. 38].

Важность антропонимикона произведения определяется прежде всего абсолютной антропоцентричностью, «человеконаправленностью» [369, с. 75] художественного текста как одним из его основных категориальных признаков. Поскольку в центре любого художественного произведения независимо от конкретной темы, проблемы, сюжета всегда стоит человек.

Русская литературная ономастика на протяжении всей своей истории имела устойчивую тенденцию к тесному контакту скорее со стилистикой и поэтикой, нежели с лингвистикой текста. Тем не менее, многие ученые признают, что использование достижений и методов смежных дисциплин в области анализа художественного текста может значительно обогатить и способствовать дальнейшему развитию литературной ономастики. Поэтому в настоящем исследовании предпринята попытка воплотить системный подход к изучению имени собственного в художественном тексте, который выходит за рамки чисто ономастического подхода и предполагает использование опыта и достижений лингвистики текста: изучение имени собственного как одного из элементов, выполняющих текстообразующую функцию, и связь его с основными параметрами текстуальности (когезия, цельность, информативность и др.). Однако методов только лингвистики текста безусловно не хватает для всестороннего раскрытия этой темы. Известно, что при исключительно литературоведческом, также как и при чисто лингвистическом анализе неизбежна односторонность в освещении литературной ономастики. По мысли Ю.М. Лотмана, изучение лингвистическими приемами текста, высказывания любой протяженности, включая и понятие «все сказанное на этом языке», не может дать исчерпывающего представления о мысли, вложенной автором в литературное или научно-публицистическое сочинение, т.е. о подлинной семантике текста. Кроме лингвистической структуры, необходимо учитывать и структуру передаваемого содержания [384, с. 50]. Многие исследователи отмечают необходимость собственно филологического анализа текста, который бы объединял «хотя и разные, но тесно связанные литературоведческий и лингвистический подходы» [465, с. 5].

Проникновение в творческую лабораторию писателей и изучение черновых редакций многих произведений показывает, что для любого из авторов выбор имени героя — немаловажный момент в работе над художественным произведением. Писатели подбирают имена с особой тщательностью, стараясь не нарушать исторической достоверности произведения и одновременно реализовать свой художественный замысел.

Русская литературная ономастика накопила богатейший опыт изучения причин и способов наречения определенным именем персонажей художественных произведений. М.В. Карпенко писал: «Вся антропонимическая лаборатория писателя, пути и способы создания им имен персонажей, — очень интересная и поучительная страница ономастических знаний <...> От заметок Н.В. Гоголя до записных книжек И. Ильфа можно проследить, как ловили, собирали писатели чем-то примечательные имена и фамилии, как трудились над созданием антропонимов, наиболее точно отвечающих их замыслам» [343, с. 22]. Исследователям известно множество примеров кропотливой работы писателей по поиску антропонимов, поскольку «чем крупнее мастер, тем тщательнее он подбирает имена своим героям» [413, с. 233].

На материале романских языков литературная ономастика в данный момент только зарождается. При этом творчество одного из самых известных писателей современной Испании, лауреата Нобелевской премии в области литературы за 1989 год, Камило Хосе Селы представляет собой интереснейший объект исследования. Характерной особенностью всех его произведений является виртуозный стиль, привлечение широких слоев лексики, разнообразие морфологических ресурсов, оригинальный синтаксис, некоторые исследователи говорят даже о создании им неповторимого «языкового мира» [435, с. 4].

Многие литературные критики не раз указывали на то, что «Улей» — лучший роман писателя [221, р. 35], кульминация всего творчества Селы [190, р. 76]. Сам писатель в одном из предисловий отмечал, что создание «Улья» далось ему очень нелегко [49, т. III, р. 958], что он много переписывал, добавляя в одном месте, убирая в другом, постоянно страдая и мучаясь [49, т. III, р. 39], а его сын — Камило Хосе Села Конде — в своих воспоминаниях о знаменитом отце рассказывал, что «Улей» был полностью переписан Селой более пяти раз [51, р. 50].

Умение Селы чувствовать каждое слово, каждую фразу, а также его особенное, фирменное чувство юмора неоднократно отмечали разные исследователи (см. напр. [130, р. 73; 182, р. 160; 220, р. 53; 17, р. 49; 222, р. 295—296; 171, р. 22] и др.). Антропонимия Селы представляет огромный интерес еще и потому, что широко известен талант писателя характеризовать своих героев двумя-тремя точными и запоминающимися штрихами, среди которых не последнее место занимает антропоним персонажа [11, р. 42].

Камило Хосе Села известен своим творческим отношением к личным именам. В одной из автобиографических книг «Ярмарочный столб» (1959) Села иронизирует даже над собственным именем: «Я думаю, что если бы меня звали Эвелио Села, я бы не смог найти издателя для моих книг. Эвелио Села — это имя дирижера духового оркестра. Если бы меня звали Майоло

Села или Илюминадо Села или Сисинио Села трудновато бы мне пришлось с моей работенкой. Майоло Села могут звать гомосексуалиста, Илюминадо Села — глупца, а Сисинио Села — подмастерье водопроводчика» [48, р. 66]. Антропонимы в произведениях К.Х. Селы несут в себе значительную долю характеристики персонажа, авторской оценки, необыкновенно точны, образны и ироничны: «Чистильщик обуви в Артистическом кафе маленький, нищий, с тоненьким голоском, даже имя носит дешевое и короткое, на один выдох; имя, не доставляющее хлопот, и к тому же позволяющее сэкономить усилия. Чистильщика обуви в Артистическом кафе зовут Хиль, и он таскает свою тушку даже с некоторой элегантностью. Чистильщик обуви в Артистическом кафе носит фамилию Руис — тоже не особенно дорогую» [49, т. II, р. 169].

Неумолкающие споры литературных критиков по поводу подсчета точного количества персонажей, присутствующих в «Улье» (см. напр. [97, р. 62; 171, р. 20—24] и др.), а также многочисленные попытки доказать бросающуюся в глаза необъективность писателя в объективистском романе [97, р. 71; 171, р. 14; 44, р. 11; 190, р. 85; 201, р. 63], на наш взгляд, подтверждают тот факт, что роман не теряет актуальности и полемичности даже спустя несколько десятилетий после выхода в свет. Писатель пропускал через собственные ощущения окружающую его реальность послевоенного Мадрида. По выражению испанских исследователей, «родина проникает сквозь поры и пропитывает его насквозь» [118, р. 25], превращая «Улей» в живой словарь испанской разговорной речи середины века [171, р. 42].

Обоснование системного подхода в изучении литературной антропонимии

Художественное произведение представляет собой целостную структуру, систему взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, которые находятся не только в количественном, но и в качественном взаимодействии. Ю.М. Лотман отмечал в художественном тексте «постоянную пульсирующую связь частей и целого, слова и смысловой структуры произведения» [384, с. 50]. Одним из категориальных признаков текста учеными называется его системность, как тесная взаимосвязь и взаимодействие «локальных и глобальных, микро- и макросредств и их подчиненность выполнению единой задачи» [369, с. 77].

Таким образом, в художественном тексте нет ничего лишнего и случайного, ни один из компонентов художественной структуры не существует сам по себе и сам для себя, а включен в единую систему, где каждый элемент органически связан с другим, влияет на него и сам испытывает влияние [330, с. 108].

Системный подход к изучению художественной речи зародился в отечественной науке в 1920—1930 гг. и в настоящее время выходит на первый план. В рамках такого целостного подхода работали многие лингвисты и литературоведы (Ю.Н. Тынянов, Б.А. Ларин, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, А.М. Пешковский и др.). При этом основным аспектом изучения художественного текста становится функционально-семантический анализ единиц разной структуры и уровня (слово, словосочетание, сложное синтаксическое целое и т.д.), а целью описания — поиск индивидуальной семантико-стилистической системы, отраженной в словоупотреблении писателя [521, с. 36].

В целостной структуре художественного текста именно уровень лексики является «тем основным горизонтом, на котором строится здание его семантики» [385, с. 208]. Об исключительной важности выделения лексического уровня текста говорила и И.Я. Чернухина [527, с. 6]. И в этом лексическом уровне особняком стоят именно антропонимы, роль которых в интерпретации текста столь велика, что они могут трактоваться как его смысловые доминанты (за счет их способности кодировать большой объем художественной информации) и как ключевые слова (за счет многократного повтора в тексте художественного произведения). В художественном тексте повторяется то, что представляет для автора особую значимость в раскрытии его мироощущения, начиная от подхода к явлениям окружающей действительности и кончая языковыми средствами их воплощения [369, с. 85]. Собственные имена в этом отношении представляют собой удобный и перспективный объект изучения, являясь ключевыми словами системы практически любого художественного произведения.

Связность, цельность, спаянность, как внешняя, так и внутренняя, являются обязательными признаками текста как средства коммуникации. Формальную связность текста называют когезией (В. Дресслер), внешней спаянностью (К. Кожевникова), отличая ее от когерентности (В. Дресслер), внутренней спаянности (К. Кожевникова), интегративности (И.Р. Гальперин), т.е. связности содержательной [Там же. С. 71]. Без внешней и внутренней спаянности элементов коммуникация не могла бы осуществляться, а текст не мог бы быть объектом изучения лингвистики [528, с. 8].

Многие ученые отмечали, что антропонимы в художественном произведении выполняют функции «текстовой скрепы» [Там же. С. 108], а также, «представляя лишь деталь сложного художественного мира романа, тем не менее служат прочными нитями когезии текста» [397, с. 106]. Ономастичность как важный параметр текстуальности рассматривает и В.И. Супрун. Напоминая, что в латыни слово *textus* означает «ткань, сплетение, соединение» ученый считает имена собственные «важными узелками этой ткани, через которые проходят нити повествования»

[492, с. 31]. В рамках текстообразующей функции они участвуют в реализации текстовых категорий когезии и когерентности (содержательной и формальной связности), синтактико-семантического сцепления и цементирования, содержательных текстовых универсалий антропоцентричности и локально-темпорального континуума, способствуют актуализации статусных свойств художественного текста — авторской модальности, перспективности, прагматической направленности, информативности за счет многократного повторения и стабильности [298, с. 17].

В художественном тексте различают эксплицитно и имплицитно выраженную информацию, понимая под имплицитными смыслами, не имеющие выражения на лексическом уровне художественного текста, а возникающие «на композиционно-синтаксическом уровне в результате определенного соположения компонентов художественного текста, смыслы которых вступают во взаимодействие и вследствие этого порождают новые смыслы» [527, с. 16]. Прибегая к парадоксу, И.Я. Чернухина отмечает, что «невыраженное содержание имеет свои собственные средства выражения» [Там же. С. 15]. Другими терминами пользуется, например, И.Р. Гальперин, различающий три вида текстовой информации, отличной по своему прагматическому назначению: а) содержательно-фактуальную (СФИ), б) содержательно-концептуальную (СКИ), в) содержательно-подтекстовую (СПИ) [301, с. 27]. При этом содержательно-фактуальный информационный пласт лежит на поверхности и все оформляющие его средства доступны открытому наблюдению и восприятию. Если ограничиться только восприятием этого пласта информации, интерпретация произведения значительно искажается и обедняется. Как отмечает В.А. Кухаренко, «свертывание СФИ приведет к формулировке темы произведения, свертывание СКИ — его идеи» [369, с. 76]. Третий информативный пласт — имплицитный, содержательно-подтекстовый сообщает произведению глубину и значимость, периодически выходит на поверхность и «включает в СФИ свои сигналы» [Там же]. Такими сигналами содержательно-подтекстовой, скрытой информации часто служат имена собственные, и, в частности, антропонимы в составе художественного произведения. Их внутренняя форма, фонетическое оформление, ассоциативный фон и многие другие факторы учитываются писателем, с целью передать внимательному читателю определенные авторские идеи.

В структуре художественного текста имена собственные вступают с другими единицами в парадигматические и синтагматические отношения (термины Ф. де Соссюра). Парадигматика рассматривается как область закономерного варьирования единиц, которые могут встречаться в одной и той же позиции, в то время как синтагматика предполагает закономерное сцепление единиц в линейной последовательности в речи [404, с. 109].

Ономастическая синтагматика и парадигматика в большинстве случаев являются текстовой осью, основой системно-структурной организации текста [492, с. 32].

Системный подход к изучению литературных антропонимов в плане парадигматики предполагает:

- выявление и систематизацию полного инвентаря ономастического пространства текста с частотной характеристикой каждого элемента по типам художественной речи;
- типологическое описание состава имен собственных по тематическим группам и разрядам;
- учет всех вариантов и способов ономастической номинации по отношению к одному денотату (референту) художественного текста;
- исследование взаимосвязи имени собственного с заглавием художественного текста и его ключевыми словами (роль имени собственного в перспекции художественного текста);
- классификация имен собственных по их роли в развитии сюжета, семантической композиции всех уровней, организации цельности и связности художественного текста, его эксплицитного и имплицитного содержания.

В плане синтагматики такое описание дополняется анализом употребления имен собственных в линейном ряду — в рамках предложения, сложного синтаксического целого, абзаца и других частей текста как дискурса. При этом изучаются:

- все типы употребления имени собственного (единичные или групповые, номинативно-образные, переносные, перифрастические, обобщенно-символические и др.), их связь с апеллятивами, с другими именами собственными;
- реализация разнообразных стилистических функций;
- способы введения в контекст [521, с. 37].

Итак, художественное произведение представляет собой целостную структуру, систему взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, которые находятся не только в количественном, но и в качественном взаимодействии. Поэтому в изучении литературных антропонимов очень важно использовать системный подход (анализ парадигматических и синтагматических характеристик), который позволяет определить роль антропонимов как важного текстообразующего средства, как ключевых, тематических слов художественного произведения.

Семантическая и функциональная специфика литературных антропонимов

Вопрос о семантическом наполнении имен собственных имеет не только теоретический интерес. Он становится чрезвычайно актуальным при межкультурном и межъязыковом общении [321, с. 13]. Ю.А. Рылов в своей монографии «Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки» отмечал, что «личное имя связано с обозначением пола, содержит сему национальность, может содержать семы самых различных эмоций» [452, с. 137].

Семантика имени собственного варьируется в очень широких пределах за счет ярко выраженной способности приращивать речеконтекстные, ассоциативные, фоновые значения. Нужно учитывать, что объем семантического содержания имени собственного на уровне языка и речи / текста принципиально различен. В художественном произведении, в области словесно-изобразительного искусства имя собственное, безусловно, является семантически полноценной единицей. Оно экспрессивно и образно в силу того, что становится компонентом художественного изображения, то есть единицей, инструментом художественного творчества, с помощью которого происходит освоение изображаемого [356, с. 125].

Именно потому, что всякий художественный текст есть стилистически и функционально замкнутая структура, имя собственное обрastaет в нем множеством сложных смысловых связей, ассоциаций и коннотаций. Причем, оценочные коннотации, идущие от системы языка и речевого узуса, преобразуются в художественном тексте под влиянием системных связей имени с контекстом произведения. Такие коннотации О.И. Фонякова называет текстуальными [522, с. 84]. Имя собственное в системе художественного текста выступает в качестве сигнала, возбуждающего обширный комплекс ассоциативных значений. Этот комплекс называют индивидуально-художественным значением имени собственного [369, с. 106]. Формирование индивидуально-художественного значения происходит на основе семантического взаимодействия имени собственного со всеми тремя уровнями семантической композиции в их синтагматических и парадигматических связях и отношениях.

В общем информационном пространстве имя имеет множество ассоциаций, обусловленных его многовековым бытованием сначала в качестве слова и затем уже как собственного имени. Многообразие этих ассоциаций сводится к следующим основным составляющим:

- этимологическое значение;
- созвучие имени с различными другими словами, а также реминисцентный потенциал имени, то есть значения, приобретенные именем в результате его употребления в

мифологии (в том числе в различных религиозных системах) и фольклоре;

- ассоциации с носившими это имя историческими лицами и литературными персонажами.

Автор произведения в силу своего кругозора, уровня образованности, сферы интересов знаком с теми или иными ассоциативными возможностями имени, исходя из которых и называет свой персонаж. Попадая в новый контекст (литературное произведение, созданное автором) имя вступает в сложные взаимоотношения с образом персонажа и сюжетом произведения, в результате чего обогащается дополнительными смыслами [297, с. 52]. Потенциальные возможности экспрессии, заложенные в собственных именах, как многогранной и оригинальной лексико-грамматической категории, бытующей в общенародном словоупотреблении, активизируются писателями [400, с. 56].

Таким образом, до вхождения в текст художественного произведения антропонимы обладают определенным семантическим потенциалом. В тексте произведения, в результате взаимодействия с сюжетом и контекстом, литературные антропонимы могут актуализировать отдельные компоненты своего плана содержания, а также вбирать в себя содержание образа персонажа и, таким образом, превращаться в семантически полноценные единицы.

Рассматривая функции имени собственного в системе языка, многие исследователи сходятся во мнении, что основной, доминирующей является номинативная функция (она же дифференциальная, идентификационная или различительная) [344, с. 35; 413, с. 6; 486, с. 34].

В художественном произведении сохраняются облигаторные языковые функции антропонима, поскольку, лишившись их, антропоним не будет восприниматься как имя, но они отходят на второй план, уступают свое доминирующее положение. Функциональная трансформация собственных имен в художественной литературе прежде всего заключается в том, что приоритет номинации (дифференциации) «отступает под натиском стилистики». Таким образом, главной функцией антропонимов в художественном тексте можно назвать стилистическую [344, с. 35—37], основанную на способности антропонима нести информацию о персонаже и формировать у читателя определенное отношение к герою.

Однако литературный антропоним полифункционален. Он также является ключевым словом, смысловым стержнем произведения, что позволяет выделить еще одну важную функцию литературного имени: текстообразующую, под которой понимается способность ономастических единиц быть связующим и конструктивным элементом содержательно-смыслового информационного пространства и структуры текста [298, с. 17].

Антропоним как компонент языковой картины мира

В тексте художественного произведения могут актуализироваться культурно-специфичные компоненты плана содержания антропонимов, то есть ассоциации, тесно взаимосвязанные с историческим, этнографическим и социологическим фоном, отражающие в своей совокупности национальную картину мира каждого народа. Поэтому при изучении литературных антропонимов важно учитывать, что антропонимикон принадлежит национальному языку, культуре народа, а «ценностный мир всякой национальной культуры имеет исторически сложившийся характер, некий лишь этой культуре присущий образ. Притом образ не аморфный, бесструктурный, а целостный и органичный» [504, с. 14]. Для успешного анализа идейно-художественной стороны литературного произведения необходимо досконально знать культурно-исторический контекст соответствующей эпохи [265, с. 54].

Многие исследователи отмечали зависимость собственных имен от экстралингвистических факторов (см. напр. [445, с. 241]). Тезис об имени как социальном знаке впервые четко сформулировал В.А. Никонов в книге «Имя и общество». Ученый полагал, что «личные имена существуют только в обществе и для общества», что каким бы индивидуальным ни казалось имя, общество неизменно влияет на его выбор [413, с. 8]. Ученый отмечал, что многое в антропонимии определяется историей культур, философских систем и этнографических особенностей и учет названных внеязыковых факторов необходим для всестороннего понимания роли языка в обществе и в особенности столь специфической части языка, как собственные имена [412, с. 4]. В исследовании собственных имен постоянно требуется экстралингвистическая информация, касающаяся жизни общества в целом, его развития и культуры. Поэтому социолингвистическая проблематика и социолингвистические методики приобретают в современной ономастике все больший вес [345, с. 5].

Национальная картина мира проявляется в единообразии поведения народа в стереотипных ситуациях, в общих представлениях народа о действительности, в высказываниях и «общих мнениях», в суждениях о действительности, пословицах, поговорках и афоризмах [436, с. 5]. Некоторые исследователи полагают, что картину мира можно рассматривать, как «ментальную репрезентацию культуры», поскольку она «культурно-специфична» [308, с. 98]. Языковая картина мира — это совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа [436, с. 5]. Таким образом, каждый народ имеет свой, специфический способ восприятия мира, его концептуализации, и этот факт находит непосредственное отражение в строении языковой системы этого народа. «В основе каждого конкретного

языка лежит особая модель, или картина мира, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью» [509, с. 9].

Лексическая система языка является ведущей в изучении практически любых фрагментов языковой картины мира, поскольку «именно слова делят окружающую действительность на участки» [452, с. 5]. И в связи с этим интересное и благодатное поле для исследования языковой картины мира представляют собой личные имена, поскольку они являются неотъемлемой частью языковой картины мира, и потому бесценным кладом информации о духовной культуре народа. «Антропонимы... являются важнейшим звеном, связывающим человека с непосредственным окружением и обществом в целом. Человек живет не просто среди людей, но и среди имен, которые образуют вокруг каждого человека определенный континуум, особое национально-культурное пространство, единое для всего языкового коллектива и индивидуальное для любого отдельного его члена» [Там же. С. 129]. Имена собственные не только имеют глубокую национально-культурную специфику, но и связаны с восприятием мира и определенным образом отражают его познание, место человека в мире и его языковую картину [Там же. С. 141].

Анализируя язык и стиль художественного произведения, необходимо иметь в виду, что национальная языковая картина мира по-особому преломляется в сознании каждого отдельного члена языковой общности, и поэтому особенности языковой личности писателя — создателя произведения — самым непосредственным образом влияют на восприятие целого текста как системы и антропонимии художественного произведения как важной составной части этой системы. В этой связи можно говорить уже о художественной картине мира. Она основывается на национальной языковой картине мира, но не совпадает с ней, поскольку отражает также индивидуальную картину мира говорящего — в данном случае писателя. Художественная картина мира является вторичной, опосредованной, причем «опосредована она дважды: сначала языком, а затем индивидуально-авторской концептуальной картиной мира» [436, с. 8]. При этом особое значение приобретает антропонимическая система художественного произведения, поскольку, как уже отмечалось, личные имена обладают огромным коннотативно-экспрессивным потенциалом: вмещают в себя большой объем лингвистической и социокультурной информации, которая может актуализироваться в тексте художественного произведения.

Таким образом, объектом нашего исследования становится не только текст, но и человек, как феномен культуры. В современной лингвистике наблюдается особый интерес исследователей к человеческому, индивидуально-личностному началу в языке, центром лингвистических изысканий становится человек в его взаимосвязи с языком и язык во

взаимосвязи с человеком, большое внимание уделяется национально-культурному компоненту в языке, духовным ценностям народа, а также духовному миру отдельной личности. В этой связи учеными рассматривается понятие языковая личность, в котором соединены психологические, социальные, этнические, мировоззренческие и иные компоненты, образ жизни и формы поведения некоей индивидуальности, реализуемые в сфере языка и стиле его употребления. Языковая личность является «отражением культурной идентичности в речемыслительной деятельности» и представляет собой абстракцию «от всех результатов речемыслительной деятельности коммуникантов в различных дискурсивных условиях в одной лингвокультуре» [308, с. 252].

Ю.Н. Караулов отмечал, в частности, что движение к языковой личности в художественном произведении наиболее интенсивно идет от анализа языка писателя. [342, с. 26]. Характер мироощущения языковой личности наиболее четко проявляется в выборе лексики. Наиболее часто встречающиеся, ключевые слова указывают на образные и психологические доминанты внутреннего мира поэта [435, с. 63—64]. В качестве таких «доминант» могут быть рассмотрены литературные антропонимы, как элементы системы целого текста, отражающие ключевые моменты национальной языковой картины мира, а также несущие в себе бесценную информацию об особенностях языковой личности создателя произведения.

Итак, для имени собственного в художественной литературе обязательным является рассмотрение его в широком историческом и социально-культурном контексте. Контекст является одним из центральных понятий «прагматической», шире — «когнитивной» парадигмы изучения языка вообще [445, с. 240—243]. Поэтому анализ художественного произведения немислим без учета особенностей языковой картины мира адресата и адресанта текста, а также совокупности социальных, историко-культурных факторов, отражающих в своей совокупности жизнь народа, которые вобрал в себя антропонимикон литературного произведения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что национально-культурная специфика антропонимов представляет собой совокупность тех ассоциаций (из общего контекста культуры), которыми обладает антропоним до вхождения в текст и которые потенциально способны актуализироваться в тексте произведения. Национально-культурная специфика антропонимов имеет огромное значение при исследовании как национальной, так и индивидуально-художественной картины мира, и понимание ее способствует расшифровке скрытых смыслов художественного произведения.

Парадигматика и синтагматика антропонимикона в романе К.Х. Селы «Улей»

Антропонимикон «Улья» на фоне испанской антропонимической системы первой половины XX века

Литературная антропонимия всегда базируется на национальных традициях образования и функционирования собственных имен. Выбирая имя персонажу, писатель всегда ориентируется на реальный именник, на традиционную форму именования и способность антропонима создавать представление о социальном, национальном, возрастном и ином состоянии именуемого лица. Исходя из представления о художественном произведении как о вторичной семиотической моделирующей системе, В.М. Калинин, например, говорит об антропонимии художественного произведения как о вторичной системе, моделирующей реальную [340, с. 63]. Исследуя ономастический мир художественного текста и описывая ономастическое пространство в языке писателя, современная наука ищет и устанавливает элементы индивидуальной ономастической системы как функционально-производной и фрагментарной по отношению к ономастической системе общенародного национального языка [521, с. 34]. Научную ценность изучения реальной антропонимической системы народа в сопоставлении с антропонимическим миром художественного произведения обосновал В.М. Калинин (1999). Он отмечал, в частности, что изучение имен, употребляющихся в данном языке, на данной территории, в той или иной социальной среде в конкретную историческую эпоху, в связи со сферами общения, с социальной характеристикой носителей и т.д., дает возможность при исследовании поэтики онимов опираться на строго научные факты, характеризующие состояние реального онимного пространства. Сопоставление же его с онимией литературного произведения позволяет выявить те специфические черты, которые «работают» на поэтику онимов и, шире, на художественное целое произведения [340, с. 90].

Необходимо иметь в виду, что в этом аспекте многое зависит от стиля и жанра исследуемого произведения. Например, создавая исторический роман, писатель будет стараться воспроизвести с наибольшей достоверностью ономастическую систему, бытовавшую во время описываемых событий; если цель — фантастическое произведение, одной из основных задач станет создание мира личных имен, в корне отличающегося от привычного нам. Тем не менее, в качестве точки опоры писатель в любом случае будет использовать знакомую и привычную ему систему личных имен. Поскольку в центре нашего внимания был реалистический роман, объектом исследования стал антропонимикон, ограниченный во временном отношении периодом с начала XX века и до 50-

х годов (поскольку период работы К.Х. Селы над окончательным вариантом романа «Улей» включает в себя 8 лет: с 1943 по 1951), а в пространственном отношении столицей Испании — Мадридом (поскольку действие романа происходит именно в Мадриде и основная масса действующих лиц — его коренные жители). Как отмечают исследователи, употребление реальных (взятых из реальности, характерных для данной эпохи, социальной среды и т.п.) или скроенных по реально существующим моделям имен является залогом реалистичности самого произведения [396, с. 23].

Исследователь литературного антропонимикона должен учитывать хронотоп личного имени — то есть способность антропонима или антропонимической системы содержать определенную информацию о времени и месте описываемых событий, способность вписывать происходящее в определенный исторический контекст. Например, в антропонимиконе романа «Улей» нет еще признаков наплыва иностранных имен, одной из характерных черт испанского именника конца XX века, появившейся в 70-х гг. Практически все имена, использованные в романе, взяты из святцев — основного источника испанских личных имен в середине XX века [5]. Многие имена являются отражением характерного свойства именника того периода — глубокого почитания Богоматери, порождавшего огромное количество антропонимов, восходящих к имени девы Марии. Например, в романе «Улей» имена дочерей доньи Соледад: *Amparo, Asunción, Socorrito, María Angustias, Piedad, Soledad, María Auxiliadora, Nati* [47, р. 327]. Два имени являются двойными, *María Angustias* и *María Auxiliadora*, остальные — простыми, но абсолютно все они — производные от составных имен «advocaciones marianas».

Кроме того, автор художественного произведения может пользоваться как полной антропонимической моделью, так и сокращенными, «обиходными» или диминутивными образованиями в соответствии со своей эстетической задачей. В связи с этим возникает необходимость наряду с полной официальной антропонимической моделью учитывать условия «бытования» испанского антропонима — общественный уклад, религиозные устои, обычаи, господствующие вкусы и влияние моды [420, с. 216].

Итак, это общепризнанный факт, что каким бы воображением и силой фантазии не обладал писатель, собственные имена в его произведении будут восприниматься и пониматься читателем только в связи с тем, в какой мере и как отражена и преобразована ономастическая система «общелитературного» языка [340, с. 89]. И К.Х. Села, виртуозно владеющий родным языком, использовал все разновидности испанской антропонимической модели; простые, сложные и смешанные имена, а также патронимические, топонимические и прозвищные фамилии в соответствии с принципом исторической достоверности и художественными целями.

Антропонимикон «Улья» в системе личных имен других произведений К.Х. Селы

Помимо сведений о реальном именнике эпохи создания произведения, нам необходим запас информации о писателе, его мировоззрении, принципах и подходе к выбору личных имен для своих персонажей.

Эволюция антропонимов в произведениях Камило Хосе Селы, наверное, один из самых любопытных и значительных аспектов в общей эволюции словаря писателя. Мы полагаем, что именно на материале антропонимов более всего заметен постепенный прогресс словаря писателя в направлении «эсперпентизма». В словаре Larousse «эсперпенто» определено как «название, данное Рамоном дель Валье-Инкланом некоторым своим произведениям, в которых действительность трагична, а эстетика деформирована; а также театральная жанр, характеризующийся подобными чертами» [82, p. 413].

В анализе эволюции антропонимов в творчестве К.Х. Селы мы опираемся на выводы испанской исследовательницы С. Суарес Солис, которая в монографии (1969), посвященной изучению лексики в произведениях галисийского писателя, делит творчество нобелевского лауреата на три основных периода: доклассический, классический и постклассический; а также выделяет основные характерные особенности названных периодов. Важно отметить, что антропонимикон произведений более позднего периода, не вошедших в собрание сочинений (1965 г.), также вписываются в общие тенденции именника произведений Камило Хосе Селы. В этих произведениях усиливаются основные черты, свойственные антропонимикону постклассического периода в творчестве писателя.

Рассмотрим особенности антропонимии творчества писателя на примере произведений, вошедших в полное собрание сочинений писателя (1965):

1) Доклассический период (до 1945 г.).

К этому периоду относятся первые произведения Селы, включая первые три романа: «La familia de Pascual Duarte» (1942), «Pabellón de reposo» (1943), «Nuevas andanzas y desventuras de Lazarillo de Tormes» (1944). В них писатель еще не пришел к тому лексическому богатству, самобытности, непринужденности, которые отличают последующие его произведения. Недаром после публикации этих романов в одной из критических статей было сказано, что «Села написал три замечательных «первых романа», и уже мог бы подарить нам «второй» роман» (Agustí 1944 [Цит. по: 180, p. 120]). Эта цитата, по нашему мнению, замечательно точна: она отражает тот факт, что Села уже в этот период выделяется как выдающийся писатель, но все-таки раскрывает все грани своего таланта несколько позже — в написании романа «La Colmena» (который Нора

назовет впоследствии тем самым долгожданным «вторым» романом [Ibid.], а также в книге путевых заметок «Viaje a la Alcarria», в период, который критики называют классическим. Уже в предисловии к «Nuevas andanzas y desventuras de Lazarillo de Tormes» Села отмечал зарождение своей писательской виртуозности: «...я вполне осознанно поставил себе задачу добиться чистого испанского языка с народными корнями, опирающегося на разговорную речь, а не на письменную, который мог бы стать орудием для достижения моих целей» [49, t.I, p. 282].

2) Классический период (с 1945 по 1953 гг.).

Начало этого периода развития лексики К.Х. Селы можно увидеть уже в «Viaje a la Alcarria» (1948), а достигает он своего апогея в романе «La Colmena» (1951). Произведения этого периода демонстрируют зрелость Селы как писателя, превосходное владение словарем, точным и гибким, постепенно обогатившимся удивительными оттенками. Разнообразие суффиксации, оригинальность сравнений и образов, изобретательность в выборе слов, пластичность синтаксических конструкций, и, особенно, яркое присутствие живого разговорного языка, который, все более уверенно завоевывает позиции и наполняет натуральностью прозу Селы, превращая его в писателя, виртуозно владеющего родным языком [214, p. 12—13].

Села ловко и умело манипулирует лингвистическими средствами, ему присущ «азарт писателя-экспериментатора» [11, p. 11—12]. Немногие писатели так заботливо и кропотливо стараются подобрать совершенно точно подходящее слово, как это делает Села. «Если необходимо, он добывает слова из забытого мира архаизмов, или из темных кладовых различных диалектов и жаргонов, чтобы предоставить им хоть один миг торжества и блеска» [214, p. 24]. В этом, как и во многих других аспектах, Села является наследником и продолжателем писателей поколения 98-го года.

В этот период появились «El Gallego y su cuadrilla y otros apuntes carpetovetónicos», «карпетоветонические» заметки — запутанное и непере译имое слово, которое, тем не менее, очень точно подходит к творениям К.Х. Селы, отражающим пронзительность и дерзкость испанской души. В словаре Larousse отмечено, что прилагательное «карпетоветонический» применимо ко всему исключительно и традиционно испанскому, исключаящему любое иностранное влияние [82, p. 207]. Сам Села в предисловии к роману определяет этот термин так: «Карпетоветонические заметки — это что-то вроде горько-сладких заметок, нечто среднее между карикатурой и офортом, рассказанное о какой-то особенности...такой трудной для понимания Испании». С. Суарес Солис считает «El Gallego y su cuadrilla» апогеем классического периода [214, p. 15], хотя уже здесь становятся заметны первые предвестники

будущего лексического «баррокизма», что, на наш взгляд, наиболее отчетливо видно на примере антропонимикона этих рассказов.

3) Постклассический период — *el barroquismo celiano* (после 1953 г.).

К этому периоду относятся «*La Catira*» (1955), «*Judíos, Moros y Cristianos*» (1956), «*Los viejos amigos*» (1960), «*Tobogán de hambrientos*» (1962), «*El ciudadano Iscariote Reclús*» (1965) и многие другие. С каждым произведением «карпетоветоническая» ономастика К.Х. Селы становится все более скандальной и гротескной, и достигает кульминации в последних произведениях — «*La Cruz de san Andrés*» (1994) и «*Madera de boj*» (1999). Персонажи, которые появляются на страницах последних его романов, чаще всего представляют собой настоящие карикатуры, прекрасные «эсперпенто» и имена носят соответствующие — карикатурные и «эсперпентичные», хорошо отражающие сущность героев.

В этот период Села собирает синонимы, перечисления, специальные термины, объединяет их самыми разнообразными контекстами. Некоторые из них кажутся чуждыми повествованию, навязанными извне, но это не так: они необходимы в своей звучности, красоте, чистоте, их нужно скрупулезно рассмотреть, обнажить, прочувствовать, и это, возможно, их единственная функция в контексте. Чем более слабый сюжет в последних романах Селы, тем более поразительная лексика наполняет произведение. Язык, как господин и повелитель, пользуется именно несостоятельностью сюжетной линии, чтобы вырваться на свободу [214, р. 28]. Итак, рассмотрим наиболее общие особенности ономастикона произведений К.Х. Селы разных лет.

Вслед за С. Суарес Солис мы выделяем следующие особенности антропонимикона ранних произведений К.Х. Селы. Во-первых, непритязательность в выборе антропонимов и простота антропонимической модели.

С произведения «*La familia de Pascual Duarte*» начинается творческий путь К.Х. Селы, однако в этом романе, довольно скромном по количеству персонажей, Села скромнен и в их именовании. В большинстве своем он дает своим персонажам имена простые, не содержащие ничего шокирующего ни в значении, ни в звучании: адресат воспоминаний Паскуаля Дуарте носит имя *Joaquín Barrera López*. Это имя так же лишено вычурности, как и остальные имена в романе: *Angel Estévez*, *Concepción Castillo López*, *don David Freire Angulo*, *Esteban Duarte Diniz*. Писатель выбирает звучные, но простые и незамысловатые испанские имена. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие прозвищ: писатель награждает ими только трех персонажей (*Nieves la Madrileña*; *la Apache*; *Paco López*, *El Estirao*), в то время как в последующих его произведениях мало кто из героев появится без соответствующего прозвища, иногда даже двойного или тройного. Преимущественное использование одного имени и одной фамилии заметно во всех произведениях этого периода. Так именуется большинство даже

очень важных для развития сюжета персонажей: *Santiago Lurueña*, тюремный священник; *Cesáreo Martín*, глава уголовной полиции; *Benigno Bonilla*, фармацевт; *Adrián Nogueira*, сержант. Некоторых персонажей читатель знает лишь по имени: *don Manuel, la Lola, la Esperanza, la señora Engracia, Elvira, el señor Rafael, Domingo, Gregorio, Muñoz, don Conrado* и т.д.

В романе “*Nuevas andanzas y desventuras de Lazarillo de Tormes*” большинство действующих лиц также имеют одну (первую) фамилию: например, кондитер *don Serafín Serrano*. Другие персонажи обладают лишь одним именем: поэт *don Federico*, священник *don Segundo*, исповедующийся *Felipe*, писарь в полицейском участке *García*, глашатай *Simón*, больной туберкулезом *Julio*, пастор *Sebastián, doña Matilde*, мать *Desiderio, el Julián, el Ceferino, la Pasa* и т.д.

Роман «*Pabellón de reposo*» по многим характеристикам сильно отличается от общей массы произведений К.Х. Селы. Антропонимия этого романа также стоит особняком по отношению к системе личных имен других произведений писателя. Здесь практически отсутствуют собственные имена. Персонажи различаются по номеру комнаты, в которой живут. Это весьма непростая для запоминания система, которая в сочетании со слабо очерченными характерами порождает некоторую неразбериху. В этом романе письма пишут, не употребляя имени адресата: «*Amada mía*», «*Querido amigo*»; либо начинают письмо с инициалов адресата: «*Mi querido Sr.D.A.G., Administrador de B.E.L.S.A.*». И подписываются также инициалами: один больной пишет письма возлюбленной, подписываясь: *C.*, а она ему отвечает, подписавшись: *A.* Села рассказывает читателю о своем друге докторе *A.M.S.* и получает письмо от своего друга-англичанина *W.L.*, который рассказывает о его тете *K.T.*

В произведениях классического периода эта тенденция также имеет место. Например, большинство персонажей романа «*La Colmena*» известны под одной фамилией (их почти вдвое больше, нежели наделенных двумя фамилиями): *Martín Marco, Celestino Ortiz, Pablo Alonso, Nati Robles, Leoncio Maestre*, и т.д. В романе «*El Gallego y su cuadrilla*» большая часть персонажей также носят обычные имена: *Doña Concha, la de don Florián*.

Второй заметной особенностью антропонимикона произведений испанского писателя является предпочтение фамилии *López*. По свидетельству различных исследователей, многие русские писатели также имели своеобразное «пристрастие» к тем или иным фамилиям. У М.Ю. Лермонтова в разных произведениях встречаются фамилии Печорин и Арбенин, у Л.Н. Толстого — Нехлюдов и Каренины, у Л.Н. Андреева в нескольких произведениях упоминается персонаж по фамилии Померанцев [297, с. 104]. К.Х. Села часто наделяет своих персонажей фамилией *López* — одной из наиболее распространенных в Испании. В романе «*La familia de*

Pascual Duarte»: *Joaquín Barrera López, Concepción Castillo López, Paco López.*

Роман «Nuevas andanzas y desventuras de Lazarillo de Tormes» также не стал исключением: имя главного героя *Lázaro López López hijo de Pedro y Rosa.*

В романе «La Colmena» также заметна эта тенденция: *Consortio López, don Obdulio Cortés López, Lola y Josefa López, Francisco López, Filomena López Moreno, Ramiro López Puente, Marina López Ortega,* и др.

В-третьих, выделяется одна из ведущих тенденций Селы-ономатурга, которая в полном объеме проявится в последующих произведениях, уже в доклассический период видна достаточно отчетливо: обратно пропорциональная зависимость между антропонимом и значимостью персонажа. Чем большую сюжетную важность имеет персонаж, тем более простой антропоним выбирает для него писатель. И наоборот: чем незначительнее персонаж, тем более цветистым, необычным именем он обладает. В романе «La familia de Pascual Duarte» отец Паскуаля Дуарте, который быстро исчезает из поля зрения читателя, представлен полностью, именем и двумя фамилиями, а мать, которая играет в романе важную роль, не имеет имени собственного вообще.

То же можно сказать и о «Nuevas andanzas y desventuras de Lazarillo de Tormes». Исключением является лишь полный антропоним главного героя, и то лишь благодаря особой ситуации: в полицейском участке заполняют его досье: *Lázaro López López hijo de Pedro y Rosa.* Но если бы не этот документ, очевидно, что читатель, так же как и в предыдущих романах, не узнал бы полное имя главного персонажа.

Отмеченная тенденция антропонимикона Селы заметна и в романе «Pabellón de geroso»: появляющиеся время от времени имена принадлежат незначительным персонажам: кто-то говорит, что у него есть двоюродный брат, которого зовут *Antón*; одна больная рассказывает нам о французском жандарме *Isidoro*; рассказчик вспоминает свою первую девушку *Doloriñas.* При этом главные действующие лица на протяжении всего романа закрыты туманными инициалами или того менее: всего лишь номером комнаты.

В произведении «La Colmena» много ничего не значащих для развития сюжета лиц со звучными, привлекающими внимание именами: *Joaquín Bustamante Valls, Edmundo Páez Pacheco, Ventura Aguado Despuols* и др. Имена же основных действующих лиц достаточно обыденны: *Martín, Rosa, Elvira, Roque, María, Felipe...*

Следующей особенностью антропонимикона произведений К.Х. Селы является использование звучных и выразительных окончаний *-én, -án,* и особенно *-ón.* В доклассический период в творчестве писателя эти предвестники будущей гротескной антропонимии Селы используются редко. В романе «Nuevas andanzas y desventuras de Lazarillo de Tormes» к

таким именам, например, относятся: *don Roque Sartén, Panteleón Cortada, Filemón Estévez, Filemón Fraile, Froilán Quinteiro*.

Встречаются подобные имена и в романе «La Colmena»: *Gonzalo Sisemón, don Francisco Robles y López-Patón, doña Margot Sobrón*, но они еще не очень бросаются в глаза своей экстравагантностью.

В «El Gallego y su cuadrilla» также заметна эта антропонимическая тенденция творчества Селы: *Zenón Matraca, Obdón de la Sangre, Filemón Trijueque*. В произведениях постклассического периода их количество заметно возрастает: *Rafaela Fandón, Archibalística Mantecón, Luis Garganchón* и мн. др. («Tobogán de hambrientos»).

Наличие прозвища можно назвать еще одной характерной антропонимической тенденцией романов К.Х. Селы. При внимательном рассмотрении в произведениях этого периода можно заметить некоторые предвестники будущей гротескной антропонимии писателя, хотя и весьма немногочисленные. В романе «Nuevas andanzas y desventuras de Lazarillo de Tormes» в отличие от первых произведений Селы, уже многие персонажи, особенно более или менее важные для сюжета, имеют прозвище: *Panteleón* и его супруга, *los Rubios*, тетья *Librada* по кличке *la Sota*, *David Andrade* по прозвищу *Carneiriño Branco*; *doña Blasa, la Machorra; Filipino y Cartagena*.

Эта тенденция также постепенно усиливается в классический период творчества писателя. Уже в романе «La Colmena» значительно больше персонажей обладают прозвищным именованим: *leñadora La Marraca; doña Carmen — Pelo de muerta, Saltaprados; Trinidad La Uruguaya; Telmo — Pito tiñoso; Paco el Sardina; La Pelona; La Fotógrafa y El Astilla*.

В сборнике рассказов «El Gallego y su cuadrilla» чаще всего персонаж имеет имя и прозвище, как в кватрилье Галисийца: *don Camilo, El Gallego; Adolfo Dios, Chicha; Valentín Cebolleda, Cascorro*. Кроме того, в конце произведения есть глава под названием «Коллекционер прозвищ», где Села собирает великое множество прозвищ Кастилии. «У меня душа старьевщика ... искусство быть писателем — это, среди прочего, талант терпеливого накопления запасов» пишет Села в «Del Miño al Bidasoa» (цит. по [180, p. 188], и эта черта ярко проявляется в выборе антропонимов, в частности, в поиске и коллекционировании странных, звучных и смешных прозвищ. Это еще одно доказательство филологического интереса писателя к народным лексическим творениям. Не удивительно, что с этого момента почти все персонажи в последующих произведениях имеют прозвища.

Иногда прозвища сопровождаются ироническим комментарием: например, в романе «La Colmena»: «*A la Uruguaya la llaman así porque es de Buenos Aires*» [47, p. 269]. «*Ей дали прозвище Уругвайка, потому что она из Буэнос-Айреса*» [463, с. 248].

В постклассический период Села не может удержаться от соблазна перечислить нам разные прозвища, просто потому что «некоторые из них

такие забавные: *Petaca, Verduras, Tiriti, Baulero, Candil, Gangrena, Pegote Chico, Túnel, Brazofuerte, Chuletas, Gilillo, Cuerpolimpio, Chuchi, Cometa, Broncista, Fideísta, Panojitas, Pelón, Ostioncito, Veneno Chico, Fresquito de Valladolid, Lechuga* («Judíos, Moros y Cristianos») [49, t.IV, p. 244].

Увлечение Селы прозвищами порождает интересный эффект в произведении «*Los viejos amigos*»: персонажа *Fileas Estercuel Pitarque* зовут по прозвищу *Manolito*. В огромном, насыщенном и гротескном ономастическом мире произведений Селы исключение стало правилом, и такое обычное имя как *Manolito* по контрасту режет слух. Наиболее экспрессивными и показательными становятся прозвища в произведении «*Tobogán de hambrientos*»: *Esculapio Tordillo, alias Pintiparao; Fabiano Madrigal, alias Parada y fonda; Amadeo Pinilla Pardilla, alias Feto; Tranquilino Tastavín Torrevelilla, alias Juego de Te; Ustazanes Colomeco Cuervo, alias Castelar*.

Следующей антропонимической тенденцией, появляющейся в классический период творчества Селы, является наличие антитезы. Писатель использует противопоставление возвышенного имени и приземленного персонажа *Don Ibrahim de Ostolaza y Bofarull* (персонаж, не имеющий ни денег, ни реального авторитета), а также нарочитой возвышенностью структуры антропонимической модели, присущей высшему свету и простонародностью, банальностью каждой отдельно взятой фамилии: *Don Francisco Robles y López-Patón* («*La Colmena*») или *doña Felicitas Ximénez y Smith de la Liebre* («*El Gallego y su cuadrilla*»).

В произведении «*Viaje a La Alcarria*» появляется саркастический контраст между неблагозвучностью прозвища и напыщенностью фамилий: *Estanislao de Kostka Rodríguez y Rodríguez, alias el Mierda*.

В некоторых случаях иронический эффект достигается контрастом между длинными и торжественными именами и коротким и детским домашним прозвищем: *Lourdes Casilda Beatriz Victoria Eugenia Remigia de Horcao de Candeleda y Ortiz de Ballobar del Espino, alias Mimi* («*Los viejos amigos*»). В произведении «*Tobogán de hambrientos*» наблюдается противопоставление прозвищ семейной пары: *Nicolás Albadalejo Bullaquejo, alias Besguito, y Soledad Paterna, alias la Marquesona*.

Еще одна характерная черта — наличие нелепых псевдонимов. Уже в романе «*La Colmena*» персонажи-артисты начинают искать себе поэтические псевдонимы, такие как *Florentino del Mare Nostrum, Carmen del Oro, Esperanza de Granada, Rosario Giralda*. Часто в произведении «*El Gallego y su cuadrilla*» имя является продуктом творческой фантазии персонажа, желающего избавиться от своей вульгарности, выдумав псевдоним, который кажется ему поэтическим и достойным, но на самом деле неизбежно оказывается претенциозным и нелепым:

«Como los hermanos García — Simeón, Donato y Cástulo — habían estado en La Habana, se mudaron el bautismo y la razón social. La verdad es que, bien mirado, hicieron bien, porque “brothers” suena a automóvil y, en cambio, “hermano” hiede a lego marista. Los nombres que se buscaron también eran sonoros y de gran prosopopeya cultural: Lincoln, o el Libertador; Darwin, o el famoso científico que descubrió lo del mono; Wilson, o el pacificador. Eso de Simeón, Donato y Cástulo son nombres de pobres, nombres de hijos de familia con unas territas de secano que, la verdad sea dicha, no dan ni para salir de apuros» [49, t.III, p. 397].

«Так как братья Гарсия — Симеон, Донато и Кастуло — побывали на Гаване, они сменили имена и систему ценностей. По правде говоря, если задуматься, они правильно сделали, потому что слово «brothers» ассоциируется с автомобилем, а «братья», наоборот, понахивает религиозными фанатиками. Они себе подобрали очень звучные имена, имеющие огромный культурный резонанс: Линкольн, или Освободитель; Дарвин, как тот известный ученый, что придумал про обезьян; Вилсон, или Миротворец. Эти вот Симеон, Донато и Кастуло — это имена бедняков, чьи небольшие кусочки сухой земли, по правде говоря, не дают возможности даже вылезти из долгов».

Произведение «El café de artistas» представляет собой презрительную насмешку над миром фальшивых поэтов и вычурных псевдонимов:

«Cándido Calzado Bustos no encuentra un nombre de guerra que le acabe de llenar, un nombre de guerra que suene a nombre de gran poeta, a nombre de gran pintor, y que, de paso, no hieda a seudónimo. Cancalbús no le sirve; como descubrimiento es peor que Azorín... — Ahí va Cancalbús. No, dicho así parece nombre de un tonto de pueblo...» [Ibid. P. 637].

«Кандидо Кальсадо Бустос никак не может найти себе сценическое имя, которое ассоциировалось бы с именем великого поэта, великого художника, и, кстати, не понахивало бы псевдонимом. Канкальбус не подходит; для дебюта это даже хуже, чем Асорин... — Вот идет Канкальбус. Нет, так оно напоминает имя деревенского дурачка».

Пародия на латиноамериканские имена является еще одной особенностью антропонимикона произведений Селы. Впервые в книге «El Gallego y su cuadrilla» Села использует юмористическую пародию на имена латиноамериканские, цветистые и вычурные: *Monsieur Louis Napoleón de la Fenetre de la Pompadour, Napoleón Evangelino López*, прием, часто встречающийся в его последующих произведениях постклассического периода.

Следующей характерной чертой антропонимикона в творчестве К.Х. Селы можно назвать наличие имен с претензией на благородное происхождение. Например, в рассказе «Timoteo el incomprendido» (1952)

появляется персонаж благородных кровей с соответствующим именем: *madame Ginette Dupont de la Brunetière de la Falaise-Royal*.

В «El Gallego y su cuadrilla» Села начинает давать многим персонажам имена, которые впоследствии станут его «визитной карточкой»: сложные и напыщенные, с большой долей иронии: *doña Sonsoles de Patria y Patriarca de la Guinea Meridional, don Juan de Dios de Cigarrón, Expósito de Luarca, Deogracias Caimán de Ayala y Velasco, Mercurio Monstanséns y Carabuey de Calatrava, Alfonso María de Ligorio López*. И подобные имена усложняются с каждым последующим произведением: *don Toribio de Mogrovejo de Ortiz de la Seca y de Castilmimbre de Fuentespreadas y de López de Valdeavellano* («Judíos, Moros y Cristianos»).

Яркой особенностью антропонимикона романов Селы можно назвать также авторские замечания о связи имени и человека. В произведениях этого периода Села иногда сопровождает антропоним комментарием о наличии связи имени и персонажа, например: «*Una señorita rubia, con aire de llamarse Raquel o Esperancita, o algo por el estilo*» (Viaje a la Alcarria), [49, t.IV, p. 47]. «*Одна девушка, блондинка, которой подошло бы имя Ракель или Эсперансита, или что-нибудь вроде того*».

«*Se llamaba Norberto Salivado, nombre que en Portugués, a lo mejor, no significa lo mismo que en español*» [45, p. 50]. «*Его звали Норберто Слюнявый, имя, которое в португальском языке, возможно, означает не то же самое, что в испанском*».

Гипокористики для обозначения жеманных и манерных дам — еще одна характерная черта антропонимикона произведений Селы, которая появилась в классический период в творчестве писателя. Жеманные дамы в произведении «El gallego y su cuadrilla» прекрасно обрисованы с помощью имен, которые почти всегда представляют собой гипокористики: *La señorita Maru Pérez...a la que acompañaban en su puesta de largo las señoritas Puri, Luisi y Petri Pérez, y sus encantadoras vecinitas Cloti, Loli y Pepi López* [49, t.III, p. 224]. «*Сеньорита Мару Перес ... которую выводили в свет Пури, Луиси и Петри Перес, и их восхитительные соседки Клоти, Лолли и Пепи Лопес*».

Можно выделить также следующую тенденцию, берущую свое начало в классический период творчества писателя — наречение персонажа мужского пола традиционно женским именем. В произведениях классического периода уже заметна (хотя еще и не ярко выделяется) эта тенденция, в последующих произведениях автор будет развивать и усиливать ее: *don Trinidad García Sobrino* («La Colmena»), *don Rosario Freijomil* («El gallego y su cuadrilla»). В постклассический период Села многократно использует их для мужчин совершенно не женственных: *Clorindo López, Catalino Borrego, Ño Guadalupe Chanflán, Candelito Manuel, Presentación Bujanda, Divino Pastor Manueles* («La Catira») и т.д.

Аллитерация (а иногда и рифма) внутри антропонима является еще одной чертой антропонимической системы романов Селы: *Trifón Riñón*, *Ismael Israel*, *Matías Martí*, («El gallego y su cuadrilla»); *María Morales*, *Leonardo Meléndez*, *Segundo Segura*, *Ramona Bragado*, («La Colmena»). К.Х. Села использует как консонантную, так и вокалическую аллитерацию. Чаще всего свои аллитерации и рифмы Села создает на основе самых выразительных звуков испанской фонетики, иногда имена с аллитерациями образуют целые скороговорки, как, например, в романе «Tobogán de hambrientos»: *Aureo Colomeco Cuervo*, *Tranquilino Tastavíns Torrevelillas*, *Paquita Pego*, *Panteleón Palomino*, *Amadeo Pinilla Pardilla*, *Nicolás Albadalejo Bullaquejo* и др.

Наиболее яркой особенностью антропонимикона всех произведений писателя можно назвать наличие «карпетоветонической» антропонимии. Впервые эта тенденция появляется в произведениях классического периода. Например, в рассказе «El Hacendista» некоторые персонажи имеют «карпетоветонические» имена: например, *Desiderio Papús Garriga* и его жена *Eleuteria Cotobás*, и их семеро детей *Desiderito*, *Eleuterita*, *Santitos*, *Cirilín*, *Obdoncín*, *Tainita*, *Cosmecillo*, где уменьшительные формы составляют нелепое сочетание с торжественностью имен, к которым они применены. В другом рассказе «Del Miño al Bidasoa» появляются *Mamed Togiza y de Austregilisa Marimón y Cebollada*, а также *don Agrícola Suárez y Martínez de Pola de Laviana*.

В романе «La Colmena» также появляются персонажи с «карпетоветоническими» именами, например, семинарист *Cojoncio Alba*, *Exuperio Estremera*, *don Tesifonte Ovejero*, а также *Eudusia*, *Escolástica*, и *Fructuosa*.

Помимо «обычных» имен, в романе «El Gallego y su cuadrilla» присутствуют имена гротескные, какофоничные и неупотребительные, с отчетливым иберийским звучанием имени или фамилии, или и того, и другого: *Zenón Matraca*, *don Fermín de la Olla*, *don Fidel Cacín y Cacín*, *alias Matute*, *doña Práxedes Cabezón*, *Senén del Polo*, *don Belisardo Manzanegue y Manzanegue*, *Serafín Palomo*, *Tiburcia del Oro y Gomis*, *Difuntiño Rodríguez*, *don Sulpicio Liendre*, и др. Эта основная черта антропонимикона К.Х. Селы в постклассический период стремительно усиливается (по этой причине С. Суарес Солис называет этот период «el barroquismo seliano»). В произведении «Judíos, Moros y Cristianos» Села выбирает имена невероятные по своей какофоничности и преувеличенности, существующие исключительно в святцах. Помимо этого писатель дополняет имена такими же режущими слух фамилиями, в которых уничтожена всякая эуфония: *Papiano Grillo Pampín*, *Culmacio Tayuelas*, *Inicial Barbero Barbero*, *Eusebia Sisante y Cebolla*, *Bárulas Sabater y del Cura*.

В романе «Los viejos amigos» появляются имена, в которых «хороший вкус остался забыт, как непозволительная роскошь» [214, p. 358]: *Gorgonia Cutre Chandreja, Hermágoras Tamurejo, Longinos Madroño Zapardiel, Teógenes Navarrés, Trifona Montánchez*, и др.

Упоминания некоторых, наиболее красочных антропонимов из произведения «Tobogán de hambrientos» (*Barbaciano Tabique, Capitolina Horcajo, doña Cátedra Verdugo Palomino, Daciano Quiruelas, Efisio Lagueruela...*) достаточно, чтобы заметить прогрессирующее усложнение ономастики Селы, его движение к настоящему ономастическому баррокизму. Этот прогресс интересно проследить на примере постепенного усложнения имени одного персонажа, появившегося в «El gallego y su cuadrilla» — негра, носящего торжественное имя *Louis Napoleón de la Fenetre de la Pompadour*. В произведении «Tobogán de hambrientos» его имя уже *Luois Philippe Napoleón de la Fenetre de la Pompadour et Chateau de la Rochefoucauld*.

Настоящим апогеем гротескной, баррочной ономастики стал роман «El ciudadano Iscariote Reclús»: *A la Excm. Sra. Doña Máscula Grañena de las Garrigas y Escatrón de Calanda, Torremontalbo de Subijana y Zuazo de Cuartango-Cuzcurrita, alias Tole-Tole de la Pajarera ...que tuvo amores con el Licinio el Grajo, alnado de don Dadas Papafigo, tío segundo del ciudadano Iscariote Reclús*.

Итак, роман «Улей», представляющий особый интерес для нашей работы, принадлежит к классическому периоду в творчестве К.Х. Селы, когда его писательская виртуозность и зрелость, а также превосходное владение лексикой достигают своего апогея. В то же время в «Улье» еще не проявился «антропонимический баррокизм» Селы — характерная черта его последующих произведений. В романе еще ощущается сбалансированность плана содержания и плана выражения, сюжета, характеров персонажей и их имен, хотя уже проявляются первые предвестники будущего гротескного и карикатурного антропонимического мира писателя.

Заглавие романа «Улей» как центральный компонент ономастического пространства произведения

Важная роль заголовка в формировании художественного текста как структурно-композиционного целого, а также в адекватном выражении авторских интенций в современной науке является общепризнанным фактом. Ученые исследуют структуру и функции заглавия, его роль в семантической и структурной организации текста.

Заглавие любого произведения содержит в себе художественную информацию, а также смысловую и композиционную специфику текста. Доминирующая роль заглавия определяется его «сильной функционально

закрепленной позицией в структуре художественного текста — перед и над текстом» [357, с. 111]. Заглавие — центральный компонент произведения, связующее и организующее звено его ономастического пространства.

Экспрессия слов-заглавий определяется не столько самим заглавием или следующим за ним текстом, сколько их взаимоотношением [316, с. 210]. В романе «Улей» мы различаем три типа взаимосвязи заглавия с текстом художественного произведения.

1. Идеино-тематические связи выражаются в реализации двух аспектов: проспекции содержания непрочитанного текста по его заглавию и ретроспекции, смыслового «развертывания» заглавия в тексте произведения.

Для читателя заглавие — отправная точка его обращения к художественному миру произведения. В первый момент оно еще малосодержательно, но его семантика, а также связанные с ним ассоциации дают начальный ориентир, по которому будет организовываться восприятие текста как целого. Таким образом, до ознакомления читателя с текстом произведения именно заглавие проспектирует его содержание. В ходе чтения текста происходит «наращение смысла заглавной конструкции: она наполняется содержанием всего произведения. Заглавие становится формой, в которую отливается содержание текста как целого [357, с. 112]. В полной мере понять смысл заглавия, вложенную в него авторскую идею можно лишь по прочтении произведения, соотнеся его с уже освоенным содержанием. В этом случае заглавия могут выявлять в себе скрытые, потенциальные смыслы. «Название можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развертывания» [301, с. 133].

Заглавие «Улей» представляет собой метафору, которая, как и любой сложный символ, неизбежно вызывает у читателя целый ряд ассоциаций. Заглавия-метафоры «принципиально ориентируют на многослойные ассоциативные построения» [294, с. 154]. Заглавия-метафоры уже сами по себе всегда выразительны, поскольку они являются изобразительным средством языка и ориентируют читателя на поиск основания для переноса значения. «Апелляция к интеллекту, фоновым знаниям читателя — основа повышенной прагматической «заряженности» подобных заголовков» [268, с. 45].

Действие «Улья» сосредоточено вокруг маленького кафе в одном из мадридских кварталов. В романе около 160 персонажей, более двухсот антропонимов. Люди появляются и, едва соприкоснувшись друг с другом, исчезают в гигантском «улье» города. Некоторых мы запоминаем: они как бы успевают примелькаться. Другие лишь дополняют общее ощущение «улья» (к примеру, имена давно умерших людей на надгробных плитах, которые служат столиками в кафе, или имена всех родственников одной дамы, которая сама появляется в романе всего один раз). Не персонаж,

не характер является предметом художественного исследования в книге, но течение жизни как каждодневного процесса, слагающегося из мелких случайностей, намерений, поступков — однообразных при всей внешней пестроте [498, с. 32]. В процессе чтения происходит смысловое развертывание заглавия-метафоры в тексте произведения, оно наполняется важным содержанием, с его помощью становятся заметны скрытые смысловые связи.

Испанский литературный критик Д. Бильянуэба отмечал, что серость и отчаяние почти двухсот персонажей представляют собой весь городской мир, что улей — это метафорическое изображение этого отчаявшегося, задавленного нищетой народа [227, р. 42].

Только в самом конце произведения — в конце VI главы — автор раскрывает метафорический смысл заглавия, как бы обобщает идейно-тематическую связь его с текстом всего романа: «*La mañana, esa mañana eternamente repetida, juega un poco, sin embargo, a cambiar la faz de la ciudad, ese sepulcro, esa cusaña, esa colmena...*» [47, р. 380].

«*Но утро, это вечно повторяющееся утро, все же не отказывает себе в удовольствии позабавиться, изменяя облик города — этой могилы, этой ярмарки удачи, этого улья...*» [463, с. 326].

2. Структурные связи заглавия и текста произведения выражаются в двух аспектах: внешнем, визуальном и внутреннем, содержательном.

Даже внешнюю структуру произведения писатель уподобляет улью, и заглавие как бы предопределяет ее. Роман представляет собой набор разрозненных эпизодов, количеством более двухсот, разделенных в тексте пробелами и не связанных между собой единой сюжетной линией.

Испанский исследователь творчества К.Х. Селы Э. Алонсо, изучая особенности структуры произведения, отметил в своем предисловии к изданию 1997 года, что разрозненные эпизоды как ячейки в пчелиных сотах визуально оправдывают название «Улей» [11, р. 27].

Сам Села на первой странице черновика делал наброски будущей структуры романа:

- 1000 персонажей;
- 3000 ячеек;
- 100 глав по 30 ячеек;
- 4 части по 25 глав [228, р. 74].

В окончательной редакции ячеек, глав и персонажей окажется значительно меньше, но эти ремарки на полях убедительно доказывают тот факт, что Села скрупулезно и сознательно создавал визуальную структуру улья, старался уподобить форму внешнюю внутренней.

Теперь рассмотрим внутренний, содержательный аспект. Каждый эпизод в романе более-менее независим, как ячейки в пчелином улье, но, так же как и в улье, в романе все определяется жестким внутренним порядком,

который только невооруженному взгляду кажется бессмысленной бурлящей массой. Такое огромное количество появляющихся и исчезающих персонажей вначале вызывают путаницу и неразбериху, напоминающую пчелиный рой. Но, если приглядеться внимательнее, оказывается, каждый индивид сознательно движется согласно своей предопределенности, судьбе. По мнению испанского критика Э. Аларкоса Льораха, целью Селы было выявить четкие правила, которые управляют этим, на первый взгляд, хаотичным человеческим ульем [2, р. 4].

Итак, внутренний, содержательный аспект структурных связей заглавия с текстом произведения выражается в том, что все персонажи, как пчелы в улье, образуют сообщество с жесткой структурой, иерархией, где у каждого члена сообщества есть определенная ниша, детерминирующая его жизнь, цели, задачи и из которой ему не выбраться, даже при самом большом желании. Все отношения, действия предсказуемы и расписаны заранее.

В узком смысле эту внутреннюю структуру можно рассматривать как социальную иерархию, на которой в романе неоднократно делается акцент: показана огромная пропасть между теми, для кого ужин — небывалое счастье, и теми, для кого любые деликатесы скучны и обыденны. Например, в одном из эпизодов обеспеченный молодой человек Пабло Алонсо, ужиная со своей подругой Лауритой, заказывает камбалу на гриле и цыпленка, жареного в особом соусе «a la villeroy». А уже в следующем эпизоде пожилая проститутка Эльвира ложится спать голодная, мечтая о больничной койке возле батареи центрального отопления как о наивысшем наслаждении [47, р. 164—166].

Однако систему персонажей можно, на наш взгляд, рассматривать и в более широком смысле: каждый персонаж занимает определенное место согласно своей половой, возрастной, профессиональной принадлежности, и каждый хорошо осознает, что ему открыты только дороги, заданные этим положением. В пользу широкого понимания этого аспекта и такой аргумент: в процессе написания романа Села чертил на полях черновики схемы персонажей по главам, отмечая не только социальные, но и родственные связи, а также некоторые другие аспекты [228, р. 75].

3. Лингвистические связи заглавия с текстом произведения проявляются в функционировании в романе антропонимов как одного из важных текстообразующих средств. Собственные имена служат прочными нитями когезии текста, содержа немаловажную информацию идейно-эстетического характера. Особо интересны случаи, когда в реалистическом произведении актуализируется внутренняя форма (подлинная этимология) того разряда имен собственных, которые обычно не этимологизируются — личных имен — и эта актуализация превращается в важный фактор текстообразования, выражения идейного смысла произведения [397, с. 106].

В нашем романе как раз имеет место персонаж с таким именем с «актуализированной этимологией» — это *Martín Marco*. Среди исследователей творчества Селы нет единого мнения относительно роли этого персонажа в романе. Одни полагают, что он ничем не выделяется среди других персонажей [97, p. 80], другие утверждают, что именно он — главное действующее лицо романа и занимает доминирующее положение [183, p. 92—95; 79, p. 23].

Тем не менее, практически никто из критиков не отвергает идею о сюжетной и структурной важности этого персонажа. Э. Аларкос Льорах писал, что Марко как бы плетет невидимую паутину, которая незаметно связывает воедино весь роман [2, p. 4]. А Х.М. Кастельет полагал, что автор использует Мартина Марко как технический трюк, чтобы начертить с его помощью осевую линию произведения и затем разложить с обеих сторон всех остальных персонажей [41, p. 31].

Мы считаем, что главным действующим лицом, «идеализированным героем» романа Мартина Марко, конечно, не назовешь, но его структурная и тематическая значимость очевидна. Марко привносит в роман некоторое ощущение подвижности, придавая действию временную и пространственную широту. И тот факт, что этот персонаж, как никакой другой вызывает многочисленные и неумолкающие споры литературных критиков, сам по себе доказывает его сюжетную важность. Мартин, единственный из всех персонажей, появляется во всех без исключения главах романа, все герои как бы «связаны» через фигуру Мартина Марко. Одни являются его родственниками, другие знакомыми, друзьями или институтскими товарищами, третьи просто единожды сталкиваются с ним в кафе. Вот почему так важно привлечь к анализу всю совокупность факторов, связанных с Мартином Марко, в том числе и его личное имя: *Marco* — в буквальном переводе означает *рамка*, то есть *круг, в который вписывается совокупность чего-либо*, а третьим значением в энциклопедии значится *деревянный каркас, рамка, в котором держатся соты в улье* [82, p. 647]. Села использовал имя с «актуализированной семантикой» не случайно, а для того, чтобы еще раз подчеркнуть его исключительную роль как связующего звена для всех остальных персонажей. Таким образом, с помощью этого персонажа, в частности, его личного имени с прозрачной структурой и значением осуществляется лингвистическая взаимосвязь заглавия с текстом романа.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии трех основных типов взаимосвязи заглавия романа К.Х. Селы «Улей» с текстом всего произведения — идейно-тематическом, структурном и лингвистическом; а также об исключительно важной роли заглавия как доминанты художественного произведения, которое предваряет его содержание, настраивает читателя на определенный лад в соответствии с намерениями

писателя, а по мере прочтения текста наполняется его содержанием и превращается в своеобразный «текст о тексте».

Типология антропонимов романа «Улей» и их парадигматические характеристики

Имя персонажа — своеобразное ядро художественного образа, а его написание с прописной буквы структурно выделяет его на фоне остальных слов, что обеспечивает ему особое положение [297, с. 29]. Существует множество классификаций литературных антропонимов. Например, довольно распространено среди работ по литературной ономастике разделение на литературные антропонимы первого плана (под которыми исследователи понимают сюжетных, действующих персонажей) и второго плана (под которыми понимаются имена упоминаемых исторических лиц, известных литературных и мифологических героев, а также внесюжетные, упоминаемые персонажи) [324, с. 41]. Ученые, которые придерживаются данной классификации, считают, что литературные антропонимы первого плана вводятся в текст как номинативная единица, которая в литературном контексте актуализируется, обрастает ассоциациями, уточняющими образ, а стилистическая специфика литературных антропонимов второго плана определяется свойственной им уникальностью экстралингвистических коннотаций. Такие антропонимы вводятся в текст уже стилистически запрограммированными, и лишь форма их введения в повествование определяет степень расшифровываемости их стилистического потенциала. Такие имена выступают в большинстве своем как образное средство языка писателя, как материал для тропов и фигур речи, составная часть развернутых стилистических приемов [501, с. 5—6].

Д.И. Ермолович предлагает выделять единичные и множественные антропонимы. Единичными в его понимании являются имена людей, получивших широкую известность, когда при бесконтекстном употреблении каждый член языкового коллектива понимает, о ком идет речь. Сфера их употребления — весь языковой коллектив. Они часто вводятся в текст без пояснения. Таким образом, фактор экстралингвистический — широкая известность человека в обществе — находит лингвистическое выражение в том, что личные имена не требуют контекста уточняющего характера. А множественными являются антропонимы, которые в языковом сознании коллектива не связываются предпочтительно с каким-то одним человеком и характеризуются тем, что коммуникативная сфера, в которой они однозначно определяют одного референта, ограничена. Поэтому при введении в более широкую сферу общения им обязательно должен сопутствовать уточняющий контекст (см. подробнее: [321, с. 39]).

Л.В. Белая, например, предлагает использовать термин «авторизация» (предложенный М.А. Карпенко для обозначения процесса творческого освоения словесного материала) применительно к деятельности писателя, связанной с созданием антропонимов с заданной художественно-экспрессивной функцией. Авторизация, являясь понятием качественным, подвергается градации. При этом на разных полюсах условной шкалы авторизации располагаются антропонимы, обладающие нулевой степенью авторизации (имена, известные читателю из произведений литературы, а также имена реальных представителей литературы, истории, философии, искусства и пр.), и собственно авторизированные антропонимы (литературные антропонимические единицы, созданные автором по общеязыковым ономастическим моделям и внемоделные личные имена). Между крайними точками шкалы авторизации могут располагаться антропонимы, косвенно авторизированные (в создании которых деятельность автора направлена на изменение фонетического облика личных имен реальных людей) [262, с. 104].

Применительно к антропонимической системе литературного произведения возможны по крайней мере три варианта описания: в алфавитном порядке (принцип, лежащий в основе составления словарей), по мере употребления имени в тексте (принцип комментариев) и классификационный принцип. В основе любой классификации лежит объединение элементов в группы по какому-либо признаку и противопоставление по этому признаку, а со- и противопоставления — не единственные, но очень важные структурные отношения между элементами системы [297, с. 143]. Классификационный подход, последовательное описание выделенных по различным признакам групп имен обеспечивает системность изучения антропонимического пространства произведения.

Универсальной классификации, универсального порядка для типологии элементов антропонимических систем всех художественных произведений нет и быть не может, поскольку антропонимикон существует в тесной связи с сюжетом, композицией, стилистическими средствами воплощения авторского замысла [Там же]. Мы согласны с Г.А. Силаевой в том, что необходимо анализировать все виды имен собственных, и реальные, и созданные писателем, поскольку только в этом случае можно рассчитывать на получение объективной картины состава и функционирования собственного имени [465, с. 10].

Мы выделяем две группы антропонимов — антропонимы действующих лиц и культурно-ономастический фон. Антропонимы действующих лиц — это личные имена действующих персонажей, по терминологии Л.В. Белой, собственно авторизированные антропонимы. Их, в свою очередь, можно подразделить на антропонимы персонажей 1-го и 2-го плана, а также внесюжетные личные имена. Культурно-ономастический

фон — личные имена упомянутых в произведении реальных исторических лиц, а также мифологических и литературных героев, заимствованных писателем из общекультурного арсенала. По терминологии Л.В. Белой, это антропонимы, обладающие нулевой степенью авторизации.

Антропонимы действующих лиц

В романе «Улей» функционирует 201 персонаж, названный с помощью антропонима. Все антропонимы, представленные в романе, мы считаем возможным классифицировать с точки зрения их участия в основной фабуле произведения (по количеству эпизодов с их участием) на антропонимы 1-го плана (8) (которые появляются более чем в 10 эпизодах), 2-го плана (38) (от 4 до 10 эпизодов с их участием включительно) и внесюжетные личные имена (155) (участвуют в 3 эпизодах и менее). Перечисление антропонимов в порядке убывания сюжетной важности персонажа и их появлений по главам представлено в нижеследующей таблице:

Таблица 1.

Антропонимикон «Улья»

	Персонажи (обозначенные антропонимом)	Главы романа							Итого:
		1	2	3	4	5	6	Финал	
Персонажи первого плана									
1	Martín (Marco)	-	50/11	32/4	51/9	26/4	16/2	33/9	208/39
2	Doña Rosa	64/18	7/3	12/3	-	11/5	6/1	6/1	106/32
3	La señorita Elvira	54/13	13/5	2/1	13/1	8/1	2/1	-	92/22
4	Don Roberto (González)	-	25/7	-	31/5	8/1	4/1	6/5	74/19
5	Julita (Moisés)	-	-	9/3	-	42/9	-	5/3	56/15
6	La Filo	-	22/6	1/1	13/4	-	-	7/4	43/15
7	Ventura (Aguado)	-	-	12/4	-	24/7	-	3/1	39/12
8	(Doña) Visi	1/1	2/1	30/4	-	22/4	-	2/1	57/11
Персонажи второго плана									
9	Celestino (Ortíz)	-	20/4	6/1	18/3	-	-	6/2	50/10
10	Pablo (Alonso)	-	20/5	11/1	9/2	-	-	2/2	42/10
11	El señor Ramón	-	7/2	4/2	3/2	3/1	4/1	8/2	29/10
12	Don Pablo	22/7	-	3/2	-	3/1	-	-	28/10
13	Petríta	-	4/3	5/1	10/5	-	-	2/1	21/10
14	Don Mario (de la Vega)	6/3	11/3	-	5/2	4/1	-	-	26/9
15	Paco	-	17/8	-	-	-	-	2/1	19/9
16	Doña Matilde	5/3	-	5/3	-	4/3	-	-	14/9
17	Don Ibrahim (Ostolaza de	-	26/4	14/1	1/1	2/2	-	-	43/8

	Bofarull)								
18	Don Roque	-	-	21/4	-	21/4	-	-	42/8
19	Laurita	-	13/4	10/1	6/2	-	-	2/1	31/8
20	Doña Celia	-	-	14/3	-	12/5	-	-	26/8
21	Victorita	-	-	13/1	49/4	10/1	2/1	-	74/7
22	Don Leoncio (Maestre)	14/2	16/4	3/1	-	-	-	-	33/7
23	El señor Suárez	6/1	19/4	5/2	-	-	-	-	30/7
24	Don Francisco (Robles y López-Patón)	1/1	-	7	-	19/3	-	-	27/7
25	Julio García Morrazo	-	-	-	18/6	-	-	2/1	20/7
26	Don Tesifonte (Ovejero)	-	-	8/3	-	4/3	-	1/1	13/7
27	Purita (Bartolomé)	-	-	6/2	-	14/1	11/2	4/2	35/6
28	Seoane	9/3	-	3/1	-	12/2	-	-	24/6
29	Doña Ramona (Bragado)	-	-	9/3	3/2	7/1	-	-	19/6
30	Pepe (camarero)	15/5	-	-	-	1/1	-	-	16/6
31	Doña Pura	6/4	-	1/1	-	2/1	-	-	9/6
32	Padilla	7/5	-	1/1	-	-	-	-	8/6
33	Nati (Robles)	-	-	27/2	-	4/3	-	-	31/5
34	Doña Jesusa	-	-	-	9/2	1/1	7/1	3/1	20/5
35	Macario	8/3	-	4/1	-	1/1	-	-	13/5
36	Doña Margot	-	3/2	4/1	-	4/1	1/1	-	12/5
37	La Pirula	-	-	-	12/5	-	-	-	12/5
38	Paco	-	-	4/1	7/4	-	-	-	11/5
39	Doña Asunción	3/2	-	3/2	-	4/1	-	-	10/5
40	La Paulina	-	1/1	-	4/2	4/1	-	1/1	10/5
41	(Consortio) López	9/2	-	12/2	-	-	-	-	21/4
42	Pepe, el Astilla	-	11/3	8/1	-	-	-	-	19/4
43	Lola (López)	-	-	4/2	-	13/2	-	-	17/4
44	Marujita (Ranero)	3/1	-	11/3	-	-	-	-	14/4
45	Mauricio Segovia	2/1	8/3	-	-	-	-	-	10/4
46	Segundo Segura	4/4	-	-	-	-	-	-	4/4

Внесюжетные персонажи

47	Don Leonardo (Meléndez)	26/3	-	-	-	-	-	-	26/3
48	Doña Montserrat	-	-	15/2	-	4/1	-	-	19/3
49	Don Jaime Arce	17/3	-	-	-	-	-	-	17/3
50	La Uruguaya	-	-	-	12/3	-	-	-	12/3
51	Don Obdulio	-	-	5/1	-	6/2	-	-	11/3
52	Doña Isabel	8/3	-	-	-	-	-	-	8/3
53	La Paquita	2/1	-	2/1	-	4/1	-	-	8/3

54	Doña María (Morales de Sierra)	-	-	-	8/3	-	-	-	8/3
55	Don Fernando Cazuela	-	3/1	4/2	-	-	-	-	7/3
56	Eloy Rubio Antofagasta	-	6/3	-	-	-	-	-	6/3
57	Visi	-	-	6/3	-	-	-	-	6/3
58	Gumersindo Vega Calvo	-	-	-	4/3	-	-	-	4/3
59	Esperanza (Moisés)	-	-	4/3	-	-	-	-	4/3
60	Alfredo Angulo Echevarría	-	-	13/2	-	-	-	-	13/2
61	Don José (Rodríguez de Madrid)	10/2	-	-	-	-	-	-	10/2
62	Don Trinidad	10/2	-	-	-	-	-	-	10/2
63	Doña Juana (Entrena)	-	-	2/1	-	8/1	-	-	10/2
64	Rómulo	-	-	-	-	8/1	-	2/1	10/2
65	Don Pedro Pablo Tauste	-	-	4/1	-	4/1	-	-	8/2
66	Luís (echador)	6/2	-	-	-	-	-	-	6/2
67	Don José Sierra	-	-	-	6/2	-	-	-	6/2
68	Don Emilio Rodríguez Ronda	-	-	4/1	-	1/1	-	-	5/2
69	La Amparo	-	-	2/1	-	3/1	-	-	5/2
70	Matildita	1/1	-	4/1	-	-	-	-	5/2
71	La Josefa	-	-	1/1	-	4/1	-	-	5/2
72	Javier	-	-	-	5/2	-	-	-	5/2
73	Ramón Maello	-	-	-	-	4/2	-	-	4/2
74	Alfonsito	3/1	-	1/1	-	-	-	-	4/2
75	La Marujita	-	-	-	4/2	-	-	-	4/2
76	Doña Soledad	-	-	-	-	4/2	-	-	4/2
77	Paco	3/2	-	-	-	-	-	-	3/2
78	Sonsoles	1/1	-	2/1	-	-	-	-	3/2
79	Agustín Rodríguez Silva	-	-	3/2	-	-	-	-	3/2
80	Javierín	-	1/1	1/1	-	-	-	-	2/2
81	La señora Leocadia	-	2/2	-	-	-	-	-	2/2
82	Clemente de Diego	-	2/2	-	-	-	-	-	2/2
83	Doña Genoveva (Cuadrado de Ostolaza)	-	2/2	-	-	-	-	-	2/2
84	Mari Tere	-	1/1	1/1	-	-	-	-	2/2
85	Don Ignacio Galdácano	-	-	1/1	1/1	-	-	-	2/2
86	Don Camilo Pérez	-	-	1/1	1/1	-	-	-	2/2
87	El señor Flores	-	-	-	2/2	-	-	-	2/2
88	Don Ricardo Sorbedo	-	-	-	-	28/1	-	-	28/1
89	El señor José (Sanz)	-	-	-	-	14/1	-	-	14/1
90	Maribel (Pérez)	-	-	-	-	11/1	-	-	11/1

91	Dorita	-	-	-	-	-	10/1	-	10/1
92	Fidel	-	-	-	-	7/1	-	-	7/1
93	Doña Lolita (Echevarría de Cazuela)	-	-	6/1	-	-	-	-	6/1
94	Don Gonzalo Sisemón	-	-	-	-	6/1	-	-	6/1
95	El Paquito	-	-	-	-	5/1	-	-	5/1
96	Hermenegildo	-	5/1	-	-	-	-	-	5/1
97	Don Braulio	-	-	-	-	4/1	-	-	4/1
98	Merche (Olivar Vallejo)	-	-	-	-	4/1	-	-	4/1
99	Don Nicolás (de Pablos)	-	-	-	-	-	3/1	-	3/1
100	Bernabé	3/1	-	-	-	-	-	-	3/1
101	Chus	3/1	-	-	-	-	-	-	3/1
102	Gabriel (echador)	3/1	-	-	-	-	-	-	3/1
103	La señora Fructuosa	-	-	3/1	-	-	-	-	3/1
104	Don Antonio Pérez Palenzuela	-	-	3/1	-	-	-	-	3/1
105	Don Manuel Jorquera	-	-	3/1	-	-	-	-	3/1
106	Telmo	-	-	-	3/1	-	-	-	3/1
107	Don Exuperio (Extremera)	-	-	3/1	-	-	-	-	3/1
108	Escolástica	-	-	-	-	3/1	-	-	3/1
109	Francisco	-	-	-	-	3/1	-	-	3/1
110	Socorrito	-	-	-	-	3/1	-	-	3/1
111	Bartolomé Anguera	-	-	-	-	3/1	-	-	3/1
112	Asunción	-	-	-	-	3/1	-	-	3/1
113	La Eulogia	-	-	-	-	3/1	-	-	3/1
114	Paco, el Sardina	-	-	-	-	3/1	-	-	3/1
115	Doña Carmen	-	-	-	-	3/1	-	-	3/1
116	Filomena López de Marco	-	-	-	-	-	-	2/1	2/1
117	Paquito	2/1	-	-	-	-	-	-	2/1
118	Fidel Hernández	2/1	-	-	-	-	-	-	2/1
119	Florentino del Mare Nostrum	2/1	-	-	-	-	-	-	2/1
120	Don Edmundo Páez Pacheco	-	2/1	-	-	-	-	-	2/1
121	Don Pío Navas Pérez	-	-	2/1	-	-	-	-	2/1
122	Pepe	-	-	-	2/1	-	-	-	2/1
123	Rosalía	-	-	-	2/1	-	-	-	2/1
124	Anita	-	-	-	-	2/1	-	-	2/1
125	Joaquín Bustamante	-	-	-	-	2/1	-	-	2/1
126	María Auxiliadora	-	-	-	-	2/1	-	-	2/1
127	Trini	-	-	-	-	2/1	-	-	2/1

128	María Angustias	-	-	-	-	2/1	-	-	2/1
129	Don Bruno	-	-	-	-	2/1	-	-	2/1
130	Margarita	-	-	-	-	-	2/1	-	2/1
131	Cojoncio Alba	-	-	-	-	-	2/1	-	2/1
132	Esperanza Redondo	1/1	-	-	-	-	-	-	1/1
133	Ramiro López Puente	1/1	-	-	-	-	-	-	1/1
134	Emilita	1/1	-	-	-	-	-	-	1/1
135	Don José María	-	1/1	-	-	-	-	-	1/1
136	Don Rosendo	-	1/1	-	-	-	-	-	1/1
137	La Pelona	1/1	-	-	-	-	-	-	1/1
138	La Marraca	1/1	-	-	-	-	-	-	1/1
139	La Eudisia	1/1	-	-	-	-	-	-	1/1
140	Ramón	1/1	-	-	-	-	-	-	1/1
141	Miguel Contreras	1/1	-	-	-	-	-	-	1/1
142	Don José María de Samas	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
143	Doña María	1/1	-	-	-	-	-	-	1/1
144	Juanita	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
145	Santiago	1/1	-	-	-	-	-	-	1/1
146	Díaz	-	-	-	-	-	-	1/1	1/1
147	La señora Josefa	-	-	-	1/1	-	-	-	1/1
148	cabo Pérez	-	-	-	1/1	-	-	-	1/1
149	Estrella	-	1/1	-	-	-	-	-	1/1
150	Alfonso	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
151	Ramón	-	-	-	-	1/1	-	-	1/1
152	Mariana	-	-	-	-	1/1	-	-	1/1
153	Julio	-	-	-	-	1/1	-	-	1/1
154	Rosita	-	-	-	-	1/1	-	-	1/1
155	Don Ventura Aguado Despujols	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
156	José María	-	-	-	-	1/1	-	-	1/1
157	Angelito	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
158	Rosario Quesada	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
159	Ramón Hermida	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
160	María Luisa del Valle	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
161	Guadalupe Gutiérrez	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
162	Marina López Ortega	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
163	Ignacio	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
164	Francisco Javier	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
165	Ventura	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
166	Manuel	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
167	Agustín	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1

168	Manuel Cordel Estebán	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
169	Paquita	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
170	Don Antonio Jareño	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
171	Doña Teresa Corrales	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
172	Doña Clarita Morales de Pérez	-	-	-	1/1	-	-	-	1/1
173	Don Rafael Masasana	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
174	Don Lorenzo Sogueiro	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
175	Don Fidel Utrera	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
176	Francisco López	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
177	Don José Leciñena	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
178	José María Olvera	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
179	Don Arturo Ricote	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
180	Don Julio Maluenda	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
181	Don Rafael Sáez	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
182	Don Carlos Luque	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
183	Don Luis Noalejo	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
184	Don Gumersindo López	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
185	Don Leonardo Cascajo	-	-	1/1	-	-	-	-	1/1
186	Santiaguino	-	-	-	1/1	-	-	-	1/1
187	Soledad	-	-	-	-	1/1	-	-	1/1
188	Piedad	-	-	-	-	1/1	-	-	1/1
189	Don Estanislao Ramírez	-	-	-	-	1/1	-	-	1/1
190	Don Fadrique Méndez	-	-	-	-	1/1	-	-	1/1
191	Pilarín	-	-	-	-	1/1	-	-	1/1
192	Fadrique	-	-	-	-	1/1	-	-	1/1
193	Saturnino	-	-	-	-	1/1	-	-	1/1
194	Juan Ramón	-	-	-	-	1/1	-	-	1/1
195	José	-	-	-	-	-	1/1	-	1/1
196	Estanislao Alba	-	-	-	-	-	1/1	-	1/1
197	Doña Conchita Ibáñez	-	-	-	-	-	1/1	-	1/1
198	Pedrito	-	-	-	-	-	1/1	-	1/1
199	Doña Salvadora	-	-	-	-	-	1/1	-	1/1
200	Josefina de la Peña Ruíz	-	-	-	-	-	-	1/1	1/1
201	Don Raúl Soria Bueno	-	-	-	-	-	-	1/1	1/1

Из таблицы видно, что основная масса антропонимов (155 из 201) принадлежит внесюжетным персонажам, которые почти не участвуют в формировании и развитии основной фабулы романа. Антропонимов по-настоящему действующих персонажей, несущих основную сюжетную нагрузку, намного меньше (8 из 201).

Обратимся к рассмотрению различных модификаций антропонимической модели (например, обиходных форм имени), а также различных дополнений к ней (например, прозвищных именованных и псевдонимов).

Обиходные формы имени (diminutivos)

Обиходные формы имени (диминутивы и гипокористики) в совокупности с именем и фамилиями образуют парадигму испанского антропонима [456, с. 81]. Испанский язык Латинской Америки, например, имеет некоторые сходные черты с русским языком, отличные от большинства романо-германских языков. Прежде всего, имеется в виду обилие диминутивных и гипокористических вариантов личного имени, в то время как английские и французские имена почти не участвуют в создании диминутивных форм имени [534, с. 14]. Что касается испанского языка Пиренейского полуострова, то тут репертуар обиходных кратких имен довольно беден по сравнению с русским языком, где дериваты могут содержать сему «неуважительного отношения, пренебрежения», а также самые разнообразные коннотации, которые становятся понятными лишь в конкретной ситуации. Как отмечает Ю.А. Рылов, испанский диминутив может содержать лишь возрастные и «габаритные» указания. Как показало анкетирование, в 26% случаев обиходное имя практически вообще не употребляется [456, с. 86—87]. Тем не менее, в исследуемом романе уменьшительные формы имен — явление не редкое, что связано, видимо, с большими стилистическими возможностями использования диминутивов в художественном дискурсе.

Типологизируя обиходные формы имени по способу их образования, мы опираемся на основные способы образования дериватов в испанском языке, выделенные Ю.А. Рыловым в монографии «Очерки романской антропонимии» [Там же. С. 81]. Итак, обиходные формы имени в романе К.Х. Селы «Улей» можно разделить на следующие группы:

1) Образованные путем усечения основы (5) (с помощью апокопы): *Filo (Filomena), Visi (Visitación), Mari Tere (María Teresa), Nati (Natividad), Trini (Trinidad)*.

2) Образованные путем суффиксации (16):
-ito, -ita *Socorrito, Emilita, Alfonsito, Marujita, Elvirita, Matildita, Juanita, Laurita, Petrita, Purita, Julita, Paquita, Clarita, Victorita*;
-iño, -ín *Santiaguiño, Javierín*.

Интересно обратить внимание на использование Селой традиционно галисийского суффикса *-iño*. К.Х. Села, будучи галисийцем по происхождению, несмотря на то, что писал на официальном кастильском наречии, иногда использовал особенности родного, галисийского диалекта: в других романах писателя, например, в *Pabellón de reposo*, также появляется девушка по имени *Doloriñas*.

3) Образованные супплетивным способом (4): *Paco — Francisco, Pepe — José*. Иногда к супплетивному способу добавляется суффиксация: *Paquito, Paquita*.

4) Образованные путем удвоения одного из слогов основы (2): *Lola (Dolores)*. А также удвоением и суффиксацией: *Lolita*

5) Образованные с использованием специфического «онимическо-гипокористического» звука [ç] (3): *Chus (María Jesús), Merche (Mercedes), Conchita (Concepción)*.

Аббревиация антропонимов — древнейшая тенденция, проявляющаяся во всех индоевропейских языках и основной способ образования гипокористических форм имени [493, с. 75—76]. При этом диминутивы, образованные путем трансформации основы, принято считать менее экспрессивными и служащими, в основном, цели языковой экономии и удобства, а имена, образованные путем суффиксации — формами выражения субъективной оценки [540, с. 79].

В целом, несмотря на то, что аббревиация считается основным способом образования обиходных форм имени, в романе «Улей» чаще используется суффиксация (из 44 обиходных форм имени, употребленных в романе, 28 образованы с помощью суффиксов, главным образом *-ito, -ita*). Истоки этого явления, по нашему мнению, нужно искать в стилистических особенностях использования диминутивов в романе.

Среди обиходных форм имен, представленных в романе, большинство (44 из 49) выступают как основные именованья. Многие исследователи, например, Х.М. Альбайхес, отмечали, что гипокористические формы имени постепенно стали считаться отдельными именами [5, р. 110]. Сдвиги в социальном стереотипе способствовали выдвиганию на первый план дериватов в качестве общепринятого способа именованья лица, в качестве основных, стандартных форм именованья. Но нужно учитывать, что, приобретая официальный статус, такие имена теряют традиционно приписываемые им уменьшительно—ласкательные и дружелюбно-интимные коннотации. Эти коннотации выражаются прежде всего там, где использование деривата является отходом от стандартного для данной коммуникативной сферы способа называнья человека [321, с. 44—45]. В художественном произведении именованье персонажа главным образом с помощью обиходной формы имени позволяет писателю сделать именно диминутив своеобразным «знаком» художественного образа.

В стилистическом использовании диминутивов можно заметить самые различные чувства, в том числе и симпатию автора по отношению к некоторым персонажам [11, р. 19; 190, р. 98], таким как Эльвирита, Викторита — девушкам с несчастной судьбой. Но чаще всего в романе встречаются диминутивные формы женских имен как средство создания

комического эффекта. Писатель часто сталкивает диминутив с резко контрастирующей с ним реальностью:

«Macario y su novia muy cogiditos de la mano, están sentados en un banco en el cuchitril de la senora Fructuosa, tía de la Matildita... Macario es un chico muy fino que todos los días da las gracias a la senora Fructuosa. Matildita tiene el pelo como la panocha y es algo corta de vista. Es pequeña y graciosa, aunque feuchina, y da, cuando puede alguna clase de piano... Matildita tiene treinta y nueve años» [47, p. 224].

«Макарио и его девушка сидят, крепко держась за руки, на скамье, в каморке сеньоры Фруктуосы — это тетка Матильдиты... Макарио — очень воспитанный юноша и каждый день он любезно благодарит сеньору Фруктуосу. У Матильдиты волосы как кукурузная метелка, она близорука, некрасива, небольшого росточка, но довольно изящная. Когда подвернется случай — дает уроки музыки... Матильдите тридцать девять лет» [463, с. 217].

В этом примере интересно обратить внимание на имя сеньоры Фруктуосы — оно содержит суффикс *-oso, -osa*, выражающий значение множественности того, что обозначено производящей основой. Возможно, с помощью противопоставления словообразовательных суффиксов этих имен, писатель хотел подчеркнуть противопоставление персонажей: *-ita* маленькая, тщедушная, несчастная Матильдита и *-osa* полная, веселая «сочная» Фруктуоса.

Далее обратимся к рассмотрению особенностей парадигматики и синтагматики прозвищных именовании в романе «Улей».

Прозвища (apodos)

Единой точки зрения среди лингвистов относительно того, что именно входит в понятие «прозвище», нет. Словарь испанской королевской академии определяет прозвище как «имя, дающееся человеку по какому-нибудь случаю или указывающее на какой-нибудь недостаток» [66, t.1, p. 183]. Словарь Марии Молинер определяет прозвище, как «дополнительное имя, содержащее намек на какое-нибудь свойство, сходство человека или другое обстоятельство, по которому человек известен окружающим» [186, p. 216].

Русская ономастика рассматривает прозвище как вид антропонима, дополнительное имя, данное человеку окружающими, в соответствии с его характерной чертой, сопутствующими его жизни обстоятельствами или по какой-нибудь аналогии [433, с. 115]. С этой точки зрения исследователи чаще всего ищут конкретные мотивы, приводящие к возникновению прозвища [323]. Такой исторический подход может быть интересен, но мотивация прозвища может оказаться подвижной, изменчивой. Д.И. Ермолович, например, предлагает рассматривать прозвища не с точки зрения их возникновения, а с точки зрения употребления; и в этой связи

предлагает следующее определение: «Прозвище — неофициальное, экспрессивно-образное или эмоционально-оценочное имя, употребляемое в дополнение к антропониму или вместо него» [321, с. 88—89]. Мы считаем, что для анализа прозвищ в художественном произведении такой подход более обоснован, поскольку в моделированной авторским сознанием реальности, каковой является реальность любого художественного произведения, исследователь располагает только той информацией, которую автор считает целесообразным включить в произведение. То есть конкретные мотивы могут остаться (а в исследуемом нами произведении и остаются) как бы «за кадром» повествования, могут быть предназначены для выполнения других функций, нежели характеристика человека по особенностям его внешности или поведения.

Итак, анализ показал, что в романе «Улей» употребляется всего 12 прозвищ. По терминологии Ермоловича (см. [Там же. С. 88—96]) все они являются внеситуативными — закрепляются за персонажем в разных ситуациях и используются регулярно по отношению к одному и тому же персонажу. Представляется возможным классифицировать прозвища на несобственные (10) — состоящие только из нарицательного компонента (*La Pelona, La Marraca, La Uruguaya, Los Pelones, los Burelos, los Raposos, Pito Tiñoso, Pelo de Muerta, Saltaprados, La Fotógrafa*) и смешанные (2) — состоящие из двух лексических элементов: антропонимического и нарицательного (*Paco, el Sardina; Pepe, el Astilla*).

Большинство несобственных прозвищ (6) используется, как основные, доминирующие формы именования: *La Pelona, La Marraca, La Uruguaya, Los Pelones, los Burelos, los Raposos*. Другие (4) употребляются в романе наравне с именем: *Telmo — Pito Tiñoso; Doña Carmen — Pelo de Muerta, Saltaprados; El señor Suárez — La Fotógrafa*.

Характерной особенностью испанских прозвищных наименований являются так называемые семейно-родовые прозвища, передающиеся, как и фамилии, по наследству от отца к сыну (Díez Barrio 1995, p. 23—40 [Цит. по: 540, с. 85]). Мария Молинер отмечает, что подобные прозвища наиболее распространены преимущественно в сельской местности [186, p. 216]. Именно по этим прозвищам в романе «Улей» (*Los Pelones, los Burelos, los Raposos*) два земляка из сельской местности, встретившись в Мадриде, ищут общих знакомых: «*Nosotros somos de más a la parte de la Cañiza, nosotros somos de Covelo. ¿No oyó Ud. nombrar a los Pelones?*» [47, p. 267]. «*Мы-то родом из-под Каньисы, из Ковело мы. Вы не слышали о таких — нас там Голяками прозывают?*» [463, с. 247].

Только три прозвища в «Улье» употребляются без артикля (*Pito Tiñoso, Pelo de Muerta, Saltaprados*), все остальные (9) — с определенным артиклем единственного или множественного (если речь идет о семейном

прозвище) числа (*La Pelona, La Marraca, La Uruguaya, La Fotógrafa, Los Pelones, Los Burelos, Los Raposos, Paco, el Sardina; Pepe, el Astilla*).

Обратим внимание на стилистические особенности прозвищ в романе. Прозвища отличаются от личных имен собственных тем, что нарицательное значение в них проступает довольно зримо, в то время как в личных именах оно уже выражено не столь ярко или совсем затемнено [534, с. 24]. Прозвища — самый мотивированный вид антропонимии в художественном тексте с прямо или косвенно характеризующей семантикой. Стилистическая экспрессия оценочности прозвищ возникает благодаря их семантической двуплановости: этимологическое (отапеллятивное) значение основы накладывается на собственно ономастическое, номинативное, в результате чего первое усиливает второе и делает его «говорящим», оценочным и двуплановым [521, с. 45]. В романе «Улей» чаще всего о мотивированности прозвищ судить трудно, поскольку принадлежат они не действующим, а вскользь упомянутым персонажам: *Los Pelones* — в фигуральном значении *бедные, нищие*; *los Raposos* — *лисы, хитрецы*, *Pito Tiñoso: pito* — *сигаретка, tiñoso* — *жалкая*; *Paco, el Sardina; La Marraca: marrar* — *ошибаться* и уничижительный суффикс *-aco*.

Прозвища относятся к периферии ономастического пространства и являются, прежде всего, фактом территориально и социально ограниченной речи, функционируют в диалектной, сленговой и жаргонно-арготической среде [493, с. 102]. Этим объясняется огромный потенциал прозвищ в художественных произведениях: с их помощью можно не только эксплицировать авторскую иронию по поводу персонажа или его поведения, а также взаимоотношения с другими персонажами, но и социально, диалектно или национально маркировать действующее лицо. Данное утверждение не относится только к особому виду так называемых «семейных прозвищ», получивших большое распространение в Испании.

Для введения двух прозвищ в «Улье» Села использует специфический термин *alias*, который на русский язык переводится *известный как*. Этот термин в испанской лингвокультуре обозначает подпольную кличку референта и связан в первую очередь с криминальным миром, различными подпольными организациями [540, с. 82]. Действительно, в романе «Улей» он используется по отношению к двум мужчинам нестандартной сексуальной ориентации, вхожим в криминальные слои общества.

Иногда имена вторичной номинации — прозвища и клички — используются в романе с артиклем. К. Гарсия Гальярин отмечала, что наличие или отсутствие артикля перед прозвищем определяется прозрачностью внутренней формы, а также морфологическими характеристиками антропонима [102, р. 91]. Таким образом, в романе «Улей» сочетание артикля с прозвищем свидетельствует о его более тесной связи с исходным апеллятивом: *La Fotógrafa, La Marraca, La Uruguaya* и т.д.

Особое место в парадигме испанского антропонима занимают псевдонимы (*seudónimos*). Обособленность данного разряда от других собственных имен объясняется, прежде всего, самим способом номинации, когда референт создает имя сам для себя, в то время как другие имена вторичной номинации, например, прозвища, индивиду дает его окружение [540, с. 97]. В романе употребляется всего 4 псевдонима, принадлежащие двум персонажам. Одно из них — *Florentino del Mare Nostrum* — выбрал для себя начинающий актер провинциального театра для придания себе солидности и пафоса, соответствующего, по его мнению, положению актера. Характерно, что его мать, гордясь сыном, не желает даже вспоминать старое, настоящее имя, даже в семье называет его ласково: *Florentín*. Остальные три псевдонима принадлежат одной девушке, желающей начать карьеру певицы и считающей, что самое главное — правильно выбрать имя. Она поочередно «примеряет» псевдонимы *Carmen del Oro*, *Rosario Giralda*, *Esperanza de Granada*, пока знакомый импресарио не советует ей остановить выбор на первом, как наиболее звучном. Эта тенденция постепенно набирает силу в последующих произведениях Селы и становится одним из ярких средств, создающих иронический контекст творчества писателя.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что основная масса антропонимов в исследуемом романе принадлежит фоновым персонажам, чьи имена участвуют в смысловом развертывании заглавия-метафоры. Писатель использует их для того, чтобы с их помощью создать у читателя ощущение «городского человеческого улья», усилить общую образность произведения. Количество и виды прозвищных именовании соответствуют общей тенденции в творчестве писателя, а именно: в произведениях классического периода начинают появляться прозвищные именовании, но их присутствие еще не стало доминирующим, навязчивым и повсеместным, как в произведениях постклассического периода в творчестве К.Х. Селы.

Культурно-ономастический фон

Н.В. Виноградова называет имена упомянутых в произведении реальных исторических лиц (писателей, художников, ученых, музыкантов, общественных деятелей и т.д), а также имена упомянутых литературных или мифологических героев, именами-цитатами, поскольку цитатой является «любой элемент текста, обладающий реминисцентным потенциалом и в определенных условиях реализующий его» (Козицкая 1999, с. 33 [Цит. по 297, с. 118]). К именам-цитатам можно отнести не только имена из «текстов литературы», но и имена из «текста культуры». Выступая в роли цитаты, такое имя становится маркером интертекстуальности. Имя уникально тем, что способно концентрировать в себе всю информацию, относящуюся к своему носителю. Свои художественные функции имя-цитата сполна

реализует лишь в том случае, если читатель почувствует его принадлежность к другому тексту. Будучи использовано писателем, имя-цитата отсылает читателя к своему источнику и обогащает авторское произведение смыслами, связанными с прежним употреблением имени [Там же. С. 119]. Даже историческое собственное имя, становясь элементом художественной формы произведения, весьма часто активизирует свои потенциальные семантико-экспрессивные возможности [398, с. 9].

Наше исследование показало, что в романе К.Х. Селы «Улей» культурно-ономастический фон представлен личными именами известных людей, а также мифологических или литературных персонажей, упомянутых в тексте художественного произведения. В романе автор упоминает всего 50 личных имен, заимствованных из общекультурного арсенала, причем их спектр очень широк и разнообразен. Села использует имена как реальных лиц (45), так и вымышленных (5). Типологию антропонимов, составляющих культурно-ономастический фон, можно представить следующим образом:

I. Имена реальных лиц (45).

1. Имена политических деятелей (13):
 - а) испанских (8): *Alcalá Zamora, Gil Robles, Primo de Rivera, Cipriano Mera, general Prim, Alejandro Lerroux, Vázquez Mella, Gascón;*
 - б) общемирового масштаба (5): *Hitler, Churchill, Roosevelt, Stalin, Napoleón.*
2. Имена особ королевской крови (6): *Isabel la Católica, Ataulfo, Sigerico, Walia, Teodoredo, Turismundo.*
3. Имена литературных деятелей, писателей и поэтов (9): *Cervantes, Juan Ramon (Jimenez), Byron, León Tolstoi, Holderin, Keats, Valéry, Ruben, Mallarmé.*
4. Имена, принадлежащие к сфере кинематографа (актеров, актрис, режиссеров) (6): *Jean Harlow, Joan Crawford, René Clair, Frank Capra, Antonio Vico, Mercedes Vecino.*
5. Имена церковных деятелей (1): *cardenal Cisneros.*
6. Имена ученых и философов (3): *Platón, Isaak Peral, Nietsche.*
7. Имена людей, принадлежащих к «элитарным» слоям общества (2): *Romanones, duque de Alba.*
8. Имена преступников (1): *Navarrete.*
9. Имена святых и библейских персонажей (6): *Santa María, Cain, Jesús Medinaceli, San Luís Gonzaga, Santa María Magdalena, San José de Calasanz.*

II. Имена вымышленных лиц (5).

1. Имя персонажа из Мадридского уличного фольклора (1): *madame Pimentón.*
2. Имена персонажей литературных произведений (3): *Don Jacinto del Castillo, Doña Leonor de la Rosa, Margarita Gautier.*
3. Имена мифологических героев (1): *Venus.*

На основе приведенной типологии можно сделать следующие выводы: среди имен, составляющих культурно-ономастический фон произведения, наиболее частотными в романе «Улей» являются имена реальных исторических лиц, особенно политических и литературных деятелей, что

вполне естественно для реалистического произведения послевоенного периода, нестабильного в политическом отношении. Также довольно многочисленны упоминания имен святых и библейских персонажей, что связано с сильным влиянием католической церкви на испанское общество начала XX века, которое писатель изобразил в романе.

Вариативность антропонимической номинации персонажей

Характеристика парадигматики имен собственных всего ономастического пространства художественного произведения предполагает, помимо описания отдельных тематических разрядов имен собственных в этом тексте, также и характеристику вариантов ономастической номинации по отношению к одному денотату [330, с. 108]. Под вариантами ономастической номинации мы понимаем использование в различных контекстах разных формул именованя (по фамилии, по полному или уменьшительному имени и/или по прозвищу). Вариативность имени в литературе может маркировать взаимоотношения персонажей в различных коммуникативных ситуациях, социальные, возрастные и другие характеристики. Выбор того или иного варианта может быть рассмотрен в русле проблемы «автор-герой-рассказчик» (М.М. Бахтин) и учения о выражаемых в произведении точках зрения (Б.А. Успенский). Анализ того, как персонажи называют друг друга, позволяет судить об их взаимоотношениях. Причем способ именованя может характеризовать как именуемого, так и именующего [297, с. 84—86].

Большую роль играет доминирующий тип именованя персонажа — тот, который наиболее часто используется в речи автора-рассказчика по отношению к данному персонажу. По мнению Н.П. Ключевой, знаком единства всех разнородных качеств персонажа становится литературный антропоним — доминанта, организующая целостное восприятие образа. Доминантой гнезда становится не любой антропоним, а наиболее частотный в данном тексте, поскольку частотность употребления имени собственного закрепляет идентификацию персонажа по этому имени [350, с. 198]. В приведенной выше таблице персонажи указаны с помощью доминирующего в романе способа именованя, при этом в скобках даны элементы антропонима, не входящие в доминирующую модель, но необходимые для облегчения идентификации действующего лица. Как видно из таблицы, для подавляющего большинства персонажей в романе доминирующим антропонимическим именованем является личное имя (в 78 случаях представленное полным именем, в 41 — диминутивом).

Интересно отметить, что для персонажей, имеющих определенную сюжетную важность, то есть для персонажей 1-го и 2-го плана, Села преимущественно использует личное имя, а для фоновых персонажей —

более полный тип именованя: имя+фамилия (46), либо имя+фамилия (отца)+фамилия (матери (13), либо ярко образное именование по прозвищу или псевдониму (6). Наш вывод согласуется с одной из характерных ономастических тенденций в творчестве К.Х. Селы: обратно пропорциональной зависимостью между антропонимом и значимостью персонажа.

Использование в качестве доминирующего именованя только фамилии (9 из 201) тоже является стилистически маркированным приемом. Двое персонажей названы так в силу особенностей профессии, занимаемой должности (*El doctor Jorquera, cabo Pérez*), четверо имеют низкий социальный статус, здесь использование фамилии — маркер несимметричных отношений и невысокой значимости персонажа (*Seoane, López, Díaz, Padilla*), для одного из персонажей фамилия — часть сложной ономастической игры, затеянной автором, чтобы подчеркнуть смехотворность и нелепость персонажа нестандартной сексуальной ориентации в условиях послевоенного, голодного Мадрида (*El señor Suárez*).

Также бросается в глаза другая характерная черта ономастического мира произведений Селы — обилие персонажей с фамилией López. В романе «Улей» таких персонажей девять (*Don Francisco Robles y López-Patón, Consorcio López, Lola López, Josefa López, Ramiro López Puente, Marina López Ortega, Francisco López, Gumersindo López, Filomena López de Marco*).

Особую роль играет первое упоминание персонажа или интродуктивная антропонимическая модель. Если впервые имя употреблено в речи рассказчика, то, по мнению исследователей, возникает «аналогия с обрядом знакомства» [510, с. 39] или «ситуация представления» [410, с. 142]. Иногда читатель находит полную форму именованя персонажа, сведения о его социальном положении, возрасте, внешности. Форма и способ первого упоминания закладывает основы восприятия персонажа читателем и эксплицирует отношение к нему автора или персонажа, в речи которого дано его представление [297, с. 88]. Литературный герой полностью познается ретроспективно. Первое узнавание персонажа осуществляется через его экспозицию, где намечается его первоначальная формула, характеристика, создающая установку на восприятие. В дальнейшем первоначальная формула получает развитие, в реалистической литературе — неоднородное, противоречивое. В результате возникает форма реалистического персонажа — психологического типа, отличающегося многоплановостью свойств [350, с. 193].

Многие исследователи отмечают, что смена вариантов имени собственного членит структуру текста на тематические фрагменты, помогая передать определенную информацию. Исследователи поэтической ономастики обратили внимание на связь между частотностью

повторяющихся имен собственных в тексте художественного произведения и характеристикой художественного образа [330, с. 111].

Мы выделили четыре варианта перехода от интродуктивной антропонимической модели к доминирующему типу именованию:

1. Интродуктивная антропонимическая модель совпадает с доминирующим именованием. Она остается неизменной и в речи автора, и в речи персонажей на протяжении всего романа. Например, *Doña Rosa*, *Segundo Segura*, *Padilla*, *Don Pablo*, *Doña Matilde* и многие другие.

2. Интродуктивная модель сохраняется в речи автора, но сменяется обиходным вариантом именованию в речи персонажей, в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией.

1	Ramón Maello	Ramón
2	Seoane	Alfonso
3	El señor Ramón	Don José
4	Doña Genoveva Cuadrado de Ostolaza	Genoveva
5	Doña Margot	Doña Margot Sobrón de Suárez
6	Don José Sierra	Pepe
7	Javier	Javierchu
8	Bartolomé Anguera	Bartolo
9	Agustín Rodríguez Silva	Agustín Tinín
10	Don Fernando Cazuela	(tío) Fernando

Если рассказчик использует интродуктивную модель в качестве доминирующей, то различные персонажи могут обращаться к данному лицу в соответствии с характером их взаимоотношений, используя при необходимости различные средства демонстрации аффекта (например, обиходные формы имени). К примеру, музыканта *Seoane* из кафе Дони Росы все зовут только по фамилии, и читатель так бы и не узнал его имя, если бы однажды не появилась его жена, назвавшая его *Alfonso*. Личное имя здесь является маркером особых, близких отношений персонажей. Жены и любовницы называют своих мужчин *Pepe*, *Bartolo*, *Javierchu*. Другой пример: рассказчик преимущественно называет покойную старушку *Doña Margot*, а Дон Ибрагим в торжественной речи официально именуется покойницу полным именем — *Doña Margot Sobrón de Suárez*.

3. Персонаж представлен с помощью интродуктивной модели, далее же всегда именуется с помощью обиходного, доминирующего варианта.

	Интродуктивная модель	Доминирующая модель	Зона голоса других персонажей.
1	Don Leonardo Meléndez (1)	Don Leonardo (23)	-
2	Paco (hijo de Isabel) (2)	Paquito (1)	-
3	Don Francisco Robles y López-Patón	Don Francisco (18)	-

	(2)		
4	José Sanz Madrid (2)	El señor José (11)	-
5	Josefa López (2)	La Josefa (3)	-
6	Visitación (1)	Visi (1)	Visi (2)
7	Alfredo Angulo Echevarría (2)	Alfredo (10)	Alfredo (1)
8	Don Camilo Pérez (1)	Don Camilo (1)	-
9	El doctor Manuel Jorquera (1)	El doctor Jorquera (2)	-
10	Don Exuperio Extremera (1)	Don Exuperio (2)	-
11	Don Gonzalo Sisemón (1)	Don Gonzalo (2)	Gonzalo (3)
12	Don Obdulio Cortés López (2)	Don Obdulio (9)	-
13	Doña María Morales de la Sierra (1)	Doña María (7)	-
14	Francisco (2)	Paco (2)	-
15	Maribel Pérez (1)	Maribel (9)	-
16	Paco el Sardina (1)	El Sardina (2)	-
17	Cojoncio Alba (1)	Cojoncio (1)	-
18	Don Nicolás de Pablos (1)	Don Nicolás (2)	-

Автор предлагает читателю ситуацию представления один раз, при знакомстве с персонажем. Далее происходит переход к доминирующему, обычно сокращенному, обиходному именованию, которое согласуется с принципом «экономии речевых усилий».

Иногда писатель использует ситуацию представления при каждом новом появлении персонажа. Тогда переход от интродуктивной к доминирующей модели осуществляется несколько раз подряд, в каждом из фрагментов заново. Например:

III, 10	Doña Juana Entrena, viuda de Sisemón(1)	Doña Juana(6)
V, 5	Doña Juana Entrena, viuda de Sisemón(1)	Doña Juana(1)
I, 5	Doña Isabel Montes, viuda de Sanz (1)	Doña Isabel (2)
I, 23	Doña Isabel Montes, viuda de Sanz (1)	Doña Isabel (2)
I, 42	Doña Isabel Montes, viuda de Sanz (1)	Doña Isabel (1)
I, 7	Don José Rodríguez de Madrid (1)	Don José (6)
I, 26	Don José Rodríguez de Madrid (1)	Don José (1)
I, 11	Don Trinidad García Sobrino (1)	Don Trinidad (4)
I, 31	Don Trinidad García Sobrino (1)	Don Trinidad (3)
III, 1	Don Emilio Rodríguez Ronda (2)	Don Emilio (1)
V, 7	Don Emilio Rodríguez Ronda (1)	

4. Интродуктивная антропонимическая модель и доминирующий вариант именованья сменяют друг друга непоследовательно, на первый взгляд, бессистемно.

Мы выделили несколько персонажей, у которых механизм перехода от интродуктивной модели к доминирующей не представлен так четко, как в

предыдущих случаях. Полная интродуктивная модель в этих случаях появляется периодически, без видимой системы:

1	Mauricio Segovia (4)	Mauricio (5)
2	Don Leoncio Maestre (13)	Don Leoncio (8)
3	Don Roberto González (7)	Don Roberto (44)
4	Doña Ramona Bragado (4)	Doña Ramona (11)
5	Ventura Aguado Sans (3) Ventura Aguado (4)	Ventura (20)
6	Nati Robles (2)	Nati (22)
7	Don Pedro Pablo Tauste (3)	Don Pedro Pablo (2)
8	Celestino Ortiz (13)	Celestino (30); Ortiz (2)
9	Don Roque Moisés Vázquez (1)	Don Roque (36)
10	Escolástica (1)	Tica (1)
11	Eloy Rubio Antifagasta (4)	Eloy (1)
12	Martín Marco (25)	Martín (162)
13	Don Ricardo Sorbedo (13)	Don Ricardo (5)
14	Don Jaime Arce (11)	Don Jaime (6)
15	Don Mario de la Vega (6)	Don Mario (12); Vega (5)
16	Consortio López (4)	Consortio (2); López (10)
17	Marujita Ranero (4)	Marujita (5); Señora de Gutiérrez (2)
18	Doña Visitación (5)	Doña Visi (49)
19	Pablo Alonso (6)	Pablo (21); Alonso (2)
20	Pura Bartolomé (1)	Purita (18); Pura (8)
21	Julio García Morrazo (12)	Julio (2); Julio García (2); El guardia García (1)
22	Merceditas Olivar Vallejo (1)	Merceditas (1); Merche (2)
23	La señorita Elvira (62)	La señorita Elvirita (2); Elvirita (9)
24	El señor Suárez (23)	Julián Suárez Sobrón, alias La Fotógrafa (1); La Fotógrafa (1); Don Julián Suárez (1)
25	Don Ibrahim de Ostolaza y Bofarull (2)	Don Ibrahim de Ostolaza (2); Don Ibrahim (33)
26	José Jiménez Figueras (1)	Pepe el Astilla (7); Pepito el Astilla (1); José Jiménez Figueras, alias el Astilla (1); El Jiménez Figueras (1)
27	Don Tesifonte Ovejero y Solana (1)	Don Tesifonte Ovejero (2); Don Tesifonte (8); Capitán Tesifonte (1); Capitán Ovejero, don Tesifonte (1)

Мы выделили несколько разновидностей подобных переходов, а также попытались проследить их возможную мотивацию:

1. «Ситуация представления» появляется несколько раз по ходу повествования тогда, когда автор считает нужным напомнить нам, кем является данный персонаж (1—7). Этот метод, по нашему мнению, является оправданным в условиях наличия более чем 200 персонажей, переплетенных сложными и запутанными взаимоотношениями. В этом случае

интродуктивная модель может сравниться по численности с обиходной (или даже опередить ее).

2. Ситуация представления немного запаздывает (8—10). Сначала автор вводит в контекст персонажа, как давно знакомого, называя его обиходным именем. В последующих главах автор возвращается к этому персонажу, представляя его полностью, вводит в текст интродуктивную модель. Например, *Celestino Ortiz* появляется в первых двух фрагментах (II,7 и II,18), названный только по имени *Celestino*. Из этих двух появлений читатель узнает только, что он является владельцем бара и кормит клиентов в долг, одновременно возмущаясь, что ему не платят. И только в третьем появлении персонажа (II,24) — вводится полное имя вместе с традиционным для К.Х. Селы описанием характера и судьбы персонажа.

3. Чередование интродуктивной и доминирующей модели связано с особым звучанием антропонима (11—14). Например, представление одного из персонажей автор намеренно затягивает, чтобы добиться более сильного эффекта. На протяжении трех фрагментов (I,13; I,35; II,35) (из пяти в которых появляется данный персонаж) автор не представляет его читателю, называя с помощью нарицательных определений: *el cobista de la mesa de al lado, el bachiller del plan de 3* и пр. Только в четвертом фрагменте писатель демонстрирует целиком его имя — *Eloy Rubio Antofagasta* и впоследствии не изменяет эту форму на более короткую и легкую в произнесении.

4. В стандартную схему перехода вмешиваются «точки зрения» других персонажей (термин Б.А. Успенского) — (15—22, а также 8, 24). Происходить такое вмешательство может и во фрагментах, формально оформленных в виде авторской речи. Если мы знаем при этом, как называют другие персонажи названное лицо, то становится возможным формально определить, чья точка зрения используется автором в тот или иной момент повествования [510, с. 49]. Например, одного из персонажей после первого представления, *Don Mario de la Vega*, автор называет по фамилии *Vega* до тех пор, пока тот участвует в унижении другого персонажа, демонстрирует свое превосходство над ним. В этом случае фамилия маркирует отстраненность, зону голоса униженного персонажа, дистанцию снизу — вверх. Затем он меняет тактику и становится человечнее, даже предлагает устроить собеседника на работу — и форма именования в авторской речи меняется на более дружественную, уважительную *Don Mario*.

Другой пример — официант в кафе у Доньи Росы, представленный как *Consortio López* далее везде именуется просто *López*, что показывает переход в «зону голоса» хозяйки кафе, которая всех служащих называет пренебрежительно по фамилии. И только когда появляется в романе его бывшая любовь, с которой он когда-то расстался, примешивается к авторской зона ее голоса и персонаж несколько раз назван по имени *Consortio*.

Тоже происходит и с девушкой, служащей в публичном доме у Доньи Хесусы. Она представлена как *Pura Bartolomé*, и автор называет ее *Purita*, когда дело касается ее профессиональной деятельности, и *Puga* во всех остальных случаях, когда она появляется просто как человек, подруга, сестра и т.д.

5. Чередование различных моделей и форм именования, связанное с «ономастической игрой» писателя. Иногда в романе можно наблюдать настоящее «жонглирование» разными формами имени, направленное на создание комического эффекта (23—27). Например, автор представляет «пожилую проститутку» *La señorita Elvira*. Донья Роса в прямой речи называет ее *Elvirita*. На основе этого именования автор создает ироническую форму имени, легкомысленную рифму, очень подходящую персонажу *La señorita Elvirita*. Затем возвращается к основному именванию. И только рассказывая о ее тяжелой судьбе, о тех испытаниях, через которые ей пришлось пройти, автор называет ее как бы по контрасту с ее ужасной судьбой, *Elvirita*, затем снова возвращаясь к обычной, доминирующей модели.

Другой пример: автор переплетает различные формы антропонимов двух персонажей нестандартной сексуальной ориентации для создания иронического контраста реальной ситуации и ее антропонимического сопровождения. В данном случае — контраст атмосферы тюремной камеры, в которой находятся задержанные мужчины, и авторского насмешливого «жонглирования» их именами, фамилиями и кличками. На протяжении нескольких эпизодов Села создает причудливые сочетания, призванные, по нашему мнению, обратить внимание читателя на поведение, не соответствующее почтенному возрасту персонажей, а также на их нелепость в окружении голода, нищеты и болезней:

«Julián Suárez Sobrón, alias la Fotógrafa, de cincuenta y tres años de edad... y José Giménez Figueras, alias el Astilla, de cuarenta y seis años de edad... están... esperando a que los lleven a la cárcel... El señor Suárez está más preocupado que Pepe, el Astilla; el Giménez Figueras se ve que está más habituado a estos lances».

«Хулиан Суарес Соброн, известный как Повариха, пятидесяти трех лет от роду... и Хосе Хименес Фигерас, известный как Сучок, сорока шести лет... ждут когда их отведут в тюрьму... Сеньор Суарес обеспокоен сильнее, чем Пепе Сучок; Этот Хименес Фигерас, очевидно, более привычен к таким поворотам».

Итак, нашим исследованием подтверждается еще одна из антропонимических тенденций классического периода в творчестве К.Х. Селы — обратно пропорциональная зависимость имени и образа. Анализ интродуктивной антропонимической модели показал, что ее трансформация в романе чаще всего связана со стилистическими и

прагматическими целями и задачами автора, а именно: напомнить читателю, что перед ним за персонаж; задержать ситуацию представления и подготовить читателя к восприятию необычного антропонима; обратить внимание читателя на интересное звучание; отразить точку зрения того или иного персонажа; создать сатирический эффект с помощью «ономастической игры».

Микроконтекст литературных антропонимов

Адекватное понимание специфики функционирования литературных антропонимов возможно только с учетом фактора контекста. При этом обычно разграничивают понятия широкого контекста культуры, а также макро- и микроконтекста литературного антропонима. Во всех случаях, когда речь идет о широком контексте культуры, представляется возможным пользоваться теперь уже традиционным термином широкий дискурс, под которым можно понимать «все тексты культуры в совокупности с прагматическими, социокультурными и другими факторами, предопределяющими социальное воздействие текстов на когнитивные процессы в сознании человека» [340, с. 248—249]. Необходимость обращения к широкому контексту культуры обусловлена спецификой антропонима как феномена языка и особенностями литературной антропонимии.

Макроконтекст литературного антропонима — это окружение исследуемой единицы, позволяющее установить ее функцию в тексте произведения как целом, а микроконтекстом называют минимальное окружение единицы, в котором она, включаясь в общий смысл фрагмента, реализует свое значение, плюс дополнительное кодирование в виде ассоциаций, коннотаций и т.д. [Там же. С. 250].

Обратимся к микроконтексту антропонимов в романе «Улей», рассмотрим их сочетание с идентификатором, этикетными словами и артиклем.

Сочетание антропонима и идентификатора

Отправной точкой исследования микроконтекстов литературных антропонимов, по мнению М.В. Калинкина, можно считать двусловные сочетания, в которых один из компонентов — антропоним, а само сочетание образует грамматическое единство, выражает цельное значение и служит обозначением [Там же].

Различные идентификаторы, называющие персонаж или упоминаемое лицо по профессии, должности, характеру семейных отношений, возрасту и т.д., широко употребляются в прозаических произведениях, позволяя автору разнообразить систему номинации персонажей (используя не только различные вариации антропонима и местоимения-заместителя). Писатель

может варьировать их применение в зависимости от цели, которую предполагается реализовать. Литературные антропонимы в процессе функционирования в художественном произведении «поглощают» семантику дескрипций и идентификаторов, сравнений, метафор, перифраз и «насыщают» за их счет собственную образно-семантическую сферу [340, с. 216].

Представляется возможным разделить идентификаторы на постоянные и единичные.

Постоянные идентификаторы представляют собой детерминативы, однословные определения, которые используются в авторской речи для того, чтобы создать образ персонажа несколькими штрихами, не прибегая каждый раз к разъяснению, кто это такой, когда и при каких обстоятельствах читатель с ним познакомился (при таком количестве персонажей, то появляющихся, то исчезающих по ходу сюжета — это важный момент). Чаще всего Села использует указатели на профессиональную принадлежность персонажа: *Segundo Segura, el limpia; Padilla, el cerillero; Pepe, el camarero; Luis, el echador; el guardia Julio García; el sereno Gumersindo Vega Calvo; Don Trinidad, el prestamista; Don Mario, el impresor; el bachiller Eloy.*

Единичные идентификаторы встречаются как в речи автора, так и в речи персонажей, и представляют собой выражение различных эмоций по отношению к денотату. Чаще всего это сочувствие: *la pobre Filo, la pobre doña Margot, la pobre Amparo*; гнев: *la bestia de González, el irreverente de José-María, la Elvira de marras, la liosa de la doña Pura* или демонстрация дружеских чувств персонажей по отношению друг к другу: *amigo Eloy, amigo Maestre, amigo Celestino, amigo don Pedro.*

Теперь рассмотрим особенности функционирования антропонимов с этикетными словами *don / doña, señor / señora.*

Испанские формулы обращения, исторически сложившиеся уже в средние века, имеют большое значение в интерпретации «информационного поля» литературного антропонима. Выбирая ту или иную формулу обращения к персонажу, писатель может маркировать возраст, социальное положение, пол персонажа и / или говорящего, обстановку общения и др.

Don / doña — в современной Испании данные этикетные слова, как правило, являются маркером социально-дистантных отношений [517, с. 53]. Рассмотрим случаи, когда этикетные слова *Don / doña* являются составной частью доминирующей модели именования. В романе «Улей» формула *Don / doña + имя* в основном употребляется по отношению к социально обеспеченным слоям населения [11, р. 420]: *Don Trinidad (García Sobrino)* — ростовщик; *Don Mario (de la Vega)* — издатель; *Don Francisco (Robles y López-Patón)* — врач и др.

Иногда автор употребляет эти этикетные слова по отношению к персонажу, еле сводящему концы с концами, но, как и во всем, в этом употреблении видна авторская интенциональность. Например, попытка обратить внимание читателя на нелепость дона Леонардо Мелендеса — персонажа, живущего «в долг» и при этом подчеркивающего свое благородное происхождение: «*Nosotros, los Meléndez...*» или, например, авторская ирония по отношению к другому персонажу, который в нищенской комнатухе декламирует академические речи: *Don Ibrahim (de Ostolaza y Bofarull)*. *Doña Isabel (Montes)* является доминирующей формулой именования женщины, которая ведет себя как королева, хотя и ходит в потертом плащике и недоедает: «*Anda como una reina... en las miradas de la gente puede haber de todo menos la indeferencia*» [47, p. 130]. «У доньи Исабель Монтес походка королевы... посетители кафе провожают ее взглядами, в которых можно прочесть всяческие чувства, кроме равнодушия...» [463, с. 152].

Также этикетные слова *don / doña* писатель использует в ситуациях представления для соблюдения языковых норм, когда нельзя употребить более нейтральное *señor*, поскольку оно сочетается с фамилией [456, с. 121], а писателю требуется полный антропоним, чтобы познакомить читателя с персонажем. В этом случае этикетное слово не входит в состав доминирующей модели именования.

Формула señor + фамилия может быть использована при симметричных отношениях в общении неблизко знакомых людей: в романе «Улей», например, так обращаются друг к другу соседи многоквартирного дома (которых общаться друг с другом заставляют обстоятельства): *Señor Suárez, señor Ostolaza, señor de Diego*.

Формула señor + имя — это просторечная форма вежливого обращения, аналогичная использованию отчества в русском языке (Петрович, Ивановна) [Там же. С. 123]. У Селы мы находим: *señor Celestino* — так называют хозяина бара «Аврора» его приятели-клиенты (полицейские родом из деревни) и служанка Петрита, которая приходит к нему каждый день за маслом.

Функционирование слова *señora* несколько отличается от его мужского аналога: оно содержит сему «семейное положение», используется только по отношению к замужней женщине или вдове [Там же. С. 124]. Села часто использует формулу señora + фамилия мужа (обычно с предлогом *de*) с целью подчеркнуть факт замужества героини. Иногда сам персонаж настаивает на такой формуле именования: например, в эпизоде, когда *Marujita Ranero*, теперь уже замужняя и уважаемая дама, разыскала своего бывшего жениха, который ее бросил, отказавшись жениться, и тем самым опозорил ее и ее родных на всю деревню, представляется: *señora de*

Gutiérrez. Этим представлением она подчеркивает факт своего удачного замужества и, таким образом, мстит бывшему жениху.

Часто формула señora + имя содержит сему почтенного возраста референта: в романе так часто обращаются к пожилым женщинам: *señora Fructuosa, señora Paulina, señora Leocadia*.

Этикетная формула señorito + имя традиционно используется применительно к сыну аристократа или — метафорически — к наследнику богатого человека [Там же. С. 125]. В романе *señorito Paco* — богатый наследник, мальчик-мажор, известный на всю округу.

Señorita + имя содержит сему «семейное положение», применяется по отношению к незамужней женщине [Там же]. Помимо официального именованья девушек, упомянутых в газете (*señorita Esperanza Moisés Leclerc, señorita Julia Moisés Leclerc, señorita Visitación Moisés Leclerc*), и надписи на надгробной плите: (*la señorita Esperanza Redondo*), Села использует это обращение в стилистических целях. *La señorita Elvira* — «пожилая проститутка», пределом мечтаний которой была больничная койка поближе к батарее центрального отопления, носит это именование как бы в насмешку. Писатель несколько раз на протяжении романа обыгрывает эту — в целом нейтральную по отношению к незамужней женщине — формулу обращения. То, представляя ее, отмечает: *Una señorita casi vieja*, то обыгрывает рифму уменьшительной формы ее имени с этикетным словом: *la señorita Elvirita*.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Села широко использует в художественных целях стилистические возможности употребления антропонимов с этикетными словами.

Также важно обратить внимание на употребление антропонимов с артиклем, поскольку в большинстве случаев в испанском языке они употребляются без артикля. Именно поэтому сочетание артикля с именем или фамилией может быть интересно как в плане лингвопрагматики, так и в социокультурном аспекте [Там же. С. 115]. В художественном произведении такое сочетание может наряду с другими средствами создания образности вносить весомый вклад в реализацию авторского замысла и создание особенной атмосферы произведения. Есть случаи, когда наличие определенного артикля не вносит дополнительных оттенков, например, при образовании множественного числа (*los Meléndez*) или в рассмотренных выше случаях употребления единичных детерминативов (*la pobre Amparo, la pobre Filo*) или в составе антропонимической модели с предлогом *de* (*Don Mario de la Vega, Josefina de la Peña Ruíz*) и др.

Но в некоторых случаях автор использует сочетание антропонима с артиклем с целью создания особой образности произведения. В современном испанском языке имя, сопровождаемое определенным артиклем, имеет фамильярный и просторечный оттенок: в романе «Улей»

так называет необразованная девушка Пурита своего младшего брата: *el Paquito*; Рикардо Сорбеда, молодой человек, не имеющий ни гроша, но пригласивший девушку в кафе в надежде, что придет его друг и заплатит за них, на сомнения девушки (а вдруг не придет, что делать будем?) говорит, подчеркивая свои дружеские отношения с богатым юношей: «*el Ramón es un chico serio ...ya verás como viene*».

Села широко использует в романе и другую особенность мадридского разговорного языка — использование определенного артикля с женским именем [Там же. С. 116]. Мария Молинер утверждает, что сочетание с артиклем женских форм имени не привносит в образ денотата деспективных оттенков [186, р. 264]. Такие имена в романе создают атмосферу мадридского просторечия, употребляясь в речи автора наравне с репликами персонажей: *La Evirita, La Eudisia, La Marujita* и т.д.

Таким образом, различные виды микроконтекста литературных антропонимов часто используются как средство достижения стилистических целей и задач автора.

Текстовые ситуации интродукции антропонимов

Анализ текстовых ситуаций интродукции в романе «Улей» показал, что Села использует следующие способы введения антропонима в контекст:

1. Одновременное введение антропонима и характеристика персонажа.

Это наиболее часто встречающаяся в романе ситуация, что, с одной стороны, подчеркивает стремление автора к коммуникативной ясности, а с другой, отражает характерную особенность идеи романа. Села хотел создать ощущение «человеческого улья» — он использовал множество персонажей, но полностью представив и охарактеризовав одного, он оставлял его и принимался за следующего. Большинство персонажей так и не появились во второй раз.

Внутри этой группы можно выделить две разновидности ситуаций:

а) Ситуация, когда наряду с антропонимом появляется авторская характеристика внешности, характера, образа жизни персонажа:

«*A don Jaime Arce, que tiene un gran aire a pesar de todo, no hacen más que protestarle letras... Don Jaime Arce es, lo más seguro, un hombre honrado y de mala suerte, de mala pata en eso del dinero. Muy trabajador no es, ésa es la verdad...*» [47, р. 82].

«*На дона Хайме Арсе градом сыплются опротестованные векселя, но он, несмотря ни на что, держится гордо. ... Дон Хайме Арсе, судя по всему, человек честный, но неудачник, невезучий в денежных делах. Очень трудолюбивым его, правда, не назовешь...*» [463, с. 120].

б) Ситуация, когда введение антропонима происходит одновременно с характеристикой персонажа через его собственные поступки или реплики (без вмешательства автора):

«Un impresor enriquecido que se llama Vega, don Mario de la Vega, se fuma un puro descomunal, un puro que parece de anuncio. El de la mesa de al lado le trata de resultar simpático.

- ¡Buen puro se está usted fumando, amigo!...

- ¿Quiere usted fumarse uno?

- ¡Hombre...!

Vega sonrió, casi arrepintiéndose de lo que iba a decir.

- Pues trabaje usted como trabajo yo.

El impresor soltó una carcajada violenta, descomunal» [47, p. 92—93].

«Разбогатевший издатель по фамилии Вега, дон Марио де ла Вега, покуривает огромную, будто для рекламы сделанную сигару. Человек за соседним столиком пробует подольститься.

- Отличная у вас сигара!...

- Вы хотели бы закурить такую же?

- О, конечно!

Вега усмехнулся, как бы заранее сожалея о своих словах:

- Так потрудитесь так, как тружусь я.

Издатель раздражается бурным, оглушительным хохотом» [463, с. 127].

2. Антропонимическая антиципация.

В романе несколько раз возникает ситуация, когда в эпизоде вводится антропоним, а характеристика персонажа представлена как бы с опозданием, в последующих эпизодах.

В одном из эпизодов сеньор Рамон, хозяин хлебопекарни, дает в долг некоторую сумму Роберто Гонсалесу, служащему: *«— No le diga nada a la Paulina. ...No es por nada, ¿Sabe? ... Aquí mando yo, como usted sabe, pero las mujeres ya las conoce usted...» [47, p. 140]. «— Ничего не говорите Паулине. ...Я это не зря сказал, вы понимаете? ...Конечно, хозяин здесь я, но эти женщины, сами знаете, какие они...» [463, с. 158—159].*

Еще не появилась его жена, сеньора Паулина, а читатель уже имеет определенное представление и о ней, и о характере ее отношений с мужем. Антропонимическая антиципация усиливает напряженность хода действия и возбуждает читательский интерес.

3. Антропонимическая ретардация.

Ситуация, когда вводится и характеризуется безымянный персонаж, некоторое время сохраняется интрига, а в одном из последующих эпизодов автор называет его по имени. Эта ситуация затянутого ожидания, активизирующая читательский интерес, очень продуктивна в плане создания необходимого автору эффекта.

Например, имя *Eloy Rubio Antofagasta* само по себе является вычурным, нелепым и обращает на себя внимание, но писателю мало этого. При первом появлении персонажа он показан объектом унижительной насмешки богатого издателя дона Марио де ла Веги и назван просто: *el de la mesa de al lado* (I, 13), *человек за соседним столиком* [Там же. С. 127]; в следующем эпизоде уточнение: *el cobista de la mesa de al lado* (I, 35), *угодливый человечек за соседним столиком* [Там же. С. 147]; затем *el bachiller* (II, 35), *бакалавр* [Там же. С. 185]. И только в третьем эпизоде (II, 40) появляется антропоним *Eloy Rubio Antofagasta*, и автор намеренно несколько раз повторяет это имя, позволяя читателю вдоволь насладиться необычным звучанием.

4. Упоминание имени без введения персонажа.

Эта ситуация очень частотна в романе и, по всей видимости, связана со стремлением автора создать атмосферу и ощущение «человеческого улья»: так, столиками в кафе доньи Росы служат надгробные плиты (*la señorita Esperanza Redondo, Sr.D. Ramiro López Puente*), имена неизвестных лиц в местной газете (*Rosario Quesada, Ramón Hermida, María Luisa del Valle, Guadalupe Gutiérrez, Marina López Ortega*), огромное количество близких и дальних родственников различных персонажей, которые не участвуют в развитии сюжета (*Paquito, Ramón, Mariana, Rosita, Julio, Pilarín, Saturnino, Fadrique; don José María de Samas, don Edmundo Páez Pacheco, la señora Josefa, Miguel Contreras, don Pío Navas Pérez* и многие другие).

Таким образом, текстовые ситуации интродукции, в особенности антропонимическая антиципация и ретардация, дают писателю значительное поле для возможных стилистических маневров.

Прагматика использования антропонимов в романе К.Х. Селы «Улей»

Виды мотивированности сюжетных антропонимов

Выбор имени обусловлен стремлением автора охарактеризовать персонаж, для чего активно используется этимологическое значение антропонимов, заложенные в нем культурные ассоциации и звуковой потенциал. Мотивированность литературного антропонима — один из центральных постулатов в теории номинации. Традиционно различают три вида мотивированности литературных антропонимов: семантическую, морфологическую и фонетическую [439; 253].

Необходимо отметить, что большая часть антропонимов в исследуемом романе не имеет ярко выраженной семантической, морфологической или фонетической мотивации, за счет того, что за этими именами нет образа персонажа. Чаще всего это фоновые, один раз

упоминаемые антропонимы, которые не связаны с сюжетом, а призваны лишь создать ощущение человеческого «улья». Подобные антропонимы участвуют в создании хронотопа — локализуют события романа во времени и пространстве, поскольку они заимствованы писателем из реальной современной ему антропонимической системы, то есть их мотивированность связана также со стремлением автора к исторической достоверности.

Семантическая мотивированность

Этот тип мотивированности наблюдается у собственных имен, обладающих дономастическим значением (термин В.А. Никонова), отчетливой внутренней формой [439, с. 44], у которых ясно прослеживается связь с семантикой мотивирующей лексемы. Мотивирующее слово способствует общей эмоциональной оценке имени, которая затем «накладывается» на восприятие образа. Подобные антропонимы не выражают главных идей произведения, но отражают субъективное, как правило, неодобрительное или ироническое отношение писателя к персонажу. Полагаясь на семантику «говорящего» онима, реципиент получает сведения об оригинальных чертах конкретного персонажа, важных для понимания литературного образа. Это может быть характеристика образа жизни, внешности, характера персонажа, его социального статуса [253, с. 13—14]. Как правило, явная мотивация обнаруживается у имен второстепенных персонажей, так как «чем меньше читательского текста отводится образу, тем большую роль в его создании играет имя» [344, с. 36]. Но этимология может актуализироваться только в контексте и должна быть рассмотрена в совокупности с ним.

Одна из главных функций художественной литературы заключается в эмоциональном воздействии на читателя. При этом писатели нередко обращаются к такой категории эстетики, как комическое. В общем случае комический эффект рождает такое отклонение, которое провоцирует возникновение добавочного смысла, второго плана, резко контрастирующего с первым. Смех вызывается несовпадением реально воспринятой информации с объективным прогнозом этой информации, когда происходит нарушение когнитивных правил. Комическим, смешным, кажется также то, что выступает сначала с видимостью превосходства и затем обнаруживает свою несостоятельность. Для возникновения чувства комизма необходимо совершающееся на глазах у человека разоблачение безосновательной претензии [331, с. 15—16]. По признанию многих критиков и исследователей творчества Камило Хосе Селы, комический эффект — бессменный атрибут практически всех его романов [130, р. 73; 171, р. 22; 220, р. 53; 17, р. 49]. Хосе Ортега, например, отмечал, что Села стал достойным продолжением целого ряда галисийских юмористов, среди которых Валье-Инклан и Фернандес Флорес [182, р. 160]. В романе «Улей» писатель соединяет несоединимое, сталкивает реальное и

воображаемое, используя все возможные средства, в том числе и семантически мотивированные антропонимы.

Среди семантически мотивированных личных имен нам представляется целесообразным выделить три группы: имен с прямой и обратной связью с образом персонажа, а также имен, связь которых с образом не прослеживается, а этимологическая мотивированность объясняется созданием эффекта комического.

1) Имена с прямой связью с образом — это антропонимы, этимология и/или значение которых соответствует характеру, внешности или образу жизни персонажа. Святцы (а, соответственно, и этимология имен) были хорошо знакомы большинству испанцев в первой половине двадцатого века, поэтому этимологические связи были ясно видны и писатель мог рассчитывать на адекватное читательское восприятие своих намеков.

В рамках этой группы можно выделить следующие подгруппы:

а) Антропонимы, в которых актуализируется только этимология имени.

Doña Pura — чистая, непорочная. Не устает подчеркивать свою чистоту и непорочность, особенно на фоне не столь безупречных окружающих.

Имя *Celestino* — небесный, божественный [102, p. 111; 5, p. 49; 89, p. 185] автор выбирает для слабохарактерного владельца бара, который, сердясь сам на себя, наливает посетителям в кредит и просит об уплате долга, мучаясь угрызениями совести. Оттенок слабохарактерности персонажу добавляет и тот факт, что традиционно используется женский вариант этого имени, а мужской звучит странно и архаично.

б) Актуализируется только значение фамилии.

Сквозь форму фамилии *María Morales* отчетливо проявляется слово *la moral* — нравственный, моральный, нравоучительный, особенно, если соотнести фамилию с поведением героини: часами наблюдая из окна за прохожими, она восклицает: «¡Ay, qué tiempos! ¡Cómo está todo el mundo!» [47, p. 289]. «Ну и времена! Повсюду один разврат!» [463, с. 262].

Полицейского, не отягощенного моральными принципами, зовут *Julio García Morrazo*. Основа второй фамилии персонажа слово *morro* — морда, рыло многократно усилена увеличительным суффиксом *-azo*. Чувствуется влияние разговорного, фамильярного выражения *tener mucho morro* — быть наглым, дерзким, бессовестным [82, p. 695].

В романе появляется также врач с актуализированной фамилией, которого зовут *don Rafael Masasana*: *la masa* — народ, толпа; *sana* — здоровый.

А также антропоним хозяйки молочного магазина, которая зарабатывает деньги, занимаясь сводничеством молодых девушек с

богатыми мужчинами, *Doña Ramona Bragado* — ее фамилия в фигуральном употреблении означает: *человек со злыми намерениями, негодяй* [82, p. 167].

в) Актуализируются и этимология имени, и значение фамилии.

Например, *don Leonardo Meléndez*: имя *Leonardo* происходит от герм. *сильный лев* [102, p. 209; 89, p. 458; 5, p. 41]; а фамилия от слова *la melena* — *львиная грива* [82, p. 664].

Don Tesifonte — *блещущий своим имуществом* [102, p. 291; 89, p. 705—706]. Автор назвал этим именем «сеньорито из деревни», не блещущего ни умом, ни общительностью, но зато хорошо обеспеченного, выделяющегося отсутствием финансовых проблем. Будучи ветеринаром, он носит фамилию *Ovejero*: от слова *oveja* — *овца*.

В имени Мартина Марко, помимо уже упомянутой семантически мотивированной фамилии *Marco* — *рамка, на которой держатся соты в улье*, потенциально может актуализироваться также сема борьбы против окружающей несправедливости, бедности, унижения: *Martín* — *воин, посвященный Марсу, богу войны* [102, p. 227; 89, p. 508; 5, p. 28]. Тот факт, что автор представлял себе персонажа как борца и пытался вложить в его имя эту идею, описывает и исследователь черновиков Селы Дарио Бильянуэба [228, p. 75].

г) Актуализируется значение словосочетания (имя + фамилия).

Чистильщик обуви, *Segundo Segura* обречен именем на то, чтобы быть вторым: *segundo* — *второй*, *Segura* < *seguramente* — *точно, с уверенностью, наверняка*.

Персонаж, уже семь лет подряд претендующий на место нотариуса, но так и не получивший его, *Ventura Aguado*. Несмотря на то, что этимологически имя *Ventura* восходит к полной форме *Buenaventura*, означающей *счастливый случай* [102, p. 299; 89, p. 163; 5, p. 30], автор, по всей видимости, желает подчеркнуть определенность перевода сочетания данной формы имени с фамилией без обращения к ее этимологии: *la ventura* — *счастье, удача*; *aguado* — *испорченный* [82, p. 51].

Некоторые прозвища в романе также мотивированы семантически, например, имеют прямую связь с внешностью персонажа. Донью Кармен, которая носит парик и ходит, будто на цыпочках, называют *Pelo de Muerta* — *волосы мертвеца* и *Saltaprados* — *кузнечик*.

2) Имена с обратной связью с образом — антропонимы, в которых этимология имени и/или значение фамилии персонажа противопоставлены характеру, внешности или образу жизни персонажа. В этой группе нами выделены следующие разновидности:

а) актуализируется только этимология имени, вступая в противоречие с образом персонажа, и создавая, таким образом, комический эффект.

Doña Rosa — один из центральных персонажей, чье имя, вызывающее несомненные ассоциации с чистотой и красотой, как внешней, так и

внутренней [104, р. 37; 102, р. 270; 89, р. 646], вступает в противоречие с образом женщины отвратительной и во внешности, и по характеру: «*su tremendo trasero... no hubiera soltado jamás un buen amadeo de plata por nada de este mundo... tiene cara llena de manchas, parece que está siempre mudando la piel, como un lagarto ...sus dientecillos renegridos, llenos de basura*» [47, р. 77—78]. «своим чудовищным задом...не выпустит из рук серебряной монеты ни ради каких радостей жизни...лицо у доньи Росы все в пятнах, похоже, что она, как ящерица, постоянно меняет кожу. ...неровные, черноватые зубы» [463, с. 117—118].

Две хозяйки публичных домов названы этимологически схожими именами со значением *спасительница*, хотя фактически род их занятий предполагает совсем обратное: *doña Jesusa* (hebr. *Salvador* [102, р. 199; 89, р. 427; 5, р. 37]), *doña Salvadora* (it. *el que salva* [102, р. 275]).

Одну из проституток в романе зовут *Purita* — *чистая*. Ее имя как бы противопоставлено профессии [130, р. 70].

б) актуализируется значение словосочетания (имя + фамилия).

Имя на надгробии девушки, погибшей во цвете лет — *Esperanza Redondo*: *esperanza* — *надежда*, *redondo* — во втором, фигуральном значении *успешный, удачный, (об успехе) полный*.

Также в романе появляется семантически мотивированное прозвище, значение которого противоположно образу персонажа, что служит прекрасной основой для создания эффекта комического: мужчину внушительного вида с густой бородой и свирепым взглядом называют *El Astilla* («щепка»).

3) Имена, в которых не прослеживается связь с образом. Эти имена также этимологически мотивированы, но их связь с мотивирующим словом прослеживается исключительно в плане создания комического эффекта, без проведения контекстовых параллелей:

а) Актуализируется только значение имени.

Например, авторская ирония заметна в имени одной из служанок: *Escolástica* («средневековая наука, схоластика»).

Появляется в «Улье» и семинарист по имени *Cojoncio* (несуществующее имя, образованное от нецензурного выражения): «*El nombre había sido una broma pesada de su padre, que era muy bruto*» [47, р. 370]. «Так зло пошутил его отец, большой грубиян» [463, с. 320].

б) Актуализируется только значение фамилии.

Много в романе фамилий, которые сами по себе создают комический эффект, например: *Leonardo Cascajo*: *el cascajo* — 1. обломки, осколки, 2. старый, больной человек, развалина, 3. старый хлам, барахло; *Fernando Cazuela*: *la cazuela* — горшок, кастрюля; *Marujita Ranero*: *la rana* — лягушка, с суффиксом, обозначающим профессию *-ero*.

Иногда компоненты двойной фамилии могут актуализироваться в сочетании друг с другом: *Vega Calvo: la vega* — 1. долина (реки), пойма; *calvo* — 1. лысый, плешивый. 2. (о местности) лишенный растительности, голый.

Морфологическая мотивированность

Этот тип мотивированности собственного имени проявляется в его определенной структурной оформленности. По мнению А.В. Суперанской, «в каком бы языке ни употреблялось имя, оно обязательно имеет основу и формант (в том числе и нулевой)» [486, с. 23]. Вот использование писателем этих формантов и определяет морфологическую мотивированность антропонимов, поскольку использование различных форм именования и обращения свидетельствует о социальном положении и о взаимоотношениях говорящего и называемого [439, с. 45]. Морфологически мотивированными считаются антропонимы, образованные путем присоединения к основе словоизменяемых и словообразовательных морфем [253, с. 14].

Морфологически мотивированные личные имена в романе можно условно разделить на две группы: а) мотивированные диминутивной формой антропонима; б) мотивированные составом антропонимической модели.

а) Мотивированные диминутивной формой антропонима.

Диминутивы, созданные с помощью уменьшительных суффиксов (-ito, -ita, ín) или супплетивной формы, используются в романе:

1. Применительно к детям:

Paquito, Emilita, Alfonsito, Rosita, Javierín и др.

2. Применительно к девицам легкого поведения личное имя в уменьшительной форме характеризует ироническое отношение к персонажу: в романе «Улей» Села независимо от возраста называет так и молодых девушек (чаще всего легкого поведения): *Marujita, Paquita, Juanita, Laurita, Petrita, Purita, Julita, Victorita*; и «пожилых проституток»: *Elvirita, Matildita*; и даже замужних женщин, которые ведут себя более чем легкомысленно: *Doña Lolita Echevarría, Doña Clarita Morales, La Marujita (Ranero de Gutiérrez)*.

3. Как маркер социального положения персонажа.

Pepe, el camarero всегда обозначен только таким, диминутивным вариантом имени, несмотря на солидный возраст. Эффект еще более усилен тем, что имя — одно из самых распространенных в Испании.

4. Как маркер семейно-родственных связей.

С помощью диминутивной формы имени мать называет сына, начинающего артиста — *Florentín (Florentino del Mare Nostrum)*. *Agustín Rodríguez Silva* также подписывает письмо к матери семейным гипокористическим прозвищем — *Tinín*.

б) Мотивированные составом антропонимической модели.

В этом случае автор активно использует прием несоответствия — основной прием создания комического:

1. Несовпадение частей антропонимической модели друг другу.

Раньше большое количество компонентов фамилии в Испании указывало на большую степень знатности происхождения ее носителя. В Средние века обладание несколькими фамилиями было доступно лишь представителям социальных верхов [534, с. 8]. Часто у Селы сложная, многокомпонентная антропонимическая модель (предложная, союзная или составная) составлена из простых, приземленных элементов, скорее простонародных, нежели аристократических: *Don José Rodríguez de Madrid, Don Francisco Robles y López-Patón, Josefina de la Peña Ruiz*.

К.Х. Села в своих произведениях часто экспериментировал с самой распространенной испанской фамилией *López*: в романе «Улей» он соединяет ее как с труднопроизносимыми и странно, необычно звучащими именами: *Consortio López, Gumersindo López*; так и с самым распространенным именем испанских бедняков: *Francisco López*.

Интересна игра Селы с именами и кличками мужчины нестандартной сексуальной ориентации, настоящие имя и фамилия которого звучат более чем достойно, в отличие от приземленного «alias»: *José Jiménez Figueras, el Astilla*.

2. Несовпадение антропонимической модели образу персонажа.

Два очень занимательных, хоть и не основных персонажа, с именами, достойными монарших особ, живут в замусоренной коммунальной квартире и постоянно недоедают: *don Ibrahim de Ostolaza y Bofarull* и его жена, *doña Genoveva Cuadrado de Ostolaza*.

3. Антропонимическая модель, отражающая семейное положение персонажа.

Чаще всего, семейное положение подчеркивается намеренно. В одних случаях это делает автор: например, называя женщин, которые ничего из себя не представляют и являются как бы «приложением» к собственному мужу: *doña Clarita Morales de Pérez, doña Genoveva Cuadrado de Ostolaza*; или в эпизоде, когда к замужней женщине (*doña Lolita Echevarría de Cazuela*) пришел любовник, и она спрятала его в корзине для грязного белья. Или же *doña Isabel Montes, viuda de Sanz* — всегда подчеркивающая тот факт, что она вдова и нуждается в особом трепетном отношении окружающих.

Также к морфологически мотивированным антропонимам можно отнести некоторые прозвища в романе. Например, прозвище персонажа мужского пола (нестандартной сексуальной ориентации) морфологически оформлено как существительное женского рода: *La Fotógrafa*.

Анализ показал, что некоторые антропонимы в романе имеют двойную морфологическую мотивированность по нескольким признакам

одновременно: *Doña Lolita Echevarría de Cazuela, doña Clarita Morales de Pérez, doña Marujita Ranero de Gutiérrez*. Эти имена мотивированы, во-первых, диминутивной формой личного имени, во-вторых, наличием указания на семейное положение в составе антропонимической модели.

Фонетическая мотивированность

Этот тип мотивированности предполагает наличие у антропонимов экспрессивности, связанной с их звуковым оформлением. Все исследователи литературных имен собственных признают вторичный звуко-символизм, то есть влияние на экспрессивность звуков и их комплексов семантики тех слов и морфем, в составе которых эти звуки и звуковые комплексы употребляются [439, с. 47].

Звуковая огласовка имени с тонкой и бесконечно разнообразной игрой оттенков позволяет полнее, ярче выразить в произведении и, соответственно, вызвать у читателя определенные впечатления, переживания, размышления. Звуковая инструментовка является существенным фактором, создающим эмоциональное содержание, как самого имени, так и произведения в целом [253, с. 10]. Часто в литературных антропонимах, когда этимология имени неочевидна, на первый план выходят акустические ассоциации, необычность, гармония или, наоборот, какофоничность звуковой инструментовки. Фоносемантический потенциал имени может выявляться с помощью скопления одних и тех же или близких звуков или звуко-сочетаний [387, с. 67]. Одна из важных функций инструментовки — сделать броским и запоминающимся имя второстепенного или эпизодического персонажа. Благодаря инструментовке имена могут приобретать яркую эмоциональную оценку: неприятно-отталкивающую, угрожающую, приторную и пр. [297, с. 58].

Причем мелодичность, приятное звучание имени обеспечивается преобладанием гласных, сонорных и звонких согласных звуков либо ритмичным сочетанием (наличие ритмизации или даже рифмы) имени и фамилии. Села пользуется приемом звуковой инструментовки повсеместно:

Jaime Arce
Celestino Ortíz
Pablo Alonso
Lorenzo Sogueiro
Rafael Sáez
Jiménez Figueras
Ramona Bragado
Rosario Quesada
Guadalupe Gutiérrez
Lola López
Celia Vecino

Exuperio Extremera
Segundo Segura
Martín Marco
Rodríguez Ronda
María Morales
Manuel Cordel
Ricardo Sorbedo
Leonardo Meléndez
Rodríguez de Madrid
Suárez Sobrón

Наше исследование позволило выделить еще одну особенность фонетически мотивированных антропонимов в романе «Улей». Путем подбора созвучных имен Села «сближает» имена влюбленных или семейных парочек: *Macario* — *Matildita*; *Pablo* — *Pura*; *Seoane* — *Sonsoles* (причем в этом случае для него это фамилия, а для нее — имя, но в то же время для обоих — доминирующие именованья).

Также фонетически сближены имена двух прачек в доме терпимости. Они совершенно разные люди, но судьбы схожи, и это подчеркнуто сближением имен: *Dorita* — *Margarita*.

Интересны случаи, когда фонетическая мотивированность антропонима выражена в непривычной огласовке имени:

Doña Margot — французская огласовка [89, р. 501] имени самой загадочной героини, которую в лучших традициях детективных романов убивают практически в самом начале повествования, но на протяжении всего текста не устают упоминать, на наш взгляд, связана именно с нарочитой нереальностью персонажа, как будто сошедшего с экрана телевизионного сериала или со страниц дешевого детектива. Это имя вызывает ассоциации с артистическим псевдонимом. По всей видимости, автор рассчитывал, что такого персонажа читатель не будет воспринимать всерьез.

Иногда фонетическая мотивированность заключается в необычности звучания имени или сочетания имен: *don Fadrique Méndez*, *Eloy Rubio Antofagasta*, *Gumersindo Vega Calvo*.

Анализ системы личных имен в романе «Улей» позволил нам выделить еще одну разновидность мотивированности антропонимов — социолингвистическую.

Социолингвистическая мотивированность

Социолингвистическая мотивированность антропонимов — это обусловленность имен теми общеязыковыми и общекультурными ассоциациями, которые связаны с именем в языковом сознании большинства носителей испанского языка и составляют социокультурную специфику антропонима.

При оживлении социолингвистической составляющей плана содержания антропонима, активизируются ассоциации с возрастом персонажа, его социальной принадлежностью и пр. Социальная маркированность имени, зачастую скрытая от иностранцев, но всегда осознаваемая носителями языка, является важным средством характеристики персонажа в художественном произведении. Тот факт, что имя может социально маркировать обладателя, отмечали многие исследователи. Например, Ю.Л. Оболенская отмечает, что в сознании испанцев имена Карлос, Исабель, Кристина, Фелипе, Фернандо, Альфонсо связаны с именами монарших особ [420, с. 217]. Такие имена, как *Demetrio*,

Manuela, Camilo, Matías, Rita, Ricarda, традиционно распространены среди рабочего класса, *Tomasa* и *Petra* обычно ассоциируются со служанками. В послевоенный период имена *José Antonio, Francisco, Camilo, Juan Bautista, Pilar, Carmen* ассоциировались с людьми, причастными к политической и социальной элите [5, p. 102].

В том случае, когда связь этих ассоциаций с образом персонажа прямая, можно говорить о том, что писатель, принадлежащий к испанскому языковому сообществу, старался вписать произведение в исторический контекст, стремился к созданию правдоподобной антропонимической картины. Здесь играет очень важную роль тот самый «странный писательский нюх», о котором Села так часто писал в своих воспоминаниях и комментариях [50, p. 10].

В романе происходит актуализация общекультурных антропонимических ассоциаций, таких как:

1) Ассоциации с возрастом персонажа. *Doña Matilde, Doña Asunción, Señora Leocadia* — эти имена в 40-е годы считались устаревшими и могли принадлежать пожилым женщинам. В романе Села наделяет такими именами только женщин в возрасте.

2) Ассоциации с социальным положением персонажа.

Имя рачительной супруги владельца хлебобулочной пекарни — *Señora Paulina* — звучит как имя хозяйки дома [5, p. 102].

Имя служанки — *Petrira* — имеет «оттенок человека из провинции, с низким социальным статусом, возможно слуги» [Там же].

Чистильщик обуви *Segundo Segura* также вполне закономерно награжден именем, которое было популярно в многодетных бедных, провинциальных семьях, называющих ребенка просто по порядковому номеру рождения — *Primo, Segundo, Tercio, Cuarto, Quinto, Fermín* [102, p. 279; 89, p. 668; 5, p. 25].

3) Фольклорные ассоциации, связанные с фамилией персонажа: *A Segura le llevan preso — Беспечность до добра не доведет* [334, с. 620]. Персонаж одалживает все свои сбережения сеньору, зная, что тот их никогда не вернет.

На актуализацию имени Мартина Марко также могут накладываться ассоциации с бедностью и бескорыстием, связанные с фольклором: *soto san Martín — все отдаст, поделится, последнюю рубашку снимет* и *soto la cara de san Martín — рваный, дырявый, лохмотья* [Там же. С. 395]. Также на реализацию потенциала этого антропонима могла оказать влияние известная испанская поговорка: *A cada cerdo le llega su san Martín — Сколько веревочке ни виться...* Это влияние становится очевидным в конце романа, когда оказывается, что Мартина ищут полицейские, чтобы арестовать.

В романе «Улей» нередко встречаются случаи, когда связь этих ассоциаций с образом персонажа обратная, то есть ассоциации антропонима

с социальным положением совершенно противоположны возникшему в воображении образу. В этом случае речь уже идет об авторской «игре» социальной окраской имени с целью создания комического эффекта. Писатель намеренно контрастирует социальные характеристики онима с нашим знанием о носителе имени собственного [331, с. 19].

Например, *doña Isabel Montes* носит традиционно монаршее испанское имя [89, р. 411—412; 82, р. 14—15; 420, с. 217], имя важных титулованных особ, а сама ходит в потертом плащике и постоянно недоедает.

«Пожилая проститутка» *Elvira* обладает именем средневековых испанских принцесс и королев, в том числе дочери Сида Кампеадора в «Песне о моем Сиде» [102, р. 144; 89, р. 264]. Это имя вызывает ассоциации с девушкой из хорошей семьи (в романе та же ассоциация возникает у ее случайного поклонника Леонсио Маестре: «...*parece así como una chica de buena familia que haya reñido en su casa*» [47, р. 120]. «Видимо, девушка из хорошей семьи, поссорилась с родными» [463, с. 145].

Помимо столкновения общекультурных антропонимических ассоциаций с образом персонажа, писатель использует и другие способы создания комического эффекта с помощью социолингвистической мотивированности имени. Например, внутри одной антропонимической модели находятся две фамилии, разительно друг от друга отличающиеся по классовым ассоциациям. Например, *Don Tesifonte Ovejero y Solana* (первая фамилия простонародная, с ироническим оттенком: от слова «*oveja*» — овца; вторая — фамилия знатного рода, известного испанского художника Гутьерреса Соланы [82, р. 1377].

Другой пример: *Cojoncio Alba* — имя образованное от нецензурного выражения и фамилия древнейшего испанского аристократического семейства [Там же. р. 1086].

Fernando Cazuela — традиционное имя испанских монархов [420, с. 217] автор использует с фамилией, в переводе означающей *кастриюля*.

Писатель также мотивирует антропонимы ассоциативной связью с другими литературными произведениями. Например, в «Улье» Мартин Марко своей подруге юности, Нати Роблес (*Nati* — сокращенная форма от имени богородицы *María de la Natividad*) говорит: «¿*Te acuerdas cuando los compañeros te llamabamos Natacha?*» [47, р. 250]. «Помнишь то время, когда все мы, твои товарищи, называли тебя *Натача?*» [463, с. 236]. В испанской огласовке имя Натача ассоциативно восходит к произведению Алехандро Касоны «Наша Наташа», которое приобрело широкую известность незадолго до войны в прогрессивных и молодежных кругах и превратило имя «Наташа» в символ современной женщины [223, р. 12; 210, р. 34].

Согласно нашим наблюдениям, создавая имена своим персонажам, Села использует все виды мотивированности, а также разнообразные их сочетания. Чаще всего это сочетание семантической и морфологической

мотивированности, например, *Don Tesifonte Ovejero y Solana*, *doña Genoveva Cuadrado de Ostolaza*, *doña Clarita Morales de Pérez*, *Marujita Ranero de Gutiérrez*, *Purita*, и др.

В антропонимиконе романа можно также выделить одновременную семантическую и фонетическую мотивированность, например, *Don Leonardo Meléndez*, *Martín Marco*, *doña Ramona Bragado*, *Segundo Segura*, *doña Pura*, *Emilio Rodríguez Ronda*, *doña María Morales* и др.

Несколько раз появляется сочетание фонетической и морфологической мотивированности. Например, *don José Rodríguez de Madrid*, *José Jiménez Figueras*, *Matildita* и др.

Имя *Segundo Segura* имеет семантическую и социолингвистическую мотивированность: в нем актуализируется значение словосочетания имя + фамилия, а личное имя вызывает ассоциации с социальным положением персонажа.

Функциональная специфика антропонимов, составляющих культурно-ономастический фон

Необходимо отметить, что в романе «Улей» нет исторически реальных действующих персонажей, присутствуют только упомянутые имена из общекультурного арсенала. Согласно нашим наблюдениям, культурно-ономастический фон в тексте романа выполняет следующие основные функции:

1. Функция хронотопа и создания атмосферы изображаемой эпохи — ориентации читателя во времени и пространстве, связи событий вымышленных с реально происходившими. Хронотопом называется существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе [258, с. 121], которая представляет собой одну из универсальных содержательных категорий текста [369, с. 74]. В этой функции чаще всего выступают единичные антропонимы (по описанной выше терминологии Д.И. Ермоловича), то есть те, которые известны большинству членов лингвокультурного сообщества и не требуют сопровождающего контекста.

Имена реальных исторических лиц того периода используются в рамках принципа речевой экономии [210, р. 8—9]. Например: «...*Radio Moscú anuncia que la Conferencia entre Churchill, Roosevelt y Stalin se ha celebrado en Teherán hace unos días*» [47, р. 391]. «*Московское радио сообщает, что несколько дней тому назад состоялось совещание между Черчиллем, Рузвельтом и Сталиным*» [463, с. 334].

«...*es una película estupenda de la Joan Crawford... es una grata comedia, muy francesa, de René Clair, o es un gran drama de Frank Capra*» [47, р. 261].

«Это потрясающий фильм с Джоан Крауфорд... очень милая комедия Рене Клера, вполне французская, это великая драма Франца Капры» [463, с. 243].

Автор создает атмосферу изображаемой эпохи различными способами, среди которых немаловажное место занимают имена святых и библейских персонажей, поскольку в послевоенном Мадриде религия и церковь играли огромную роль в жизни людей.

В романе встречаются имена библейских персонажей в составе фразеологизмов: «-*Déjelo, señor Celestino, que el pobre lo que está es pasando las de Caín*» [47, р. 206]. «*He serdimesь на него, сеньор Селестино, он, бедняга, каиновы муки терпит*» [463, с. 205].

Религиозная атрибутика присутствует во всем, органично вплетаясь в канву событий романа: отца семейства, умершего от сердечного приступа в публичном доме, приносят вдове с рассказом, что погиб он в очереди к святым мощам *cola de Jesús Medinaceli*; семинарист с определенными намерениями заманивает молоденькую девушку в поле, обещая показать изображение *San José de Calasanz* и т.д.

2. Функция косвенной характеристики действующих персонажей.

Среди антропонимов, выполняющих эту функцию, встречаются имена, относящиеся к прецедентным феноменам. Выделяют четыре типа прецедентных феноменов: прецедентные ситуации, тексты, высказывания и имена. Прецедентным именем называется «индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная, а также имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств» [311, с. 149]. В современной теории интертекстуальности прецедентное имя — это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени [362, с. 48]. Обращение любого прецедентного феномена к оригинальному тексту часто «дается намеком, отсылкой, признаком, и тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения или более крупным жизненным событием отдельные его фрагменты» [342, с. 217]. Нужно учитывать, что далеко не во всех случаях представление, стоящее за личным именем реального исторического лица может быть адекватно вербализовано. По словам Н.Д. Арутюновой, «признаковый дейксис (отсылка к носителю некоей совокупности признаков) представляет собой один из основных механизмов прагматической семантики, ресурс, которым компенсируются семантические лакуны в области предикатных слов и в то же время достигается существенное сжатие текста (описание заменяется указанием)» [247, с. 64]. Нельзя также забывать и об эффекте экспрессивности,

практически всегда возникающем при употреблении прецедентных имен для характеристики того или иного объекта. С одной стороны, использование прецедентного имени позволяет не только отнести объект к определенному классу, эталоном которого является означаемое прецедентное имя, но и эксплицировать субъективную эмоциональную оценку этого объекта говорящим [311, с. 158]. То есть такие имена, содержащие на уровне языка определенные коннотации, ассоциативные связи с характеристиками предыдущего носителя, легче всего использовать для косвенной характеристики действующих персонажей.

Интересно, что антропонимы, составляющие культурно-ономастический фон произведения, могут относиться к различным персонажам, образуя их «ономастические зоны» (подробнее про «зону голоса» героя см. [258]). Ономастическая зона — комплекс собственных имен, характерных для отражаемого участка действительности, персонажа, образа автора [399, с. 81]. Ономастическую зону персонажа составляют собственные имена, которые употребляет сам персонаж в прямой речи, а также собственные имена, употребленные в авторской речи, но относящиеся к этому персонажу [397, с. 103]. Ономастические зоны характеризуют круг интересов, духовных и нравственных поисков, а также общекультурный уровень персонажа. В.Н. Виноградова называет такие имена «ономастическими определениями» главных героев, которые позволяют при максимальной экономии речевых средств дать представление о том, каким автор видит свой персонаж, к каким историческим событиям, политическим, философским, эстетическим концепциям апеллирует. С помощью таких имен авторское произведение «подключается» к определенным культурным пластам и историческим ситуациям, привнося в произведение смысловые оттенки и расширяя его смысловое поле [297, с. 120]. С помощью антропонимов, составляющих культурно-ономастический фон, писатель может также эксплицировать свою позицию по отношению к различным историко-культурным событиям.

Чаще всего в романе «Улей» характеризуются политические пристрастия, мировоззрение или особенности характера действующих лиц. Этот вид характеристики является одним из наиболее ценных для художественного творчества, поскольку ни одним нарицательным словом не получится заменить богатейший комплекс идей, содержащийся в именах, заимствованных писателем из общекультурного арсенала. Приведем примеры: «*Celestino Ortiz guarda cuidadosamente desde hace muchos años ya un sucio y desvalido ejemplar de la “Aurora” de Nietzsche...*» [47, p. 167]. «Селестино Ортис уже много лет бережно хранит грязный, растрепанный экземпляр «Авроры» Ницше – это его настольная книга» [463, с. 177].

В данном примере персонаж охарактеризован с помощью антропонима «Ницше» в плане своей приверженности философии

«свободного духа». Кроме того, Села умело и точно обрисовывает характер хозяина бара с помощью книги этого философа (к примеру, рассказывая, что цитаты из Ницше Селестино использует невпопад и по любому поводу, а также тот факт, что «Аврору» он читает днем, а перед сном зачитывается любовными рыцарскими романами).

В этом случае использование культурно-ономастического фона характеризует не только персонажа, но и автора произведения. Франсиско Умбрал отмечал, что на мировоззрение самого Селы очень повлияли идеи Ф. Ницше [221, р. 181], а Дарио Бильянуэба, что в черновиках одной из первых редакций «Улья» были вложены несколько страниц из его книги «Аврора» [228, р. 74]. Таким образом, становится ясно, что Села не понаслышке был знаком с творчеством известного немецкого философа и его ирония была направлена, скорее всего, не на творчество самого Ницше, а на его неверное и поверхностное толкование.

Еще один пример: хозяйка кафе донья Роса восхищается Гитлером. Это имя автор вводит не случайно — одна только фраза доньи Росы о том, что она связывает свою судьбу и судьбу своего кафе с судьбой Гитлера и вермахта дает понять читателю характер и взгляды этой женщины, не прибегая к описаниям и открытому выражению авторской позиции: «*A doña Rosa le preocupa la suerte de las armas alemanas...relaciona...el destino de Wermacht con el destino de su café*» [47, р. 134]. «*Донья Роса озабочена судьбами германской армии...судьба вермахта видится ей связанной с судьбой ее кафе...*» [463, с. 155].

(напомним, что действие происходит в 1943 году в Мадриде). Таким образом, одним упоминаем имени Гитлера и германской армии в определенном контексте, Села добивается желаемого впечатления о характере доньи Росы, которое впоследствии находит подтверждение в тексте: «*Hay gentes a las que divierte ver pasar calamidades a los demás;..*» [47, р. 142]. «*Есть люди, которым доставляет удовольствие смотреть на беду других;...*» [463, с. 160]. Но прямая характеристика появляются в романе не сразу — вначале автор как бы предварительно характеризует этот персонаж, связав его с антропонимом «Гитлер».

Роман «Улей», как и многие последующие произведения Селы, рассчитан на высокий уровень эрудированности читателя, что особенно заметно в использовании имен реальных исторических личностей. Некоторые имена, как, например, Васкес Мелья, нуждаются в ссылках уточняющего характера, чтобы быть понятными массовому читателю даже в испаноязычных изданиях. «*Si Segundo Segura, el limpia, fuese culto, sería, sin duda, lector de Vázquez Mella*» [47, р. 132]. «*Будь чистильщик образованней, он наверняка зачитывался бы сочинениями Васкеса Мельи*» [463, с. 153]. Васкес Мелья — испанский политик, оратор и писатель, ярый традиционалист, умерший в 1928 г., чьи идеи и работы очень ценились в

период франкистского режима [47, р. 132]; в русском переводе: [463, с. 153]. Основные идеи Мельи состоят в том, чтобы смириться с собственным положением, покорно выполнять свою работу, а вершение судеб человечества оставить людям, предназначенным это делать. Таким образом, Села с помощью культурно-ономастического фона вносит яркий штрих в характеристику персонажа.

Политическую и общественную позицию хозяина маленького бара Селестино Ортиса писатель охарактеризовал одной фразой, содержащей антропоним, заимствованный из общекультурного арсенала: «*El dueño, que se llama Celestino Ortiz, había sido comandante con Cipriano Mera durante la guerra...*» [47, р. 167]. «*Хозяин бара, Селестино Ортис, был вместе с Сиприано Мерой во время войны командиром отряда...*» [463, с. 177]. Сиприано Мера был лидером анархистского синдиката и в войну выделился как блестящий руководитель республиканской армии [47, р. 167].

Мартин Марко читает наизусть проститутке прекрасные стихи испанских поэтов (Хуана Рамона Хименеса, в частности), что, безусловно, характеризует его не только как человека образованного, но и чувствительную, романтическую натуру: «-¿*Conoces un soneto de de Juan Ramón que empieza Imagen alta y tierna del consuelo?*» [Ibid. P. 375]. «-Ты знаешь сонет Хуана Рамона, который начинается словами: «прекрасный, нежный образ утешенья?»» [463, с. 323].

Иногда в романе культурно-ономастический фон используется в составе сравнений, метафор и метонимий. С их помощью автор добавляет образности и эмоциональности тексту:

«*Ese que acaban de echar a la calle, lo mismo es un ser genial, lo que se dice un verdadero genio como Cervantes o como Isaak Peral, que un fresco redomado*» [47, р. 110]. «*Вот выставили его на улицу, а он, может, гений, настоящий, как говорится, гений, как Сервантес или Исаак Пераль, а может, и плут бессовестный*» [463, с. 138—139].

Антропонимы, составляющие культурно-ономастический фон, легко вовлекаются в процессы переноса наименования по сходству (метонимия) и по смежности (метафора).

Наиболее часто в художественной литературе наблюдается перенос по принципу: автор — его творчество — его произведение: «*Martín no salió a la calle con la cara rota en pedazos gracias a Nietzsche*» [47, р. 262]. «*Мартин Марко ушел из бара цел и невредим лишь благодаря Ницше...*» [463, с. 244]. Конечно, речь идет не о самом Ницше (немецкий философ умер в 1900 году), а его произведении, чтение которого удержало владельца бара от расправы над Мартином.

Иногда использование культурно-ономастического фона дает писателю возможность придать эпизоду яркий иронический оттенок, а ирония по праву считается визитной карточкой произведений Камило Хосе

Селы: «*Ya, ya. Y eso que Margarita Gautier está mala la pobre. Fíjate que camelia roja lleva en la solapa*» [47, p. 192]. «*М-да, здорово. У этой Маргариты Готье и впрямь чахоточный вид, а в петлице-то, видишь, красная камелия, все как положено*» [463, с. 194]. В данном случае иронический намек автора направлен на мужчину нестандартной сексуальной ориентации, действительно носившего, на женский манер, красные камелии, прикрепленные к одежде. Этот антропоним появляется с целью высмеять подчеркнуто гомосексуальное поведение персонажа и рассчитан (как, впрочем, почти все внесюжетные антропонимы в произведениях Селы) на эрудированного, начитанного читателя, который сумеет правильно расшифровать эту литературную аллюзию.

Иногда автор использует имя из культурно-ономастического фона для косвенного указания на возраст персонажа, но внимательный читатель заметит авторскую иронию: «*...doña Ramona Bragado, una vieja teñida muy chistosa, que había sido artista allá en los tiempos del general Prim*» [47, p. 197]. «*...донья Рамона Брагадо, крашенная, но еще очень бойкая старуха...во времена генерала Прима она была актрисой...*» [463, с. 199]. В данном случае автор использует это имя как гиперболу, чтобы подчеркнуть, как все-таки давно эта женщина была актрисой [11, p. 197]. Генерал был застрелен в 1870 [82, p. 1620], а действие романа датируется 1943. Нетрудно подсчитать, что артистическая карьера доньи Рамоны имела место более чем 80 лет назад.

В романе встречается пример использования имен известных писателей для усиления сатирического эффекта в одном из эпизодов романа: при описании магазина сантехники, перед витриной которого остановился Мартин Марко, автор использует имена классиков мировой литературы:

«*...elegantes cisternas bajas donde seguramente se puede apoyar el codo, se pueden incluso colocar algunos libros bien seleccionados, encuadernados con belleza: Hölderlin, Keats, Valéry, para los casos en que el estreñimiento precisa de compañía; Rubén, Mallarmé, sobre todo Mallarmé, para las descomposiciones del vientre*» [47, p. 144—145].

«*...с элегантными бачками, на которые, наверно, очень удобно облокотиться, можно даже положить несколько хороших книг в изящных переплетах: Гельдерлин, Китс, Валери, на случай если у тебя запор и тебе нужно общество; а при расстройствах желудка – Рубен, Малларме, да, особенно Малларме*» [463, с. 161—162].

Подводя итоги, необходимо отметить, что антропонимы являются исключительно важными элементами в системе языковых средств, используемых писателем для создания своих произведений. Они обладают национально-культурной спецификой, способствующей созданию образа персонажа, а также способны актуализировать в художественном тексте различные компоненты своего семантического потенциала.

В создании антропонимического мира романа «Улей» К.Х. Села опирается на реальную испанскую антропонимическую систему и особенности функционирования испанских личных имен. С помощью антропонимов писатель создал атмосферу мадридской жизни середины XX века в соответствии с принципом исторической достоверности, акцентируя такие характерные черты, как, например, сильное влияние религии и церкви на испанское общество середины XX века.

Постепенный прогресс словаря К.Х. Селы в направлении «эсперпентизма», проявляющийся во всех слоях лексики произведений классического и постклассического периодов в творчестве писателя, более всего заметен на материале антропонимов. Наше исследование показало, что антропонимикон романа «Улей» отражает писательскую виртуозность и зрелость, а также превосходное владение лексикой. В то же время в «Улье» еще не проявился «антропонимический баррокизм» Селы, характерная черта его последующих произведений.

Системный подход (анализ парадигматических и синтагматических характеристик) в исследовании антропонимов позволяет определить их роль как важного текстообразующего средства, как ключевых слов художественного произведения. Результаты анализа антропонимикона романа «Улей» показали, что автор использует как именованные действующих лиц, так и имена, составляющие культурно-ономастический фон произведения, для решения следующих задач: с их помощью реализуется смысловое развертывание заглавия-метафоры, создается особый колорит произведения, атмосфера «человеческого улья», демонстрируется мировоззрение изображаемой эпохи, определяются хронотопные рамки произведения, то есть происходит локализация событий во времени и пространстве. При этом количественный и качественный состав различных типов антропонимов действующих лиц (в том числе диминутивов, прозвищ и псевдонимов) в целом соответствует общим тенденциям антропонимикона других произведений классического периода в творчестве Селы, в частности, заметна обратно-пропорциональная зависимость между антропонимом и значимостью персонажа.

Анализ трансформации исходной, интродуктивной антропонимической модели показал, что чаще всего она связана с использованием автором «зоны голоса» различных персонажей, с принципом экономии речевых усилий, а также с различными стилистическими задачами автора, например, с желанием акцентировать необычное звучание антропонима или создать комический эффект с помощью причудливого переплетения различных форм личных имен персонажей.

Наше исследование подтвердило необходимость учета фактора контекста при анализе литературных антропонимов. Важен как

микрконтекст (употребление антропонимов с этикетными словами, артиклем и различными типами идентификаторов), способствующий адекватному воплощению авторских интенций, так и макрконтекст, способствующий реализации семантического потенциала личных имен в художественном произведении. Различные типы текстовых ситуаций интродукции (в особенности ситуации антропонимической антиципации и ретардации) также несут на себе значительную часть стилистической нагрузки. С их помощью автор активизирует читательский интерес.

Анализ типов мотивированности антропонимов действующих лиц показал, что большая часть личных имен в исследуемом романе мотивированы принципом исторической достоверности. Это фоновые антропонимы, которые не связаны с сюжетом, и, будучи заимствованными писателем из реальной, современной ему антропонимической системы, призваны лишь создать ощущение человеческого «улья», а также установить хронотопные рамки произведения.

Писатель широко использовал каждый из выделяемых исследователями типов мотивированности — семантическую, морфологическую и фонетическую, а также различные их сочетания. У семантически мотивированных антропонимов прослеживается прямая или обратная связь образа персонажа с семантикой мотивирующей лексемы, при этом встречаются также имена, мотивированные исключительно создаваемым комическим эффектом вне связи с образом персонажа. Морфологически мотивированные антропонимы актуализируют в тексте произведения свою структурную оформленность — уменьшительный вариант имени обладает большим стилистическим потенциалом, что объясняет преобладание этого типа мотивированности в тексте романа, — а также состав антропонимической модели. У фонетически мотивированных антропонимов обнаруживается наличие экспрессивности, связанное со звуковым оформлением антропонима: аллитерация, ассонанс, какофония, а иногда и просто непривычная огласовка имени, использованная в стилистической функции.

Результаты нашего исследования позволили нам выделить еще одну разновидность мотивированности антропонимов в художественном произведении — социолингвистическую, предполагающую актуализацию в тексте произведения заложенного в имени социокультурного потенциала, общеязыковых ассоциаций. Эти ассоциации могут быть связаны с литературными произведениями, фольклором, а также с социальным положением и возрастом именуемого лица.

Антропонимы, составляющие культурно-ономастический фон произведения, используются в романе «Улей» в двух основных функциях — создания хронотопа и атмосферы изображаемой эпохи, а также косвенной

характеристики политических пристрастий, мировоззрения или особенностей характера действующих персонажей.

К сожалению, стилистический и прагматический потенциал антропонимов теряет свою силу при переводе произведения на иностранный язык, поскольку только носители испанского языка в полной мере обладают тем ассоциативным рядом, на который рассчитывал писатель, создавая антропонимический мир своего романа. Только они воспринимают целиком весь семантический потенциал личного имени, в том числе его культурно-специфичные компоненты, и потому способны распознавать сигналы содержательно-подтекстовой информации, содержащиеся в личных именах. Таким образом, нерешенным остается вопрос о том, как сохранить при переводе богатейший комплекс имплицитной информации, содержащийся в личных именах.

§ 2. АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КАК ОТРАЖЕНИЕ НОМИНАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (В.В. Корнева)

Основные подходы к изучению функционирования антропонимов в художественном дискурсе

Бурное и разностороннее развитие литературной ономастики в отечественной лингвистике в последние десятилетия (см. обзор в [352]) вряд ли является случайным. Этому способствовал, на наш взгляд, целый ряд факторов. С одной стороны, признание антропоцентричности языка и, как следствие этого, становление антропоцентрической научной парадигмы и развитие когнитивной лингвистики с ее пристальным вниманием к тому, как человек познает окружающий мир и как результаты этого познания закрепляются и отражаются в языке и порождают новые структуры знания. С другой стороны, в фокусе внимания ученых по-прежнему остается текст с его содержательными и конструктивными категориями. В результате этого произошло разграничение понятий «текст» и «дискурс», в основу которого положены разные критерии, в том числе критерий дифференциации понятий «продукт речевой деятельности» и «речевая деятельность» (о других толкованиях данных терминов см., например, [526; 529]).

С этой точки зрения изучение функционирования имен собственных в разных типах дискурса представляет особый интерес в силу разных причин. Во-первых, оно наглядно демонстрирует всю сложность и многообразие форм именования референта, присущих конкретной лингвокультуре. Во-вторых, исследование антропонимического пространства разных типов дискурса, отражающих те или иные сферы использования языка, позволяет выявить вариативность использования антропонимов в дискурсивной деятельности коммуникантов и вскрыть причины этой вариативности.

В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы изучение антропонимов в художественном дискурсе дает возможность определить не только ономастическую зону персонажа, понимаемую как совокупность всех антропонимических форм именования персонажа действующими героями произведения, включая автора (подробнее см. [397]), но и выявить номинативные стратегии коммуникантов, проявляющиеся в выборе антропонимических моделей. Для этого важно учитывать прагматически значимые условия протекания дискурсивной деятельности.

Традиционно к их числу относят такие факторы, как формальный и неформальный регистр общения, симметричные и асимметричные отношения коммуникантов, а также степень их знакомства (см., например, [526]). Наряду с этим прагматически значимыми как в реальной действительности, так в художественном дискурсе, являются и другие условия коммуникации. В частности, для реализации речевого акта, в

котором осуществляется номинация референта, релевантными, на наш взгляд, являются такие факторы, как интериоризованная и экстериоризованная ситуации общения (термин наш — В.К. [360]), то есть оценка позиции говорящего им самим как находящегося внутри или вне описываемой ситуации а также «степень конфиденциальности общения», под которой мы понимаем наличие или отсутствие третьих лиц.

Для анализа вариативности моделей антропонимического обозначения одного и того же референта в художественном дискурсе, кроме того, следует разграничивать случаи номинации конкретного референта не только разными лицами, но и одним и тем же лицом.

В свою очередь осознание причин выбора разных номинативных стратегий при обращении к одному и тому же лицу позволяет определить, во-первых, роль и место референта в том или ином коллективе; во-вторых, «этикетное» и истинное отношение к персонажу; в-третьих, динамику отношений сюжетных персонажей произведения.

Обращение к данному аспекту проблемы изучения литературных антропонимов представляется особенно актуальным и перспективным, ибо оно отвечает духу времени и тем современным требованиям анализа языкового материала, которые сложились в лингвистике в последние годы. Между тем обзор литературы показывает, что, несмотря на важность изучения литературных антропонимов с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы, за редким исключением (см., например, работы А.А. Фомина [520]) в исследовании функционирования имен собственных в художественном дискурсе доминирует либо традиционный структурно-семантический подход, в рамках которого анализируются состав именника произведения, его типология и вариативность, а также количественное преобладание форм именованного персонажа, либо «литературоведческий», когда в центре внимания ученых оказывается семантика имен персонажа и формы их употребления как средство создания образа, либо их сочетание.

Следует, однако, иметь в виду, что писатель, создавая художественную действительность, в то же время художественными средствами отражает реальную действительность. Данное обстоятельство позволяет анализировать антропонимы в ономастическом пространстве произведения не только как средство создания художественного образа и раскрытия замысла произведения, но и как особый лингвокультурный феномен, занимающий особое место в языковой картине мира этноса. Исследования такого рода обладают большой объяснительной силой. В частности, они способствуют осознанию и объяснению парадоксальности ситуации с антропонимами, о чем неоднократно писал Ю.А. Рылов: с одной стороны, данные языковые единицы относятся к периферии картины мира, а с другой стороны, по вариативности форм имени собственные значительно превосходят возможности апеллятивных имен [448]. Одна из

причин этого кроется в том, что разные грани человеческого бытия (человек как член определенного социума — этноса и других социальных групп и объединений (семья, родственники, друзья, знакомые, сослуживцы и т.д.), место человека в этом коллективе, его социальный и возрастной статус, его отношения с другими членами и многое другое) маркируются антропонимическими формами именования.

Сказанным также объясняется, почему антропонимы занимают особое место в структуре произведения. Они служат не только когерентности текста, но и указывают на социальный статус и возраст персонажа, на характер его взаимоотношений с другими членами социума, на возможную динамику этих отношений. Следовательно, комплексный анализ антропонимических моделей номинации персонажей в художественном дискурсе воссоздает особенности их функционирования в реальной действительности, их коммуникативно-прагматическую нагруженность, особенно очевидную на фоне разных форм именования конкретного референта разными персонажами в меняющихся ситуациях общения.

Таким образом, неоспоримая значимость имен собственных в раскрытии идейно-художественного содержания произведения, в создании образа персонажа и художественной картины автора, а также в отражении этнокультурной специфики картины мира конкретного народа подтверждает правомерность введения в научный оборот вслед за Ю.А. Рыловым термина «антропонимический код в художественном дискурсе» [448].

Антропонимические модели номинации персонажей в художественном дискурсе

Предметом нашего рассмотрения являются антропонимические формы именования персонажей в произведении классика испанской литературы Бенито Переса Гальдоса «Донья Перфекта» (1843—1920).

Творчество Бенито Переса Гальдоса критики вполне обоснованно считают идейно-художественной вершиной классического реализма XIX в. в испанской литературе. Обратившись к литературной деятельности в канун революции 1868—1874 гг., Гальдос стремится в своих произведениях осмыслить, прежде всего, причины, содержание и итоги революции, что заставило писателя обратиться к истории. В лучших романах писателя цикла «Национальные эпизоды», посвященных войне против Наполеона, выявились новаторские черты созданного Гальдосом типа исторического романа-эпопеи, в котором судьбы вымышленных и реальных исторических персонажей оказываются лишь отражением судьбы испанской нации, а главным действующим лицом исторических событий становится народ,

причем центральным конфликтом, определяющим движение истории, оказывается столкновение между старой и новой Испанией. В 70-х годах, в идейной и эстетической борьбе на первый план выдвигался конфликт между новым и старым обществом, лежавший в основе и многих произведений ранних регионалистов. Внимание именно к этому конфликту объяснялось не только тем, что недавно завершившаяся революция справедливо осмыслялась как острейшее его выражение, но и тем, что в 70-е годы в стране шла гражданская война (1872—1876), в которой сторонники претендента на испанский престол Карла VI отвергали компромисс, достигнутый после революции.

Этот конфликт в еще более острой форме стоит в центре одного из первых романов Гальдоса, посвященного современности: «Донья Перфекта» (1876). Данное произведение относится к первому, «идеологическому или концептуальному», периоду творчества Гальдоса, которого переполняла жажда борьбы с засильем церкви в испанском обществе. В романе он рассматривает историю противостояния инженера Пепе Рея, человека передовых научных взглядов с представителями религиозного фанатизма и ханжества, религиозного обскурантизма и мертвых традиций Испании (Донья Перфекта, Дон Иносенсио).

Роман относится к жанру, называемому в Испании «*novela de tesis*», т. е. откровенно тенденциозного социального романа, и этому подчиняется вся стилистика произведения: использование исключительно резких красок, без каких-либо полутонов; акцентирование в облике персонажей, их характере какой-нибудь одной ведущей черты, нередко подчеркиваемой ироническим смысловым именем (например, Перфекта — совершенная, Иносенсио — невинный). Основной объект критики в этом романе — ханжеская религиозная мораль, клерикальная и политическая реакция. Появление этого романа вызвало настоящий общественный скандал и было встречено со стороны «традиционалистов» яростными нападениями, обвинением писателя в безнравственности и подрыве общественных устоев. Если реакционерам и не удалось запретить продажу романа, то они все же добились запрещения его во всех учебных заведениях.

Этот роман Гальдоса, будучи подлинно новаторским произведением, оказал большое влияние на испанскую и мировую литературу, способствовал дальнейшему развитию испанского критического реализма.

Выбор именно данного произведения в качестве предмета исследования объясняется несколькими причинами, и прежде всего тем, что наряду с несомненными художественными достоинствами роман Гальдоса «Донья Перфекта» отличается богатством антропонимикона. Это находит свое отражение как в вариативности имен обозначения референта, так и в разнообразии и многочисленности используемых антропонимических моделей (формул).

Важно подчеркнуть, что в романе «Донья Перфекта» личные именованья героев и их формы принадлежат к реальной общезыковой системе испанского языка, что усиливает их выразительность. Читатель понимает, что действие романа разворачивается в Испании XIX века не только по описываемым автором историческим событиям, но и по именам персонажей, которые соответствуют реальному именнику конкретной исторической эпохи, а также по используемым антропонимическим моделям (формулам).

Вполне очевидно, что выбор реальных имен собственных и способов их функционирования объясняется не только вкусами и предпочтениями автора, но и жанром художественного произведения, его принадлежностью к определенному литературному направлению – критическому реализму. Роман «Донья Перфекта» принадлежит к циклу социально-бытовых романов, в котором автор безжалостно критикует деспотический реставрационный режим Кановаса дель Кастильо.

Предваряя анализ ономастического пространства данного произведения, необходимо сделать некоторые замечания о реальном антропонимиконе Испании.

Личные именованья героев романа Б. Переса Гальдоса «Донья Перфекта» и реальная антропонимическая система Испании

Вполне очевидно, что выбор реальных имен собственных и способов их функционирования в художественном дискурсе объясняется не только вкусами и предпочтениями автора, но и жанром художественного произведения, его принадлежностью к определенному литературному направлению – критическому реализму в нашем случае. Как отмечают исследователи, каждый писатель употребляет собственные имена в соответствии со своим творческим методом и конкретными идейно-художественными задачами, стоящими в том или ином произведении. «На употреблении имен, – пишет В.Н. Михайлов, — лежит печать определенной эпохи, литературного направления, классовой позиции автора. Одно и то же имя может служить разным целям» [400, с. 54]. Сказанному однако не противоречит тот факт, что все художники слова черпают антропонимический материал из реального ономастикона, присущего конкретной лингвокультуре в определенный исторический период его развития.

В романе «Донья Перфекта» личные именованья героев и их формы принадлежат к реальной общезыковой системе испанского языка, что усиливает их выразительность. Читатель понимает, что действие романа разворачивается в Испании XIX века не только по описываемым автором

историческим событиям, но и по именам персонажей, которые соответствуют реальному имени конкретной исторической эпохи, а также по используемым антропонимическим моделям (формулам).

Антропонимическая система Испании, как уже отмечалось ранее, характеризуется тем, что полный официально регистрируемый антропоним является трехкомпонентным. Он состоит из имени (одного или двух) и двух фамилий — фамилии отца и фамилии матери [456]). Нерегламентированное количество имен (либо одно, либо два), а также структура последних (простое и двойное) приводят к тому, что чисто формально только сочетание разных типов имен может дать трехкомпонентную модель. Например, полное имя внесюжетного персонажа романа «Донья Перфекта» *Manuel María José* представляет собой сочетание первого гибридного имени *Manuel María* и второго простого *José*. Если же учитывать все многообразие форм полной парадигмы антропонима, включающей как официально регистрируемое имя (полное), так и его производные обиходные варианты — гипокористические и диминутивные имена, то количество форм именования референта, имеющийся в распоряжении коммуникантов, многократно возрастает. Попутно заметим, что сам факт наличия многочисленных и разнообразных форм личного имени может служить доказательством того, что в процессе коммуникации личное имя выполняет не только индивидуализирующую и идентифицирующую функцию, но и прагматическую, причем выбор той или иной формы именования может характеризовать как адресата, так и адресанта.

Следует также иметь в виду, что именование героя в рамках произведения, как и реального человека в разных ситуациях общения, в испанской лингвокультуре осуществляется не только с помощью антропонимов и их функциональных субститутов (разного рода апеллятивов), но и с помощью так называемых этикетных слов. В роли последних чаще всего употребляются слова *Don / Doña, Señor / Señora*, а также *Señorito* и *Señorita* и некоторые другие, о чем будет сказано позже.

Семантика и прагматика этикетных слов

Система формул обращения, сложившаяся в Испании еще в средние века, как отмечают исследователи, была строго упорядоченной. Она отличалась тем, что отражала социальную дифференциацию общества и четко регламентировала употребление тех или иных этикетных форм в зависимости от социального статуса референта. В частности, формула *tío + имя*, узувальная по отношению к низшим слоям общества, противопоставлялась формам *don, vuestra merced, su señoría, su excelencia*, маркировавшим привилегированных представителей высшего общества в зависимости от знатности происхождения и занимаемых должностей.

Формула же *Señor / Señora* и *Señorito / Señorita* была наиболее универсальной (подробнее см. [83; 87; 159; 517; 456]).

С течением времени система форм именования с этикетными словами претерпела существенные изменения. Прежде всего, она значительно упростилась, особенно в устном регистре общения (правда, в ситуациях официального общения в высших эшелонах власти некоторые формы еще сохранились (подробнее см. [83; 517; 359]).

В официальном и обиходно-разговорном регистрах общения в качестве традиционных форм вежливости в современном испанском языке используются сочетания антропонима со словами *Don / Doña* и *Señor / Señora*.

Нормативными являются сочетания *Don / Doña* + имя и *Señor / Señora* + фамилия, которые исследователи относят к числу социально-дистантных апеллятивов, маркирующих асимметричные отношения (см., например, [517; 456]). По мнению Н.М. Фирсовой, наиболее релевантными семами данных этикетных формул являются «почтительность» и «престижность». Кроме того, сочетания *Don / Doña* + имя обладают семами «старшая возрастная группа», «высокое социальное положение» (подробнее см. [517, с. 53]).

Сочетания слова *Don* с разными антропонимами обладают разной прагматикой. В частности, они могут указывать на социальный статус и социально-ролевые отношения коммуникантов.

Социально-престижной является форма *Don* + имя (полная форма имени), например, *Don Miguel, Doña Isabel*, тогда как сочетание данного этикетного слова с уменьшительно-ласкательной формой личного имени *Don Miguelito, Doña Isabelita* встречается в фамильярном регистре общения [517, с. 56].

Отличительной особенностью слов *Don / Doña* является то, что они не обладают синтагматической автономией и никогда не употребляются самостоятельно. Для них характерны лишь сочетания либо с именем собственным, либо с полной моделью именования, включающей не только имя, но и фамилию: *Don Manuel, Don Manuel García, Doña María José, Doña María José Eiriz*.

Другой традиционной этикетной формой именования человека в испанском языке является *Señor / Señora*, которую чаще всего можно услышать в речи представителей средних слоев населения [См.: 168, р. 1377]. Нормативным является сочетание формы *Señor* с фамилией референта (или с именем и фамилией). Однако в языковом узусе нередко встречается форма *Señor* в сочетании с именем референта. Исследователи отмечают, что подобное употребление характерно в основном для сельской местности, для малообразованных людей, в речи которых оно выступает как формула вежливости (см., например, [517] и др.).

В культурной среде подобные выражения могут приобретать иронический оттенок.

Следует отметить, что в употреблении этикетных лексем *Señor* и *Señora* отчетливо проявляется гендерный фактор: данные языковые единицы различаются не только категорией рода референта, но и сферой своего использования. В отличие от обращения *Señor* аппеллятив *Señora* в абсолютном большинстве случаев сочетается не с фамилией, а с личным именем адресата (*Señora Encarnación, Señora Sofía*). Важно, что в этом случае отсутствуют коннотации ироничности [517, с. 43; 456].

В современном узусе в значительной мере выбор формы обращения *Señor / Señora* обусловлен прагматикой асимметричных ролевых отношений коммуникантов и узуален в достаточно ограниченном количестве коммуникативных ситуаций, а именно, «начальник — подчиненный» (при официальном регистре общения) и «знакомый — незнакомый» (при обиходно-разговорном регистре). Как отмечает Н.М. Фирсова, «нарушение регламентированных правил вежливости ведет к повышению экспрессивности высказывания и порождению отрицательной оценки в отношении личности адресата» [517, с. 56]. Однако ранее — в 19 и первой половине 20 века — данные формы использовались гораздо чаще в самых разных контекстах речевого общения, о чем свидетельствуют, в частности, данные анализа текстов художественных произведений.

Обращает на себя внимание тот факт, что выявленные семантические и функционально-прагматические отличия этикетных слов *Don / Doña* и *Señor / Señora* находят свое отражение не только в их нормативной сочетаемости с разными типами личных имен (то есть либо с именами, либо с фамилией), но и в других синтагматических свойствах. В частности, своеобразие слов *Don / Doña* проявляется также в том, что в отличие от слов *Señor / Señora* они не обладают полной автономией и никогда не употребляются самостоятельно; кроме того, они не сочетаются с артиклем. Для слов *Don / Doña*, повторим, характерны лишь сочетания либо с именем собственным, либо с полной моделью именованья, включающей не только имя, но и фамилию: *Don Manuel, Don Manuel García, Doña María José, Doña María José Eiriz*.

Отличительной особенностью функционирования испанских антропонимов является возможность их одновременного сочетания с двумя этикетными словами *Señor / Señora* и *Don / Doña*. При этом слова *Señor / Señora* имеют фиксированную позицию — только перед словом *Don / Doña* и сочетаются они уже не с фамилией, а с именем референта: *Don Manuel — Señor Don Manuel; Doña María José — Señora Doña María José, Doña María José Eiriz — Señora Doña María José Eiriz*.

Для этой формы именованья с двумя этикетными словами, как и для антропонимических формул с одним этикетным словом *Señor / Señora*, в

определенных коммуникативных ситуациях характерно наличие артикля (определенного).

Заметим также, что, как показывает анализ научной и художественной литературы, формы такого рода были особенно частотными в предшествующие эпохи. В частности, они характерны для 19 века при номинации лиц высокого социального статуса. В настоящее время их употребительность падает. Тем не менее, и сейчас в Испании в письменной форме официально-деловой речи принято обращение *Señor don / Señora doña*, которое, по мнению Н.М. Фирсовой, возникло с целью восстановления прежней ценности и престижности референциального титула *don / doña* (см., например, [517; 359]). На наш взгляд, этому способствуют и другие факторы, главным из которых является экспансия форм обращения на «ты» (см. об этом [517; 448]). Использование же этикетных слов в актах номинации предполагает обращения на «вы».

Приведенные факты подтверждают правомерность слов Ф. Матте Бона, который отмечает, что испанский язык обладает весьма многочисленными средствами для обозначения лиц в процессе коммуникации [159, р. 1]. К числу основных тенденций употребления личных имен в современном испанском языке можно отнести следующее.

При обращении и назывании хорошо известного референта употребляется личное имя (крестильное имя) или имя и фамилия:

Salvador Allende fue presidente de Chile de 1970 a 1973.

¿Puedo hablar con Adela? Soy Jorge.

Употребление одного только имени свидетельствует о близких доверительных отношениях между коммуникантами или между коммуникантами и лицами, о которых идет речь.

При более формальных (дистантных) отношениях между людьми в разговоре о третьих лицах (такую коммуникативную ситуацию мы обозначаем термином «ситуация называния») используются имя и фамилия либо только фамилия. В этих случаях фамилии обычно предшествует слово *сеньор/а* или другой титул, указывающий на аристократичность происхождения или на род занятий референта. Имя же вводится словом *дон / донья*. Если одновременно употребляются имя и фамилия обозначаемого лица, то могут использоваться оба слова *сеньор/а дон / донья* либо только второе *дон / донья*.

Принципиально важным нам представляется следующее замечание Ф. Матте Бона о выборе форм именования референта, которое зависит не только от личного отношения говорящего к объекту номинации, но и от отношения к нему других участников коммуникации. В частности, если речь идет о человеке, с которым у говорящего близкие доверительные отношения, а отношение других собеседников к данному лицу либо к самому говорящему более дистантное (формальное), то для его номинации

часто используются имя и фамилия [159, р. 1]. Следовательно, в случае неоднозначного отношения участников коммуникации к объекту речи либо к самому адресанту приоритетной оказывается более дистантная позиция и говорящий выбирает более формальные модели обозначения референта (заметим, что речь идет о ситуации называния).

Таким образом, отдельные формы именованья являются нормативными (например, сочетания *Дон / донья + имя, Сеньор/а + 1фамилия*), другие оказываются стилистически маркированными (*дон / донья + диминутивная форма имени* — фамильярное; *сеньор/а + фамилия* — просторечное и др.).

Следует также иметь в виду, что формы и частотность употребления разных антропонимических моделей для обозначения одного и того же референта как в реальной жизни, так и в контексте произведения, обладают несомненным прагматическим эффектом.

Система антропонимических формул в ономастическом пространстве испанского языка

Роль персонажей в структуре произведения может подчеркиваться разными средствами. Одним из таких средств является антропонимическая модель (формула), под которой понимаются разные формы именованья референта. Разветвленная система антропонимических формул, принятая в испанском обществе, в частности, наличие двойного имени, двух фамилий, а иногда и прозвища, а также возможность использования онимных обозначений как с этикетными словами *Дон / донья, Сеньор / Сеньора*, псевдоэтикетными *Дядя / тетя*, так и без них, позволяют варьировать и играть именами в зависимости от намерения коммуникантов. Согласно нашим данным, теоретически для именованья одного и того же референта в испанском языке возможно использование следующих антропонимических моделей:

1) <i>Дон / донья</i> + 1имя + 1фамилия + 1 фамилия;	7) <i>Сеньор/а</i> + 1фамилия + 1фамилия;
2) <i>Дон / донья</i> + 1имя + 1фамилия;	8) <i>Сеньор / Сеньора</i> + 1фамилия;
а) <i>Дон / донья</i> + 1полное имя + 1фамилия;	9) <i>Сеньор / Сеньора</i> + 1имя;
б) <i>Дон / донья</i> + 1гипокористическое имя + 1фамилия;	10) <i>Сеньорито / Сеньорита</i> + 1имя;
3) <i>Дон / донья</i> + 1имя;	11) 1 имя простое:
4) <i>Сеньор/а дон / донья</i> + 1имя + 1фамилия + 1фамилия;	а) полное;
5) <i>Сеньор/а</i> + 1имя + 1фамилия;	б) гипокористическое;
6) <i>Сеньор/а дон / донья</i> + 1имя;	в) диминутивное;
	12) два имени — сложное двойное
	13) сложное двойное;
	а) первое имя;
	б) второе имя;

- 14) гибридное имя;
- 15) имя + 1 фамилия;
- 16) имя + 1 фамилия + 1 фамилия;
- 17) 1 фамилия;
- 18) 1 фамилия + 1 фамилия;

- 19) 1 прозвище;
- 20) *Дон / донья* + прозвище;
- 21) *Сеньор / Сеньора* + прозвище;
- 22) *Дядя / тетя* + 1 имя

Приведенные данные, на наш взгляд, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что испанский язык действительно обладает богатейшей системой средств антропонимического обозначения референта. Из всего этого разнообразия форм именования, присущих испанской лингвокультуре, писатель использует лишь те, которые соответствуют его стилю и методу, его эпохе и которые вместе с тем достоверно отражают реальное функционирование антропонимов в повседневной действительности.

Вариативность и частотность онимных номинаций в художественном дискурсе

В раскрытии идейно-художественного замысла произведения и создания образа персонажа антропонимам принадлежит важное место. Исследователи неоднократно отмечали, что роль ономастикона в тексте произведения трудно переоценить. При этом они подчеркивали, что связь антропонимикона с текстом художественного произведения является сложной, многослойной и проявляется на всех уровнях организации художественного текста, в том числе и на семантическом, проявляясь в виде неразрывной связи личного имени и художественного образа. «Организирующая роль ономастического пространства в структуре художественного текста, — подчеркивает В.Н. Михайлов, — обуславливается системностью этого пространства: группировкой имен собственных по лексическим разрядам в зависимости от семантической функции, их словообразовательными особенностями, стилистической принадлежностью, отношением к категории узуальности, степенью экспрессивности» [400]. Все перечисленные факторы так или иначе отражаются в художественном произведении и играют важнейшую конструктивную роль в передаче человеческих отношений, оттенков интимности, официальности, возрастных оценок и иных оценочных характеристик действующих лиц.

Следует однако иметь в виду, что характер взаимоотношений персонажей и их статус и положение в разных микрогруппах весьма убедительно демонстрируются не только с помощью описаний, но и с помощью разнообразных форм именования, меняющихся в зависимости от ситуации общения.

Отметим также, что наряду с вариативностью онимых номинаций персонажа значимым является также их частотность.

Формы и частотность употребления разных антропонимических моделей для обозначения одного и того же референта в контексте произведения обладают несомненным прагматическим эффектом.

В связи с этим представляется целесообразным выделить и проанализировать не только антропонимические модели, используемые автором для называния своих героев (персонажей 1 и 2 плана), но и сопоставить их, с тем чтобы выявить роль именуемых лиц в структуре художественного текста.

Согласно критерию частотности употребления антропонимов главным героем романа «Донья Перфекта» Б. Переса Гальдоса является Пепе Рей. Важно при этом, что данный персонаж не только называется максимальное количество раз — 251 (здесь и далее нами учитывались только антропонимические формы именованья), но и то, что для его обозначения используются самые разнообразные антропонимические модели, как с этикетными словами, так и без них.

В частности, анализ произведения позволил выделить 9 форм именованья Пепе Рея, 6 из которых представляют антропонимические модели с этикетными словами и 3 — антропонимические модели без этикетных слов:

- 1) Дон + 1 имя (полное и гипокористическое) + 1 фамилия;
- 2) Дон + 1 имя ((полное и гипокористическое);
- 3) Сеньор дон + 1 имя (полное и гипокористическое);
- 5) Сеньор + 1 фамилия
- 6) Сеньор + 1 имя (полное);
- 7) Имя:
 - гипокористическое;
 - диминутивное;
- 8) Имя (гипокористическое) + 1 фамилия;
- 9) 1 фамилия.

Не отмеченными в тексте произведения для называния главного героя являются следующие 3 антропонимические модели:

- Дон + 1 имя + 1 фамилия + 1 фамилия;
- Сеньорито + имя;
- Полное имя.

Выявленная «лакунарность» форм именованья Пепе Рея объясняется разными причинами. В частности, формула Дон + 1 имя + 1 фамилия + 1 фамилия, как уже отмечалось выше, представляет собой полную антропонимическую модель, которая используется главным образом в

разного рода юридических документах, в сугубо официальном регистре общения (подробнее см. [456; 517; 470] и др.). В ситуациях же повседневного общения, которые описываются в романе, обычно функционируют антропонимические модели не с двумя официально регистрируемыми фамилиями человека, а только с одной.

Что касается модели *Señorito +1 имя*, то следует иметь в виду следующие обстоятельства. Во-первых, этикетное слово *señorito* применимо по отношению к молодому богатому человеку аристократического происхождения (см., например, см. [456; 517; 168; 87]). Во-вторых, оно используется в асимметричных ситуациях общения (нижестоящий → вышестоящий). В-третьих, наличие имени в постпозиции к апеллятиву *señorito* сигнализирует о близком знакомстве коммуникантов (вспомним, что в романе М. Делибеса «Los Santos Inocentes» ‘Святая простота’ слуги называют своего молодого хозяина именно так — *señorito Ivan*). Наш же герой Пепе Рей для орбахосского общества человек новый. Следовательно, можно полагать, что отсутствие модели *Señorito +1 имя* **Señorito José*⁴ среди антропонимических форм обозначения Пепе Рея выступает как маркер универсальной архетипической оппозиции «свой — чужой».

Лакуарность полного имени героя среди многочисленных форм его обозначения определяется высоким социальным статусом Пепе Рея. Как известно, в разных ситуациях неофициального регистра общения могут использоваться либо полное имя (или два имени), либо его обиходные формы (гипокористическое или диминутивное). Тот факт, что в тексте романа Пепе Рея никогда не называют одним только полным именем *José* (последнее встречается только в формулах с этикетными словами), свидетельствует не только о высоком социальном статусе героя, но и о том, что в описываемое Б. Пересом Гальдосом время даже в неофициальных ситуациях повседневного общения узуальным было употребление полного имени с этикетными словами.

На протяжении всего романа можно заметить, что Пепе Рея называли по-разному, что подчеркивается формой имени. При описании главного героя ономастическая зона автора не совпадает с ономастической зоной родных, близких и знакомых Пепе Рея, которые называют его всегда по-разному (или в иной терминологии ономастическую зону называют ономастическим пространством, некоторые исследователи употребляют термин ономастикон, что означает сумму имен собственных, употребляющихся в языке данного народа для именованя реальных, гипотетических и фантастических объектов, см. [387, с. 52]). Так, дядюшка Ликурго — слуга Доньи Перфекты, тетки Пепе Рея, называет его сеньором доном Хосе:

⁴ Здесь и далее знаком * отмечены антропонимические модели, не представленные в анализируемом произведении.

«Уверяю Вас, сеньор дон Хосе, — энергично прибавил лакедемонский законодатель, — они правильно поступили. К чему еще судить этих мошенников?»

Очевидно, что слуга использует эту форму обращения к герою, маркируя социальную дистанцию, разделяющую их. С одной стороны, слуга, а с другой стороны, инженер-аристократ. Асимметричная ситуация общения этих двух персонажей представлена в виде оппозиций «старший — младший», «низкий социальный статус — высокий социальный статус». Доминирующим является отношение не по возрасту, а по социальному положению. Именно поэтому в устах слуги несмотря на неформальный регистр общения в разговоре с Пепе Реем используется подчеркнута вежливая форма Сеньор + дон + имя *Señor Don José*.

Интересно заметить, что по отношению к хозяйке, имеющей тот же социальный статус, что и Пепе Рей, дядюшка Ликурго использует антропонимическую модель не с двумя этикетными словами Сеньора + донья + имя, а с одним донья + имя — *Doña Perfecta*. Тем самым автор подчеркивает характер отношений между дядюшкой Ликурго и Пепе Реем, с одной стороны, и дядюшкой Ликурго и Доньей Перфектой, с другой стороны. Очевидно, что у слуги и хозяйки отношения более близкие, чем с ее племянником Пепе Реем. В то же время подчеркнута вежливая форма обращения *Señor Don José* не мешает дядюшке Ликурго строить козни за спиной Пепе Рея.

Тетя Пепе Рея, донья Перфекта, в разговоре с племянником часто употребляет однокомпонентную модель антропонима, выраженную в уменьшительно-ласкательной форме — *Пепито*:

«Смотри, *Пепито*, предупреждаю тебя, если дурно отзовешься о нашей церкви, мы рассоримся».

Такая форма имени выбрана неслучайно. Подобным обращением Донья Перфекта выражает свое нежное отношение к племяннику. Форма имени и диминутивный суффикс подчеркивают приоритетность позиции Доньи Перфекты, которая поучает племянника. Кроме того, здесь маркируются отношения «старший — младший», формой имени Пепито донья Перфекта желает показать, что она старше, опытнее и мудрее.

Племянник же дона Иносенсио, Хасинто, обычно называет главного героя, используя этикетную форму именованья по фамилии: Сеньор + де + фамилия:

«Ах, сеньор де Рей, — неожиданно произнес юноша, — нельзя безнаказанно оскорблять религиозные чувства большинства нации...».

Совершенно очевидно, что антропонимическая модель Сеньор + де + фамилия маркирует более дистантные отношения коммуникантов, чем другие модели с этикетными словами *сеньор дон Хосе* или *дон Хосе*.

Возможно, с помощью холодного обращения «сеньор де Рей» Хасинто дает главному герою понять, что их отношения остаются строго официальными.

В некоторых случаях главного героя называют также *сеньор дон Хосе*, *сеньор де Рей*, *Пепе*. Например, дон Иносенсио и Хасинто обычно при обращении к Пепе Рею называют его сеньором доном Хосе или сеньором де Реем:

Дон Иносенсио: «*Если я во время наших споров чем-то обидел сеньора дона Хосе, то умоляю простить меня...*».

Форма имени создает статус героя, например, обращения сеньор де Рей, сеньор дон Хосе могут сигнализировать как об уважении к герою, так и о его высоком положении в обществе.

Таким образом, читателю открывается широкое разнообразие различных моделей антропонима в пределах одного имени, раскрывающее тончайшие оттенки взаимоотношений действующих персонажей романа.

Отметим также, что в романе отсутствуют антропонимические формулы с прозвищами, поскольку автор не наделил героя прозвищем, равно как не употребляются модели с псевдоэтикетным словом *tío*, чему препятствует высокий социальный статус Пепе Рея.

Анализ всех форм именования героя (примеры см. выше) показал, что наибольшим разнообразием отличаются антропонимические модели с этикетными словами Дон и Сеньор. Всего в тексте романа, как уже отмечалось, выделено 6 таких моделей именования Пепе Рея, тогда как антропонимических моделей без этикетных слов вдвое меньше (3 модели).

Следует однако заметить, что частотность употребления антропонимических моделей с этикетными словами не велика, о чем свидетельствуют приводимые ниже количественные показатели (всего 70 примеров, тогда как количество антропонимических моделей без этикетных слов больше в два с половиной раза — 181 пример). По частотности употребления можно выделить следующие формы именования главного героя произведения — Пепе Рея:

Таблица № 2.

Антропонимические модели именования Пепе Рея

Имя + фамилия	
А) полное имя + фамилия	-
Б) гипокористическое имя + фамилия	Pepe Rey 70
В) диминутивное имя + фамилия	-
Имя	
А) полное	-
Б) гипокористическое	Pepe 76
В) диминутивное	Pepito1, Pepillo 2

1 фамилия	Rey 31
Сеньор дон + имя полное	Señor don José 35
Сеньор дон + 1 гипокористическое имя	Señor don Pepe 5
Сеньор дон + 1 диминутивное имя	-
Сеньор дон + 1 имя + 1 фамилия	Señor don José de Rey 1
А) Сеньор дон + полное имя + фамилия	-
Б) Сеньор дон + гипокористическое имя + фамилия	-
В) Сеньор дон + диминутивное имя + фамилия	-
Сеньор + полное имя	Señor José 1
Сеньор + (де) 1 фамилия	Señor de Rey 12 Señor Rey 1
Дон + 1 имя	
А) Дон + 1 имя полное	Don José 11
Б) Дон + 1 имя гипокористическое	Don Pepe 2
В) Дон + 1 имя диминутивное	Don Pepito 2
Дон + 1 имя + 1 фамилия	
А) Дон + 1 полное имя + 1 фамилия	-
Б) Дон + 1 гипокористическое имя + 1 фамилия	Don Pepe Rey 1
В) Дон + 1 диминутивное имя + 1 фамилия	-

При анализе наиболее частотных антропонимических моделей, используемых в произведении для называния Пепе Рея, обращает на себя внимание тот факт, что абсолютное большинство составляют формулы без этикетных слов (они составляют 181 случай употребления из 251). Более того, в них употребляется не полное, а гипокористическое имя (либо только имя (*Pepe* — 76), либо гипокористическое имя в сочетании с фамилией *Pepe Rey* 70). Именованное героя только по фамилии тоже довольно частотно (*Rey* 31).

Среди вежливых формул лидируют номинации с двумя этикетными словами Сеньор дон + оним. Преимущественно используется модель Сеньор дон + имя. Как правило, в этой модели дается полное имя (*Señor Don José* — 35 случаев употребления), тогда как диминутивная форма имени отмечена только одним примером (Сеньор дон + 1 диминутивное имя — *Señor Don Pepe* 5).

Последней модели несколько уступают по частотности 2 модели с именем. Одна из них — двухкомпонентная модель с 1 этикетным словом Дон (Дон + 1 имя — *Don José* — 11 случаев употребления), а вторая — однокомпонентная модель с диминутивной формой имени (представленная в тексте произведения двумя суффиксальными формами — *Pepito* (1) и *Pepillo* (2)).

Наименее употребительными оказались более развернутые модели, включающие наряду с одним или двумя этикетными словами дон или сеньор дон + имя + фамилия референта: Дон + 1 гипокористическое имя + 1 фамилия (*Don Pepe Rey*) и Сеньор дон + 1 имя + 1 фамилия (*Señor Don José de Rey*). Они использовались в тексте по одному разу.

Выявленное разнообразие и вариативность антропонимических моделей номинации главного героя романа, на наш взгляд, объясняется действием целого ряда факторов.

К числу таких факторов применительно к исследуемому материалу можно отнести прежде всего следующие:

- регистр общения (неформальный);
- социально-ролевые отношения коммуникантов (симметричные и асимметричные);
- степень близости коммуникантов (знакомые — малознакомые — незнакомые, с одной стороны, и родственники — не родственники, с другой);
- интериоризованная и экстериоризованная ситуации именованного референта (термин В. Корневой — [360]; первая характеризует непосредственное общение коммуникантов, в котором используются антропонимические формы обращения; вторая исключает номинируемый субъект из числа участников коммуникации. Формы именованного субъекта в экстериоризованной ситуации могут как совпадать с формами, используемыми в интериоризованной ситуации, так и отличаться от них).

Кроме того, следует учитывать прагматические пресуппозиции использования моделей именованного, аффективное и нейтральное обозначение референта, отражение в актах номинации оппозиции «свой — чужой».

С учетом вышесказанного прокомментируем выделенные модели именованного Пепа Рея, их частотность и вариативность, а также причины их выбора в зависимости от конситуации (контекста).

Как отмечалось ранее, в романе наблюдается абсолютное преобладание формул без этикетных слов с гипокористической формой имени (которые, напомним, составляют 181 случай употребления из 251). Данное обстоятельство, на наш взгляд, можно объяснить следующими причинами.

Во-первых, главным для выбора данных форм именованного являются не только и не столько неформальный регистр общения, сколько симметричные социально-ролевые отношения коммуникантов, а также степень их близости.

Согласно принятым в испанском обществе того времени нормам обиходная форма имени была характерна для внутрисемейного общения и правом называть человека гипокористическим именем обладали прежде всего родственники, а также близкие друзья. Поэтому совершенно естественно, что героя романа называют Пепе и его отец Хуан Рей, и его тетя Донья Перфекта, и его двоюродная сестра Росарио.

Гипокористическая форма имени, по мнению исследователей, лишена коннотаций (см., например, [332; 433]) в отличие от диминутивных форм, аффективных по своей сути (заметим, что только Донья Перфекта в начале романа называет своего племянника *Пепито* и *Пепильо*). Следовательно, использование в романе гипокористической формы имени главного героя подчеркивает тот факт, что Пепе принадлежит к числу «своих» по линии кровного родства.

Рассказчик (он же автор произведения), от лица которого ведется повествование, также именует этого персонажа Пепе. Правда, он гораздо чаще использует не однокомпонентную, а двухкомпонентную антропонимическую модель — гипокористическое имя + фамилия *Pepe Rey* (напомним, что это самая частотная модель именования героя в романе). Тем самым сознательный выбор рассказчиком данных форм именования сигнализирует читателю о духовной близости автора и героя, о том, что Пепе Рей «свой» для Б. Переса Гальдоса по своим жизненным идеалам и убеждениям.

Справедливости ради отметим, что наряду с указанными выше антропонимическими формулами автор прибегает и к более обезличенной форме обозначения главного героя, называя его по фамилии — *Рей*. Тем не менее использование даже такой формы по отношению к персонажу с высоким социальным статусом является свидетельством близости автора и его героя.

Как уже говорилось выше, для номинации героя в романе используются 6 антропонимических моделей с этикетными словами Дон и Сеньор. Названные формы отличает то, что они функционируют в неформальном регистре общения знакомых и незнакомых людей в симметричных и асимметричных ситуациях общения.

Наиболее формализованной является модель с двумя этикетными словами и именем и фамилией референта. Номинация *Señor Don José de Rey* встречается в романе 1 раз. Ее использование характерно при общении незнакомых и малознакомых людей. Неслучайно Педро Лукас, слуга доньи Перфекты, приехавший встречать ее племянника на вокзал, обращается к тому с вопросом: *¿Señor Don José de Rey?* Употребление в составе этикетной модели не только имени, но и фамилии героя в ситуации знакомства вполне закономерно, поскольку такая модель обладает

максимальной дифференцирующей силой. Кроме того, она указывает на дистанцированность коммуникантов.

Примечательно, что в дальнейшем Педро Лукас обращается к Пепе Рею как человеку, занимающему более высокое социальное положение, все также почтительно вежливо, однако использует он уже другую модель *Señor Don José*. Лишь однажды, в минуту опасности, слуга доньи Перфекты называет героя более простой этикетной формой *Señor José*, которая имеет просторечный характер (см. об этом [453, 456; 517]).

Следует заметить, что модель *Señor Don* — самая частотная из этикетных формул именованя Пепе Рея. Ее употребительность в романе обусловлена тем, что она функционирует как в асимметричных ситуациях общения, типа рассмотренных выше, так и в симметричных. *Señor Don José* — так обращается к Пепе Рею при встрече дон Каэтано — его давний знакомый, деверь (свояченик) его тети; так называют его и другие герои романа — Дон Иносенсио, Хасинто. И в том, и в другом случае с помощью модели *Señor Don José* актуализируется высокий социальный статус референта.

На дистанцированность же героев романа, на их принадлежность к разным лагерям может указывать этикетная модель Сеньор + фамилия *Señor de Rey*, которая в устах противников Пепе Рея — Дона Иносенсио, Хасинто, Кабальюко звучит подчеркнуто вежливо и отстраненно по сравнению с формой *Señor Don José*, используемой теми же персонажами, но при иных обстоятельствах.

Таким образом, анализ антопонимических моделей именованя главного героя подтверждает мнение ученых о том, что к числу факторов выбора формул номинации персонажа относится не только антропонимическая система эпохи, изображенной в произведении, и антропонимическая система, современная автору, но и характер взаимоотношения коммуникантов.

Обратимся к рассмотрению форм именованя других персонажей произведения Гальдоса.

Как уже отмечалось, роман Б. Переса Гальдоса назван по имени его главной героини «Донья Перфекта», которая оказывается основной движущей силой в развертывании описываемых в романе событий, которые лишь на первый взгляд кажутся внутрисемейной драмой, но в контексте произведения приобретают огромное социальное звучание. Автор на примере истории одной семьи демонстрирует всю сложность, драматизм и даже трагизм противостояния нового и старого.

Значимость данного персонажа в развитии сюжета романа трудно переоценить. Б. Перес Гальдос неслучайно сравнивает Донью Перфекту с полководцем, поскольку именно она оказывается тем человеком, который и сам плетет интриги и в руках которого оказываются все нити заговора

против Пепе Рея, олицетворяющего новую, прогрессивно мыслящую Испанию, осознающую необходимость перемен в стране и внедрения для ее процветания достижений научно-технического прогресса.

Значимость героини в структуре романа выражается разнообразными средствами, в том числе и антропонимическими. Донья Перфекта многократно появляется на страницах произведения: в целом в тексте Донья Перфекта упоминается 145 раз, занимая таким образом 2 место после Пепе Рея по частотности антропонимической номинации.

В то же время и общее количество онимной номинации данного персонажа, и количество антропонимических формул, используемых для ее обозначения, значительно уступает антропонимическим номинациям Пепе Рея. В частности, в тексте произведения используются только 5 антропонимических моделей. При этом обращает на себя внимание тот факт, что подавляющее их большинство составляют антропонимические модели с этикетными словами — 4 из 5.

Схематично полученные результаты анализа форм номинации героини можно представить следующим образом.

Таблица № 3.

Антропонимические модели именованя доньи Перфекты

Донья + 1имя + 1фамилия + 1 фамилия	Doña Perfecta Rey de Polentinos 1
Донья + 1имя + 1фамилия	Doña Perfecta Polentinos 2
Донья + 1 имя	Doña Perfecta 122
Сеньора донья + 1 имя	Señora Doña Perfecta 9
1 полное имя	Perfecta 11

Малочисленность антропонимических формул без этикетных слов, используемых автором для называния доньи Перфекты (в частности, отсутствие в тексте романа гипокористических и диминутивных форм имени героини, равно как и отсутствие формул с фамилией — имя + фамилия или только фамилия, частотные при номинации Пепе Рея), с одной стороны, и многочисленность антропонимических формул с этикетными словами, с другой, в контексте произведения не могут быть случайными и объясняются разными причинами.

Употреблению гипокористических и диминутивных форм имени героини препятствует ее высокий социальный статус — представительница самого знатного рода в Орбахосе, она обладает реальной властью в городе и, по ее собственным словам, имеет связи в столице. Кроме того, она старшая в своей семье и имеет взрослую дочь. Данным обстоятельством обусловлено, очевидно, также то, что в романе только брат Доньи Перфекты, а также автор называют ее по имени (причем, используется полная форма имени!).

Отсутствие же обозначений данного персонажа по имени и фамилии или только по фамилии свидетельствуют, на наш взгляд, о другом — об индивидуальности героини (Донья Перфекта одна такая в городе!), а также — и это главное — о том, что она «своя» для обитателей Орбахосы.

В свете сказанного особо следует остановиться на анализе антропонимических формул с этикетными словами, используемых автором для называния доньи Перфекты. Необходимость тщательного изучения данных форм именования героини обусловлена, во-первых, их оппозицией антропонимическим моделям без этикетных слов; во-вторых, их количеством, которое, хотя и уступает количеству этикетных антропонимических номинаций Пепе Рея, тем не менее достаточно велико. Это особенно очевидно на фоне этикетных форм обозначения других персонажей романа (ср. Пепе Рей — 6 этикетных антропонимических номинаций, донья Перфекта — 4, остальные герои — в лучшем случае 2 или 1 этикетная форма). В-третьих, принципиально важным оказывается анализ «качественной составляющей» используемых антропонимических формул, то есть выбор этикетных форм из числа возможных.

Для большей наглядности сопоставим этикетные антропонимические номинации Доньи Перфекты и Пепе Рея.

Таблица № 4.

Антропонимические модели именования Доньи Перфекты и Пепе Рея

Антропонимические модели	Донья Перфекта	Пепе Рей
Дон / Донья + 1имя + 1 фамилия + 1 фамилия	1	—
Дон / Донья + 1имя + 1фамилия	2	1
Дон / Донья + 1имя	122	11
Сеньор дон / Сеньора донья + 1имя + 1фамилия	—	1
Сеньор дон / Сеньора донья + 1имя	9	35
Сеньор / Сеньора + 1фамилия	—	13
Сеньор / Сеньора + 1имя	—	—

Как видно из приведенных данных, антропонимические модели с этикетными словами, используемые автором для именования главных героев романа Доньи Перфекты и Пепе Рея, существенно различаются и количественно, и качественно.

Прежде всего отметим те модели, которые не совпадают и употребляются для номинации только одного персонажа. В частности, для обозначения героини романа Б. Перес Гальдос использует полную антропонимическую модель (имя + 2 фамилии) *Doña Perfecta Rey de Polentinos*), основной сферой функционирования которой, как уже говорилось, является сугубо формальный, «документальный», по

определению некоторых авторов, регистр общения (см., например, [332]). В романе же описываются принципиально иные — неформальные отношения в неформальных ситуациях общения: читатель узнает о Донье Перфекте либо непосредственно, наблюдая за ней и ее действиями в стенах собственного дома в окружении родственников, друзей, знакомых и слуг, либо слышит отзывы о ней от других людей, включая автора произведения. Тем не менее, повторим, Гальдос считает целесообразным ввести в контекст повествования полное имя героини — *Doña Perfecta Rey de Polentinos*.

Возможным объяснением этому служит семантика и ассоциативный потенциал компонентов полной антропонимической модели именования персонажа, которые удивительным образом взаимодополняют друг друга и подчеркивают разные качества героини. Как уже отмечалось ранее, имя Перфекта указывает на внутреннее, а также внешнее совершенство; фамилия Рей — высокое положение, превосходство и власть; фамилия Полентинос, по созвучию со словом *opulento* ‘богатый, роскошный’, может символизировать роскошь и богатство. Таким образом, полное имя героини актуализирует высшую степень проявления таких признаков, как красота, власть и богатство.

Возможно также, что наличие в рассматриваемой модели наследуемой от отца фамилии Рей подчеркивает родственные связи главных героев романа — Доньи Перфекты и Пепе Рея.

На этом фоне примечательными кажутся следующие обстоятельства. Во-первых, то, что Пепе Рей по линии матери также носит фамилию Полентинос, однако автор ни разу не использует этот оним для называния героя. Во-вторых, в тексте представлена и другая неполная антропонимическая модель именования героини с одной фамилией — Донья Перфекта Полентинос. Употребление в составе онимной номинации второй фамилии, как представляется, не только подчеркивает замужний статус героини, но и размежевание, дистанцированность главных героев вплоть до полного антагонизма (в самом деле, чисто формально в номинациях *Пепе Рей* и *Донья Перфекта Полентинос* нет ничего общего). Их отчужденность нарастает по ходу действия романа и достигает своего апогея, когда Донья Перфекта, отставив свои интересы и убеждения, пренебрегает родственными связями и приказывает убить Пепе Рея.

Отсутствие в числе средств номинации Доньи Перфекты моделей *Сеньор / Сеньора + 1 фамилия* и *Сеньор дон / Сеньора донья + 1 имя + 1 фамилия*, довольно частотных при обозначении Пепе Рея, очевидно, обусловлено тем, что героиня романа для жителей Орбахосы своя, тогда как Пепе Рей для них чужой. Использованию же просторечной формы *Сеньора + 1 имя* (**Сеньора Перфекта*) препятствует высокий социальный статус героини.

Сопоставление частотности одних и тех же моделей номинации главных героев романа позволяет уточнить сделанные ранее выводы о значимости тех или иных антропонимических формул для раскрытия характера взаимоотношений персонажей произведения.

Согласно полученным данным, доминирующей моделью именования героини романа является этикетная форма донья + I имя (именно так называется произведение «*Донья Перфекта*»). Формула *Донья Перфекта* встречается в тексте произведения 122 раз из 134 случаев употребления антропонимических моделей с этикетными словами, тогда как по отношению к Пепе Рею она используется только 11 раз. И наоборот, доминирующей этикетной моделью обозначения Пепе Рея является форма Сеньор дон + I имя (35 случаев употребления); аналогичная модель *Сеньора донья Перфекта* представлена в тексте лишь 9 раз.

Учитывая прагматическую нагруженность доминирующих этикетных моделей и большую дистанцированность коммуникантов, использующих формулу Сеньор Дон / Сеньора Донья + I имя по сравнению с формулой Дон / Донья + I имя, представляется правомерным утверждать, что самый факт использования разных этикетных форм для обозначения главных героев романа является средством указания на их идейное размежевание. Следовательно, в контексте произведения данные модели служат для выражения оппозиции «свой — чужой» и делают еще более очевидным факт противостояния героев.

Дочь Доньи Перфекты, кроткая, набожная **Росарио**, по количеству онимных номинаций (112 случаев употребления) занимает в романе 3 место после Пепе Рея. Столь высокая частотность употребления имени героини объясняется ее ролью в романе. Хотя сама Росарио практически не предпринимает никаких активных действий (в полном соответствии с именем — она полностью подчинена воле матери), тем не менее именно она оказывается тем человеком, который круто изменил жизнь и планы главного героя: сначала Пепе Рей по настоянию отца приезжает в Орбахосу для того, чтобы познакомиться со своей двоюродной сестрой, возможной будущей невестой; там он влюбляется в Росарио и начинает страдать от того, что ему не удастся видеться с ней; позже, под натиском обстоятельств, Пепе Рей решает уехать из ненавистного города, но по просьбе Росарио остается и в конце трагически погибает от рук убийцы. Склонная к душевным расстройствам, девушка не выдерживает смерти любимого и сходит с ума. Можно полагать, что слова Росарио, сказанные Пепе Рею: «*Если ты уедешь, я умру*», фактически сбываются: она навсегда покидает реальный мир и уходит в мир фантазий и вымысла.

При анализе онимных обозначений юной героини обращает на себя внимание тот факт, что частотность номинаций не всегда прямо пропорциональна количеству используемых для этого антропонимических

формул. В частности, в данном случае 112 случаев употребления онима представлены лишь 3 антропонимическими моделями (правда, 1 модель имеет варианты).

Характер взаимоотношений Росарио и других персонажей романа отчетливо проявляется в частотности используемых онимных номинаций, которые выглядят следующим образом.

Таблица № 5.

Антропонимические модели именования Росарио

Антропонимические модели	Росарио
Простое полное имя	Росарио 71
Имя диминутивное	Росарито 31 Росарильо 6
Сеньорита +1 имя	Сеньорита Росарио 3
Донья +1 имя диминутивное	Донья Росарито 1

Нет ничего удивительного в том, что среди номинаций героини лидирует антропонимическая модель без этикетных слов, представленная в виде вариантов — полное имя (71) и диминутивная форма имени с суффиксами — *-ito* (31 примеров) и *-illo* (6 примеров). Этому способствуют, прежде всего, такие факторы, как неформальный регистр общения и юный возраст Росарио.

Известно, что во внутрисемейном общении и при общении хорошо знакомых и близких людей этикетные формулы, как правило, не используются и собеседников, младших по возрасту, в том числе младших членов семьи, обычно называют по имени (поскольку реализуются асимметричные отношения «старший — младший»). Тем самым актуализируется близкая социальная дистанция коммуникантов.

Диминутивная же форма имени не только подчеркивает близкую социальную дистанцию коммуникантов, но и дружеское отношение, симпатию и любовь людей, которые называют героиню *Росарито* и в ситуации непосредственного общения, и в ситуации отсутствия референта.

В то же время антропонимические формулы с этикетными словами маркируют более дистантные отношения героев произведения, а также актуализируют иные характеристики героини. Модель Сеньорита + имя сеньорита Росарио, с помощью которой маркируется и возраст героини, и прежде всего то, что она незамужняя девушка.

Следует заметить, что Пепе Рей при первой встрече с девушкой, о которой он много раз слышал и которая приходится ему двоюродной сестрой, также называет ее *сеньорита Росарито*. В дальнейшем однако он использует уже другие формы обозначения референта — либо стилистически нейтральное полное имя *Росарио*, либо аффективно маркированное диминутивное имя *Росарито*. Тем самым сама форма

именования героини сигнализирует о принципиально ином характере отношений двоюродного брата и сестры, о растущем чувстве симпатии и все большей близости между ними.

Номинации героини с использованием этикетной формы Сеньорита + имя сеньорита Росарио и Донья + имя Донья Росарио типичны в речи слуг и других зависимых от Доньи Перфекты лиц (дядюшки Ликурго, Кабальюко и др.). При этом первая форма *Сеньорита + имя*, как уже говорилось, маркирует семейное положение героини, тогда как вторая *Донья + имя* подчеркивает высокий социальный статус Росарио и актуализирует асимметричные отношения коммуникантов (высокий социальный статус девушки — низкий социальный статус слуг). Кроме того, обе антропонимические модели могут сигнализировать об уважительном отношении коммуникантов к Росарио как представительнице знатного рода и богатой наследнице.

Что касается различных антропонимических моделей с этикетным словом Сеньора (типа):

- а) *Сеньора донья + Имя + I фамилия + I фамилия* ;
- б) *Сеньора донья + Имя + I фамилия*;
- в) *Сеньора донья + Имя*;
- г) *Сеньора + I фамилия + I фамилия*;
- д) *Сеньора + I фамилия*;
- е) *Сеньора + I имя*,

то невозможность их использования по отношению к молодой незамужней девушке регламентирована многовековым узусом и нормами испанского речевого этикета и не нуждается в дополнительных комментариях.

Принципиально другими причинами объясняется отсутствие в тексте произведения онимных номинаций героини, в состав которых входит фамилия (то есть таких моделей, как: а) *имя + I фамилия*; б) *имя + I фамилия + I фамилия*; в) *I фамилия*; г) *I фамилия + I фамилия*). Некая отчужденность, дистанцированность говорящих и референтов онимной номинации, присущая данным формам, в корне противоречит той всеобщей атмосфере доброжелательности, симпатии и любви, которую испытывают к дочери Доньи Перфекты все действующие лица романа и сам автор.

Важно отметить, что Росарио одна из немногих персонажей романа, к которой все относятся хорошо. Поэтому в большинстве случаев ее называют только по имени, тем самым подчеркивая искреннее, доброжелательное отношение к ней всех действующих лиц, которое она заслужила своим кротким характером. Все считают ее своей, а потому ее социальный статус «*señorita*» в романе не подчеркивается. В то же время довольно частотна в романе уменьшительно-ласкательная форма антропонима Росарито:

«Печаль, обычно омрачавшая лицо Росарито, в эту минуту показалась Пене такой глубокой, что его охватило сильное волнение».

Употребление имени в уменьшительно-ласкательной форме показывает не только нежное чувство Пепа Рея к героине романа, но и отношение остальных героев произведения, а также самого автора к Росарио.

Таким образом, анализ онимных номинаций Росарио показывает, что использование одних антропонимических моделей и неиспользование других выступает как прагматический фактор, выражающий оппозицию «свой — чужой». Подавляющее большинство антропонимических формул, используемых для названия данной героини, положительно маркированы или по крайней мере нейтральны.

Антропонимические модели именования Росарио свидетельствуют о том, что она одна из немногих, если не единственная из персонажей романа, которая у всех без исключения вызывает добрые чувства. Видимо, причиной этого является то, что присущие Росарио скромность, доброта, кроткость и набожность, с одной стороны, и тонкий вкус, предупредительность, а также умение окружить теплотой и заботой, с другой — это те качества, какими должна обладать, по мнению испанского общества, сеньорита — будущая жена, мать и хозяйка дома.

Отметим также тот факт, что частотность номинаций не всегда прямо пропорциональна количеству используемых антропонимических формул. В частности, 112 онимных обозначений персонажа представлены лишь 3 антропонимическими моделями (правда, в модели с диминутивной формой имени есть варианты).

Другой юный герой романа — **сеньорито Хасинто**. С одной стороны, он выступает как своеобразный антипод и соперник Пепа Рея. Как отмечает автор, у Хасинто *«было все для того, чтобы стать публичным человеком, всеми уважаемым, занимающим довольно высокое положение в обществе, повторяющим заученные фразы, а также цитирующим знаменитых ученых и философов»*.

Оба героя молоды, образованны, оба являются претендентами на руку и сердце Росарио.

С другой стороны, Хасинто оказывается близок другому персонажу — Росарито. Их объединяет, прежде всего, то, что они дружат семьями и, хотя это остается за «кадром» романа, можно предположить, что они давно и близко знакомы.

В тексте произведения читатель знакомится с Хасинто в ситуациях неформального общения. В одних случаях мы видим его в гостях у Доньи Перфекты вместе со своим дядей дон Иносенсио, в других — у себя дома. Естественно, что ближайшее окружение юноши чаще всего называют его полным именем *Хасинто* (32) (его дядя дон Иносенсио, мать Мария Ремедиос, донья Перфекта и некоторые другие персонажи, а также автор). Это доминирующая модель номинации данного героя.

Диминутивная форма имени *Хасинтито* (8) и *Хасинтильо* (6) несколько раз появляется в речи двух любящих его героев — матери и дяди. Это вторая по частотности антропонимическая модель именования данного персонажа.

Таким образом, основным средством онимной номинации Хасинто являются антропонимические модели без этикетных форм.

Своеобразным исключением на этом фоне выглядит этикетная форма *Сеньорито + имя Сеньорито Хасинто*, которую использует при обращении к нему и Росарио, и Пепе Рей. Данная форма именования референта, согласно исследованиям зарубежных и отечественных авторов, актуализирует значения «молодой», «богатый наследник». Если возрастная характеристика для данного героя релевантна, то «богатым наследником» он вовсе не является. В принципе со временем Хасинто может стать богатым: он дипломированный специалист и уже работает адвокатом. Есть и другой путь — жениться на Росарио. Собственно, это то, о чем мечтает его мать, а также дядя:

«... если бы ее сын был женат на Росарито, если бы он стал богатым и могущественным, если бы он породнился с Доньей Перфектой, с сеньорой!».

По ироническому замечанию автора, со временем Хасинто может стать одним из тех выдающихся людей, которые наводнили современную Испанию.

Вольное или невольное противостояние Хасинто и Пепе Рея обнаруживается и при сравнительном анализе антропонимических формул, используемых в тексте произведения для их именования. Для большей наглядности приведем также данные о формах именования другой юной героини — Росарио.

Таблица № 6.

Антропонимические модели именования Пепе Рея, Хасинто и Росарио

Антропонимические модели	Пепе Рей	Хасинто	Росарио
Имя + фамилия	70		
Имя полное		32	71
Имя гипокористическое	76		
Диминутивная форма имени	3	14	37
1 фамилия	31		
Сеньор дон + 1 имя полное	35	1	
Сеньор дон + 1 гипокористическое имя	5		
Сеньор дон + 1 имя полное + 1 фамилия	1		
Сеньор + (де) + 1 фамилия	13		
Дон /донья + 1 имя полное	11	-	1
Дон /донья + 1 гипокористическое имя	2		-

Дон/донья + 1 гипокор. + 1 фамилия	1		
Сеньор /а +1имя	1		
Сеньорито/а + имя		3	3
Прозвище		3	

Данные о формах именованя Пепе Рея, Хасинто и Росарио, приведенные в таблице, наглядно демонстрируют, сколь различен социальный статус этих героев и как по-разному к ним относятся персонажи романа.

Обратимся теперь к рассмотрению онимной репрезентации другой героини — **Марии Ремедиос**, двоюродной сестры каноника дона Иносенсио и матери Хасинто.

Онимная репрезентация Марии Ремедиос на страницах романа не очень частотна (всего 57 примеров), однако она отличается большим разнообразием и в тексте представлена 6 моделями, которые даются ниже согласно критерию частотности.

Таблица № 7.

Антропонимические модели именованя Марии Ремедиос

Антропонимические модели	Мария Ремедиос
сложное двойное имя	María Remedios 23
второе полное имя	Remedios 21
первое полное имя	María 5
имя — прозвище	Suspiritos 4
первое диминутивное имя	Mariquilla 1
Донья + 1 имя (второе)	Doña Remedios 1
Сеньора донья + имя (первое)	Señora Doña María 1
Сеньора + прозвище	Señora Suspiritos 1

Прежде всего отметим абсолютное преобладание называния героини по имени. В подавляющем большинстве случаев используется полный оним персонажа — сложное двойное имя *Мария Ремедиос* (23 случая), либо второй компонент имени *Ремедиос* (21 пример).

Употребление только одного имени *Мария* (5) или его диминутивной формы *Марикилья* (1) отмечено лишь в фамильярном регистре общения, когда дон Иносенсио разговаривает наедине со своей племянницей. Тем самым подтверждается, что первое имя *Мария* утрачивает свою дифференцирующую силу и что в иных условиях и ситуациях общения для идентификации референта необходимы дополнительные средства.

В качестве такого средства, правда, стилистически сниженного, может выступать имя-прозвище *Вздых* (4). В тексте романа прозвище функционирует как полноправный субститут имени, причем оно может даже сочетаться с этикетными словами, в нашем случае, со словом сеньора — *сеньора Вздых* (1) — так называет героиню Пепе Рей.

Форму такого рода можно назвать псевдоэтикетной, поскольку, повторим, после этикетного слова употребляется не официально регистрируемый оним, а прозвище.

Для именованя Марии Ремедиос в романе употребляются и антропонимические модели с одним или двумя этикетными словами Донья + имя *Doña Remedios* (1) и Сеньора Донья + имя *Señora Doña María* (1). Правда, доля таких номинаций ничтожно мала: доньей и сеньорой доньей Мария Ремедиос выглядит в глазах только одно персонажа — Кабальюко. Таким образом, анализ антропонимических формул именованя данной героини подтверждает ее низкий социальный статус и что у нее есть повод для сожалений.

Отсутствие среди форм именованя Марии Ремедиос антропонимических моделей, включающих в свой состав фамилию, как и в случае с другими персонажами романа (Росарито, Хасинто, дон Иносенсио и др.), служит средством указания на то, что данная героиня принадлежит к числу «своих» — подавляющему большинству жителей Орбахосы, которые довольны своим существованием и не желают ничего предпринимать для изменения ситуации в лучшую сторону.

Все сказанное выше подтверждает нашу мысль о том, что как выбор той или иной антропонимической модели для обозначения одного и того же референта, так и их вариативность и частотность в контексте художественного произведения обладают несомненным прагматическим эффектом. Они действительно служат средством создания художественного образа, а также свидетельствуют о важности того или иного персонажа в развитии сюжета и раскрытии идейно-смыслового содержания романа, о сложном характере взаимоотношений персонажей, об отношении к ним автора и другом.

Особенности функционирования антропонимических моделей, подчеркивающие характер взаимоотношений персонажей и их социальный статус, в обобщенном виде представлены в виде двух таблиц с учетом использования этикетных слов.

Таблица № 7.

Антропонимические модели без этикетных слов

Герои	1 имя простое			2 имени	Сложное двойное		имя + фам.	1 фам.
	полное	гипокор.	дими-нутив		1-е имя	2-е имя		
Пеpe Rey	-	Пеpe 76	Пеpito 1 Пеpillo 2				Пеpe Rey 70 гип.	Rey 26

Doña Perfecta	Perfecta 11	-	-	-	-			
Caballuco				Cristobal Ramos 3	Cristo-bal 4	Ramos 22		Caballuco 42
Rosario	Rosario 71		Rosarito 31 Rosarillo 1					
Jacinto	Jacinto 30		Jacintito 8 Jacintillo 6					
María Remedios			Mariquilla 1 дим.	María Remedios 23	María 5			
Troya María Juana				María Juana 2 Mariquita Juana 1		Juana 3	Mariquita Troya 1	Troya 12
Troya Florentina	Florentina 1							
Troya Josefa		Pepa 2	Pepilla 1				Pepita Troya 1	
Juan Tafetán							Juan Tafetán 5	Tafetán 8
Juan Rey	Juan 3						Juan Rey 6	
Manuel María José de Polentinos				Manuel María José 1			Manuel María José de Polentinos 1	
Cayetano	Cayetano 5							

Pedro Lucas				Pedro Lucas 1				
Pasolargo								Pasolargo
María Polentinos 1							María Polentinos 1	

Таблица № 8.

Антропонимические модели с этикетными словами

Герои	Д/а+ 1и +1ф+1ф	Д/а +1и + 1ф	Д+ 1и	Sr.d. +1и + 1ф	Sr.d.+ 1и	Sr/a + 1ф	Sr./a. + 1и	Srto./a + 1и
Pepe Rey	-	D. Pepe Rey 1	D. José 11	Sr. d. José de Rey 1	Sr. d. José 35 Sr. d. Pepe 5	Sr. de Rey 13	Sr. José 1	-
Doña Perfecta	D. Perfecta Rey de Polentinos 1	D. Perfecta Polentinos 2	D. Perfecta 122	-	Sra. D. Perfecta 9	-	-	-
Caballuco	-	-	-	-	-	Sr. Caballuco 3	Sr. Ramos 15 (2' и)	
Rosario	-	-	D. Rosarito 1	-	-	-	-	Srta. Rosario 3
Don Inocencio	-	-	D. Inocencio 39	-	Sr. D. Inocencio 20	-	-	-
Jacinto	-	-	D. Jacinto 1	-	Señor don Jacinto 1	-	-	
María Remedios	-	-	D. Remedios 1	-	Sra. D. María 1	-	-	-
Don Cayetano			D. Cayeta-	Sr. d. Cayeta-	Sr. d. Cayeta-			

			no 17	no Polenti- nos 1	no 8			
Pedro Lucas							Sr. Licurgo 9 Sr. Lucas 1 Sr. <u>Solon</u> 1	
Juan Tafetán		D. Juan Tafetán 11	D. Juan 3					
Juan Rey 3			D. Juan 3					
Pasolar- go							Sr. Paso- largo 3	
Manuel María José de Polenti- nos							Manuel María José de Polenti- nos 1 Manuel María de Polenti- nos 2	

Номинативные стратегии в художественном дискурсе

Факторы, влияющие на выбор номинативных стратегий

Изложенный материал достаточно красноречиво свидетельствует о том, что в антропонимическом пространстве художественного дискурса номинация одного и того же денотата может весьма существенно различаться в формально-семантическом плане. Сказанное, однако, не означает, что существует прямая зависимость между значимостью героя в развитии сюжета и количеством и разнообразием его онимных репрезентаций. В частности, согласно полученным нами данным, вариативность антропонимического обозначения одного и того же референта в художественном дискурсе может быть вызвана разными причинами.

Как многократно отмечалось в литературе, на выбор форм номинации влияют самые разные факторы (см., например, [517; 526; 159]). Прежде всего к ним относятся социально-ролевые отношения коммуникантов (симметричные и асимметричные), а также регистр общения (формальный и

неформальный). Традиционно при анализе ситуаций общения, в том числе и при исследовании номинации денотата, как онимной, так и апеллятивной, учитываются прежде всего именно эти факторы. Эти же факторы нашли отражение и в изложенном выше материале.

В то же время пока мало изучено влияние других, на первый взгляд, менее очевидных факторов, таких, как сама ситуация общения с точки зрения «интериоризованной» или «экстериоризованной» позиции говорящего, а также «степени конфиденциальности общения», то есть наличия или отсутствия третьих лиц, и «степени единства по отношению к референту» со стороны всех участников коммуникативного акта.

К числу интериоризованных ситуаций относятся ситуация самопредставления и ситуации обращения, а к числу экстериоризованных — ситуация представления и ситуация наименования 3 лица.

В анализируемом произведении онимная репрезентация героев осуществляется главным образом в двух ситуациях — ситуации обращения и ситуации наименования, причем последняя является доминантной. Ситуация самопредставления в романе практически не нашла отражения, что объясняется в первую очередь тем, что повествование ведется от лица рассказчика. В связи с этим преобладает монологическая форма, а диалоги достаточно редки. Тем не менее ее можно проиллюстрировать следующим примером:

«Меня зовут Педро Лукас, — отвечал сверток бурой ткани, снова поднося руку к шляпе. — Но все называют меня дядюшка Ликурго».

Ситуации представления в романе тоже весьма немногочисленны. Так, в разговоре с Пинсоном Пепе Рей называет свою тетю, ставшую его заклятым врагом, полным именем *«Донья Перфекта Рей де Полентинос»*.

Заметим, что это единственный случай в романе, когда для обозначения референта используется полная антропонимическая модель, которая включает не только имя, но и две фамилии героини. Вообще же полная антропонимическая модель в неформальном регистре общения используется крайне редко, поскольку, как уже говорилось, для ее реализации необходимы особые условия, связанные с сугубо формальной обстановкой. Именуя героиню таким образом, автор в лице Пепе Рея хочет подчеркнуть особый статус доньи Перфекты.

Аналогичным образом поступает и автор, когда пишет о другом персонаже романа:

«В столовую неожиданно вошел деверь доньи Перфекты дон Каetano де Полентинос».

Правда, в этой ситуации представления Гальдос не только называет не только имя и фамилию героя, но и указывает на родственные связи дон Каetano и Доньи Перфекты.

Это наиболее типичный случай именованного референта в ситуации представления, для которой характерно введение не только имени или имени и фамилии нового лица, но и дальнейшая его идентификация с помощью указания либо на занимаемую должность, либо на родство с уже известным коммуникантом человеком.

Важно также отметить, что на выбор номинативной стратегии для онимного обозначения денотата наряду с типом ситуации общения влияют и другие факторы, в частности, такие, как «степень конфиденциальности общения» и одинаковое или разное отношение к референту со стороны всех участников коммуникативного акта.

Учет всех этих факторов, на наш взгляд, позволяет выявить причины выбора разных номинативных стратегий при обращении к одному и тому же лицу и определить, во-первых, роль и место референта в том или ином коллективе; во-вторых, «этикетное» и истинное отношение к персонажу; в-третьих, динамику отношений сюжетных персонажей произведения.

Основываясь на этих положениях, проанализируем номинативные стратегии коммуникантов в анализируемом художественном дискурсе.

Реализация номинативных стратегий в романе Б. Переса Гальдоса «Донья Перфекта»

Для достижения поставленной цели — выявить номинативные стратегии, используемые коммуникантами в разных ситуациях общения в рассматриваемом художественном дискурсе, как нам представляется, нет необходимости анализировать абсолютно все формы номинации всех без исключения героев романа. Достаточно, на наш взгляд, изучить вариативность онимного обозначения главных действующих персонажей, несущих основную смысловую нагрузку в раскрытии идейно-художественного содержания произведения. В связи с этим мы ограничимся рассмотрением антропонимических моделей именованного доня *Иносенсио*, доньи Перфекты, Кабальюко, Марии Ремедиос и Пепе Рея.

Дон Иносенсио

Онимная репрезентация каноника в романе отличается удивительным однообразием. Как уже отмечалось, для номинации данного героя автор использует только две антропонимические модели, причем обе модели относятся к числу социально-маркированных форм именованного Сеньор дон + имя и дон + имя. Тем не менее они тоже дают интересный материал для размышления прежде всего потому, что они четко дифференцируются в зависимости от ситуации общения.

В ситуации обращения к канонику доминантной является гиперкорректная антропонимическая модель с двумя этикетными словами Сеньор дон + имя: *Сеньор дон Иносенсио* (11 примеров), тогда как

антропонимическая модель с одним этикетным словом *дон Иносенсио* представлена всего 2 раза: так обращается к священнику Дон Каetano на правах старого и близкого знакомого, а также Пепе Рей, который использует эту форму именованя с тем, чтобы сгладить резкость своих слов и показать, что ради тети он готов к примирению.

В ситуации наименования наблюдается принципиально иное использование антропонимических моделей: в подавляющем большинстве случаев — в 37 — автор именуется героя *дон Иносенсио*, и лишь 2 раза *Сеньор дон Иносенсио*.

Факты такого рода свидетельствуют о том, что в экстерииоризованной ситуации при отсутствии референта нередко наблюдается снижение степени вежливости при обозначении лица. Правда, главным образом это наблюдается в том случае, если коммуниканты имеют равный социальный статус. При асимметричных отношениях люди с более низким статусом обычно используют дистантные формы именованя.

Очевидно, что высокий социальный статус каноника дона Иносенсио, его известность и то уважение, которым он пользуется у жителей Орбахосы, препятствуют использованию других форм именованя дона Иносенсио (то есть антропонимических моделей без этикетных слов или гипокористических форм, или формул с фамилией).

Мария Ремедиос

Значительный интерес для выявления номинативных стратегий адресанта представляют онимные репрезентации племянницы каноника *Марии Ремедиос*. Во-первых, потому, что она носит составное имя, первым элементом которого является имя богородицы *Мария*, а другим — имя *Ремедиос*, восходящее к нарицательному *remedio(s)* — ‘средство, средство избавления’ [DRAE]. Во-вторых, потому, что данный персонаж играет особую роль в развитии сюжета и в трагической гибели главного героя Пепе Рея.

Низкий социальный статус героини подчеркивается тем, что доминантной формой ее именованя в разных ситуациях общения являются различные антропонимические модели без этикетных слов. Только один персонаж в романе — Кабальюко — при обращении к ней использует 2 раза модели с этикетными словами и называет ее *Сеньора донья Мария* (1) и *донья Ремедиос* (1).

Использование слова *донья* в этих моделях можно расценивать по-разному. С одной стороны, это можно интерпретировать как проявление уважения к дяде героини — дону Иносенсио. С другой — как дистанцированность самого Кабальюко, его нежелание идти на поводу у Марии Ремедиос и стремление расстаться с ней как можно скорей.

Номинация племянницы каноника только по одному первому имени *Мария* отмечена в единичных случаях: в ситуации обращения без

посторонних, то есть в доверительной обстановке донья Перфекта обращается к ней *Мария* (1), а дядя — *Марикилья* (1), а также в ситуации называния, когда автор подхватывает голос героя и тоже именуется персонажем одним именем *Мария* (4).

Гораздо чаще в тех же самых ситуациях (то есть в ситуации обращения без посторонних и в ситуации называния) дон Иносенсио, донья Перфекта и автор употребляют второй оным персонажа *Ремедиос* (11 и 10 раз соответственно).

Наконец, полное двойное имя используют те же самые действующие лица — дон Иносенсио, донья Перфекта и автор (8 и 13 раз соответственно).

Таким образом, по степени дистанцированности в ситуации обращения, то есть в ситуации непосредственного взаимодействия коммуникантов, в испанской лингвокультуре можно выделить следующие номинативные стратегии использования двойного имени:

- 1) одно только первое имя *Мария*;
- 2) одно только второе имя *Ремедиос*;
- 3) оба имени *Мария Ремедиос*.

Отметим также, что и в одном, и в другом, и в третьем случае в принципе возможно усложнение как самого двойного имени, так и отдельных его компонентов, за счет этикетных слов. В тексте произведения, хотя и в единичных случаях, нашу героиню именуют и *Сеньора донья Мария*, и *донья Ремедиос*.

Что касается самих составляющих двойного имени, то важно иметь в виду следующее. Первое имя *Мария*, в силу своей особой распространенности, обладает наименьшей дифференцирующей силой, а потому оно допустимо лишь в общении без третьих лиц, что, на наш взгляд, придает ему некий оттенок доверительности. Частотность второго имени *Ремедиос* в контексте произведения, конечно же, прежде всего служит средством создания художественного образа. В то же время она отражает особенности функционирования реального антропонимикона Испании. В двойном составном имени индивидуализирующую функцию выполняет как раз-таки второй компонент, а потому он чаще употребляется самостоятельно и может стать отдельным именем (см., например, [456; 5]).

Наконец, использование двойного имени *Мария Ремедиос* наблюдается в ситуации обращения как при посторонних, так и без них (8), а также в речи автора (13).

Следовательно, все перечисленные формы использования двойного имени являются реализацией разных номинативных стратегий, которые различаются прежде всего по степени дистанцированности коммуникантов.

Особо следует оговорить тот факт, что в ситуации наименования автор не только «вторит голосу героя» — повторяет ту форму имени,

которую употребляют его персонажи дон Иносенсио и донья Перфекта, но и преследует сугубо художественные цели: разные формы имени служат средством создания художественного образа.

Слова автора о том, что женить Хасинто на Росарио было для Марии Ремедиос «самой заветной мечтой всей ее жизни», что она в течение многих лет «питала эту сладкую надежду» и что эта «надежда делала ее хорошей и плохой; смиренно богобоязненной или отчаянно смелой», являются ключевыми в раскрытии образа Марии Ремедиос и в понимании символики ее имени – матери, способной пойти на все ради благополучия и процветания своего сына.

На наш взгляд, именно поэтому в романе автор использует для своей героини двойное имя, каждое из которых по-своему акцентирует символику личного антропонима: первый оним *Мария* — имя Богородицы выступает как символ материнской любви, однако эта любовь имеет не жертвенный, а наступательный решительный характер, что подчеркивается вторым именем – *Ремедиос*. Непреклонность матери, ее решимость пойти на все не останавливаясь ни перед чем ради благополучия сына подчеркивается фамилией героини *Tinieblas* ‘мрак, темнота’.

Некоторые исследователи, в частности М.А. Сантьяго и Мирас, считают, что в имени *Remedios* видна авторская ирония, основанная на значении испанского глагол *remediar* (избавлять, спасать, помогать, устранять): «*Мария Ремедиос желает избавиться от Пепе Рея и сделать так, чтобы он уехал из города. Она пытается «уладить» ситуацию Хасинто, которого видит женатым на наследнице дома Полентинос; кроме того, она желает все вернуть на свои места, чтобы жизнь людей в городе и ее семьи оставалась такой, какой была до приезда инженера*» [207, p. 440].

В самом деле, именно *Мария Ремедиос*, в полном соответствии со своим именем, всеми силами пытается воспрепятствовать союзу Пепе Рея и Росарио. Именно она выступает в романе основной движущей силой разрешения конфликта между Пепе Реем и его тетушкой доньей Перфектой и всем орбахосским обществом. Это *Мария Ремедиос* устраивает слежку за Пепе Реем и провоцирует донью Перфекту перейти к решительным действиям, которые заканчиваются гибелью героя.

Зловещие планы Марии Ремедиос приводятся в исполнение. Таким образом, *Мария Ремедиос* оправдывает свое имя и «разрешает ситуацию («*remedia la situación*»), чтобы избавиться от Пепе Рея и возвратиться к былой жизни, как было раньше, до его приезда. Однако ирония судьбы заключается в том, что мечтам Марии Ремедиос, «*вся жизнь которой была подчинена выполнению давно взлелеянного плана*», не суждено сбыться. Росарито, не выдержав треволнений, теряет рассудок.

Образ Марии Ремедиос раскрывается также через ее прозвище. Острые на язык сестры Троя прозвали ее *Suspíritos* — буквально ‘Вздохи’ за привычку Марии Ремедиос постоянно вздыхать по поводу и без повода: «она вздыхает после каждого слова и вечно хнычет, хотя ни в чем не испытывает недостатка». Правда, это прозвище используют только они сами (4), да лишь однажды Пепе Рей. Однако Пепе Рей к прозвищу присоединяет этикетное слово сеньора — *сеньора Вздох*.

Факты такого рода свидетельствуют о том, что в испанском языке прозвища могут сочетаться с этикетными словами, точнее только с одним этикетным словом *сеньора*. Тем самым в зависимости от наличия или отсутствия в антропонимической модели с прозвищным именем этикетного слова может актуализироваться разное отношение коммуникантов к референту — уважительное или пренебрежительное. Носитель испанского языка и культуры однозначно интерпретирует отношение Пепе Рея к незнакомой ему сеньоре как уважительное, а отношение сестер Троя — как пренебрежительное.

Таким образом, использование той или иной номинативной стратегии для обозначения племянницы каноника *Марии Ремедиос* отражает выбор коммуниканта, который определяется разными факторами, в том числе характером отношений героев романа, а также местом и ролью данного персонажа в развитии сюжета произведения.

Необычайным разнообразием отличается онимная презентация другого персонажа романа *Кабальюко Кристобаля Рамоса*.

В подавляющем большинстве случаев данный персонаж именуется антропонимическими моделями без этикетных слов, что в общем-то неудивительно. Как иронично замечает автор, *Кабальюко* является представителем и продолжателем дел славного рода мятежников Орбахосы. Все в округе его побаиваются, а потому при встрече обращаются к нему вежливо-почтительно *сеньор Кабальюко*. По словам дядюшки Ликурго, слуги доньи Перфекты, так его называет даже сам губернатор. Однако в ономастическом пространстве произведения данная этикетная форма именования относится к числу самых редких: она встречается всего 1 раз в ситуации обращения при посторонних и 4 раза в ситуации называния. В последнем случае так называют героя чаще всего люди с более низким социальным статусом — крестьяне Пасоларго и Фраскито Гонсалес (2), работающие на землях доньи Перфекты, ее слуга дядюшка Ликурго (1), а также впервые встречающийся с Кабальюко Пепе Рей (1).

Гораздо более частотной оказывается этикетная форма именования, характерная для просторечия сеньор + имя: *сеньор Рамос*, которая оказывается доминантной в ситуации обращения. Именно так зовут его при посторонних дон Иносенсио и Мария Ремедиос (13 примеров).

Заметим однако, что персонажи романа с более высоким социальным статусом, чем Кабальюко, и в первую очередь донья Перфекта, в разных ситуациях общения используют только формы личного имени героя, будь то фамилия *Кабальюко* (5) или же один компонент двойного имени (либо первое имя *Кристоваль* (3), либо второе *Рамос* (11)). Тем самым антропонимические формулы маркируют асимметричные отношения коммуникантов.

Заметим также, что, как и в случае с формами именованной Марии Ремедиос, второе имя персонажа *Рамос* более частотно, чем первое *Кристоваль* (20 и 4 раза соответственно). Очевидно, что и в данном случае второе имя обладает большей дифференцирующей силой, чем первое.

Обращает на себя внимание тот факт, что полное двойное имя героя *Кристоваль Рамос* в романе практически не представлено. Так именуется себя лишь однажды сам персонаж и дважды — автор. Следовательно, с учетом сказанного выше о том, что разные формы имени референта указывают на разную степень дистанцированности коммуникантов, можно утверждать, что *Кристоваль Рамос* имеет более низкий статус, чем Мария Ремедиос.

Сравнительный анализ форм именованной *Кристовала Рамоса* показывает, насколько принципиальным может быть разграничение разных типов ситуаций, в частности, ситуации обращения и ситуации наименования, а также фактор присутствия или отсутствия третьих лиц. В ситуации обращения антропонимическая модель с этикетным словом *сеньор* + *личное имя* используется 14 раз, тогда как в ситуации именованной только 5 раз. И наоборот: при непосредственном общении к герою обращаются по имени 24 раза, а при его назывании в речи рассказчика или других персонажей доля этого способа обозначения референта значительно возрастает и составляет уже 42 раза (то есть соотношение моделей именованной с этикетными словами и без этикетных слов в первом случае составляет соответственно 14 : 24, а во втором — 5 : 42). Следовательно, в ситуации наименования для лиц с низким социальным статусом доминирующей формой обозначения является антропонимическая модель без этикетных слов.

Пепе Рей, главный герой романа, разительно отличается от жителей Орбахосы. Ум, сила, доброта и чуткость — его основные качества. «*Будь это статуя, скульптор непременно высек бы на пьедестале слова: «Ум и сила». И хотя эти слова не были бы на нем начертаны, ум и силу можно было увидеть в блеске его глаз, в присущем ему обаянии, в его чутком ласковом отношении к людям, привлекашем к нему столько сердец».*

Неординарность Пепе Рея, его богатый внутренний мир, образованность и стремление к прогрессу резко контрастируют с закостенелыми взглядами и низкими страстями жителей Орбахосы. Даже

после смерти героя провинциальный городишко торговцев чесноком с его затхлой атмосферой мстит ему:

«Духовенство ... отказалось похоронить на освященной земле тело несчастного Рея. ... В конце концов мы погребли останки юноши в яме, вырытой в Мундогранде... Только дон Хуан Тафетан и я сопровождали траурный кортеж. Несколько позже туда пришли (как это ни странно) девушки, которые здесь известны под именем сестер Троя, и долго молились на убогой могиле математика».

Неожиданно возникшие разногласия между Пепе Реем и доньей Перфектой, доном Иносенсио и стоящими за ними силами приводят к открытой конфронтации героев. Соответственно меняется и их отношение к Пепе Рею, что так или иначе проявляется в антропонимическом обозначении героя, в избираемых коммуникантами номинативных стратегиях.

Антропонимические средства обозначения данного героя, как уже отмечалось, и количественно, и качественно превосходят номинации всех остальных персонажей романа. Весьма существенны и различия в их использовании в разных ситуациях общения. В частности, в ситуации обращения доминируют две принципиально разные модели.

С одной стороны, это гиперкорректные антропонимические модели с двумя этикетными словами Сеньор дон + полное имя: *Señor don José* — так обращаются к герою его новые знакомые дон Иносенсио, Хасинто, сестры Троя, дядюшка Ликурго и Кабальюко (27). Следовательно, на выбор этой номинативной стратегии оказывают влияние прежде всего такие факторы, как низкий социальный статус (у всех персонажей, за исключением дона Иносенсио), а также степень знакомства коммуникантов. С другой стороны, этикетным моделям противопоставлены обиходные формы обозначения референта, принятые в неформальном регистре при непосредственном общении родственников, друзей и близких знакомых, а именно гипокористическое имя денотата (18).

Заметим, однако, что число персонажей, использующих обиходное имя героя, ограничено. Так, гипокористическое имя *Пепе* употребляют только родственники, которые старше его по возрасту — донья Перфекта (14) и дон Каetano (4). В устах тети допустима и диминутивная форма имени *Пепито* (1) и *Пепильо* (2). Отметим также, что дон Каetano, как более дальний родственник, называет героя *Пепе* только в доверительных беседах без посторонних.

Пинсон, давний друг Пепе, называет его уже иначе, расширяя антропонимическую модель либо за счет фамилии (*Пепе Рей* — 1), либо используя фамилию вместе с квалификатором «друг» (*друг Рей* — 1).

В ситуации называния референта в его отсутствии (то есть в ситуации наименования) также возможна реализация разных номинативных

стратегий. В частности, высокое социальное положение обозначаемого лица в ситуации наименования в зависимости от состава самих участников коммуникативного акта, их социального статуса и их отношения к референту может маркироваться по-разному.

Так, при асимметричных отношениях (низкий социальный статус — высокий социальный статус) дистанцированность коммуникантов в ситуации названия подчеркивается использованием антропонимических моделей с этикетными словами. При этом нередко коммуниканты используют те же самые этикетные модели, что и в ситуации обращения. Действием данного фактора объясняется частотность антропонимических моделей с двумя этикетными словами Señor don + nombre *Señor don José* (7), *Señor de Rey* (7) и с одним этикетным словом don + nombre *Don José* (6) при назывании героя в его отсутствии персонажами с низким социальным статусом (дядюшка Ликурго, Кабальюко, а также дон Иносенсио).

При симметричных отношениях коммуникантов, имеющих высокий социальный статус, в ситуации названия референта в принципе функционируют те же самые модели (с этикетными словами или без них), что и в ситуации обращения. Однако состав этих моделей может претерпевать определенные изменения. В частности, в социально маркированных этикетных моделях наблюдается сокращение количества этикетных слов (в них опускается слово сеньор) *Señor don José* → *don José*.

В моделях без этикетных слов, наоборот, отмечается расширение состава онимов имя → имя + фамилия: *Pepe* → *Pepe Rey*. Тем самым в антропонимических моделях с обиходными формами имени усиливается значение дистанцированности коммуникантов и обозначаемого референта, что достигается за счет введения фамилии референта. В частности, при непосредственном общении дон Каetano называет героя гипокористическим именем *Pene*, а в ситуации названия использует не только имя, но и фамилию *Pene Rey*. Изменению номинативных стратегий в рассматриваемых ситуациях способствует, на наш взгляд, также то обстоятельство, что подобная двучленная формула имя + фамилия обладает большей дифференцирующей силой, чем одночленная модель, состоящая только из имени референта.

Таким образом, в ситуации названия референта в его отсутствие могут наблюдаться прямо противоположные тенденции: с одной стороны, упрощение этикетных моделей, а с другой — усложнение моделей с обиходными формами имени.

В то же время в иных ситуациях общения, определяемых прежде всего общим негативным отношением коммуникантов к референту, возможно принципиально иное наполнение этикетных моделей, что однозначно сигнализирует об истинном отношении коммуниканта к обозначаемому референту. В этом плане особый интерес представляют

антропонимические модели *Don Pepe* (2) и *Don Pepito* (2) в устах Марии Ремедиос и Кабальюко в ситуации наименования.

Прежде всего отметим, что указанные модели контрастируют с антропонимическими моделями с двумя этикетными словами и гипокористической формой имени — *Señor don Pepe*. Такую форму обращения используют в разговоре с Пепе Реем без посторонних дон Каetano на правах родственника и старого знакомого (4), а также дон Хуан Тафетан в конфиденциальной беседе (1). Употребление в этикетной антропонимической модели обиходного имени призвано подчеркнуть доверительные отношения коммуникантов. Таким образом, с помощью данной антропонимической модели одновременно маркируются два типа отношений коммуниканта и референта: подчеркнуто уважительное, эксплицируемое этикетными словами *Señor don*, и доверительное, выраженное обиходным именем *Pepe*: *Señor don Pepe*.

Обязательным условием употребления антропонимических моделей такого рода являются симметричные статусные отношения коммуникантов (высокий социальный статус — высокий социальный статус), а также близкая степень знакомства. Кроме названных выше факторов, влияющих на выбор гипокористической формы имени в антропонимических моделях с одним или двумя этикетными словами, можно также выделить приоритетность позиции адресанта по возрасту (старший — младший).

Кроме того, модели *Don Pepito* противостоит абсолютно идентичная с формальной точки зрения антропонимическая номинация Росарио, которую дядюшка Ликурго называет *донья Росарито*. Диминутивный суффикс в имени героини в сочетании с этикетным словом однозначно указывают на особое отношение слуг к дочери своей хозяйки, которое можно охарактеризовать как почтительное (*донья*, по знатности рода) и ласковое (*Росарито*).

Асимметричные статусные отношения богатой наследницы рода Полентинос и слуг ее матери (высокий социальный статус — низкий социальный статус) не препятствуют, однако, использованию названной формы по разным причинам.

Во-первых, Росарио намного младше дядюшки Ликурго, который так ее называет.

Во-вторых, и это главное, Росарио в отличие от Пепе своя, а не чужая для жителей Орбахосы.

Сказанным объясняется, почему использование этикетной антропонимической модели с обиходным именем героя *Don Pepe* лицами с более низким социальным статусом, даже в отсутствии референта, в ситуации наименования, является грубым нарушением норм именования в соответствии со статусными отношениями коммуникантов. Следовательно, используя именно данную форму именования референта из числа

возможных адресант сознательно реализует определенную номинативную стратегию, целью которой является выражение пейоративной оценки. В еще более явной форме деспективное отношение к Пепе Рею со стороны орбахосского общества находит отражение в этикетной антропонимической модели с диминутивной формой имени *Don Pepito*.

Презрительно-снисходительное отношение Марии Ремедиос и Кабальюко к Пепе Рею усиливается за счет расширения состава данной модели и введения слов *ese* или *tal*, которые являются дискурсивным средством выражения оппозиции «свой — чужой» (см. об этом [360]):

No parece sino que el tal don Pepito es una región (léase legión) de demonios’ Можно подумать, что этот самый дон Пепито — целая ревизия (читай — дивизия) чертей’.

Таким образом, анализ форм именования разных героев в ономастическом пространстве художественного дискурса показал, что их вариативность определяется комплексом экстралингвистических факторов. К их числу относятся не только традиционно выделяемые регистры общения и статусно-ролевые отношения коммуникантов (симметричные и асимметричные), но и другие параметры, в частности, сам тип ситуации (самопредставления, обращения, представления и именования).

Выявленные изменения и самих антропонимических моделей, и их модификации, представленные на страницах романа в разных ситуациях общения, можно, очевидно, трактовать как переход от интериоризованной ситуации, характерной для ситуации обращения, к экстериоризованной, типичной в ситуации наименования 3 лица.

В самом общем виде эти изменения проявляются в следующем:

- в сокращении доли антропонимических моделей с двумя этикетными словами в ситуации наименования (для сравнения: в ситуации обращения форма *сеньор дон Хосе* используется 27 раз, а в ситуации наименования только 7; *сеньор дон Иносенсио* — 11 и 2 раза соответственно, а соотношение форм *сеньор дон Иносенсио* и *дон Иносенсио* в этих ситуациях составляет 11 и 37 примеров);
- в элиминации этикетного слова сеньор при сохранении слова дон, то есть в редуцировании количества этикетных слов в модели (в ситуации обращения главную героиню романа знакомые и слуги именуют только *сеньора донья Перфекта* (4 примера), а родственники — *Перфекта* (7 раз); в ситуации же наименования доминирует модель *донья Перфекта* (115 раз);
- в замене этикетной модели на модель без этикетных слов (в ситуации обращения к Пепе Рею соотношение антропонимических моделей с этикетными словами к моделям без этикетных слов составляет 39 : 23, что в полтора раза больше, тогда как в ситуации наименования иное соотношение — 26 : 143, то есть модели без

этикетных слов используются в пять с половиной раз чаще, чем антропонимические модели с этикетными словами);

- в расширении состава модели с обиходными формами имени.

В заключение отметим, что в каждой лингвокультуре существуют свои, только ей присущие модели антропонимического именования человека. Испанский язык, благодаря разветвленной системе форм личного именования, включающей официально регистрируемые одно или два имени и обязательно две фамилии, отличается богатством онимной репрезентации индивида. Наряду с полной антропонимической моделью, состоящей из имени и фамилии отца и фамилии матери, в разных ситуациях общения функционируют и другие, неполные модели. Их вариативность обеспечивается не только наличием разных форм обиходного имени и их сочетанием с фамилией или фамилиями референта, но и принципиальной возможностью употребления последних в моделях с этикетными словами типа *сеньор, сеньора, дон, донья, сеньорита, сеньорито* и их функциональными субститутами *дядя* и *тетя*, которые мы назвали псевдоэтикетными словами. Кроме того, в испанской лингвокультуре довольно частотны прозвищные именования, которые могут быть полноправными субститутами имени и сочетаться со словами типа *сеньор, сеньора* и *дядя, тетя*. Совокупность этих факторов создает уникальность испанской антропонимической системы.

В результате взаимодействия названных форм именования в испанском языке, согласно нашим данным, могут функционировать более 20 антропонимических моделей как с этикетными словами, так и без них.

Чем более значима роль той или иной личности для определенного социума, чем более разнообразны ее связи и отношения с другими членами коллектива, тем богаче формы ее репрезентации антропонимическими средствами. В ономастическом пространстве художественного дискурса формы именования служат не только идентификации героя, но и его характеристике, выявлению его роли и места в раскрытии сюжета и идейного замысла произведения в целом.

Следует однако иметь в виду, что в художественном дискурсе (как, впрочем, и в других типах дискурса — политическом, медицинском, религиозном и др.) представлены не все теоретически возможные антропонимические модели, поскольку, каким бы многоплановым ни был тот или иной тип дискурса, в нем принципиально невозможно отразить все реальное многообразие функционирования антропонимических форм именования, присущих испанской лингвокультуре.

Важно отметить, что выбор той или иной формы именования выступает как реализация определенной номинативной стратегии коммуниканта. Использование той или иной антропонимической модели зависит от целого ряда экстралингвистических факторов, главными из

которых являются статусно-ролевые отношения коммуникантов. Наряду с этим чрезвычайно значимым представляется разграничение типов ситуаций общения.

Как свидетельствуют приведенные данные, не только регистр общения (формальный — неформальный), статусно-ролевые отношения коммуникантов (симметричные и асимметричные), но и сам тип ситуации (самопредставления, обращения, представления и именованья), а также их членение с точки зрения положения говорящего субъекта на интериоризованные и экстериоризованные ситуации, оказывают влияние на выбор форм именованья.

Согласно результатам проведенного исследования, одни языковые средства именованья реализуются в различных дискурсивных условиях (ситуациях общения), тогда как другие проявляют избирательность и тяготеют к определенным или даже единичным ситуациям общения.

Наличие вариантов именованья свидетельствует о том, что у коммуникантов есть выбор для разного профилирования объекта номинации и выражения своего отношения к обозначенному референту. В то же время вариативность форм именованья позволяет говорить о том, что коммуниканты реализуют номинативные стратегии в соответствии не только с меняющимися внешними коммуникативно-дискурсивными условиями общения, но и в соответствии со своим личным отношением к референту и преследуемыми прагматическими целями.

Следует также отметить, что использование той или иной антропонимической модели может служить средством реализации архетипической оппозиции «свой — чужой». Наряду с этим абсолютно идентичные в формальном плане модели именованья могут быть результатом реализации разных номинативных стратегий адресантов, в основе разграничения которых также лежит оппозиция «свой — чужой». Затронутая здесь проблема выявления номинативных стратегий коммуникантов и их отражения в ономастическом пространстве художественного дискурса еще ждет своего исследователя, мы же пока наметили лишь первые шаги и возможные пути решения данной проблемы.

§ 3. АНТРОПОНИМЫ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ) (Е.В. Варнавская)

Источники онимов в медицинской терминологической лексике испанского языка

Базовым дискурсом, в котором формируются основные понятия и которому принадлежат антропонимы, рассматриваемые в данном параграфе, является медицинский. Дискурс, прежде всего, зависит от сферы общения, являющейся очень широкой в области медицины, т.к. общение осуществляется на совершенно разных уровнях. При этом происходит функциональное пересечение различных институциональных дискурсов, что, в свою очередь, обуславливает появление самой разнообразной лексики, начиная от номенклатурных терминов, характерных для сугубо научных медицинских публикаций, и заканчивая лексикой научно-популярного и наивного дискурса, используемой в народной медицине.

В медицине имена собственные образуют особый класс терминов — эпонимы, от греческого: *ἑτώνυμος* — названный по имени кого-либо или дающий имя кому-либо; эпонимическими считают терминологические единицы, служащие для названия болезни, структуры или метода по имени человека, впервые обнаружившего или описавшего их.

Согласно Словарю испанского языка Королевской Академии Наук (DRAE), эпоним — это имя человека или географическое название, именуемое народ, эпоху, заболевание, единицу измерения и т.д. [66]. Эпонимами также называют апеллятивы, образованные от имен собственных (далее ИС): «*Corrientes literarias (cervantista, kafkiano), filosóficas (platonismo), religiosas (calvinismo), artísticas (daliniano, goyesco), políticas (franquismo), elementos químicos (tantalio); personajes bíblicos: adán, magdalena, onanismo, sodomita; seres mitológicos: adonis, argos, dédalo, narciso, tantalio, proteo; personajes literarios: celestina, donjuán, dulcinea, maritornes, pantagruélico, rocinante, estentóreo, lolita, mentor, socios; reyes: anfitrión, filípica, gordiano, mausoleo, pírrico (victoria), creso; físicos: amperio, culombio, daltonismo, hercio, voltio; matemáticos: baremo, pascal (unidad de presión), guarismo; botánicos: dalia, fucsia, gardenia, magnolia, camelia*» [139]. В нашем исследовании под «эпонимом» мы понимаем термины, самостоятельные существительные и прилагательные, образованные от ИС, или сложные терминологические единицы, имеющие в своем составе одно или несколько ИС (либо его дериваты), а также отонимические символы — средства номинации специального понятия, представляющие собой часть медицинской концептосферы.

Имя в термине всегда появляется не случайно, в большинстве случаев оно связано с конкретной личностью. Мы разделяем мнение Ю.А. Рылова о том, что семантику антропонимов можно определить как идеосемантику [454] и считаем, что наличие национально-культурного (этнокультурного, культурно-исторического) компонента в коннотативном аспекте значения онимов, наличие ономастической идеосемантики — суммы «познавательных и эмоциональных представлений, в которых отражается сложная внутренняя жизнь слова в его прошлом и настоящем» [236, с. 59], не подлежит сомнению, данный компонент является полноправным компонентом значения имен собственных.

Имена собственные, закрепляясь в термине, несомненно, оказывают влияние не только на его структуру, но и на функциональные и дискурсивные особенности. Чтобы продемонстрировать важность влияния идеосемантики антропонима на значение и функциональные особенности терминов-эпонимов, далее мы рассмотрим источники проникновения антропонимов в медицинскую терминологическую лексику и определим роль ИС в процессах образования синонимов, омонимов и полисемичных терминов медицинской лексики испанского языка.

Формирование медицинской терминологической системы осуществлялось на протяжении нескольких тысячелетий, что не могло не отразиться на ономастическом материале. В течение такого долгого периода медицинская лексика непрерывно пополнялась самыми разными именами собственными.

Эпоха определяет сознание. Для архаического сознания характерно ощущение взаимосвязи всего сущего и всех субъектов бытия, признание одушевленности вещей и явлений природы, мифопоэтическое мирозерцание и доминирование в жизни религиозной элиты. Ему присущи стремление объяснить явления природы и общественной жизни действием сверхъестественных сил, а также сакральные формы выражения знаний об окружающем мире. Именно поэтому первоначальные медицинские знания неразрывно связаны с религией. В течение долгого времени болезнь считалась ниспосланной свыше и только по велению священных, мистических сил могло произойти исцеление. Религиозная мотивация именованных объектов окружающей действительности превалировала в архаичном мире.

К ранним формам религии относят анимизм и аниматизм. Анимизм (гр.: *anima* — душа как жизненное начало или *animus* — разумное начало) — род религиозных представлений, признающих наличие некой разумной или чувствующей психической субстанции не только в человеке, но и в любом живом существе, а также в неодушевленных, по нашим понятиям, предметах — камнях, деревьях, водоемах и т.п. К анимизму близок аниматизм, то есть представление о тотальной, всеобщей

одушевленности [500]. Размытость границ между ИС и именем нарицательным (далее ИН), видимо, была характерна для лексики периода аниматизма.

Страны античного мира, располагавшиеся в бассейне Средиземного моря, оказали огромное влияние на последующий процесс развития человечества. Главными среди них были Греция и Рим. В составе интернациональных терминологических единиц осталось немало греческих и латинских медицинских терминов, самостоятельных существительных или терминологических элементов (далее ТЭ), образованных на основе мифонимов — мифических имен собственных.

Мифонимы в медицинской терминологической лексике

Согласно «Словарю русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской [433], выделяют несколько разновидностей мифонимов: мифоантропонимы, мифоперсонимы и мифозоонимы.

Обратимся к мифоантропонимам (ИС человекоподобных существ в мифах — фантастических повествованиях, основанных на религиозных верованиях), использующимся в качестве мотивационной основы терминов-эпонимов.

В испанской медицинской терминологии сохранилось множество интернациональных терминов, а также ТЭ греко-латинского происхождения, которые, по мнению известного испанского исследователя в области антропологии и археологии Франсиски Мартин-Кано Абреу, являлись ИС: *vacina* — *вакцина* (La Diosa Vacuna — сабинская богиня отдохновения от сельскохозяйственных трудов). В испанском языке этот термин употребляется также в значении «*коровья оспа*», «*оспепный гной*». *Thermós = caliente* — горячий, образован от имени La Diosa Termona, Termantia, соответствующий ТЭ *-therm*, со значением: тепло, температура. *Cardíaco, cardiopatía, cardialgía* — *сердечный, заболевание сердца, боль в сердце*. Словообразующий ТЭ: *-card-* относящийся к сердцу, возможно, происходит от имени местечковой богини La Diosa Indigeta romana Carna / Carne / Grane / Carma / Cardinea / Cardea [153]. Семантика ИС в вышеуказанных терминологических единицах является размытой. Первоначальное значение латинских терминов: *cardíaco* — относящийся к желудку, *cardialgía* — боль в желудке.

Однако во многих медицинских терминах греко-латинского происхождения идеосемантика субстантивированного ИС четко выражена.

Рассмотрим некоторые примеры однословных клинических терминов-существительных греческого происхождения. *Coma* — *кома* — современный интернациональный термин, встречающийся уже в сочинениях Гиппократов. Этимология термина является спорной, некоторые

исследователи считают, что данный термин восходит к ИС Комуса, греческого бога пиршеств, невоздержанности и излишеств, который под влиянием алкоголя впал в состояние глубокого ступора, став полностью невосприимчивым к окружающему. Современное значение термина *кома* — угрожающее жизни состояние, характеризующееся полной утратой сознания. *Аспе* — *акне*, воспаление сальной железы (угри). ИС Акне могло принадлежать юной красавице нимфе, которую боги наказали, обезобразив ее лицо. В вышепредставленных примерах прослеживаются религиозные мифические мотивы именованя процессов.

Большая часть ИС греческого происхождения сохранилась в медицинской терминологии в виде терминоэлементов, образованных на их основе, которые также сохраняют идеосемантику греческих ИС.

В представленной ниже таблице приведены примеры употребления греко-латинских мифонимов, сохранивших идеосемантику сакрального мифического ИС в медицинской терминологической лексике испанского и русского языков (см. Таблицу 9).

Таблица 9.

Греко-латинские мифонимы, сохранившие идеосемантику сакрального мифического ИС в медицинской терминологической лексике испанского и русского языков

Мифологический персонаж	Медицинские термины испанского языка (примеры)	Медицинские термины русского языка (примеры)
Afrodita — Афродита, богиня любви	<i>Afrodisíacos, antiafrodisíacos, anafrodita (frigidez)</i>	<i>Афродизиак, антиафродизиак</i>
Атропа — Атропа, богиня смерти	<i>Atropínico, atropina</i>	<i>Атропин, атропиновый</i>
Есо (повторение) — Эхо — нимфа, лишенная языка за чрезмерную болтливость	<i>Ecografía, ecomatismo, ecomimia, etc.</i>	<i>Эхография</i>
Eos — Эос, розовая богиня утренней зари	<i>Eosina, eosinofilia, eosinófilo</i>	<i>Эозины, эозинофиллия</i>
Eros — Эрос или Эрот, бог любви	<i>Erotismo, erótico, erógeno</i>	<i>Эротизм, эротический, эротика, эрогенный.</i>
Fobos — Фобос, бог страха	<i>Fobia, fóbico, fobodipsia (hidrofobia)</i>	<i>Фобия, гидрофобия, и т.д.</i>
Helios — Гелиос, бог солнца	<i>Gas helio, helioterapia</i>	<i>Гелий, гелиотерапия</i>
Higia, Higeia — Гигея, богиня здоровья	<i>Higiástico, higiene, higiénico, higienización</i>	<i>Гигиена</i>
Himen — Гименей, бог брака	<i>Himen, himenología, himenitis</i>	<i>Гименология, гимен, гименопластика</i>

Hipnos — Гипнос, бог сна	<i>Hipnosis, hipnotizable, hipnótico</i>	Гипноз, гипнотический
Hermes + Afrodita	<i>Hermafroditismo</i>	Гермафродитизм
Iris — Ирис, богиня радуги	<i>Iris</i> (радужная оболочка глаза), <i>iritis, iridoscopio</i>	Иридодиагностика, иридолог
Mania — Мания, богиня безумия	<i>Manía, manicomio, manierismo</i>	Мания, клептомания, эротомания
Mercurio — Меркурий, бог торговли	<i>Mercurio (en termómetros y esfigmomanómetros), mercurialismo</i>	Меркуриализм (хр. отравление ртутью)
Mnemosina — Мнемозина, богиня памяти	<i>Mnemoastenia, mnémico, mnemotécnica</i>	Мнемоастения, мнемотехника
Morfeo — Морфей, бог сновидений	<i>Morphinismus, morphinomania</i>	Морфинизм, морфиномания
Ninfas — нимфы	<i>Ninfas (labios menores), ninfomanía</i>	Нимфомания
Priapo — Приап, бог плодородия	<i>Priapismo</i>	Приапизм
Panacea — Панацея	<i>Panacea</i>	Панацея
Tanatos — Танатос, бог смерти	<i>Tanatologia, tanatofobia</i>	Танатология, танатофобия
Venus — Венера, богиня любви	<i>Venéreo, enfermedades venéreas, contagio venéreo, etc., collar de Venus, monte de Venus</i>	Венерический, мост Вены, ожерелье Вены

Следует отметить, что во всех вышеперечисленных терминах ИС уже утратили свою основную функцию: выделения лица из ряда ему подобных и приобрели иную: они используются для обозначения предметов или процессов, объединенных по определенному признаку, т.е. в функции ИН.

Имена богов любви Афродиты, Венеры, Эроса встречаются во многих терминах: *afrodisíacos* — *афродизиак* — средство, усиливающее половое влечение, *anafrodita* — термин, образованный при помощи приставки *-an* (отсутствие) и ИС *Afrodita*, употребляется в значении *фригидность*; *enfermedades venéreas* — *венерические заболевания* — заболевания, передающиеся половым путем; *erotismo* — *эротизм* — проявление сильного полового чувства. Мания — богиня безумия. Соответствующий ТЭ встречается в названиях заболеваний, психических расстройств. Фобия — богиня страха, ТЭ: -фобия присутствует в названиях заболеваний, душевных расстройств, вызванных боязнью чего-либо.

Боги в Древней Греции мыслились антропоморфными, их наделяли всеми человеческими качествами. В Элладе к VII в до н.э. сложился культ Асклепия, бога-целителя, прообразом которого был царь Фессалии и глава врачебной школы *Esculapio* — Асклепий, упоминающийся в «Илиаде». Латинский вариант его имени *Aesculapius, Esculapius* — *Эскулап* закрепился в языке медицины, означая опытного врача, корифея медицины. В греческой мифологии Асклепий — сын Аполлона, бога солнечного света,

почитаемого как врачеватель богов и бог врачевателей. В испанском языке *El Caduceo, el Bastón (la vara) de Esculapio* — жезл или посох Эскулапа считаются символами медицины. Имена детей Асклепия: Гигеи — богини здоровья и всеисцеляющей Панакии (гр.: πανάκεια, лат.: panacēa) — покровительницы лекарственного врачевания, мы встречаем в современном варианте «Клятвы Гиппократата»: *Por Apolo médico y Esculapio, juro: por Higeia, Panacea y todos los dioses y diosas a quienes pongo por testigos de la observancia de este voto, que me obligo a cumplir lo que ofrezco con todas mis fuerzas y voluntad.* Hipócrates de Cos (460—377 a.C). «Клянусь Аполлоном врачом, Асклепием, Гигеей и Панакеей и всеми богами и богинями, беря их в свидетели, исполнять честно, соответственно моим силам и моему разумению, следующую присягу..» [478, с. 140]. Исп.: *La panacea* — панацея, лекарство от всех болезней, имена Гигеи и сына Асклепия — Танатоса, бога, олицетворяющего смерть, дали названия наукам: *hygiene* — гигиена, наука о факторах окружающей среды, влияющих на здоровье человека и *tanatología* — наука о смерти. Имя Гипноса (гр.: Ὕπνος) — бога сна, способствовало образованию термина *hypnosis* — гипноз, особое состояние сознания, похожее на сон, в котором человек является более восприимчивым к чужой воле. Соответствующий корневой ТЭ *hipn-* (*гипн-*) присутствует в ряде клинических терминов: *hipnosia, hipnosis, hipnotizable, hipnótico, hipnofobia, hipnogenesis*. Его латинский эквивалент *Somnus* (ТЭ — *somn-*) также является корневым в ряде медицинских терминологических единиц испанского языка, имеющих общее семантическое значение «относящийся ко сну». Исп.: *somnifero* — снотворное средство, *somniloquio* — человек, разговаривающий во сне, *somniloquia* — заболевание, связанное с разговором во сне, *sonambulismo* — сомнамбулизм, лунатизм. Имя сына Гипноса, бога сновидений Морфея, (гр.: Μορφεύς), соотв. ТЭ *морфин-* (*morfin-*), присутствует в латинизированном термине *Morfinum, i* — морфин, алкалоид, выделенный в 1805 г. немецким химиком Ф. Зертюрнером из снотворного, опийного мака, назван в честь греческого бога Морфея. *Morphinismus, morphinomania* — разновидность наркомании, при которой предметом пристрастия является морфин, *morfinista* — человек, страдающий этой зависимостью. От ИС *Mirra, Mirtis, Myrrhis, Myrrha, Esmirna*, принадлежавшего богине, переселившейся в дерево *mirra*, образовано слово *myrrhacorum* (*medicamento*), от мифического имени богини моря *Talasa*, что значит «море» — термин *talasoterapia* — лечение морской водой; имена богинь, излечивавших различные заболевания, получили болезни: *angina* — *ангина* (от *Angerona*), *mania* — *мания*, заболевание и ТЭ (от *Mania*), *la esterilidad* — *бесплодие* (от *Esterela*), *la fiebre* — *лихорадка* (от *Febris*). Некоторые апеллятивы мифических ИС настолько прочно закрепились в медицинской терминологии, утратив свое первоначальное значение, что сейчас никто не воспринимает их в качестве

ИС. Почти забыто, что *Leucotea* — «*Diosa Blanca*» (Белая богиня), а соответствующий ТЭ *-leuco, -leuca, -leukós*, со значением «белый» можно встретить во многих клинических терминах, имя: *las Diosas Linfas de las Aguas*, образовало корневой ТЭ *-limf*, исп.: *-linf, linfa, linfático* [153].

В.Н. Топоров пишет, что у древних народов ономастизировались многие категории объектов реальной действительности, которые в настоящее время у нас даже не мыслятся как способные иметь собственные имена. В то же время в древности люди отводили очень большое место предметам созданного ими фантастического мира (см., например: [490, с. 8]). Греческая мифология глубоко отразилась не только в культуре и искусстве — без знания мифологии трудно понимать многие классические произведения, сюжеты картин и скульптурных групп, а также истоки приемов врачевания и многие медицинские термины.

Обратимся к мифоперсонам и мифозоонимам. Мифоперсоны и мифозоонимы (ИС персонажей и ИС фактически не существующих животных, действующих в мифах) в интернациональной медицинской терминологии могут использоваться для номинации органов, частей тела, а также обозначения патологических изменений в организме человека.

Рассмотрим некоторые примеры подобных терминологических единиц, в которых ИС употребляются в полной форме. Имя Тантала — сына Зевса, принадлежавшего к кругу доолимпийских горных божеств, который за преступления, совершенные против богов, был наказан муками голода («Танталовы муки»), известно по произведениям Софокла и Платона; имя Полифема — циклопа, питавшегося сырым мясом, по произведению Гомера. Термин *síndrome de Tántalo y Polifemo* — синдром Тантала и Полифема — психическая анорексия (патологическое желание потери веса), навязчивое состояние, характеризующееся двухфазной симптоматикой: проявлением первой фазы является сознательный отказ от пищи, второй — булемия (поедание большого количества пищи, при патологии, совместно с приемом слабительных). В данном случае наличие идеосемантической ассоциативной составляющей в значении термина, на наш взгляд, является очевидным.

Мифоперсоны часто встречаются среди терминов, используемых в психоанализе: существует синдром, названный по имени Ио, ставшей причиной раздора между Зевсом и его женой Герой. Согласно «Метаморфозам» Овидия, Ио обречена на длительные скитания. Болгарский врач В. Йончев описал этот синдром как разновидность хронической таскинезии, т.е. повышенной двигательной активности, которая наблюдается при поражениях головного мозга. Таскинезия не ограничивается пределами помещения, больные проходят в день десятки километров. *Complejo de Electra* — комплекс Электры — женский вариант Эдипова комплекса — *complejo de Edipo*, термины классического

психоанализа. В первом термине в качестве основы выступает миф об убийстве микенской царевной Электрой своей матери как мести за убийство ею своего мужа и отца Электры, во втором случае — миф об Эдипе, герое древнегреческой мифологии, убившем фиванского царя Лая, не зная, что это его отец. *Complejo de Orestes* — комплекс Ореста также выступает как частное проявление Эдипова комплекса.

В числе интернациональных терминов, служащих для обозначения различных психических расстройств, можно встретить *complejo de Diana* — комплекс Дианы, *complejo de Medea* — комплекс Медеи, *complejo de Antígona* — комплекс Антигоны. Во всех вышеперечисленных примерах ИС известных древнегреческих мифических персонажей использованы с целью обозначения ассоциативных связей, характерных для определенного типа патологического поведения.

Среди эпонимов, образованных на основе мифоперсонажа, встречаются интернациональные термины-архаизмы, некоторые из них долгое время использовались в медицинской практике и даже были латинизированы: *enfermedad (mal) de Hércules*, лат.: *Hercules morbus* — Геркулесова болезнь — эпилепсия. Считают, что данный термин использовался в медицине на протяжении двух тысяч лет, болезнь названа по имени древнегреческого героя, сына Зевса, который был ей подвержен. Существуют и более «молодые» эпонимы-архаизмы: *mal de Ondina*, *maldición de Ondina* — проклятие Ундины / синдром абструктивного сонного апноэ. При этой нозологической форме утрачивается автоматический контроль вентиляции, и дыхание регулируется только произвольно. Синдром назван по имени героини, описанной Фридрихом ля Мотт Фуке в 1811 г., в основу термина положена легенда, согласно которой русалка Ундина, обманутая мужем, лишает его всех автоматических функций, в том числе и дыхания. Следует отметить, что в представленных примерах ИС используются для обозначения физиологических патологических изменений.

На основе ИС мифических литературных персонажей образованы названия частей тела: исп.: *Atlas* — атлант, (лат.: *atlas*, *ntis m*), первый шейный позвонок, назван по имени древнегреческого титана, державшего на плечах небесный свод, *tendón de Aquiles* — ахиллово, пяточное сухожилие (лат.: *calcaneus Achillis*), по имени героя Троянской войны Ахилла, мать которого окунула его в воды Стикса, чтобы сделать неуязвимым.

Мифоперсонажи могут также выступать в качестве терминообразующих морфем: *Arachne* — Арахне — имя мифологической красавицы из Колофона, славившейся как вышивальщица и ткачиха. Арахне решила состязаться в искусстве вышивания с самой Афиной, которая в наказание за хвастовство превратила девушку в паука.

Соответствующий термин *aracnoides encefálica* — паутиная оболочка, словообразующая морфема которого: -arachno, исп.: aracno (паук) присутствует в ряде терминологических единиц: *aracnoidismo* — дерматоз, вызванный укусами некоторых видов пауков, *aracnitis* — арахноидит, воспаление паутиной оболочки и т.д. В данном случае в качестве семантической основы используется ИН (согласно мифу, этимологически восходящее к мифоперсониуму). От греческого именованная козлоногих демонов плодородия, Сатиров, славящихся сексуальной активностью, образованы термины *satiriasis*, *satiromania* — избыточная половая активность, *satiro* — человек, страдающий сатириазом.

Мифические ИС используют также для обозначений различных новообразований, подобные термины могут быть монолингвальными: *ganglio délfico* — увеличение лимфатического узла в области перстнещитовидного сустава гортани. Термин образован от латинского прилагательного *delphicus*, относящегося к названию греческого города Delfos — Дельфос или *oráculo de Apolo en Delfos* [66]. *Oráculo de Apolo en Delfos* — Дельфийский оракул — храм в честь Аполлона, в котором жрецы предсказывали будущее. В испанском термине явно присутствует метафора, так как *ganglio délfico* является прогностическим термином, который связывают с признаками злокачественного процесса [120, р. 63]. Термин-метафора, который часто употребляется в испанской медицинской терминологии *cabeza de Medusa* — голова медузы — расширение околопупочных вен, симптом возможного цирроза печени, также образован на основе мифического ИС Медузы Горгоны — змееголового чудовища.

На основании вышепредставленных примеров можно сказать, что термины, образованные от мифических ИС, использовались и используются в медицине для обозначения различных физиологических и психических патологических процессов, новообразований, а также частей человеческого тела.

Мифонимы, благодаря ярко выраженной идеосемантике сакрального ИС, на основе которого они образованы, представляют собой значимую словообразующую часть термина. Будучи понятными для большинства людей, они легко запоминаются и поэтому удобны в употреблении. Являясь специализированными на выражении определенных значений в медицинской терминосистеме, терминообразующие морфемы-мифонимы выполняют важную классифицирующую функцию в медицинской терминологии, способствуя формированию новых интернациональных терминологических единиц.

Агионимы в медицинской терминологической лексике

В период классического средневековья идеология западноевропейского общества определялась прежде всего церковью. Испания — страна с прочными религиозными традициями. Характерной чертой испанской медицинской лексики этого времени является появление агионимов в именовании болезней.

Термин «агионим» образован от гр.: *agios* — священный, святой и *опута* — имя. Понятие «святой», «святость» появляется в Ветхом завете, его этимология имеет еврейские корни: *кодеш* (*kdsh* — «святость», «священность»). В целом, прилагательное «святой» — религиозный термин, равнозначный понятию «божественный». В Новом Завете эквивалентами еврейского «кодеш» являются греческие слова: прилагательное «агиос» и глагол «агиазо». «Агио» очень часто относится к христианам, их называют «святые, агии», что означает «выделенный на служение и славославие Богу» [419]. В основе агионима может находиться библейское ИС либо ИС святых Христианской Церкви.

Агионимы испанского языка являются сложными по своей структуре. В основе агионима всегда присутствует агиоантропоним — библейское ИС либо ИС святых Христианской Церкви, которые, как правило, сопровождаются краткой либо полной формой имени прилагательного *Santo (a)* — святой (ая). В словаре Испанской Королевской Академии наук отмечено, что употребление полной формы указанного прилагательного характерно лишь перед женскими именами собственными, например: *Santa Teresa* — святая Тереза, *Santa Bárbara* — святая Барбара (Варвара) и несколькими мужскими: *Domingo, Tomás, Tomé, Toribio* [66]. Во всех остальных случаях в агиониме употребляется лишь редуцированная форма — *San*.

Обратимся к ИС библейского происхождения. Библейские ИС способствовали появлению в медицине многих терминологических единиц, служащих как для топографического обозначения органа: *lira de Davis* — *лира Давида*, *nuez de Adán*, *manzana de Adán* — *Адамово яблоко*, *кадык*, так и для называния патологических процессов и состояний: *complejo de Adán*, *complejo de Adán y Eva* — *комплекс Адама* или *комплекс Адама и Евы*, *síndrome de Job* — *синдром Иова*. В основе подобных именовании всегда присутствуют аллюзии, связанные с библейским сюжетом: имя Иова, страдальца, пораженного «проказою лютою от подошвы ноги его по самое темя его» (см.: кн. Иова 2:6,7 [270]) ассоциируется с множественными поражениями кожи. *Síndrome de Job* — *синдром Иова* является наследственным дефектом иммунитета, при котором у больных детей наблюдаются множественные рецидивирующие абсцессы, проявляющиеся при рождении и сохраняющиеся годами. В фармацевтической

терминологии русского языка имя Иова также используют в номенклатурных терминах, названиях серии современных гомеопатических лекарственных препаратов, применяемых при лечении изнуряющих хронических заболеваний вялотекущего характера: «Иов-диабет», «Иов-венум», «Иов-малыш», «Иов-нефролит». В испанском языке имя Иова можно встретить среди терминов-архаизмов, служивших для обозначения тяжелых кожных заболеваний: *enfermedad de Job* — *проказа, лепра*. Следует отметить, что в данном примере в качестве ассоциативного признака выступают внешние проявления заболеваний.

Библейские онимы имеют особую идеосемантику. Один и тот же библейский сюжет по-разному воспринимается представителями различных национальных культур, что, в свою очередь, может проявляться при использовании одного и того же имени для обозначения различных заболеваний.

Обратимся к примеру, когда употребление одного и того же библейского ИС связано с различными коннотациями. С именем Адам связано несколько терминологических единиц испанского языка: *deficiencia de Adán* или *ADAM* — андропауза, так как согласно Библии Адам прожил 930 лет (см.: Быт 5.6 [270]), *complejo de Adán* — *комплекс Адама*, симптомокомплекс, характерный для руководителя, который считает нужным давать собственные «этикетки» всему, что его окружает, т.е. ведет себя как первочеловек, *manzana de Adán* — *Адамово яблоко*, название ассоциируется с библейской историей, согласно которой запретный плод, яблоко из райского сада, которое вкусил Адам, застряло у него в горле. В русском языке мы встретили только один эпоним-архаизм: *Адамово яблоко*, симптомокомплекса с подобным значением в медицинской литературе не описано, омоакроним *АДАМ*, со значением «недостаток тестостерона» (заболевание, возникающее в любом возрасте), является англицизмом-неологизмом, который невозможно разложить по составляющим.

Подобные эпонимы часто являются монолингвальными: в медицинской терминологии испанского языка нами отмечены такие термины, как *síndrome de la mujer de Lot*, *síndrome de Lot*, этимологически связанные с предыдущей притчей, но имеющие иные ассоциативные коннотации. Покидая Содом — «город греха» — обреченный Богом на разрушение, жена Лота послушалась божьего повеления, и была наказана, превратившись в соляной столб (типичные для ландшафта этой местности).

Нарушение солевого баланса в организме человека связано со множеством патологических процессов. Эпоним *síndrome de Lot* — букв.: синдром Лота невозможно перевести на русский язык, не используя длинное клиническое описание: гиперкальциноз и гиперкальцемия, вызванные гиперпаратиреозом. Объяснение значения термина *síndrome de la mujer de Lot* — *синдром жены Лота* также не является простым:

хроническое отсутствие жажды и возникновение гипернатремии без нарушения почечных функций при лейкемии спинного мозга, вызванной деструкцией осморецепторов гипоталамуса, контролирующей жажду и секрецию вазопрессина [120, p. 65].

Большая часть эпонимических терминов, содержащих ИС святых Христианской Церкви — архаизмы, применявшиеся для обозначения различных патологических состояний человека. В испанском языке существовали такие названия заболеваний, как *mal de San Roque* — чума, силикоз, *mal de San Benito* — литиаз, мочекаменная болезнь, *mal de San Mauro* — подагра.

Одно заболевание могло иметь несколько подобных названий: *enfermedad de Huntington* — *хорея малая* именовалась *mal de San Vito / baile de San Vito / enfermedad de San Juan*. Эпилепсия называлась *mal de San Juan* — болезнь святого Иоанна или *enfermedad de San Lupo*, который, согласно легенде, наказал ею одного из епископов, но исцелил после раскаяния.

Лепра, проказа — *mal (enfermedad) de San Lázaro*, именовалась *болезнью святого Лазаря*. Вплоть до XIX в. в испанском языке присутствовал термин *lázaro, lazarino* — человек, страдающий этой болезнью. Монахи ордена святого Лазаря — *Orden de los Caballeros de San Lázaro de Jerusalén* — *lazaristas*, посвятившие себя уходу за прокаженными, создавали *casas de San Lázaro* — лечебницы, в которых оказывали помощь таким больным. Позже их стали называть *hospitales de San Lázaro, lazareto* — *лазарет*, больница, лечебница. В средневековой Испании, собирая подаяние, по улицам ходили *lazarosos* — прокаженные, которые имели право выходить из лепрозориев только в особых случаях и лишь имея в руках *tablillas de San Lázaro* (букв.: дощечки святого Лазаря, трещотки), чтобы предупредить людей о своем приближении:

«¿oyes ese ruido?

son ellos...

...son la cohorte de los apestados los mendicantes

los que hacen sonar entre sus dedos

poemas de amor no atendido

tablillas de San Lázaro» [63, p. 9].

Из-за тяжелых кожных поражений конечностей лепру часто путали с другим заболеванием, в названии которого также присутствует агионим: *fiebre de San Antonio / fuego de San Antonio* — *гангрена / Антонов огонь / эрготизм*. Эпоним связывают с именем святого Антония, который во время одной из эпидемий якобы смог остановить заболевание, свирепствовавшее на территории Европы. В 1039 году во время очередной эпидемии во Франции Гастон де ла Валлуар (Gaston de la Valloire) построил госпиталь, посвященный памяти св. Антония. Антониты заботились о пораженных недугом людях, и те иногда излечивались. После этого болезнь стала известна как «огонь святого Антония». Ужас, который внушала

неотвратимая смерть, был столь велик, что породил огромное количество названий, болезнь связывали с именами многих святых: *San Adrián, San Cristóbal, San Valentín, San Egidio, San Roque*.

В средневековые люди прибегали к помощи святых при самых различных заболеваниях: *San Cristóbal* защищал от таких болезней, как чума и эпилепсия, *San Blas* — от болезней горла, *San Lorenzo* — спины, *Santa Apolonia* — зубов, *Santa Margarita de Antioquia* помогала беременным. Из всех вышеперечисленных только два названия могут быть определены как международные термины, использовавшиеся в медицине вплоть до XX в.: *fuego de San Antonio* — *Антонов огонь* и *baile de San Vito* — *пляска святого Витта*, которая ранее в русском языке именовалась *пляска святого Гвидона*.

Мы полагаем, что агионим всегда связан не только с образом конкретного святого, но и с соответствующей ветвью Христианской религии, в данном случае с Католической Церковью. Однако имена святых Православной (Россия) и Католической (Испания) Церквей могут быть различны, в случае, если канонизация произошла после раскола 1054 г. Имена *San Adrián, San Cristóbal, San Valentín, San Egidio, San Roque* для русского человека не будут ассоциироваться с теми заболеваниями, для обозначения которых они могли использоваться в испанском. «Чужой» агионим, идеосемантика имени которого неизвестна, не способствует возникновению сходных концептов, не найдет отражения в концептуальной картине другой культуры. Поскольку данные термины по своей структуре не отличаются от остальных эпонимов, но наблюдается сильнейшая дифференциация образов, можно предположить, что в процессе эволюции медицинских знаний, требовавшейся профессиональной коммуникации, они оказались не востребованы и перешли в разряд архаизмов.

Тем не менее, агионимы не исчезли бесследно из медицинской лексики. В испанском языке по-прежнему встречаются, а иногда и активно используются в научно-популярном медицинском дискурсе народные наименования лекарственных растений, образованные на основе агеоантропонима.

Люди придумали немало названий растениям, которые издавна помогали при лечении различных заболеваний. В современном испанском языке некоторые из таких названий используются повсеместно, употребление других характерно лишь для жителей определенной местности, а часть является архаизмами, сохранившимися только в редких литературных источниках.

Как и термины-эпонимы, испанские народные названия лекарственных растений, образованные на основе агионимов, представляют собой двух или трехкомпонентные наименования и состоят из ядерного и ономастического компонентов.

Ядерный компонент, несущий основную смысловую нагрузку, обычно представлен общеботанической лексикой: *Árbol*, *Hierba*, *Flor* — дерево, трава, цветок либо словами-метафорами: *Cordón* — пояс, *Vara* — посох, *Lágrimas* — слезы. Реже встречаются апеллятивы, классифицирующие родовую принадлежность объекта: *Lirio* — лилия, *Rosa* — роза, *Laurel* — лавр. Ономастический компонент названия — это агионим, который, в свою очередь, содержит агиоантропоним и редуцированную форму прилагательного *San* (от *Santo* — святой) или полную *Santa* — святая. Интересно отметить, что, если в названии присутствует антропоним ветхозаветного персонажа, данное прилагательное не употребляется. Обычно говорят *Árbol de Abraham* — Авраамово дерево (*Vitex agnus-castus* — прутняк), *Trompetas de Aarón* — Аароновы трубы (*Arum italicum* — аронник итальянский), хотя и Авраам, и Аарон причислены к лику святых, поэтому полный агионим должен выглядеть следующим образом: *Santo Abraham*, *Santo Aarón*.

Имена святых Христианской церкви или библейских персонажей встречаются в народных названиях деревьев: *Árbol de San Gregorio* (*Prunus radus*) — черемуха обыкновенная, *Árbol de San Juan* (*Morus nigra*) — шелковица черная; кустарников: *Hierba de San Martín* (*Daphne laureola*) — волчегодник, *Ramos de San Pedro* (*Crataegus monogyna*) — боярышник однопестичный, *Árbol de Abraham* (*Vitex agnus-castus*) — витекс священный, прутняк, монаший перец; трав: *Hierba de Santa Catalina* (*Imperatoria ostruthium*) — горичник, царский корень, *Helecho de San Cristóbal* (*Osmunda regalis*) — чистоус королевский, папоротник королевский; цветов: *Hierba de San Jerónimo* (*Digitalis lutea*) — наперстянка желтая, *Joyas de San Juan* (*Leucanthemum vulgare*) — нивяник обыкновенный, ромашка белая, поповник.

Это могут быть культивируемые растения, как: *Árbol de San Andrés* (*Diospyros lotus*) — хурма кавказская и *Hierba de San Nicolás* (*Kalanchoe pinnata*) — комнатный женьшень, а также дикорастущие, например: *Hierba de San Roque* (*Pulicaria dysenterica*) — девясил и *Hierba de San Segismundo* (*Saxifraga vayredana*) — камнеломка; пищевые: *Calabaza de San Roque* (*Lagenaria vulgaris*) — бутылочная, мускатная тыква; ядовитые: *Hierba de Santa Clara* (*Solanum nigrum*) — паслен черный.

Растения, названные именами святых, встречаются повсеместно. Например, в песчаной прибрежной зоне растет *Lirio de Santa Cristina* (*Pancreatium maritimum*) — панкратий морской, «морской нарцисс»; около водоемов — *Lirio de San José* (*Iris pseudacorus*) — ирис водяной, в лесах — *Hierba de San Lorenzo* (*Ajuga reptans*) — живучка ползучая. *Hierba de San Marcos* (*Tanacetum vulgare*) — пижма обыкновенная и *Hierba de Noé* (*Herniaria glabra*) — грыжник гладкий являются представителями луговой и полевой флоры.

Такие растения, как *Hierba de San Nicolás* (*Tecoma stans*) — желтый тюльпановый куст и *Zapatitos de San Antonio* (*Caesalpinia Gilliesii*) — Цезальпиния Джильса, используются для украшения сада, а *Hierba de Santa Bárbara* (*Barbarea vulgaris*) — сурепка обыкновенная и *Hierba de San Guillermo* (*Agrimonia eupatoria*) — репешок обыкновенный считаются сорными.

В Испании существует множество растений, которые в той или иной степени ассоциируются с образом святого или носят его имя. Например, свежую зелень петрушки всегда преподносят святому Панкратию (*San Pancrácio*) — покровителю торговли, чтобы привлечь удачу в делах, а пион, горечавка, зверобой продырявленный имеют народные названия по имени святого. *Hierba de San Jorge* (*Paeonia officinalis*) — трава святого Хорхе (Георгия) или пион расцветает, как правило, накануне 24 апреля — дня празднования этого святого, христианского мученика II в., покровителя Каталонии и Арагона, поэтому названа его именем [197, p. 86—90].

Иногда агионим отражает и скрытую, фоновую информацию, имеющую дополнительное коннотативное значение, например, растение *Zarzaparrilla* (*Smilax medica*) — Сарсапарель, относящееся к семейству ежевичных, называли по имени библейского прародителя Ноя: *Hierba de Noé*, т.к. оно является древним растением, которое руками человека «не сеяно, не выращено» [192, p. 313].

Такие цветы и травы, согласно поверьям, обладали различными магическими свойствами. Например, *Hierba de San Cristóbal* (*Actaea spicata*) — воронец колосистый и *Hierba de San Pedro* (*Gentiana lutea*) — горечавка желтая, принадлежали арсеналу ведьм, входили в состав волшебной мази, которую те, якобы, употребляли для своих полетов. Кроме того, мазь, приготовленная на их основе, имела чудодейственную силу, позволяющую «лошади три дня скакать без усталости, без еды и питья» [197, p. 87].

Как правило, растения имеют различные целебные свойства. Лекари и знахари активно использовали «святую фитотерапию» при лечении многих заболеваний. Так, *Hierba de Santa Lucía* (*Salvia verbenaca*) — травка святой Лусии или *gallocresta* — петушиный гребешок, шалфей вербеновый применялась при болезнях глаз. Считали, что стоит лишь приложить растертую зелень к векам, и человек вновь обретет зрение. Растение названо в честь Лусии Сиракузской, покровительницы незрячих больных, чье имя в переводе с латинского означает «свет». *La flor de San Diego* (*Ranunculus spp.*) — растение семейства лютиковых употребляли при лечении бесплодия и при нарушениях менструального цикла, *Hierba de Santa Isabel* (*Verbena officinalis*) — вербена лекарственная использовалась при респираторных заболеваниях, при болезнях кожи и т.д.

Каждая область или провинция имела своего покровителя и свой «набор» лекарственных трав, которые традиционно применялись в народной фитотерапии. Поэтому одно лекарственное растение могло называться по именам разных святых. Например, пион (*Paeonia officinalis*) называли *Rosas de San Jorge*, *Flor de San Jorge*, *Flor de Santa Rosa*, *Rosa de Santa Clara*; валериану красную (*Centranthus ruber*) — *Flor de San Juan*, *Flor de San Jorge*; первоцвет, примулу весеннюю (*Primula veris*) — *Flor de San José*, *Flor de San Pablo*, *Flor de San Pedro*. Представленные примеры позволяют отметить, что один агионим мог использоваться и для обозначения разных растений: *Flor de San Jorge* — пион и первоцвет.

Христианская традиция сохраняет агиоантропоним в наименованиях церковных праздников — эортонимах (от греч. *'Eorte* — праздник, термин И.В. Бугаевой), что дает возможность говорить о трансноминании в процессе вторичной номинации [283, с. 125]. Мы полагаем, что в испанском языке появление агиоантропонима в наименовании растения в некоторых случаях непосредственно связано с традиционными религиозными праздниками, поэтому подобная трансноминация характерна и для именования лекарственных растений.

День летнего солнцестояния Католическая Церковь традиционно посвящает *San Juan Bautista* — Иоанну Крестителю, единственному святому (кроме Иисуса Христа и пресвятой Богородицы, прим. наше), которому чествуют рождение, а не смерть [197, р. 47]. Традиции, связывающие растительный мир с ночью святого Иоанна (*noche de San Juan*), очень многочисленны.

В Испании с древних времен существует поверье, что растения, собранные ранним утром святого Иоанна, обладают целебной, магической силой. Например, говорили, что тому, кто поутру соберет вербену, никакая хворь не страшна:

«Al que coja la verbena
la mañana de San Juan
no le pica la «culiebra»
ni bicho que haga mal» (испанская пословица).

Поэтому цветы и травы, которые в той или иной степени связаны с этой ночью, в народе называют *sanjuaneras*.

Народная молва соединяет имя святого Иоанна с такими растениями, как *Achillea millefolium* — тысячелистник обыкновенный, *Glechoma hederacea* — кошачья мята, *Helichrysum stoechas* — бессмертник лавандовый, *Salvia sclarea* — шалфей мускатный, *Tanacetum balsamita* — пижма бальзамическая, *Corydthymus capitatus* — чабрец, тимьян, *Epilobium angustifolium* — Иван-чай, кипрей. Однако наиболее известными и популярными являются *Artemisia vulgaris* — полынь обыкновенная и *Nyctericum perforatum* — зверобой продырявленный.

Люди верили, что полынь, собранная ранним утром в день святого Иоанна, придаст силы, здоровье. Окуривание супружеской спальни полынным дымом будет способствовать миру в семье, листья полыни, развеянные над пашней, помогут собрать отличный урожай, из них также готовили специальные «духи», разгоняющие злые силы [197, p. 48—50]. Название *Hierba de San Juan* активно используется и в современном испанском языке, полынь также называют *Corona del Bautista* или *Flor de San Juan* [106].

Однако чаще под травой святого Иоанна понимают две видовые формы зверобоя: *Hypericum perforatum* и *Hypericum maculatum* — зверобой продырявленный и зверобой пятнистый.

Hierba de San Juan — Иванова трава расцветает накануне 24 июня, *El día de San Juan Bautista* — дня святого Иоанна. Согласно раннехристианской легенде, в том месте, где несколько капель крови упали на землю, когда палач нес голову казненного Крестителя царю Ироду, возшел цветок, листья и цветы которого обладали целебной силой. Темно-оранжевый цвет сока растертых листьев зверобоя напоминал о пролитой крови Иоанна, поэтому люди стали называть растение его именем.

Народное название стало настолько известным, что иногда употребляется в научно-популярной медицинской литературе с любым другим ядерным элементом: «Por suerte, los beneficios de la *planta de San Juan* han sido recientemente redescubiertos» [132, p. 44] или просто по агниониму, например: «Encontraron que las personas que sufren de depresiones leves y moderados les va mejor con *el San Juan* (63,99% de pacientes que mejoran) que son antedepresivos convencionales (58,5 %)» [132, p. 45].

Одно растение народ именовал по-разному, отражая в названии те или иные его особенности. Так, в испанском языке зверобой называют: *Hipérico*, *Hiperición*, *Corazoncillo*, *Hierba de San Juan*, *Sanjuanera*, *Sanjuanes*, *Hierba de las heridas*, *Hierba militar*, *Alfalfa argentina* — зверобой, трава святого Иоанна, трава раненых, военная трава (зверобой активно использовали при лечении ран, полученных в ходе сражения), люцерна аргентинская. Поэтому синонимия, характерная при вторичной номинации, неизбежно отмечается и данном случае.

Широкая идеосемантика агнионимов способствовала возникновению многих синонимичных названий: в процессе исследования нами выделено около 60 агноантропонимов, участвующих в номинации более 100 растений.

Наиболее популярными в испанском языке являются имена святого Иоанна (32 наименования различных растений), Хосе (17), Антония (14), Лусии (11), Петра (9).

Когда для именованного растения использовался общепризнанный агноантропоним, название могло оставаться известным, широко

употребительным и использовалось в других языках. Так, зверобой связывают с именем Иоанна Крестителя не только в испанском, но и в английском (*St. John's wort*), немецком (*Johanniskraut*) а также русском (Иванова трава) языках.

В некоторых случаях употребление народных наименований лекарственных растений, образованных на основе агнионима, присуще и современной испанской медицинской терминологии. Например: «*El San Juan también viene en tabletas y cápsulas hechas de polvo de la hierba seca*» [132, p. 48].

Нами встречены торговые названия новых лекарственных препаратов, в которых употребляются агнионимы: «*Hierba de San Juan. Una-al-día*» — букв.: «Трава святого Иоанна. Таблетка в день» или «*Hierba de San Juan. Extracto estandarizado, polvo*» — «Экстракт травы святого Иоанна, стандартизированный, в порошке».

Метафорическая номинация также характерна для образования испанских народных названий лекарственных растений на основе агнионима. *Sello de Salomón* — печать Соломона, шестиконечная звезда, в русском языке более известная как *щит (звезда) Давида* — название лекарственного растения *Polygonatum odoratum* — купена душистая. Каждый год, отмирая глубокой осенью, ее стебли образуют рубец на корневище, по форме напоминающий ту самую печать Соломона. Согласно преданию, именно таким образом он отметил это растение, как особенно полезное. В названии *Leche de Santa Teresa* (*Euphorbia helioscopia* — молочко святой Терезы — молочай) также присутствует метафора, т.к. сок этого растения внешне похож на молоко. Однако гораздо чаще метафора используется при формировании названий растений, образованных от агнионимов, содержащих имена Богородицы и Иисуса Христа.

Пожалуй, самым известным народным названием, в котором упоминается имя Богородицы, является *Cardo de María, Cardo mariano* (*Silybum marianum*) — расторопша пятнистая, Марьин татарник, чертополох Святой Марии. Дело в том, что расторопша издавна почитается как сильное лекарственное растение, «подарок девы Марии». Название связано с внешним видом цветка, листья которого имеют белые пятна, по цвету напоминающие молоко. Согласно христианской легенде, именно в куст чертополоха Мария пыталась спрятать Христа от солдат Ирода, не заметив, что несколько капель молока попало на его листья. По преданию, Богородица указала людям на целебные свойства расторопши.

Благодаря внешнему виду, напоминающему башмачок, *Cypripedium calceolus* (башмачок настоящий, венерин башмачок) называют *Zapatitos de la Virgen María*. Растения, метелки и колоски которых имеют множественные плоды, в народе издавна сравнивают со слезами. Например: *Lágrimas de la Virgen María, Lágrimas de la Magdalena* (*Allium triquetrum*) —

лук трехгранный, *Lágrimas de la Virgen María* (*Briza maxima*, *Briza media*) — трясунка большая и трясунка средняя, кукушкины слезки.

Пустырник сердечный (*Leonurus cardiaca*), целебные свойства которого издавна известны людям, испанцы также связывают с именем девы Марии. Его называют *Mano de Santa María*, что значит: чудодейственное средство Девы Марии, *Hierba de Santa María* называют пижму бальзамическую (*Tanacetum balsamita*).

Совсем другие метафоры присутствуют в названиях, связанных с именем Иисуса Христа: *Sangre de Cristo* — кровь Христова, *Cruz de Cristo* — крест Христов, *Corona de Cristo* — венец Христа, *Pie de Cristo* — след Христов.

Sangre de Cristo — кровь Христова (*Fumaria: officinalis, agraria, bastardi, capreolata*), так называют несколько видов дымянки, потому что цветки этого растения покрыты крапинками, напоминающими кровь.

Существует несколько растений, называемых *Corona de Cristo*: *Paliurus spina-christi* — Христовы тернии, *Sarcopoterium spinosum* — Саркопотериум колючий, *Corona de Cristo*, *Espina de Cristo* (*Euphorbia splendens*) — молочай блестящий. Все они названы так потому, что имеют острые, колючие шипы. Как гласит Евангелие, римские воины надели на голову Христа колючий терновый венец: «и, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский!» (см. Евангелие от Матфея, 27:29 [270]).

Растение, цветы которого напоминают белую тунику Христа, в народе называют *Túnica de Cristo* (*Datura fastuosa*) — дурман индийский; стелющееся растение *Potentilla reptans* — лапчатку ползучую, называют *Pie de Cristo*; растение, листья которого похожи на ладонь — *Palma-Christi* (*Ricinus communis*) — клещевина обыкновенная.

Llagas de Cristo — раны (язвы) Христовы — Крымский ладан, живица (*Cistus ladaniferus*), названо так за его целебные свойства, способность излечивать тяжелые язвенные поражения кожи.

Народные названия растений, которые образованы на основе агиоантропонимов Иисуса Христа и девы Марии, являются известными, встречаются во многих справочных изданиях по фитотерапии, фиксируются словарными источниками испанского языка.

В испанском медицинском дискурсе существует еще один разряд лексики, в котором в течение нескольких веков агиоантропонимы традиционно остаются в активном употреблении. Это названия больниц и других лечебных учреждений. Например, в Мадриде находятся: *El Hospital Universitario Santa Cristina* (основан под названием *Casa de Salud Santa Cristina*), *Hospital Infantil Universitario Niño Jesús*, *Hospital Central de la Cruz Roja San José y Santa Adela*, *Hospital Clínico San Carlos*. В других городах

находятся: *Area Hospitalaria Virgen Macarena* (Sevilla), *Hospital Clínico San Cecilio* (Granada), *Hospital San Agustín* (Avilés), *Hospital Santa Bárbara* (Puertollano), *Hospital Sant Jaume* (Olot), *Hospital San Juan* (Alicante), *Hospital San Pedro de Alcantara* (Cáceres), *Complejo Hospitalario San Millán-San Pedro* (Logroño).

Несмотря на то, что в настоящее время термины, образованные на основе агонимов, не употребляются в современных номенклатурных терминологических источниках, наличие агеоантропонимов в течение долгого времени в медицинской лексике и тот факт, что в некоторых случаях они продолжают оставаться в активном употреблении, является характерной особенностью, отличающей своеобразие испанского медицинского дискурса.

Антропонимы собственно литературного происхождения и имена пациентов в терминологической лексике испанского языка

Еще одним источником антропонимов в терминологической лексике являются имена собственно литературного происхождения.

Рождение медицинской терминологии связано, прежде всего, с литературными трудами. Медицина и литература — стороны общественной деятельности, тесно связанные между собой, и связь эта многогранна. С одной стороны, профессионалы в области медицины, будучи людьми высокообразованными, часто занимаются литературной деятельностью. С другой стороны, болезнь, ее последствия, страдание могут использоваться в качестве сюжетов литературных произведений. Литература также является инструментом, применяемым для получения информации, касающейся различных аспектов медицинской деятельности. Эпонимия — та область терминологии, где литература, без сомнения, оставила наиболее значительные следы.

При исследовании собственно литературных антропонимов, используемых в медицинской терминологии испанского языка, мы выделяем следующие группы имен собственных:

ИС литературных персонажей;

ИС авторов произведений.

Обратимся к ИС героев литературных произведений. Значительная часть терминологических единиц, основой которых является ИС литературного героя — сложные полилексемные термины психоанализа, при этом эпонимам, свойственна экспрессивность, как позитивная, так и негативная. Черты характера, стереотип поведения главного персонажа, находят отражение в именовании процесса. В интернациональной терминологии известны комплексы Дон Кихота (М. Сервантес), Квазимодо (В. Гюго), Дон Жуана (героя многих произведений), Гризельды

(Д. Боккаччо), Леонта («Зимняя сказка» Шекспира), а синдром Отелло — психопатический бред ревности, представляет собой не только термин, но и фразеологизм, часто употребляемый в речи.

Антропонимы собственно литературного происхождения также способны образовывать моноксемные термины-существительные, использующиеся для обозначения процессов, характеризующих определенную психологическую зависимость. В научной литературе нами отмечены такие редко употребляемые термины, как *Gambrinismo* — *гамбринизм* — пивной алкоголизм, по имени героя легенд Гамбринуса, фландрского короля, известного своим пристрастием к пиву, и *donjuanismo* — *донжуанство* — мужской промискуитет. В современной испанской научной литературе психоанализа данный термин может иметь более широкое значение: гиперсексуальность, сексуальный промискуитет.

В терминах встречаются имена героев как хорошо известных произведений, так и менее популярных. Приведем некоторые примеры: *síndrome de Peter Pan* — *синдром Питера Пэна* — интернациональный, широко используемый в последние годы термин, принятый для обозначения своеобразного психологического явления — ненормально затянувшегося мальчишества, неумения и нежелания мальчика повзрослеть (девочки данному синдрому практически не подвержены). Своим появлением термин обязан американскому психологу Дэну Кейли, назвавшему его по имени Питера Пэна — известного героя сказки Джеймса Барри.

В термине *síndrome de Lasthénie de Ferjol* — *синдром Ластени де Ферджоль* использовано малоизвестное имя героини повести французского писателя Barbey d'Aurevilly «История без названия». Сложно определить, по какой причине термин синдром Ластени де Ферджоль не является широко используемым ни в испанском, ни в русском языках. Возможно, данное заболевание встречается в редких случаях, но возможен и факт неудачно выбранной метафоры, малопонятной для окружающих, вследствие малоизвестности произведения и идеосематики антропонима.

Известные литературные онимы обладают яркой идеосемантикой. Использование имени литературного героя всегда вызывает образные ассоциации, отражающиеся в мыслительной деятельности, обуславливающей поведение человека. Психиатрия — та сфера, где стереотип поведения способствует пониманию клинической картины патологии. Поэтому употребление ИС литературных героев представляет собой удачную метафору, правильно воспринимаемую в профессиональной среде.

Мы наблюдаем иную картину, если литературный антропоним используют при обозначении физиологических патологических процессов. В этом случае характеристика клинических проявлений процесса может

быть неясной даже при использовании имени хорошо известного персонажа: *El síndrome de Alicia en el País de las Maravillas* — синдром Алисы в стране чудес — микропсия, неврологическое состояние, затрагивающее визуальное восприятие, когда воспринимаемый объект кажется далеко стоящим. В данном случае можно отметить, что ИС, употребляемое в термине, не способствует полному пониманию его значения. Однако в статье испанского невропатолога Эдуардо Браво Ланге отмечено, что несмотря на то, что совокупность симптомов данного заболевания описана в 1952 г., оно привлекло внимание медиков и получило известность лишь тремя годами позже, именно после того, как было названо по имени литературного героя. Термин *el síndrome de Alicia en el País de las Maravillas* стал популярен и часто употребляется просто по антропониму: *síndrome de Alicia* (см. напр.: [27]).

Рассмотрим еще один пример, когда мотивация выбора ИС литературного персонажа, на наш взгляд, является малопонятной, практически не влияющей на понимание значения терминологической единицы: *síndrome de Rapunzel*, синдром Рапунцель — разновидность непроходимости кишечника, возникающая в связи с систематическим заглатыванием волос и образованием соответствующего конгломерата, вызывающего непроходимость. «E.D. Vaughan и соавторы указывают, что они образовали этот эпоним по имени одного из персонажей сказки братьев Grimm, но почему-то именуют ... этот персонаж в мужском роде. У братьев Grimm действительно есть сказка «Рапунцель» (Братья Grimm «Сказки», Минск, 1983, с. 34—38), главный герой ее — девушка с длинными волосами. Никакого намека на то, что Рапунцель глотала волосы, нет. Каким образом был образован подобный эпоним, неясно» [286, с. 67].

При исследовании терминов, образованных от ИС литературного персонажа, употребляющихся для обозначения физиологических патологических процессов, понять значение эпонима очень сложно, так как аллюзии, возникающие в связи с употреблением ИС, могут быть самые различные: термин *síndrome de Arlequín* — синдром Арлекина используют для обозначения разницы в окраске половин тела новорожденного (по аналогии с костюмом Арлекина, персонажа «Комедии масок», состоявшего из разноцветных лоскутков). В некоторых случаях термин применяют для обозначения кожных поражений наследственной этиологии. В научной литературе употребляют также его аналог-метафору, содержащую антропоним: *feto Arlequín* — букв.: новорожденный-Арлекин. Например: «La ictiosis en arlequín, o feto arlequín, es una forma de ictiosis congénita relativamente rara y grave» [231, p. 48].

Тем не менее, известны случаи употребления литературных антропонимов, которые не только прочно закрепились в международной медицинской терминологии, пройдя процесс полной субстантивации в

течение нескольких веков, но и во вторичной номинации применяются в качестве корневой морфемы, способствуя формированию терминологического гнезда. *Sífilis* — сифилис — от имени пастуха Сифлюса, которое использовал в своей поэме Джироламо Фракасторо, дав его своему герою, за дружбу со свиньей наказанному богами ужасной болезнью, покрывшей его тело сыпью и пустулами. Термин, введенный Фракасторо в 1530 г., положил конец целой серии «этнически оскорбительных» именовании. Известно, что на территории Германии болезнь считали «французской», Греции — «сирийской». Сифилис в то время был известен также как «итальянская», «венцианская», «кастильская», «португальская», «турецкая», «польская» и даже «курляндская» болезни. Образ героя отражал его поведение (способствующее инфицированию), клиническую картину патологических проявлений и одновременно являлся «неоскорбительным» в любой языковой среде.

Вышеизложенное позволяет сказать, что эпонимы, образованные от ИС литературных персонажей — моноксемные и полилексемные терминологические единицы, применяются для номинации патологических процессов психологического и физиологического характера, образуют терминологические гнезда как в испанском, так и в русском языках, активно используются в медицинском дискурсе.

В том случае, если ИС не несет особых идеосемантических коннотаций, способствующих пониманию значения терминологической единицы, эпонимы, образованные на основе собственно литературных антропонимов, не всегда являются широко употребительными.

Для более полного анализа источников ИС в медицинской терминологии испанского языка мы считаем необходимым рассмотреть эпонимы, образованные на основе ИС авторов литературных произведений.

Обратимся к однословным терминам, образованным при помощи суффикса *-ismo*, который в медицинской терминологии используют при обозначении процессов или патологических состояний организма. *Retifismo*, *safismo*, *sadismo*, *masoquismo* — *ретифизм*, *сафизм* или *сапфизм*, *садизм*, *мазохизм* — термины психоанализа, созданные для обозначения сексуальных аномалий, описанных в произведениях литературы. *Safismo* — сапфизм / трибадия, название дано по имени греческой поэтессы, которой приписывают воспевание этой формы половой жизни. *Retifismo* — ретифизм / фетишизм — по имени Nicolas-Edme Rétif, писателя, автора романов, изобилующих эротическими сценами, в которых акцентировано внимание на женские туфли; *sadismo* — садизм, исходя из произведений Донасьена-Альфонса-Франсуа де Сада, более известного под именем Маркиз де Сад (1740), отбывавшего тюремное заключение в течение 27 лет за преступления, связанные с актами насилия и жестокости, описанные в

его произведениях. Эпоним *masoquismo* образован от имени австрийского писателя Leopold von Sacher-Masoch. Захер-Мазох много писал о своих сексуальных фантазиях, однако позже был недоволен тем, что в честь него названа переверсия. Последние три термина были предложены австрийским психиатром Крафт-Эбингом, автором фундаментальной монографии «Половые психопатии» 1886 году. Такие эпонимы «прижились» в медицинской литературе, в настоящее время их используют в интернациональной терминологии, однако, следует отметить, что термин *retifismo* не является широко употребительным в испанском языке, в медицинской литературе чаще встречается его клинический аналог: фетишизм.

Перейдем к полилексемным терминологическим единицам, имеющим в своем составе ИС авторов литературных произведений. Нами обнаружено несколько примеров подобных эпонимов в терминологии испанского языка: среди терапевтов наиболее известным является *el signo de Musset* — симптом Мюссе, подрагивание головы в ритме сердечных сокращений, признак недостаточности клапана аорты, симптом сифилитического аортрита. Жавье Марьятеги в статье «Имя в названии симптома» пишет: «В салонах Парижа конца прошлого века мужчины подражали Мюссе... Это были времена, когда слово «сифилизация» являлось синонимом цивилизации» [149].

Благодаря наличию известного имени, название симптома хорошо запоминается, не вызывая неприятных ассоциаций. В современной терминологии испанского языка эпоним *el signo de Musset* является употребительным, встречается в научных статьях, обозначая признак, проявляющийся при патологии аорты, вызванной различными причинами:

«Los signos de Musset y de Müller consisten, respectivamente, en el bamboleo de la cabeza y de la úvula de torma coordinada con el ciclo cardíaco...» [42 p. 232].

El síndrome de Stendhal — синдром Стендаля, по имени французского писателя Анри Мари Бейля, описавшего в книге «Неаполь и Флоренция: путешествие из Милана в Реджио» свои ощущения во время поездки во Флоренцию. *El síndrome de Stendhal* — психосоматическое расстройство, характеризующееся сердцебиением, головокружением и галлюцинациями, проявляющееся, когда человек находится в зоне воздействия искусства или в месте сосредоточения большого числа объектов искусства. Синдром был описан только в 1979 году итальянским психиатром Грациэллой Магерини. В испанском языке данный эпоним не является широко употребительным, во многих случаях даже не фиксируется медицинскими эпонимическими словарями, хотя является хорошо известным, т.к. одноименная книга выдержала 2 издания. В медицинской терминологии испанского языка нами также не обнаружено название *синдрома Феофраста*, термина, введенного

в 1982 г. В.М. Блейхером и Л.И. Завихлянкой для обозначения опсимии — неподобающего поведения лиц пожилого возраста.

Представленные примеры позволяют сделать вывод, что ИС литераторов используются в терминологической лексике с целью создания ассоциативных связей не с самим автором, но с его персонажами, т.к. черты их поведения служат характеристикой определенных признаков, типичных при проявлении заболевания. ИС автора произведения можно рассматривать как хорошо известный запоминающийся фактор, маркирующий номен.

Нами были рассмотрены ИС известных деятелей литературы, использующиеся в качестве основы эпонимических терминологических единиц испанского и русского языков. В некоторых случаях было отмечено, что подобные ИС могут служить в качестве запоминающейся метки, однако, такие термины не всегда являются широко употребительными. На наш взгляд, следует рассмотреть еще несколько примеров, когда основой эпонима является ИС пациента — выдающейся личности, деятеля культуры или искусства.

Имя известного голландского живописца Ван Гога можно встретить в синонимичных терминологических единицах испанского языка: *síndrome de Van Gogh / enfermedad de Van Gogh* — *синдром Ван Гога*, страдавшего психическим расстройством и во время одного из приступов болезни ампутировавшего себе ухо. Синдром служит для обозначения проявлений шизофрении, когда больные самостоятельно производят себе операцию либо настойчиво требуют оперативного вмешательства врача по незначачим поводам. Хотя данный термин является интернациональным, фиксируется медицинскими словарями испанского языка, он не является высокочастотным. Неврологический эпоним *síndrome de Brueghel* — *синдром Брейгеля* — нижнечелюстная дистония и блефароспазм, по имени нидерландского живописца Питера Брейгеля, назван в соответствии с изображением больного на его картине «Старик». Эпоним также не получил распространения, в испанской медицинской терминологии он известен как *síndrome de Meige* — французского невролога, описавшего его в 1910 г., однако чаще употребляется короткий клинический аналог *blefarospasmo*.

Чтобы выяснить влияние фактора известности имени на значение и частотность употребления эпонима, рассмотрим терминологические единицы, образованные на основе ИС обычных, ничем не выдающихся пациентов.

В процессе исследования нами выявлены следующие терминологические единицы, образованные на основе ИС обычных людей: *enfermedad de Duncan* — *болезнь Дунканов*, синонимом данного термина часто является *enfermedad de Purtilo / síndrome de Purtilo / la enfermedad*

granulomatosa crónica; enfermedad / síndrome de Hartnup — болезнь Хартнупа, *ataxia renal y aminoaciduria / enfermedad de Rombo* — болезнь Ромбо; *Hageman factor* — фактор Хаземана; *factor Christmas* — фактор Крестмас; *factor Stuart* — фактор Стюарта, *factor Prower* — фактор Прауэра. Все эпонимы были названы по именам людей, у которых впервые было обнаружено определенное заболевание, однако, в современной терминологии испанского языка эти термины не являются распространенными, в названии болезни употребляется квалификативный термин, который может сопровождаться соответствующим знаком или аббревиатурой: *Factor de Christmas / Factor antihemofílico B / Factor IX; Factor de Stuart-Prower / Factor X; Factor Hageman / Factor XII; enfermedad de Duncan / XLP (X llamado enfermedad linfoproliferativa)*. Несмотря на то, что представленные заболевания были описаны в XX в., в терминологии испанского языка данные эпонимы уже можно рассматривать как архаизмы, крайне редко встречающиеся в современной медицинской литературе.

Таким образом, фактор известности имени, используемого в качестве основы эпонима, не влияет на понятийность термина, подобные терминологические единицы не отражают сути научного понятия, семантическая мотивированность данных именовании не является ярко выраженной. Но благодаря наличию ИС, имеющему идентичный вид, они в значительной степени могут способствовать правильному пониманию синонимичных терминов-аббревиатур, принятых в клинической терминологии испанского языка.

Антропонимы исследователей в эпонимических терминах

К числу первых не мифических имен собственных, сохранившихся в медицинской терминологии, без сомнения, можно отнести имя великого греческого врача, который родился на острове Кос около 460 г. до н.э. Косская врачебная школа, расцвет которой связывали с легендарным именем Гиппократом (лат.: Hippocrates), ставшего символом врачебного искусства, считается главной медицинской школой греческого классического периода. Его имя содержат многие термины: *facies hipocrática, dedos hipocráticos o hipocratismo, uñas hipocráticas* — клятва, маска (лицо), митра (шапка), ноготь, пальцы Гиппократа.

Имя Герофила — известнейшего врача эллинистического периода — сохранилось в анатомическом термине: *prensa de Herófilo (лат.: torcular Herophili)* — жом Герофила / синусный сток. Многие из разработанных им положений получили развитие в трудах Галена, работавшего в Александрии спустя несколько столетий, производным ИС которого является прилагательное *galénico* — галеновый, относящееся к целой серии фармацевтических препаратов. *Galénico, galenismo, galenista* — галеновый,

галенизм, человек, следующий учению Галена — дериваты ИС, фиксируемые DRAE. *Галеновые* препараты — исторически утвердившийся термин, примененный еще в средние века Парацельсом к препаратам Клавдия Галена (131—201 гг. н.э.), имя которого в испанском языке стало нарицательным: «un *galeno*» (шутл.) — «медик».

«*María Portal decía que el autor del milagro era, exclusivamente, el más famoso galeno de la ciudad, un especialista en tullidos*» [224, p. 176].

«*No hay galeno que cure males del alma*» [215].

В современной международной медицинской терминологии имя Галена часто используют в ономастизированных номенах: «*Galeno Red*» — крупнейшая информационная электронная сеть, предоставляющая различную медицинскую информацию в странах Европы, «*Galeno*» — международная клиническая программа, служащая для обработки медицинских данных в странах Европы.

В эпонимических терминах практически не сохранились имена врачей раннего средневековья. Одним из известнейших арабских окулистов этого периода считается Аммар ибн Али ал-Маусили. Разработанная им операция удаления катаракты при помощи изобретенной полый иглы имела большой успех и получила название *la operación de Ammar* — операция Аммара. Конечно же, при современных методах лазерного устранения катаракты данный эпоним является архаизмом, который встречается только в учебных пособиях по истории медицины.

В медицинской терминологии осталось немало количество имен собственных эпохи развитого и позднего средневековья. Для медицины эпоха Возрождения — это, прежде всего, период становления анатомии как самостоятельной науки. Имена Леонардо да Винчи, Сильвия, Санторио (Санториуса), Мальпиги присутствуют в топографических именовании многих анатомических структур испанского языка: Леонардо да Винчи: *trabécula de da Vinci* — *трабекула да Винчи*; Фаллопия: *trompa, ligamento, conducto de Falopio* — *канал, труба, связка*; Мальпиги: *sapa, glomérulo, nódulo de Malpighi* — *слой (в коже), тельца, сосуды*; Морганьи: *hernia, quiste, hidátide, cataracta, apéndice, síndrome, tubérculos, lagunas, ventrículo, foramen, cartilago de Morgagni* — *грыжа, киста, аппендикс, катаракта, синдром, желудочек, отверстие, впадина, хрящ* и т. д. Хотя в настоящее время эпонимы удалены из Анатомической номенклатуры, многие из них послужили основой клинических терминов, которые по-прежнему активно функционируют в медицинском дискурсе.

Основная масса терминов эпонимов появляется в конце XVIII — начале XX вв. Это названия заболеваний: *enfermedad de Basedow* — *Базедова болезнь*; симптомов: *signo de Babinski* — *симптом Бабинского*; синдромов: *síndrome de Cushing* — *синдром Кушинга*; различных физиологических процессов: *reflejo de Pavlov* — *рефлекс Павлова*; имена

авторов методов лечения: *tratamiento de Murphy* — метод Мерфу; *método de Ahlfeld* — дезинфекция при помощи воды и алкоголя; *método de Balint* — метод лечения эпилепсии и т.д.

Эпонимические термины нового времени и новейшего периода медицины — наиболее многочисленный пласт лексики. Это объяснимо с точки зрения ранних попыток унификации терминологии, когда в качестве первичных «унификаторов» применяли латинизированные ИС.

Латинизированные номенклатурные термины, образованные на основе ИС, получили повсеместное распространение, прочно закрепившись в национальных языках науки. Например: *Avicennia* — род растений семейства Акантовые, названа Карлом Линнеем в честь знаменитого персидского врача Авиценны. Аквариумные рыбки: *Oreochromis hunteri* — названа в честь сборщика Генри Хантера (Henry C.V. Hunter), *Placidochromis johnstoni* — в честь путешественника и натуралиста Генри Гамильтона Джонстона (Henri Hamilton Johnston). В некоторых случаях микроорганизмы имеют как родовое, так и видовое название, образованное на основе антропонима: *Gardnerella garinii*. Herman L. Gardner — американский микробиолог и Charles H. Garin, французский клиницист. В зоологии и ботанике традиция именованя объекта при помощи латинизированного имени собственного сохраняется и по сей день. Например, моли (бабочки), принадлежащие к роду *Elachista*, описанные Lauri Kaila (Финляндия) в 1999 г., названы именами эльфов — героев Толкиена: *Elachista amrodella*, *Elachista Finarfinella*, *Elachista aredhella*, *Elachista Gildorella*, *Elachista caranthirella*, *Elachista daeronella*.

Такие эпонимы, как и термины, содержащие ИС литературных героев, могут быть метафорическими: *carne cuadrada de Silvio* — квадратная мышца подошвы — *m. quadratus plantae* (букв.: «мясо» Сильвия), *perla de Epstein* — жемчужины Эпштейна (кистозные образования по обеим сторонам небного шва, наблюдаемые у новорожденных), *perla de Laennec* — спиралеобразные слепки мелких бронхов, содержащиеся в мокроте, выделяющейся при кашле (букв.: жемчужины Лэннека), «ojos» de Bonnet — «глазки» Бонне (углубления в виде плоских чашечек, обнаруживаемые в верхней части лимба роговицы в начальной стадии трахомы), *ramillete de Riolano* — букет Риолана, анатомический букет, и т.д. Антропометафора также используется для именованя морфологических патологических изменений: *facies de Marshall-Hall* — лицо при гидроцефалии, *oreja de Wildermuth* — ухо Вильдермута (аномалия развития ушной раковины), *pie de Charco* — стопа Шарко (изменения стопы при сифилисе, диабете) и т.д.

Сохраняя в себе ИС, эпонимы становятся своеобразными «свидетелями эпохи». Например, как в испанском, так и в русском языке, в анатомических именованях сердечных структур присутствуют имена их исследователей, начиная с XVв.: *trabécula da Vinci* — *trabécula*

septomarginal — *трабекула да Винчи* (Leonardo da Vinci, 1452—1519), лат.: *trabecula septomarginalis*; XVI в.: *válvula de Eustacchio* — заслонка Евстахиева, лат.: *valvula venae cavae inferioris (Eustachii)*, (Eustachio, Евстахий, около 1520—1574, итал. врач и анатом); XVII в. — *válvula del seno coronario / válvula Tebesiana / válvula de Tebesio*, заслонка венечного синуса, лат.: *v. sinus coronarii (Thebesii)*, *тебезиев клапан / Тебезия заслонка* (Thebesius A.Ch., 1686—1732, немецкий врач), *fibras de Purkinje* — *волокна Пуркинье*, (J.E. Purkinje, 1787—1869, чешский физиолог); вплоть до XX: *nódulo auriculoventricular de Tawara / nódulo de Aschoff-Tawara, nódulo de Koch* — *узел Ашоффа-Тавары* (немецкий патологоанатом: Aschoff L., 1866—1942, японский патологоанатом: Tawara S. (1873—1952), термина «узел Коха» в русском языке нами не найдено, топографически данная зона определена как *треугольник Коха*. Таким образом, даже при обычном перечислении эпонимических именовании сердечных структур можно отметить, что основные исследования в этой области осуществлялись учеными нескольких стран на протяжении пяти столетий.

Эпонимы отражают не только развитие науки, они сами изменяются с течением времени: *antro de Highmoro / antro o cueva de Highmore / seno maxilar* — *вертен Гигморов / Гигморова пещера / Гайморова пазуха* — эпонимические термины, существовавшие в разное время для именовании верхнечелюстной пазухи. Мы видим, что в терминах-архаизмах русского языка присутствует слово «*вертен*», «*пещера*», в современном варианте данного термина употребляется лексема «*пазуха*», в соответствующем испанском термине также сохранен архаизм «*сиева*», наличие которого для обозначения полости не является характерным в современных именовании. Орфография фамилии как в испанском, так и в русском языках тоже подверглась изменениям.

Подобные диахронические трансформации можно наблюдать и в других терминологических единицах: кости швов (черепа) в разное время назывались *huesos Wormianos* или *los wormianos, huesos accesorios*. Имя датского медика Оле Ворма было латинизировано: *Olaus Wormius*, но в испанском языке присутствует и не латинизированный вариант антропонима: *huesos de Worm*. В русском языке данные наименования также претерпели изменения: *кости треугольные, яйцевидные Олаа Вормиа, славного анатомика, вормиановы кости либо косточки, вормианские косточки, вормиевы кости*. Эпонимы-архаизмы содержат различные формы притяжательных прилагательных: *вормиановы, вормианские, вормиевы*, которые также не являются характерными для современного словообразования.

Взаимосвязь между появлением новых эпонимов и изменением онимов в ранее существующих терминах обусловлена диахроническими процессами. Это хорошо прослеживается на следующих примерах: в

течение нескольких поколений развивалось исследование мозга, его карта сохранила самые причудливые названия его областей: роландова борозда, лира Давида, варолиев мост, сильвиев водопровод, зона Лиссауэра, ядро Бехтерева.

Fisura de Rolando / cisura de Rolando / circunvolución de Rolando — Роландова борозда получила свое название по имени итальянского анатома L. Rolando. В термине *lira de Davis* — *лира Давида* — оним библейского происхождения, по-латински *lyra Davidis seu psalterium* (Псалтерион — музыкальный инструмент, похожий на цитру, имел форму треугольника, библейского царя Давида часто изображали играющим на этом инструменте), современный анатомический термин — спайка свода. В качестве устаревших синонимов этот термин имел такие обозначения, как *asta de Ammon / cuerno de Ammon* — *аммонов рог, аммонова спайка* (по имени древнеегипетского бога Аммона, изображавшегося с бараньей головой) или *la comisura del hipocampo* — *комиссура гиппокампа* (гиппокамп — мифический зверь, морской конек, персонаж античного искусства). *Puente de Varolio / puente troncoencefálico / protuberancia anular* — *Варолиев мост* назван по имени Varolio Costanzo, итальянского врача, описавшего эту структуру в 1573 г; *acueducto de Silvio* — *Сильвиев водопровод* — по имени голландского анатома, физиолога и врача Сильвия (Sylvius Franciscus (лат.), он же Dubois (De Le Boel Francois или Franz), профессор медицины в Лейдене, описал водопровод мозга, *сильвиеву борозду*. *Tracto de Lissauer, haz (пучок) de Lissauer* — *Зона Лиссауэра / Лиссауэра краевой пояс / тракт Лиссауэра* (H. Lissauer, немецкий невролог). Эпоним *núcleo de Bekhterev* — *ядро Бехтерева* — по имени русского психоневролога и физиолога В.М. Бехтерева не является широко употребительным в испанском языке.

В данном случае также следует отметить наличие в терминах как испанского, так и русского языков притяжательных прилагательных, не характерных для современного словообразования. В русском языке формы прилагательных, образованные от фамилий на -ов, -ев, являются устаревшими, для выражения значения принадлежности используются сочетания с родительным падежом имени существительного. Для современной испанской терминологии также характерно употребление генетивных конструкций.

В медицинскую терминологию как испанского, так и русского языков вошли имена ученых медиков, а также ИС естествоиспытателей, совершивших открытия, востребованные в медицинской практике. Мы не рассматриваем полилексемные эпонимы, использующиеся для обозначения законов и теорий смежных наук. В качестве примеров мы предоставляем только собственно медицинские термины и номены единиц измерения, пришедшие в медицину в результате процессов транстерминологизации и

экстраполяции ИС (переноса антропонима из одной области в другую), применяемые практически во всех сферах медицинской деятельности.

Pasteurización, pasteurizar, pasteurilosis, Pasteurella — пастеризация, пастеризовать, пастереллез — термины, образованные от имени французского микробиолога Луи Пастера; *galvanismo, galvanocauterio, galvanonarcosis, galvanoscopia* — гальванизм, гальванокаутер — электроанестезия, исследование с помощью гальванического тока — от имени Луиджи Гальвани. В данном примере наблюдается явление экстраполяции основы эпонима, поскольку источник постоянного тока на основе химического элемента, названный именем Гальвани, открыл ученый-физик, причем данное открытие может принадлежать нескольким людям; в физике долго существовали термины «Вольтов столб», «Вольтова дуга», однако источник тока был назван в честь Гальвани. В результате транстерминологизации, ТЭ *-galvano-* в медицинской терминосистеме испанского языка способствовал формированию терминологического гнезда, которое насчитывает более 20 единиц. При переводе на русский в некоторых случаях вместо *-galvano-* употребляют ТЭ *-электро-*. Не эпонимический ТЭ *-электро* используют в русском языке при переводе ряда испанских терминов, образованных от ИС английского физика М. Фарадея: *faradipuntura* — электролечение посредством электродов, введенных в ткани; *faradomuscular* — электромышечный, *faradonervioso* — нервного происхождения, обусловленного реакцией на раздражение электротоком, *faradocontractilidad* — мышечное сокращение в ответ на электролечение.

Открытие немецким физиком Вильгельмом Конрадом Рентгеном X-лучей (*rayos X*), впоследствии названных его именем, произвело «революцию» в медицине: в интернациональной медицинской терминологии наличествует немало терминов, образованных при помощи ТЭ *-roentgeno-*: *roentgenismo, roentgenograma, roentgenodermatitis* и т.д. В испанском языке частичным синонимом данного ТЭ является *-radio-*, который при переводе на русский язык в некоторых случаях также может быть заменен более современным термином *лучевая* (терапия, диагностика). Интересно отметить, что употребление терминов, образованных на основе ТЭ *-roentgeno*, например: *roentgenograma*, характерно для сугубо научных публикаций, например, исследовательских работ: «*El roentgenograma demostró una bala localizada en el área retroperitoneal izquierda y otra bala sobre el acetabulum derecho*» [107, p. 101], в то время как не эпонимический термин *rayos X* встречается не только в научной, но и в научно-популярной литературе: «*Los médicos toman rayos X para determinar si hay fracturas óseas*» [19, p. 572].

Монолексемные эпонимы *Darvinismo, Mendelismo* — дарвинизм, менделизм — интернациональные межнаучные термины, использующиеся

для обозначения учений, считающихся теоретической основой биологии и медицинской практики.

В различных сферах физиотерапии используют ряд интернациональных терминологических единиц, образованных от ИС исследователей-физиков: *becquerel* — *беккерель* — единица активности радиоактивных изотопов. Названа в честь французского физика Антуана Беккереля. *Weber* — *вебер* — единица магнитного потока (в честь немецкого ученого-физика Вильгельма Эдуарда Вебера), *Hertz* — *герц* — единица частоты, (в честь немецкого физика Генриха Герца), *Coulomb* — *кулон* — единица измерения электрического заряда и количества электричества в системе СИ (в честь французского физика и инженера Шарля Кулона). В медицине используется температурная шкала Цельсия и Кельвина (термодинамика): *gradus Celsius*, *gradus Kelvin*. *Kelvin* — *кельвин* — единица измерения температуры в СИ, предложена в 1848 году. Названа в честь английского физика Уильяма Томсона, барона *Кельвина* Ларгского из Айршира. В свою очередь это звание пошло от гидронима *Кельвин* (река, протекающая через графство). Шкала Цельсия названа по имени Андреаса Цельсия, шведского астронома.

Мы считаем, что данные примеры позволяют предположить, что эпонимы, образованные на основе ИС естествоиспытателей смежных наук, применяются в медицине в случае полной апеллятивизации имен собственных, которые могут являться корневыми словообразующими морфемами либо междисциплинарными номенклатурными единицами. ТЭ, образованные на основе подобных ИС, также относят к междисциплинарным, т.е. соотнесенными со специальными понятиями в разных терминосистемах.

Специфика терминов, образованных на основе ИС, заключается в их основной функции при определении сущности понятия: замене длительных конструкций более краткими формами, в которых ИС применяют в качестве своеобразной языковой метки. С этой точки зрения эпонимы, образованные от ИС исследователей-медиков, соответствуют требованию лексической краткости и языковым нормам. Эмоциональная нейтральность и интернационализм, свойственный большей части подобных терминологических единиц, является положительной чертой для терминообразования.

В качестве основной негативной черты указывалось отсутствие мотивированности, позволяющей составить представление о называемом термином понятии, отмечаемое у большинства из них (см., напр.: [530]).

Современный подход к исследованию природы термина с позиции когнитивной науки, при котором идеосемантика ИС представляется нам как полноправный элемент концептуально обусловленной единицы, дает возможность определить данный разряд терминологических единиц как

ассоциативные термины, в которых мотивировка выражается косвенно, с помощью разного вида ассоциаций [337, с. 57]. Мы согласны с мнением В.М. Лейчика о том, что «такие названия тоже должны считаться мотивированными, причем их мотивированность вполне определена, однозначна и потому полностью удовлетворяет лиц, пользующихся этими названиями» [373, с. 40].

Морфологическое и онимическое варьирование ономастического компонента термина, мотивационные изменения именованного, образование эпонимных лакун, выявленные нами при анализе эпонимических терминов испанского языка на фоне их русских аналогов, на наш взгляд, являются следствием изменения общественного сознания, приводящим к различиям в восприятии термина.

Структурно-семантические особенности испанских эпонимов

Многие однословные термины, структурно имитирующие неогрецизмы и неолатинизмы, формируются на основе корневой отонимической морфемы и деривационного аффикса — терминосистемного, имеющего установленное значение в терминосистеме и выполняющего классифицирующую функцию.

Так как в медицине принято употребление латинизированной формы термина, в скобках мы указываем соответствующий эквивалент, в случае, если он является общепринятым в международной классификации.

В медицинской терминологии испанского языка присутствуют термины-деонимы, номены международных единиц измерения, установленные системой СИ, СГС: *hertz, joule, coulomb, ohm, siemens, farad, watt, kelvin, weber, newton, becquerel, bell, ampere*. Также употребляются их производные, образованные путем присоединения приставки-числительного к отонимической морфеме-деониму: *kilohertz, megawatt* и т.д. Их структурная формула: ИС (деоним) или приставка-числительное + ИС (деоним).

Кроме вышеупомянутых терминосистемных, существуют эпонимы, для которых продуктивным явился суффиксальный способ образования.

Ряд терминов образован по схеме: ИС + *itis*, где *itis* — широко используемый формант, образованный от суффикса: *-it-* (*-itid-*), участвующий в именовании заболеваний воспалительного характера. Как правило, он присоединяется к основам существительных, обозначающих различные оболочки, органы и ткани. Например: *odditis* (*odditis, is f*) — *oddum*, воспаление области сфинктера печеночно-поджелудочной ампулы, сфинктера Одди (R. Oddi — итальянский хирург), *meibomitis* (*meibomitis, is f*) — *мейбомит*, острое воспалительное заболевание мейбомиевой железы — *glandulae Meibomi* (H. Meibom — немецкий анатом), *littreitis*

(*littreitis, is f*) — *литтреум*, воспаление слизистых желез мочеиспускательного канала, желез Литтре (A. Littre — французский хирург), *bartolinitis (bartolinitis, is f)* — *бартолинит*, воспаление железы преддверия влагалища: *glándula de Bartholin* — *бартолиниевой железы* (Bartholin Caspar — датский анатом).

Суффикс *-oma- (-omat)* в современной терминологии специализирован на значении «опухоль», присоединяется к основам существительных — наименований тканей, пораженных новообразованием: *leidigoma (leigidioma, atis n)* — опухоль из клеток Лейдига (Франц Лейдиг — немецкий гистолог). Однако это правило может нарушаться: *listerioma (listerioma, ātis n)* — капсуловидная опухоль, возникающая при листериозе — заболевании, вызванном листериями, грамположительными патогенными бактериями (Joseph Lister — основатель хирургической антисептики). Структурная формула вышепредставленных испанских терминов: ИС+ *oma*.

Многие клинические термины, обладающие значением «процесс», «результат действия», в медицинской терминологии образованы при помощи суффикса *-ismo* — эквивалента латинского суффикса *-ism-*: *basedovismo (basedovismus, i m)*, *addisonismo (addisonismus, i m)*, *parkinsonismo (parkinsonismo, i m)*, *daltonismo (daltonismus, i m)*; адекватная структурная формула которых: ИС + *ismo*.

Широкая специализация значения данного суффикса в системе отразилась и в эпонимических наименованиях. Такие термины применяют при обозначении серии патологий, появление которых обусловлено соответствующим заболеванием: *parkinsonismo* (вызванный *enfermedad de Parkinson*) — *паркинсонизм* (вызванный *болезнью Паркинсона*). «Паркинсонизм» — группа определенных симптомов, диагностируемых при болезни Паркинсона, но встречающихся при других заболеваниях. Ряд терминов используют только для обозначения процесса: *sadismo* — *садизм*, *masoquismo* — *мазохизм*, *onanismo* — *онанизм*. В терминологии суффикс *-ismo* также употребляется при образовании существительных, обозначающих теорию, доктрину, научное или политическое течение, идеологию: *galenismo* — учение Галена, *hipocratismo* — учение Гиппократов. В последнем случае при формировании термина в испанском языке происходит устранение окончания в случаях, когда ИС заканчивается на *-as, -es*: *Hipócrates* — *hipocratismo* — учение Гиппократов; *Pitágoras* — *pitagorismo* — учение Пифагора.

Монолексемные терминологические единицы образуются в полном соответствии с языковыми нормами. В испанском языке формирование медицинских эпонимов, имен существительных часто осуществляется при помощи суффиксов *-ela, -ia*, реже *-a, -iela*, характерных для испанского отонимического словообразования [64, p. 27]. Этот процесс является

типичным при образовании микробиологических номенов. Например, термины, применяющиеся в видовых названиях: *bartoneláceas*, *bruceláceas*, *leishmanias*, *rickettsiales* — бартонеллы, бруцелии или бруцеллы, лейшмании, риккетсии и их родовые номены, в которых используют суффиксы -ella, -ia: **Bartonella** (A.L. Barton), **Brucella** (David Bruce), **Leishmania** (William B. Leishman), **Rickettsia** (Howard Taylor Ricketts), **Salmonella** (Daniel Elmer Salmon), **Listerella** / **Listeria** (Barón Joseph Lister). Суффикс -ea также может использоваться в терминах, номинирующих лекарственные растения: **Brucea** (James Bruce), **Brucea antidysentérica** — бруцея яванская или бруцея противодизентерийная. Структурная формула данных эпонимов может быть представлена в виде: ИС + *ela* или ИС + *ia*.

Существует ряд клинических терминов — названий патологических процессов, которые в медицинской терминологии формируются при помощи суффиксов: -osis, -iasis. *Salmonellosis*, *lambliosis*, *listeriosis*, *pasteurelosis*, *leishmaniosis* — латинизированные названия инфекционных заболеваний, которые могут быть вызваны вышеперечисленными бактериями. *Lambliosis*, *pasteurelosis*, *listeriasis*, *salmonelosis*, *leishmaniosis* — соответствующие испанские термины, структурная формула которых может быть определена как ИС+ *osis*, либо ИС + *iasis*.

Образование существительных на основе ИС также осуществляется путем основосложения, при этом в качестве словообразующей морфемы может быть использован один или несколько отонимических ТЭ, а также один или несколько словообразовательных аффиксов: *melectomía* — Месл (от: *ganglio de Meckel* + *ectomía*) — иссечение нервного узла, узла Мекля; *hemobartonella* (*hemo* + *Bartonella*) — гемобартонелла, кишечный паразит; *hemobartonelosis* (*hemo* + *bartonella* + *osis*) — паразитарное заболевание, вызванное данным видом микроорганизма.

Рассмотрим модели образования медицинских терминологических единиц, имен прилагательных, образованных на основе имен собственных. Формирование прилагательных, производных от ИС, в испанском языке осуществляется при помощи суффиксов: -(n)(i)ano, -ino, -eano, -ista, -ico, -esco, -eño, -íaco, -eo. Приведем несколько, на наш взгляд, наиболее характерных примеров и закономерностей словообразования этого вида: если ИС заканчивается на согласный звук, то образование имени прилагательного осуществляется путем простого добавления суффикса -iano: *parkinsoniano*, *daltoniano*. Суффикс -iano присоединяется и в случае окончания ИС на -e, однако при этом, в целях фонологического благозвучия, происходит утрата конечного гласного: J.W. Goethe — *goethiano*: *hueso Goethiano* — Гете кость — 1. Os incisivum; 2. Os interparietale; Н. Voerhaave — *boerhaaviano*, *síndrome boerhaaviano* — синдром Бурхааве.

В том случае, когда ИС оканчивается на -i, добавляется суффикс -ano: G.V. Morgagni — *morgagniano*. Если ИС заканчивается на -io (*Silvio*), происходит утрата конечного гласного «o» и дополнение основы суффиксом -ano: *silviano*. Аналогичная замена действительна и в случае окончания ИС на -eo, например: *C. Linneo* — *linneano*. Мы видим, что в вышеуказанных примерах типичной является словообразовательная модель: ИС + -iano, -ano.

Формирование имен прилагательных при помощи суффикса -ico также характерно для эпонимов испанского языка: *daltónico*, *galvánico*, *galénico*, *hipocrático*, *bríhtico*; данная словообразовательная модель: ИС + -ico.

В испанском языке при помощи суффикса -ista образуются как прилагательные, так и существительные. Как правило, этот суффикс используется в словопроизводстве относительных прилагательных, со значением: «имеющий что-либо, характеризующийся чем-либо». ИС очень часто выступают в качестве производящих основ прилагательных данного типа. Словообразовательная модель эпонимов *galenista* (Galeno), *hipocratista* (Hipócrates): ИС + -ista. Однако в медицине частотность эпонимических терминологических единиц данного типа сравнительно невысока.

Суффиксоид греческого происхождения -ide, имеющий в медицинской терминологии значение: «похожий, обладающий признаками того, что названо производящей основой» также используется при образовании прилагательных-дериватов ИС: *cushingoide* (síndrome, estado) — термин, служащий для обозначения состояния, похожего на болезнь Кушинга (Harvey Williams Cushing), ложное заболевание, *leishmanoide* — похожий на бактерию Лейшмана, *bowenoide* (John T. Bowen), *rapulosis bowenoide* — болезнь Боуэна. Соответствующая модель прилагательного: ИС + -ide.

Корневые словообразовательные морфемы, образованные от ИС, способствуют формированию терминоединиц, имеющих разное значение: *galénico* — галеновый, относящийся к Галену, *galenista* — человек, следующий учению Галена, *hipocrático* — относящийся к Гиппократу, Гиппократов (скамья, шапка, ноготь), *hipocratista* — человек, следующий учению Гиппократа.

Таким образом, в качестве основных словообразовательных моделей прилагательных-дериватов ИС могут быть названы следующие: ИС + -iano, ИС + -ano, ИС + -ico, ИС + -ista, ИС + -ide. Наиболее частотными являются прилагательные, образованные при помощи суффиксов: -ico, -iano.

Прилагательные, в силу своих частеречных особенностей, в процессе номинации не используются как самостоятельные терминологические единицы, они всегда находятся в составе сложной полилексемной

синтагмы, выполняя функцию согласованного определения: *tremor parkinsoniano* — паркинсонический тремор (дрожание рук), *síndrome cushingoide* — ложная болезнь Кушинга, *persona daltónica* — человек, страдающий дальтонизмом, *edema Brightico* — отек Брайта, *ojo bríhtico* — нарушение зрения, характерное при заболевании почек (болезни Брайта) и т.д.

Терминоэлементы, образованные от полной формы ИС, могут обладать высокой деривационной способностью. Например: ТЭ *-descemet*, от ИС французского врача Ж. Десме (Descemet), впервые был использован в анатомическом термине *membrana de Descemet* — задняя эластичная пластинка роговицы. Путем суффиксального словообразования на его основе образованы существительное *descemetitis* — циклит, воспаление ресничного тела глаза и прилагательное *descemética* — *десцеметова* (оболочка). Термин *predescemético* — пространство пред десцеметовой оболочкой, создан путем парасинтеза (одновременного присоединения к основе приставки *pre-* и суффикса *-ico*), термин *descemetocèle* — грыжа десцеметовой оболочки глаза — путем основосложения (*descemet* + *cele* — грыжа). Деривационный потенциал данных терминоэлементов, а также соответствие полученных в результате терминов языковым и терминологическим нормам, позволяет им обладать высокой степенью частотности.

Мы разделяем мнение Л.Ф. Ельцовой о том, что производные клинические термины, построенные по стандартным словообразовательным моделям, материализуют наиболее важные для специалистов концепты, делают оптимальным процесс хранения и передачи научных знаний [319, с. 668]. Поэтому многие моноксемные терминологические единицы, образованные на основе полной формы имени собственного, используются не только в медицинской терминологии испанского языка, но и в интернациональных терминах-эпонимах.

К эпонимическим полилексемным терминологическим единицам мы относим многокомпонентные термины, образованные путем словосложения, имеющие в своем составе апеллятив, а также одно или несколько имен собственных или их производные-проприативы.

При исследовании однословных терминов-эпонимов было установлено, что ИС способны образовывать дериваты: существительные и прилагательные, которые, в свою очередь, могут входить в состав многословной терминологической структуры.

Наиболее многочисленная группа представлена двухкомпонентными терминами следующего типа: *enfermedad de Albert* — *болезнь Альберта*, *síndrome de Addison* — *синдром Аддисона* и т.д., структурная формула которых: А + П (где А — апеллятив, П — проприатив). При этом апеллятив

выполняет основную смысловую нагрузку, а проприатив применяется для видовой идентификации.

Среди двухкомпонентных терминов могут быть выделены эпонимы, образованные на основе двух ИС: *Shigella boydi* (Kiyoshi Shiga и Mark Frederick Boyd) — *шигелла Бойда*, *Shigella flexneri* (S. Flexner) — *шигелла Флекснера*. Структуру таких эпонимов можно определить как: Д + П (деоним + проприатив). При этом структурным ядром термина является деоним, применяющийся для обозначения родового признака, в то время как проприатив выполняет классифицирующую функцию, уточняя вид микроорганизма.

Достаточно высокой частотностью обладают трехкомпонентные эпонимы: *enfermedad de Brill-Symmers* — *болезнь Брилла-Симмерса*; *operación de Heineke-Mikulicz* — *пилоропластика Гейнеке-Микулича*, *epilepsia Bravais-jacksoniana* — *джексоновская эпилепсия, эпилепсия Бравэ-Джексона*; *reflejo de Hering-Breuer* — *рефлекс Геринга-Брейера* и т.д. Соответствующая структурная формула: А + П + П.

Трехкомпонентные термины также могут состоять из имени нарицательного и двух определений, при этом лишь одно из них выражено ИС: *esquinse yuxtaepifisario de Ollier* — *растяжение, дисхондроплазия Олье*, *espacio semilunar de Traube* — *полулунное пространство Траубе*. Структуру таких терминологических единиц можно представить в виде следующей формулы: А + прилаг. + П. Реже встречаются термины, в которых второе определение выражено генетивной конструкцией: А + А + П: *prueba de concentración de Fishberg* — *проба Фишберга*, применяемая для распознавания алкаптонурии.

Эпонимические термины, состоящие из четырех компонентов, три из которых являются ИС, также нередко встречаются в медицинской терминологии испанского языка: *enfermedad de Charcot-Marie-Tooth* — *болезнь Шарко-Мари-Тута*; *enfermedad de Durand-Nicolas-Favre* — *болезнь Дюрана-Никола-Фавра*. Структура данных терминологических единиц: А + П + П + П.

Термины подобного типа могут содержать всего два ИС: *prueba de Aschheim-Zondek del embarazo* — *Ашгейма-Цондека метод определения беременности*, *prueba de aglutinación de Arloing-Courmont* — *метод, демонстрирующий наличие антител к туберкулезу*. Соответствующая структурная формула: А + П + П + А.

Иногда встречаются эпонимы, в составе которых находятся три ИН и лишь одно ИС: А + А + А + П — *signo de boca de mina de Rofmann* — *эпоним-метафора, используемый для описания тангенциального раневого канала, типичного при огнестрельном ранении, когда оружие находилось в непосредственной близости с головой пострадавшего*, *signo del pinzamiento del flanco de Piulachs* — *один из приемов диагностики аппендицита*. Следует

отметить, что представленные примеры терминов в русском языке не являются эпонимическими, возможен лишь полный перевод клинической картины проявления данной патологии.

Очень невысок процент эпонимов, содержащих пять и более имен собственных: *síndrome de Chediak-Steinbrinck-Higashi-Beguez-Cesar* — *Чедуака-Хигаши синдром* — редкое заболевание обмена веществ. В термине наличествуют пять ИС, однако они принадлежат четверем исследователям. Данный синдром был описан в 1943 г. кубинским педиатром Beguez Cesar, позже, в 1948 г. его описал немецкий ученый Walter Steinbrinck, затем французский исследователь А. Chédiak (1952 г), и в 1954 г. японский врач О. Хигаши (Otokata Higashi). *Síndrome de Capute-Rimoin-Konigmark-Esterly-Richardson* — аутосомно-доминантное состояние с генерализованным распространением темно-коричневых пятен в сочетании с нейросекреторной глухотой, отставанием роста, пороками сердца, аномалиями половых органов. Структурная формула представленных терминов: А + П + П + П + П.

Таким образом, можно отметить, что во всех вышеперечисленных примерах в качестве структурного ядра термина для обозначения основных понятий употребляется апеллатив, который несет основную смысловую нагрузку. При структурном анализе эпонимов испанского языка нами выявлено, что наиболее частотными ядерными компонентами данных терминов, также, как и в русском языке, являются «слова из медицинской или общенаучной лексики с обобщающим значением» [261]: *enfermedad* — *болезнь*, *método*, *prueba* — *метод*, *prueba* — *проба*, *síndrome* — *синдром*, *signo* — *симптом*, *reflejo* — *рефлекс*, *operación* — *операция*, *reacción* — *реакция* и т.д.

Основные структурные формулы полилексемных терминологических единиц могут быть представлены как: А + П; Д + П; А + П + П; А+прилаг.+ П; А + А + П; А + П + П + П; А + П + П + А; А + А + А + П; А + П + П + П + П.

Наиболее частотными являются термины типа: А + П или А + П + П. Такие эпонимы используются не только в терминологии испанского языка, но и в интернациональном языке медицины.

Самые низкочастотные терминологические единицы — эпонимы, структурная формула которых состоит из четырех и более компонентов. Следует также отметить, что при переводе этих терминов на русский язык происходит «утеря», либо замена ИС, а в некоторых случаях определение точного значения понятия в другом языке возможно лишь при наличии полного клинического описания.

Как отмечалось ранее, идеосемантика ИС не всегда остается в поле зрения говорящего и может быть неизвестна человеку, пользующемуся термином. Поэтому лишняя детализация и экспликация приведет к

затруднениям в восприятии понятия, выраженного четырех- и пятикомпонентным эпонимом.

Использование нескольких проприативов в термине, а также их несогласованность, отмечаемая в некоторых случаях, способствует несоответствию термина интернациональным нормам употребления, что затрудняет процесс профессиональной коммуникации.

Одним из прагматических требований, предъявляемых к термину, является его орфоэпическое благозвучие. Анализируя эпонимы с этой точки зрения, следует учитывать адаптацию иноязычного ИС в рассматриваемых языках. Испанский лингвист Хосе Антонио Диас Рохо отмечает, что употребление иностранного ИС в термине создает проблемы фонетического и графического характера [64, p. 28].

Прежде всего, обратимся к моноксемным терминам, дериватам ИС, используемым в качестве номенов интернациональных единиц измерения.

Международная система единиц измерения (Système International d'Unités / SI) рекомендует употребление унифицированной формы данных эпонимов, тем не менее, она позволяет вносить незначительные изменения, например, такие, как применение некоторых диакритических знаков. «Акут» — графический знак ударения, часто используемый в испанском языке, употребляется и в стандартизированных формах термина. Поэтому в научной литературе можно встретить *wéber*, *siémens* вместо общепринятого *weber*, *siemens*. Хосе Антонио Диас Рохо пишет, что, без сомнения, в сугубо официальных документах более уместно уважительное отношение к интернациональным номенам, соблюдение норм международной орфографии, в то время как в исследовательских статьях вполне допустимы, а порой и более предпочтительны «испанизированные» варианты: *hercio*, *julio*, *culombio*, *ohmio*, *siemensio*, *faradio*, *vatio*, *kelvinio*, *weberio*, *neutonio*, *becquerelio*, *decibelio*, *amperio* [64, p. 26]. Однако мы считаем необходимым отметить существование различных точек зрения на правописание таких эпонимов. Говоря о графической норме в терминологии, Мартинес де Суза — почетный президент испанской ассоциации библиологов (АЕВ), написавший множество работ по орфографии испанского языка, отмечает немотивированное несоответствие правописания, рекомендуемого DRAE, интернациональному образцу. Диакритические графические знаки «тильда», «акут», допускаемые с целью корректировки произношения термина международным стандартом, в некоторых случаях, по его мнению, вносят дополнительную путаницу, так как DRAE иногда использует этот стандарт, «не имея на то никаких оснований», предпочтение может быть отдано одним терминам, в то время как другие удаляются «по непонятным причинам» [155]. Например, согласно DRAE, рекомендуется интернациональная норма термина *ampère* (в данном случае общепринятой является французская орфография), хотя существует единица *ampere*;

оставлены испанизмы *faradio*, *henrio*, *hercio*, *ohmio*, *vatio*, *voltio*, но удалены *óersted*, *siémens*, *siévert*, *wéber* [Ibid.].

Термины-дериваты этих единиц образуются по нормам испанского языка: *voltaico* — вольтов, гальванический, *voltaje* — напряжение, *amperaje* — сила тока, *herciano* (*ondas hercianas*) — волны Герца, электромагнитные волны. В испанской адаптации пишутся моноксемные термины-композицы, в которых деоним используется в качестве словосоставляющего ТЭ: *amperímetro* — амперметр, *culombimetría* — измерение количества электричества, *voltamperio* — вольт-ампер и т.д.

Следует отметить, что номены терминов-существительных, дериватов ИС, могут образовывать формы множественного числа путем добавления окончания *-s*, за исключением тех случаев, когда ИС оканчивается на *-z*, *-x*, *-s*: *vatios*, *newtons*, *pascals*, *siemens*, *kelvins* [121, p. 199]. На практике данный формант может быть добавлен даже вопреки правилу: например, в учебном пособии «*Introducción a la terminología médica*» читаем: «*la onda de frecuencia más lenta, entre 8 y 12 hertzios*» [143, p. 100], хотя, по мнению Мартинес де Суца, такие термины следует употреблять только в единственном числе: «*diez volt*», форма «*diez voltios*» считается некорректной [156, p. 243].

Подобные лексические единицы могут подвергаться упорядоченному усечению, при котором сохраняется испаноязычная орфография. Например, такую редкую форму усечения, как афerezис, можно встретить при употреблении эпонима, образованного от ИС Александра Белла: *belio* от *decibelio* — децибелл, акустическая единица, один децибелл равен 0,1 белл. В данном примере афerezис не влияет на понятийность термина, так как номен «децибелл» был введен из утилитарных соображений, специально для обозначения акустической единицы (уровень звуковой громкости), в то время как «белл» — единица измерения некоторых величин по логарифмической шкале, практически не употребляется в медицине.

Символы этих терминологических единиц всегда пишутся по нормам правописания, установленным СИ: употребление только заглавной буквы в случае, если символ образован от ИС (во всех остальных случаях употребляется строчная буква), орфография сохраняется и в том случае, если символ используют при обозначении комбинированного термина, образованного при помощи приставки-числительного: *kilo* — *kN* (*kilonewton*) — килоньютон, *mega* — *mPa* (*megapascal*) — мегапаскаль и др. Недопустимо использование смешанной формы термина: *V/metro*, только полное сокращение: *V/m*. Символ «градус Цельсия»: °C всегда пишется без графического промежутка, разделяющего его компоненты. Неправильной является орфография: 25°C либо 25° C, нормативная форма: 27 °C, промежуток ставится только между цифрой и знаком (это предусмотрено, чтобы избежать путаницы, так как подобный символ градуса встречается в

географии и в геометрии, где пишется слитно с цифрой). Не допускается также использование курсива и графических знаков сокращения (точек) при написании символов.

Вышепредставленные терминологические единицы заимствованы медициной в результате процесса транстерминологизации, их орфография определена нормативными требованиями, предъявляемыми к номенклатурным единицам измерения, несущественные несоответствия, вызванные влиянием языка-реципиента, на наш взгляд, не влекут затруднений в процессе их восприятия.

Рассмотрим моноксемные термины-проприативы. На орфографию указанной группы, прежде всего, влияет правописание ИС. Как правило, антропонимы в термине не должны подвергаться графическим изменениям, это также относится к дериватам ИС, так как термины должны быть узнаваемы благодаря ИС. Во многих случаях правописание эпонима соответствует данному требованию, например: *skodismo* (Skoda) — резонанс *Шкоды*, *folículo graafiano* (Graaf) — *граафов* пузырек, *chancro hunteriano* (Hunter) — *гунтеровский шанкр*, тем не менее, встречаются случаи альтернации, графической неустойчивости, когда одному ИС соответствует несколько вариантов написания: *bartholinitis* / *bartolinitis* — бартолитит (Bartholin), *pasteurización* / *pasterización* — *пастеризация* (Pasteur), *darwinismo* / *darwinismo* — *дарвинизм* (Darwin).

Иногда ИС настолько подвергается «испанизации», что альтернация может быть очень значительна: в термине *brusismo* / *broussaisismo* — бруссизм (по имени F. Broussais — основателя медицинской системы), в соответствии с нормами испанского языка кроме замены дифтонга «ou» на «u», и удвоенной «ss» на «s», обнаруживается случай гаплогонии (пропуск повторяющихся слогов), при котором вместо *brusesismo* либо *brusisismo* опускается слог *-si* и образуется форма *brusismo* [64 p. 29].

Рассмотрим еще один своеобразный пример. В термине *brunonianismo* — браунизм (J. Brown — шотландский врач, автор медицинской системы) английская фамилия *Brown* в испанской адаптации звучит как вариант перевода: «*bruno*» — «коричневый». Однако употребляется и другой вариант: *brownismo*.

Давая характеристику данному типу ономастических образований, Хосе Антонио Диас Рохо пишет: «не существует законов образования дериватов ИС, особенно в случае их иноязычного происхождения. Как и в других областях нашей лексики, здесь возможны необъяснимые альтернации и колебания» [Ibid.].

Орфоэпия терминов, производных ИС, как правило, тяготеет к воспроизведению оригинальной формы ИС, например: *baconiano* произносится как /beiconiano/, *newtoniano* — /niutoniano/, *freudiano* — /froidiano/.

Обратимся к полилексемным терминам, в составе которых находится одно или несколько имен собственных.

Морфологические проблемы лексических единиц данного вида касаются, прежде всего, орфографии имен собственных иноязычного происхождения и ИС, измененных в результате диахронических процессов развития общества.

Исторические источники предоставляют огромное антропонимическое разнообразие, особенно тех имен, которые вошли в название анатомической или нозологической структуры в средние века или эпоху Возрождения.

В составе современного терминологического аппарата испанского языка, как правило, наличествует три варианта антропонима:

- латинизированный, как это было принято в медицине в течение долгого периода;
- ИС, написанное на родном языке исследователя (на основе латиницы);
- современный «испанизированный» вариант.

Латинизация этимона ИС обусловлена не только традициями, но, прежде всего, необходимостью коммуникации в области медицины, появившейся уже на ранних стадиях формирования науки. Один из способов латинизации заключается в том, что мужскому ИС в Nom. Sing. добавляется флексия: *-ius*, женскому: *-a*. Например, латинизированный вариант имени естествоиспытателя, врача, основателя биологической номенклатуры Карла Линнея — *Carolus Linnaeus* (*taxonomía de Linnaeus*). Его национальный вариант: *Karl von Linné*, «испанизированный» — *Carlos Linneo*. Можно привести и другие примеры: латинизированное — *Eustachius*, итальянское — *Eustachio*, испанское — *Eustaquio*; *Falloppius* — *Falloppio* — *Falopio*. Иногда общеупотребительными являются только две формы ИС: *Vesalius* — *Vesalio*, *Camperius* — *Champier*, *Ruellius* — *Ruelle*. В некоторых случаях латинизированный антропоним употребляется очень редко: *Botallo* (ит.) — *Botal* (исп.), хотя и существовал *Botallus* (*ligamentum Botalli* — *Боталлов тяж*). Имя Клавдия Галена — *Claudius Galenus* в интернациональной терминологии почти всегда встречается только в испанской орфографии: *Galeno*. Могут встретиться и ничем, на наш взгляд, не обусловленные трансформации антропонима. Кроме вышеозначенных, в различных источниках нами встречено несколько вариаций имени Карла Линнея: *Carl Linnaeus* / *Carl Linné* / *Carl von Linneo* / *Carlos de Linneo*. Однако следует отметить, что «если существует «испанизированный» вариант ИС, то он является более предпочтительным» [64, p. 29].

Одной из проблем современных полилексемных эпонимов, на наш взгляд, также является адаптация иноязычных ИС в испанском языке. Некоторые антропонимы попали в медицинскую терминологию

непосредственно из языка оригинала, другие — через языки-посредники. В зависимости от лингвистического источника могут быть выделены следующие группы ИС:

- антропонимы, графической основой которых является латинский алфавит (немецкого, английского, французского, итальянского и т.д. языков);
- антропонимы, графической основой которых являются другие алфавиты (кириллица, греческий, арабский);
- антропонимы, происходящие из языков с другой системой письменности (китайской или японской идеографией).

ИС, принадлежащие к первой группе, как правило, сохраняют орфографию языка оригинала: английского: *Davis* (*injerto de Davis* — пересадка Дэвиса), французского: *Debré* (*síndrome de Debré* — синдром Дебре) [Ibid.].

В тех случаях, когда в испанском алфавите отсутствуют специфические графические знаки, необходимые для передачи иноязычного ИС, они могут замещаться буквами с подходящей, удобной графикой. Например, немецкая буква *ß* (эсцэт) заменяется двойной «ss»: *Strauß* — *Strauss* (*síndrome de Chur-Strauss* — астматический вариант узелкового полиартериита). Гласные *Ää, Öö, Üü*, над которыми стоит знак верхнего акцента в виде двух точек, называемый в немецком языке «умлаут», а в испанском «диерезис» или «трема» — соответствующими дифтонгами: *ae, oe* или *ue*. Например: *Möller* — *Moeller* (*enfermedad de Möller-Barlow* — синдром Мюллера-Барлоу), *Möbius* — *Moebius* (*enfermedad de Moebius* — синдром Мёбиуса), *Waldenström* — *Waldenstroem* (*macroglobulinemia Waldenstroem* — макроглобулинемия Вальденстрема). В том случае, если эпоним, содержащий немецкое ИС, попал через английский язык, графика антропонима, как правило, не изменяется: *enfermedad de Creutzfeldt-Jacob* — *болезнь Крейтцфельдта-Якобса*) [64].

Антропонимы, происходящие из языков с другими алфавитами либо иной идеографией, должны быть адаптированы. При транслитерации антропонимов также могут возникать различные расхождения.

Обратимся к эпонимам, которые содержат ИС русских исследователей. В термине *клетки Аничкова* — *células de Anitschkow* графеме «ч» соответствует испанское «tsch» либо «tsh»: *macrófagos de Anitshkow*. Изменяться также может последняя буква: *células de Anitschkoff*. Конечный «в» часто подвергается модификации: «ff» / «v» / «w» — *Filatoff* / *Filatov* / *Filatow* (*enfermedad de Filatov* — *болезнь Филатова*). Русской «х» в испанском языке соответствует либо сочетание «kh», либо «j»: *enfermedad de Bekhterev* / *enfermedad de Bejterev*; «ш» может передаваться сочетаниями «sch» и «sh»: *Kaschin* / *Kashin*; «к» — «ck» и «k»: *Beck* / *Bek* (*enfermedad de Kaschin-Beck* / *enfermedad de Kashin-Bek* — *болезнь Кашина-Бека*); «ц» —

«ts» и «tz»: *Bogomolets / Bogomoletz (suero de Bogomolets — сыворотка Богомольца)*.

Что касается графики имен собственных, происходящих из языков с другой системой письменности (китайской или японской идеографией), Хосе Антонио Диас Рохо отмечает, что, согласно существующим нормам, транслитерация подобных имен собственных на испанский язык должна осуществляться через посредство английского. Например, имя *Mao Tse-tung* следует писать как *Mao Zedong*, общепринятая в испанском языке форма топонима *Pekin* должна быть заменена на *Beijing*. Однако в тех случаях, когда в испанском языке уже сложились исторически устоявшиеся графические образцы, «следует уважать испанскую классическую адаптацию» [64, p. 30].

В медицинской терминологии испанского языка нами не обнаружено графических расхождений в эпонимах, содержащих ИС японских медиков: Ichiro Kikuchi и Y. Fujimoto (*enfermedad de Kikuchi-Fujimoto / EFK — болезнь Фуджимото*), Tomisaku Kawasaki (*enfermedad de Kawasaki / EK — болезнь Кавасаки*), а также в антропонимах китайского исследователя Frederick Pei Li (*síndrome de Li-Fraumeni / SLF — синдром Лу-Фраумени*) и врача из Египта Murad Jussuf Bey Ibrahim (*enfermedad de Beck-Ibrahim — болезнь Ибрагима-Бека*). Возможно, это объясняется тем, что в таких странах как Китай, Япония существовали собственные системы латинизации, в других (арабские страны, Индия) это делалось через посредничество языка бывшей метрополии (английского или французского). Данные эпонимы употребляются в медицинской терминологии в течение долгого времени, поэтому их орфография общепринята.

Что касается ИС русского происхождения, то на сегодняшний день существуют различные варианты передачи ИС кириллического алфавита на латиницу и наоборот.

Роль имени собственного в процессах образования синонимов, омонимов и полисемичных терминов испанского языка

Под синонимическим рядом в нашем исследовании определено незамкнутое объединение терминов, которое сформировано вокруг определенного понятия, базируется на совокупности интегральных и дифференциальных признаков, обладает иерархией значения и степенью легитимации.

Термины-эпонимы не являются однородным явлением. В составе сложного термина-эпонима всегда содержится ядерный компонент, определяющий основную семантику термина, и ИС, обладающее дополнительным коннотативным значением; в составе однословного — ИС

представляет собой мотивирующую основу. Таким образом, семантика эпонима определена интегрированным значением обеих составляющих, каждая из которых играет свою роль в образовании синонимичных терминов.

Принадлежность термина к синонимическому ряду обусловлена наличием определенного ИС, выполняющего видовую классифицирующую функцию. Приведем пример: в словарных источниках указано терминологическое гнездо, ядерным компонентом которого является лексема *gelatina*. *Gelatina de Elsner* — питательная среда (студенистое вещество) Эльснера; *gelatina de Rolando* — студенистое вещество задних рогов спинного мозга, *gelatina de Stilling* — нейроны отделов спинного мозга. Если классифицировать денотаты данных терминов как студенистую субстанцию, то представленные лексические единицы могут рассматриваться как частичные синонимы, и термин *gelatina* будет являться гиперонимом по отношению к его видам: соматического и несоматического происхождения. Однако, если в качестве основного критерия определить принадлежность субстанции к организму человека, то с этой точки зрения данные понятия ни в коем случае не могут рассматриваться как синонимы. Подобный вид терминов Авербух называет «невариантами» или омонимами по денотату — лексическими единицами, идентичными в плане выражения, обозначающими один и тот же предмет (денотат), но выражающими разные понятия о нем (или разные аспекты одного понятия) [238].

В дальнейшем исследовании основным критерием синонимичности является семантическое сходство означаемых понятий, средством выражения которых являются видовые как эпонимические, так и не эпонимические терминологические единицы испанского языка в рамках единой словарной статьи. Идеографические и стилистические особенности эпонимов мы рассматриваем как атрибутивные критерии, применяемые с целью конкретизации объема означаемого понятия.

Поскольку «синонимия — универсальное явление, которое охватывает почти все уровни языка» [337, с. 133], взгляды на этот феномен могут быть различны. Некоторые ученые, как российские, так и испанские, отрицают наличие в языке абсолютных синонимов. «Анализ различных концепций синонимии позволяет сделать вывод об отсутствии полностью идентичных по значению синонимов в языке» [358]. Рассматривая синонимы в медицинской терминологии испанского языка, испанские лингвисты Х. Мурубей, Ф. Мунос-Негрете, Х. Арруга пишут: «поскольку в языке не существует абсолютных синонимов, два термина, считающиеся синонимами, всегда будут иметь различные коннотации: термин *oculista* не будет абсолютным синонимом *oftalmólogo*, *anestésista* — *anestesiólogo*, так как в первом случае наблюдается дополнительное коннотативное значение “несовременности”, “архаичности”, тогда как во втором

присутствуют “новизна” и “актуальность”» [173]. Таким образом, кроме степени синонимичности, одновременно должно быть учтено и диахроническое варьирование терминологической лексики.

В нашем исследовании эпонимов испанского языка мы склонны придерживаться иной точки зрения. Вслед за К.Я. Авербухом, [238] и Е.М. Какзановой [337], мы признаем наличие полных синонимов и считаем, что в терминологии их «правильнее было бы называть смысловыми дублетами, поскольку члены синонимического ряда не имеют (значимых) различий ни идеографического, ни экспрессивного, ни стилистического типа», когда «смысловая дублетность проявляется в результате появления названий, различающихся по структуре при полной идентичности смысла» [337, с. 134]. В данном случае образованию вариантов эпонима способствует различные морфологические конструкции терминологической синтагмы: *síndrome boerhaaviano* / *síndrome de Boerhaave* — *синдром Бурхаве*; *enfermedad parkinsoniana* / *enfermedad de Parkinson* — *паркинсонический синдром* / *синдром Паркинсона*. В вышеуказанных терминах проприатив представлен именем прилагательным: *boerhaaviano*, *parkinsoniana*, либо ИС в составе генетивной конструкции. Подобные инвариантные модели С.Ю. Бабанова называет дублетным или морфолого-синтаксическим варьированием [252; 337].

Рассматривая термин как самостоятельный элемент терминологического множества, используемый при определении ближайшего видового и родового отличия, мы не исключаем символы как общепринятые знаки специальных понятий, которые, по справедливому мнению К.Я. Авербуха, также являются абсолютными синонимами. «Еще одну разновидность абсолютных синонимов дают нам предметные области, в которых сосуществуют две системы обозначений ее реалий: словесная и символическая» [238]. В качестве примеров использования символического изображения терминов, образованных на основе ИС, приведем единицу измерения электрического сопротивления: Ω — *ohmio*, и единицу измерения температуры: $^{\circ}\text{C}$ — *grado Celsius*, которые, несмотря на графические отличия, мы склонны считать полными взаимозаменяемыми синонимами.

Интеграция и дифференциация наук, взаимопроникновение идей и методов исследования различных научных областей, обмен информацией, когда характерной чертой является стремительное развитие информационных систем, требующих увеличения скорости письма, по нашему мнению, влияют на появление графических аббревиатур, значительная часть которых потенциально является полными синонимами. Мы считаем, что основными функциями синонимических отношений терминов-аббревиатур является конкретизация каждой терминединицы в синонимическом ряду, способствующая разграничению этого ряда,

выделению ей точно определенного места и обеспечение каждой аббревиатуры валентностными характеристиками. Данные функции содействуют установлению уровня ее согласования с другой терминологической лексикой. Для эпонимов, обладающих качеством абсолютной семантической взаимозаменяемости, характерна парная синонимия, при которой происходит инициальная аббревиация: *EHSC* — *Enfermedad de Hand-Schüller-Christian* — болезнь Ханда-Шулера-Кристуана; *BCG: Bacilo de Calmette y Guérin* — БЦЖ: *Бацилла Кальмета-Герина*. Термины, образованные путем неполного сокращения, также потенциально являются абсолютными синонимами: *Fístula BT / Fístula Blalock-Taussig* — *Фистула Баллока-Тауссига / Фистула Б.Т.* Представленные модели могут быть названы идеографическими дублетами.

Еще одной разновидностью абсолютных синонимов являются латинизированные таксономические эпонимы, легитимно закрепленные в рамках определенной номенклатуры и их испанские эквиваленты: *Bartonella / Bartonella (henselae, elizabethse, vinsoni, grahami, taylorii); Pasteurella* или *Pasterella*. В медицинском контексте такие термины, как правило, употребляют с артиклем, форма множественного числа также образуется по правилам испанского, а не латинского языка: *la Bartonella* — *bartonellas; la Pasteurella* — *pasteurellas*, что указывает на статус самостоятельной терминоединицы испанского языка. В данных примерах испанских терминов отмечены минимальные графические альтернации от их латинизированных эквивалентов, поэтому такие модели также рассматриваются нами как идеографические дублеты.

Основываясь на вышепредставленных примерах, в качестве полных или абсолютных синонимов мы выделяем идеографические дублеты и морфолого-синтаксическое варьирование.

Некоторые ученые в качестве единственного релевантного признака синонимии выделяют лишь семантическую общность, «одинаковый перевод на семантический язык» [244, с. 44]. При таком подходе в качестве смысловых дублетов могут выступать и термины, обладающие более широкой валентностью. Поскольку сигнификат всегда фиксирует определенную совокупность признаков денотата — абсолютных либо относительных, постоянных или временных, в этом случае дублетом эпонима в рамках синонимического ряда, связанного единой синтагматикой либо единым ядерным компонентом, может являться только эпонимическая семантически тождественная терминологическая единица, хотя и обладающая более широким диапазоном значения. На наш взгляд, подобные термины не могут рассматриваться как абсолютные синонимы. Взяв за критерий лишь семантическую тождественность, мы, вслед за К.Я. Авербухом, определяем их как «синонимы по сигнификату» — «лексические единицы, у которых при совпадающем сигнификативном

значении различны и знаки, и обозначаемые реалии, объекты» [238]. К таким терминам можно отнести эпонимы: *Hanseniasis / enfermedad de Hansen* — гансениаз / гансеноз / болезнь Гансена. *Hanseniasis* — заболевание, вызванное палочкой Гансена — *bacilo de Hansen*; *enfermedad de Hansen* — заболевание, описанное Г.А. Гансеном. Близость семантики обусловлена именно наличием ИС в термине, так как Г.А. Гансен не только описал заболевание, но и выделил его возбудителя. Рассмотрим еще один пример: *enfermedad de Parkinson / parkinsonismo* — болезнь Паркинсона / паркинсонизм. Эпоним *паркинсонизм* обладает более широким значением: совокупность признаков, характерных при болезни Паркинсона, но встречающихся при других заболеваниях, т.е. является семантической доминантой, способной заменить составной термин при полном сохранении его значения.

Мы считаем, что к категории синонимов «по сигнификату» можно отнести и эпонимы, которые содержат несколько ИС, однако только в том случае, если в синонимическом ряду всегда встречается антропоним, относящийся к одному и тому же человеку: *tubo de Abbot / tubo de Miller-Abbott* — зонд Эббота-Муллера для трансназальной интубации; *miocarditis de Abramov-Fiedler / miocarditis de Fiedler / Síndrome de Fiedler* — миокардит Абрамова-Фидлера. Случаи, когда графически совпадающие ИС в термине относятся к разным исследователям, будут рассматриваться нами отдельно, так как подобные термины не являются синонимами.

Разделяя точку зрения Е.В. Бекишевой о том, что в эпонимических терминах «проприатив содержит скрытый компонент значения» [261], и определив идеосемантику ИС как ментальную составляющую термина, мы также считаем, что вышеуказанные примеры являются подтверждением сказанного. На наш взгляд, для специалиста не безразлично, чье имя содержится в термине. Эпоним *miocarditis de Abramov-Fiedler* в медицинской терминологии испанского языка встречается гораздо реже, нежели *miocarditis de Fiedler*, т.е. их значение не тождественно. Синонимичные термины: *miocarditis de Fiedler* и *síndrome de Fiedler* не могут рассматриваться как полностью тождественные терминологические единицы, так как имеют различные ядерные компоненты. В словарных источниках русского языка нами не выявлены эпонимы *миокардит Фидлера*, *синдром Фидлера*, в термине всегда присутствуют два антропонима (*Абрамов-Фидлер*) что, на наш взгляд, также является подтверждением не полной сигнификативной тождественности, обусловленной различной идеосемантикой ИС.

Полная семантика таких терминов определена знанием необходимых сведений лингвокультурного и исторического характера, поэтому мы считаем, что подобные случаи представляют примеры нежелательной синонимии в терминологии.

Следующим типом синонимов являются синонимы по денотату, термины, имеющие не только различные конструктивные особенности, но у которых также отмечается частичное или полное семантическое несовпадение. Такие термины референциально тождественны, поскольку способствуют определению единого понятия, характеризуют один обозначаемый объект. Если мы дифференцируем данные синонимы с точки зрения морфологии, то в одном ряду оказываются как эпонимы, так и однословные композиты, а также полилексемные метафорические конструкции.

Для определения степени синонимической тождественности эпонимов испанского языка сопоставим их с терминоединицами, обладающими совпадающим денотативным значением в рамках словарной статьи.

Рассмотрим некоторые варианты синонимических рядов: *Donovanosis* / *granuloma inguinal (venéreo) ulcerativo de los genitales* / *quinta enfermedad venérea* [432, с. 366]. В русском языке это заболевание встречается под названиями *Донованоз* / паховая гранулема / венерическая гранулема / тропическая язвенная гранулема / пятая венерическая болезнь / *донованоз Брока* (L.A.J. Brocq, 1856—1928, франц. дерматолог). В Международной классификации болезней МКБ -10 / ICD -10 данное заболевание определено как *Donovanosis* / *granuloma inguinal* [ICD -10: A 58]. Болезнь получила название по латинизированному таксономическому наименованию *Donovania granulomatis* / *Calymmatobacterium granulomatis* / *Klebsiella granulomatis*, вернее по его испанскому аналогу, рассматриваемому нами как полный синоним: *cuerpos de Donovan* — *тельца Донована*. Мы видим, что из трех синонимов выбран первый, который, согласно прежней таксономической норме, считался старшим синонимом (так как появился в печати раньше других). Однако в современных источниках, как правило, указывают *Calymmatobacterium granulomatis*, возможно, из-за изменения таксономической нормы. Тем не менее, языковой аналог *cuerpos de Donovan*, в данном случае рассматриваемый нами как абсолютный синоним таксона *Donovania granulomatis*, тоже является употребительным. Термин *Donovanosis* образован на основе экстраполированного ИС + -osis — суффикс, свидетельствующий о наличии патологического процесса, его интенционал (сигнификативное значение) — заболевание, вызванное палочкой (тельцем) Донована. В качестве ближайшего синонима указан термин *granuloma inguinal* — паховая гранулема (*grauloma*: *granul* — зернышко + -ома) — очаг продуктивного воспаления, имеющий вид плотного узелка, расположенный в паху (*inguinalis*, е — паховый), т.е. в основе сигнификата заложены физиологические признаки патогенеза. Мы видим, что для двух терминов, определенных в международных официальных источниках в качестве ближайших синонимов — терминов,

способных функционально заменять друг друга практически во всех сферах медицины, заложено совершенно разное внутреннее значение, определяющее единый процесс. При этом как эпоним, так и сложный кваликативный термин, указывают на наиболее яркие характеристики заболевания. Остальные синонимы, на наш взгляд, являются менее информативными: *granuloma venéreo* и *granuloma ulcerativo* — *венерический / язвенный узелковый очаг воспаления*, так как они обладают более широким спектром значения. Подобные проявления могут быть вызваны совершенно другим источником инфекции либо иметь иное расположение. Термин *quinta enfermedad venérea* — *пятая венерическая болезнь* предоставляет чисто классифицирующую информацию, причем совершенно неясной классификации, он вообще не является информативным с точки зрения развития или проявления заболевания, месте локализации процесса, хотя и свидетельствует о его инфекционном характере. Таким образом, можно предположить, что термины, образованные от экстраполированных ИС, использующиеся в названиях инфекционных заболеваний, занимают значимое место в синонимическом ряду, на что указывает наличие данного термина в ICD -10. Благодаря «ментальной составляющей» их значение сужено, конкретизировано, способствует более точному обозначению понятия.

Чтобы определить место эпонима и его синтагматические связи с клиническими терминами единого синонимического ряда, рассмотрим цепь лексических единиц, использующихся при обозначении заболевания не инфекционного характера: *edema angioneurótico (alérgico) (con urticaria) (cualquier sitio) / enfermedad de Quincke* [ICD -10: T 78.3] / *angioedema / edema de Milton / edema de Quincke / edema errante / edema errático / edema migratorio / Enfermedad de Bannister* — ангионевротический отек / отек Квинке / ангиоэдема / отек Милтона / блуждающий отек / летучий отек / мигрирующий отек / болезнь Бэннистера. В русском языке соответствующий синонимический ряд не столь широк. Как правило, применяют лишь два синонима: *ангионевротический отек* и *отек Квинке*, отмеченные в МКБ -10. В отношении данного заболевания очень редко употребляются термины *крапивница гигантская* и *крапивница Милтона*, термин *болезнь Бэннистера* практически не используется. В синонимическом ряду испанских терминов наличествуют три эпонима: *edema de Quincke*, *edema de Milton* и *enfermedad de Bannister*, принадлежащие разным исследователям. Интересно, что ни один из трех эпонимов не относится к Marcello Donati — человеку, впервые описавшему вышеупомянутое заболевание еще в 16 веке. Позже, в 1876 г. на эту болезнь обратил внимание британский хирург и дерматолог John Laws Milton, затем в 1882 г. Heinrich Irenaeus Quincke, а в 1894 — Henry Martyn Bannister (см. статью «Eponyms beginning with B» [232]. Имена Милтона и Бэннистера

связывают только с данным заболеванием. Хотя оба исследователя сделали немало в области медицины, других эпонимов нами не обнаружено. Имя Х.И. Квинке, который не только описал, но подробно изучил ангионевротический отек, присутствует еще в шести терминах, что позволяет сказать, что оно обладает более выраженной идеосемантикой. Согласно данным МКБ -10, термин *edema angioneurótico* отмечен как полноправный синоним эпонима *enfermedad de Quincke*, однако, по мнению многих медиков, в т.ч. и авторов проекта Who named it? (см.: Eponyms beginning with Q [232]), фамильный термин является более «аккуратным», так как его квалификативный аналог менее точно отражает соответствующее понятие: ангионевротический отек может иметь широкую этиологию, подобное заболевание часто обусловлено различными факторами, в то время как *enfermedad de Quincke* является аутосомной наследственной формой отека. Не случайно в ICD -10 рядом с термином *edema angioneurótico* указаны уточняющие определения: *alérgico* — аллергический, *con urticaria* — сопровождающийся крапивницей, *cualquier sitio* — располагающийся в любом месте. Вариант клинического термина, который мог бы являться полноправным синонимом, должен выглядеть так: *edema angioneurótico, alérgico, con urticaria*. Поскольку представленная конструкция является многословной, громоздкой, с точки зрения терминологии, она не будет удобной в использовании. Метафорические термины *edema errante / edema errático / edema migratorio* представляют собой частичные синонимы, так как они указывают лишь на форму протекания процесса, ничего не сообщая ни о его характере (аутосомный, аллергический, неинфекционный), ни об этиологии (наследственное заболевание). Таким образом, можно сказать, что в названиях заболеваний наличие известного ИС обладает сильным «скрытым», «свернутым» коннотативным значением, предоставляя дополнительную фоновую информацию, являющуюся очень важной для медиков, а также можно подтвердить предположение, что эпонимы могут и в некоторых случаях являться достаточно информативными, чтобы занимать ведущее место в синонимическом ряду.

Эпонимические термины часто применяются при обозначении симптомов, методов лечения, обследования. Рассмотрим еще несколько примеров: *ruido de molino / Síntoma de Morel-Lavallée* — симптом Морреля-Лавайе / шум мельничного колеса (кардиологический симптом). В данном случае эпоним является менее информативным, его квалификативный аналог-метафора обладает более узким спектром значения, точнее характеризует признаки процесса и, несомненно, будет являться более употребительным. Кроме того, в испанском языке двухкомпонентный термин-метафора лексически короче, нежели трехкомпонентный эпоним, и, конечно, представляет собой предпочитаемый термин.

В синонимические отношения могут вступать эпонимы-метафоры и собственно эпонимы: «ojos» de Bonnet / huecos de Herbert — «глазки» Бонне / букв.: углубления Герберта, которые, заменяя многословную описательную конструкцию, на наш взгляд, являются равнозначно удобными. Следует отметить, что в некоторых случаях эпоним может быть единственно приемлемым и не иметь синонимов: *síntoma de Galvagni* — перитониальная крепитация при пальцевом нажатии мечевидного отростка в случаях острого перитонита и злокачественных процессах печени (в русском языке термин не является эпонимическим).

Практически не образуют видовых синонимов эпонимы, номинирующие медицинский инструментарий: *pinzas de Adson* — пинцет Адсона, *pinzas de Allis* — зажим Эллиса. Это объясняется тем, что производственные номены, будучи запатентованы, всегда являются номенклатурными терминами (в рамках определенного предприятия) и дальнейшее их производство осуществляется под этим наименованием.

Вышепредставленные примеры позволяют предположить, что эпонимические терминологические единицы испанского языка в синонимическом ряду способны являться доминирующими, а иногда и единственно приемлемыми, хотя наличие эпонимов, образованных на основе нескольких антропонимов, а также многих метафорических терминов, являющимися частичными синонимами и в некоторых случаях более точно отражающими значение терминологической единицы, в свою очередь способствует терминологической синонимии. Вышеозначенные синонимы часто параллельно функционируют в научной медицинской литературе, поскольку в когнитивном аспекте они взаимозаменяемы. Синтагматические отношения элементов синонимического ряда, объединенных сходной семантикой, различны. Это вполне объяснимо с точки зрения функционально-стилистических особенностей данной лексики.

Известная испанская исследовательница Мария Анхелес Алкарас Ариса пишет: «Эпонимам не остается ничего иного, как следовать дорогой синонимии, проложенной одновременным применением в медицине корней греческого и латинского происхождения» [7, p. 65]. Она отмечает, что такое заболевание, как диффузный экзофтальмический зоб / тиреотоксикоз, в испанском языке известно под следующими названиями: *bocio exoftálmico hipertiroideo* / **basedovismo** / *bocio basedovificado* / *tirotoxicosis* / *hipertiroidismo* / *hipertiroidia* / *hipertireosis* / *enfermedad de Basedow* (Karl Adolf von Basedow) / *enfermedad de Graves* (Robert J. Graves) / *enfermedad de Graves-Basedow* / *enfermedad de Basedow-Graves* / *enfermedad de Flajani* (Giuseppe Flajani) / *enfermedad de Parry* (Caleb Hiller Parry) / *enfermedad de Parson* (James Parson) [Ibid.]. В указанном синонимическом ряду присутствуют 9 наименований, образованных на основе имен собственных,

из них 5 принадлежат разным исследователям. В испанской Медицинской энциклопедии [161] представлен еще один вариант названия данного заболевания: *Enfermedad de Marsh*. Согласно информационным сведениям портала «Who named it?» [232], эпонимический приоритет следовало отдать иранскому медику Sayyid Ismail Al-Jurjani, указавшему зоб и экзофтальм еще в книгах шаха Khwarazm, тем не менее, словарные источники не фиксируют эпонима, образованного от его имени. Не являются широко известными термины более позднего происхождения: *enfermedad de Flajani*, *enfermedad de Parry*, *enfermedad de Parson* и *enfermedad de Marsh*. Карл фон Базедов описал заболевание в 1840 г., ирландский доктор Robert James Graves — в 1835. Базедов охарактеризовал признаки болезни, позже названной его именем: тахикардию, зоб и экзофтальм. Совокупность симптомов, свойственных заболеванию, именуют *Базедова триада* — *triada de Basedov*, однако, в испанском языке в термине чаще употребляется топоним *Merseburgo*: *triada de Merseburgo* — Мерзебургская триада. При обозначении болезни в испанском языке употребляли эпоним *enfermedad de Basedow* / *basedovismo*, в англоговорящих странах — *enfermedad de Graves*. Можно предположить, что эпоним с именем К. Базедова был более частотным, так как на его основе образованы моноксемные термины: *basedovismo* — *базедовизм* и *basedovificado* (от латинизированного варианта: *basedowificatio*; *morbis Basedowi* + лат.: *facio* — делать → *базедовификация*, т.е. проявление признаков диффузного токсического зоба). В настоящее время из всех вышеперечисленных эпонимов применяются только термины *basedovismo*, *bocio basedovificado*. В некоторых научных публикациях при описании заболевания дается словарный вариант эпонима, составленный в соответствии с нормами эпонимики, согласно хронологическому приоритету: *enfermedad de Graves- Basedow*.

Обилие имен собственных, вносящих путаницу, способствующих терминологическому несогласованию, привело к тому, что практически все указанные эпонимические терминологические единицы этого ряда признаются нежелательными, рекомендуется употребление квалификативных терминов: *bocio exoftálmico hipertiroideo / tirotoxicosis* [ICD -10: E 05].

Наиболее яркие примеры синонимии эпонимических терминов возникают при именовании синдромов и симптомов. Например, синдром ангиоостеодистрофии: *síndrome de Klippel-Trénaunay-Weber* известен как: *síndrome de Ollier-Klippel-Trenaunay-Weber* или *síndrome de Trénaunay-Weber*, а также *síndrome de Parkes-Weber*. Путаница возникает не только в результате того, что данные ИС принадлежат разным людям: Maurice Klippel, Louis Xavier Édouard Léopold Ollier, Paul Trénaunay, Frederick Parkes Weber. В последнем термине указаны имя и фамилия, принадлежащие

одному и тому же человеку: Фредерику Парку Веберу (Parkes Weber). Медицинская литература содержит разные сведения, касающиеся этого синдрома, но во многих словарных источниках испанского языка наименования синдрома систематизированы, так как в последнее время ведется огромная работа по урегулированию внутриязыкового терминологического аппарата, хотя существуют значительные межъязыковые дискорреляции эпонимической лексики.

Рассмотрим случай, когда эпоним является легитимно предпочитаемым, отмеченным в ICD -10 в качестве международной терминологической единицы: *Enfermedad de Creutzfeldt-Jakob* — *болезнь Крейтцфельда-Якобса* [ICD -10: A 81.0]. Данное заболевание также известно как *enfermedad de Creutzfeldt-Jakob / atrofia cerebral espongiiforme / degeneración corticopalidoespinal / demencia abiotrófica / enfermedad de Jakob / enfermedad de Jakob-Creutzfeldt / pseudoesclerosis de Jakob / pseudoesclerosis de Jakob-Creutzfeldt / pseudoesclerosis espástica / seudoesclerosis de Jakob / seudoesclerosis de Jakob-Creutzfeldt / seudoesclerosis espástica / síndrome de Creutzfeldt-Jakob*. Авторы словаря «Diccionario de siglas médicas y otras abreviaturas, eponimos y términos médicos relacionados con la codificación de las altas hospitalarias» указывают ряд соответствующих синонимов-аббревиатур: **CJ**: *Creutzfeldt-Jakob*, **ECJ**: *Enfermedad de Creutzfeldt-Jakob*. Представлены также встречающиеся в терминологии испанского языка аббревиатуры-англицизмы: **CJD**: *Creutzfeldt-Jakob Disease (Enfermedad de Creutzfeldt-Jakob)*, **CJS**: *Creutzfeldt-Jakob Syndrom (síndrome de Creutzfeldt-Jakob)* [234, p. 29]. Хотя в синонимическом ряду встречаются все варианты употребления антропонимов: нарушение последовательности ИС, использование одного антропонима вместо двух, а также существенные различия в ядерных элементах: *enfermedad, síndrome, pseudoesclerosis*, в редуцированных терминах инициалы ИС употребляются в соответствии с терминологической нормой: **CJ**. Таким образом, варьирование аббревиатуры осуществляется из-за изменения ядерного компонента, наличие хорошо известных инициалов, по нашему мнению, способствует графическому своеобразию аббревиатуры, делая ее узнаваемой в ряду синонимов: **CJ, ECJ, CJD, CJS**.

Положительную роль играет наличие ИС в номенах медицинского инструментария и оборудования. Проиллюстрируем это при помощи следующего примера: *Pinzas de Adson* — *пинцет Адсона*. Данный термин имеет идеографический дублет *Adson*. С развитием технологий инструмент подвергнулся модификации, каждый раз получая новое наименование: *Adson-micro, Adson-Brown, Adson (dentadas), Adson (sin dientes)*. ИС в термине из видового становится родовым наименованием, что говорит о его положительной роли в терминообразовании.

В испанском языке нами выделены случаи, когда эпоним становится гиперонимом по отношению к ряду терминологических единиц. Соответствующая инициальная аббревиатура также получает повсеместное употребление: *enfermedad de Hodgkin / linfoma de Hodgkin / LH* — лимфома Ходжкина. В классификации опухолей сохраняются принципы, основанные на топографии, морфологии, характере клинического течения новообразования. Изменения классификационных схем носят эволюционный характер: в случаях недостаточной изученности гистогенетической принадлежности опухоли, ее часто называют эпонимическим термином, впоследствии усовершенствованные методы морфологического исследования позволяют обнаружить иные маркерные признаки, что дает возможность более точной диагностики и, соответственно, именования. Например, когда выявили случаи нетипичной формы *linfoma de Hodgkin*, их обозначили при помощи термина *linfoma no Hodgkin / LNH*. Позже эти случаи также были описаны, классифицированы и получили собственные названия: *el tumor de Burkitt, linfoma linfoplasmacitoide, linfoma monocitoide de células B* и т.д. Мы не приводим полный ряд примеров этих терминов, так как к заболеваниям данного вида относят все какие-либо известные случаи злокачественного поражения, исключая лимфому Ходжкина (более 15 терминов, в том числе и эпонимических).

Традиционно считают, что наличие ИС в термине способствует процессу синонимии, увеличивая количество нежелательных наименований. Разделяя данное мнение, мы, тем не менее, считаем нужным отметить, что поскольку ИС обладает дополнительным коннотативным значением, эпоним получает необходимые валентностные характеристики, обеспечивающие ему строго определенное место в синонимическом ряду. В случаях, когда приоритет употребления ИС в термине определен, термин становится «удобным» и узнаваемым, что доказывает наличие известной и распространенной аббревиатуры. Там, где ИС является легитимно закрепленным при помощи номенклатурного источника, антропоним можно рассматривать как «знак», языковую метку, также удобную в применении благодаря фонографическому своеобразию. Поэтому в случаях однозначного закрепления эпонима за определенным предметом синонимии не возникает. Кроме того, такие термины получают неограниченную перспективу пополнения. Таким образом, мы считаем, что наличие ИС в термине не всегда является однозначно отрицательным в процессе образования синонимов.

Рассматривая роль ИС в лексико-семантических процессах медицинской терминологии испанского языка, следует уделить внимание не только синонимам, но также омонимам и полисемичным терминам, поскольку они играют немаловажную роль в терминологическом

многообразии, порой значительно затрудняя процесс восприятия термина. Остановимся на процессе омонимии.

Омонимия — звуковое совпадение различных языковых единиц, значения которых не связаны друг с другом. В языке различают полную и частичную омонимию, при которой совпадают отдельные формы слов (омоформы), выделяют омографы — слова с совпадающей графикой и омофоны — слова тождественные фонетически, но отличающиеся написанием. В качестве одного из факторов появления омонимии указывают разрыв первоначально единой семантики многозначного слова, что в свою очередь, обуславливает трудность разграничения омонимии и полисемии [376, с. 344—345].

Рассматривая явление омонимии в терминологии, В.А. Татаринев считает, что в пределах одной отрасли проблема омонимии теряет всякий смысл, так как одинаково звучащие термины внутри одной отрасли практически не встречаются [495, с. 139]. Разделяя эту точку зрения, мы считаем необходимым отметить, что поскольку у медицинских терминов-эпонимов омонимия появляется в результате совпадения фамилий, принадлежащих разным исследователям, от антропонима которых образована составная полилексемная терминологическая единица, в некоторых случаях термины-омонимы могут появляться в пределах одной отрасли, если деятельность исследователей, имевших совпадающую фамилию, осуществлялась в одной сфере. Нами не обнаружено омонимов ни среди моноксемных терминов-композитивов, ни среди деонимов.

По справедливому мнению К.Я. Авербуха, «термины, идентичные в плане выражения, но абсолютно несоотносимые в плане содержания, так как они обозначают разные объекты и выражают различные понятия разных предметных областей» [238], могут быть названы полными омонимами. Мы считаем, что эпонимы, обладающие качеством семантической нетождественности, в которых совпадающими являются как ядерный элемент, так и проприатив, потенциально являются полными омонимами.

Обратимся к следующим примерам: *método de Abbott* — метод Эббота. Данный термин связывают с именами двух исследователей: Александра Эббота (Alexander C. Abbott) — американского бактериолога и Эдвилла Эббота (Edville G. Abbott) — американского хирурга ортопеда. В первом случае термин используют при обозначении окраски, во втором — для обозначения метода лечения сколиоза. В термине *enfermedad de Pick* фамилия *Pick* может принадлежать нескольким исследователям: Арнольду Пику (Arnold Pick), Фриделю Пику (Friedel J. Pick), Людвигу Пику (Ludwig Pick), Филиппу Джозефу Пику (Philipp Josef Pick). Арнольд Пик — чешский невролог и психиатр (1851—1924), описал редкое заболевание нервной системы, клинически сходное с деменцией Альцгеймера. Фридель Пик — австрийский физиолог (1867—1926), жил и работал в Праге, описал

симптомы цирроза печени, асцита, фибринозный перигепатит. Людвиг Пик — немецкий патолог (1868—1944), выявил и описал симптомы заболевания, характеризующегося увеличением печени и селезенки, анемией, прогрессирующей слепотой, данную болезнь чаще называют по двум антропонимам: *enfermedad de Niemann-Pick* — *болезнь Ниманна-Пика*. Имя Филиппа Джозефа Пика (1834—1910), австрийского дерматолога, присутствует в названии хронического кожного заболевания конечностей, известного также как *enfermedad de Taylor*. Хотя в представленных эпонимах совпадающими являются как ядерные элементы, так и проприативы, термины относятся к разным микросистемам, что, на наш взгляд, подтверждает утверждение В.А. Татарина. Кроме того, каждый из названных эпонимов является самостоятельным членом синонимического ряда. Например:

- *enfermedad de Pick* (Arnold Pick) / *síndrome de Pick* / *enfermedad de Pick-Alzheimer*;
- *enfermedad de Pick* (Friedel J. Pick) / *enfermedad de Friedel Pick* / *síndrome de Hutinel-Pick*;
- *enfermedad de Pick* (Philipp Josef Pick) / *enfermedad de Herxheimer* / *síndrome de Pick-Herxheimer* / *síndrome de Taylor* / *enfermedad de Pick-Herxheimer*;
- *enfermedad de Pick* (Ludwig Pick) / *síndrome de Crocker* / *síndrome de Crocker-Farber* / *enfermedad de Niemann* / *enfermedad de Pick-Niemann*.

Таким образом, термины, рассматриваемые нами как полные омонимы, будут являться таковыми лишь в словарных рамках. Поскольку одному ИС, как правило, соответствует несколько терминологических единиц, то явление полной омонимии не однозначно, в этом случае термины, содержащие омонимичное ИС, мы склонны считать частичными омонимами. Рассмотрим примеры, взятые нами из испанской медицинской энциклопедии — источника, в котором эпонимам отведено особое место. Данные термины классифицированы по ИС, кроме того, указано значение, а в некоторых случаях происхождение терминологической единицы:

- *síndrome de Pick-Wernicke* / *afasia de Wernicke* — потеря способности письма и чтения, дисбаланс артикуляции звуков;
- *células de Pick* / *histiocitos* — *гистоцитоз*, наблюдаемый при заболевании Ниманна-Пика;
- *órganos de Pick* — тельца Пика, скопление протеина в клетках мозга при болезни Пика (*Enfermedad de Pick*);
- *enfermedad de Pick* / *síndrome de la atrofia cerebral circunscrita de Arnold Pick* [ICD-10: G31.0; F 02.2] — синдром ограниченной церебральной атрофии;
- *enfermedad de Pick-Niemann* — *болезнь Пика-Ниманна* [ICD-10: G 31.0];

- *síndrome de Pick* — термин, использующийся для обозначения оптических нарушений (практически не употребляется).

Мы считаем, что данные термины являются частичными омонимами, так как применяются с целью обозначения различных понятий, в них отмечается нетождественность ядерных компонентов и несовпадение второго антропонима. Пользуясь различными словарными источниками, мы выявили ряд эпонимов-омонимов, содержащих фамилию **Pick**:

- термины, образованные от ИС **Арнольда Пика**: *órganos de Pick* — тельца Пика, *enfermedad de Pick* — болезнь Пика, *síndrome de Pick*, *síndrome de Pick II* — синдром Пика, *Pick alucinaciones* — галлюцинации Пика, *enfermedad de Pick-Alzheimer* — болезнь Пика–Альцгеймера, *síndrome de Pick-Wernicke* — синдром Пика–Вернике;
- термины, образованные от ИС **Фриделя (Фридель) Пика**: *enfermedad de Pick / Pick cirrosis* — цирроз Пика, в русском языке более употребителен вариант: *Пика псевдоцирроз*;
- термины, образованные от ИС **Людвига Пика**: *Pick cell* — клетки Пика, *Pick piramidal pack* — пирамидальный пучок Пика (аденома Пика), *enfermedad de Pick*, *enfermedad de Pick-Niemann* — болезнь Пика–Ниманна, гепатоспленомегалия с наличием «пенистых» клеток Пика;
- термины, образованные от имени **Филиппа Джозефа Пика**: *enfermedad de Pick / acrodermatitis de Pick-Herxheimer* [ICD -10: L 90.8] / *eritromelia de Pick* — хронический атрофический акродерматит, болезнь Пика–Герксхеймера (Херксхеймера).

Представленные примеры можно дополнить термином, содержащим омофоничную фамилию *Pic /Pik/*: *síndrome de Bard-Pic* — эпоним, применяющийся с целью обозначения ряда признаков панкреатической карциномы.

Феномен омонимии эпонимической лексики не является экстраординарным явлением. Так, термин *operación de Alexander* может относиться к ИС William Stuart Alexander и к William Churchill Alexander (*operación de Alexander-Adams*); термин *tratamiento de Murphy / tratamiento de Fowler-Murphy* (John Benjamin Murphy — американский физиолог и абдоминальный хирург и George Ryerson Fowler — американский хирург) является омонимом *tratamiento de Murphy / tratamiento de Minot-Murphy* (William Parry Murphy — американский физиолог, получивший Нобелевскую премию в области психологии медицины совместно с George Richards Minot). Поэтому в данных эпонимах всегда следует указывать оба ИС. Известно несколько терминов, содержащих антропоним Beck: Claude Schaeffer Beck — американский хирург (1894—1971), Emil G. Beck — американский хирург (1866—1932), Soma Cornelius Beck — венгерский дерматолог (1872—1930), Alfred V. Beck — немецкий хирург, Carl Beck,

американский хирург (1856—1911) и Carl Beck — американский хирург, жил и работал в г. Milin, Bohemia (1864—1952).

Обратимся к синтагматической вариантности эпонимов, «материальным проявлением которой являются эллипсис, аббревиация, неязыковые приемы сокращения» [238]. Появление омонимов-аббревиатур представляется нам наиболее нежелательным явлением в медицинской терминологии, так как лексические сокращения, являющиеся графически и фонетически тождественными, имеют абсолютно разное значение.

Прототипом аббревиатуры могут являться эпонимы, имеющие тождественный ядерный элемент, но различные ИС:

- *SS* → *Síndrome de Serazy* — синдром Серази;
- *SS* → *Síndrome de Sjögren* — синдром Шегрена.

В качестве прототипа этой аббревиатуры выступают также сложные квалификативные термины:

- *SS* → *Shock séptico* — септический шок;
- *SS* → *Sin soplos* — без хрипов (в легких).

Иногда прототипом аббревиатуры омонима является эпонимическая лексическая единица, которая уже сама подверглась частичному сокращению:

- *SG* → *Swan-Ganz (catéter)* — катетер Суона-Ганца;
- *SG* → *Síndrome general* — основной синдром;
- *SG* → *Suero glucosado* — глюконизированная сыворотка.

В ряду омонимов-аббревиатур могут одновременно присутствовать эпонимы, имеющие не только различные ИС, различные ядерные компоненты, но и аббревиатуры квалификативных составных терминов:

- *AF* → *Anemia de Fanconi* — анемия Фанкони;
- *AF* → *Ataxia de Friedreich* — атаксия Фридриха;
- *AF* → *Ácido fólico* — фолиевая кислота (лекарственное средство);
- *AF* → *Antecedentes familiares* — сведения о семье.

Прототипом аббревиатур одновременно могут выступать все виды терминов: моноксемные и полилексемные, эпонимы всех типов (в том числе сами являющиеся сокращениями), содержащие единый либо дифференцированный ядерный компонент:

- *SF* → *Síndrome de Fanconi* — синдром Фанкони;
- *SF* → *Síndrome febril* — лихорадочный синдром;
- *SF* → *Sabin-Feldman (prueba)* — метод Сабина-Фельдмана;
- *SF* → *Subfrénico* — поддиафрагмальный;
- *SF* → *Suero fisiológico* — физиологическая сыворотка.

Порой прототипом аббревиатуры-омонима может являться эпоним, который, согласно терминологическим нормам, уже удален из номенклатурного источника:

RTA → *Reflejo del tendón de Aquiles* — рефлекс Ахиллова сухожилия (термин *tendón de Aquiles* удален из Анатомической номенклатуры; современным аналогом, рекомендуемым к употреблению, является *tendón calcáneo*);

- *RTA* → *Rotura del tendón de Aquiles* — разрыв Ахиллова сухожилия;
- *RTA* → *Reacción transfusional aguda* — острая трансфузионная реакция.

В ряду омонимов-аббревиатур, как правило, присутствуют термины, употребляющиеся не только в определенной микросистеме. Большая часть таких сокращений является медицинскими терминами широкого назначения, поэтому восприятие такой омонимичной терминологической единицы даже в контексте требует дополнительных пояснений. В работе мы уделили внимание лишь месту эпонимных сокращений в ряду омонимов-аббревиатур. Примеры, представленные нами, показывают, что такие аббревиатуры увеличивают количество омонимичных сокращений, внося нежелательную путаницу в терминологию. Однако благодаря наличию ИС в термине существуют терминологические единицы, не образующие известных омонимов-аббревиатур: **BCG** — бацилла Кальмета-Герина, **ЕСJ / СJD** — болезнь *Крейтцфельда-Якобса* [ICD -10: А 81.0]. Своеобразие инициалов ИС, на наш взгляд, способствует положительной роли таких сокращений в образовании аббревиатур, выделяя их как в ряду синонимов, так и в ряду омонимов.

Под полисемией, как правило, понимают наличие у единицы языка более одного значения. Выделяют грамматическую и лексическую полисемию. Несмотря на то, что в языке явление полисемии не несет резко отрицательного характера, так как в контексте любая лексическая единица обладает определенной степенью понятийности, многозначность вполне справедливо рассматривается как «крайне нежелательное явление в современной медицинской терминологии» [547, с. 11].

В терминологии выделяют междисциплинарную и внутридисциплинарную формы полисемии, которую считают наиболее неудобной, способствующей пролиферации трудностей в терминопотреблении.

Случаи междисциплинарной полисемии эпонимических терминов испанского языка встречаются не часто, в словаре Г.Ю. Белинского нами выявлены единичные примеры многозначности данного типа, среди которых наблюдаются названия заболеваний:

enfermedad de Paget :

- болезнь *Педжета*, деформирующий остеоит;
- рак (*Педжета*) соска молочной железы.

enfermedad de Refsum:

- болезнь Рефсума, атактическая полиневритоподобная гередопатия;
- синдром Рефсума (дерматологический) [264, с. 198—199].

Встречаются также названия методов лечения, обследования:

método (maniobra) de Credé:

- офтальмология: метод *Матвеева-Креде*;
- гинекология: способ *Креде* [Там же. С. 433].

Указывают различные причины, обуславливающие многозначность в медицинской терминологии. «Первая причина — это наличие различных микротерминосистем, в которых одна и та же внешняя форма слова используется для обозначения разных понятий. Например, анестезия — в хирургии и неврологии» [547, с. 12]. На наш взгляд, подобные явления тесно взаимосвязаны с полисемией эпонимических терминов, так как многозначность полного термина обуславливается не только наличием единого проприатива, но и полисемантичностью ядерного компонента.

Обратимся к следующему примеру: эпоним *método de Bier* может употребляться в следующих значениях:

- 1) *анестезия Бира*;
- 2) *метод Бира*.

Поскольку под *анестезией Бира* понимают один из методов внутривенной анестезии, а под термином *метод Бира*:

- 1) метод лечения вялотекущих гнойных процессов искусственно вызванной венозной гиперемией;
- 2) метод лечения инфицированных ран в стадии гранулирования герметизирующей бестампонной долгосрочной повязкой,

то эпонимический термин *método de Bier* является потенциально приемлемым во всех трех случаях.

В.М. Лейчик отмечает, что многозначность, появляющаяся в результате межсистемного заимствования терминов, устраняется «в ходе упорядочения терминологии путем добавления конкретизирующего определяющего элемента» [373, с. 45], в качестве которого может использоваться антропоним. Именно идеосемантика ИС будет способствовать дифференциации, разграничению в употреблении межсистемных полисемичных терминов: *método de Bier* в первую очередь ассоциируется с методом спинальной анестезии [240].

Для медицинских терминов-эпонимов более характерна внутридисциплинарная полисемия, поскольку ИС одного исследователя, как правило, работавшего в определенной сфере, используют для обозначения родственных понятий. Исследование позволило выявить, что в медицинской терминологии испанского языка полисемичные эпонимические термины встречаются в таких тематических группах, как названия заболеваний, синдромов, симптомов, приемов и методов обследования.

В медицине известны болезни Альберта: *enfermedad de Alibert*, *enfermedad de Alibert II*; несколько синдромов Кушинга: *síndrome de Cushing I, II, III*; синдромы Киари: *síndrome de Chiari I, II*; четыре симптома Штрюмпеля: *signo de Strümpell I, II, III, IV*; три симптома Розенбаха: *signo de Rosenbach I, II, III* и т.д. Для более полной иллюстрации остановимся на

нескольких примерах многозначных эпонимических терминов, используемых в номинации заболеваний:

enfermedad de Brodie — *болезнь Броди*:

- артралгия, артроневралгия без органических изменений в суставе и в окружающих тканях, обычно психогенного происхождения / *sinovitis hipertrófica crónica* [ICD -10: M 86.8];
- психогенно возникающие после травмы (травматические невроты) невралгические боли в области позвоночника, сопровождаемые кифозом.
- *enfermedad de Riedel* — *болезнь Риделя*:
- *enfermedad de Riedel / estruma de Riedel / tiroiditis crónica invasiva* [ICD -10: E 06.5] — тиреоидит хронический: фиброзный, деревянистый, Риделя;
- *enfermedad de Riedel / malformación de un lóbulo hepático* [ICD -10: Q 44.7] — врожденный порок развития доли печени.

Эпонимические термины — названия заболеваний, в том числе и полисемичные, в большинстве случаев являются систематизированными номенклатурными международными единицами, присутствующими в ICD - 10, поэтому при их переводе на русский язык, сложностей, как правило, не возникает.

Очень часто многозначные эпонимы встречаются в названиях симптомов, синдромов. Этот пласт медицинской лексики в настоящее время является наименее изученным, в данных эпонимах отмечаются случаи терминологической дискорреляции. Проиллюстрируем вышесказанное при помощи примеров:

Адольф фон Штрюмпель — немецкий невропатолог и терапевт, работы которого посвящены системным заболеваниям спинного мозга, спинальным параличам. Он описал ряд неврологических симптомов, которые носят его имя:

- *signo de Strümpell I* — изгиб большого пальца, возникающий при параличе ступни;
- *signo de Strümpell II* — невозможность согнуть кисть руки без внешних усилий в случае паралича радиального нерва;
- *signo de Strümpell III* — произвольное сгибание стопы при органической гемиплегии;
- *signo de Strümpell IV* — при максимальном сгибании голени, у больного, лежащего на животе, появляется боль по передней поверхности бедра.

Для удобства применения в словарных терминологических источниках испанского языка эти симптомы пронумерованы. К сожалению, в лексикографических источниках русского языка нами не выявлены наименования указанных симптомов соответствующей нумерации, все четыре упоминаются под названием симптом Штрюмпеля.

Можно отметить также случаи несоответствия количества симптомов: немецкий терапевт Rosenbach Ottomar (1851—1907) описал несколько симптомов, возникающих при различных заболеваниях; в терминологических источниках русского языка мы встретили четыре различных наименования, из которых лишь три совпадают с испанскими эпонимами:

- *signo de Rosenbach* — возможный признак повреждения пирамидного пути у больных рассеянным склерозом: исчезновение кожного рефлекса на парализованной стороне;
- *signo de Rosenbach II* — возможный признак гипертиреоза: мелкое и быстрое дрожание опущенных век;
- *signo de Rosenbach III* — возможный признак неврастения: больной не может немедленно закрыть глаза после соответствующего указания;
- *симптом Розенбаха* — возможный признак воспаления кишечника: исчезновение кожного рефлекса живота. Испанского эквивалента данного эпонима нами не обнаружено.

Некоторые внутридисциплинарные эпонимы, применяющиеся при обозначении методов обследования, лечения, а также в наименованиях хирургических приемов и операций, тоже являются полисемичными терминами:

método de Filatov:

- *método de Filatov* — тканевая терапия;
- *método de Filatov* — метод формирования стебля для пластических операций.

Operación de Doyen — операция Дуайена:

- *operacion de Doyen* — модификация влагалищной экстирпации матки;
- *operacion de Doyen* — модификация абдоминальной экстирпации матки.

Sutura de Wölfler — шов Вельфлера (Бельфлера):

- *sutura de Wölfler* — разновидность интестинального шва;
- *sutura de Wölfler* — разновидность сухожильного шва (использование единой петли).

В данных эпонимических наименованиях превалирующим фактором, влияющим на развитие многозначности термина, на наш взгляд, является наличие ИС, принадлежащего одному человеку, а также неординарность его деятельности в своей области. Вместе с тем наличие ИС в термине способствует устранению языковой многозначности, когда один и тот же звуковой комплекс выражает категориально разные значения, и этимологической, при которой в ТЭ греческого или латинского языка заложены два разных значения.

Причины возникновения многозначности могут быть иного характера: «По мере развития научных знаний то или иное понятие

разделяется на два или более самостоятельных понятий, а для их выражения продолжает использоваться один и тот же звуковой комплекс» [547, с. 12].

При обозначении нового понятия в целях экспланаторности научного языка авторы терминов выбирают различные словообразовательные средства, заимствуют слова из родного, иностранных или классических языков, применяют образные средства номинации, однако, в некоторых случаях явление полисемии эпонимических терминов представляется неизбежным.

Для того, чтобы устранить возникающую многозначность, в современных терминологических источниках, использующихся при классификации заболеваний, в термин вводят одно или несколько уточняющих определений, способствующих более точной дефиниции. С целью иллюстрации сказанного обратимся к Международной Классификации Болезней — МКБ -10: лимфогранулематоз или болезнь Ходжкина — *enfermedad de Hodgkin*. Описание заболевания, напоминающего лимфогранулематоз, встречается в трудах Мальпиги (Malpighi) еще в 1666 г. В 1832 г. Томас Ходжкин описал семерых больных, у которых наблюдалось увеличение лимфоузлов и селезенки, общее истощение и упадок сил, болезнь имела летальный исход. Через 23 года С. Уилкс подробно изучил описанные Ходжкиным случаи, добавил к ним 11 собственных наблюдений и назвал это состояние болезнью Ходжкина. При дальнейшем исследовании было установлено, что поскольку лимфатическая ткань имеется везде, то и болезнь Ходжкина может возникнуть в любой части тела. Когда выявили опухолевый характер патологии, классификация наименований данного заболевания должна была расширяться, но медики предпочли другой путь решения проблемы: они ввели в термин уточняющие определения, отражающие ее локализацию и характер протекания процесса. В ICD -10 представлено более 15 терминологических единиц, именующих разновидности данной патологии, каждую из которых считают самостоятельным заболеванием, с соответствующим диагнозом и различной методикой лечения. Приведем лишь несколько примеров:

- *enfermedad de Hodgkin* — болезнь Ходжкина [ICD -10: С 81.9; М 9650/3];
- *enfermedad de Hodgkin de celularidad mixta* — болезнь Ходжкина смешанноклеточная [ICD -10: С 81.2; М 9652/3];
- *enfermedad de Hodgkin de celularidad mixta con esclerosis nodular* — болезнь Ходжкина с нодулярным склерозом, смешанноклеточная [ICD -10: М 9666/3; С 81];
- *enfermedad de Hodgkin con depleción linfocítica* — болезнь Ходжкина с лимфоцитарным истощением [ICD -10: М 9653/3; С 81.3].

В медицинской энциклопедии испанского языка присутствует лишь общий эпоним *enfermedad de Hodgkin* и поясняется, что данное заболевание

является полиморфным, имеет различный характер и неясную этиологию. Тем не менее, мы считаем, что указанные примеры подтверждают наличие дивергенции эпонима и формирования полисемичных терминологических единиц, обладающих дифференцированным производным значением. Подобные примеры представляют «скрытую полисемию», присутствующую в медицинской терминологии не только испанского, но и русского языков, несомненно, требующую устранения. Отражая отрицательное отношение эволюционной динамики медицинской науки к терминологическому застою, этот вид полисемии содействует терминологическому консерватизму, увеличивая количество архаизмов, искажающих объективную картину.

Анализируя явления омонимии и полисемии эпонимической терминологической лексики испанского языка, следует отметить случаи синхронизации, усиливающие негативные проявления каждого из них.

Например, эпоним *síndrome de Andersen* может относиться к разным исследователям: Ellen Damgaard Andersen (Дания), Dorothy Hansine Andersen (США), т.е. данные термины являются омонимами. Кроме того, термин *síndrome de Andersen / enfermedad de Andersen*, образованный от имени Dorothy Hansine Andersen — многозначный, его используют при обозначении двух различных заболеваний.

Рассмотрев процессы полисемии и омонимии эпонимической терминологической лексики испанского языка, мы считаем необходимым отметить значительное преобладание отрицательных атрибутов, влияющих на номинативные свойства термина, нарушающие основные функции терминологической единицы. Наличие ИС в термине способствует появлению не только межсистемной, но также внутрисистемной омонимии и внутридисциплинарной многозначности, по праву считающимися крайне нежелательными явлениями в терминологии вообще и в медицинской терминологии в частности. Хотя эпонимы не являются основным источником омонимии терминологической лексики, наличие омонимичных аббревиатур и полисемичных терминов-эпонимов, являющихся потенциальными аббревиатурами, приводит к значительным затруднениям восприятия термина. Поскольку в процессе аббревиации омонимия возникает чаще, чем при обычной номинации, единичные положительные случаи эпонимных аббревиатур, отмеченные нами в работе, не могут рассматриваться в качестве типичных, так как они не оказывают существенного влияния на терминологический лексический состав.

В ходе исследования было выявлено, что терминологическая эпонимизация отражает эволюцию медицинского познания и играет важную роль в формировании терминосистемы.

Наличие эквивалентной эпонимической лексики свидетельствует об общности профессиональной концептосферы, существование эпонимных

лакун демонстрирует концептуальную дифференциацию некоторых аспектов профессиональной картины мира.

Процессы апеллятивизации антропонимов, экстраполяции ИС, транстерминологизации эпонимов подтверждают синхронное варьирование ономастического континуума испанских эпонимов, которое зависит от изменений ментальных конструктов. Диахроническое варьирование эпонимов фиксирует изменение языковых средств выражения концептуальной действительности в процессе развития общества.

Анализ моноксемных эпонимов показал, что терминологические элементы греко-латинского происхождения (суффиксы и приставки) определяют место термина-эпонима в системе, а отонимическая морфема способствует отражению основных концептуальных признаков. Данные эпонимы соответствуют языковым и терминологическим нормам, обладают высокой деривационной способностью, при этом корневой отонимический ТЭ используется не только в качестве основного идентификатора, но и содействует верному представлению о номинируемом термином понятии.

В полилексемных эпонимах проприатив конкретизирует видовое понятие, составляющее часть концептуального основания терминологической единицы. Концептуальное содержание эпонимических терминов базируется на интеграции его составляющих. Доминирующие признаки апеллятива отображают сущность научного концепта эпонимического термина.

Аббревиация эпонимических терминов — явление характерное для медицинской терминологии испанского языка, причем в последнее время англоязычные сокращения вытесняют многокомпонентный испанский термин.

Орфографическая вариативность эпонимов возникает в результате эволюции медицинских знаний, а также в связи с проблемами адаптации иноязычного ИС в профессиональной среде.

Анализ эпонимической медицинской лексики испанского языка показал, что основными источниками эпонимов в современной терминологии являются антропонимы исследователей медицины и смежных наук. Большая часть мифических ИС применяется в качестве словообразовательных отонимических морфем.

Несмотря на то, что в настоящее время термины, образованные на основе агонимов, не употребляются в современных номенклатурных терминологических источниках, наличие агеоантропонимов в течение долгого времени в медицинской лексике и тот факт, что в некоторых случаях они продолжают оставаться в активном употреблении, являются характерной особенностью, отличающей своеобразие испанского медицинского дискурса.

Разнообразные ассоциативные связи, обусловленные идеосемантикой эпонима, характеризуют объект и его образное восприятие, определяют

мотивированность эпонима. Идеосемантика онимов собственно литературного происхождения также способствует образности терминологической единицы, идеосемантика антропонимов исследователей науки предоставляет дополнительную фоновую информацию, важную для медиков.

Установлено, что явления синонимии, омонимии и полисемии характерны для медицинской эпонимической лексики испанского языка. Определено, что синонимия эпонимических терминов, появляющаяся в результате когнитивных процессов, направленных на поиск оптимального обозначения научного понятия, обладает как положительными, так и отрицательными качествами. Положительное свойство синонимии состоит в том, что она выражает оттенки многообразия окружающего мира, отрицательное — в увеличении объема концептуальной информации, снижающем ее доступность. Благодаря идеосемантике ИС, эпоним получает необходимые валентностные характеристики, обеспечивающие ему строго определенное место в синонимическом ряду.

Несмотря на отмеченную в последнее время тенденцию к ограничению употребления эпонимических терминов в медицинской терминологии, они по-прежнему активно участвуют в процессе номинации.

Идеосемантика антропонима является полноправным компонентом в значении ИС, способствующим порождению новых смыслов в профессиональной языковой картине мира. Именно индивидуализирующая функция ИС придает неповторимость каждой терминологической единице, что приводит к многообразности языковой картины мира.

§ 4. АНТРОПОНИМЫ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ (Н.В. Шеминова)

Современная газета обладает многоаспектностью жанров, так как периодические издания дают возможность познакомиться с событийной информацией, затрагивающей все стороны жизнедеятельности общества: политику, экономику, культуру, его философские, социальные и нравственные проблемы и проанализировать ее. Значительное число исследователей выделяет три основные жанровые системы газетных изданий: информационную, аналитическую и художественно-публицистическую, причем, в рамках каждой из них возможно появление материалов различных жанровых стилей (интервью, очерка, репортажа, заметки и т.д.). Каждый из этих жанров характеризуется «специфичными для него функциональными установками, определяющими отношение между отправителем и массовым получателем, соответствующими стилевыми чертами и набором языковых средств» [539 с. 36]. При этом не следует забывать о национальной специфике каждой страны, социальной и политической ориентированности печатного издания и прочих экстралингвистических факторах, оказывающих непосредственное влияние на формирование модели каждого жанра. Поэтому в каждом конкретном случае перед автором стоят особые лингвостилистические задачи, для успешного выполнения которых журналист должен знать особенности функционально-стилистических законов массово-информационного дискурса и его жанров, а также структуры построения текста публикации.

Целью нашего исследования являются антропонимы, функционирующие в публикациях прессы, и их семиотический и семантический потенциал.

Семиотический потенциал антропонимических единиц в публикациях прессы

Жанровое и тематическое многообразие публикаций дает исследователям возможность провести анализ «поведения» антропонимических единиц в социально-историческом контексте для выявления возможных способов именованности человека в обществе и установления принципов организации и функционирования официальной и неофициальных антропонимических моделей (АМ) личного именованности.

В связи с тем, что имена собственные, в частности антропонимы, не обладают необходимым объемом сем, из которых складывается полное значение имен нарицательных, при референции к одному и тому же лицу автор публикации актуализирует тот или иной компонент его АМ не на

лексическом, а на структурно-семиотическом уровне, выбирая каждый раз ту систему знаков, которая могла бы служить своеобразным паролем личности в различных коммуникативных контекстах. Данный выбор зависит не столько от субъективного отношения автора к референту, сколько от стиля публикации, ее жанра, тематической сферы или иных характеристик текста. С другой стороны, существование и функционирование любой структурной модификации АМ, а также степень ее распространенности объясняется экстралингвистическими факторами: социальными (сословная маркировка некоторых имен и фамилий), эстетическими (благозвучие, создание имиджа), историческими и культурными традициями каждой страны, а также модой.

В связи с тем, что общение носит социальный и личностно-ориентированный характер, любое изменение характера отношений (официальные / неофициальные) между адресантом и референтом влечет за собой и изменение в выборе антропонимической модели для именованного референта. Выбор трансформационной модели в первую очередь будет обусловлен прагматическими установками автора.

Существенной структурно-семантической особенностью полной испанской антропонимической модели (ПАМ) является обязательное присутствие в ее составе трех структурных единиц: имени (И), первой фамилии отца (Ф1) и первой фамилии матери (Ф2): (И + Ф1 + Ф2). Данная модель присваивается лицу в законодательном порядке и остается неизменной на протяжении всей его жизни. Структура модели может видоизменяться (И + Ф1 + Ф2 или Ф1 + Ф2 + И), однако при этом всегда соблюдаются следующие правила: 1) очередность фамилий всегда остается неизменной; 2) имя лица всегда находится либо в препозиции к корпусу фамилий, либо в постпозиции, но никогда не включенным в него. Структурными единицами испанской модели являются имена (простые, двойные, гибридные, смешанные) и фамилии (двойные и фамилии с включенными в их состав артиклями и предлогами). Подобное структурное многообразие создает предпосылки для неограниченного количества модификаций ПАМ. И в этом исследовании нами будет предпринята попытка детальной классификации ПАМ, что представляется особо актуальным с точки зрения страноведения, теории перевода и языкознания.

Простая ПАМ — это модель, в которой фамилии отца и матери пишутся последовательно без участия формантов: *Gerardo Cuadrado Prieto* (И + Ф1 + Ф2); *Mengibar Jiménez, Javier* (Ф1 + Ф2 + И). Такая модель может модифицироваться только в связи с использованием в ней различных типов имен:

- И (простое) — *Carlos Cantos Torres*;
- И (два простых, соединенных дефисом) — *Manuel-Luis Fernández Días*;

- И (двойное) — *Miguel Francisco Carreño Tagarro*;
- И (гибридное) — *José María Carrllero Baeza*;
- И (составное) — *María de los Dolores Durán Santiago*.

Одной из разновидностей простой полной антропонимической модели является конструкция с идентичными фамилиями отца и матери: *María Luz Martínez Martínez, María García García, Manuela Robles Robles, José Alberto Fernández Fernández*.

Союзная ПАМ — это модель, которая структурно оформляется при участии союза *y*, соединяющего фамилии отца и матери. Подобной традиции использования союза *y* первоначально следовали представители определенных социальных классов и население отдельных областей Испании, например, Каталонии, с той лишь поправкой, что в этой автономной области данный формант орфографически обозначен буквой *i*: *Juan y Santacillas, Jorge* (испанский ученый и мореплаватель, 1713—1773), *Martí i Pol, Miquel* (каталанский поэт). Кстати, из 114 членов Парламента Каталонии только у 15 человек в полной антропонимической модели между фамилиями отца и матери отсутствует союз — *i* (parlament-cat.es).

В настоящее время практика употребления союза *y* (**i**) становится более распространенной в связи с тем, что его присутствие в полной модели именования исключает возможную двусмысленность в определении фамилии отца и матери, а также имени референта, например, *Rodrigo Rato y Figaredo* (бывший вице-президент Испании и министр Экономики), *Jordi Pujol i Soley* (Президент Женеалитета Каталонии), *Luís María de Ybarra y Zubiría* и *Juan Manuel De Zubiría y Uhagón* (известные баскские политические деятели).

Составная ПАМ — это модель, осложненная двойной фамилией отца и/или матери, которые в подобной конструкции обязательно пишутся через дефис, например, *Eduardo Zaplana Hernández-Soro* (министр труда и социальной защиты Испании). В данной АМ фамилией отца министра является *Zaplana* (Ф1), а от матери он унаследовал двойную фамилию, состоящую из фамилий ее отца и матери — *Hernández-Soro* (Ф2). Или другой пример: *Francisco Álvarez-Cascos Fernández*. Соответственно, в этой модели двойная фамилия *Álvarez-Cascos* наследуется от отца (Ф1), а от матери — фамилия *Fernández* (Ф2). Полная модель имени бывшего министра обороны Испании включает двойную фамилию отца и двойную фамилию матери и поэтому является пятикомпонентной: *Federico Trillo-Figueroa y Martínez-Conde*.

Предложная ПАМ — это модель, осложненная предлогом *de*: *De Miguel Jiménez, Álvaro; García de Celis, Antonio; Benito Cadoblanco, Esteban Martín de; Arísqui Méndez, Gustavo de*. Следуя официальной записи ПАМ, можно сделать вывод о том, что в одних случаях предлог, утрачивая свои грамматические свойства, становится частью фамилии (*De Miguel Jiménez,*

Álvaro; García de Celis, Antonio), а в других данный предлог продолжает выполнять роль форманта (*Benito Cadoblanco, Esteban Martín de; Arísqui Méndez, Gustavo de*).

В ПАМ, осложненных и предлогом *de*, и артиклями, данные форманты будут всегда являться частью фамилии, например, в модели *De las Heras Correa, Sergio De las Heras* — фамилия отца (Ф1), *Correa* — фамилия матери (Ф2). В другой полной АМ *Narváez de la Rosa, Francisco José* фамилией отца будет *Narváez* (Ф1), а фамилией матери — *De la Rosa* (Ф2).

Использование ПАМ в публикациях СМИ является необязательной и встречается в следующих случаях: когда совпадает с интродуктивной моделью и когда контекст требует полной официальной номинации лица (чаще всего это происходит, когда публикация относится к области права либо связана с нормами официального протокола). В остальных случаях действуют параллельные модели именованя: интродуктивные, трансформационные, неофициальные. В данном исследовании нами предпринята попытка систематизации и типологизации интродуктивных антропонимических моделей, а также вариантов их развития, перехода в разнообразные трансформационные модели в контексте публикаций различных жанров.

Модель, при помощи которой автор впервые вводит в текст публикации имя референта (в ее графической, орфографической и структурной форме), называется интродуктивной [322, с. 77], функцию которой, в большинстве случаев, выполняет публичная модель (ПМ) (в испанских источниках «*etiqueta social*», «*fórmula social*»). В нашем исследовании публичной моделью именованя мы называем общепринятый для средств массовой информации способ обозначения лица, с которым референт известен обществу, т.е. «той коммуникативной среде, в которой реализуется его основное семиотическое “я”» [383, с. 186].

Обладая констатирующей и нейтральной модальностью по отношению к другим параллельным моделям, публичные модели в роли интродуктивного компонента публикации принимают участие в номинативном акте, являющемся исходным пунктом повествования. Композиционно публичные модели чрезвычайно вариативны, что объясняется тем, что каждая из референтных групп испанского общества обладает собственными специфическими нормами структурного построения и компонентного состава своих моделей.

Идентификация представителей верховной власти, политики, экономики, финансов, а также многих деятелей культуры и искусства происходит через публичную модель, тождественную паспортному имени (И + Ф1 + Ф2) или через ее усеченную модель (И + Ф1). Еще одной модификацией может быть формула с включенной в нее фамилией матери

(И + Ф2). (Данная практика была особенно распространена в XIX веке, когда Гражданская Регистрация (el Registro Civil) еще не установила строгого регламента присвоения детям в качестве первой фамилии отца [5, р. 167].

Процесс структурного формирования ПМ неоднозначен, и на него оказывают воздействие как объективные, так и субъективные факторы. К объективным следует отнести частотность употребления некоторых испанских фамилий, вследствие чего они обладают крайне незначительной способностью к идентификации референта. Это ведет к объективной необходимости использования в структуре модели либо только второй фамилии (фамилии матери), либо обеих фамилий одновременно. Окончательное решение о компонентном составе публичной модели именования принимает сам референт. Таким образом, субъективными обстоятельствами формирования публичной модели могут быть желание референта (обладателя имени), эстетический фактор, генеалогические, политические и другие причины [456, с. 105]: *Mariano Rajoy* (И + Ф1), *Francisco Cascos* (И + Ф2), *José Luis Rodríguez Zapatero* (И + Ф1 + Ф2).

Ввиду наличия многообразных форм испанского имени (простое, двойное, гибридное, составное) и фамилии (простая, двойная, осложненная включенными в нее артиклями и/или предлогом *de*), а также возможности включения в саму модель формантов *de* и *y* данная, на первый взгляд, простая формула, может иметь целый ряд разновидностей:

- И + Ф1 (фамилия отца): *Fernando Pablos*;
- И (двойное или гибридное имя) + Ф1 (фамилия отца): *Juan Manuel Román*, *Ángel María Villa*;
- И + Ф1 (составная фамилия отца): *Enrique Fernández-Miranda*;
- И + Ф1 (фамилия отца) + Ф2 (фамилия матери): *Pedro Fernández Montes*;
- И + Ф1 (фамилия отца) + *y* + Ф2 (фамилия матери): *Miguel Primo de Rivera y Urquijo*;
- И (двойное или гибридное имя) + Ф1 (фамилия отца) + Ф2 (фамилия матери): *Juan Carlos Rodríguez Ibarra*;
- И + Ф1 (фамилия отца, осложненная предлогом *de*): *Francisco de Lorenzo*;
- И + Ф1 (фамилия отца, осложненная предлогом *de* и артиклем): *Pilar del Castillo*;
- И + Ф1 (фамилия отца, осложненная предлогом *de*) + Ф2: *Juan de Dios Román*;
- И (двойное или гибридное имя) + Ф1 (фамилия отца, осложненная предлогом *de*): *Juan Manuel de Prada*;
- И + Ф1 (фамилия отца) + Ф2 (фамилия матери, осложненная предлогом *de*): *Manuel Jiménez de Parga*;
- И + Ф1 (фамилия отца) + Ф2 (фамилия матери, осложненная предлогом *de* и артиклем): *Arsenio Fernández de la Mesa*;
- И (двойное) + Ф1 (фамилия отца) + Ф2 (фамилия матери, осложненная предлогом *de*): *José Luis López de Lacalle*;
- И (двойное) + Ф1 (фамилия отца) + Ф2 (двойная фамилия матери): *María Luisa Caldera Sánchez-Capián*.

Публичные модели представителей шоу-бизнеса и спортсменов на страницах прессы обладают бóльшей вариативностью структурных модификаций, отличающихся от официальной модели имени. Представляем основные модели данной социальной группы референтов:

- двухкомпонентные модели, включающие дериват имени и фамилию (паспортную): *Conchita Bautista*, *Nati Abascal*, *Pepa Gamboa*;
- двухкомпонентные модели: имя (или его дериват) + прозвищное именование: *José el Francés*, *Josellito el Gallo*;
- однокомпонентные модели, состоящие из имени: паспортного — *Rosa* (*Rosa López*, певица, участница конкурса Евровидение — 2002), *Raul* (*Raul González* игрок команды Реал Мадрид); деривата имени — *Luisillo* (*Luis Dávila*, хореограф), *El Juli* (*Julián López*, матадор); имени стилизованного или вымышленного (псевдонима) — *Victorio* (*José Víctor Rodríguez Caro*, модельер);
- однокомпонентные модели, представленные прозвищными именованиями отфамильного — *Jimmy* (*José María Jiménez*, велосипедист), *El Fandi* (*David Fandida*, матадор) и апеллятивного происхождения — *Tomatito*, *El Cordobés*, *El Califa*, *El Cid*, наиболее распространенные среди тореро и исполнителей фламенко.

Инициалы в составе интродуктивных антропонимических моделей

Особую группу интродуктивов образуют модели, полностью или частично состоящие из инициалов, так как в последнее время в публикациях испанских СМИ наметилась устойчивая тенденция к использованию инициалов в антропонимических моделях, в том числе интродуктивных. Как показывают результаты исследования, оформление АМ с участием инициалов детерминированы различными мотивациями.

С одной стороны, данная тенденция связана с таким лингвистическим явлением, как «мода, от которой в некотором отношении зависит формирование таких лингвистических категорий, как модели собственных имен» [485, с. 8]. Замена инициалом первой фамилии модели имени, на наш взгляд, является явным подражанием американскому образу жизни, результатом влияния культуры этой страны и ее стандартов на испанское общество, так как структура имя + инициал среднего имени + фамилия является наиболее распространенной моделью номинации в американской антропонимии. Но если в американской модели, как отмечают исследователи, инициал может вообще не иметь никакого отношения к имени или фамилии и проставляться произвольно, чтобы соблюсти трехкомпонентную структуру, то в испанском варианте он имеет обязательное наполнение и обозначает первую фамилию отца, которая вследствие частотности употребления может угадываться даже по проставленному инициалу (J. — Jiménez; G. — García). В публикациях

периодической печати использование подобных моделей в интродуктивной функции разрешено лишь в тех случаях, если они являются привычными для окружения (*cuando sea fórmula habitual*) того или иного референта [81, p. 89]:

Entre las personas cuyas conversaciones fueron interceptadas de manera ilegal figuran el Rey Juan Carlos, ...el director de El Mundo, Pedro J. Ramírez ...y otros muchos (El Mundo, 22.03.2002, p.16).

С другой стороны, интродуктивные модели, полностью или частично состоящие из инициалов, выполняют в текстах публикаций эзотерическую функцию, так как единственной сферой их употребления в испанских печатных СМИ являются официальные криминалистические сводки. В них в интересах следствия только инициалами фамилий (или всей модели) указываются имена и фамилии людей, задержанных полицией (в первую очередь лиц, не достигших 18 лет) за совершение различных правонарушений, а также пострадавших от несчастных случаев и дорожных происшествий. При этом следует отметить, что данная модификация остается неизменной на протяжении всей статьи, включая самое первое упоминание имени референта в интродуктивной модели:

Fernando L.P., de 25 años, y Alberto A.C. de 22 años, los dos acusados de haber montado una página en Internet con contenidos racistas y xenófobos, fueron puestos en libertad el pasado domingo, tras prestar declaraciones ante el juez de guardia de Madrid (El País, 13.03.2002, 25);

La Policía Nacional detuvo ayer en Barajas a C.M.V.O., de 35 años y de origen boliviano, cuando pretendía introducir en el país aproximadamente un kilogramo de cocaína ocultada en el interior de su organismo en forma de bolas (ABC, 19.04.2002, 50);

Как можно заметить, в некоторых публикациях инициалы скрывают в интересах следствия полную модель имени (имя и две фамилии), в других — только фамилии (обязательно отца и матери).

Анализируя содержание интродуктивных моделей публикаций различных жанров, следует обратить особое внимание на функционирование в их структуре диминутивных форм имени.

Модальность диминутивных имен в интродуктивных моделях именованя

В испанском языке наиболее распространены два способа образования диминутивов: способ суффиксации и способ трансформации основы имени путем ее усечения, удвоения одного или двух слогов, а также замены ее другой, т.е. путем супплетивации.

Если имена последней группы принято считать «менее экспрессивными и служащими, в основном, цели языковой экономии и

удобства» [321, с. 43], то диминутивы, образованные способом суффиксации, — формами выражения субъективной оценки.

В сфере официальной прессы, особенно в англоговорящих странах, в последнее время усилилась тенденция использования в публичных моделях политических деятелей сокращенной формы имени в качестве стандартных именовании, например, *Jimmy Carter, Tony Blair, Bill Clinton* и др. С одной стороны, в публичных моделях данные формы имен утрачивают свои традиционные коннотации интимности, нежности, ласки, дружеского расположения. С другой, — именно демократичность имени, его разговорная, а не официально-паспортная форма, по мнению американских имиджмейкеров и психологов, и должна способствовать росту популярности среди населения людей, занимающихся активной политикой. Однако серьезному политологу и ученому подобная уменьшительная формула имени вряд ли прибавит солидности и популярности в научной среде. Поэтому, если прежде во все публикации испанской прессы переносилась графическая форма имени 43-его президента США — *Bill Clinton*, то теперь появляющиеся в газетах его аналитические статьи подписываются *William J. Clinton* (*El Mundo*, 2.12.2002, p. 4—5).

В Испании не существует традиции использования сокращенных или уменьшительных форм имени в качестве социальных моделей политических деятелей страны, и если подобные формы появляются в текстах, то лишь для выражения автором субъективного отношения к героям публикаций: симпатии и уважения или, напротив, иронии.

Тем не менее, в настоящее время некоторые дериваты имен обретают статус официальных и начинают функционировать в испанском именнике наравне с их именами-прародителями. Тенденция кратких и диминутивных форм к самостоятельности была отмечена в монографии профессора Ю.А. Рылова, в которой им приведены примеры дериватов имен с нейтральной модальностью: *Diego < Santiago, Lola < Dolores, Iñaki < Ignacio, Nana < Ana, Concha < Concepción, Alejo < Alejandro, Duarte < Eduardo* [456, с. 85].

Диминутивные формы имени активно используются при создании ПМ людей, занятых в шоу-бизнесе, культуры и литературы, а также среди тореро и спортсменов. Они могут быть дериватами паспортных имен референтов (*Nati* — от *Natividad*; *Concha* — от *Concepción*; *Chema* — от *José María*; *Joselito* — от *José*), либо вымышленными или стилизованными (*Mary, Tony*). В большинстве случаев они являются публичными моделями их обладателей, и поэтому должны обладать нейтральной модальностью. Однако сам выбор варианта имени и определенное предпочтение референта, отданное разговорной, а не паспортной его форме, имеет прагматическую заданность, и в этом смысле, по нашему мнению,

диминутивные формы имени в составе интродуктивных (и публичных) моделей обладают не нейтральной, а остаточной модальностью.

Помимо диминутивных форм имени, сферой функционирования которых является в первую очередь разговорный язык, в формировании интродуктивных моделей принимают активное участие и имена вторичной номинации (прозвища, клички, псевдонимы), что является национальной особенностью развития ономастического пространства Испании.

Имена вторичной номинации в составе интродуктивных АМ

В процессе образований интродуктивных моделей активную роль играют имена вторичной номинации (прозвищные именованья, клички, политические и сценические псевдонимы), что свидетельствует о национально-культурном своеобразии развития антропонимической системы Испании.

Прозвищные именованья можно встретить в публикациях различных стилей и жанров, причем они настолько распространены, что приходится говорить о «феномене прозвища» для ономастического пространства этой страны не только в историческом плане развития данной группы антропонимов, но и для современного общества.

Проанализировав собранный материал, мы можем сделать вывод о том, что в прессе Испании присутствуют три типа прозвищ: антропонимические (этим термином мы объединяем дериваты исходной формы личного имени и отфамильные прозвища, например, *Paquillo* Fernández — *Paquillo* < *Paco* < *Francisco*; *Schumi* — *M. Schumacher*), смешанного типа (*Vanverberghe*, más conocido como *Fransis, el Belga*) и несобственные (*Big Yao* o *El pequeño gigante* como es apodado Yao Ming).

Функционирование прозвищных имен в прессе имеет ряд особенностей.

Во-первых, прозвища в большинстве случаев вводятся в текст публикации не как самостоятельные единицы номинации, а параллельно с публичными моделями их обладателей.

Во-вторых, в интродуктивных АМ, в окружении именного контекста, прозвищные именованья всегда выделяются курсивом. Исключение составляют только прозвища категории исторических.

В-третьих, в структуре интродуктивной модели прозвищные именованья не имеют четко фиксированного положения по отношению к публичной модели имени. Тем не менее, исходя из проанализированного материала, можно сделать вывод о том, что для испанских моделей более характерно постпозиционное положение (*Vicente Alberto Pernía, El Tano*), в то время как для иностранных — медиальное (*Edgardo Patón Bauza*).

В публикациях испанской прессы встречаются прозвищные имена трех категорий референтов: исторических личностей; артистов, спортсменов, тореро и прозвища современных политических деятелей.

Для испанской официальной прессы (в том числе оппозиционной) нехарактерно употребление прозвища по отношению к политику — лицу, обладающему высоким социальным статусом. Однако вследствие распространенности данного феномена в публицистике других стран соответствующие модели стали появляться и на страницах испанских газет.

В большинстве случаев прозвища политических деятелей вводятся в конструкцию модели при помощи выражений «*conocido (calificado) como*» (*известный как*) или «*apodado*» (*по прозвищу*). Онтологически связанные с неофициальной сферой бытования, они не могут быть включены в публичную модель официальных лиц страны. Их основной функцией является не столько номинация или идентификация лица, сколько «дифференциация имени и предоставление его к выражению различных тонких оттенков, зависящих от каких-либо своеобразных факторов образования личности» [519, с. 98]. Информативность прозвищных именованний и их эмоционально-выразительный потенциал дают автору дополнительную возможность косвенно охарактеризовать своего героя, и поэтому наивысшая частотность их употребления зарегистрирована не столько в информационных материалах, сколько в аналитических и критических публикациях прессы. В качестве доминирующих признаков мотивации традиционно используются различные признаки, например, такие, как особенности характера и поведения лица:

La viceprimera ministra Wu Ji, conocida como la Dama de Hierro, asume la cartera de Sanidad y lanza un ataque frontal contra el coronavirus, responsable de la infección (El País, Domingo, 4 de mayo de 2003, p. 2).

Среди прозвищных именованний, используемых в публикациях официальной прессы, встречаются прозвища, достигшие исторической категории (исторические прозвища) и являющиеся своеобразными «титулами» правителей страны. В романской ономастике они обозначаются термином *sobrenombre*, который в этом случае трактуется не в широком значении имени вторичной номинации, а в его узком толковании как обязательное дополнение к имени. Оно используется в сочетании с личным именем его носителя и представляет собою семантически единую формулу ИС + определенный артикль + прилагательное, выступая в качестве оценочного имени, прозвища: *Isabel I de Castilla y Aragón, la Católica; Felipe I de Castilla, el Hermoso; Felipe II el Prudente; Pedro I de Castilla, el Cruel*.

Вследствие того, что данные прозвища являются постоянными атрибутами АМ, служащими для идентификации известных исторических личностей, они не могут быть опущены и при воспроизведении в тексте никогда не выделяются курсивом:

Su trabajo ha buscado la plena integración de los restos del palacio, construido por Sancho VI el Sabio (El País, 29.03.2003 p.38).

Активностью узуса при формировании интродуктивных моделей представителей шоу-бизнеса, спортсменов, исполнителей фламенко, тореро обладают индивидуальные прозвища.

В отличие от прозвищных имен официальных политических деятелей, эволюция индивидуальных прозвищ такова, что в определенный момент своего бытования они перестают быть только параллельными моделями официальной формы именования и приобретают независимый статус функционирования в качестве публичных моделей своих владельцев. В первую очередь это относится к исполнителям фламенко, которые в обществе известны только под своими сценическими именами. Используясь в качестве самостоятельной модели, они никогда не выделяются курсивом:

Artistas como Antonio Pozo, El Mochuelo; Manuel el Sevillano; y Rafael Moreno, El de Jerez, volverán a sonar, ahora con mayor nitidez, 150 años después de grabar sus cantes (El País / Andalucía, 9.04.2003, p. 10).

Другой обширной группой референтов, использующих в качестве интродуктивной модели только прозвищное именование, являются тореро. Их публичная модель занимает промежуточное положение между прозвищем и сценическим псевдонимом: *El Califa, El Cid, El Fandi*, т.д.

Х.М. Албайхес пишет, что в мире тавромахии крайне редки случаи, когда знаменитыми тореро становятся выходцы из аристократических семей с благородными и звучными фамилиями. В основном это представители неимущих слоев населения, и их фамилии принадлежат к наиболее распространенным в Испании, обладающим низкой степенью дифференциации. Так, в списке, состоящем из 210 самых известных испанских тореро, процент фамилий на — *ez* соответствует 45% от общего состава фамилий, в то время как на национальном уровне этот процент намного ниже и составляет приблизительно 15% [5, p. 172]. Чтобы сделать свое имя запоминающимся, обладающим высокой различительной силой, тореро используют для его создания прозвища, полученные от своих друзей и почитателей таланта, а также создает их сам, зачастую прибегая к помощи психологов и имиджмейкеров.

Другой разновидностью прозвищных именовании являются «*alias*». Данный термин связан в первую очередь с криминальным миром, различными подпольными и террористическими организациями. Входит в состав интродуктивных моделей наряду полной моделью имени референта: (И + Ф1 + Ф2 + *alias*):

La etarra Idoia López Riano, alias «Tigresa», fue condenada ayer a 29 años de prisión por su participación en el asesinato (El País, 16.03.2002, p. 22).

Помимо членов подпольной организации ЕТА *alias* встречаются и в интродуктивных АМ различных модификаций, идентифицирующих

боевиков международных террористических образований, наркоторговцев, криминальных авторитетов и преступников, Схемы подобных интродуктивных моделей могут быть следующими: Ф + alias (Lukovic, alias *El Padrino*); И + инициалы фамилий + alias (José Ignacio E.R., *Andrés El Loco*); И + Ф1 + alias (Santiago Corella, alias *Nani*).

Как у любого имени собственного, доминирующей функцией данных именованний является номинация, которая в *alias* имеет особый эзотерический характер: соотношение имени и денотата известно лишь посвященным, достаточно узкому кругу людей. Именно поэтому в определенных социальных кругах *alias* обладает большей идентифицирующей силой, нежели само личное имя референта.

Особое место среди «вторых», или дуплетных имен занимают псевдонимы (*seudonimos*), то есть вымышленные (или ложные) имена (от греч. *pseudo* — ложный, *онута* — имя), которые также способны выступать в роли одной из параллельных моделей именованния, и в структуре публикации выполнять роль интродуктива.

Обособленность данного разряда от других собственных имен (фамилий, прозвищ, личных имен) объясняется в первую очередь самим способом номинации, когда референт создает его сам для себя, в то время как другие имена вторичной номинации индивиду дает его окружение. Другая специфическая особенность псевдонимов заключается в том, что номинативная функция, которую они выполняют как всякое имя собственное, проявляется в одной из своих разновидностей, а именно — в эзотерической функции. В зависимости от сферы употребления псевдонимы подразделяются на политические, партийные, сценические, литературные. В каждой из названных разновидностей на основную функцию псевдонима неизбежно накладываются иные функции в связи с тем, что стремление скрыть истинное имя лица вызывается как объективными, так и субъективными причинами: классовой борьбой, сословными предрассудками, цензурными ограничениями, полемикой партийных, литературных и иных групп, а также такими эстетическими факторами, как неблагозвучие настоящей фамилии или частотность ее употребления в обществе [494, с. 94]. Если в политических псевдонимах доминирующей является эзотерическая функция, то для псевдонимов литературных или принадлежащих деятелям культуры и искусства большее значение имеют такие функции как экспрессивная, эмоциональная и эстетическая.

Употребление псевдонимов в современном испанском языке как именованний второго порядка носит необязательный, факультативный характер, хотя и нередки случаи их перехода в официальное именование лиц, их носящих. Круг носителей псевдонимов (*seudónimos*) ограничен несколькими социально-профессиональными группами: в основном это писатели, журналисты, артисты. Композиционно псевдонимы могут быть

однокомпонентными, например: *Azorín* (Jose Martínez Ruiz), писатель; *Clarín* (Leopoldo Alas), писатель; *Fígaro* (Marino José de Larra), писатель, публицист или двухкомпонентными, максимально приближенными к «паспортной» модели имени: *Antonio Gades* (Antonio Esteve), хореограф, исполнитель фламенко; *Carlos Gardel* (Charles Gardes), исполнитель танго и т.д.

Следует отметить, что в информационных статьях чаще всего в интродуктивной модели выступают сами псевдонимы как публичная модель референта:

Mary Wesley, la popular autora británica cuyas sensuales y a menudo mordaces e ingeniosas novelas no se llegaron a publicar hasta que no cumplió 70 años, murió el lunes en Totnes, Devon (El País, 5.01.2003, p. 32).

Mary Wesley — писательский псевдоним британской писательницы *Mary Aline Siepmann*.

Однако в обзорных публикациях, рассказывающих о творческом пути писателя, художника или артиста, его артистический или сценический псевдоним вводится в текст статьи параллельно официальной модели именованья:

La discográfica Pasarela acaba de sacar al mercado una importante obra que tiene como protagonista a Manuel Jiménez Martínez de Pinillo (Sevilla, 1891—1960), *Manuel Vallejo en la historia del flamenco* (El País, 5.01.2003, p. 29).

Итак, мы рассмотрели основные модификации интродуктивной модели в публикациях различной жанровой принадлежности.

Трансформация интродуктивных моделей всех типов в текстах публикаций

АМ может функционировать в публикациях прессы не только в качестве идентифицирующего знака конкретного лица, вводя публичную модель в текст публикации, но и в качестве его субститута во избежании антропонимической тавтологии и для обеспечения целостности текста. Модели, меняющие компонентный состав интродуктивного варианта именованья либо из-за прагматических интенций автора, либо из-за желания «облегчить» синтаксическую конструкцию предложений мы будем называть трансформационными. Термин «параллельные модели» имеет более широкое толкование, и его целесообразно применять по отношению ко всем формам именованья параллельным официальному паспортному варианту имени или его полной антропонимической модели. Таким образом, в это понятие могут быть включены и термин «публичная модель», и все возможные трансформационные модификации интродуктивной модели на протяжении текста публикации.

Структурная вариативность трансформационных моделей

После введения в текст сообщения интродуктивной (публичной) модели героя публикации далее в тексте при упоминании ранее представленного лица используется ее усеченная форма, а именно — модифицированная конструкция без имени и второй фамилии, если того не требуют обстоятельства:

José María Aznar persiste en su objetivo;

далее в статье

Aznar quiere que el PP crezca más (elpais.es-Edición Impresa-España, 29.01.2002).

В том случае, когда фамилия отца является составной, в усеченной модели она обязательно будет фигурировать полностью:

El delegado para la Extranjería, Enrique Fernández-Miranda, replica que el mercado de trabajo está equilibrado;

далее в статье

Fernández-Miranda dispone de una visión restrictiva y estática del mercado de trabajo (elpais.es-Edición Impresa-España, 31.01.2002).

В тех случаях, когда референт сохраняет в публичной модели вторую фамилию (фамилию матери), так как более известен политической элите страны именно с этой фамилией, его усеченная модель при повторном упоминании в официальных публикациях может состоять как из двух фамилий, так и только из одной фамилии матери. Чаще в подобных ситуациях референт идентифицируется только по фамилии матери:

La controversia entre los Gobiernos central y vasco fue considerada ayer «inadmisibile» por el secretario general del PSOE, José Luis Rodríguez Zapatero;

далее в статье

Los interlocutores consultados señalan que Rodríguez Zapatero no interferirá en la libertad de presentación de candidatos;

далее

Zapatero no quiso ir más allá en estas declaraciones públicas (elpais.es-Edición Impresa-España, 4.02.2002).

Desde el PSOE, el que fuera ministro de Educación, Alfredo Pérez Rubalcaba, ha criticado la intención del Gobierno;

далее в статье

«El resultado final es que donde había una prueba ahora hay dos, una prueba al final del Bachillerato y otra para entrar en las universidades», ha dicho Rubalcaba en los micrófonos de Onda Cero (elpais.es — Edición Impresa-España, 5.02.2002).

Другим вариантом усеченной модели является модель с включением в ее состав обеих фамилий референта. Существование подобной модели

объясняется, прежде всего, субъективным фактором, а именно желанием самого обладателя имени. Объективным фактором, как указывалось выше, является большая распространенность первой фамилии референта и вследствие этого невозможность его идентификации только по фамилии отца:

*En las últimas semanas, el director general de RTVE, **Javier González Ferrari**, ha explicado que el plan marco elaborado “plantea la posibilidad de explorar la figura de patrocinio”;*

далее в статье

***González Ferrari** se ha declarado partidario de empezar a cobrar las campañas institucionales (El País, 16.03.2002, p.36).*

Усеченная модель может являться производной от сложной фамилии референта с включенным в нее формантом **de** (или **del**) и поэтому писаться с заглавной буквы: *Del Castillo, Del Olmo, De Celis*. Если формант продолжает сохранять функции предлога, в сокращенной модели он воспроизводится со строчной буквы (*de Grandes*):

*De esta manera, **Del Castillo** hizo referencia a las nuevas tecnologías en el sector audiovisual y cinematográfico (ABC, 19.04. 2002, p. 103);*

*Mientras tanto, ayer pasaban por despacho del juez **Del Olmo** al menos tres testigos para declarar sobre el «caso Marbella» (ABC, 19.04.2002, p.16);*

*El mandatario leonés **Antonio García de Celis** tiene ganas de ver al equipo a tope. «Ahora es pronto para hablar de la plantilla, pero yo creo que se ha confeccionado un buen equipo que nos puede dar muchas alegrías», confesaba **De Celis** (El Mundo, 4.08.2002, p.47);*

*Tras la votación, el portavoz del Grupo Popular, **Luis de Grandes**, pidió el uso de la palabra a la presidenta de la Cámara, Luisa Fernanda Rudi. «Nos gustaría — señaló **de Grandes** — que los servicios de la Cámara pudieran comprobar si lo que apreciamos a simple vista se corresponde con los escaños vacíos que vemos al final de la Cámara» (ABC, 19.04.2002, p.18).*

Другим вариантом однокомпонентной модели, состоящей из фамилии, является схема, исключаящая формант **de** при повторном упоминании:

*El portavoz popular en la Comisión de Asuntos Exteriores del Congreso, **Gustavo de Arístegui**, se mostró ayer muy optimista ante la entrevista de hoy... «Sigo siendo optimista, y al final una cosa es la actitud que se tiene que manifestar en público y otra cosa distinta es lo que hay en el fondo», añadió **Arístegui** a Europa Press.*

Вариантами интродуктивных моделей, содержащих имена вторичной номинации (прозвища, *alias*), при повторном упоминании в тексте имени референта могут быть как модели, состоящие из различных компонентов его официальной модели (чаще фамилия), так и его публичная модель, с которой он известен широкой аудитории читателей.

Имя «Изабель» (*Isabel*) в политических кругах всего мира связывают с именем жены и соратницы аргентинского президента Хуана Перона, возглавившей после его смерти правительство страны. Известно, что это имя является не паспортным, а сценическим псевдонимом Марии Эстеллы Мартинес с тех времен, когда она была танцовщицей, исполнительницей фольклорных танцев. Войдя в активную политику, Изабель сохранила свой артистический псевдоним, но в официальной прессе оно использовалось параллельно с фамилией ее мужа (*Isabel Perón*). Данная формула стала ее новой публичной моделью как политического деятеля и в такой форме использовалась при ее жизни:

Los golpistas acabaron con el Gobierno constitucional de Isabel Perón e iniciaron una, p.1).

В современной прессе в качестве интродуктивной модели в большинстве случаев используется официальное имя — Мария Эстелла Мартинес — в сочетании со сценическим как более известным читательской аудитории:

El Golpe de Estado contra el Gobierno constitucional que presidía María Estela Martínez, Isabel, la viuda de Perón, y que se preparaba desde de octubre del año anterior debía darse entre 21 de marzo y el 20 de abril de 1976 (elpais.es.— Edición Impresa-Internacional, 24.03.2001, p. 1).

Далее в текстах (в первую очередь информационно-аналитических публикациях) в качестве трансформационных моделей используется как сокращенная официальная модель, так и сценическое имя, с которым она была всенародно известна и с которым вошла в историю политической жизни страны:

El reconocido historiador argentino no deja de señalar que «tomar el período de Gobierno de María Estela Martínez como un modelo de esa democracia que se cuestionaba, es un abuso» (elpais. es. — Edición Impresa-Internacional, 24.03.2001, p. 3);

далее в статье

Pobre Isabel, alucinaba;

далее в статье *...se recoge el testimonio del entonces ministro de Defensa, José Alberto Dehesa, ex de Justicia y uno de los que mantuvo su lealtad a Isabel hasta el final* (elpais. es. — Edición Impresa-Internacional, 24.03.2001, p. 2).

В качестве трансформационной модели могут выступать модели-аббревиатуры. Речь идет об общепринятых изоакронимах имен людей широко известных мировой общественности. Использование подобных субститутов интродуктивной антропонимической модели контексте публикаций не ведет к изменению типа коммуникативной ситуации и не содержит никаких прагматических значений, например, косвенных смыслов. Их основной функцией является не эзотерическая (как в случае использования инициальной интродуктивной модели референтов в

криминалистических сводках периодических изданий) или экспрессивная, а функция экономии языковых средств. Так, аббревиатура **М.М.** является заменителем модели имени американской актрисы Мэрилин Монро, **СЖС** тождественна публичной модели именованья испанского писателя Камило Хосе Села, а **FGL** — испанского поэта и драматурга Федерико Гарсии Лорки. Всемирно известны акронимы имен президента США Джона Фитцджеральда Кеннеди (**ЖФК**) и французского модельера Ив Сент Лорана (**YSL**):

Más allá del potin permanente, del filón anual para los medios, lo que queda de M.M. es su representatividad en la iconografía del siglo (El Mundo, 4.08.2002, p. 72);

Lo suponen abogados y personas relacionadas en vida con CJC (elpais.es — Edición Impresa-Cultura, 5.02.2002);

En 1992 publica (además de artículos y conferencias, entre ellas «Cuatro lecciones sobre FGL», en 1984) «Federico García Lorca. Mi penúltimo libro sobre el hombre y el poeta», con fotos, textos y un epistolario inédito (El Mundo, 7.03.2001, p. 6).

В последнее время наиболее «эксплуатируемой» журналистами аббревиатурной моделью является акроним **ZP** (**Z**apatero **P**residente), первоначально задуманный как слоган предвыборной кампании Хосе Луиса Родригеса Сапатеро, баллотирующегося на пост председателя правительства Испании:

También creo que es mucho más fácil avanzar con un hombre experimentado e inteligente como Rajoy, que con novato sujeto a mil presiones como ZP (El Mundo, 29.02.2004, p. 2).

В вышеприведенных примерах модификации интродуктивной модели не имплицитуют каких бы то ни было изменений интеракционального контекста публикации, так как неизменной остается социальная роль референтов и тип коммуникативной ситуации. Их главная цель — избежать тавтологии при повторных номинациях референта.

Однако в целом ряде случаев трансформация интродуктивной формы имени на структурном уровне может повлечь за собой нарушение отношений между участниками коммуникации, если данные изменения не будут «санкционированы» формой речевого общения (жанром публикации), социально-этикетными нормами стиля, соотношениями между участниками коммуникации. В этом случае речь будет идти о прагматических установках автора публикации, который через использование определенных трансформационных моделей имеет возможность имплицитно выразить свое отношение к герою публикации.

Прагматика интродуктивных и трансформационных моделей имени

Функционируя в различных сферах жизни — в семье, на работе, среди друзей, в официальной обстановке, — личное имя становится своеобразным паролем личности в той или иной системе социокультурного кодирования. Именно этим объясняется существование параллельных систем личных имен и антропонимических моделей. Как уже было отмечено выше, для прессы нейтральной модальностью обладает только публичная модель имени референта, которая не всегда совпадает с его официальной формой именованя. Публичными моделями могут являться полное паспортное имя, прозвище, подпольная кличка (*alias*), артистическое имя, псевдоним и т.д. Другими словами, если «граница личности является понятием семиотическим» [383, с. 175], то мы вправе считать антропонимические модели, идентифицирующие данную личность в той или иной социальной ситуации, знаковыми системами. В этой связи их справедливо отнести к одной из текстообразующих доминант в языковой организации высказывания, «содержащих информацию о параметрах коммуникативной ситуации и прагматических предпосылках высказывания» [287, с. 7—8].

Рассматривая вопросы прагматики использования параллельных АМ в текстах публикаций испанской прессы, мы имеем в виду, что прагматика определяется как отношение между знаками и теми, кто их использует, или шире — как область мнений, оценок, презумпций и установок пользователей семиотической системы (в нашем случае журналистов).

Анализ практического материала позволил обнаружить следующую закономерность в использовании параллельных систем номинации в качестве субститута публичной модели референта. При замене публичной модели, выраженной именами вторичной номинации (прозвищные именованя, клички, псевдонимы, *alias*), другой, максимально приближенной к официальному (паспортному) имени, повышается социальный регистр акта коммуникации и сам коммуникант рассматривается уже не в качестве члена определенной социальной группы, а как член всего социума.

Так, в одной из публикаций речь идет о реабилитации имени известного исполнителя фанданго, обвиняемого в хранении наркотиков. В статье 8 раз имя певца упоминается в различных модификациях публичной модели артиста, то есть в той, с которой он известен своим почитателям — *José el Francés* (или *el Francés*). И только один раз стиль официального заявления властей потребовал от автора статьи использования паспортного имени артиста:

*quedó claro que **José Rodríguez Vázquez**, estrella del flamenco-pop, hijo de emigrantes españoles, nacido en Montpellier hace 30 años, se considera inocente de la acusación de tráfico de heroína que le llevó a prisión* (El País, 15.03.2002, p. 8).

В статье, рассказывающей о новом проекте испанского телевидения, имя известной актрисы и телеведущей упоминается в двух моделях: двухкомпонентной, тождественной ПМ актрисы *Ana Obregón*, и трехкомпонентной (*Ana García Obregón*), официальная структура которой подчеркивает новую коммуникативную роль референта, а именно — руководителя телепроекта, автора идеи:

*La serie supone la vuelta a la ficción de la cadena pública de **Ana Obregón**.*

*Es una «comedia de sentimientos, no de situaciones», precisa su protagonista y responsable de la idea original, **Ana García Obregón*** (El País, 18.03.2002, p. 67).

Данную тенденцию к изменению ПМ модели референта в связи с переходом в другую социальную группу иллюстрирует следующий пример:

*Además esta semana, por el plató del programa pasará **Miguel González, Michel**, ex jugador del Real Madrid y actualmente comentarista de TVE, que analizará las mejores jugadas* (El País, 9.04.2003, p. 69).

В этом фрагменте автор статьи целенаправленно использует новую публичную модель спортивного комментатора Мигеля Гонсалеса параллельно с той, которую от имел, будучи игроком футбольного клуба Реал Мадрид (*Michel*), и которая имеет в испанском обществе большую идентифицирующую силу, нежели его паспортное имя. Более знакомая прежняя модель именованья «помогает» читательской аудитории воспринять новую официальную форму имени и новую социальную роль бывшего футболиста.

С другой стороны, деятели политики, крупные бизнесмены, владельцы банков и крупных компаний, авторитетные деятели культуры, литературы, церкви должны быть представлены в публикациях под своими полными паспортными именами или в одном из их композиционных вариантов. Любой структурно выраженный отход от данной формы именованья референта будет приобретать эмоционально-оценочную коннотацию, как положительную, так и отрицательную. Например, использование в публикациях официально-информативного подстиля только личного имени в качестве АМ референта, имеющего двух или трехкомпонентную модель, в большинстве случаев несет отрицательную коннотацию, так как подобная практика редакциями основных испанских газет считается политически некорректной. Единственным политиком высокого ранга, которого в испанских СМИ называют по имени, является Фелиппе Гонсалес (при этом на базе имени этого политика образовано

большее количество дериватов, нежели на базе фамилии, например, *felipismo, felipista, felipesco*, но — *gonzoliano*):

Al final, el hecho desnudo es este: con Felipe y sus socialistas salieron de España treinta y siete mil millones de pesetas, que andaban por ahí perdidos, y con Aznar y sus populares esos millones han sido encontrados (ABC, 19.04.2002, p. 9).

В этом фрагменте публикации автор статьи, называя бывшего председателя правительства Испании Фелиппе Гонсалеса только по имени, демонстрирует свое ироничное, даже пренебрежительное отношение, одновременно выражая полную лояльность действующему председателю правительства, называя его по фамилии.

С оттенком фамильярности и большой долей иронии в последнее время стало употребляться на страницах испанских газет и личное имя следующего председателя правительства Испании Хосе Марии Азнара. Поводом негативного отношения электората к своему руководителю послужило решение правительства об участии Испании в войне против Ирака. Этот политический шаг руководства страны вызвал возмущение всего испанского народа, что немедленно отразилось на политическом рейтинге главы государства:

Los más significativos son los Aznar (el hermanísimo está de agregado en la embajada de Roma, adonde le llevó el dedo poderoso de Josemari) (El Mundo, 1.02.2004, p. 96).

Если личное имя в качестве АМ референта, использованное в публикациях официально-информативного подстиля, несет в основном отрицательную стилистическую окраску, то диминутивные формы имени способны маркировать как положительное, так и негативное отношение к референту, а также равенство ролевых отношений референтов (по возрасту, по социальному положению), характер этих отношений (дружественный, демократичный):

Su fórmula es sencilla: ser la vecina del cuarto de todos los habitantes de San Fernando de Henares, donde los niños la llaman Montse por la calle y piensan que es mucho más importante que el presidente del Gobierno (El Mundo / Crónica de León, 29.02.2004, p. 15).

Чаще всего подобные трансформационные модели, состоящие только из имени референта, в текстах публикаций встречаются в прямой речи участников дискурса:

Es en este punto donde entra en acción el teniente Francisco Ruiz, el sacerdote del destacamiento;

далее в статье

«Paco Ruiz es el que organiza todos los saraos», explica el capitán Espejo (El Mundo, 2.12.2002, p. 29);

La presentó Zapatero: «Trinidad pertenece mucho más al siglo XXI que al XX; el siglo XXI te pertenece, Trini, estás donde estás», aseguró. Y a continuación, dirigiéndose al secretario general de la Federación Socialista Madrileña (FSM), Rafael Simancas...advirtió con humor: «Rafa, tranquilo, me voy a quedar ahí... Pero que todo el mundo sepa que lo mejor de la biografía de Trinidad aún no se ha escrito» (elpais.es. — Edición Impresa-España, 8.02.2002).

В этих примерах уменьшительные формы имен **Trini** (от *Trinidad Jiménez*), **Montse** (от *Montserrat Muñoz*) и **Rafa** (от *Rafael Simancas*) являются не стандартным способом именованя лица, а формами выражения субъективной оценки. Кроме этого, цитирование позволяет семантически одноплановый официально-информационный стиль сделать более образным и эмоциональным. Использование диминутивов имен в цитатах служат достижению двух целей. С одной стороны, они косвенно передают отношение говорящего к своему собеседнику, с другой, прагматическая заданность данных семиотических моделей имени организует ритмику текста и создает условия для передачи оценочности, эмоций и экспрессии в поведении действующих лиц публикации.

Принято считать, что эмоциональная нагрузка дериватов имен всегда положительна и служит для передачи интимных или дружеских отношений между говорящим и носителем имени. Но это не так, и зачастую в определенных контекстах подобные формы имени оказываются маркированными не только оценками «официальное-неофициальное» и «уменьшительно-ласкательное», но и «фамильярное», «грубое», «уничижительное», «ироничное».

Таким образом, модальность данного варианта имени, понимаемая как «разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [377, с. 303], проявляется в интенции автора «не только сообщить читателю идентифицирующий знак (т.е. имя), но и передать всю гамму оценочных отношений к референту, им обозначенному.

Прагматический сдвиг в сторону снижения социального статуса называемого наблюдается в том случае, если его публичная модель, тождественная официальной форме именованя, на протяжении текста публикации целенаправленно заменяется параллельными моделями, содержащими имена вторичной номинации. Коммуникативные причины появления прозвищ, например, в отношении политиков аналогичны тем, что лежат в основе арготической лексики, — их употребление маркирует человека по принципу «свой» / «чужой» [303, с. 210]:

Pero contra lo que esperaban, Sharon la dejó en manos de Natán Sharanski, jefe del partido rusófono Israel Bealiá. La sorpresa que les aventó Arik, justo en vísperas de presentar su Gobierno, tuvo un efecto demoleedor (El Mundo, 7.03.2001, p. 22).

В данном примере автор публикации при повторном упоминании имени премьер-министр Израиля Ариэля Шарона заменил его отыменным прозвищем. Подобная фамильярность является некорректной в отношении политического деятеля столь высокого ранга, однако, используя данную параллельную модель имени, журналист смог реализовать свою оценку неодобрения поступка этого государственного деятеля.

¿Qué hubiera podido disertar sobre eso Aznarín? (El Mundo, 18.02.1996, p. 104);

Pues, eso, Aznarín, calladito estás más guapo (El Mundo, 18.02.1996, p. 24).

В приведенных примерах имя председателя правительства Испании представлено окказиональным прозвищем. При этом интересно отметить, что отфамильный дериват создан автором при помощи диминутивного (оценочного) суффикса **-ín**, обычно сочетающегося с личными именами.

Использование в качестве трансформационных моделей политиков их прозвищных именовании реализует не только прагматическую функцию сокращения социальной дистанции между лицами, обладающими высоким социальным статусом, и рядовыми членами общества, но и эмоционально-воздействующую.

Таким образом, взаимодействуя с ближайшим и последующим контекстом публикации, трансформационные модели выполняют ряд функций, существенных с прагматической точки зрения: информационно-репрезентативную, эмотивную, синтаксическую.

Прагматически направленная трансформация интродуктивной (публичной) модели на структурном уровне ведет к сдвигу в социальном стереотипе восприятия новой формы именовании только в том случае, если она нарушает интеракционный контекст публикации, «ломая» рамки прежней коммуникативной ситуации и переводя референта в новую социальную роль. В этом случае структурно измененная форма именовании, как иная система знаков, будет определять уже другое семиотическое «я» референта.

Прецедентное имя в медийном дискурсе

В результате использования антропонимов в текстах газет многие из них «приобретают функциональное качество ключевых слов любого передаваемого сообщения, что в значительной степени меняет их онтологические свойства» [363, с. 92]. Продолжая служить средством номинации, «антропонимы в ряде случаев становятся своеобразными символами своих носителей, зачастую располагая богатым и ярким комплексом сведений энциклопедического порядка об именуемом объекте» [486, с. 117]. Восприятие читателями любого имени определенным образом

«встраивается» в систему ментальных ориентиров социума, отражающих проекцию национально-культурной картины мира в сознании носителей языка. Эта система состоит из исторических, социальных, психологических координат культуры любого этноса, которые и определяют закономерности перехода некоторых из антропонимов в разряд прецедентных имен в каждой конкретной исторической ситуации [306, с. 1]. Отличительной особенностью их функционирования является способность употребляться в качестве «сложного знака», обладающего, помимо простого набора значений экстралингвистического плана, некоторым инвариантом восприятия стоящей за именем информации, которая является совокупностью дифференциальных признаков и атрибутов, а также совокупностью значений-смыслов» [362, с. 79]. Данный комплекс знаний о референте и будет являться основанием перехода собственного имени (антропонима) в нарицательное и составлять его лексический фон, репрезентативный, почти нарицательный смысл антропонима как мотивирующего слова в процессе производства на его базе различных лексических образований. Иными словами, язык печатных СМИ регистрирует процесс динамики знаков, когда индивидуализирующий знак (личное имя или фамилия референта) переходит в разряд характеризующих, что неизбежно вызывает сдвиги в семиотической структуре, лексической семантике и грамматической категориальности собственных имен.

Имена с богатым лексико-культурным фоном активно используются журналистами в прессе для придания публикациям эмоционального тона, большей экспрессии, а также с целью минимизации вербальных средств передачи информации, исходя из фоновых знаний своих читателей, которые позволяют им осмыслить и сопоставить новую информацию с ранее познанной, стоящей за прецедентным именем.

Опираясь на изученный материал, среди способов бытования ПИ в текстах политического дискурса можно выделить в первую очередь ПИ как самостоятельные единицы номинации, имена-символы. Их носителями в прессе могут стать известные исторические личности (*Calígula, Nerón*), мифологические персонажи (*Poulidor, Pigmalion, Hércules*), литературные герои (*Robinsón, Don Quijote*) и др.

Дифференциальные признаки прецедентных имен могут включать характеристику лица по внешности или по чертам характера. В этом случае чаще всего речь может идти о процессе метафорического переосмысления прецедентного имени, которое, по образному замечанию Ю.Н. Караулова, «стремится освободиться от всех живых черт и признаков лица, к которому относится, переливая их в одну гипертрофированную особенность, которая и становится символом соответствующего персонажа» [342, с. 225]:

El recorrido al centro se intentó, después de años de crispación, donde el todo vale contra González — descrito entonces cual si fuera una especie de Calígula — fue la consigna (El Mundo, 29.02.2004, p. 2);

Estaban los de siempre. En la primera calle, Eric Vendt, el Poulidor norteamericano. Su destino es sufrir la hegemonía de un gigante (El País, 15.08.2004, p. 44);

El académico, que ha recopilado algunos de sus artículos en «El porvenir de la palabra», cree que los jóvenes parecen salidos de un cómic: «Se parecen a los Simpson» (abc.es. — Cultura, 22.11.2002).

Во всех вышеприведенных примерах прецедентный текст вводится через указание на определенное релевантное свойство характера или поведения персонажа или его внешности. Так, испанский политический деятель Фелипе Гонсалес отождествляется с именем римского императора **Калигулы**, которое будет правомерным рассматривать в качестве имени-символа, олицетворяющего крайнюю степень моральной развращенности и порочности человека. Тело троянца **Полидора** становится эталоном мужественности и мужской красоты при сравнении с ним фигуры прекрасно сложенного гиганта — американского пловца Эрика Вендта. А туповатая семейка **Симпсонов** из одноименного мультфильма приводится испанским писателем Луисом Гойтисоло в качестве прецедентов, с которыми он сравнивает современную молодежь.

От обычной номинации героев данных публикаций средствами апеллятивной лексики приведенные примеры отличает «обязательная эмоциональная нагруженность такого рода отсылок к прецедентным текстам, а значит, наличие в этой номинации дополнительного экспрессивного оттенка» [342, с. 222]. Такое использование автором прецедентных феноменов всегда является интенциональным, так как «помогает создать именно образ, а не словесную конструкцию, и цель этого воплощения, в конечном итоге, будет сводиться к тому, чтобы в сознании / воображении читателя возник сходный образ» [318, с. 54].

Другим способом бытования ПИ является их актуализация одновременно через характеристику и прецедентный текст в широком толковании данного термина, объединяющий как культурные (виртуальные), так и исторические (реальные) прецеденты.

Культурные и исторические прецеденты всегда связаны с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в когнитивную базу либо только данного этноса, либо являются универсальными. Поэтому инвариант восприятия любого прецедентного текста должен вписываться в уже существующую систему исторических и культурных координат общества, аккумулируя весь предшествующий опыт конкретного национально-лингво-культурного сообщества, представленный в виде уже существующих знаний и представлений и определенной

системы оценок» [362, с. 61]. Так, например, имя мифоантропонима [427, с. 16] *Пигмалион*, получившее широкую известность и разнообразное толкование в литературе, в любой публикации делает транспарентной аллюзивную отсылку на знаменитый мифологический сюжет о мастере, влюбившемся в творение рук своих. В нашем примере из всего лексического фона данного имени журналистом был «активизирован» лишь один из его признаков или одна из семантических долей, как их называли Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров [292, с. 65], а именно — значение «мастер», «учитель» (в нашем случае — «тренер»), воспитавший многократного чемпиона мира по плаванию Мишеля Фельпса):

*Era Bob Bowman, que ha dirigido su carrera desde niño. Bowman ha sido el **Pigmalion** de Phelps en las piscinas* (El País, 15.08.2004, p. 45).

В другом примере с жизнью Питера Пена, героя одноименной пьесы Дж. Барри, мальчика, который не становился взрослым, сравнивается та абсурдная ситуация, в которой оказалось в Испании поколение тридцатилетних молодых людей, вынужденных из-за дороговизны жилья продолжать жить со своими родителями, закладывая под ипотеку свои жизни:

*Nos estamos convirtiendo en un esperpento; familias hipotecando sus vidas, realquilados- amontonados, treintañeros viviendo como **Peter Panes** con sus padres... ¿pero esto qué es?* (El País, 27.10.2002, p. 16).

Прецедентные имена в прессе способны выступать не только в качестве символов-характеристик конкретных людей или целых поколений. Они могут стать метафорическим определением народа или государства, как, например, в следующем случае, когда молодое государство США сравнивается его лидерами с младенцем Геркулесом (или *Гераклом*) в пеленках. Используемое журналистом имя мифологического героя не только апеллирует к его могучей внешности и силе, но также помогает осмыслить аллюзивный контекст великой жизни героя античности, полной побед и подвигов, и сопоставить ее с будущим величием американского государства:

*Incluso cuando no eran sino una débil colección de colonias dispersas por la costa del Atlántico, amenazadas por doquier por los imperios europeos y con un vasto territorio aún indómito a sus espaldas, EE UU se antojaba a sus líderes una especie de «**Hércules** en pañales», «el embrión de un gran imperio»* (El País, Domingo, 30.03.2003, p. 16).

Номинативная функция ПИ состоит не только в назывании отдельных конкретных объектов и явлений, но и в вычленении целых фрагментов действительности и формировании понятий о них [496, 129—131; 497, с. 336]. Наиболее часто используемыми в номинативной функции стилистическими приемами являются сравнения и перифраз, как любое не прямое выражение смысла:

En tales circunstancias, Aznar no podría — aunque quisiera — seguir el ejemplo de Ulises y mantenerse atado al mástil para resistir el canto de las serenas pidiendo su regreso; los requerimientos de la tripulación le obligarían a romper las ligaduras a fin de evitar una rebelión a bordo (El País / Domingo, 14.03.2004, p. 10);

Факторами, побуждающими автора прибегнуть к текстам универсально известных мифологических сюжетов, являются не только стремление вызвать эстетические чувства у читательской аудитории, но и желание помочь ей сопоставить, оценить и спрогнозировать идентичные ситуации в современной жизни. В этом случае на первый план выходят проблемы прагматической заданности использования прецедентных феноменов как номинативного средства, которые, безусловно, должны опираться на фоновые знания аудитории, принимающей информацию, знакомство адресата с исходным текстом и его способность распознать отсылку к нему.

К сфере бытования ПИ относятся пословицы, поговорки, фразеологизмы, крылатые фразы и изречения, афоризмы, другими словами, — прецедентные тексты, в которых за конкретными ПИ стоят конкретные прецедентные ситуации. Это законченные и самодостаточные единицы, которые могут быть или не быть предикативными. Они представляют собою «сложные знаки, сумма значений компонентов которых не равна их смыслу, так как последний всегда “шире” простой суммы значений» [362, с. 48]. Подобные текстовые вкрапления А.Е. Супрун называет текстовыми реминисценциями, определяя их как «осознанные или неосознанные, точные или преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста» [491, с. 17]. Данный способ передачи мысли может стать действенным и способствовать адекватному пониманию и бóльшей эффективности восприятия информации только при условии, что текстовые реминисценции для получателя информации являются прецедентными текстами и что они входят в когнитивную базу членов национально-лингвокультурного сообщества.

Для испанской прессы наиболее частотны фразеологизмы, обращенные к библейским (*el arca de Noé*) и историческим сюжетам (*la espada de Damocles*), а также к античной мифологии (*el talón de Aquiles, la caja de Pandora*):

1. ...pero alguien sin sabidurías en asuntos de las cuentas nacionales de la economía podría responder que cuando en un país se decreta el desbande de las especies animales que habitan el modesto parque zoológico de su ciudad capital, semejante orden suena a un *sálvase quien pueda, ciudadanos y animales, como si se tratara de desalojar el arca de Noé porque hace agua a través de sus costillares rotos* (El País, 10.03.2003, p. 16);

2. *La pasada semana, Pedro J. Ramírez abordaba, en su carta del Director, «la reforma constitucional y el embarazo de Letizia»..., un tema nada frívolo que debería preocupar, más de lo que preocupa, no sólo a la Familia Real sino también a los políticos, ya que, como escribía Pedro J., «pende como una espada de Damocles, sobre la racionalidad cronológica del orden sucesorio»* (El Mundo / Crónica, 22.08.2004, p. 16);

3. *Y sí, yo creo que Rita Barberá tiene varios talones de Aquiles muy importantes* (El Mundo, 4.10.1998, p. 12);

4. *Según algunos analistas, si no hubiera sido por la presión internacional, China no habría abierto la caja de Pandora* (El País / Domingo, 4.05.2003, p. 3).

В первом из приведенных примеров столичный зоопарк, лишенный финансирования, сравнивается с Ноевым ковчегом, давшим течь, из которого разбегаются и животные, и люди (1). В другом примере (2) выражено мнение редактора газеты *El Mundo*, который считает, что испанские политики должны быть серьезно обеспокоены проблемой беременности жены наследника испанского престола Летиции, так как вопрос о престолонаследовании остается открытым и висит над испанской нацией как домоклов меч. Слабые стороны деятельности политика Риты Барбера метафорически сравниваются журналистом с ахиллесовой пятой (3), причем не одной, а несколькими (!), а выражение «открыть ящик Пандоры» (4) (выпустить все заключенные в нем бедствия) характеризует решение китайских властей информировать мировую общественность о первых случаях заболевания атипичной пневмонией на территории этой страны.

Особенностью функционирования прецедентных имен является та, что к ним относятся не только антропонимы с универсальной, но и с интралингвальной коннотацией [427, с. 16], употребление последних территориально ограничено рамками национальной культуры:

Ной me parezco a Doña Rogelia, y confío en no ir a peor (El Mundo, 4.08.2002, p. 72);

En Alicante a cada Boabdil le sale su Don Pelayo (El País, 18.03.2002, p. 14).

Ни в первом, ни во втором случае журналисты не дают никаких пояснительных комментариев, так как в Испании любой читатель знает, что в первом случае речь идет о персонаже телевизионной передачи — персоне крайне непривлекательной наружности, а во втором — об исторических персонажах периода Реконкисты (*Boabdil* — последний арабский правитель Гранады; *Don Pelayo* — исторический персонаж, активный участник Реконкисты).

Следующей особенностью функционирования прецедентных имен в текстах газет, передающих событийную информацию, является использование имен современников, широко известных всей читательской

аудитории и вызывающих определенные ассоциативные связи в коллективном когнитивном пространстве, т.е. являющихся «социумно-прецедентными» [362, с. 96]. Мы предлагаем определить подобные ПИ термином «окказиональные или темпоральные прецедентные имена», так как они относятся к текстам, ставшим прецедентными на относительно короткий срок, и которые могут выйти из употребления прежде, чем сменится одно поколение носителей языка [474, с. 28].

К числу окказиональных (темпоральных) ПИ в первую очередь относятся имена известных политических деятелей различных стран. Чаще всего именно они входят в словообразовательную парадигму имен собственных (антропонимов), значительно расширяя ее потенциал.

Помимо имен политиков, среди ПИ современников также встречаются имена общественных деятелей, спортсменов, деятелей культуры и искусства, наиболее известных лиц высшего света.

Примером подобного использования имен современников в качестве прецедентных имен, актуализирующих у носителей испанского языкового сознания коннотации, связанные с реальными прецедентными ситуациями, могут служить статьи, посвященные новостям светской жизни. Данные публикации всегда изобилуют именами известных людей, часто употребляемыми коннотативно и другими печатными СМИ. Вследствие этого процент их «узнаваемости» национальной читательской аудиторией всегда является достаточно высоким. За каждым из имен (будь то герой «одного скандала» или историческая личность) стоит совокупность дифференциальных признаков или характеристика, связанные с событиями их жизни (скандалами, казусными ситуациями и тому подобным):

Eres un caballito de mar con rizos a la jerezana, una gacela amarilla y trasatlántica, el Fonsi Nieto de las mareas, nuestro Esther Williams de mar abierto, Mercurio en remojo, Narciso a flote. Ya sé que a ti te gusta decir que eres el nuevo Cristóbal Colón, pero no me veo yo, la verdad, como la nueva Isabel la Católica; yo te veo más bien como mi Felipe el Hermoso, y a mí me veo como tu Juana la Loca (El Mundo, Gente, 31.07.2002, p. 3).

«Овладение смыслами, стоящими за прецедентными именами как единицами языка и культуры, имеет прямое отношение к уровню понимания соответствующего текста публикации» [464, с. 27].

Имена реальных и виртуальных персонажей действительности становятся на страницах газет символами-определениями самых различных явлений и событий жизни общества в целом или отдельных его граждан, например:

- формы правления государства: *Merecemos una España Rajoy* (El Mundo, 29.02.2004, p. 9); *...este año no quiero un poder político modelo Rambo sino Harry Potter; ni una oposición tipo de la señorita Pepis sino la de «El Señor de los Anillos»* (ABC, 5.01.2003, p. 2);

- явлений политической и общественной жизни: *El rechazo del electorado al «modelo Kohl» como fórmula para el próximo milenio* (El Mundo, 28.09.1998, p. 20); (заголовок) *La paradoja Aznar* (El Mundo, 4-10.1998, p. 5);

- образа жизни или действия: *El nuevo «estilo Letizia»* (El Mundo / La Crónica de León, Domingo, 1.02.2004, p. 44); *Ganó a lo Spitz, con record mundial* (El País, 15.08.2004, p. 1); *Letizia quiere evitar el «síndrome Masako»* (Época, 2—8 de julio, 2004, p. 40);

- стиля в одежде и моде: *La cuota femenina del Gobierno en pleno, disfrazada de Claudia Schiffer* (El Mundo, Crónica № 462, 22.08.2004, p. 16);

- явлений жизни культуры и искусства, спорта: *Los críticos lo han definido como el primer edificio de estilo Almodóvar en Nueva York, por lo estridente del colorido y porque parece que esté «al bordo de un ataque de nervios»* (El Mundo / Cultura, 2.12.2002, p. 38); *O sea, que el cantautor tipo Serrat está pasado de moda* (El País, 27.10.2002, p. 62); *...en un Barca, atacado desde hace tiempo por la gripe Van Gaal contra la que, al parecer, no hay vacuna que valga* (El Mundo / Domingo, 28.09.1998, p. 8); *Claro, [Rooney] la ruta Beckham sólo la podrá seguir hasta cierto punto, porque difícilmente se llegará a asociar a Rooney con el glamour* (El País, 24.06.2004, p. 52).

Как видно из примеров, прецедентные имена функционируют в коммуникации не только в качестве самостоятельных имен-символов, но и могут входить в состав различных конструкций-определений.

Они оформляются либо при помощи модели «существительное + прецедентное имя» (*estilo Letizia, España Rajoy*), либо — модели с участием предлога *a* и артикля *lo*: «*a lo (la) + прецедентное имя*» (*a lo Spitz, a la Federica*).

Другой формулой «закодированного» прецедентного текста, имеющего частотный узус в публикациях испанской прессы, является формула «*caso + имя собственное*» (*caso Lewinsky, caso Arny, caso Andersen* и др.). Подобные тексты связаны в основном с судебными разбирательствами дел, в центре которых стоит определенное лицо, по имени которого они названы. Данная формула используется при повторных упоминаниях об этом судебном деле, но при желании автора может быть развернута и представлена читательской аудитории во всем объеме:

El fracaso televisivo del caso Lewinsky se ha compensado con el relativo éxito de Internet (El Mundo, 28.09.1998, p. 28);

El caso Andersen (quinta compañía auditora del mundo, en trance de desaparición) demuestra escandalosamente que la corrupción está en el centro del capitalismo, no sólo en los suburbios: información privilegiada, contabilidad creativa, enriquecimiento súbito de unos pocos a costa de la ruina de los más, pasarelas entre el poder político y el poder económico... (El País, 18.03.2002, p. 14).

Подводя итог, следует сказать, что феномен прецедентных текстов (в широкой трактовке данного термина), уходя корнями в когнитивную базу того или иного этноса, позволяет отдельным антропонимам обрести богатую смысловую структуру и вследствие этого постоянно выступать «в качестве характеризующих словесных знаков при вторичной номинации» [321, с. 63]. Таким образом, прецедентные имена вовлекаются в процесс образования, как антропонимической метафоры, так и антропонимической метонимии.

Антропонимическая метафора в языке прессы

Эффективность информационного и эмоционального воздействия на читателя зависит от манеры изложения автором фактического материала и тех риторических ресурсов, которыми он пользуется. Желая достичь необходимой экспрессии, журналисты часто прибегают к употреблению метафоры, в том числе и антропонимической.

Естественно, что в функции метафоры может выступить не любое имя собственное, а лишь то, которое семантизируется и осмысливается на основе наблюдения, опыта и знания соответствующего денотата. Мы называем такие имена прецедентными (ПИ).

Во-первых, ПИ при употреблении в речи (письменной или устной) обозначают определенную характеристику человека (его внешности, черт характера). И это устойчивое «терминологическое» значение имени будет составлять значение метафоры и всегда прямо ассоциироваться с конкретным именем как своим обозначающим.

Во-вторых, к ПИ чаще всего прибегают для достижения образного сравнения, гиперболы, т.е. они всегда экспрессивно насыщены. Эту же художественную функцию выполняет в тексте публикации метафора как стилистический оборот (троп), используемый журналистами для усиления выразительности речи.

Таким образом, использование прецедентных слов в метафорической функции позволяет имплицитно выразить то, что при экспликации той же мысли другими словами потребует больших языковых средств. «Это — способ выразить трудно выразимое и обозначить то, для чего в норме нет прямого обозначения, причем выразить и обозначить, не увеличивая словарь единиц выражения и их синтаксическую сложность» [409, с. 101].

Наглядным подтверждением данной мысли может служить следующий фрагмент статьи:

*«Dónde hay **un Lula?**» Con sana envidia y simpatía, la sociedad argentina se mira en el espejo de Brasil y comprueba con resignación que sus dinosaurios políticos no son capaces de despertar una débil ilusión a menos de cuatro meses de las elecciones presidenciales, previstas para el 27 de abril (El País, 4.01.2003, p. 3).*

Одно единственное имя собственное (прозвище *Lula*) в данном контексте способно лаконично передать достаточно обширный фрагмент информации, позволяющей создать представление о политическом деятеле новой формации, каковым является всенародно избранный президент Бразилии Луис Инасьо да Сильва (*Luiz Inácio Lula da Silva*). Это целеустремленный, преданный своей цели политик, вышедший из рабочей среды, демократичный, открытый для всех слоев общества, способный кардинально изменить существующее положение дел во внутренней ситуации в стране.

В прессе метафора выполняет различные функции: прагматическую, экспрессивную, семантическую.

Прагматическая эффективность метафоры превращает ее в одно из главных средств вербальной стратегии, которую используют политики и журналисты [371, с. 270], так как с ее помощью возможно косвенное формирование у читательской аудитории положительной или отрицательной оценки тех или иных политических персоналий или событий современности. Однако ее реализация не возможна без эмоционального «давления» на читателя как источника формирования у последнего образных ассоциаций и субъективных оценок:

*Aznar parece una muñeca **Barbie** bien maquillada, que no mueve el bigote cuando habla para que no se note que miente* (El País, 8.05.93, p. 18).

Естественно, что данное сравнение Азнара, бывшего председателя правительства Испании, с куклой Барби имплицитно несет негативное отношение автора к политику, который, по мнению автора статьи стремится за прекрасным гримом и лощенной внешностью скрыть лживость своих заявлений.

Также неслучайно звучит и сравнение с Барби для политиков-женщин, членов Народной партии Испании. И хотя в этом случае журналистом был сделан акцент на внешние данные женской части членов испанского правительства, в подтексте явно читается мысль о том, что они являются несерьезными политиками, а лишь марионетками в чужих руках:

*El PP tiene siete **Barbies** que saca para todo, en primera fila y con minifalda* (El País, 27.2.96, p. 24).

Антропонимические метафоры употребляются по преимуществу во вторичной для них номинативной функции, внося в именные позиции атрибутивные и оценочные значения:

*...has triunfado en América, ya tienes a los yanquis a tus pies: eres el **Penélope Cruz** de los océanos* (El Mundo / Gente, 31.07.2002, p. 3).

Данная метафора содержит аллюзивную отсылку на феноменальный успех, который имела в Голливуде известная и любимая в своей стране испанская актриса Пенелопа Крус, сумевшая завоевать любовь и американской публики.

Aunque Marías pegue por exceso, de estas páginas sale, en cualquier caso, el retrato aterrador de un psicópata, la descripción convincente y nauseabunda de un espíritu maligno, una especie de Hannibal Lester capaz de todos los errores y de proyectarlos en la creación de un Frankenstein actual (El Mundo, 26.03.2001, p. 6).

В данном фрагменте рецензии на книгу испанского писателя Х. Мариаса главный герой его романа предстает неким подобием Ганнибала Лестера, способного превратиться в образ современного Франкенштейна.

В приведенных примерах, как и во всем анализируемом материале, прецедентные имена, употребляемые в метафорической функции, сопровождаются определенным («*la Thatcher del Báltico*» — El País, 13.05.1990, p. 4), неопределенным («*un Tejero soviético*» — El País, 26.06.1990, p. 4), нулевым артиклями («*síndrome de Penélope*» — Cambio 16, 11.11.1985, p. 5), что определяет их метафорические возможности и особенности значений новых номинаций. В вопросе определения видов испанской антропонимической метафоры мы будем исходить из сделанной Д.И. Ермоловичем аналогичной классификации на базе английского языка [321, с. 65]. Согласно выводам автора метафорический перенос на основе прецедентных имен бывает трех видов: отождествления, ограниченного ряда и категориальной номинации.

Первый вид (отождествления) основан на принципе отождествления другого лица с носителем прецедентного имени. Функционально-грамматическими характеристиками данного вида являются употребление имени без артикля обычно в предикативной функции и отсутствие формы множественного числа;

No le pedimos a Zapatero que sea Bismarck pero sí que acabe con el envilecimiento del particularismo (El Mundo, 9.03.2001, p. 5).

Bismarck (Отто фон Бисмарк), которого называли «железный канцлер», показал всей Европе, как можно использовать власть и мощь государства, являясь в политике олицетворением жесточайшей государственной дисциплины.

Возможно и отождествление многих людей с одним человеком, как, например, в заголовке: *Todos somos Sancho Panza*, все современное общество отождествляется с именем героя Сервантеса Санчо Пансы, известного своим материалистическим взглядом на жизнь.

Следующим видом антропонимической метафоры является метафора, использующая определенный артикль, который в конструкции с прецедентным именем представляет собой как бы дальнейший шаг на пути обретения последним классифицирующего смысла. В этом случае другое лицо является воплощением черт носителя имени, но только строго в

рамках, определенных контекстом, и поэтому данный вид номинации называется метафорой ограниченного ряда:

*La decisión de Fabius de hacer públicas sus reticencias tiene una triple dimensión. Por un lado le resitúa en el interior del PS, liberándole de la rémora de aparecer como el **Blair francés**; por otro traduce el sentimiento de que la mayoría sociológica francesa, siendo europeísta, lo es si la construcción de la UE se hace desde la voluntad de crear un bloque para competir con EE UU y el Asia emergente (El País, 24.06.2004, p. 6).*

Третьим видом является категориальная метафора. В ней выдвигание одного признака на первый план служит базой для формирования представления о всем классе предметов. В категориальных метафорах прецедентные имена употребляются либо с неопределенным артиклем (*es un Robin Hood; ¿Dónde hay un Lula?*), либо в форме множественного числа (*Todos querían ser Cósimos*). В некоторых контекстах прецедентные имена практически переходят в разряд нарицательных и пишутся со строчной буквы (*país de quijotes*). Отдельно следует отметить наметившуюся в журналистике в последнее время тенденцию использовать в качестве метафоры имена современников. Их имена зачастую ближе и понятнее читательской аудитории, нежели исторические, литературные или мифоантропонимы:

*Espero que obtenga [Rajoy] mayoría absoluta y no se vea obligado a depender de otros **maragalles**, que solo buscan su beneficio (Mundo, 29.02.2004, p. 2);*

*El 19 de julio de 1976, se celebraba en Estocolmo una de esas bodas reales de verdad ya que el novio, Carlos Gustavo de Suecia, era rey reinante y la novia, una de las primeras **letizias** europeas, la azafata alemana Silvia Sommerlath (Mundo, 22.08.2005, Crónica № 462, p. 16);*

*Aunque tenemos más **pavones** que **ronaldos** y **zidanes**, nuestro Ronaldo podría ser el prestigio y el capital intelectual de nuestros profesores (ABC, 30.12.2002, p. 4).*

В представленных примерах имя Паскуаля Марагаля стало нарицательным для обозначения людей, зависящих от политической конъюнктуры, имя журналистки Летиции Ортис, вышедшей замуж за наследного принца Испании, — символом современной «золушки», футболисты Рональдо и Зидан олицетворяют футболистов экстра-класса, а Павон — игроков заурядных.

Подобные употребления категориальной метафоры дают своеобразные коннотации, что сближает их с функциональными метафорами. Степень образности некоторых из них значительно ниже [305, с. 53], отчасти потому что они в качестве мотивирующей единицы выбирают такие признаки, как социальная роль, степень владения профессией, положение в обществе. Тем не менее, сам способ подачи

информации является более выразительным, чем в ситуации, когда та же информация была бы передана при помощи только нарицательной лексики.

Следует отметить, что среди семантических новаций, образованных на базе антропонимов, есть как полностью семантизированные онимы, перешедшие в разряд апеллятивной лексики (*una celestina, un bobby, un quijote*), и вошедшие в словарный состав языка с определенными коннотативными характеристиками, так и окказионализмы, коннотативная база которых еще окончательно не закреплена узусом. Последнее обстоятельство позволяет авторам актуализировать в различных контекстах несколько дифференциальных сем исходного имени. Например, имя Рэмбо можно встретить в различных публикациях в качестве метафорического сравнения как по «внешнему признаку» (*Putin caza a lo Rambo en Siberia*), так и по «качественным признакам» (*El gobierno actua a lo Rambo* т.е. дерзко, жестко; *...los dos personajes no son héroes a lo Rambo...* т.е. не являются воплощением справедливости).

Антропонимическая метонимия и виды метонимического переноса на основе прецедентных имен

В прессе наиболее узуален перенос по схеме: автор — его творчество — его произведение (изобретение). Обязательным условием подобного переноса является прецедентность имени, его «узнаваемость» читательской аудиторией. По мнению Д.И. Ермоловича, «имя собственное в метонимической функции, определяя в целом творчество того или иного автора, ведет себя как абстрактное существительное в том, что касается его грамматических функций и сочетаемости» [321, с. 70]. Та же самая закономерность обнаружена и в нашем материале:

«En Jorn todo empieza con un cierto caos, pero siempre se acaba descubriendo un cierto orden», — afirmó ayer Troels Andersen (elpais.es. — Edición Impresa — Cultura, 13.02.2002).

В данной цитате фамилия *Jorn* современного датского художника Ашгера Джорна (*Asger Jorn*) используется для обозначения всего его творчества.

Подобный вид метонимического переноса, вслед за Д.И. Ермоловичем, мы будем рассматривать как генерализующий, основной функционально-грамматической характеристикой которого является то, что «абстрактное существительное в функции метонимии никогда не употребляется с неопределенным артиклем и не имеет формы множественного числа» [321, с. 73].

Второй вид метонимического переноса называется конкретизирующим. Он обозначает отдельные произведения, т.е.

выражается исчисляемыми существительными, и поэтому может употребляться с артиклями и иметь форму множественного числа:

Cuando veíamos un bergman o un godar, un fellini o un antonioni, salíamos mascando el tiempo como si hubiéremos asistido al sonido de la eternidad (El País, 1.08.2002, p. 48);

El año próximo irán con un händel a Halle, tierra natal del compositor (El País, 24.06.2004, p. 40);

¿Cómo se entrena a hombres que casi han nacido con un Kalashnikov entre las manos? (El Mundo, 2.12.2002, p. 29).

В первых двух примерах имя собственное выступает в значении «любое или одно из произведений» (в нашем случае это один из фильмов известных режиссеров Бергмана, Годара, Феллини и Антониони или одно из музыкальных произведений немецкого композитора Генделя), в третьем фрагменте имя изобретателя Калашникова перенесено на родовое название изобретенного им автоматического оружия (АКА).

При использовании имени собственного во множественном числе для обозначения нескольких произведений искусства того или иного автора, морфологически множественное число образуется по нормам языка, передающего данную информацию:

En resumen, quiere volver a ver toda la colección Chtchukin reunida: 258 obras, que incluye 50 picassos (períodos azul, rosa y cubista), 38 matisses (la mayor colección de Matisse en manos de un particular), además de 13 monets y 8 cézannes... (El País / Domingo, 20.07.2003, p. 10).

Случаи конкретизирующего метонимического переноса представляют собой окказиональные образования и поэтому, как правило, в публикациях всегда выделяются курсивом.

Для испанской прессы характерны случаи использования метонимических переносов имени, порожденных механизмами синтагматического преобразования, при котором вместо полного официального названия учреждения в результате эллиптического сокращения текста используется только собственное имя, которое оно носит (в русском языке также наблюдается аналогичное явление, напр.: *Я в восторге от Третьяковки*). В испанском языке в подобных употреблениях, как правило, определенный артикль указывает род пропущенного существительного, обозначающего название учреждения (или мероприятия):

El Whithney se convierte de esta forma en una de las pinacotecas con mejores colecciones de arte norteamericano del siglo XX (El Mundo / Crónicas, 4.09.2002, p. 7).

(*El Whithney* — el Museo Whithney de Arte Americano, en Nueva York, EE UU);

Los ex azulgrana Guardiola y De la Peña compartieron ayer asiento en el Mario Rigamonti de Brescia, donde el equipo local recibió al Lazio (El País, 18.03.2002, p. 51).

(*El Mario Rigamonti* — el estadio de Mario Rigamonti en Brescia, Italia);

Lo más lamentable es que se trata de una buena película, ganadora en su momento de varios importantes premios David de Donatello, el equivalente italiano de los Goya españoles o los Cesar franceses, y también en algunos festivales internacionales... (El País, 15.03.2002, p. 48).

В последнем примере речь идет о премиях различных международных кинофестивалей, которые носят имена выдающихся исторических личностей: Давида (скульптора) Донателло — в Италии, Гойи — в Испании, Цезаря — во Франции. Определенный артикль множественного числа маркирует множественное число пропущенного существительного «premios», однако использование имени исторического лица (*Goya, Cesar*) провоцирует отступление от норм грамматического согласования, так как обозначает не исчисляемый предмет, а служит названием премии (сравним: *Esa película es candidata a 10 oscars*. Здесь речь идет не о названии премии, а о 10 номинациях на премию «Оскар»).

Для публикаций испанской прессы также характерно использование приема вторичной метонимизации значения, которой подвергается прецедентное имя (антропоним) в основном в целях минимизации вербальных средств:

El miró rasgado, la famosa tela falsa apuñalada por Camilo José Cela Trulock (CJC) sobre la que Joan Miró creó una nueva obra auténtica en 1972, dejó de ser propiedad del único hijo y legítimo heredero del Nobel, Camilo José Cela Conde (El País, 11.02.2001, p. 32).

В вышеприведенном примере имя собственное *Nobel* указывает, во-первых, на премию, учрежденную шведским инженером-химиком Альфредом Нобелем, а во-вторых, на лауреата этой премии, испанского писателя Камило Хосе Селу. Таким образом, метонимизация развивалась по следующей схеме: учредитель премии (*Nobel*) — премия (*premio Nobel, el Nobel*) — обладатель премии (*el Nobel*).

Иногда собственное имя, которое носит учреждение или фирма, вследствие метонимического переноса может быть использовано в газетной статье без артикля, что при отсутствии контекста может привести к двусмысленному восприятию информации:

En Barcelona estamos cansados de perder cosas y Gaudí será defendido a capa y espada (elpais.es. — Edición Impresa - Cultura, 6.02.2002).

Естественно, что в приведенном примере речь идет не о защите жизни каталонского архитектора Антонио Гауди, а о Салоне Гауди, известного в Барселоне Дома Моды, которое правительство из-за отсутствия денег на его содержание предполагало закрыть.

Eso supone, ante todo, una vuelta de página en la complicada historia que Disney ha tenido en París (El País, 18.03.2002, p. 52).

В этом примере также речь идет не о конкретном человеке, известном мультипликаторе Уолте Диснее, переживавшем в Париже сложные времена, а об американской компании *Walt Disney Company* и тех сложностях, с которыми она столкнулась во время строительства в окрестностях Парижа парка развлечений *Disneyland*.

Перенос имени человека, которое официально носит учреждение, на само учреждение, а затем на совокупность людей (сотрудников, зрителей, посетителей, участников и т.д.), собравшихся в нем, нередко приводит к феномену персонификации объекта, и за счет этого метонимизация имени начинает служить средством развития своих образных возможностей. Так, чаще всего, о стадионе, носящем имя основателя футбольного клуба «Реал Мадрид» Сантьяго Бернабеу (*Santiago Bernabéu*), журналисты говорят как о живом организме: *el Bernabéu no parecía excesivamente convencido del futuro* (El Mundo, 4.03.2001, p. 40); *el Bernabéu castigó con pitos* (El País, 9.04.2001, p. 53); *el Bernabéu le echó de menos* (El País, 27.10.2002, p. 50). В то же время эти полные экспрессии комментарии можно сравнить с другими, абсолютно нейтральными: *instalaciones del Bernabéu, la seguridad en el Bernabéu* (El Mundo, 4.03.2001, p. 41).

Текстовые функции определенного и неопределенного артиклей в сочетании с именами собственными

Являясь лексически «неполноценной» единицей в системе языка, антропонимы, тем не менее, имеют возможность дифференцированно использовать свой семантический объем с помощью различных контекстуальных маркеров, из которых в публикациях прессы наиболее часто встречаются определенные / неопределенные артикли, реже определенные / неопределенные местоимения и поссессивы. Употребление маркеров в функции детерминативов позволяет нам рассмотреть прагматическую заданность испанских антропонимов на семантическом уровне, так как чаще всего подобные структуры выполняют не столько идентифицирующую, сколько оценочную функцию при референции к конкретному лицу.

Артикль возник, и долгое время развивался главным образом в пределах апеллятивной лексики, однако ономастическая система всячески препятствовала его проникновению в область собственных имен. На «взаимоотношения» двух систем всегда влияли как факторы лингвистического порядка, так и внеязыкового характера. При этом следует отметить, что именно экстралингвистические причины во многих случаях

оказывали решающее влияние на употребление артиклей (неопределенного и определенного) с собственными именами.

Определенный артикль. На протяжении веков испанский определенный артикль эволюционировал, обретая в каждую конкретную эпоху новые функции, при этом оставаясь «универсальным средством выражения индивидуальности» [469, с. 131]. В современном испанском языке определенный артикль с собственными именами (антропонимами) активно функционирует в трех сферах.

Во-первых, в составе имен и фамилий, осложненных предлогом **de**, например, *María de los Dolores*, *Fernández de la Mesa* (El País, 10.11.2002, p. 24), *José Angel de la Casa* (23.02.2003, p. 59).

В примерах, подобных приведенным выше, определенный артикль лишен семантической нагрузки. В других случаях артикль, при достижении им максимальной степени лексикализации, может быть полностью абсорбирован собственным именем. Подобное слияние наиболее характерно для фамильных имен (*López de Lacalle*, *Rodríguez Lafuente* — El Mundo, 22.03.2001).

Во-вторых, определенный артикль используется с именами вторичной номинации, прежде всего с прозвищами, псевдонимами, кличками, обладающими минимальной степенью ономатизации. Использование артикля свидетельствует о том, что эта группа именованых по-прежнему тесно связана с исходными апеллятивами. Артикль в этом случае является индивидуализирующим элементом, указывающим на род и число имени, а также на степень его известности для окружающих. В связи с этим К. Гарсия Гальярин отмечает, что «присутствие или отсутствие артикля перед прозвищными именами определяется транспарентностью его этимологии и морфологическими характеристиками» [102, с. 91], например, *El Gallo*, *El Gordito*, *El Espartero*. С другой стороны, если внутренняя форма прозвища не столь очевидна, оно может быть воспринято в ряду «чистых» личных имен и, как следствие, не требует использования определенного артикля. Стремление создать наиболее экспрессивное и лаконичное прозвищное имя зачастую вынуждает имядателя отказаться от артикля, если таковой постоянно используется перед личным именем (как это принято в сельской местности). Этот отказ делается в пользу уменьшительного или увеличительного суффикса, как наиболее экспрессивного морфологического элемента (*Currito*, *Jesulín*, *Lagartijo*, *Bombita*). Обычно используются без артикля прозвищные имена, состоящие из двух и более слов (*Cara Ancha*). В газетных статьях артиклевые прозвищные именованья в качестве социальной модели встречаются в первую очередь в публикациях, посвященных театральным, спортивным и другим зрелищным мероприятиям, так как в основном их носителями в Испании являются

тореро (*El Juli, El Gallo*), исполнители фламенко (*El Pipa, El Cigala, La Tati, El Falo*) и спортсмены (*La Cobra, El Canibal, El Grillo*).

И, наконец, определенный артикль употребляется с личными и фамильными именами. Факт вступления определенного артикля в область ономастики свидетельствует, по словам А.М.Скляренко, о его «формализации и превращении из индивидуализирующего элемента в знак индивидуализации» [469, с. 131]. Артикль перед фамильными в современном испанском языке помогает расширить семантический потенциал антропонимов, транслирует на них определенные коннотации, вызывая у получателя информации широкий круг ассоциаций.

В публикациях прессы чаще всего можно наблюдать употребление артикля перед собственными именами в сочетании с определениями. В этих конструкциях «имя собственное мыслится грамматически “определенным” всякий раз, когда то, ради чего делается сообщение, его смысл, его цель, заключено не в нем самом, а в каких-то существенных сведениях о нем» [271, с. 21]. Другими словами, артикль употребляется для «уточнения определенности уже известного лица» [429, с. 128]:

Este no es el Rivera torpe, cansino y pasota que hemos visto durante siete años, sino un torero de verdad, que disfruta y hace disfrutar (El País, 15.08.2004, p. 35).

К моменту произнесения этой фразы известный тореро, по мнению автора, изменился и не был уже похож на того Риверу (неуклюжего, вялого, безынициативного), которого публика знала на протяжении семи лет. Определенный артикль перед собственным именем служит дополнительным средством индивидуализации. Он подчеркивает принципиальное различие между Франсиско Ривера в прошлом и настоящем.

В следующих примерах определенный артикль также служит дополнительным средством индивидуализации референта, носящего данное имя, и конкретизации информации о нем:

[...] *era el Armstrong que pedaleaba de puntilla, como quien baila y flota, el Armstrong de las 115 pedaladas por minuto y el desarrollo ligero, el Armstrong que manejaba con habilidad y brío su bici especial* (El País, 27.08.2003, p. 33);

«Cómo era, según otros testimonios, el Camilo José Cela de los primeros años de la década de los cuarenta, el Camilo José Cela que ha decidido que va a ser escritor» (El País, 4.05.2003, p. 16).

Определенный артикль с антропонимами так же, как и в случае с именами нарицательными, маркирует значение «тот самый, известный», указывая на конкретное лицо либо на его устойчивую характеристику, известную нам из экстралингвистической информации о нем:

El gran Mastroianni repasa su vida y su carrera ante la cámara de Anna M. Tato (ABC, 19.04.2002, p. 102);

Una vez me dijo: «El George de The Beatles es sólo una camisa que llevé antaño». Quería decir que la gente le confundía con su imagen y que esa imagen era sólo una parte de sí mismo (El Mundo, 2.12.2002, p. 39);

В газетных публикациях также частотны случаи употребления определенного артикля в сочетании с фамилиями (реже с личными именами) известных женщин высшего общества, политических деятелей (женщин) и актрис. Данное явление Антонио Килис и Цезарь Эрнандес называли «итальянизмами» [193, с. 155], поскольку традиция писать имена известных певиц с определенным артиклем пришла в Испанию из Италии. Позже она распространилась в обществе, имплицитно не только указание на известность данного лица (*la Preysler, la Obregón, la Trini*), но и выражая высокую оценку профессионализма референтов (*la Thatcher, la Caballé*):

También nos preguntábamos qué tienen en común las que siempre ocupan los primeros puestos (Nati Abascal, la Preysler, Rosario Nadal, las Infantas...) (El Mundo, M2, 2.12.2002, p. 32);

La Obregón no posa en biquini porque en biquini, trapo arriba, trapo abajo, casi pasa el resto de la temporada (El Mundo / La Crónica de León, 22.08.2004, p. 64);

Estas palabras de la Trini las oía yo en un taxi justo a la altura de la casa del pintor Cristóbal Toral (El País / Domingo, 23.03.2003, p. 8);

Imponen una nueva condición, una foto autografiada de la Thatcher (El Jueves, 21—27.04.1982);

La Caballé cantó ante 18.000 personas (El País, 7.07.1998, p. 31).

М. Молинер отмечает, что если для женских имен и фамилий сочетание с артиклем является органичным, то его использование перед мужскими именами сообщает их носителям деспективную коннотацию [168, с. 264]. И в этом смысле безусловную прагматическую установку имело употребление определенного артикля с фамилиями известных политиков страны в период небывало активной политической жизни Испании эпохи перехода от тоталитарного режима к демократическому строю (конец 70-х — начало 80-х годов). Дело в том, что традиционно личные имена (или фамилии) с определенным артиклем используются лишь в просторечии. При этом артикль перед именем не сообщает последнему ни фамильярных, ни деспективных коннотаций [37, p. 65]. Однако подобное сочетание артикля никогда не было свойственно литературной норме испанского языка. Поэтому аллюзия, отсылающая к данному узусу артикля создавала комический эффект своеобразного «низвержения» с политического Олимпа некоторых деятелей партии и правительства (не только Испании, но и других стран) до уровня простого народа. Подобную негативную коннотацию определенной фамильярности приобретали и

имена спортсменов, и телеведущих, если они встречались в газетных статьях в сочетании с определенным артиклем (примеры из: [102, 114—115]).

*Si lo mejor que tienen para sustituir a Calvo sin pelo es **al Suarez**. Es que son poquísimos* (El País, 8.6.1982);

***El Fraga** con la calma de Carillo y el tipo de Landelino sería un rival temible* (El País, 3.10.1982);

***El Reagan** tiene una curiosa forma de entender el desarme. ¿Surrealista, gaga o no entiende?* (El País, 30.11.1982);

Как было отмечено выше, определенный артикль множественного числа характерен для антропонимов, называющих совокупность лиц, носящих одну и ту же фамилию (членов одной семьи, однофамильцев):

*Últimamente, en Cataluña los hermanos salen a pares, y a pares entran en política: **los Maragall, los Nadal, los Carod-Rovira**, y por ahí seguido* (El Mundo, 1.02.2004, p. 96).

Тот факт, что плюральные антропонимы не получают окончания множественного числа, доказывает, что они не являются деономатизированными апеллятивами.

По мнению В.Б. Кашкина, в выборе говорящим того или иного артикля играет роль не сам слушающий, а то, как оценивает его интеллектуальный потенциал говорящий, т.е. «получатель сообщения отражается в высказывании опосредованно, через антиципацию его инференции говорящим» [346, с. 144]. Таким образом, любой артикль в окружении текста может выступать в качестве своеобразного интерпретатора реальности, и во многих случаях только от автора (или говорящего лица) зависит, в каком плане ввести конкретное действующее лицо в текст повествования. Оно может вводиться как ранее известное, и тогда артикль будет его «определять», подчеркивая наличие у получателя предварительных сведений об объекте повествования, или артикль будет вводить лицо с точки зрения указания на какие-либо признаки и рассматриваться с точки зрения данных характеристик (данных конкретных из возможного множества им подобных). В этом случае существительное, выраженное именем собственным, грамматически оформляется как неопределенное и поэтому будет сопровождаться *неопределенным артиклем*.

В первую очередь неопределенный артикль перед антропонимом в сочетании с определением маркирует временную характеристику референта, как бы одно из преходящих эмоционально-волевых состояний личности. Данный стилистический прием активно используется в публицистике, так как может имплицитно передавать отношение автора к герою повествования, предлагать новые ракурсы для его характеристики:

...un Michael Douglas felizmente despojado de sus tics habituales... (ABC, 14.04.2002, p. 101);

...bailada por una María Vivó a la que hemos visto antes en mejor forma... (El País, 15.08.1998, p. 21).

Другим свойством неопределенного артикля, вытекающим из его первой функции, является способность сигнализировать о том, «что информация, выраженная определением, не входит в состав коммуникативной пресуппозиции, а либо расходится с ней, либо является гипотетической» [542]. Именно в динамике грамматического действия, по мнению В.Б. Кашкина, заключена сущность прагматической мотивированности неопределенного артикля: говорящий предполагает новизну и экзистенциальность в понимании слушающего до употребления артикля, хотя для него самого объект может быть и не нов [346 с. 109]:

El espectáculo es elegante... Con una Carmen Linares prodigiosa cuando canta y cuando se toca y se recoloca. Con una Lola Herrera recitando, luminosa y clara (El Mundo, 4.10.1998, p. 67);

Algunas de las más recientes son impagables, como la que muestra a Mónica Lewinsky sirviendo una enorme pizza a un Clinton que susurra: «Oh, Dios mío...» (El Mundo, 4.03.2001, p. 51);

Un Allen que rinde homenaje al cine negro de los años cuarenta en la piel de un experimentado investigador metido en el caso más difícil de su vida (ABC, 19.04. 2002, p. 102);

Jordi Soler descubre a un Dennis Hopper alcohólico y paranoico, adicto a las drogas y peligroso director, que es, por encima de todo, un gran actor que inició su carrera inspirado por el Marlon Brando de ¡Viva Zapata! (El País, 14.08.2004, p. 38).

Последний пример дает возможность проиллюстрировать тот факт, что общекатегориальная мотивированность артиклей находит отражение и в синтаксической мотивированности их использования. Неопределенный артикль в первом случае раскрывает личность известного актера с новой неизвестной стороны — параноикального алкоголика и наркомана. Во втором случае, употребляя определенный артикль, автор указывает на знаменитого (того самого) Марлона Брандо, играющего в фильме *¡Viva Zapata!*, ставшего источником вдохновения для молодого актера.

Помимо интродуктивной функции, понимаемой как первое упоминание автором референта с учетом знаний о нем получателя информации, неопределенный артикль обладает функцией обобщения. Аналогичную функцию осуществляет и определенный артикль, однако если имя с родовым определенным артиклем обозначает как бы весь класс целиком, неопределенно-артиклевая форма имени выделяет репрезентанта класса, поэтому «обобщающую функцию неопределенного артикля можно

было бы назвать также экземплярной (противопоставляя ее обобщающе-родовой функции определенного артикля)» [346, с. 146]:

Rodríguez Ibarra, que puede tener el afán de convertirse en un Robin Hood del tercer milenio, pero no quiere espantar a la banca, ha tenido cuidado de ofrecer - al tiempo que el tributo – compensaciones, en forma de deducciones por número de sucursales y por gasto en obra social (El Mundo, 7.03.2001, p. 3);

Izquierda también cargó contra la actitud del fiscal general. «Jesús Cardenal se ha convertido en el nuevo Robin Hood de las petroleras, a las que defiende para dar lo que la Administración recauda de los ciudadanos», señaló Juan Francisco Mendi, responsable de Comunicación de IU (El País, 15.03.2002, p. 19).

В первом случае речь идет о «некоем подобии Робин Гуду (благородному разбойнику) третьего тысячелетия», в то время как во втором фрагменте герой повествования Хесус Карденал стал, по мнению автора, истинным Робин Гудом (защитником обездоленных) для работников нефтяного транспорта.

Таким образом, в подавляющем большинстве проанализированных примеров «сочетания имени с определенным/неопределенным артиклем социально, эмоционально или ситуативно (прагматически) маркированы» [456, с. 117], что определяет эффективность использования в прессе данного приема, помогающего расширить и дифференцировать семантический потенциал личных именованных. Другим путем творческого осмысления коннотативного и лексического фона имен собственных является осуществление на их базе различных деривационных процессов. Детальному анализу специфики отантропонимического словообразования и основных его способов посвящается следующий раздел.

Деривационный потенциал испанских антропонимов. Особенности отантропонимического словообразования

Собственные имена (антропонимы) являются одним из разрядов имен существительных, и поэтому деривационные процессы данной группы слов проходят в общем русле образования производных слов, свойственном этой части речи.

Несмотря на то что в испанской лингвистике описывается самый широкий спектр проблем, связанных с изучением словообразования как особой подсистемы языка, специфика процессов, происходящих в сфере отантропонимического словообразования, еще не становилась предметом специального изучения. В этом параграфе предпринимается попытка восполнить данный пробел.

В первую очередь необходимо обратить внимание на понятие словообразовательной парадигмы, под которой понимается «набор производных, имеющих одну и ту же производящую основу» [329, с. 114]. Именно она воплощает закономерности механизма словообразования и определяет словообразовательный потенциал каждой лексико-семантической группы слов [328, с. 18]. Словообразовательные возможности антропонимов зависят от того, в каком «статусе» они выступают: являются ли они именами, называющими и идентифицирующими конкретную личность или выступающими в функции прецедентных имен.

В качестве называющих слов антропонимы образуют производные двух частей речи (существительного и прилагательного) со следующими деривационными значениями:

Часть речи производного	Деривационное значение
Существительное	уменьшительное / увеличительное (<i>Lolita, Carmencita, Azorin</i>)
	сторонник, последователь (<i>un franquista, un benetiano</i>)
	наименование учения, движения, течения (<i>el franquismo, el leninismo</i>)
Прилагательное	собрание материалов, документов (<i>la Chapliniana</i>)
	относящийся (к кому-л.) (<i>régimen franquista</i>) принадлежащий (кому-л.) (<i>estilo cervantino</i>)

После завершения процесса апеллятивации именных основ на базе прецедентных слов, признак уникальности антропонима переносится на обозначение класса денотатов и становится идентифицирующим признаком этноконнотата. Вследствие этого «этнокультурная маркированность антропонимов становится их коннотативным потенциалом во вторичной номинации» [288, с. 59], что делает возможным образование на их базе производных других частей речи (глаголов и наречий), а также существительных и прилагательных с новыми деривационными значениями. В конечном итоге это приводит к значительному расширению словообразовательной парадигмы антропонимов:

Часть речи производного	Деривационное значение
Существительное	имя «действия», «эффекта действия» (<i>garzonada, simancazo</i>)
	процесс действия; процесс придания признаков чему-л. (<i>lepenización, emberlusconamiento</i>)
Прилагательное	отвлеченный признак (<i>maquiavélico</i>)
Глагол	процесс, имеющий отношение к (<i>guillotinar, pasteurizar</i>)
Наречие	характерно, подобно, по аналогии с (<i>quijotescamente</i>)

Сопоставление двух парадигм показывает глубокое различие между формирующими их деривационными значениями. В первом случае базой

деривации служит денотативное значение слова, выражающее общее недифференцированное отношение к лицу, названному производящей основой. Функционально большинство производных близко родительному падежу имени собственного в русском языке, употребляемого для передачи любых отношений, которые могут быть выражены этим падежом (принадлежность, отношение, владение и т.д.). При этом производящая основа не будет обладать никакими другими коннотациями, кроме указания на определенное конкретное лицо, и в результате словообразовательного процесса произойдет лишь трансформация ее грамматической категории и синтаксической сочетаемости [246, с. 91]. Такие производные, значение которых «тождественно значению производящих», Е.А. Земская относит к подсистеме синтаксической деривации [327, с. 190]:

- *franquista* (сущ.) — partidario de Franco (последователь, соратник Франко);
- *franquismo* (сущ.) — régimen político de Franco (политическое учение Франко);
- *franquista* (прил.) — relativo a Franco (относящийся к Франко или его политике).

Деривационные значения, указанные в табл. 2, отличает бóльшая степень абстрагирования, так как они включают обобщенные семантические признаки, содержащиеся в когнитивной базе прецедентного имени и составляющие ядро инварианта его восприятия. В этом случае как сами антропонимы, функционирующие в текстах публикаций в качестве прецедентных слов, так и производные, сформированные на их базе, «оказываются “самодостаточными”, чтобы выразить нечто большее, чем очевидное и непосредственное значение знака» [362, с. 84]. Кроме того, только от сигнификативного значения базового слова возможно образование таких типов отантропонимических производных, как глагольные формы, отглагольные существительные, качественные прилагательные и наречия. Производные, значение которых «не тождественны значениям производящих», относятся к подсистеме лексической деривации [327, с. 190]. Эти значения описываются не способом отсылки к значению производящего, а «способом включения производящего в их толкование» [543, с. 48].

Существование двух словообразовательных парадигм у имен собственных определяет и специфику перевода на русский язык отантропонимических производных:

Ian Gibson me dijo una noche: «lo que más siento es no haber comido un día con Martínez Nadal». Quienes lo tratamos, sabemos que Rafael — gran testigo de su tiempo — se ha llevado muchos secretos lorquianos a la tumba (El Mundo, 7.03.2001, p. 8).

В приведенном предложении производное *lorquiano* является притяжательным прилагательным от имени испанского поэта Федерико Гарсии Лорки (*Federico García Lorca*) и поэтому на русский язык будет переводиться синтаксической конструкцией отношения родительного

падежа: «Мы, которые с ним общались, знаем, что Рафаэль, великий летописец своей эпохи, унес с собой в могилу многие *секреты Лорки*».

В другом примере: *Fue el único momento en que pensé que había algo fatídicamente kafkiano...* (El Mundo, 4.08.2002, p. 3) прилагательное *kafkiano* является не притяжательным, выражающим отношение принадлежности, а качественным, обозначающим характерологический признак, приписываемый носителями языка тому или иному денотату. В данном примере новообразованная лексема-прилагательное является производным словом, основанным на переносном (метафорическом) значении слова производящего, представленного именем собственным. Новое значение вербализует производный концепт от концепта культуры и характеризует ситуацию как *абсурдную, содержащую угрозу*. Такое восприятие действительности было свойственно не только мировоззрению, но и в целом всему творчеству австрийского писателя Франца Кафки (1883-1924). Поэтому одним из вариантов перевода предложения может быть следующий: «Был один-единственный момент, когда я подумал, что происходит что-то *зловеще абсурдное*»...

Следующий пример: *...donde reina un terror polpotiano y donde aterrizan y despegan cómodamente los aviones del narcotráfico* (El Mundo, 9.03.2001, p. 4). В нем производящей основой прилагательного *polpotiano* служит имя генерала Полпота, известного массовыми расправами и убийствами. Его имя в результате апелляции к прецедентной ситуации становится символом правителя — палача собственного народа, и все производные также «наполняются» новым содержанием, которое может быть актуализировано при их переводе на русский язык: «...где царит *террор геноцида собственного народа* и где без осложнений приземляются и взлетают самолеты наркотрафика». В данном предложении прилагательное *polpotiano* является качественным, определяющим политику страны как террор геноцида.

Таким образом, при метафорической мотивации из лексического значения производящего (в нашем случае это имена, обладающие богатым лексическим фоном) извлекается только один семантический компонент, который кладется в основу новой номинации, при этом вновь образованное слово является единственным носителем этого метафорического смысла [543, с. 52].

Другая особенность формирования новых дериватов на базе антропонимов связана с тем, что производящей базой для их образования может служить любой из компонентов полной модели именования референта. В большинстве случаев выбирается фамилия отца:

El hablante habló del guerrismo reducido a escombros (El Mundo, 21.06.1999, p. 7).

(в качестве производящей основы выбрана первая фамилия Альфонсо Герра (Alfonso Guerra), известного испанского политика, вице-председателя правительства Испании с 1982 по 1991).

Реже основой для деривации может стать имя политика (*fidelista* — от *Fidel Castro*, *felipista* — от *Felipe González*):

[...] *estaríamos dispuestos a hablar con los socialistas, aunque Borrell va a tener más problemas con el aparato y con los restos del **felipismo** que con Izquierda Unida* (El Mundo, 13.04.1998, p. 8).

Интересным, на наш взгляд, является и тот факт, что в языке прессы могут сосуществовать одновременно два производных, образованных один от имени (*fidelista*), а другой — от фамилии референта (*castrismo*), как в случае с дериватами от имени Фиделя Кастро (***Fidel Castro***):

*El negro Agramonte sigue siendo **fidelista**, pese a todo lo que ha llovido en estos 44 años.* (El País, 11.05.2003, p. 2);

(заглавие статьи) *El cuartelazo que parió el **castrismo*** (El País / Domingo / 20.07.2003, p. 8).

Крайне редко производные слова создаются на базе двучленных моделей имени референта (имя + фамилия или фамилия + фамилия):

*Los piquetes del **riosmonttismo** caminaban por las calles del sur de la capital destrozando la propaganda de los partidos rivales* (El País, 25.07.2003, p. 6).

Riosmonttismo — производное слово от имени Эфраин Риос Монтт (Efraín **Ríos Montt**), председателя Конгресса Гватемалы, выдвинувшего свою кандидатуру на пост президента страны.

*Todos a lomos de Rocinante, todos quiijotescos, pero maquillados para desprenderse de lo que quede de materialismo **sanchopancesco*** (El País, Domingo, 29.02.2004, p. 14).

В этом примере основой для деривата стало имя одного из героев романа М. Сервантеса «Дон Кихот» Санчо Пансы (*Sancho Panza*).

Производящей базой для создания новых слов могут служить также политические псевдонимы: от Ленин (В.И. Ульянов) — *leninista*, Сталин (И.В. Джугашвили) — *estalinismo* — и артистические имена — как, например, от артистического псевдонима испанского певца Рафаэля (*Raphael > raphaeliano*):

*Una vez en el poder, Fidel Castro y sus colaboradores más cercanos asumieron la ideología marxista-**leninista** y radicalizaron el programa originario de la Revolución* (El País, 25.07.2003, p. 12);

*Los cuatro ex consejeros socialistas le reprochan a Saavedra que su forma de entender la democracia se basa en una práctica “**estalinista**”* (El Mundo / La Crónica de Leon, Domingo, 1.02.2004, p. 26);

Pero las memorias del cantante, que presentó ayer el escritor en el Hotel Ritz de Madrid, llevan un nombre mucho más raphaeliano: ¿Y mañana qué? (El Mundo, 14.10.1998, p. 67).

Немало производных слов создается от двучленных собственных имен: *sanjuanero, sanjuanada, sanjuanino* (от имени святого Иоанна — *San Juan*) [246, с. 145].

Однозначно определить критерии выбора производящей основы невозможно. Морфологически определена словообразовательная база только для суффикса *-ano*, который образует дериваты не от имени референта, а от фамилии: «*hegemonía gonzaliana*» (El Mundo, 21.02.1996, p. 16). В остальных случаях, по мнению испанского лингвиста Рамона Нието, «объяснением и критерием выбора может служить эстетическое восприятие или фонетическое благозвучие (эуфония) того или иного образования» [178 Nieto 2000: 68].

Особенностью испанской системы отантропонимического словообразования следует считать и тот факт, что в ней ряд суффиксов, используемых в деривационных процессах, способны образовывать производные различных частей речи и различных значений. Так, например, суффикс *-ista* образует формы двух частей речи — существительного и прилагательного, имеющие следующие деривационные значения: в первом случае — «сторонник, последователь» (*los franquistas*), во втором — «относящийся к...» (*partido franquista*) и «характеризующий ч.-л.» (*práctica «estalinista»*).

Другой суффикс *-ano / -ana* также образует формы существительного и прилагательного, но его словообразовательный потенциал значительно шире, так как содержит уже пять значений производных: у существительных — обозначение лица, принадлежащего к какой-либо группе, религиозному ордену, политическому режиму (*los benetianos, los franciscanos*) и собирательное значение (*Chapliniana, Sanjuanada*); у прилагательных — значения принадлежности, характеристики и отношения (*influjo lorquiano, régimen polpotiano, estudios lorquianos*).

Следующей особенностью отантропонимического словообразования является орфография производных и их графическое изображение в тексте публикаций.

В предыдущих главах мы останавливались на вопросах переноса в испаноязычные тексты графической формы собственных имен, заимствованных из языков, письменность которых основана на латинице. Правило сохранения оригинальной орфографии имен распространяется и на все производные от них слова:

El profesor Luis de Sebastián lo ha definido como un «darwinismo social», porque ya no es el deseo del antiguo liberalismo de la libertad para todos (El País, 17.08.1998, p. 12);

La auténtica fecha de nacimiento de la social-democracia es el año 1875, cuando las corrientes originarias de romanticismo lassallista, teoría marxista y praxis emancipatoria se unieron (El País, 25.05.05, p. 12);

En lo que parece una revisión de posibles líneas de estilo, que ha pasado por el inicial período oficial bejartiano, el Ulliate Ballet vuelve sobre sus primeras y brillantes huellas con una segunda aproximación al ballet centroeuropeo (El Mundo, 2.12.2002, p. 42).

Таким образом, деривационные процессы на базе имен собственных обладают рядом специфических черт как на уровне функционирования словообразовательной парадигмы, так и в отношении всего морфолого-семантического процесса создания производных антропонимического происхождения. Далее мы рассмотрим основные способы создания новых лексических единиц антропонимического происхождения.

Основные способы отантропонимического словообразования, используемые испанской прессой

В процессе формирования новых слов антропонимического происхождения испанская пресса использует в основном три способа: морфологический, композиционный и семантический.

Морфологический способ представляет собою словообразовательный процесс на базе существующих в языке основ и деривационных морфем, а также правил их соединения в словесные единства. В большинстве случаев данный способ ведет к изменению грамматической категории слова, являющегося основой для лексического словопроизводства, например, словообразовательное гнездо производных от имени персонажа романа М. Сервантеса Дон Кихота, зафиксированных словарем VOX, представлено следующим образом: *quijote* (сущ.) — *quijotería* (сущ.) — *quijotescamente* (нареч.) — *quijotesco* (прил.) — *quijotil* (прил.) — *quijotismo* (сущ.) [69, с. 1328].

В испанском языке «аффиксация является самым активным, гибким и богатым способом морфологического словообразования» [91, с. 419]. Из двух ее видов: суффиксации и префиксации — суффиксацию следует признать наиболее продуктивным путем производства новообразований как апеллятивной, так и проприальной лексики, а суффиксальные модели — наиболее частотными.

Ранее мы рассмотрели роль экспрессивно-оценочных суффиксов (увеличительных, уменьшительных или гипокористических) в образовании личных имен субъективной оценки, не образующих новых лексем, но привносящих в имя оценочную семантику.

Проведенный анализ собранного материала показал, что наиболее продуктивным суффиксом в системе испанского отантропонимического

словообразования является суффикс *-ismo*. Использование в политическом дискурсе дериватов с суффиксом *-ismo* делает текст идеологически более авторитетным, придает ему официальный (иногда неоправданно возвышенный) тон и определенную наукообразность, так как зачастую с участием данного суффикса образуются терминологические слова для обозначения различных явлений политической и социальной жизни общества. Использование в текстах публикаций подобных дериватов во многом экономит пространство газетной полосы, «синтезируя в одном слове то, что в противном случае потребовало бы развернутых комментариев и пояснений» [91, с. 422]. Многие слова, образованные с помощью этого суффикса, описываются словарями как самостоятельные лексические единицы, например: *maquiavelismo* [69, с. 1013], *kantismo* [69, с. 939], *kennedismo* [69, с. 940] и т.д. И в этом случае в публикациях прессы они никогда не выделяются курсивом. К числу политических терминов, совсем недавно получивших официальный «статус», относится образование «*felipismo*»:

[...] *estaríamos dispuestos a hablar con los socialistas, aunque Borrell va a tener más problemas con el aparato y con los restos del felipismo que con Izquierda Unida* (El Mundo, 11.05.98, p. 8).

По нашим наблюдениям, термин «*felipismo*» является наиболее частотным как в политическом дискурсе многих политических деятелей, так и в публикациях испанской прессы, причем важно заметить, что в зависимости от контекста этот термин может нести различные оттенки значения, иногда прямо противоположные. С одной стороны, «*felipismo*» коннотируется как воплощенная в жизнь политическая доктрина социал-демократии или как достаточно продолжительный период истории страны, когда у власти стояла Социалистическая рабочая партия Испании (PSOE) во главе с Фелипе Гонсалесом. С другой стороны, текстовое окружение термина зачастую влияет на семантику новообразования, сообщая ему негативную оценку: «*el felipismo bonapartista*» (El Mundo, 16.02.1996, p. 9), «*el felipismo sectario*» (ABC, 2.03.1996, p. 60), «*los capos del felipismo*» (El Mundo, 18.02.1996, p. 24). Обычно негативные коннотации термина как символа коррупционной политической власти встречаются в публикациях консервативной прессы (ABC, El Mundo), реже в газете *El País*, которая является печатным органом Социалистической рабочей партии Испании (PSOE).

Образования на базе личных имен политиков в настоящее время являются достаточно распространенным явлением в газетной публицистике. Однако, в первые годы демократических преобразований дериваты данного типа не были столь многочисленны, и только после 1986 года деятельность и харизма некоторых политических деятелей страны способствовали появлению в публикациях прессы подобных лексических

новообразований: *camachismo* (от имени А. Камачо, генерального секретаря Компартии Испании); *suarismo* (от имени Адольфа Суареса, Председателя правительства Испании); *aznarismo* (от имени Председателя правительства Испании Хосе Мария Азнар (1996—2004)); *pujolismo* (производное от имени Джорди Пужола (Jordi Pujol) (р. 1930), президента Женералитата Каталонии (с 1980)); *solchaguismo* (термин, обозначающий политическое и экономическое учение Карлоса Солчаги (р. 1944), одного их министров правительства Ф. Гонсалеса).

Всего в ходе исследования было выявлено 15 производных с суффиксом *-ismo*, образованных на базе только имен современных политиков (в основном Испании и Латинской Америки).

Наряду с суффиксом *-ismo* с конца 70-х годов XX в. в публицистике обнаруживает высокую активность в производстве имен лиц от существительных семантической группы имен собственных суффикс *-ista*. По мнению Н.Д. Арутюновой, «в испанском языке отыменная деривация с элементами *-ismo*, *-ista* приближается к идеалу продуктивности. Строение таких моделей предельно гармонирует с грамматическим строем языка и закономерностями развития его лексики» [246, с. 68].

Суффикс *-ista*, как и суффикс *-ismo*, является интернациональной морфемой и также служит для образования научных и общественно-политических терминов. Легкости соединения суффикса с производящими основами любого строения способствуют его морфофонематические свойства. В большинстве случаев соединение основы с суффиксом происходит без явлений взаимоприспособления морфов: *fidel-ista*, *pujol-ista*, *peron-ista*, *mao-ista*, *bonapart-ista* и др. В других случаях при сочетании с основами возможно усечение конечной гласной или конечного слога фонемы: *Zapato* — *zapat-ista*, *Zedillo* — *zedil-ista*, *Felipe* — *felip-ista*. Следует обратить внимание, что при изменении базового имени может быть изменена и его орфография с целью сохранения фонетической формы имени: *Franco* — *franqu-ista*, *Fraga* — *fragu-ista*.

Отличительной семантической особенностью суффикса *-ista* является то, что с его помощью формируются только слова, обозначающие имена лиц, и никогда не именуются предметы. Производные с суффиксом *-ista* образуют несколько четко очерченных тематических групп: «специалист по...», «последователь...», «член...», «спортсмен», «музыкант». Вне этих групп активность форманта невелика. Для прессы характерно использование суффикса в словообразовательных процессах на базе имен собственных (антропонимов) для создания лексических единиц с обозначениями последователей, сторонников тех политических деятелей, имена которых составляют деривационную основу:

Antes de llegar al Gobierno, Aznar era un thatcherista especializado en denunciar el despilfarro socialista frente a la lacra del paro (elpais.es. — Edición Impresa-Opinión, 28.01.2002);

El peronista Néstor Kichner, de 53 años, inaugura hoy, con su investidura como presidente de la república, una nueva etapa en Argentina (El País, 25.05.2003, p. 2).

В публикациях последнего времени наряду с наиболее употребительными политическими терминами, возникшими на базе собственных имен и ставшими словарными формами (*leninista, marxista, franquista, carlista*, etc.), стали употребляться и совсем новые производные от имен известных современных политиков: *fraguista* (от имени Мануэля Фрага (Manuel Fraga), р. 1922, испанского политика); *guerrista* (от имени Альфонсо Герра (Alfonso Guerra), р. 1940, заместитель генерального секретаря Социалистической рабочей партии Испании (PSOE)); *fujimorista* (от имени бывшего президента Перу Фудзиморо); *putinista* (от имени нынешнего премьер-министра Российской Федерации Владимира Путина) и др.

Суффикс *-ista* является одним из испанских суффиксов, с помощью которых возможно образование производных двух частей речи: существительного и прилагательного. При этом прилагательные могут реализоваться в предложении в двух деривационных значениях: отношения и качественного признака.

Например, в нижеприведенном предложении в словосочетании «*partido marxista*» производное «*marxista*» имеет значение «(партия), идеологией которой является учение Маркса» (относительное прилагательное):

En un principio, el partido marxista Frelimo nacionalizó las propiedades de la Iglesia, entre ellas los colegios (El País, 10.03.2003, p. 38).

Несмотря на то, что в сфере имен прилагательных наиболее активны относительные прилагательные, для газетно-публицистического стиля последнего времени характерной чертой является отантропонимическая деривация на основе метафорического переосмысления мотивирующего слова, в котором ведущую роль играет актуализация коннотативного комплекса имени собственного, составляющего производную основу. Результатом этого процесса является создание качественных прилагательных, наиболее часто маркирующихся посредством отантропонимических оценочных лексем или прецедентных имен. Так, в следующем примере производное слово «*estalinista*» через прецедентную ситуацию воспринимается как качественное прилагательное со значением «(практика) репрессий»:

Los cuatro ex consejeros socialistas le reprochan a Saavedra que su forma de entender la democracia se basa en una práctica «estalinista» (El Mundo / La Crónica de León, Domingo, 1.02.2004, p. 26).

Следующим в рейтинге наиболее активных словообразовательных суффиксов и самым полисемичным следует назвать формант **-ano / -ana**. Как было указано выше, его основными значениями у отантропонимических производных являются: 1. — сторонник, последователь: *las franciscanas hospitalarias*; (El País, 10.03.2003); 2. — принадлежащий к (к.-л.): *secretos lorquianos* (El Mundo, 7.03.2001); 3. — характеризующий (ч.-л.): *este Barca vangaaliano* (El País, 26.01.2003); 4. — относящийся к (к.-л.): *régimen batistiano* (El País, 20.07.03); 5. — сообщество людей; собрание материалов, документов о (к.-л.): *orteguiana minoría selecta* (El Mundo, 22.03.2001); *poner en escena «Chapliniana»* (El Mundo, 22.08.2004).

К другим суффиксам, образующим производные основной словообразовательной парадигмы антропонимов, а именно — притяжательных и относительных прилагательных, относятся следующие: **-eño, -eña; -sco, -sca; -ico, -ica; -il** и др. Их значения выражают общее недифференцированное отношение к лицу, названному производящей основой. С одной стороны, подобные прилагательные функционально близки родительному падежу имени собственного. С другой стороны, в связи с тем, что семантической основой имени прилагательного является понятие качества, в процессе словообразования отантропонимических прилагательных наблюдается тенденция к развитию их качественных значений. В этом случае объем понятия, выраженного собственным именем, уже не будет совпадать с представлением, содержащемся в качественном прилагательном, и переход от производящего к производному имени будет происходить не по прямой линии, как в случае с притяжательными прилагательными, а через обязательную апеллятивацию имени собственного. Основой апеллятивации (т.е. семантического наполнения) личных имен, как было указано выше, является их переход в разряд прецедентных:

*Marulanda dispone ya, por graciosa concesión **pastranil**, de un territorio particular más grande que Suiza...* (El Mundo, 9.03.2001, p.4).

В данном предложении словосочетание «*concesión pastranil*» может быть трансформировано в сочетание, выражающее значение отношения: «*concesión de Pastrana*» («уступка Пастраны», президента Колумбии). В следующем примере выражение «*maquiavélica imaginación*» уже содержит отантропонимическую метафору, созданную на базе собственного имени Никколо Макиавелли (1469—1527), писателя и политического деятеля Флоренции при династии Медичи, которая переводится как «изоощренное, воображение»:

La maquiavélica y retorcida imaginación a la hora de idear nuevas formas con las que introducir inmigrantes ilegales en la Península parece no tener fin (El Mundo, 2.12.2002, p. 20).

Усиление категории качества проявляется также в активизации периферийных значений некоторых испанских суффиксов, содержащих экспрессивную (чаще негативную) оценку признака через его отношение к тому, что обозначено производной основой, то есть к определенному лицу. Чаще всего такую стилистическую функцию выполняют дуплетные суффиксы, используемые наряду с более характерными и частотными словообразовательными формантами для тех или иных отантропонимических образований. Так, суффикс **-ista** выражает абсолютно нейтральное наименование отношения к лицу, например, «*felipista*» от имени Фелиппе Гонсалеса (Felipe González), бывшего председателя испанского правительства: «*herencia felipista*» (ABC, 25.03.1996, p. 22), «*poder felipista*» (ABC, 29.02.1996, p. 29), «*dialéctica felipista*» («El Mundo», 27.03.1996, p. 72) и т.д. В то же время производные от той же основы образования на **-esco (-esca)** будут резко отличаться характером своего значения от лишенных экспрессивной окраски образований на **-ista**, придавая пейоративный оттенок дериватам: «*la advertencia felipesca*», «*la hegemonía felipesca*» (ABC, 2.03.1996, p. 60). Однако, следует подчеркнуть, что суффикс **-esco** не всегда имеет экспрессивную окраску. В других контекстах он является эмоционально нейтральным (*obra dantesca* = «творчество Данте»). Стремление к негативной оценке лица прослеживается и при выборе суффикса **-áceo** для образовании прилагательного «*leguináceo*» от фамилии Leguina, построенного по аналогии с прилагательным «*gallináceo*» («куриный»). Уничтожительность значения данного прилагательного связано с тем, что суффикс **-áceo** принимает участие лишь в образовании биологической и зоологической терминологии [91, с. 425].

Суффикс **-azo** принадлежит к группе увеличительных суффиксов и образует слова, присоединяясь к основе существительных. Зачастую в семантике новообразований прослеживается параллель значения большого объема или размера предмета с его негативной характеристикой как чего-то безобразного и отталкивающего. Однако в последнее время лингвистами было отмечено, что все чаще суффикс **-azo** используется для образования новых слов со значением удара, стремительного действия. Особенно активно с помощью данного суффикса формируются слова на базе личных имен. Причем следует обратить внимание на тот факт, что суффикс **-azo** образует имена существительные только мужского рода от личных имен как мужских, так и женских. Чаще всего областью функционирования подобной лексики является политический дискурс. По мнению Мервина Ланга, суффикс **-azo** наиболее продуктивен при формировании

современной политической терминологии в странах Латинской Америки, и основным значением подобных образований является государственный переворот [134, с. 153]. Испанский лингвист Леонардо Гомес Торрего, также признавая факт «активности» и высокой продуктивности суффикса *-azo* в словообразовательном процессе, предлагает рассматривать семантическую базу производных с этим суффиксом в более широком контексте удара или действия вообще [112, с. 58]. В этом случае основы новых слов будут указывать на того, кем был совершен удар (переворот, акт, действие), а суффикс — отношение орудийности:

Luego, el diputado tráfuga se aferró a lo que él llama «el simancazo», un acuerdo electoral del por entonces candidato socialista Rafael Simancas con la asociación de gestora de cooperativas de vivienda Agecovi (El País, 25.07.2003, p. 13).

simancazo — от имени испанского политического деятеля Рафаэля Симанкас (Rafael Simancas) было образовано слово, характеризующее скандально известное соглашение, подписанное в ходе предвыборной кампании кандидатом от Социалистической партии с советом директоров одного из строительных кооперативов столицы.

Некоторые испанские лингвисты считают, что в недалеком будущем суффикс *-azo* приобретет более обширный семантический контекст, обозначая любое неожиданное действие, вызванное лицом, на которое указывает базовая основа деривата, вызывающее удивление или эмоциональное потрясение [184, p. 4]:

El almodovarazo que dio ayer «Todo sobre mi madre» durante su proyección matinal... (ABC, 16.05.1999, p. 48);

almodovarazo — таким образом журналист передал то эмоциональное потрясение, которое он испытал после просмотра фильма «Все о моей матери» («Todo sobre mi madre») известного современного испанского режиссера Педро Альмодовара (Pedro Almodóvar).

С производными на *-azo* семантически сближаются новообразования с формантом *-ada*, так как из многочисленных значений данного суффикса в публикациях прессы наиболее активны существительные со значением действия («выходка») или удара («неожиданный поступок», «действие, идущее вразрез с общепринятыми нормами поведения»). Однако деривационные основы образований на *-azo* и на *-ada* будут различаться. В первом случае производящей базой выступают только фамилии, а во втором она включает как имена, так и фамилии референтов: «*las javieradas y las carlistadas*» являются дериватами от личных имен *Javier Arzallus* и *Carlos Garicoechea* (El Mundo, 19.02.1996, p. 10), «*garzonada*» — производное от фамилии *Garzón*:

Las formaciones nacionalistas coincidieron ayer en calificar de «garzonada» la detención de los 15 miembros de Haika, y en poner en duda el

rigor jirídico con el que se ha desarrollado esta operación (El Mundo, 7.03.2001, p. 9);

garzonada — производное от имени судьи Бальтасара Гарсона (Baltasar Garzón), чье имя в националистически настроенных кругах Испании является символом беззакония и попрания гражданских прав.

Суффикс **-mente** в испанском языке служит для образования наречий образа действия. Следует отметить, что только наречия данного вида формируются на базе качественных прилагательных, в том числе образованных от антропонимов: **Garzón** — *garzoniano* — *garzonianamente*; **Quijote** — *quijotesco* — *quijotescamente*:

...la norma de prisión sin juicio previo se está volviendo garzonianamente laxa (ABC, 10.01.1999, p. 4);

Si a Mijatovic le duele la guerra de su país [...] tiene dos opciones: una la quijotescamente noble de pedir la excedencia... (ABC, 6.04.1999, p. 5).

Суффикс **-mente** — один из немногих суффиксов, у которых транспозиция составляет основное и даже единственное содержание. Н.Д. Арутюнова пишет, что «роль этого элемента сводится к передвижению прилагательных в категорию наречий. Никакой иной функции этот суффикс не несет, не обладает он также эмоционально-стилистической окраской» [246, с. 90].

Суффикс **-ar** является в испанском языке единственным суффиксом, с помощью которого возможно образование глаголов от именных основ. Некоторые лингвисты как, например, Нуньес Кабесас, называют его «*sufijo generalizador de verbos*» (суффикс, производящий глаголы) [181, p. 286]. Другие считают, что в образовании отыменных глаголов принимает участие суффикс **-izar (-yzar)**, например: Arrabal — *arrabalizar*, Dalí (всемирно известный художник-сюрреалист) — *dalinizar*, Van Gaal (тренер футбольного клуба «Барселона») — *vangaalizar*, Jodorowsky (Александр Ходоровский, украинский писатель) — *jodorowskyzar* и т.д. [184, p. 2]. Для данного исследования принципиально важным является то, что морфологически основы вторичных глаголов функционируют как полноценные глаголы, и поэтому на их базе могут быть образованы другие глагольные формы (причастия и деепричастия), а также существительные со значением действия и результата действия и прилагательные с активным, пассивным и модальным значениями. Кроме этого, сами глаголы могут принимать участие в формировании различных времен:

Si Arrabal ha arrabalizado al Greco, si Dalí ha dalinizado el universo, yo aspiro a desjodorowskyzar el globo (ABC, 16.05.1999, p. 28).

Данный пример служит подтверждением тезиса о том, что основы вторичных (отыменных) глаголов могут быть использованы для образования форм причастия (при участии суффикса **-ado** I спряжения) — *arrabalizado*, *dalinizado*, а также деепричастий, как в следующем примере,

где в качестве производящей основы деепричастия выступает фамилия колумбийского президента Пастраны (Pastrana):

Mientras el Ejército colombiano se ha quedado en la mitad. ¿Apoyo popular de Marulanda? Un 2%. Y España, pastraneando (El Mundo, 9.03.2001, p. 4).

Следует отметить, что если большинство глаголов на **-izar**, образованных от имен нарицательных, стали общеупотребительными и вошли в состав языка (*alfabetizar, protocolizar, avanzar, etc.*), то производные от глаголов, в основе которых лежат антропонимы, чаще всего остаются окказиональными словами, т.е. лишь однажды созданными в том или ином контексте публикаций, хотя существуют и слова словарного узуса, например, *pasteurizar* [69, p. 1197] — от имени ученого Л. Пастера (*Pasteur*) или *guillotinar* [69, p. 825] — от имени французского врача Ж. Гийотена (*Guillotin*).

Кроме собственно глагольных форм, от отыменной основы глагола при помощи существующих в языке словообразовательных морфем могут быть созданы также слова, принадлежащие к другим частям речи. Так, суффиксы **-ción** и **-miento** образуют в испанском языке абстрактные отглагольные существительные со значением «процесс действия», «процесс придания признаков чему-л.». Производные с этим суффиксом практически не имеют ограничений в сферах функционирования: они свойственны языку науки и техники, деловой речи и языку публицистики. Семантика подобных новообразований заключается в обозначении процесса наделения тем, что называет базовая именная основа, процесса придания признаков, свойственных тому, что называет базовая основа:

Esta lepenización del discurso de Aznar y de los tres candidatos a la sucesión — Mariano Rajoy, Rodrigo Rato y Jaime Mayor Oreja — recuerda un poema de Constandinos Cavatis (El País, 4.05.2003, p. 26).

Словообразовательная цепочка данного производного следующая: *Lepen* (французский политик известный своими крайне националистическими взглядами) — *lepenizar* (делать что-либо, руководствуясь националистическими идеалами) — *lepenización* (del discurso) — (наполненность речи националистическими лозунгами и идеями).

Pero aun más detestable me parece el declarado propósito aznarí de incorporar incondicionalmente al emberlusconamiento anglorromano una nación entera (ABC, 5.01.2003, p. 3).

Новая лексическая единица образована на базе фамилии известного итальянского политика, владеющего всеми СМИ на территории Аппенинского полуострова, что дает ему практически безграничные возможности манипулирования общественным мнением.

Производное слово последнего предложения образовано по примеру парасинтетических конструкций, т.е. с одновременным участием и

префикса, и суффикса. В этом случае приставка и суффикс, выступая одновременно в качестве словообразовательной морфемы, составляют по своему существу дистантную биморфему, образующую рамочную конструкцию, в которую «вкладывается» образующая основа или слово. Данный термин впервые был введен профессором Н.М. Шанским и был описан на примере производных русского языка [537, с. 282]. На наш взгляд, принцип рамочной конструкции применим и в системе испанского словообразования, так как в сфере испанских имен существительных, прилагательных и глаголов, образованных от личных имен, в качестве первого элемента конструкций обычно выступают приставки пространственной или отрицательной семантики (*contra-, anti-, des-, en-*), а в качестве второго, как правило, суффиксы *-ista, -ismo, -ción, -ar*:

¿Se desvangelizará el fútbol español en 1999? (ABC, 22.12.1998, p. 67) ;

...yo aspiro a desjodorowskyzar el globo. (ABC, 16.05.1999, p. 28);

Todo esto se nos ha ocurrido al contemplar el rigor con el que se ha desulisado el Ulises, que debería ser un ejemplo de cómo desquijotizar el Quijote (El País, 2.07.2004, p. 88);

El programa está planteado como una alternativa a los cotilleos, una especie de contramarujismo que esperamos que funcione (El País, 21.09.2003, p. 75);

«El canto de búho. La vida en el monte de los guerrilleros antifranquistas» (Oberon), presentado ayer por su autor, Alfonso Domingo alude a una de las contraseñas a la que los guerrilleros antifranquistas recurrían para no ser descubiertos por la Guardia Civil (abc.es. Cultura-Libros, 22.11.2002).

Данный префиксально-суффиксальный способ словообразования, по мнению испанского исследователя Фернандеса Гарсии, является наиболее продуктивным в испанском языке [91, p. 419]. Однако, в процессе отантропонимического словообразования он не столь активен в силу ограниченного количества приставок, сочетающихся с личными именами.

Наиболее активно в испанской прессе «эксплуатируются» приставки с общим значением противоположности и отрицания (*anti-, contra-, des-*), так как в них заложен огромный критический и эмоциональный потенциал столь необходимый в политической борьбе идеологий и мнений при выражении партийных позиций. Безусловным лидером этой группы является приставка *anti-*, которая соединяется с любой лексической базой. В сочетании с существительными она выражает значение противоположности или отрицания (*antifranquismo, antifelipismo*) а в сочетании с прилагательными лидирует значение противодействия — «направленный против» (*antifranquista, antisandinista*).

Приставка **contra-** является полным синонимом префикса **anti-** со значением «противоположность» или «противодействие» (**contramarujismo**).

Приставка **des-** обозначает противоположное действие или явление:

Parodiando la canción de los años sesenta, hay que desalambrear, hay que desfelipizar, si se me permite el barbarismo, y eso no supone una pasada por la derecha sino un baño de regeneración democrática (ABC, 27.02.1996, p. 18).

Следующую группу наиболее употребительных приставок составляют префиксы с временными значениями: **pos(t)-**, **neo-**. Теоретически любая из перечисленных приставок может активно функционировать в процессе словопроизводства, имеющего индивидуальный характер: **post-pujolismo** (El País, 1.03.1996, p. 17), **posfelipismo** (ABC, 21.02.1996, p. 23), **neogaullista** (El Mundo, 7.03.2001, p. 17).

Самостоятельно префиксы могут участвовать в процессе словопроизводства, но слов с новыми лексическими значениями образовывать не будут, так как в испанском языке, как и в других языках, приставки, присоединяясь к той или иной лексической базе, не могут ее перевести в другую часть речи. Поэтому личное имя в сочетании с приставкой останется личным именем, хотя в новую коннотацию слова и будет включено значение конкретного словообразовательного форманта, например, **anticruiff** (El País, 16.01.2005, p. 52) (от имени голландского футболиста Иохима Круиффа) переводится как «противоположность Круиффу».

Композиционный способ, или способ словосложения, состоит в морфологическом соединении двух или более основ. В результате образуется сложное слово, или композит (лат. *compositus, a, um*) [377, с. 469]. Соединяться при сложении могут полные корни и усеченные, а также основы и целые слова (как нарицательные, так и собственные) в определенной грамматической форме.

Как показывает анализ нашего материала, данный способ в отантропонимическом словообразовании является менее продуктивным по сравнению с аффиксальным. Несмотря на теоретически неограниченные потенциальные возможности композиционного способа, на практике нами был зафиксирован лишь один случай использования сложного слова, хотя и активно эксплуатируемого в публикациях прессы: **Trinimaratón**. Данное производное состоит из гипокористического имени одного из руководителей Социалистической рабочей партии Испании (PSOE) **Trinidad Jiménez (Trini)** и нарицательного «**maratón**» (бег на длительную дистанцию):

En el primero de los almuerzos del Trinimaratón, Jiménez respondió contundente cuando se le comentó que ella, sin experiencia en la gestión, no

tenía nada que perder: «Tengo que ganar. No por mí, por Zapatero» (El Mundo, M2, 2.12.2002, p. 8).

При анализе данного образования представляет интерес тот факт, что если в декабре 2002 года оно являлось лексическим окказионализмом (и, следовательно, выделялось в публикации курсивом), то по прошествии трех месяцев, вследствие частого воспроизведения данного неологизма в текстах публикаций, он полностью лексикализовался и превратился в самостоятельную единицу языка, имя нарицательное со значением: «предвыборная кампания» или, более узко, «этап предвыборной кампании»:

*De hecho, fue Jiménez quien abrió la veda electoral el pasado noviembre con su primer **trinimaratón** (ahora va por el segundo): 70 actos por toda la ciudad en siete días* (El País, 10.03, 2003, p. 23).

Семантическое словопроизводство, или лексико-семантическое, заключается в переосмыслении существующих слов. В рамках отантропонимического словообразования данный способ словопроизводства связан с процессом перехода антропонимов в нарицательную лексику. В результате перехода ИС в нарицательное исходное имя теряет свойство единичной номинации, но увеличивает свой семантический объем, так как теперь характеризует целые классы однородных предметов. При этом, как указывала К.А. Левковская, «новое значение не возникает на пустом месте, оно должно опираться на предшествующее значение, которое частично удерживается в новом. Из состава предшествующего значения при этом выделяется признак, опосредствующий переход к новому значению» [372, с. 88]. В числе важнейших факторов, способствующих переходу онимов на уровень апеллятивной лексики многие ученые [292; 361; 307; 442] отмечают актуализацию прецедентного компонента содержания онима, его культурно-мифологических, социокультурных коннотаций. Этот этносоциокультурный базис создает «обширный и качественно сложный лексический фон, придающий конкретному имени «неповторимый облик» [292, с. 98].

В испанском языке омонимичные антропонимам апеллятивы образуются преимущественно от фамилий (*hooligan, pichichi*). Однако в прессе частотны и производные, образованные от личных имен (*lolita, benjamín(a), maría, lazarillo*). Некоторые из них являются окказиональными образованиями и поэтому выделяются в текстах публикаций курсивом, другие вошли в словарный состав языка в качестве имен нарицательных:

*La noche anterior de nuevo los salvajes **hooligans** provocaron graves disturbios en la cercana Zúrich* (El País, 30.03.2003, p. 51);

hooligan — в основу данного производного легла фамилия ирландца J. Houlihan, известного своими дебошами и недостойным поведением. Эквивалентно рус. «хулиган» — тот, кто грубо нарушает общественный

порядок, проявляет неуважение к достоинству человека, бесчинствует [364, с. 778]:

*Precisamente Ronaldo, consagrado oficialmente como rey del mundo por sus dos goles en la final del Mundial (ocho a lo largo de todo el torneo: el **pichichi**), ha sido sólo el sorprendente segundo de la votación periodística (elpais.es. — Edición Impresa-Deporte, 3.07.2002);*

pichichi — это прозвище известного испанского футболиста Рафаэля Морено (*Rafael Moreno*), ставшего великой легендой испанского футбола. В настоящее время в стране существует премия лучшему бомбардиру национальной футбольной лиги, носящая его имя. Футболиста, удостоенного этой премии, в прессе называют «pichichi».

*Es curioso lo que entiende el común de los ciudadanos por el mundo personal de un pintor: Balthus pintaba **lolitas**, Botero pinta gordos, Morandi pintaba botellas y vasos, Miró pintaba monigotes, Tapies pinta cruces y paredes estropeadas, y así (El Mundo, 9.03.2001, p. 59);*

lolita — от имени героини одноименного романа В. Набокова «Лолита». Так же, как и в Италии, в Испании это имя коннотируется как «малолетняя проститутка соблазнительной внешности, ведущая недостойный образ жизни».

Заголовок статьи: «Lazarillos turísticos de Córdoba». В ней речь идет об индивидуальных туристических гидах, услуги которых администрация гостиниц Кордовы предлагает своим гостям (**lazarillo** — диминутив от личного имени Лазарь (*Lázaro*), главного действующего лица плутовского романа «Ласарильо из Тормеса». В качестве нарицательного имени используется для обозначения человека или собаки, сопровождающих человека, нуждающегося в их помощи [69, p. 956].

*De porte menos aristocrático, Sojo es el **benjamín** (El País, 15.08.2004, p. 54);*

Benjamín — от имени Бенжамин, младшего сына библейского Иакова. Как нарицательное имя имеет значение «младший и любимый сын своих родителей, всеобщий любимчик» [69, p. 215]. Следует отметить, что в процессе эволюции под влиянием гендорного фактора узус нарицательного имени «benjamín» расширяется и приобретает значение женского рода:

*Quien también falló fue la **benjamina** de los Casiraghi-Grimaldi, Carlota (El Mundo / Crónica de León, 4.08.2002, p. 8).*

Одно из значений апеллятива *maría*, образованного от личного имени *María* (hebr. *Miriam*), относится к студенческому жаргону и означает «второстепенный предмет в учебном плане» [69, p. 1017]. Этот термин довольно часто встречается в текстах печатных СМИ, т.к. в журналистике в последнее время четко обозначилась тенденция использования в текстах политического дискурса различных спортивных терминов, жаргонных слов,

сленга для придания публикациям большей демократичности, выразительности и экспрессии:

*Este ministerio no va a ser una **maría**, en el Gobierno, yo vengo a ejercer un trabajo muy socialista como es corregir las desigualdades* (Cambio, 25.07.1988, Citado por Félix Rodríguez, Prensa y lenguaje político, p. 115);

*En pleno Consejo Europeo el vicepresidente económico del Gobierno español, Rodrigo Rato, susurro la frase a Josep Piqué, titular de una cartera que, a tenor del comentario de Rato, fue ayer **la maría** de las asignaturas pendientes de la cumbre de Barcelona* (El País, 17.03.2002, p. 8).

В обоих примерах речь идет либо о нецелесообразности образования нового министерства, либо о неважности одного из обсуждаемых вопросов на заседании Евросовета.

В современном испанском языке на базе одного из производных от имени María — Maruja также было создано новое слово «maruja» с лексическим значением «домохозяйка, женщина с низким культурным уровнем» [66, с. 1460].

Кроме разговорных форм испанского языка, на страницах газет можно встретить и разговорные формы отантропонимических апеллятивов иностранного происхождения, например, англ. «bobby» — бытующее в Великобритании неофициальное обозначение полицейского (особенно лондонского). Bobby является уменьшительным вариантом имени Robert; по имени Роберта Пиля (Robert Peel), реорганизовавшего лондонскую полицию в 1829 г. [447, с. 80]:

Desde entonces, mi admiración por los **bobbies** británicos es ilimitada y no tengo el menor empacho en proclamar a gritos, a quien quiera escucharme, que la policía inglesa es la mejor del mundo (El País, 10.11.2002, p. 17).

Необходимо отметить, что апеллятивная лексика антропонимического происхождения, вошедшая в словарный состав языка, отличается нейтральной модальностью. В тоже время окказиональные семантические дериваты оказываются более экспрессивными и поэтому нередко выступают в предложении в роли отантропонимических оценочных лексем. Л.А. Кудрявцева полагает, что «значительное число семантических новаций образуется путем метафорического переосмысления уже имеющихся в языке лексических единиц» [368, с. 62]. Как уже отмечалось выше, в семасиоло-гическом плане метафоризация собственных имен характеризуется актуализацией в деривате одной (или нескольких) дифференциальных сем исходного смысла прецедентного имени:

Ya verán cómo se salvan del Hotel las Rejas de Alcalá-Meco — que dirige el magnífico funcionario Jesús Calvo — los barrabases del poder bancario (El Mundo, 4.08.2002, p. 2).

Апеллятиву *barrabas(es)* словарь VOX дает следующее объяснение: «восходит к имени *Barrabás*, персонажу Нового Завета. Также используется для обозначения человека недостойного поведения, упрямого и строптивого» [69, p. 205].

Особой яркостью и эмоциональной окрашенностью обладают слова, в которых закрепление за языковым знаком понятия происходит преднамеренно. Подобные слова создаются особым способом искусственного словообразования, который называется контаминация.

Лексическая контаминация на базе антропонимов

Другой разновидностью синтаксического словообразования на базе личных имен является прием произвольного наложения двух независимых лексических единиц и их слияние в одну новую лексему. Полученные таким образом словесные гибриды определяются представителями различных лингвистических школ по-разному. В английской научной литературе их называют «blends» или «compound-blends» [10, p. 47], в итальянской — *parole macedonia, composti plisintéticos, sigle-pasticcio*, во французской — *mots-valises, mots-centaures, monts porte-manteau, croisement, télescopages*, и т.д. [199, p. 216]. В испанской лингвистике впервые подобные образования начинает изучать М. Секо, который дает им дефиницию «*palabras telescopio*» («слова, образованные телескопическим способом») [209, p. 184]. Двумя годами позже в монографии М. Касадо Веларде «*Creación léxica por acronimia en español actual*» используется термин «*acrónimo*» [38, p. 35]. И уже совсем недавно, в начале 90-х годов, в романской лингвистике появляется новое определение данного феномена — «*cruce léxico*» («скрещенный знак»), которое ему дает Ф. Родригес Гонсалес, полагая, что данное слово является наиболее точным переводом английского термина «blend» [199, с. 214]. Датировка вышеназванных публикаций [209; 38] не является случайной. Это было время начала демократических преобразований в стране, время активной политической борьбы партий за власть и беспощадной критики своих противников. Основным публицистическим жанром в то время становится политический фельетон, в котором в острой сатирической форме обсуждаются все политические события страны. Естественно, что при отсутствии жесткой цензуры в полемическом задоре журналисты активно использовали в своих публикациях авторские образования, которые отличались от других производных своей эмоциональной окрашенностью и неповторимостью.

В процессе сознательного образования новых лексических единиц особенно ярко прослеживается целевая установка автора на оказание определенного прагматического воздействия на получателя сообщения, которое создается путем соединения нерегулярных фрагментов и

отклонения от существующих словообразовательных норм и правил сочетаемости [506, с. 92].

Наиболее распространенным способом композиционного образования является модель, состоящая из двух усеченных личных имен, например: *Spinochet* < *Spinola* + *Pinochet*; *Nixinger* < *Nixon* + *Kissinger*. Подобные образования достигают большого художественного эффекта, становятся особенно выразительными, так как имена, используемые для их образования, выполняют не столько номинативную функцию, сколько функцию метафоры, определяя характеры, поступки, действия, идеи людей, носящих эти имена.

Txomin Sarachaga, al que algunos llaman «toxomeini»...(Cambio 16, 2.12.1979, p. 32);

toxomeini < Txomin + Jomeini

Y qué. No voy a ser primero que pesca japutas. «Y tú, que se te ve el plumero, Frandolfo» (Cambio 16, 28.08.1977, p. 41);

Frandolfo < Franco + Adolfo (Suárez).

В тонкой словесной игре фельетонов очень часто журналисты используют стилистический прием паронимии, то есть преднамеренного сближения сходных по звучанию слов. Такой прием позволяет автору перенести на вновь образованное слово значение его паронима и таким образом придать особый смысл и выразительность всему высказыванию:

El voto útil, [Carillo] sintetiza, ha ido a parar al PSOE, ante el deseo de evitar «ante todo el éxito de la derecha pura y dura de Fraga, o del franquismo, como decía un cartel electoral» (El País, 8.11.1982, p. 13).

В этом примере авторский замысел состоит в сопоставлении по фонетической ассоциации широко употребительного термина «*franquista*» со словом «*franguista*». Данная фонетическая близость позволяет нам за новым словообразованием закрепить тот определенный смысл и значение термина, который в первую очередь ассоциируется с понятием франкизма (*franquismo*) как антидемократического фашистского режима.

Другим вариантом бленда является модель, в которой сохраняется без изменения один из двух формирующих ее компонентов. В одних случаях гибридные структуры могут состоять из двух антропонимов, соединенных путем стяжения двух целых основ с гаплогическим наложением на их стыке и, таким образом, имеющих один общий сегмент морфемы, например, *Pacordoñez* (*Paco* + *Ordóñez*), шутовское имя-прозвище одного из министров правительства Фелипе Гонсалеса, созданное на базе его полной модели *Francisco (Paco) Fernández Ordóñez* (El País, 20.02.1980, p. 14).

В других случаях дериваты возникают путем словосложения и в них сохраняется без изменения лишь один антропоним, в то время как второй «теряет» один или два слога. Так, например, произошло с «новым» именем политического деятеля *Fraga Iribarne* — *Fragabarne*, из которого «выпали»

два первых слога второй фамилии. По признанию автора, такая модель возникла в подражание манере политика говорить быстро, зачастую глотая слоги:

*Espero que haya comprendido Fraga Iribarne hace mucho que cuando le llamo **Fragabarne** no estoy cayendo en caricaturismo, sino que resumo en sus propios apellidos la manera que tiene que comerse las sílabas, y él ha confesado recientemente que está tomando lecciones para hablar despacio* (El País, 8.09.1982, p. 21).

Иногда один из элементов нового образования, чаще антропоним, является как бы инкрустированным в базовую лексему (lexema base), обладающую собственной семантикой, которая, вследствие образования нового слова, переходит и на имя собственное, становясь его определением или метафорой. В рассматриваемом примере имя испанского гонщика Айтора Гонсалеса (*Aitor González*) включено в лексему английского слова *Terminator* (Терминатор), ставшего после одноименного фильма образом-символом человека, сокрушающего все на своем пути:

*Si aquello fue extraordinario, qué decir entonces de lo de Aitor Speedy González o **TerminAitor**, como yo le llaman el sábado en Reggio Calabria. Como poco, único* (El País, 10.03.2003, p. 68).

Ученые, занимающиеся контаминационными образованиями, зарегистрировали и обратные случаи взаимодействия основной лексики и внедренных в нее антропонимов, когда не значение базового слова, а сам антропоним в функции метафоры, определяет семантику нового образования:

...la evolución informativa marca diferencias entre TVS y la **Teleninvisión** (El Alcázar, 8.09.1984, p.38);

Teleninvisión (**Televisión** + **Lenin**), т.е. «коммунистическое телевидение». Так автор публикации с иронией называет телевидение с ярко выраженной «левой» ориентацией в период, когда у власти находилась Социалистическая рабочая партия Испании (PSOE).

Подобные гибридные образования (бленды) в лингвистике получили название «sandwich words» (слова-бутерброды) [199, p. 221]. До сих пор в работе рассматривались контаминационные образования, созданные путем наложения двух семантически полноценных слов. Тем не менее, в последнее время в различных языках наблюдается новая тенденция словообразования, когда из состава слов, приобретших широкий общественный резонанс, выделяется часть, не несущая никакого лексического значения. Впоследствии она подвергается семантизации, никак не связанной со смыслом базового слова, и на правах самостоятельного конструктивного члена начинает принимать участие в формировании новых слов, том числе и на базе антропонимов. Один, но, пожалуй, самый яркий в публицистической сфере языка пример такого

словосложения комментирует в своей книге «Словообразование как деятельность» Е.А. Земская, ссылаясь на название Нью-Йоркского отеля «Уотергейт», связанного с шумевшим на весь мир политическим скандалом [328, с. 52]. Извлеченный из названия изначально семантически «пустой» элемент –*гейт*, Е.С. Отин дефинирует как «коннотативный суффиксоид» [427, с. 48]. Вскоре данный аффикс начинает осмысливаться как разновидность политического скандала или аферы, а новые лексические единицы, созданные на базе антропонимов, приобретают значения скандала, в центре которого стоит лицо, на которое указывает конкретное личное имя (*Рейгангейт*, *Rathergate*):

Rather, de 73 años, anunció hace dos meses que dejará de presentar el informativo de la noche a partir de marzo, aunque insiste en que su decisión no tiene nada que ver con el escándalo que lleva nombre, **el Rathergate** (El País, 16.01.2005, p. 40).

Имена собственные (антропонимы) не только служат основами для словообразования, но и сами вовлекаются в процессы языковой игры, которой посвящен следующий параграф исследования.

Игровой «имидж» антропонимов на страницах современной прессы

Имена собственные (антропонимы) обнаруживают свой обширнейший креативный потенциал не только в деривационных процессах, но и в так называемой ономастической игре, которая основана на актуализации ассоциативного потенциала имени собственного. Последнее достигается «акцентированием и одновременным нарушением / переключением стереотипов восприятия онима при помощи различных приемов его трансформации и концептуальной / референтной актуализации» [307, с. 37].

Среди структурно-семантических приемов трансформации имен собственных, функционирующих в газетах, следует выделить в первую очередь парадигматические изменения ономастических единиц, например, омонимию. Данный прием позволяет «добиться экспрессии текста через двойную актуализацию смыслов, которая осуществляется наложением ономастической единицы на омонимичное ей слово» [256, с. 175]:

*Y Jane Fonda, esa **Fonda** cinco estrellas, me dijo: «Estoy muy orgullosa de tí»* (El País, 29.05.2003, p. 38).

В данном случае фамилия американской актрисы *Fonda* является омонимон нарицательного имени «*fonda*», которое в переводе означает «постоялый двор, гостиница» [333, с. 374], а выражение «*fonda cinco estrellas*» переводится как «гостиница повышенной комфортности, что по системе классификации отелей соответствует пяти звездам). Таким

образом, все предложение приобретает смысл: «...и эта Фонда, которая шикарно выглядела, на все сто».

В другом примере собственное имя накладывается на омонимичный ему элемент прецедентного текста (известную испанскую пословицу), при этом происходит актуализация этимологической семантики антропонима и весь смысл прецедентного текста начинает транслироваться уже на конкретного человека, носящего это имя:

El líder político se olvida de la educación y cortesía parlamentarias habituales para dirigirse a las turbas allí concentradas con un discurso campechano y plagado de improperios hacia los partidos rivales, y yo digo: «Zapatero, a tus zapatos!» (El Jueves, №1355, 64).

Фамилия (в то время кандидата на пост председателя испанского правительства) Хосе Родригеса Сапатеро имеет прозрачную этимологию своего происхождения от прозвищного именованя «zapatero» (сапожник). Поэтому испанская пословица «Сапожник, занимайся своим делом (букв. сапогами)» в данном контексте приобретает иное значение: «Сапатеро, занимайся своим делом (= не лезь в политику)».

Эффект омонимичности собственных и нарицательных имен можно наблюдать и через социально-прецедентную ситуацию:

¿Prohibir el botellón y exaltar la Botella es lo que pretende Gallardón? (El Mundo, 2.12.2002, p. 3).

Botellón (большая бутылка). Это название получила национальная правительственная кампания против употребления спиртных напитков на улицах городов. Во многом ее начало было связано с приближающимися выборами в Парламент страны. Основой производного *botellón* является слово *botella* (бутылка) — ономим фамилии супруги тогдашнего председателя правительства Испании Х.М. Азнара Анны Ботелли (*Ana Botella*). Таким образом, обыгрывая ономимы, автор статьи достигает комического эффекта, предлагая фразу с двойным подтекстом: «Разве Гальардон (исп. политик) запрещает большую бутылку и прославляет бутылку? Нет. Он запрещает употребление спиртных напитков на улицах городов и превозносит супругу главы государства (тем самым демонстрируя свою лояльность политическому курсу страны, проводимому ее супругом)».

Другим приемом трансформации онимов в газетной публицистике является паронимия, например, образование окказионального прозвища на основе фонетического созвучия фамилии референта политика: *Carallot-Rovira* от *Carod-Rovira*. При этом несовпадение значения прилагательного *carallot* «спокойный», «миролюбивый») с характеристикой деятельности данного политика (является сторонником жесткой националистической линии партии) усиливает пародийный эффект ономастической игры:

«Carallot» significa hombre quieto y pazguato, condescendiente por bobalicón. Rovira no es quieto ni pazguato, y mucho menos condescendiente por bobalicón, pero sus apellidos han puesto a huevo el mote (El País, 1.02.2004, p. 96).

Для официальной прессы прием паронимии не является распространенным. Его чаще используют журналисты оппозиционных газет (*Cambio, El Jueves*), а также бульварной прессы (в первую очередь журнал *Lo que dicen*).

К собственно семантическим формам ономастической игры относятся актуализация «нарицательного» смысла прецедентного имени (*país de los quijotes*), каламбурные образования, в основе которых лежит контаминация прецедентных имен по оценочному модусу (*TerminAitor*), а также прием ономастического штампа (*Don Francisco gallego — Francisco Franco*).

Создание новых лексических единиц на базе антропонимов, каламбурные образования, актуализация смыслов прецедентных имен, использование приемов языковой игры — все это средства, к которым прибегают журналисты для создания экспрессивного напряжения текста, необходимого для эмоционального воздействия на читательскую аудиторию.

В результате наших исследований в области функционирования антропонимических единиц и моделей в медийных текстах испанской прессы мы пришли к следующим выводам.

Национальная специфика полной испанской антропонимической модели заключается в ее трехкомпонентной структуре. Мы выделяем и описываем в нашей работе четыре ее разновидности: простую, союзную, составную и предложную, одновременно указывая на тот факт, что полная АМ используется в медийных текстах крайне редко (либо если она совпадает с публичной моделью референта, либо если того требует протокол).

С другой стороны, существование и функционирование любой структурной модификации АМ, а также степень ее распространенности в первую очередь объясняется экстралингвистическими факторами: социальными (сословная маркировка некоторых имен и фамилий), эстетическими (благозвучие, создание имиджа), историческими и культурными традициями каждой страны, а также модой.

Дистрибутивный фон интродуктивных моделей различен и зависит в первую очередь от стиля и жанра публикации.

В ходе нашего исследования мы не раз обращали внимание на активность имен вторичной номинации (прозвищных именованных, кличек, политических и сценических псевдонимов) в процессе образования интродуктивных моделей, что, безусловно, свидетельствует о национально-культурном своеобразии развития антропонимической системы Испании.

В связи с тем, что общение носит социальный и личностно-ориентированный характер, любое изменение характера отношений (официальные / неофициальные) между адресантом и референтом влечет за собой и изменение в выборе антропонимической модели для именованного референта. Выбор трансформационной модели в первую очередь обусловлен прагматическими установками автора.

В последнее время в современных печатных СМИ Испании наблюдается усиление тенденции к использованию в публикациях прецедентных имен, некоего общенационального инварианта имени, хранящегося в когнитивной базе лингво-культурного сообщества и обладающего определенными коннотациями. Функционирование ПИ на страницах прессы не ограничено рамками одного жанра, хотя наиболее часто они встречаются в заголовочных конструкциях, полемических и аналитических статьях прессы.

Апелляция к прецедентным именам в печатной полемике делает тексты более образными и динамичными. Маркируя определенные тексты и ситуации, они «выстраивают» у читателя необходимую автору цепочку ассоциаций, таким образом выполняя прагматические задачи публикации.

Лексическая система газетно-публицистического стиля носит открытый характер, она постоянно пополняется новыми лексическими единицами, в том числе антропонимического происхождения. Система от антропонимического словообразования обладает рядом особенностей, среди которых основной является наличие расширенной парадигмы словообразования. С одной стороны, в качестве назывных слов собственные имена производят лексические единицы с определенным кругом деривационных значений. С другой стороны, актуализация прецедентного компонента содержания онима, его этнокультурного потенциала значительно расширяет процесс морфо-семантической деривации и позволяет на его базе создавать окказиональные лексические единицы различных частей речи и деривационных значений.

Одним из путей дифференциации семантического потенциала имен собственных антропонимов, активно используемым журналистами, является их сочетание с определенным / неопределенным артиклями, так как обозначенные структуры выполняют не столько репрезентативную, сколько оценочную функцию при референции к конкретному лицу.

Использование различных антропонимических моделей в современной публицистике существенно обогащает выразительные возможности книжно-письменной речи. За счет деривационных возможностей антропонимов, языковой игры с актуальным и прецедентным именем достигается не просто эмоционально-интеллектуальное воздействие на читательскую аудиторию, но воплощается политический подтекст публикаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ABC: Libro de estilo / Ana M. Vigarà. — Consejo de Redacción de ABC. — Editorial Ariel, S.A., 2001. — 376 p.
2. *Alarcos Llorach E.* Al hilo de La Colmena // *Insula*. — 1990. — № 518—519. — P. 3—4.
3. *Alarcos Llorach E.* Gramática de la lengua española. — Madrid: Espasa Calpe, S.A., 1995. — 406 p.
4. *Albaigés J.M.* El gran libro de los nombres. — Barcelona: Círculo de lectores, 1990.
5. *Albaigés J.M.* Enciclopedia de los nombres propios. — Madrid: Planeta, 1995. — 589 p.
6. *Albertos Firmat M.L.* La onomástica personal primitiva de Hispania Tarraconense y Bética. — Salamanca, 1966.
7. *Alcaraz-Ariza M.A.* Los epónimos en medicina // *Ibérica*. — 2002. — № 5. — P. 55—73 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aelfe.org/documents/text4-Alcaraz.pdf> (дата обращения: 23.03.10).
8. *Alcina Franch J., Blecua J.M.* Gramática española. — Barcelona: Editorial Ariel, S.A., 1989.
9. *Alcina Franch J., Blecua J.M.* Gramática española. — Barcelona: Editorial Ariel, S.A., 1975. — 1244 p.
10. *Algeo J.* Blend's, a structural and systemic view // *American Speech*. — 1977. — № 52. — P. 47—66.
11. *Alonso E.* Introducción a Cela C.J. «La colmena». — Madrid: Colección Austral, 1997. — P. 26—40; 399—447.
12. *Alonso Hernández J.L.* Historia de mil y un Juanes (onomástica, literatura y folklore). — Salamanca: Ediciones Universitarias de Salamanca, 2000. — 391 p.
13. *Álvarez Delgado J.* Antropónimos guanches. — Las Palmas de Gran Canaria: Mancomunidad de Cabildos, 1979. — 43 p.
14. *Álvarez Grace de J.* Topónimos en apellidos hispanos. — Garden City (N.Y.): Adelphi University, D.L., 1968. — 587 p.
15. *Álvarez Grace de J.* Topónimos en apellidos hispanos. — Madrid, 1983.
16. *Aramburu E.* La lengua más antigua de Europa: el vasco en su literatura y apellidos. — Buenos Aires: Biblos, 2001. — 127 p.
17. *Asún R.* Introducción a Cela C.J. “La colmena”. — Madrid: Castalia, 1984. — P. 7—73.
18. *Avalle-Arce J.B.* de Enciclopedia Cervantina. — México: Guanajuato, 1997.
19. *Balch Ph. A., Balch J. F.* Recetas nutritivas que curan / *Health & Fitness*. — 2002. — 688 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://books.google.ru/books?id=TrDJvmggG-IC&lpg=PP1&pg=PP1#v=onepage&q=&f=false> (дата обращения: 16.03.10).
20. *Barrell J.A.* El nombre y los apellidos. Su cambio, adición y modificación. — Madrid, 1953.
21. *Bastardas Parera J.* Antropónimos condicionados por topónimos. — Madrid: “Rev. De Filología Española”. — XXXIX. — 1955. — P. 61—79.
22. *Beinhauer W.* El español coloquial. — Madrid: Gredos, 1991.
23. *Bernard J.* Les anémies hypocromes dues a des hémorragies volontairement provoquées. Síndrome de Lasthénie de Ferjol / J. Bernard, Y. Nasean, N. Alby, J.D. Rain // *Presse Méd.*, 1967. — № 10. — P. 42—75.
24. *Bonnet C., Tamine J.* Les noms construits par les enfants: description d'un corpus. — *Langage* № 66. — 1982. — P. 67—101.

25. *Bortolami S.* L'onomastica come documento di storia della spiritualità nel medioevo europeo // *L'Anthroponymie. Document de l'histoire sociale des mondes méditerranéens médiévaux.* — Roma, 1996.
26. *Bortolozzo K.* Il grande libro dei nomi. — Milano: Mariotti, 1994. — 480 p.
27. *Bravo Lange E.* El síndrome de Alicia en el País de las Maravillas // *MundoPsicología.* — Equipo Edición Blog's. — 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://mundopsicologia.portalmundos.com/sindrome-de-alicia-en-el-pais-de-las-maravillas/> (дата обращения: 11.03.10)
28. *Bromberger Chr.* Pour une analyse anthropologique des noms de personnes. — *Langages* № 66. — 1982. — P. 103—124.
29. *Bueno G.* El significado filosófico de La Colmena en los años 50 // *Insula.* — 1990. — № 518—519. — P. 11—13.
30. *Buesa Oliver T.* Recursos fónicos en la afectividad de los antropónimos // *Actas del I Congreso internacional de historia de la lengua española.* — T. II. — Madrid: Arco libros, 1988.
31. *Calabrese A.* I dimostrativi: pronomi e aggettivi in L. Renzi (a cura di) *Grande grammatica italiana di consultazione.* — Vol. 1. — Bologna: Il Mulino, 1988. — P. 619—632.
32. *Calvo Baeza J.M.* Apellidos españoles de origen árabe. — Madrid: Darek—Nyumba, 1991. — 42 p.
33. *Cano González A.M., Kremer D.* Estudio de los nombres propios // *Lexikon der Romanistischen Linguistik (LRL).* — Tübingen: Max Niemeyer Verlag Band, 2001. — Vol. I,1. — P. 868—899.
34. *Cardet R.* Manual de Periodismo. — Praha: Organización Internacional de Periodismo. — 160 p.
35. *Carnicer R.* Tradición y evolución en el lenguaje actual. — Madrid: Prensa Española, 1977. — 259 p.
36. *Caro Baroja J.* Terror y terrorismo. — Madrid: Plaza y Janés-Cambio 16, 1989. — 216 p.
37. *Casado M.* El castellano actual. Usos y normas. — Pamplona: Universidad de Navarra, 1993. — 201 p.
38. *Casado Velarde M.* Creación léxica por acrónimia en español actual // *Español actual.* — 1979. — № 35—36. — P. 35—43.
39. *Casares J.* Diccionario ideológico de la lengua española. — Madrid: Editorial Gustavo Gili, 1998. — 1446 p.
40. *Cascón Martín E.* Español coloquial. Rasgos, formas y fraseología de la lengua diaria. — Madrid: Edimumen, 1995.
41. *Castellet J.-M.* Iniciación a la obra narrativa de Camilo José Cela. Vida y obra — bibliografía — antología. — New York: Hispanic Institute, 1961. — 263 p.
42. *Castro del Pozo S. de, Pérez Arellano J.L.* Manual de patología general. — 6-ed. — Barcelona: Elsiwier, Masson, 2006. — 769 p.
43. *Cattabiani A.* Introduzione // *Cepeda Fuentes M., Cattabiani S.* Dizionario dei nomi. — Roma: Newton, 2003.
44. *Cela C.J.* Al servicio de algo. — Madrid—Barcelona: Alfaguara, 1969. — 584 p.
45. *Cela C.J.* La Catira. — Barcelona: Noguer, 1955. — 405 p.
46. *Cela C.J.* La Colmena. — Madrid: Cátedra, Letras Hispánicas, 2001. — 365 p.
47. *Cela C.J.* La Colmena. Edición Eduardo Alonso. — Madrid: Espasa Calpe, S.A., 1997. — 447 p.
48. *Cela C.J.* La Cucaña. — Barcelona: Destino, 1959. — 223 p.

49. *Cela C.J.* Obra completa t. I-V. — Barcelona: Destino, 1962—1966.
50. *Cela C.J.* Prólogo a Olga Prjevalinsky “El sistema estético de Camilo José Cela: expresividad y estructura”. — Valencia: Editorial Castalia, 1969. — P. 9—12.
51. *Cela Conde C.J.* Cela, mi padre. — Madrid: Temas de hoy, 1990. — 255 p.
52. *Ceppellini V.* Dizionario pratico di grammatica e linguistica. — Novara, 1999.
53. Clasificación Estadística Internacional de Enfermedades y otros Problemas de Salud. Décima revisión. ICD-10 [Электронный ресурс]. URL: <http://ns8.servidorlinux.com/patologia/toc01.htm> (дата обращения: 21.03.10).
54. *Colonna B.* Dizionario etimológico della lingua italiana. — Newton, 1997.
55. Constitución Española / Diputación de León. — 3-ed. — León: Grafías Celarayn, S.A., 1988. — 58 p.
56. *Corominas J.* Breve Diccionario etimológico de la Lengua Castellana. — Madrid: Gredos, 2000. — 627 p.
57. *Corominas J., Pascual J.A.* Diccionario crítico etimológico castellano e histórico. — Madrid, 1983.
58. *Coseriu E.* El plural de los nombres propios // Teoría del lenguaje y lingüística general. — Madrid: Gredos. — P. 252—281.
59. *Chambon J.-P., Swiggers P.* L’apport de l’onomastique à la philologie romane. Histoire et perspectives // ACILFR. — 1993.
60. *Chichina M.* Funciones de los antropónimos en la interpelación en la lengua española // Actas de la I Conferencia de Hispanistas de Rusia (Moscú, 9-11 febrero 1994). — M.: Embajada de España en Moscú, 1995. — P. 93—94.
61. *Dauzat A.* Les noms de personnes. — Paris, 1946. — 389 p.
62. *Devoto G., Oli G.C.* Dizionario della lingua italiana. — Firenze, 1989.
63. *Di Paolo R.* Tablillas de San Lázaro. — Lima: Fondo Editorial PUCP (Pontificia Universidad Católica del Perú), 2001. — 55 p.
64. *Díaz Rojo J.A.* Nociones de neología. La formación de derivados y compuestos a partir de nombres propios de persona // Panace@ El Boletín del Grupo de Medicina y Traducción (MedTrad). — 2001. — Vol. 2. — № 5. — 85 p. [Электронный ресурс]. URL: www.tradmed.uji.es/biblioteca/recursos_especificos/recursos_terminologicos.html (дата обращения: 09.03.10).
65. Diccionario Corona Everest. — León, 1978.
66. Diccionario de la lengua española / Real Academia Española (vigésima segunda edición). — Madrid, 2001. — T. 1 — 1180 p., T. 2 — 1237 p.
67. Diccionario de la lengua española / Real Academia Española. — Madrid, 1984.
68. Diccionario enciclopédico. — T. I. — Madrid: Espasa Calpe, S.A., 1984.
69. Diccionario General de la lengua española. — Barcelona: VOX, 1999. — 1668 p.
70. Diccionario terminológico de ciencias médicas. — Barcelona: Masson, 1992. — 1319 p.
71. *Dickson P.* Names: A collector’s compedium of rare and unusual, bold and beautiful, odd and whimsical names. — New York: Delacorte press, 1996. — 282 p.
72. Dictionnaire historique de l’antroponymie romane. — Tübingen, 1997.
73. *Díez Barrio G.* Motes y apodos. — Valladolid: Castilla, 1995. — 94 p.
74. *Díez Melcón P.G.* Apellidos castellano—leoneses (siglos IX — XIII, ambos inclusive). — Granada, 1957.
75. Dizionario ecclesiastico. — Torino, 1955.
76. Dizionario fondamentale della lingua italiana. — Novara, 1999.
77. *Dolç M.* Antroponimia latina. — Madrid: Enciclopedia Lingüística Hispánica, 1960. — T. 1. — P. 389—419.
78. *Dunkling L.* The Guinness Book of names. — London, 1993.

79. *Durán M.* La estructura de La Colmena // *Hispania*. — 1960. — № 43. — P. 23—25.
80. El nombre propio: su escritura y significado a través de la historia en diferentes culturas / comp. Anne-Marie Christin. — Barcelona: Gedisa, 2001. — 314 p.
81. El País: Libro de estilo. — Madrid: Ediciones El País, 1990. — 370 p.
82. El Pequeño Larousse. Diccionario enciclopédico ilustrado. — Barcelona: SpeS Editorial, S.L., 2005. — 1825 p.
83. Enciclopedia de la Cultura Española. — Madrid, 1963—1968.
84. Enciclopedia italiana. — Milano, 1986.
85. Enciclopedia Universal Ilustrada Europeo-Americana. — Madrid—Barcelona, 1924.
86. Esbozo de una nueva gramática de la lengua española. — Madrid, 1995.
87. Esbozo de una Nueva Gramática Española. — Madrid: Espasa Calpe, S.A., 1989. — 592 p.
88. *Faure R.* Diccionario de apellidos españoles. — Madrid: Espasa Calpe, S.A., 2001. — 829 p.
89. *Faure R.* Diccionario de nombres propios. — Madrid: Espasa Calpe, S.A., 2002. — 800 p.
90. *Faure R.* Diccionario de nombres propios. — Madrid: Espasa Calpe, S.A., 2007.
91. *Fernández García M.J.* La creatividad léxica en el vocabulario político de la prensa: (elecciones generales de 1996) // *La lengua y los medios de comunicación: actas del Congreso Internacional celebrado en Madrid en 1996*. — Madrid: Universidad Complutense de Madrid, Servicio de publicaciones, 1999. — Vol. 1. — P. 417—434.
92. *Fernández Leborans M.J.* El Nombre Propio // *Gramática Descriptiva de la Lengua Española*. — V.1. — Sintaxis básica de las clases de palabras. Dirigida por Ignacio Bosque y Violeta Demonte. Preámbulo de F.Lázaro Carreter. — Madrid: Espasa Calpe, S.A., 2000. — P. 77—128.
93. *Fernández Ramírez S.* Gramática española. 3. 2. El pronombre. — M., 1987.
94. *Ferrero E.* Dizionario storico dei gerghi italiani. — Milano, 1991.
95. Fichas de plantas medicinales por nombre científico (741 especies) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infojardin.net/fichas/plantas-medicinales/plantas-medicinales-nombre-cientifico.htm> (дата обращения: 23.03.10).
96. Fontanella de Weinberg M.B. Sistemas pronominales de tratamiento usados en el mundo hispánico // *Gramática descriptiva de la lengua española*. — Madrid: Espasa Calpe, S.A., 1999.
97. *Foster D.W.* Forms of the Novel in the Work of Camilo José Cela. — Columbia: University of Missouri, 1967. — 185 p.
98. *Francipane M.* Dizionario ragionato dei cognomi italiani. — Milano, 2006.
99. *Freud S.* Totem e tabù. — Torino, 1989.
100. *Fryer R.G. Jr., Levitt S.D.* The Causes and Consequences of Distinctively Black Names [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nber.org/papers/w9938> (дата обращения: 23.03.10).
101. *Gaperini B.* Il galateo. — Milano, 1998.
102. *García Gallarín C.* El nombre propio: estudios de historia lingüística española. — Madrid: PafRom, Centro de Madrid, 1999. — 258 p.
103. *García Gallarín C.* Historia de un uso popular: el posesivo ante nombre propio de persona // *Revista de Filología Románica*. — № 7. — 1990. — P. 120—131.
104. *García Gallarín C.* Los nombres de pila españoles. — Madrid: Ediciones del Prado, 1998. — 367 p.
105. *García Gallarín C.* Nombres del siglo XX: Contribución al estudio de la antroponimia madrileña. — Madrid: Universidad Complutense, D.L., 1997. — 342 p.

106. *García García C.* Medicina popular en la Fiesta de San Juan // Revista_BienMeSabe. — № 211. — 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bienmesabe.org/noticia.php?id=26058> (дата обращения: 23.03.10).
107. *García Gómez J.J.* Estudio del análisis de peligros y puntos de control crítico (appcc) en salas de tratamiento de carne de caza (zona básica de salud: Valmojado-Toledo): incorporación del plomo como peligro químico. — Tesis Doctoral. — Universidad Complutense de Madrid, 2004. — 193 p. [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. — URL: <http://www.ucm.es/BUCM/tesis/vet/ucm-t28405.pdf> (дата обращения: 21.03.10).
108. *García Platero J.M.* El léxico de uso en el español contemporáneo: el lenguaje periodístico. — Málaga: Servicio de Publicaciones, Universidad de Málaga, 1997. — 213 p.
109. *Gardiner A.* The Theory of Proper names. — London, 1940. — 360 p.
110. *Gary Prieur M.N.* Grammaire du nom propre. — Paris: PUF Linguistique nouvelle, 1994. — 413 p.
111. *Godoy Alcántara J.* Ensayo histórico, etimológico, filológico sobre los apellidos castellanos. — Madrid, 1871.
112. *Gomez Torrego L.* El léxico en el español actual: uso y norma. — Madrid: Arco/Libros, 1995. — 216 p.
113. *Gorrotxategi Nieto M.* Evolución del nombre de pila en el País Vasco // XX Congreso Internacional de Ciencias Onomásticas. — Santiago de Compostela: Instituto da Lingua Galega, 1999. — P. 80—81.
114. Gramática descriptiva de la lengua española. — Madrid: Espasa, 2000.
115. Gran diccionario general de la lengua española. — Vox, 1995.
116. Gran enciclopedia Larousse. — 1990.
117. *Gray L.H.* L'origine de la termination Hisp. portg. -ez // Bulletin de la Societé de linguistique de Paris. — XXXVI. — 1935.
118. *Guereña J.-L.* Estudio, notas y comentario de Cela. Prosa. — Madrid: Narcea, 1974. — 309 p.
119. *Guerrero Ramos G.* Neologismos en el español actual. — Madrid: Arco/Libros, 1995. — 106 p.
120. *Gutiérrez Rodilla B.M.* Lo literario como fuente de inspiración para el lenguaje médico // Panacea@. El Boletín del Grupo de Medicina y Traducción (MedTrad). — 2003. — Vol. IV. — № 11. — P. 62—67 [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. — URL: <http://www.medtrad.org/panacea/IndiceGeneral/n11tribunagutierrez.pdf> (дата обращения: 21.03.10).
121. *Hellín del Castillo J.* El Sistema Internacional de unidades: aspectos prácticos para la escritura de textos en el ámbito de las ciencias de la salud // Panacea@: El Boletín del Grupo de Medicina y Traducción (MedTrad). — 2004. — Vol. V. — № 17—18 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.medtrad.org/panacea.html> (дата обращения: 04.03.10).
122. *Henn D.* El desarrollo de un protagonista // Insula. — 1990. — № 518—519. — P. 33—34.
123. *Hernando Cuadrado L.A.* Aspectos gramaticales del español hablado. — Madrid, 1994.
124. Il Tartufo di Molière [Электронный ресурс]. URL: <http://www.letteraturaalfemminile.it/tartufo.htm> (дата обращения: 16.03.10)
125. *Ilie P.* La novelística de Camilo José Cela. — Madrid: Gredos, 1971. — 242 p.

126. Instituto Nacional de la Estadística [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ine.es> (дата обращения: 16.03.10)
127. *Jespersen O.* La filosofía de la gramática. — Madrid, 1968.
128. *Jonasson K.* Le nom propre. Constructions et interprétation. — Lovaina: Duculot, 1994.
129. *Junceda L.* Diccionario de refranes, dichos y proverbios. — Madrid: Espasa, 1998.
130. *Kirsner R.* The novels and travels of Camilo José Cela. — Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1966. — 187 p.
131. *Kleiber G.* Problemes de référence: descriptions de finies et noms propres. — Paris: Klincksieck. — 1981. — 278 p.
132. *Knittel L.* Vence la depresion / Beat Depression: Como mejorar el estado de animo y reducir el cansancio/ how to Uplift Your Mood and reduce fatigue. — Madrid: Nowtilus S.L., 2007. — 174 p.
133. *Kremer D.* Onomástica e historia de la lengua // Actas del I Congreso internacional de historia de la lengua española. — T. II. — M., 1988.
134. *Lang M.* Formación de palabras en español. — Madrid: Cátedra, 1992. — 323 p.
135. *Lara Aguado A.* El nombre en derecho internacional privado. — Granada: Comares, 1998. — 395 p.
136. *Lázaro Carreter F.* El Idioma del periodismo, ¿lengua especial? // El idioma español en las agencias de prensa. — Madrid: Fundación G. Sánchez Ruipérez, 1990. — P. 25—44.
137. *Lema X.M.* Berdoías: los cambios onomásticos en una parroquia gallega a lo largo de 4 centurias // XX Congreso Internacional de Ciencias Onomásticas. — Santiago de Compostela: Instituto da Lingua Galega, 1999. — P. 125—126.
138. Lessico universale italiano. T. V, XV, XVII, Roma, 1970, 1975, 1977.
139. Lexicografía y semántica / Curso académico. Departamento de lengua española: 2004—2005 // ерónimos (deonomásticos) [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. — URL: <http://web.usal.es/~joluin/lexicografia/eponimos.pdf> (дата обращения: 22.03.10).
140. *Litvak L.* España 1900: modernismo, anarquismo y fin de siglo. — Barcelona: Anthropos, 1990. — 287 p.
141. *López García Á.* Gramática del español. III. Las partes de la oración. — Madrid: Arco Libros, 1998.
142. *López González G. A.* Los árboles y arbustos de la Península ibérica e Islas Baleares: Especies silvestres y las principales cultivadas. — Madrid: Mundi-Prensa Libros, 2006. — 1727 p.
143. *López Piñero J.M., Terrada M.L.* Introducción a la terminología médica. — Barcelona: Masson, 2005. — 232 p.
144. *López Santos L.* Hagiotoponimia. — Madrid: Enciclopedia Lingüística Hispánica, 1960. — T.1. — P. 579—614.
145. *Lorenzo E.* El español de hoy, lengua en ebullición. — Madrid, 1971.
146. *Lotti G.* Le parole della gente. — Milano, 1992.
147. *Lucas Gil F.* El nombre civil de las personas naturales en el ordenamiento jurídico español. — Barcelona, 1978.
148. *Marcantonio A.* Il nome // Grande grammatica italiana di consultazione. — Vol. 1. — Bologna, 1988.
149. *Mariátegui J.* El nombre tras el síndrome // Boletín de la Sociedad Peruana de Medicina Interna. — 1996. — Vol. 9. — № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://sisbib.unmsm.edu.pe/Bibvirtual/publicaciones/publica.as> (дата обращения: 23.03.10).

150. *Marsá F.* Diccionario normativo y guía práctica de la lengua española. — Barcelona, 1986.
151. *Martín Alonso* Manual del escritor. — Madrid, 1981.
152. *Martín Martín J.* Diccionario de expresiones malsonantes del español. — Madrid, 1974.
153. *Martín-Cano F.* Feminismo del lenguaje cuando la mujer ejercía el poder. Nombres de Diosas dados a conceptos religiosos relacionados con la salud // Portal de Antropología. — 2001—2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.plazamayor.net/antropologia/genero/index.html> (дата обращения: 06.03.10).
154. *Martínez Albertos J.-L.* El lenguaje de los políticos como vicio de la lengua periodística // El Lenguaje político. — Madrid: F. Friedrich Ebert, 1987. — P. 71—87.
155. *Martínez de Sousa J.* Buenas y malas palabras en el nuevo Diccionario // La voz de Galicia. — S.A. Polígono de Sabón, Arteixo, A. Coruña (España), 2002. — Tomo 2413. — Folio 84 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lavozdegalicia.es/hemeroteca/2002/02/02/100000011081.shtml> (дата обращения: 23.03.10).
156. *Martínez de Sousa J.* Ortografía y ortotipografía del español actual. — Gijón: Trea, 2004. — 678 p.
157. *Mastrelle C.A.* Предисловие к: Dictionnaire historique de l'anthroponymie romane. — Tübingen, 1997.
158. *Matte Bon F.* Gramática comunicativa del español. — Madrid, 1995.
159. *Matte Bon F.* Gramática Comunicativa del Español. Tomo 2. — Madrid: Edelsa, S.A., 2003. — 369 p.
160. *McPheeters D.W.* *Camilo José Cela.* — New York: Twayne Publishers, 1969. — 178 p.
161. Medciclopedia. Diccionario ilustrado de términos médicos [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iqb.es/diccio/diccio1.htm> (дата обращения: 21.03.10).
162. *Melgar Valero L.T.* El libro de los nombres. — Madrid: Libsa, D.L., 2001. — 309 p.
163. *Menéndez Pidal R.* Menendus // Nueva Rev. De Filología Hispánica. — 1949. — №4. — P. 363—371.
164. *Michelena L.* Apellidos vascos. — San Sebastián: Txertoa, D.L., 1989. — 250 p.
165. *Migliorini B.* Dal nome proprio al nome comune. — Firenze, 1927.
166. *Mill J.S.* A system of logic, ratiocative and inductive. — London, 1843.
167. *Miranda J.A.* Usos coloquiales del español. — Salamanca, 1992.
168. *Moliner M.* Diccionario de uso del español: en 2 t. — Madrid: Editorial Gredos, 1986. — T.1 — 1446 p., T.2 — 1585 p.
169. *Moliner M.* Diccionario de usos del español. — Madrid: Editorial Gredos, 1987.
170. *Morala J.* El nombre propio ¿objeto de estudio interdisciplinar? // Contextos. — 1986. — № 8. — P. 49—61.
171. *Moreiro J.* Introducción a Cela C.J. “La Colmena”. — Madrid: EDAF, 2002. — P. 9—39.
172. *Moya V.* La traducción de los nombres propios. — Madrid, 2000.
173. *Murube J.* Una discusión actual: ¿grave o severo? / J. Murube, F Muñoz-Negrete, J. Arruga // Arch. Soc. Esp. Oftalmol. — 2007.— vol. 82. — № 10. — P. 597—600 [Электронный ресурс]. URL: http://scielo.isciii.es/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0365-66912007001000001&lng=es&nrm=iso (дата обращения: 22.03.10).
174. *Narbarte Iraola N.* Diccionario etimológico de apellidos vascos. — San Sebastián: Txertoa, D.L., 1989. — 295 p.

175. *Navaza Blanco G.* Algunos apellidos toponímicos gallegos // XX Congreso Internacional de Ciencias Onomásticas. — Santiago de Compostela: Instituto da Lingua Galega, 1999. — 178 p.
176. *Nebrija A. de.* Gramática de la lengua castellana. — Madrid-16, 1981.
177. *Nespor M.* Il sintagma aggettivale // Grande grammatica italiana di consultazione. — Vol. 1. — Bologna, 1988.
178. *Nieto R.* Lenguaje y política. — Madrid: Acento Editorial, 2000. — 93 p.
179. Nombres en castellano [Электронный ресурс]. URL: http://www.linneo.net/plut/nombres_castellano.htm (дата обращения: 23.03.10).
180. *Nora E.* de La novela española contemporánea. — Madrid: Gredos, 1962. — 514 p.
181. *Nuñez Cabezas E.A., Guerrero Salazar S.* El lenguaje político español. — Madrid: Cátedra, 2002. — 556 p.
182. *Ortega J.* El humor de Cela en La Colmena // Cuadernos Hispanoamericanos. — 1967. — № 208. — P. 159—164.
183. *Ortega J.* Importancia del personaje Martín Marco en La Colmena de Cela // Romance Notes. — 1965. — № 6. — P. 92—95.
184. *Ortega Martín M.P.* Neología y Prensa: un binomio eficaz [Электронный ресурс]. URL: pilar.ortega@adi.uam.es (дата обращения: 21.03.10).
185. *Ortiz A.M.* Diccionario: la historia de los apellidos // Crónica, num. 286 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.el-mundo.es/cronica/2001/CR286/CR286-06.html> (дата обращения: 21.03.10).
186. *Palomar Lapesa M.* Antroponimia prerromana. — Madrid: Enciclopedia Lingüística Hispánica, 1960. — T.1. — P. 347—387.
187. *Pastrana García J.* Los Guzmanes en el mundo. — Madrid, 1983.
188. *Piazza A.* Il cognome somiglia a un gene e aiuta a capire le migrazioni // La Stampa, 4. 11. 1987.
189. Plantas-santos. Base de datos de nombres populares de plantas medicinales basados en santos (ampliada) [Электронный ресурс]. URL: <http://plantas-santos.galeon.com/> (дата обращения: 11.03.10).
190. *Platas Tasende A.-M.* Camilo José Cela. — Madrid: Sintesis, S.A., 2004. — 313 p.
191. *Puerta López-Cózar J.L., Mauri Más A.* Manual para la redacción, traducción y publicación de textos médicos. — Barcelona: Masson, 1994. — 460 p.
192. *Putz R.* Botánica oculta: las plantas mágicas según Paracelso. — Valladolid: Maxtor, 2006. — 317 p.
193. *Quilis A.* Curso de lengua española. — Valladolid, 1978. — 586 p.
194. *Ramírez Sádaba L.* Recientes innovaciones en el repertorio onomástico de los cántabros // XX Congreso Internacional de Ciencias Onomásticas. — Santiago de Compostela: Instituto da Lingua Galega, 1999. — P. 178—179.
195. *Rebollo Torío M.A.* La noticia en la prensa: Recursos lingüísticos // Actas del Congreso Internacional celebrado en la Universidad Complutense de Madrid en 1996. — Madrid: Universidad Complutense de Madrid, Servicio de Publicaciones, 1999. — P. 170—175.
196. *Renzi L.* L'articolo // Grande grammatica italiana di consultazione. — Vol. 1. — Bologna, 1988.
197. *Rey Bueno M.* Historia de las hierbas mágicas y medicinales. — Madrid: Nowtilus S.L., 2008. — 302 p.
198. *Ríos y Ríos A. de los.* Ensayo histórico, etimológico y filológico sobre los apellidos castellanos: desde el siglo X hasta nuestra edad. — Madrid: Imprenta de Manuel Tello, 1871. — 259 p.

- <http://www.memoriadigitalvasca.es/handle/10357/1137?mode=full&empezar=1&volumen=1>
199. *Rodríguez González F.* Prensa y lenguaje político. — Madrid: Fundamentos, 1991. — 308 p.
 200. *Rosell Armengol A.* Cuál es tu planta medicinal. — Barcelona: Manantial de Salud (Herbocat), 2000. — 320 p.
 201. *Sala Valldaura J.-M.* La Colmena: algunas funciones de la modalización narrativa // *Insula*. — 1990. — № 518—519. — P. 63—65.
 202. *Salvá V.* Gramática de la lengua castellana. — T. 1. — M., 1988.
 203. *Salvador Gutiérrez S.* Código del nombre: doctrina, legislación, resoluciones de los Registros y del Notariado, formularios. — Madrid: Dykinson, d.l., 2003. — 383 p.
 204. *Sánchez Corral L.* El nombre propio como imagen semiótica del referente // *Estudios de Lingüística*. — 1990. — № 6. — P. 207—227.
 205. *Sanmartín Sáez J.* Diccionario de argot. — M., 1998.
 206. *Santano y León D.* Diccionario de gentilicios y topónimos. — Paraninto, 1981.
 207. *Santiago y Miras M.A.* El determinismo ambiental en Doña Perfecta de Benito Pérez Galdos // *Actas del V Congreso Internacional de Hispanistas*. — Málaga: Algazara, 1999. — P. 433—456.
 208. *Seco M.* Diccionario de dudas y dificultades de la lengua española. — Madrid: Espasa-Calpe, 1993. — 558 p.
 209. *Seco M.* El léxico de hoy // *Comunicación y lenguaje* (coord. Por R. Lapesa). — Madrid: Karpós, 1977. — P. 183—201.
 210. *Sobejano G.* Introducción a Cela C.J. “La colmena”. — Madrid: Alianza, D.L., 1998. — P. 7—42.
 211. *Sörensen H.S.* The meaning of proper names. With a definiens formula for proper names in modern English. — Copenhagen: Gad, 1963. — 116 p.
 212. *Sotis L.* De buen tono: breve diccionario de cortesía actual. — Barcelona, 1991.
 213. *Stigler S.M.* Statistics on the Table: the history of statistical concepts and methods. — Cambridge: Harvard University Press, 1999. — 488 p.
 214. *Suárez Solís S.* El léxico de Camilo José Cela. — Madrid-Barcelona: Alfabeta, 1969. — 565 p.
 215. *Tamayo y Baus M.* La bola de nieve. — Ed. digital: Madrid, 1947 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/FichaObra.html?Ref=2519> (дата обращения: 12.03.10).
 216. *Tartamella V.* Nel cognome del popolo italiano. — Vienneperre, 1955.
 217. *Thayer Ojeda T.* ¿Deben de pluralizarse los apellidos? Discurso leído en la Academia Chilena. — Sgo de Chile, 1934.
 218. *Tibón G.* Onomástica hispanoamericana. — México, 1961.
 219. *Tierno B., Velasco R.* Dudas y errores del lenguaje. — Madrid, 1993.
 220. *Tudela M.* Cela. — Madrid: EPESA, 1970. — 197 p.
 221. *Umbra F.* Cela: un cadáver exquisito. — Barcelona: Planeta, 2003. — 224 p.
 222. *Umbra F.* Las palabras de la tribu. — Barcelona: Planeta, 1996. — 307 p.
 223. *Urrutia J.* Introducción a Cela C.J. “La colmena”. — Madrid: Cátedra, 1988. — 347 p.
 224. *Vargas Llosa M.* La tía Julia y el escribidor. — Barcelona: Seix Barral, 1977. — 447 p.
 225. *Veres L.* Alias y apodos en las noticias de terrorismo // *Revista Latina de Comunicación Social*. — Tenerife: Universidad de La Laguna, 2003. — № 55 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ull.es/publicaciones/latina/035520veres.htm> (дата обращения: 11.03.10).

226. *Vigara A.M.* Ortografía e ideología: los nombres propios no castellanos en los medios de comunicación [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ucm.es/info/especulo/numero15/ortoideo.html> (дата обращения: 11.03.10).
227. *Villanueva D.* Introducción a Cela C.J “La colmena”. — Barcelona: Vicens Vives, 1996. — P. 3—64.
228. *Villanueva D.* La génesis literaria de La Colmena // *Insula*. — 1990. — № 518—519. — P. 73—75.
229. *Vocabulario della lingua italiana / Enciclopedia italiana*. — Roma, 1986, 1994.
230. *Vox mayor*. Bologna. — 1989.
231. *White G.* Atlas a Color Levene de Dermatologia. — Madrid: Elsevier, 2004. — 385 p.
232. Who Named It? / *Comprehensive dictionary of medical eponyms* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.whonamedit.com/> (дата обращения: 12.03.10).
233. *Woods R.D.* Hispanic first names. A comprehensive Dictionary of 250 years of Mexican-American Usage. — Green Wood Press, 1984.
234. *Yetano Laguna J., Alberola Cuñat V.* Diccionario de siglas médicas y otras abreviaturas, epónimos y términos médicos relacionados con la codificación de las altas hospitalarias. — Madrid: La Fortuna (Leganés), 2003. — 105 p.
235. *Zamora Vicente A.* Camilo José Cela: acercamiento a un escritor. — Madrid: Gredos, 1962. — 250 p.
236. *Абаев В.И.* Статьи по теории и истории языкознания / под. ред. В.М. Алпатова. — М.: Наука, 2006. — 150 с.
237. *Абаев В.И.* Язык как идеология и язык как техника // *Язык и мышление*. — М.-Л., 1934.
238. *Авербух К.Я.* Манифест современной терминологии // *Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах: материалы междунар. научно-практич. конф. «Коммуникация — 2002»*. — Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. — Часть 1. — С. 192—194.
239. *Агеева Р.А., Бахнян К.В.* Социолингвистический аспект имени собственного. — М.: ИНИОН, 1984. — 60 с.
240. *Акулов М.С.* Регионарная анестезия. Настоящее и будущее // *Ремедиум Приволжье: электронный научный журнал*. — 2008. — № 9 [Электронный ресурс]. URL: http://www.remedium.ru/public/journal/rem_volga/new/detail.php?ID=20757 (дата обращения: 02.04.10).
241. *Александрова О.И.* Неофициальные личные имена в частной переписке и дневниковых записях конца XIX — начала XX века) // *Ономастика Поволжья. Материалы III Конференции по ономастике Поволжья / под ред. Р.Г. Кузеева, В.А. Никонова*. — Уфа: БГУ, 1973. — С. 130—135.
242. *Алецанова И.В.* Газетный текст как разновидность массово-информационного дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс*. — Волгоград: Перемена, 2000. — С. 131—139.
243. *Античные теории языка и стиля* (сер. Античная библиотека). — СПб: Алетейя, 1996. — 362 с.
244. *Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография // *Избранные труды*. — М.: Языки русской культуры, 1995. — Т. 2. — 580 с.
245. *Арнаутов Г.Д.* Медицинская терминология. На пяти языках. — 4-е изд., испр. и доп. — София: Гос. изд. Медицина и физкультура, 1979. — 944 с.
246. *Арутюнова Н.Д.* Очерки по словообразованию в современном испанском языке. — М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1961. — 150 с.

247. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. — М.: Наука, 1988. — 338 с.
248. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. — изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 296 с.
249. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С. 5—32.
250. *Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии. — М.: Учпедгиз, 1957. — 295 с.
251. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов: Около 7 000 терминов. — 2-е изд., стереотип. — М.: Сов. энциклопедия, 1969. — 607 с.
252. *Бабанова С.Ю.* Вариативность в терминологии (на материале терминосистемы робототехники в немецком и русском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М.: МГЛУ, 1997. — 24 с.
253. *Багирова Е.П.* Эволюция антропонимикона в текстах разных редакций романа М.А. Булгакова "Мастер и Маргарита": автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тюмень, 2004. — 21 с.
254. *Багно В.Е.* Дорогами Дон Кихота: Судьба романа Сервантеса. — М.: Книга, 1988. — 448с.
255. *Бартминьский Е.* Денотация и коннотация имен собственных // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20-23 сент. 2005 г. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. — С. 9—10.
256. *Батурина Л.А.* Приемы трансформации онимов в газетной публицистике // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20-23 сент. 2005 г. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. — С. 175—176.
257. *Бахнян К.В.* Социологический анализ антропонимов // Теоретические проблемы социальной лингвистики. — М.: Наука, 1981. — С. 305—324.
258. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. — М.: Наука, 1975. — 504 с.
259. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники: 1984-1985. — М.: Наука, 1986. — С. 80—126.
260. *Бейсенова Ж.С.* Отраслевая терминология: типология, классификация, функционирование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Астана, 2009. — 42 с.
261. *Бекишева Е.В.* Формы языковой репрезентации гносеологических категорий в клинической терминологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М.: Ин-т языкознания РАН, 2007. — 52 с.
262. *Белая Л.В.* Лексико-семантические и функциональные особенности антропонимики М.А. Булгакова (на материале романа «Мастер и Маргарита») // Филологические науки. — 1990. — № 5. — С. 103—110.
263. *Белецкий А.А.* Лексикология и теория языкознания: Ономастика. — Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1972. — 209 с.
264. *Белинский Г.Ю.* Испанско-русский медицинский словарь / Г.Ю. Белинский, Н.И. Елкин, Е.П. Пашков. — М.: Русский язык, 1991. — 836 с.
265. *Бельчиков Ю.А.* Культуроведческий аспект филологических дисциплин // Филологические науки. — 1998. — № 4. — С. 48—56.
266. *Березович Е.Л.* Теория коннотации в современной лингвистической семантике и ономастика // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы междунар. науч. конф. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. — С. 10—13.
267. *Берестнев Г.И.* О “новой реальности” языкознания // Филологические науки. — 1997. — № 4. — С. 47—55.

268. *Бернацкая А.А.* Приемы прагматизации заглавия // Логико-семантические и прагматические проблемы текста: межвуз. сб. науч. тр. — Красноярск: КГПИ, 1990. — С. 38—47.
269. *Бетехтина Е.Н.* О лингвистических источниках библеизмов // Вестник СПбГУ. — Серия 2. — № 3. — 1994.
270. Библия каноническая. — Москва: РБО, 2007. — 928 с.
271. *Бокий Е.А.* Артикль как показатель грамматического значения “определенности” или “неопределенности” существительного (на материале французского языка) // Уч. зап. ЛГУ. — 1958. — № 262, вып. 50. — С. 17—24.
272. *Болотов В.И.* К вопросу о значении имен собственных // Восточнославянская ономастика. — М.: Наука, 1972. — С. 333—345.
273. *Болотов В.И.* Множественное число имени собственного и апеллиатива // Имя нарицательное и собственное. — М.: Наука, 1978. — С. 93—106.
274. *Болотов В.И.* Социальные поля и энциклопедическое значение антропонимов в речи // Actes du XI-e Congrès international des sciences onomastiques, I. — Sofia, 1974.
275. Большая медицинская энциклопедия диагностики. — М.: ЭКСМО, 2007. — 736 с.
276. Большая психологическая энциклопедия. — М.: ЭКСМО, 2007. — 544 с.
277. *Бондалетов В.Д.* Изучение ономастической лексики методами лингвистической географии и лингвистики (преимущественно на материале русской антропонимии) // II Actes du XI-e Congrès international des sciences onomastiques, I. — Sofia, 1974.
278. *Бондалетов В.Д.* Русская ономастика. — М.: Просвещение, 1983. — 224 с.
279. *Бондалетов В.Д.* Русский именник, его состав, статистическая структура и особенности изменения (мужские и женские имена) // Ономастика и норма. — М.: Наука, 1976. — С. 12—16.
280. *Боронина О.В.* К вопросу об отфамильных прозвищах // Вопросы ономастики: (Собственные имена в системе языка). — Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1980. — С. 111—115.
281. *Брагилевский Д.Ю.* О критериях разграничения имен собственных и нарицательных // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. — 1994. — Вып. 3. — С. 105—109.
282. *Брудный А.А.* Психологическая герменевтика: учебное пособие. — М.: Лабиринт, 1998. — 336 с.
283. *Бугаева И.В.* Агиотопонимы: частный случай отражения ментальности в географических названиях // Respectus Philologicus (Respectus Philologicus) — issue:10(15). — 2006. — P.119—129 [Электронный ресурс]. URL: www.ceeol.com (дата обращения: 13.03.10).
284. *Бугаева И.В.* Наименование праздников в православном социолекте // Известия Уральского государственного университета. — 2007. — № 53. — С. 84—92 [Электронный ресурс]. URL: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0053\(01_142007\)&xsl=showArticle.xslt&id=a11&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0053(01_142007)&xsl=showArticle.xslt&id=a11&doc=../content.jsp) (дата обращения: 22.03.10).
285. *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. — М.: Учпедгиз, 1959. — 623 с.
286. *Буянов М.И.* Системные психоневрологические расстройства у детей и подростков: (Руководство для врачей и логопедов). — М.: Изд-во Рос. о-ва медиков-литераторов, 1995. — 192 с.
287. *Быкова О.И.* Прагматический аспект взаимодействия суперструктуры и лексической структуры художественного текста // Коммуникативные и

- прагматические компоненты в лингвистическом исследовании: сб. ст. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1995. — С. 7—11.
288. *Быкова О.И.* Этноконнотация как вид культурной коннотации: (на материале номинативных единиц немецкого языка). — Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. — 277 с.
289. *Васенко И.С.* Динамика женского имени г. Барнаула в XX в. // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы междунар. науч. конф. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005.
290. *Васильева-Шведе О.К., Степанов Г.В.* Теоретическая грамматика испанского языка: (морфология и синтаксис частей речи). — М.: Высш. шк., 1972. — 342 с.
291. *Вахрушева Л.В.* О границах прозвища при официальном и неофициальном именовании // Вопросы грамматической асимметрии. — Ташкент, 1989. — С. 104—108.
292. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / под ред. и с послесл. Акад. Ю.С. Степанова. — М.: Индрик, 2005. — 1040 с.
293. *Вершинина Т.С.* Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2002. — 24 с.
294. *Веселова Н.А.* Заглавие-антропоним и понимание художественного текста // Литературный текст: проблемы и методы исследования. — Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 1994. — С. 153—157.
295. *Виноградов В.В.* Русский язык: грамматическое учение о слове. — М.: Русский язык, 2001. — 720 с.
296. *Виноградов В.С.* О некоторых особенностях языковой ситуации и языковой политики в современной Испании // Филологические науки. — 1986. — № 2. — С. 41—47.
297. *Виноградова Н.В.* Имя персонажа в художественном тексте: функционально-семантическая типология: дис. ... канд. филол. наук. — Тверь, 2001. — 213 с.
298. *Воронова И.Б.* Textoобразующая функция литературных имен собственных: На материале эпических произведений XIX — XX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2000. — 24 с.
299. *Гайдук И.В.* Особенности функционирования антропонимов в английской и американской прессе: дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2001. — 235 с.
300. *Гак В.Г.* Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) // Филологические науки. — 1997. — № 5. — С. 55—65.
301. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Едиториал УРСС, 2005. — 144 с.
302. *Ганжина И.М.* Словарь современных русских фамилий. — М.: АСТ АСТРЕЛЬ, 2001. — 673 с.
303. *Гарбовская Н.Б.* Прозвище как номинация политика в газетном тексте // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20-23 сент. 2005г. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. — С. 210—212.
304. *Гельгардт Р.Р., Расторгуев В.Н.* Методический аспект в изучении предметной области научного познания и статус современной филологии // Язык и речь как

- объекты комплексного филологического исследования. — Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1981. — С. 8—9.
305. *Голев Н.Д.* Мотивационные типы ономастических образований в художественной литературе и публицистике // Номинация в ономастике: (сб. науч. тр.). — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. — С. 51—60.
306. *Гридина Т.А.* Ментальные ориентиры ономастической игры в малых фольклорных жанрах. [Электронный ресурс]. URL: http://virlib.eunnet.net/proceedings/N20_01/win/41/html (дата обращения: 02.04.10).
307. *Гридина Т.А.* Интерпретационное поле ономастической игры // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20-23 сент. 2005г. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. — С. 37—40.
308. *Гришаева Л.И., Цурикова Л.В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие. — 2-е изд., доп. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. — 424 с.
309. *Гришаева Л.И.* Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) // Феномен прецедентности и преемственности культур / под общ. ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, В.Т. Титова. — Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. — С. 15—46.
310. *Гудков Д.Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. — М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1999. — 263 с.
311. *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. — М.: Гнозис, 2003. — 286 с.
312. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. В 3 томах. — Москва: Русская книга, 1993. — Т.1 — 640 с., Т.2 — 704 с., Т.3 — 736 с.
313. *Даль В.И.* Толковый словарь. — М., 1955.
314. *Данилина Е.Ф.* Категория ласкательности в личных именах и вопрос о так называемых “сокращенных” формах имен в русском языке // Ономастика. — М.: Наука, 1969. — С. 157—165.
315. *Демьянков В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 17—33.
316. *Джанджакова Е.В.* О поэтике заглавий // Лингвистика и поэтика. — М.: Наука, 1979. — С. 207—214.
317. *Душечкина Е.В.* Культурная история имени: Светлана // Имя: Семантическая аура / отв. ред. Т.М. Николаева. — М.: Языки славянских культур, 2007. — С. 323—360.
318. *Дымарский М.Я.* Прецедентность и художественность // Феномен прецедентности и преемственности культур / под общ. ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, В.Т. Титова. — Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. — С. 51—62.
319. *Ельцова Л.Ф.* К вопросу о коммуникативном потенциале производного термина (на примере клинической терминологии) // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. Сб. в честь Е.С. Кубряковой. — М.: Языки славянских культур, 2009. — С. 641—651.
320. *Ермаченко М.Н.* К общей теории имени собственного // Учен. Зап. Моск. гос. пед. ин-та им. М.Тореза. — 1970. — Т. 55. — С. 24—36.
321. *Ермолович Д.И.* Имена собственные на стыке языков и культур. — М.: Р.Валент, 2001. — 200 с.
322. *Живоглядов А.А.* Семантико-стилистический потенциал английской ономастики: дис. ... канд. филол. наук. — М., 1986. — 197 с.
323. *Журбина Г.П., Мелькумянц Н.В.* Типологические особенности прозвищ // Речевая деятельность. Текст: межвуз. сб. науч. тр. — Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2002. — С. 68—72.

324. *Зайцева К.Б.* Английская стилистическая ономастика. — Одесса: Б.и., 1973. — 67 с.
325. *Запольская Н.Н.* Рефлексия над именами собственными в пространстве и времени культуры // *Имя: Семантическая аура* / отв. ред. Т.М. Николаева. — М.: Языки славянских культур, 2007. — С. 113—150.
326. *Захаренко И.В.* Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте // *Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации.* — М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1997. — С. 92—99.
327. *Земская Е.А.* Словообразование // *Современный русский язык* / под ред. В.А. Белошапковой. — М.: Высш. шк., 1981. — С. 133—239.
328. *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. — М.: Наука, 1992. — 221 с.
329. *Земская Е.А., Кубрякова Е.С.* Проблема словообразования на современном этапе: (в связи с XII Международным конгрессом лингвистов) // *Вопросы языкознания.* — 1978. — № 6. — С. 113—123.
330. *Зинин С.И.* Парадигматика и синтагматика собственных имен в художественном тексте // *Структура и функционирование единиц русского языка: сб. науч. тр.* — Ташкент: ТашГУ, 1986. — С. 108—112.
331. *Зорина О.В.* Роль английских имен собственных в создании комического эффекта в художественном произведении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006. — 29 с.
332. *Зубкова Л.И.* Русское имя второй половины XX века в лингвокультурологическом аспекте (по произведениям Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина). — Воронеж, ИПЦ ВГУ, 2008. — 411 с.
333. *Испанско-русский словарь: 70.000 слов* / Н.В. Загоровская, Н.Н. Курчаткина, Б.П. Нарумов и др. / под ред. Б.П. Нарумова. — М.: Рус. яз., 1988. — 832 с.
334. *Испанско-русский фразеологический словарь* / Э.И. Левинтова, Е.Н. Вольф, Н.А. Мовшович, И.А. Будницкая и др. / под ред. Э.И. Левинтовой. — М.: Русский язык, 1985. — 1080 с.
335. *Итальянско-русский фразеологический словарь* / Т.З. Черданцева, Я.И. Рецкер, Г.Ф. Зорько. — М.: Русский язык, 1982. — 1056 с.
336. *Йоргсен Дж., Пфаллер М.А.* Микробиологический справочник для клиницистов. — М.: Мир, 2006. — 248 с.
337. *Какзанова Е.М.* Лингвокогнитивные и культурологические особенности научно-математического дискурса; Рос. Акад. Наук, ин-т языкознания. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2009. — 162 с.
338. *Калакуцкая Л.П.* Склонение собственных имен (фамилий) в отношении к норме // *Ономастика и норма.* — М.: Наука, 1976. — С. 116—139.
339. *Калакуцкая Л.П.* Склонение фамилий и личных имен в русском литературном языке. — М.: Наука, 1984. — 224 с.
340. *Калинкин В.М.* Поэтика онима. — Донецк: Юго-Восток, 1999. — 408 с.
341. *Карасик В.И.* Языковые ключи. — Волгоград: Парадигма, 2007. — 520 с.
342. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 264 с.
343. *Карпенко М.В.* Русская антропонимика: Конспект лекций спецкурса. — Одесса: Изд-во Одесск. ун-та, 1970. — 42 с.
344. *Карпенко Ю.А.* Имя собственное в художественной литературе // *Филологические науки.* — 1986. — № 4. — С. 34—40.
345. *Карпенко Ю.А.* Специфика ономастики // *Русская ономастика: сб. науч. тр.* — Одесса: ОГУ, 1984. — С. 3—16.

346. *Кашкин В.Б.* Функциональная типология (неопределенный артикль). — Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2001. — 255 с.
347. *Кашкин В.Б., Пейхенен С.* Так что же в имени... (Асимметричный дуализм личного имени). [Электронный ресурс]. URL: [http:// commbehavior.narod.ru/RusFin/RusFin2001/KashkinePoyhonen.htm](http://commbehavior.narod.ru/RusFin/RusFin2001/KashkinePoyhonen.htm) (дата обращения: 23.03.10).
348. *Климкова Л.А.* Региональная ономастика (Микротопонимия Арзамас. р-на Горьков. обл.): Учеб. пособие к спецкурсу. — Горький: ГГПИ, 1985. — 96 с.
349. *Климова М.В.* Структура переходного типа между именами нарицательными и именами собственными в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. — Елец, 2003. — 196 с.
350. *Клюева Н.П.* Система номинации персонажа // Вопросы изучения русского языка: сб. науч. тр. — Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та, 1994. — С. 192—200.
351. *Ковалёв Г.Ф.* Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях (Русская литература) // Библиография ономастики русской литературы. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006. — С. 3—21.
352. *Ковалёв Г.Ф.* Направления исследований имен собственных в художественных произведениях // Материалы по русско-славянскому языкознанию: междунар. сб. науч. тр. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2007. — С. 283—289.
353. *Ковалёв Г.Ф.* Ономастические этюды. Писатель и имя: монография. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. — 275 с.
354. *Ковалёв Г.Ф.* Писатель. Имя. Текст. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. — 340 с.
355. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захарченко, Д.В. Багаев // Вестник Моск. гос. ун-та. — Сер. 9, Филология. — 1997. — № 3. — С. 62—75.
356. *Кожин А.А.* Экспрессивный потенциал имени в текстах художественной прозы второй половины XIX века: монография. — М.: Изд-во РУДН, 2003. — 355 с.
357. *Кожина Н.А.* Способы выражения экспрессии в заглавиях художественных текстов // Проблемы экспрессивной стилистики. — Ростов: Изд-во Ростов. ун-та, 1987. — С. 111—116.
358. *Колпакова Г.В.* Синонимия в лексикографии // Сопоставительная филология и полилингвизм: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Аминовой, Н.А. Андрамоновой. — Казань: Казан. гос. ун-т, 2003. — С. 95—101.
359. *Корнева В.В.* Лингвистические особенности испанского делового письма (на примере обращения) // Преподавание иностранных языков: проблемы, поиски, решения. — Воронеж, 2005. — С. 64—69.
360. *Корнева В.В.* Фактор адресата и выбор номинативных стратегий // Язык и дискурс в статике и динамике: мат-лы междунар. науч. конф. — Минск: МГЛУ, 2008. — С. 247—248.
361. *Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность?: (Человек. Сознание. Коммуникация). — М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1998. — 352 с.
362. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. — 284 с.
363. *Кривенко Б.В.* Язык и массовая коммуникация. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1993. — 137 с.
364. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. — М.: Рус. яз., 1998. — 848 с.
365. *Кубрякова Е.С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 34—47.

366. *Кубрякова Е.С.* Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия РАН. — Серия литературы и языка. — 1994. — Т. 53, № 2. — С. 3—15.
367. *Кубрякова Е.С.* Предисловие // Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии / Новодранова В.Ф.; Рос. академия наук; Ин-т языкознания МГМСУ. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 328 с.
368. *Кудрявцева Л.А.* Метафорическое преобразование слова в современном русском языке // Филологические науки. — 1988. — № 5. — С. 62—66.
369. *Кухаренко В.А.* Интерпретация текста: учебное пособие для пед. ин-тов. — 2-е изд., перераб. — М.: Просвещение, 1988. — 192 с.
370. *Лаенко Л.В.* Пословица есть прецедентное высказывание? // Феномен прецедентности и преемственность культур. Феномен прецедентности и преемственности культур / под общ. ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, В.Т. Титова. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. — С. 120—126.
371. *Ларионова М.В.* О роли метафоры в языке прессы (на материале испанского языка) // V Степановские чтения: Язык в современном мире: на материале романогерманских и восточных языков: материалы докладов и сообщений междунар. конф. — М.: РУДН, 2005. — С. 266—272.
372. *Левковская К.А.* Теория слова, принципы ее повторения и аспекты изучения лексического материала. — М.: Высш. шк., 1962. — 295 с.
373. *Лейчик В.М.* Люди и слова: Как рождаются и живут слова в русском языке / отв. ред. Г.В. Степанов. — изд. 2-е, испр. и доп. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009. — 211 с.
374. *Лейчик В.М.* Онтологические, когнитивные и прагматические аспекты политического термина // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. в честь Е.С. Кубряковой. — М.: Языки славянских культур, 2009. — С. 651—658.
375. *Лейчик В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. — изд. 3-е. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 254 с.
376. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — 685 с.
377. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — 2-е изд., доп. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. — 709 с.
378. *Лисовый И.А.* Античный мир в терминах, именах и названиях: словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима. — 3-е изд. — Мн.: Изд-во Беларусь, 2001. — 253 с.
379. Литература и культура Древней Руси / под ред. Г.А. Обернихиной. — Русское слово — РС, 2006. — 464 с.
380. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. — М.: Сов. энциклопедия, 1987. — 750 с.
381. *Лопатин В.В.* Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. — Учен. зап. Ташкент. ун-та. — 1975. — Т. 143. — С. 53—57.
382. *Лопатина К.В.* Антропонимический мир романа К.Х. Селы «Улей»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2008. — 23 с.
383. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров: Человек — Текст — Семиосфера — История. — М.: Языки рус. культуры, 1996. — 447 с.
384. *Лотман Ю.М.* О разграничении лингвистического и литературоведческого понятия структуры // Вопросы языкознания. — 1963. — № 3. — С. 44—52.

385. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. — М.: Искусство, 1970. — 384 с.
386. *Лыков А.Г.* Русское личное имя собственное // Филологические науки. — 1999. — № 1. — С. 13—21.
387. *Магазаник Э.Б., Ройзензон Л.И.* Поэтическая ономастика и фонетическая экспрессия: к инструментовке собственных имен в русской художественной литературе // Труды Самаркандского гос. ун-та. — Новая серия. Вопросы ономастики. — Самарканд, 1971. — Вып. 214. — С. 60—72.
388. *Макарова С.Я.* Значение и функция имени собственного, употребляемого во множественном числе // Лексика и словообразование русского языка. — Рязань, 1982. — С. 56—60.
389. *Макарова Т.Г.* К специфике ономастической номинации // Семантические аспекты языка. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. — С. 4—18.
390. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. — Т. XVII.
391. *Мацумото Сейтё.* Стена глаз. — М.: «Центрполиграф», 1993. — 448 с.
392. *Мед Н.Г.* Гендерные стереотипы в оценочных номинациях (на материале русской разговорной речи) // Вопросы иберо-романского языкознания. — Вып. 7. — М.: МГУ, 2005. — С.163—176.
393. *Мед Н.Г.* Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии. — С.-Пб.: Изд-во СПбГУ, 2007. — 235 с.
394. Международная классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем. Десятый пересмотр: в 3 т. / ВОЗ. — Женева: Изд-во Медицина, 2003. — 2258 с.
395. *Мельникова Т.Н.* Функциональная парадигма английского имени собственного // Парадигматические отношения в синхронии и диахронии. — Екатеринбург, 1992. — С. 31—37.
396. *Меркулова Н.В.* Французская эстетическая ономастика и ее функции в художественном тексте и интертексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2005. — 26 с.
397. *Михайлов В.Н.* Роль ономастической лексики в структурно-семантической организации художественного текста // Русская ономастика: сб. науч. тр. — Одесса: ОГУ, 1984. — С. 101—109.
398. *Михайлов В.Н.* Собственные имена как стилистическая категория в русской литературе. — Луцк, 1965. — 56 с.
399. *Михайлов В.Н.* Специфика собственных имен в художественном тексте // Филологические науки. — 1987. — № 6. — С. 78—82.
400. *Михайлов В.Н.* Экспрессивные свойства и функции собственных имен в русской литературе // Филологические науки. — 1966. — № 2. — С. 55—66.
401. *Моммзен Т.* История Рима. — СПб.: Лениздат, 1993. — 269 с.
402. *Морошкин М.Я.* Славянский именовслов, или Собрание славянских имен в алфавитном порядке. — СПб.: Изд-во Санктпетербургъ, 1867. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bolesmir.ru/index.php?content=text&name=o370> (дата обращения: 02.04.10).
403. *Мурысов Р.З.* Антропонимы в словообразовательной системе языка // Вопросы языкознания. — 1982. — № 3. — С. 62—72.
404. *Мурысов Р.З.* К теории парадигматики в лингвистике // Вопросы языкознания. — 1980. — № 6. — С. 109—121.
405. *Нахимова Е.А.* О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика. Бюллетень уральского лингвистического общества. — Вып. 13. — Екатеринбург, 2004. — С. 166—174.

406. *Нахимова Е.А.* Прецедентное имя Наполеон в отечественных СМИ // Политическая лингвистика. — Вып. 23. — Екатеринбург, 2007 [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. — URL: [http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling23/ling_3\(23\)2007_nahimova.pdf](http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling23/ling_3(23)2007_nahimova.pdf) (дата обращения: 12.03.10).
407. *Нахимова Е.А.* Прецедентные имена, восходящие к текстам Н.В. Гоголя // Политическая лингвистика. — Вып. 23. — Екатеринбург, 2007. — С. 143—148.
408. *Нестерова Т.В.* Прагматика обращений-антропонимов // Русский язык за рубежом. — 2001. — № 4. — С. 16—20.
409. *Никитин М.В.* О семантике метафоры // Вопросы языкознания. — 1979. — № 1. — С. 91—102.
410. *Николаева Т.М.* К вопросу о назывании и самоназывании в русском речевом общении // Страноведение и преподавание русского языка иностранцам. — М.: Изд-во МГУ, 1972. — С. 139—145.
411. *Николаева Т.М.* Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. — VIII. — М.: Прогресс, 1978. — 480 с.
412. *Никонов В.А.* Вступление // Антропонимика. — М.: Наука, 1970. — С. 4—5.
413. *Никонов В.А.* Имя и общество. — М.: Гл. ред. восточ. лит-ры изд-ва «Наука», 1974. — 278 с.
414. *Никонов В.А.* Ищем имя. — М.: Сов. Россия, 1988. — 125 с.
415. *Никонов В.А.* Русская адаптация иноязычных имен // Ономастика. — М.: Наука, 1969. — С. 54—78.
416. *Никулина З.П.* О некоторых факторах, влияющих на выбор прозвища // Вопросы ономастики (Собственные имена в системе языка). — Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1980. — С. 116—121.
417. *Новиков Л.А.* Художественный текст и его анализ. — М.: Рус. яз., 1988. — 304 с.
418. *Новодранова В.Ф.* Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. *Laterculi vocum Lainarium et territorium.* — Рос. академия наук; Ин-т языкознания МГМСУ. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 328 с.
419. О канонизации / Доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия на освященном поместном соборе Русской Православной Церкви, посвященный 1000 летию крещения Руси. Троице-Сергиева Лавра. — 1988 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.orthodox.spbu.ru/kanoniza.htm> (дата обращения: 04.03.10).
420. *Оболенская Ю.Л.* Роль испанских антропонимов в национальной картине мира: социо-культурные аспекты // Актуальные проблемы современной иберороманистики. — Вып. 4. — М.: МГУ, 2007. — С. 216—226.
421. *Оболенская Ю.Л.* Роль испанских антропонимов в национальной картине мира: социо-культурные аспекты // Актуальные проблемы современной иберороманистики: тезисы конференции: март 2006 г. — М.: Моск. гос. ун-т, 2006. — С. 46—48.
422. *Одинокова В.И.* К вопросу семантики имени собственного // Вестн. Харьковского ун-та. Иностранные языки. — 1986. — Вып. 10, № 159. — С. 78—81.
423. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. — М.: Советская энциклопедия, 1964.
424. Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы междунар. науч. конфер. — Екатеринбург, Уральский университет, 2005.
425. *Отин Е.С.* «Все менты — мои кенты». — М.: Элпис, 2006. — 384 с.
426. *Отин Е.С.* Материалы к коннотативному словарю русских онимов // Номинация в ономастике: сб. науч. тр. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. — С. 41—51.

427. *Отин Е.С.* Словарь коннотативных собственных имен. — Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2004. — 412 с.
428. *Отин Е.С.* Словарь коннотативных собственных имен. — М.: А Темп, 2006. — 435 с.
429. *Парамонова И.П.* Об артикле при именах собственных в устно-разговорной речи // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. Герцена. — 1968. — Т. 316. — С. 126—135.
430. *Пеньковский А.Б.* Русские личные именованья, построенные по двухкомпонентной модели “имя + отчество” // Ономастика и норма. — М.: Наука, 1976. — С. 79—107.
431. *Перес Гальдос Б.* Донья Перфекта / пер. С. Вафа и А. Старостина. // БВЛ.; серия вторая. — Т. 65. — М.: Художественная литература, 1976. — С. 217—384.
432. *Петров В.И.* Русско-испанский медицинский словарь-разговорник / В.И. Петров, В.С. Чупятова, А.О. Кувалдин, К. Гарсия Мелендо, У. Вальдес Тергас, М. Пастенес. — М.: Рус. яз., 1989. — 651 с.
433. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. — М.: Наука, 1978. — 198 с.
434. *Покровская Е.В.* Роль метафоры в современном российском политическом тексте // Функциональные исследования. — М., 1997. — Вып. 4. — С. 145—148.
435. *Попов О.В.* Форманты языковой личности писателя-новатора (на материале творчества Камило Хосе Селы): дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 1994. — 214 с.
436. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Язык и национальная картина мира. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. — 60 с.
437. *Поротников П.Т.* Групповые и индивидуальные прозвища в говорах Талицкого района Свердловской области // Антропонимика. — М.: Наука, 1970. — С. 150—154.
438. *Почепцов Г.Г.* Прагматика текста // Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единиц: сб. межвуз. науч. трудов. — Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1980. — С. 9—18.
439. *Пузырев А.В.* Виды мотивированности поэтических собственных имен // Лексика русского языка: респ. сб. — Рязань: Рязан. ГПИ, 1979. — С. 43—50.
440. *Рассел Б.* Человеческое познание. — М., 1957.
441. *Реформатский А.А.* Введение в языкознание: учебник для вузов / под ред. В.А. Виноградова. — М.: Аспект Пресс, 2002. — 536 с.
442. *Родионова И.В.* Апеллятивная лексика антропонимического происхождения: аспекты и перспективы изучения // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20-23 сент. 2005г. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. — С. 258—260.
443. *Родионова И.В.* Дериваты библейских антропонимов в народной языковой традиции (словарные материалы) // Вопросы ономастики. — Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 2004. — № 1. — С. 121—143.
444. *Розенталь Д.Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. — М.: Просвещение, 1976. — 543 с.
445. *Руденко Д.И.* Имя в парадигмах “философии языка”. — Харьков: Основа, 1990. — 299 с.
446. *Руденко Д.Н.* Собственные имена в контексте современных теорий референции // Вопросы языкознания. — 1988. — № 3. — С. 55—67.
447. *Рум А.Р.У.* Великобритания: Лингвистический словарь. — М.: Рус. яз., 1999. — 560 с.

448. Рылов Ю.А. Антропонимический код в художественном дискурсе // Актуальные проблемы романистики: мат-лы междунар. конфер. — Вып. 1. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2009. — С. 480—486.
449. Рылов Ю.А. Антропонимия как явление языка и культуры // Вопросы иберо-романской филологии: сб. статей. — Вып. 7 (юбилейный): Посвящается 80-летию профессора В.С. Виноградова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. — С. 183—190.
450. Рылов Ю.А. Антропонимы в различных типах дискурса // Актуальные проблемы романо-германских и восточных языков. VII Степановские чтения: материалы докладов и сообщений международной конференции (21—22 апреля 2009 г.). — М.: РУДН, 2009. — С. 24—27.
451. Рылов Ю.А. Антропонимы как часть языковой картины мира // Эссе о социальной власти языка / под ред. Л.И. Гришаевой. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. — С. 180—187.
452. Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. — 272 с.
453. Рылов Ю.А. Имена собственные в индоевропейских языках. Романская и русская антропонимика: монография. — М.: “Восток-Запад”, 2006. — 314 с.
454. Рылов Ю.А. К проблеме семантики антропонимов // Иберо-романистика в современном мире: материалы конференции. — М.: МГУ, 2008. — С. 84—94.
455. Рылов Ю.А. О национально-культурной специфике функционирования антропонимов. На материале испанского языка // Коммуникативные и прагматические компоненты в лингвистическом исследовании: Сб. статей. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1995. — С. 56—61.
456. Рылов Ю.А. Очерки романской антропонимии. — Воронеж: Центр-Чернозем. кн. изд-во, 2000. — 163 с.
457. Рылов Ю.А. Парадоксы антропонимии // Актуальные проблемы современной иберо-романистики. Сборник статей. — Вып. 4. — М., 2007. — С. 70—77.
458. Рылов Ю.А. Языковая личность и имя собственное // Материалы Всероссийской научной конференции «Языковая личность как предмет теоретической и прикладной лингвистики» 18-20 марта 2004 г. / под ред. М.Ф. Чикуровой. — Тула: Изд-во ТулГУ, 2004. — С. 229—236.
459. Рылов Ю.А., Смирнова Г.М. Имя и общество (на материале русского и итальянского именников) // Известия Тульского госуниверситета. — Серия Филологические науки. — 2003. — № 3.
460. Самсуев Р.П., Гончаров Н.И. Эпонимы в морфологии. — М.: Медицина, 1989. — 352 с.
461. Санчурский Н.В. Римские древности. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. — 206 с.
462. Седакова И.А. Новая прагматика архаичных моделей: Имена неоязычников // Имя: Семантическая аура. — М., 2007. — С. 166—188.
463. Села К.Х. Семья Паскуаля Дуарте. Улей / пер. Е. Лысенко. — М.: Прогресс, 1970. — 428 с.
464. Сергеева Г.Г. Национально-прецедентные имена в восприятии подростков // Вестн. Воронеж. гос. ун-та, 2003. — № 2. — сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — С. 26—33.
465. Силаева Г.А. Антропонимия художественных произведений Л.Н. Толстого: учебное пособие к спецкурсу. — Рязань: Рязан. пед. ин-т, 1986. — 76 с.
466. Силина Г.Я. Фамилия и прозвище // Ономастика. — М.: Наука, 1969. — С. 27—34.
467. Симеонова С. Словарь испанской разговорной речи. — М.: УРСС, 2001. — 231 с.
468. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка. — СПб.: Наука, 1993. — 159 с.

469. *Склярёнка А.М.* К вопросу об употреблении определенного артикля с собственными именами // Исследования по общему и сопоставительному языкознанию: учен. зап. Тартус. гос. ун-та. — Вып. 736. — Tartu: Linguistica, 1986. — С. 130—138.
470. *Скрозникова В.А.* Испанцы и испаноязычные народы // Системы личных имен у народов мира. — М.: Наука, 1986. — С. 138—139.
471. *Словарь античности* / пер. с нем. / под ред. В.И. Кузищева. — М.: Прогресс, 1989. — 704 с.
472. *Словарь современного русского литературного языка* в 20 томах. — т. IV. — М., 1993.
473. *Словарь христианского искусства* / под ред. Дианы Апостолос-Каппадона. — Изд. Урал LTD, 2000. — 266 с.
474. *Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М.: Academia, 2000. — 128 с.
475. *Смирнова А.И.* Имена в художественном мире В.П. Астафьева // Ономастика Поволжья: тезисы докладов международной конференции. — Волгоград: Перемена, 2002. — С. 76—79.
476. *Смольников С.Н.* Антропонимия в системе модальных отношений // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20-23 сент. 2005г. — Екатеринбург: Уральский университет, 2005.
477. *Солганик Г.Я.* Стилистика текста: учеб. пособие. — 4-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2002. — 256 с.
478. *Сорокина Т.С.* История медицины: учеб. для студентов вузов. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательский центр: «Академия», 2008. — 560 с.
479. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. — М.: Логос, 1999. — 296 с.
480. *Старостин Б.А.* Некоторые методологические проблемы теории собственных имен // Имя нарицательное и собственное. — М.: Наука, 1978. — С. 34—42.
481. *Степанов Ю.С.* От имени лица к имени вещи — стержневая линия романской лексики // Общее и романское языкознание: сб. ст. — М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1972. — С. 107—118.
482. *Сударь Г.С.* Топоним в составе испанской фразеологии // Актуальные проблемы современной иберо-романистики. Лингвистика. Литературоведение. Культурология. — М., Гнозис, 2004.
483. *Суперанская А.В.* Аpellятив — Онома // Имя нарицательное и собственное. — М.: Наука, 1978. — С. 5—33.
484. *Суперанская А.В.* Имя через века и страны. — М.: Наука, 1990. — 245 с.
485. *Суперанская А.В.* Личные имена в официальном и неофициальном употреблении // Антропонимика: сб. ст. — М.: Наука, 1970. — С. 180—189.
486. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. — М.: Наука, 1973. — 366 с.
487. *Суперанская А.В.* Словарь русских личных имен. — М.: ЭКСМО, 2003. — 544 с.
488. *Суперанская А.В.* Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен // Антропонимика. — М.: Наука, 1970. — С. 5—17.
489. *Суперанская А.В., Сулова А.В.* “Нестандартные” русские фамилии // Ономастика и норма. — М.: Наука, 1976. — С. 59—71.
490. *Суперанская А.В.* Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская, В.Э. Сталтмане, Н.В. Подольская, А.Х. Султанов. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. — 256 с.
491. *Супрун А.Е.* Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. — 1995. — № 6. — С. 17—29.

492. *Супрун В.И.* Ономастическая синтагматика и парадигматика художественного текста (на материале рассказа В.М. Шукшина «Даешь сердце») // Шукшинские чтения: Материалы научной конференции, посвященной памяти В.М. Шукшина. — Волгоград: Перемена, 1998. — С. 31—36.
493. *Супрун В.И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография. — Волгоград: Перемена, 2000. — 171 с.
494. *Суркова Т.И.* Псевдонимы как особый тип антропонимов // Русская ономастика: республиканский сборник. — Рязань, 1977. — С. 91—100.
495. *Татаринов В.А.* Общее терминоведение: энциклопед. слов. — Рос. терминолог. о-во «РоссТерм». — М.: Моск. лицей, 2006. — 528 с.
496. *Телия В.Н.* Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: Виды наименований. — М.: Наука, 1977. — С. 129—131.
497. *Телия В.Н.* Номинация // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 336—337.
498. *Тертерян И.А.* Современный испанский роман. — 2-е изд., доп. — М.: Худож. лит., 1989. — 367 с.
499. *Тихонов А.Н.* Словарь русских личных имен. / А.Н. Тихонов, Л.З. Бояринова, А.Г. Рыжкова. — М.: Школа-Пресс, 1995. — 736 с.
500. *Торчинов Е.А.* Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. — 544 с.
501. *Тодорова Н.Ю.* К вопросу о системном анализе литературных антропонимов. — Деп. В ИНИОН АН № 35643 от 17.06.1988. — Донецк: Донецкий политех. ин-т, 1988. — 12 с.
502. *Толстая С.М.* К понятиям апеллятивизации и онимизации // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20-23 сент. 2005 г. — Екатеринбург, Уральский университет, 2005. — С. 24—27.
503. *Топоров В.Н.* «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения. — М.: РГГУ, 1995. — 512 с.
504. *Трипольская Т.А.* Эмотивно-оценочная картина мира: признаки, функции, пути исследования // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике: Межвузовский сборник научных трудов. — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. — С. 13—33.
505. *Тургенев И.С.* Гамлет и Дон-Кихот / Речь, произнесенная 10 янв. 1860 на публичном чтении в пользу О-ва для вспомоществ. нужд. литераторам и ученым. — СПб.: Современник, 1860. — I (перепеч. в «Собр. сочин.». — т. X. — СПб., 1911).
506. *Ульянова Н.П., Гибало Е.Н.* О прагматическом аспекте лексической контаминации // Коммуникативные и прагматические компоненты в лингвистическом исследовании: сб. ст. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1995. — С. 92—96.
507. *Унамуну М. де.* Туман (на испанском языке). — М.: Цитадель, 2001. — 240 с.
508. *Унбегаун Б.* Русские фамилии. — М.: Прогресс, 1995. — 446 с.
509. *Урысон Е.В.* Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 224 с.
510. *Успенский Б.А.* Поэтика композиции. — СПб.: Азбука, 2000. — 352 с.
511. *Успенский Б.А.* Социальная жизнь русских фамилий (вместо послесловия) / Унбегаун Б. Русские фамилии / пер. с англ. — изд. 2-е, испр. — М.: Прогресс, 1995. — С. 336—364.

512. *Уфимцева А.А.* Слово в лексико-семантической системе языка. — М.: Наука, 1968. — 272 с.
513. *Уфимцева А.А.* Типы словесных знаков. — М.: Наука, 1974. — 206 с.
514. *Ушаков Н.Н.* Прозвища и личные неофициальные имена (к вопросу о границах прозвища) // *Имя нарицательное и собственное.* — М.: Наука, 1978. — С. 146—179.
515. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. — М.: Прогресс, 1986. — т. 2. — 672 с. — т.4 — 864 с.
516. *Фененко Н.А.* Язык реалий и реалии языка. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. — 140 с.
517. *Фирсова Н.М.* Испанский речевой этикет. — М.: Инфра-М, 2000. — 183 с.
518. *Флоренский П.А.* Имена. Метафизика имен в историческом освещении // *Сочинения: в 4 т.* — Т. 3 (2). — М., 1999.
519. *Флоренский П.А.* Малое собрание сочинений. — Вып.: Имена. — М.: Наука, 1993. — 316 с.
520. *Фомин А.А.* Имя как прием: реминисцентный оним в художественном тексте // *Известия Уральского государственного университета.* — 2003. — № 28. — С. 167—181.
521. *Фонякова О.И.* Имя собственное в художественном тексте. — Л.: ЛГУ, 1990. — 104 с.
522. *Фонякова О.И.* О системном анализе имен собственных в художественном тексте // *Проблемы комплексного анализа языка и речи. Межвузовский сборник.* — Л.: ЛГУ, 1982. — С. 83—89.
523. *Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII — XX вв.* / под ред. А.И. Федорова. — М.: Топикал, 1995. — 608 с.
524. *Ходасевич В.* Державин. — М.: «Книга», 1988. — 384 с.
525. *Хриненко Ю.Н.* К вопросу о значении имени собственного (на материале англ. личных имен) // *Семантические аспекты языка.* — Л.: Наука, 1981. — С. 10—14.
526. *Цурикова Л.В.* Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. — Воронеж: Воронеж. гос. университет, 2002. — 257 с.
527. *Чернухина И.Я.* Очерк стилистики художественного прозаического текста (Факторы текстообразования). — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. — 208 с.
528. *Чернухина И.Я.* Элементы организации художественного прозаического текста. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. — 115 с.
529. *Чернявская В.Е.* Лингвистика текста: Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 248 с.
530. *Чернявский М.Н.* Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии // *Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3 т.* — М.: Советская Энциклопедия, 1984. — Т. 3. — С. 410—425.
531. *Чесноков П.В.* Слово и соответствующая ему единица мышления. — М.: Просвещение, 1967. — 192 с.
532. *Чеснокова Л.Д.* Имена числительные и имена собственные // *Филологические науки.* — 1996. — № 1. — С. 104—106.
533. *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. — М., 1974. — Т. 1. — С. 24.
534. *Чичина М.О.* Сопоставительный анализ антропонимов-обращений в русском и испанском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1995. — 18 с.
535. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. — 238 с.

536. *Шанский Н.М.* Лексическая деривация в русском языке // Русский язык в школе. — 1977. — № 3. — С. 9—14.
537. *Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. — 310 с.
538. *Шварцкопф Б.С.* О социальных и эстетических оценках личных имен // Ономастика и норма. — М.: Наука, 1976. — С. 47—59.
539. *Швейцер А.Д.* Проблемы контрастивной стилистики: к сопоставительному анализу функциональных стилей // Вопросы языкознания. — 1991. — № 4. — С. 31—45.
540. *Шеминова Н.В.* Особенности функционирования антропонимов в современной испанской прессе: дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2006. — 220 с.
541. *Шестак Л.Д.* Основные противоречия номинативного процесса современного русского языка // Вестн. Львов. ун-та. — 1985. — Вып.16. — С. 8—12.
542. *Широких Е.А.* Особенности реализации семантики английских антропонимов в сочетании с артиклями // Международная научная конференция «Изменяющийся языковой мир». — Пермь, ноябрь 2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://language.psu.ru/bin/view> (дата обращения: 22.03.10).
543. *Ширшов И.А.* Типы словообразовательной мотивированности // Филологические науки. — 1995. — № 1. — С. 41—54.
544. *Шутова Н.М.* Социальный контекст в семантике английских антропонимов и его структура // Вестн. Удмурт. ун-та. — 1993. — Вып. 7. — С. 29—32.
545. *Щетинин Л.М.* О грамматическом значении и синтаксических функциях собственных имен в связном тексте // Филологические науки. — 1983. — № 5. — С. 50—56.
546. *Щетинин Л.М.* Русские имена: Очерки по донск. антропонимии. — 3-е изд., испр. и доп. — Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1978. — 253 с.
547. *Щукин Ю.В.* Греко-латинская терминология внутренних болезней (пропедевтика). Учебное пособие для студентов III курса лечебных факультетов медицинских вузов / Ю.В. Щукин, Е.В. Бекишева, Л.Е. Князькина. — Самара: ООО ИПК «Содружество», ГОУВПО «СамГМУ», 2006. — 121 с.
548. *Якобсон Р.О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. — М.: Наука, 1972. — С. 95—113.
549. *Ярцева В.Н.* Проблема связи языка и общества в современном зарубежном языкознании // Язык и общество. — М.: Наука, 1968. — С. 39—54.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.....	3
ГЛАВА 1. СИСТЕМНЫЕ СВОЙСТВА ИСПАНСКИХ АНТРОПОНИМОВ (Ю.А. Рылов)	5
§ 1. АНТРОПОНИМЫ КАК ОСОБЫЙ КЛАСС СЛОВ: ПАРАДОКСЫ АНТРОПОНИМИИ.....	5
§ 2. ПАРАДОКСЫ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ.....	14
§ 3. КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ, ДЕРИВАЦИОННЫЕ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА АНТРОПОНИМОВ.....	22
§ 4. ОНОМАСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ДРЕВНЕГО РИМА.....	24
§ 5. ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ИСПАНСКОЙ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ.....	26
§ 6. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИСПАНСКИХ ИМЕН.....	33
§ 7. ТИПОЛОГИЯ ИСПАНСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН.....	39
§ 8. ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ.....	46
§ 9. ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИМЕНИ.....	56
§ 10. ФОРМАЛЬНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИСПАНСКОЙ ФАМИЛИИ.....	58
§ 11. НЕКОТОРЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СОЧЕТАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПАНСКИХ АНТРОПОНИМОВ.....	69
§ 12. АНТРОПОНИМЫ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА.....	80
Деантропонимическая лексика.....	80
§ 13. АНТРОПОНИМЫ — ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА.....	85
Прецедентные онимы, фразеологизмы и поговорки с антропонимическим компонентом.....	85
Прецедентные онимы — имена литературных персонажей.....	94
§ 14. АНТРОПОНИМИЧЕСКИЙ КОД В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ.....	100
ГЛАВА 2. ДИСКУРСИВНЫЕ СВОЙСТВА ИСПАНСКИХ АНТРОПОНИМОВ.....	105
§ 1. АНТРОПОНИМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (К.В. Лопатина).....	105
Характерные особенности литературной антропонимии.....	105
Парадигматика и синтагматика антропонимикона в романе К.Х. Селы «Улей».....	117
Прагматика использования антропонимов в романе К.Х. Селы «Улей».....	162
§ 2. АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КАК ОТРАЖЕНИЕ НОМИНАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (В.В. Корнева).....	182
Основные подходы к изучению функционирования антропонимов в художественном дискурсе.....	182
Антропонимические модели номинации персонажей в художественном дискурсе.....	184
Номинативные стратегии в художественном дискурсе.....	213
§ 3. АНТРОПОНИМЫ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ) (Е.В. Варнавская).....	227
Источники онимов в медицинской терминологической лексике испанского языка.....	227
Структурно-семантические особенности испанских эпонимов.....	259
§ 4. АНТРОПОНИМЫ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ (Н.В. Шеминова).....	295
Семиотический потенциал антропонимических единиц в публикациях прессы.....	295
Прагматика интродуктивных и трансформационных моделей имени.....	312
Прецедентное имя в медийном дискурсе.....	316
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	364
ОГЛАВЛЕНИЕ.....	389

